

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т. 8. № 3 2022

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

Основан в мае 2015 г.
Издается четыре раза в год

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Москва
2022

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES

SHAGI

/STEPS

Vol. 8. No. 3 2022

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

Established in May 2015

Issued quarterly

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Moscow
2022

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов (д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; куратор направления «Теоретическая фольклористика»)

Редакция

М. В. Ахметова (канд. филол. наук, зам. главного редактора), *М. И. Байдууж* (зав. редакцией), *М. В. Гаврилова* (канд. филол. наук, секретарь редакции), *Н. П. Гринцер* (д-р филол. наук, куратор направления «Античная культура»), *И. В. Ершова* (д-р филол. наук, куратор направления «Историко-литературные исследования»), *И. А. Женин* (канд. ист. наук, куратор направления «История»), *М. С. Неклюдова* (PhD, куратор направления «Культурология»), *Д. С. Николаев* (канд. филол. наук, координатор редакции), *Д. А. Худяков* (канд. филол. наук, куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание») (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Х. Баран (PhD, Университет Олбани, США), *Н. Б. Вахтин* (д-р филол. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия), *Л. М. Ермакова* (д-р филол. наук, Университет иностранных языков города Кобе, Япония), *А. Л. Зорин* (д-р филол. наук, Оксфордский университет, Великобритания; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. Э. Зуев* (канд. искусствоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. А. Иванов* (д-р ист. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *К. Келли* (PhD, Оксфордский университет, Великобритания), *А. А. Кибрик* (д-р филол. наук, Институт языкознания РАН, Россия), *М. А. Кронгауз* (д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *С. Ловелл* (PhD, Лондонский университет, Кингс Колледж, Великобритания), *В. А. Мау* (д-р эконом. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Ю. Л. Слѣзкин* (PhD, Калифорнийский университет в Беркли, США), *В. Ф. Спиридонов* (д-р психол. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Т. В. Черниговская* (д-р филол. наук, д-р биол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия), *А. Шёнле* (PhD, Бристольский университет, Великобритания)

Научный редактор: *М. В. Ахметова*

Корректор: *Н. В. Сайкина*

Редактор английского текста: *Х. Баран*

Верстка, дизайн: *В. Ф. Лурье*

Веб-сайт: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

Адрес редакции: Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 2, ауд. 129

Тел.: +7 (499) 956-96-47

Журнал включен в следующие базы данных и электронные библиотечные системы: Scopus, Научная электронная библиотека (Elibrary.ru), РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, ЭБС «Лань».

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Авторы

ISSN 2412–9410 (print)

ISSN 2782–1765 (online)

Shagi/Steps. Vol. 8. No. 3. 2022

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Nekliudov (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Theoretical Folklore Studies Section; Russian State University for the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Team

Maria V. Akhmetova (Cand. Sci. (Philology), Deputy Editor-in-Chief), *Mari-na I. Baiduzh* (Editorial Staff Manager), *Irina V. Ershova* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Historical-Literary Section), *Maria V. Gavrilova* (Cand. Sci. (Philology), Secretary), *Nikolai P. Grintser* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Classical Studies Section), *Dmitry A. Khudiakov* (Cand. Sci. (Philology), Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistic Section), *Maria S. Neklyudova* (PhD, Responsible for Cultural Studies Section), *Dmitry S. Nikolaev* (Cand. Sci. (Philology), Editorial Coordinator), *Ilya A. Zhenin* (Cand. Sci. (History), Responsible for Historical Section) (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Board

Henryk Baran (PhD, University at Albany, State University of New York, USA), *Tatiana V. Chernigovskaya* (Dr. Sci. (Philology, Biology), Saint Petersburg State University, Russia), *Liudmila M. Ermakova* (Dr. Sci. (Philology), Kobe City University of Foreign Studies, Japan), *Sergei A. Ivanov* (Dr. Sci. (History), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Catriona Kelly* (PhD, University of Oxford, Great Britain), *Andrei A. Kibrik* (Dr. Sci. (Philology), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia), *Maxim A. Krongauz* (Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Stephen Lovell* (PhD, University of London, King's College, Great Britain), *Vladimir A. Mau* (Dr. Sci. (Economy), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Andreas Schönle* (PhD, University of Bristol, Great Britain), *Yuri Slezkine* (PhD, The University of California, Berkeley, USA), *Vladimir F. Spiridonov* (Dr. Sci. (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Nikolai B. Vakhtin* (Dr. Sci. (Philology), European University at St. Petersburg, Russia), *Andrei L. Zorin* (Dr. Sci. (Philology), University of Oxford, Great Britain; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Sergei E. Zuev* (Cand. Sci. (Art History), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

Academic Editor: *Maria V. Akhmetova*

English Language Editor: *Henryk Baran*

Website: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

Postal address: Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, corpus 2, room 129

Tel.: +7 (499) 956-96-47

Copy Editor: *Natalia V. Saikina*

Layout Editor, Designer: *Vadim F. Lurie*

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

The journal is indexed in Scopus, Russian Science Citation Index, Elibrary.ru, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, E.lanbook.com.

All articles published in the journal have been peer-reviewed.

© The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

© Authors

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	7
------------------	---

СТАТЬИ

История и память в культуре: наука, искусство, медиа

Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова, Е. Э. Чеботарева. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти.....	10
С. Ю. Неклюдов. Воскрешение неандертальца и легенда о «снежном человеке»	25
Е. В. Юшкова. Революционные перформансы Айседоры Дункан в Советской России / СССР	51
С. О. Буранок. Фильм Джона Форда и Грега Толанда «Седьмое декабря»: формирование образа войны	85
Е. Г. Лапина-Кратасюк. Космическое измерение альтернативной истории: популярная наука, мультиплатформенная драматургия и актуальная повестка	100

Язык власти

А. Ю. Сгоннова. Фигуры Давида и Ирода Великого в свете представлений о царской власти в эпоху Второго Храма	119
М. Ю. Биркин. Тираническая власть епископа и социальное пространство: казус Мериды конца VI в.	137
Ю. В. Селезнёв. Выплаты русских князей «во все татарские проторы»	168
А. Л. Лифшиц. Две костромские грамоты XVII в. из собрания библиотеки Московского университета	186
О. Л. Лейбович, А. И. Казанков. Инквизиторская антропология как генератор исторических нарративов советской эпохи.....	198

Слово, понятие, термин в исторической перспективе

Д. А. Изосимов, П. Д. Скоробогатова. Проблемы перевода с египетского языка в переписке между В. С. Голенищевым и А. Х. Гардинером	215
В. С. Кучко. Олово в русской традиционной культуре: историко-лингвистический очерк	241
К. В. Осипова. Рыба в рационе крестьян Русского Севера: этнолингвистический аспект	259
Н. В. Петров, Н. С. Петрова. Варфоломеевская ночь по-советски: история идиомы в 1900–1930-е годы	276
И. В. Фуфаева. Слово как симулякр: случай приятельского обращения <i>старина</i>	304
З. И. Минеева. Феминитивы-2020	321

РЕЦЕНЗИИ

С. Г. Маслинская. Смерть и утопия, или Неизбежный путь к расчеловечиванию «нового человека»	340
---	-----

CONTENTS

EDITORIAL NOTE	9
----------------------	---

ARTICLES

History and memory in culture: Science, art, media

D. S. ARTAMONOV, S. V. TIKHONOVA, & E. E. CHEBOTAREVA. Niche design theory as a tool for media memory research.....	10
S. YU. NEKLIUDOV. The Neanderthal resurrection and the Abominable Snowman legend.....	25
E. V. YUSHKOVA. Isadora Duncan's revolutionary performances in Soviet Russia / USSR	51
S. O. BURANOK. John Ford's and Greg Toland's <i>December 7th</i> : Shaping the image of war	85
E. G. LAPINA-KRATASYUK. The space dimension of alternative history: Popular science, transmedia storytelling, and the contemporary agenda.....	100

Language of power

A. IU. SGONNOVA. The figures of David and Herod the Great in light of the idea of kingly power in the Second Temple Period.....	119
M. YU. BIRKIN. Tyrannical power of the bishop and social space: The case of Mérida of the late 6 th century	137
YU. V. SELEZNEV. Payments by Russian princes "for all Tatar <i>protory</i> "	168
A. L. LIFSHITS. Two 17 th century Kostroma charters from the collection in the Moscow University Library	186
O. L. LEYBOVICH, & A. I. KAZANKOV. Inquisitorial anthropology as generator of historical narratives of the Soviet era.....	198

Word, concept, term in historical perspective

D. A. IZOSIMOV, & P. D. SKOROBOGATOVA. Problems of translation from Egyptian in the correspondence between W. S. Golénischeff and Sir A. H. Gardiner	215
V. S. KUCHKO. Tin in Russian traditional culture: A historical-linguistic essay	241
K. V. OSIPOVA. Fish in the diet of peasants of the Russian North: Ethnolinguistic aspect...	259
N. V. PETROV, & N. S. PETROVA. St. Bartholomew's Night Soviet style: The history of the idiom in the 1900s–1930s	276
I. V. FUFAYEVA. The word as simulacrum: The case of the friendly form of address <i>starina</i> 'old man'	304
Z. I. MINEEVA. Feminities 2020	321

BOOK REVIEWS

S. G. MASLINSKAYA. Death and utopia, or The inevitable path to dehumanization of the "new man"	340
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьи, вошедшие в этот номер журнала, так или иначе затрагивают историческую проблематику — в разных аспектах и в довольно широких хронологических рамках.

Первая рубрика, «История и память в культуре: наука, искусство, медиа», открывается совместной статьей **Д. С. Артамонова**, **С. В. Тихоновой** и **Е. Э. Чеботаревой**, которые знакомят читателя с теорией конструирования нарративных ниш по Р. Хирсминку и обсуждают возможности ее применения для исследования представлений о прошлом, для изучения коллективной памяти — в частности, фиксируемой, хранящейся и транслируемой в цифровом виде. **С. Ю. Неклюдов** обращается к визуализации первобытного/доисторического человека в фантастической литературе XIX — первой половины XX в., на которую повлияли научные и художественные реконструкции облика неандертальцев. В следующих статьях рубрики предпринимается анализ конкретных произведений культуры XX в., в которых по-разному преломляется (и конструируется, в том числе в агитационно-пропагандистских целях) память как о совсем недавних событиях, так и о событиях более или менее отдаленного для создателей этих произведений прошлого. Статья **Е. В. Юшковой** посвящена революционным мотивам (прежде всего связанным с русской революцией 1917 г.), передаваемым языком танца: предметом ее исследования стали хореографические эксперименты Айседоры Дункан, вдохновленные революционными песнями России, Франции и Ирландии, а также тому, как эти экспериментальные постановки адаптировались ученицами знаменитой танцовщицы. **С. О. Буранок** анализирует фильм Джона Форда и Грегга Толанда «Седьмое декабря» (1943), посвященный японской атаке на Пёрл-Харбор; в статье демонстрируется, как реализовывались пропагандистские задачи кинокартины, как в ней отразился американский социально-политический дискурс эпохи Второй мировой войны и как на ее создание повлияли противоречия относительно интерпретации этих событий между гражданскими и военными элитами США. Наконец, альтернативная история становится предметом исследования **Е. Г. Лапиной-Кратасюк**, которая обращается к новейшим трансмедийным проектам, переосмысливающим космические достижения XX в. в контрфактуальном аспекте; особенное внимание в статье уделяется анализу сериала «Ради всего человечества», посвященного событиям холодной войны и космической гонке.

Статьи второй рубрики объединены темой власти. Метафорическая формула «язык власти», использованная в ее заголовке, отсылает как к разного рода нарративам, формируемым и используемым властью, так и к особенностям проявления властных отношений — к языку в широком смысле, которым говорит власть: языку права и экономического принуждения, языку полиции и судопроизводства. **А. Ю. Сгоннова** выявляет общие сюжетные особенности библейского повествования о царе Давиде и истории Ирода Великого, известной нам, в частности, из трудов Иосифа Флавия, и делает вывод о том, что биографические сходства между этими персонажами

не случайны: Ирод мог сознательно идентифицировать себя с ветхозаветным Давидом, миф о котором в эпоху Второго Храма легитимировал царскую власть. **М. Ю. Биркин** анализирует раннесредневековые представления о тиране и «ложном епископе» на материале агеографического текста вестготской эпохи «Жития отцов Меридских»: соответствующие фигуры оказываются противопоставлены соответственно идеальным королю и епископу, они исполнены пороков, связаны с демоническими силами и разрушают вверенное им социальное пространство. Авторы двух следующих статей сосредотачиваются на средневековой русской истории. **Ю. В. Селезнёв**, статья которого написана в русле экономической истории, рассматривает функционирование системы *выхода* — выплат, поступающих в ордынскую казну из русских земель. **А. Л. Лифшиц** публикует в сопровождении археографического комментария два деловых документа XVII в. — царскую ввозную грамоту на земли в Костромском уезде и расписку помещика в получении денег за земли, отданные в аренду монастырю в том же уезде. В последней статье рубрики **О. Л. Лейбович** и **А. И. Казанков** ставят вопрос о критике и возможностях использования таких исторических источников, как документы, полученные в ходе следственных действий. Для обозначения практик, результатом которых становятся подобного рода (эго)документы, авторы вводят понятие *инквизиторская антропология*; стратегии и формы такой «антропологии» рассматриваются на советском и отчасти дореволюционном материале.

В третью рубрику, «Слово, понятие, термин в исторической перспективе», вошли статьи, затрагивающие языковедческую проблематику: от переводоведения до истории понятий, от этнолингвистических до неологических сюжетов. Предметом статьи **Д. А. Изосимова** и **П. Д. Скоробогатовой** является переписка начала XX в. между крупнейшими египтологами того времени — В. С. Голенищевым и его английским коллегой А. Х. Гардинером — относительно возможных стратегий перевода древнеегипетских текстов с точки зрения синтаксиса, стилистики и семантики. **В. С. Кучко** обращается к культурно-языковому «портрету» олова в русской традиции, привлекая обширный исторический, этнографический/диалектный и литературный материал. В схожем ракурсе выполнена статья **К. В. Осиповой**, где анализируются севернорусские лексические и ономастические факты, отражающие роль рыбы в рационе русских крестьян; при этом особенное внимание уделяется социальному аспекту данных фактов, маркирующих, к примеру, противопоставление крестьян-земледельцев и крестьян-рыболовов, сельского и городского населения. **Н. В. Петров** и **Н. С. Петрова** рассматривают использование устойчивого выражения *В(е)арфоломеевская ночь*, в первую очередь в качестве идиомы со значением ‘жестокая расправа, массовая резня, бойня’. Авторы выявляют жизнь идиомы в дореволюционной риторике (в которой угроза «варфоломеевской ночью» виделась со стороны властей или их сторонников), в риторике большевиков (угрожавших устроить расправу над идеологическими противниками) и в низовых эсхатологических слухах, связанных с ожиданиями массовых убийств со стороны представителей новой власти. **И. В. Фуфаева** на материалах Национального корпуса русского языка сопоставляет употребление обращений *старик* и *старина*, демонстрируя,

что первое принадлежит русской разговорной речи, тогда как второе (вероятно, воспринимающееся как калька с французского или английского выражения) используется по преимуществу в переводных текстах и при изображении речи условного иностранца, в последнем случае представляя собой своего рода симулякр. Наконец, **З. И. Минеева** анализирует новейший языковой материал — появившиеся в 2020 г. феминитивы, зафиксированные, в частности, в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» (2021) и связанные в первую очередь с реалиями периода пандемии COVID-19 (*ковидница*, *удалёнушка*, *антимасочница* и мн. др.), — в статье выявляются основные деривативные модели данных терминов, ставших яркой приметой пандемического времени.

Д. С. Артамонов^a

ORCID: 0000-0001-8689-1948
✉ artamonovds@mail.ru

С. В. Тихонова^a

ORCID: 0000-0002-1778-4329
✉ segedasu@yandex.ru

Е. Э. Чеботарева^b

ORCID: 0000-0002-1778-4329
✉ e.chebotareva@spbu.ru

^a Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского (Россия, Саратов)

^b Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)

ТЕОРИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ НИШ КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАПАМЯТИ

Аннотация. В статье анализируются возможности применения теории конструирования ниш для изучения медиапамяти. Авторы рассматривают медиапамять как механизм производства, хранения и забвения коллективно разделяемых представлений о Прошлом в цифровой среде, интегрировавшей всю человеческую культуру в пространство медиа. Теория конструирования ниш позволяет объяснить процессы формирования коллективной памяти и показать ее соотнесенность с индивидуальной памятью, экстраполируя методологию биологической науки на гуманитарную область познания. В статье проанализированы основные идеи Ричарда Хирсминка о роли экологии памяти и распределенных идентичностей в конструировании нарративных ниш, которые наследуются и видоизменяются в результате индивидуального, а также коллективного творчества по воспроизводству представлений о Прошлом. Логика конструирования ниш памяти в цифровой среде обусловлена способом производства медиаконтента, типами поведения индивида в социальных сетях и особенностями взаимодействия с информационными технологиями. По мнению авторов, цифровые посредники в виде технологий и социальных медиа оказывают существенное влияние на конструирование индивидуальных и публичных нарративных ниш, обеспечивая возможность их взаимоперехода.

Ключевые слова: медиапамять, коллективная память, историческая память, теория конструирования ниш, экология памяти

Для цитирования: Артамонов Д. С., Тихонова С. В., Чеботарева Е. Э. Теория конструирования ниш как инструмент исследования медиапамяти // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 10–24. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24>.

Статья поступила в редакцию 11 января 2022 г.

Принято к печати 11 февраля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

D. S. Artamonov^a

ORCID: 0000-0001-8689-1948

✉ artamonovds@mail.ru

S. V. Tikhonova^a

ORCID: 0000-0002-1778-4329

✉ segedasv@yandex.ru

E. E. Chebotareva^b

ORCID: 0000-0002-1778-4329

✉ e.chebotareva@spbu.ru

^a *Saratov State University (Russia, Saratov)*

^b *Saint Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)*

NICHE DESIGN THEORY AS A TOOL FOR MEDIA MEMORY RESEARCH

Abstract. The article discusses the methodological possibilities of niche construction theory in the context of media memory study. The authors consider media memory as a mechanism for the production, storage and oblivion of collectively shared ideas about the Past in a digital environment that has integrated all human culture into the media space. The theory of niche construction makes it possible to explain the processes of formation of collective memory and to show its correlation with individual memory, extrapolating the methodology of biological science to the humanities. The authors analyze the main ideas of Richard Heersmink concerning the role of the ecology of memory and distributed identities in the construction of narrative niches. Individuals inherit narrative niches and modify them as a result of individual as well as collective creativity in reproducing ideas about the Past. The methods of media content production, the types of individual behavior in social networks and the features of its interaction with information technologies determine the logic of constructing memory niches in the digital environment. The authors conclude that digital intermediaries in the form of technologies and social media have a significant impact on the construction of individual and public narrative niches, providing the possibility of their transition into one another.

Keywords: media memory, collective memory, historical memory, theory of niche construction, ecology of memory

To cite this article: Artamonov, D. S., Tikhonova, S. V., & Chebotareva, E. E. (2022). Niche design theory as a tool for media memory research. *Shagi / Steps*, 8(3), 10–24. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-10-24>.

Received January 11, 2022

Accepted February 11, 2022

Твердо помнит это душа моя и падает во мне.
Плач Иеремии 3:20

Введение

В цифровом обществе представления о Прошлом конструируются весьма широким набором агентов. Сегодня профессиональные историки, писатели, кинематографисты, журналисты теряют монополию на производство медиапамяти, поскольку небывало возрастает доля контента, отражающего Прошлое или пригодного для его реконструкции, который генерируется рядовыми пользователями социальных сетей. Историческая память переходит в новую свою форму — медиапамять, для которой характерно доминирование цифровых механизмов производства, трансляции и хранения образов Прошлого в виде медиатекста. Механизмы межпоколенческой передачи исторических знаний в современных обществах до сих пор не относятся к числу хорошо изученных. Если роль институализированных агентов (научные организации, школа, СМИ, церковь) в этом процессе очевидна, то вклад семейной памяти и коллективной памяти локальных сообществ, нередко представленный преимущественно в устной форме, нуждается в дополнительном осмыслении. Цифровая коммуникация обнажила многие горизонтальные механизмы, объективировав их в формате интернет-жанров. Но вопрос о механизмах преемственности в производстве памяти о Прошлом остается открытым.

Развитие *memory studies* — междисциплинарного исследовательского направления, ориентированного на изучение конструирования коллективных представлений о Прошлом и исторической памяти в целом, — можно разметить как смену четырех волн (в западной традиции обычно выделяют три волны, при этом не учитывается интеграция методологии цифровой гуманитаристики и *memory studies*, характерная для последнего десятилетия; см., например: [Сафронова 2018]). Первая волна началась с постановки вопроса о существовании коллективной памяти об историческом времени и о его социальных рамках в трудах М. Хальбвакса. В рамках второй волны рефлексировались различия генезиса и социальные роли исторических знаний и исторических представлений, поэтому модели исторической памяти, развиваемые в работах П. Нора и Я. Ассмана и их последователей, отражают ключевой конфликт между «официальным» историческим нарративом, формируемой идеологией, образовани-

ем и наукой, и живой памятью поколения, основанной на личной и семейной истории. Белые пятна, замалчивания, фальсификации официального дискурса рассматривались как вместилища работы памяти локальных коллективов, реализуемых в маргинальных медиаформах — дневниках, мемуарах, переписке. Источником представления о Прошлом здесь является внеинституциональный, лично окрашенный контакт поколений. Третья волна связана с переходом от исследований памяти (memory studies) к исследованиям травм (trauma studies) [Николаи, Хазина 2013], ориентированным на изучение памяти о великих катастрофах XX в., мировых войнах и геноцидах. В таком ракурсе важным становится исследование механизмов «приватизации» потомками воспоминаний предыдущих поколений о травматических событиях, работы так называемой постпамяти (М. Хирш). Четвертая волна связана с обращением к феномену digital memory, или медиапамяти, и с разнообразной адаптацией цифровых методов исследования мемориального контента интернет-сетей [Garde-Hansen et al. 2009; Neiger et al. 2011; Hoskins 2017].

Исследовательские программы, осуществлявшиеся в рамках данных волн, предлагают разные подходы к изучению взаимодействия поколений по передаче образов прошлого, однако выбор анализа кейсов в качестве типичной методики работы с репрезентациями представлений о прошедших событиях приводит к тому, что конфигурация памяти вокруг конкретного события чаще всего рассматривается как уникальная. Многое зависит от того, с каким источником репрезентаций работает исследователь. Так, широкоизвестная работа М. Хирш «Семейные рамки: фотография, нарратив и постпамять» [Hirsch 1997] строится на анализе рефлексии о фотообразах близких в рамках конструирования семейной памяти. Однако фотографии как исторический источник всегда предполагают широчайший интерпретационный контекст, в котором нарратив может легко разрываться и игнорировать очевидно типическое и закономерное в отражении событий. Безусловно, индивидуализация — одна из ключевых характеристик событийного ряда биографического движения и исторического процесса, тем не менее поиск методологических конструкций, позволяющих определять роль субъективных усилий в трансформацию коллективных представлений, представляется нам не только возможным, но и актуальным. Проблемой является зона такого поиска: в условиях междисциплинарности современных исследований памяти эвристическим может оказаться не внутреннее поле, сгенерированное общими идеями и принципами memory studies, но и совершенно внешние для концепции сферы, описывающие коммуникативное взаимодействие индивида и коллектива. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на адаптации современного биологического подхода, актуализирующего отношение организма, популяции и среды к потребностям исследований исторической памяти четвертой волны.

Теория конструирования ниш

В современной науке, в том числе гуманитарной, чрезвычайно популярны биологические модели и метафоры. Примером может служить «вирусная» метафора мема, выдвинутая Р. Докинзом и давшая импульс целому ряду теоретических и прикладных исследований культуры и медиафилософии. Весьма

богат и методологический потенциал концепции глобального эволюционизма, потенциально приложимый к исследованиям социокультурных процессов. Теория конструирования ниш (далее ТКН) относится именно к биологическим подходам, непосредственно отражая взаимодействие организма и среды. В своем современном виде ТКН разрабатывалась в трудах гарвардского биолога-эволюциониста Ричарда Левонтина, который в 1970-е и 1980-е годы отмечал, что организмы не адаптируются пассивно, приспосабливаясь к имеющимся условиям, а активно конструируют важные компоненты своих ниш [Levins, Lewontin 1985: 336]. Оксфордский биолог Джон Одлинг-Сми в конце 1980-х годов предложил термин «конструирование ниш», сформулировав аргумент о том, что конструирование ниш (под которыми понимается место в экосистеме) и экологическое наследование следует признать эволюционными процессами [Odling-Smee 1988]. Сразу после публикации его статьи 1988 г. начался стремительный рост исследований в области ТКН, и из эволюционной биологии и экологии этот концепт перешел в социогуманитарные науки, где дал опору для развития новых подходов.

Отечественный исследователь Д. П. Фролов отмечает, что ТКН развивается в более широких рамках расширенного эволюционного синтеза (extended evolutionary synthesis, EES), который представляет собой мощнейший парадигмальный сдвиг; этот подход предлагает вызов ставшему архаичным в XXI в. неodarвинизму [Фролов 2019]. Не фокусируясь на генезисе расширенного эволюционного синтеза, отметим некоторые важные особенности расширенного эволюционного синтеза (или «эво-дево», как его часто называют): организм и среда не разделены, их отношения основаны на интерактивных причинно-следственных связях; наследуются не только гены, но также созданные популяцией экологические ниши, поведенческие и культурные паттерны, результаты социального обучения; крупные морфологические изменения могут происходить без серьезных изменений в геноме, роль адаптивных эволюционных процессов преувеличена («выживает безвредный») [Там же]. Как показывают основатели этого подхода — Дж. Одлинг-Сми и К. Лалэнд, подобные характеристики оказываются очень важны для исследования человеческих сообществ в исторической перспективе. В статье, посвященной сопоставлению экологического и культурного наследия [Odling-Smee, Laland 2011], они отмечают, что ТКН открыто признает изменение окружающей среды организмами (создание ниши) и ее экологическое наследование как самостоятельные эволюционные процессы, и предполагают, что культурные процессы и культурное наследие можно рассматривать как основные средства, с помощью которых люди участвуют в универсальном процессе создания ниши.

Итак, культуру можно рассматривать как инструмент создания ниш и среду для их развития. Полагаем, что инструментальность культуры реализуется на уровне популяции. В то же время на уровне индивидов речь всегда идет о конструировании ниши в культуре, поскольку именно культурная среда выступает основой повседневности человека. Разумеется, в данном контексте речь идет о крайне широком понимании культуры. В его рамках исследования уже упомянутого Д. П. Фролова, посвященные институциональной экономике, могут рассматриваться как изучение «антропогенного измерения» среды. Модели «эво-дево» (включающие ТКН), концептуализирующие направления

коэволюционного развития вида и среды, могут использоваться в виде аналогий для описания и осмысления любых культурных антропогенных процессов (конструктивность этих аналогий, тем не менее, предстоит еще проверить). Для исследований исторической памяти в этом направлении актуальными являются идеи Ричарда Хирсминка (Университет Монаша, Мельбурн, Австралия), адаптировавшего ТКН в качестве методологической основы для понимания социальных процессов, в рамках которых осуществляется влияние технологий на память, познание и идентичность.

Как конструируется нарративная ниша памяти: экология памяти

Основные идеи Р. Хирсминка изложены в его статье «Конструирование нарративной ниши: экология памяти и распределенные нарративные идентичности» [Heersmink 2020]. Экологию памяти он связывает с объектами, способными вызывать автобиографические воспоминания. Автобиографический ракурс важен для выявления субъектной активности носителя памяти. Методология ТКН в данном случае используется для анализа когнитивных конструктов, соответственно, такой подход равнозначен трактовке памяти как когнитивной деятельности. У анализа Хирсминка есть три отличительные особенности. Во-первых, согласно его теории, представления о прошлом не являются пассивной, автоматически сгенерированной информацией. При этом когнитивное не сводится к рациональному — важную роль в конструировании воспоминаний играют эмоции. Во-вторых, Хирсминк рассматривает воспоминания как повествование, поэтому он работает с нарративами памяти. В-третьих, в центре его внимания лежит вертикаль трансляции памяти, связывающая уходящее поколение с новым через необходимую для идентичности информацию, заложенную в личных и семейных историях.

Концепт «экологии памяти» Хирсминк использует для того, чтобы показать, как личное прошлое становится строительным материалом повествовательной идентичности «Я». Автобиографические воспоминания реализуют нарративную идентичность субъекта, распределяясь в его нейроактивности — как субъективные представления, и в личном пространстве — как объективированный нарратив. Это распределение поддерживает стабильность повествовательной идентичности индивида. В итоге Хирсминк формулирует свои выводы следующим образом:

- 1) у человеческих «Я» есть повествовательная структура, воплощенная в автобиографических воспоминаниях;
- 2) некоторые из наших автобиографических воспоминаний распределяются по воплощенному (embodied) мозгу¹, взаимодействуя с экологией памяти;
- 3) если человеческие «Я» имеют повествовательную структуру, реализованную автобиографическими воспоминаниями, и если некоторые из наших автобиографических воспоминаний являются распределенными, то человеческие «Я» также являются распределенными;

¹ Этот концепт Хирсминка связан с теорией воплощенного познания (embodied cognition), с которой он работает и которая подразумевает необходимость рассмотрения разума во взаимосвязи с физическим телом — его носителем (особенности которого во многом определяют разум) — и со средой, в которой это тело действует.

4) поэтому человеческие повествовательные «Я» иногда представляют собой распределенные структуры [Heersmink 2020: 9].

Таким образом, повествовательный нарратив памяти использует два вида ресурсов — внутренние нейроресурсы работы сознания и внешние компоненты, технологические и социальные. Подобные ресурсы для Хирсминка — не источники памяти, а ее прямые строительные блоки, которые комбинируются в разных последовательностях. Именно это позволяет ему констатировать распределение нарративов. Субъект опыта памяти, несмотря на открытость среде, всегда связан с субстратом сознания. Комбинаторика ресурсов приводит к тому, что индивидуальные воспоминания позволяют индивиду видеть собственную жизнь как разворачивающуюся траекторию.

Как работает вертикаль экологии памяти? Хирсминк отмечает, что ТКН учитывает то обстоятельство, что потомки организмов, создающих нишу, весьма часто наследуют среду, созданную их родителями, получая от последних не только гены, но и измененный ландшафт, ослабивший давление отбора. Иначе говоря, речь идет о двух типах наследования — экологическом и генетическом. Если генетическая наследственность хорошо изучена, то влияние экологической наследственности на эволюционную траекторию требует новых исследований. Среда информационных артефактов усиливает возможности сознания индивида, внешние носители информации расширяют возможности биологической памяти. Благодаря таким новым возможностям усиления памяти наличное поколение не только изменяет унаследованную среду, но и проектирует когнитивную нишу следующего поколения. В каждом конкретном случае необходимо разграничивать общественную и индивидуальную когнитивные ниши: первая формируется множеством вторых. Она интерсубъективна, говоря языком социальной феноменологии.

Для описания этого процесса Хирсминк использует предложенный К. Стерелни концепт «кумулятивного последующего эпистемологического проектирования» [Sterelny 2003]. Современное познание возможно только благодаря тому, что память культуры («общественная ниша» по Хирсминку и «историческая память» в *memory studies*) сохраняет и удерживает коды, институциональные структуры и символические системы, которые вряд ли способны вместить индивидуальное сознание. Конечно, новоевропейская культура печатной книги и далее — цифровая культура ослабили естественный отбор в пользу сильной биологической памяти, но эволюционные темпы несопоставимы с историческими. Возможно, в настоящее время эволюционные изменения еще неочевидны наблюдателю, но разница в работе биологической и исторической памяти вполне наглядна.

Хирсминк настаивает на том, что «экологическое наследование когнитивных артефактов и репрезентативных систем играет центральную роль в развитии и эволюции наших когнитивных способностей», убедительно демонстрируя, как каждое поколение вносит изменения в наследуемые ими системы и приспособления, делая их проще, удобнее и релевантнее по отношению к вызовам своей среды. «Без горизонтальной и вертикальной передачи информации через когнитивные артефакты, репрезентативные системы и социальное обучение человеческая культура и познание не были бы такими продвинутыми и сложными, как сейчас. Большой прогресс в гуманитарных

науках, юриспруденции и государственном управлении был бы невозможен без культурной передачи информации» [Heersmink 2020: 13].

Практические и эволюционные преимущества автобиографической памяти и повествовательной идентичности по Хирсминку — это возможность структурировать в повествовании накопленный опыт, тем самым задавая последовательную структуру человеческой темпоральности. Учитывая, что у людей срок жизни по меркам млекопитающих довольно велик, речь идет о весьма существенной эволюционной выгоде: память позволяет разобраться в огромном объеме накопленных переживаний, осмыслить наше прошлое, понять настоящее с точки зрения разворачивающейся траектории и ориентироваться на будущее. Нарративы являются основой целенаправленной деятельности людей во времени и пространстве, это их качество легко обнаружить, обратив внимание на критическое ограничение свободы действий, вызываемое слабоумием, черепно-мозговыми травмами и амнезией [Heersmink 2020: 14].

Как видим, ТКН позволяет Хирсминку рассмотреть связи индивида и окружающей культурной среды через призму механизмов транспоколенческой преемственности человеческой памяти и обнаружить в этих связях эволюционные преимущества, что имеет большое значение для *memory studies*.

Модификация ниши памяти и когнитивная инженерия

Хирсминк легко переходит от ТКН к понятию когнитивной инженерии, заменяя тем самым биологическую метафору на техническую (что, впрочем, является не методологической авантюрой, а попыткой более внимательного междисциплинарного подхода). Взаимозаменяемость этих подходов в ходе интеллектуальной истории хорошо продемонстрирована, например, Рэем Пэтоном [Paton 1992]. Конструирование экологии памяти и когнитивную инженерию Хирсминк рассматривает как синонимы, поскольку и в том, и в другом случае мы имеем дело с модификацией и использованием объектов среды для достижения своих целей и оперируем для этого планом (общим или индивидуальным). В качестве примера такого плана организации памяти Хирсминк приводит список покупок, с которым мы собираемся в магазин [Heersmink 2020: 14–15].

Первый этап этого процесса когнитивной инженерии — проектирование. Проблемная ситуация заставляет индивида вырабатывать план-проект по трансформации среды или созданию ее объектов. Затем идет реализация плана, которая предполагает воздействие на среду, направленное на создание структур и объектов. И последний этап — использование полученного объекта/структуры для выполнения когнитивной функции. Важно, что Хирсминк конкретизирует когнитивную инженерию через понятия создания, редактирования и использования ресурсов экологии памяти [Heersmink 2020: 15].

Создание ресурсов памяти поливариантно, поскольку может быть целенаправленным и стихийным. Люди намеренно создают фотографии, покупают сувениры, делают записи в дневниках — именно для того, чтобы эти объекты вызвали потом в их памяти воспоминания. Но воспоминания и сами накладываются на объекты, окружавшие индивида во время события, и потом ассо-

цируются с ними. Например, возвращение в уже посещенные места актуализирует память о старых историях; одежда, которую люди надевали на торжественные события, хранит память об этих событиях.

Создание ресурса памяти как транзакционная активность чаще всего идет спонтанно, объекты и память связываются непрерывно в процессе социальной активности. Однако возможность использовать созданную ассоциацию объекта и воспоминания сама по себе практически не зависит от намерения ее создать. Иначе обстоит дело с редактированием ресурсов памяти — это всегда целенаправленный процесс. Следы Прошлого избыточны, людям необходима их селекция, чтобы избежать информационной перегрузки. Для удаления нежелательных воспоминаний удаляются связанные с ними ресурсы — уничтожаются фотографии и письма, меняется обстановка в доме (иногда и сам дом), некоторые места памяти табуируются.

Использование ресурсов экологии памяти направлено на извлечение и конструирование собственно автобиографических нарративов, что предполагает целенаправленный контакт/взаимодействие с агентами памяти. При этом ресурс памяти может замещаться партнером по транзакционной памяти как источником автобиографических смыслов либо использоваться совместно с ним. Обращение к информации о прошлом предполагает разные степени абстрагирования, лежащие в основе нарративов о периодах жизни, повторяющихся и уникальных событиях, а также различные формы и степени их разделения с контрагентами.

Создание, редактирование и использование ресурсов памяти предполагает и семантические, и эмпирические процессы, разные по сложности и продолжительности, сменяющие, дополняющие и разворачивающие друг друга. Поэтому экология памяти Хирсминка всегда динамична, открыта включению в нее людей и их групп. Присоединение новых субъектов обеспечивает кумулятивность памяти, накопление редактируемых воспоминаний. Спонтанные процессы и осознанное редактирование являются ее неотъемлемыми компонентами, поэтому «подлинная», неизменная память — всегда утопия.

Технологии медиапамяти

Рассмотрение экологии памяти как способа извлечения воспоминаний через распределение нарративных идентичностей мы сводили к универсальным, предельно общим способам взаимодействия с объектами. Теперь попытаемся рассмотреть, как специфицируют экологию памяти и построение ниш цифровые технологии, лежащие в основе производства медиапамяти.

Примером современной технологической поддержки ниш памяти Хирсминк считает лайфлоггинг — фиксацию всех действий пользователя с помощью носимых на шее камер с широкоугольным объективом типа SenseCams (как правило, камеры интегрируются с «умными» часами, фитнес-трекерами, смартфонами и другими гаджетами, позволяющими накапливать данные о GPS-локации, числе шагов/движений, режиме сна, частоте сердечных сокращений, рационе, покупках, в том числе на облачных сервисах). Действительно, развитие и широкое распространение практик цифрового соматического самоконтроля в биохакерском движении количественной самооценки

(QS) [Wexler 2017: 224] привело к росту числа пользователей, накапливающих ресурсы памяти о себе небывалой степени детализации и масштабов, вплоть до того, что биография может быть реконструирована поминутно.

Как показывает успех программного обеспечения по поиску в цифровом «журнале жизни», разработанного Г. Беллом [Bell, Gemmell 2009: 57], цифровая память гораздо более точна и надежна, чем биологическая. Однако речь идет скорее о том, что в первой доминирует спонтанность; персонализированные данные самоквантификации формируются до появления автобиографического нарратива и не содержат «редактуры». Утратить такую память в силу сбоя программы или потери гаджета гораздо проще, чем потерять личные воспоминания.

Кроме того, описание Хирсминком лайфлоггинга поддерживает метафору замкнутого хранилища. Большинство современных приложений для самоквантификации предполагает наличие коллективных настроек, позволяющих, например, учитывать совместные тренировки и сравнивать значения достигнутых людьми показателей, а также инструментов выгрузки данных. Разнообразие таких сервисов, брендовая политика производителей и обилие получаемой информации приводят к тому, что очень небольшое число пользователей, за исключением идейных энтузиастов, использует получаемые данные для аналитики и глубокого осмысления. На наш взгляд, именно специфика цифровых посредников требует конкретизации идей Хирсминка там, где речь идет о переходе индивидуальной ниши в публичную.

Механику этого перехода можно обнаружить при обращении к мемориальному потенциалу цифрового контента, производимого пользователями социальных сетей. Действительно, распространенным ресурсом медиапамяти являются пользовательские профили в социальных сетях, куда загружаются и благодаря которым становятся доступными для групп и масс цифровые автобиографические ресурсы памяти — фотографии, заметки, видео, интернет-мемы и т. д. Пользовательский контент транслируется прямо из профиля, обнаруживается в новостных лентах и репостится в пабликах и группах.

Цифровой контент может сразу создаваться как ресурс памяти, приобретать спонтанную ассоциативную связь, редактироваться и использоваться в самых разных комбинациях. Создание любого вида контента, несмотря на общую интернет-гибридизацию жанров, подчиняется набору определенных правил. Те из правил, что задаются техническими параметрами социальной сети (число знаков, организация медиатекста, используемые форматы), осваиваются в процессе формирования медиаграмотности. Те, что связаны с этикетными практиками и режимами допустимости/недопустимости, политкорректности и пр., задаются преимущественно имплицитно и варьируются в разных сообществах. Наиболее очевидна работа таких норм на примере селфи. В отличие от цифровых фотографий, селфи как сетевой феномен предполагает процесс сборки, обязательным элементом которой является «расшаривание» снимка в социальных сетях [Rubinstein 2015]. Дейксис, жест-указание на себя в конкретном контексте является смыслом селфи [Frosh 2015]. Эгоцентричность селфи изначально вызывала широкое общественное недовольство, проявлявшееся и в научном дискурсе, выражавшееся в обвинениях селфистов в нарциссизме. Очень быстро выработался ряд конвенций,

регулирующих допустимость отметок других лиц на коллективных селфи, способов производства селфи в местах памяти, совместимых с религиозными и патриотическими чувствами.

Эти конвенции, даже если «спускаются сверху» собственниками социальных медиа, изначально формируются как продукт коммуникативной рациональности в публичных обсуждениях. Такие площадки мы называем социально-эпистемическими аренами, поскольку в них отрабатываются когнитивные практики взаимодействия с цифровым контентом. Социально-эпистемические арены и являются механизмом сообщения индивидуальных и коллективных ниш памяти. Они создаются также как риторические арены, состоящие из множества коммуникационных пространств, которые объединяются с целью обмена информацией и выработки общего решения кризисной ситуации [Rodin et al. 2019]. Процесс конструирования коллективно-разделяемых представлений о Прошлом имеет коммуникативную природу. Я. Ассман называл коммуникативной памятью коллективные воспоминания, связанные с недавним прошлым, разделяемые современниками и циркулирующими в обществе в течении 2–3 поколений [Ассман 2004: 52–54]. Между тем в цифровом обществе индивидуальная и коллективная память формируются в процессе постоянного обмена информацией между тремя равноправными акторами, вырабатывающими знание о Прошлом, которые и составляют основу социально-эпистемических арен: 1) учеными-профессионалами или инфлюенсерами, лидерами мнений; 2) «умными толпами», массами интернет-пользователей; 3) цифровыми технологиями («нечеловеками» в терминологии Б. Латура). В результате конвергенции информации, производимой всеми тремя акторами, знание становится частью коллективного достояния и превращается в память. Историческое знание тем самым трансформируется в историческую память, и грань между ними в цифровом мире стирается из-за непосредственного участия в этом процессе масс интернет-пользователей и благодаря задействованию медиатехнологий. Индивиды конструируют собственные ниши памяти из личного и доступного им знания, почерпнутого в медиaprостранстве, делятся ими с другими, подвергнув творческому переосмыслению и интерпретации, а наиболее популярные версии индивидуального прошлого переходят в коллективные ниши, изменяя культурное пространство и становясь его частью.

Индивидуальные версии Прошлого могут воспроизводиться не только в текстовом нарративном формате, но и в графическом, а чаще всего в креолизованном виде, сочетающем изображение и текст. Это могут быть и уже упоминаемые выше селфи, и интернет-мемы, и компьютерные игры, и фанфики, и видеоролики, т. е. все, что составляет сетевой медиаконтент. Вокруг этих индивидуальных версий Прошлого формируются сообщества, в которых вырабатываются представления об исторических событиях, им дается оценка, разделяемая большинством участников. Однако они не существуют в неизменном виде, цифровой контент подвергается постоянной трансформации, благодаря чему меняется содержание нарратива, а сам нарратив, имея вирусное распространение, включает новых участников в коллективные ниши памяти, т. е. они являются действительно «живым» организмом в виртуальном пространстве.

Выводы

Мы работаем в контексте четвертой волны *memory studies*, связанной с обращением к феномену *digital memory*, или медиапамяти, и для нас остается открытым вопрос о механизмах преемственности в производстве памяти о Прошлом. В данной работе мы обратились к эволюционному подходу — теории конструирования ниш, — использование которого в рамках исследований механизмов памяти выглядит достаточно нетривиально и нуждается в дальнейшем исследовании. С одной стороны, мы говорим об экологии памяти, т. е. об определенном взаимодействии человека с объектами среды, как естественной, так и культурной, которые связаны с ресурсами памяти — историческими и автобиографическими нарративами. С другой стороны, эта работа со внешней средой и собственными ресурсами памяти, опирающаяся на план и алгоритм, может быть рассмотрена в техническом, а не культурном или биологическом аспекте — например, в рамках упоминавшейся когнитивной инженерии. И эволюционный подход, и когнитивная инженерия демонстрируют активную роль человека в проектировании, конструировании и передаче следующим поколениям культурных, институциональных и технологических ниш. Каждое поколение, в свою очередь, корректирует и оптимизирует эти ниши, приспособляя их к происходящим историческим изменениям. Таким образом обеспечивается эволюционное развитие вида с помощью не только генетических, но и культурных механизмов, при этом остается неясным, каким из них следует отвести ключевую роль в человеческой истории.

В данной работе на примере статьи Ричарда Хирсминка было продемонстрировано, как именно можно использовать ТКН в качестве методологии исследования механизмов индивидуальной и общественной памяти. Безусловно, мы не можем рассматривать исследование Хирсминка как парадигмальное, и те преимущества, которые дает (или не дает) подход ТКН, еще предстоит оценить, однако его активное проникновение в социогуманитарную сферу не может не вызывать интереса.

Литература

- Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. И. М. Сокольской. М.: Языки славян. культуры, 2004.
- Николаи, Хазина 2013 — Николаи Ф. В., Хазина А. В. На перекрестках гендерных и визуальных исследований: концепция постпамяти М. Хёрш // Диалог со временем. № 43. 2013. С. 162–170.
- Сафронова 2018 — Сафронова Ю. А. Третья волна *memory studies*: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>.
- Фролов 2019 — Фролов Д. П. Эво-дево: парадигмальный вызов для институционально-эволюционного анализа // Экономическая наука современной России. 2019. № 2 (85). С. 35–51.
- Bell, Gemmell 2009 — Bell G., Gemmell J. Total recall: How the E-memory revolution will change everything. New York: Dutton, 2009.

- Frosh 2015 — *Frosh P.* The gestural image: The selfie, photography theory, and kinesthetic sociability // *International Journal of Communication*. Vol. 9. 2015. P. 1607–1628.
- Garde-Hansen et al. 2009 — *Save as...* Digital memories / Ed by J. Garde-Hansen, A. Hoskins, A. Reading. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2009.
- Heersmink 2020 — *Heersmink R.* Narrative niche construction: Memory ecologies and distributed narrative identities // *Biology and Philosophy*. Vol. 35. No. 5. 2020. P. 1–23.
- Hirsch 1997 — *Hirsch M.* Family frames: Photography, narrative and postmemory. London; Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1997.
- Hoskins 2017 — *Digital memory studies: Media pasts in transition* / Ed by A. Hoskins. New York; London: Routledge, 2017.
- Levins, Lewontin 1985 — *Levins R, Lewontin R. C.* The dialectical biologist. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1985.
- Neiger et al. 2011 — *On media memory: Collective memory in a new media age* / Ed. by M. Neiger, O. Meyers, E. Zandberg. New York; London: Palgrave Macmillan, 2011.
- Odling-Smee 1988 — *Odling-Smee J.* Niche constructing phenotypes // *The role of behavior in evolution* / Ed. by H. C. Plotkin. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. P. 73–132.
- Odling-Smee, Laland 2011 — *Odling-Smee J., Laland K. N.* Ecological inheritance and cultural inheritance: What are they and how do they differ? // *Biological Theory*. Vol. 6. No. 3. 2011. P. 220–230.
- Paton 1992 — *Paton R. C.* Towards a metaphorical biology // *Biology and Philosophy*. Vol. 7. No. 3. 1992. P. 279–294.
- Rodin et al. 2019 — *Rodin P., Gherstetti M., Odén T.* Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. Vol. 27. No. 3. 2019. P. 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>.
- Rubinstein 2015 — *Rubinstein D.* Gift of the selfie // *Ego update: The future of digital identity* / Ed. by A. Bieber. Düsseldorf: NRW-Forum, 2015. P. 163–175.
- Sterelny 2003 — *Sterelny K.* Thought in a hostile world: The evolution of human cognition. Oxford: Blackwell, 2003.
- Wexler 2017 — *Wexler A.* The social context of “do-it-yourself” brain stimulation: Neurohackers, biohackers, and lifehackers // *Frontiers in Human Neuroscience*. Vol. 11. 2017. 224. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00224>.

References

- Assmann, J. (1992). *Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. Beck. (In German).
- Bell, G., & Gemmell, J. (2009). *Total recall: How the E-memory revolution will change everything*. Dutton.
- Frolov, D. P. (2019). Evo-devo: paradigmal'nyi vyzov dlia institutsional'no-evoliutsionnogo analiza [Evo-devo: Paradigm challenge for institutional-evolutionary analysis]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2019(2, no. 85), 35–51. (In Russian).
- Frosh, P. (2015). The gestural image: The selfie, photography theory, and kinesthetic sociability. *International Journal of Communication*, 9, 1607–1628.
- Garde-Hansen, J., Hoskins, A., & Reading, A. (Eds.) (2009). *Save as... Digital memories*. Palgrave Macmillan.
- Heersmink, R. (2020). Narrative niche construction: Memory ecologies and distributed narrative identities. *Biology and Philosophy*, 35(5), 1–23.

- Hirsch, M. (1997). *Family frames: Photography, narrative and postmemory*. Harvard Univ. Press.
- Hoskins, A. (Ed.) (2017). *Digital memory studies: Media pasts in transition*. Routledge.
- Levins, R., & Lewontin, R. C. (1985). *The dialectical biologist*. Harvard Univ. Press.
- Neiger, M., Meyers, O., & Zandberg, E. (Eds.). *On media memory: Collective memory in a new media age*. Palgrave Macmillan.
- Nikolai, F. V., & Hazina, A. V. (2013). Na perekrestkakh gendernykh i vizual'nykh issledovani: kontseptsii postpamiati M. Hersh [At the crossroads of gender and visual studies: The concept of post-memory by Marianne Hirsch]. *Dialog so vremenem*, 43, 162–170. (In Russian).
- Odling-Smee, J. (1988). Niche constructing phenotypes. In H. C. Plotkin (Ed.). *The role of behavior in evolution* (pp. 73–132). MIT Press.
- Odling-Smee, J., & Laland, K. N. (2011). Ecological inheritance and cultural inheritance: What are they and how do they differ? *Biological Theory*, 6(3), 220–230.
- Paton, R. C. (1992). Towards a metaphorical biology. *Biology and Philosophy*, 7(3), 279–294.
- Rodin, P., Ghersteti, M., & Odén, T. (2019). Disentangling rhetorical subarenas of public health crisis communication: A study of the 2014–2015 Ebola outbreak in the news media and social media in Sweden. *Journal of Contingencies and Crisis Management* 27(3), 237–246. <https://doi.org/10.1111/1468-5973.12254>.
- Rubinstein, D. (2015). Gift of the selfie. In A. Bieber (Ed.). *Ego update: The future of digital identity* (pp. 163–175). NRW-Forum.
- Safronova, Iu. A. (2018). Tret'ia volna memory studies: Dvadsat' tri goda protiv shersti [The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years]. *Politicheskaya nauka*, 2018(3), 12–27, <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.01>. (In Russian).
- Sterelny, K. (2003). *Thought in a hostile world: The evolution of human cognition*. Blackwell.
- Wexler, A. (2017). The social context of “do-it-yourself” brain stimulation: Neurohackers, biohackers, and lifehackers. *Frontiers in Human Neuroscience*, 11, 224. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00224>.

* * *

Информация об авторах

Денис Сергеевич Артамонов

кандидат исторических наук
доцент, кафедра философии
и методологии науки, философский
факультет, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
Россия, 410028, Саратов, Вольская ул.,
д. 10а
Тел.: +7 (8452) 21-36-07
✉ artamonovds@mail.ru

Information about the authors

Denis S. Artamonov

Cand. Sci. (History)
Assistant Professor, Department
of Philosophy and Methodology
of Science, Faculty of Philosophy,
Saratov State University
Russia, 410028, Saratov, Volskaya Str., 10a
Tel.: +7 (8452) 21-36-07
✉ artamonovds@mail.ru

Софья Владимировна Тихонова

*доктор философских наук
профессор, кафедра теоретической
и социальной философии, философский
факультет, Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
Россия, 410028, Саратов, Вольская ул.,
д. 10а
Тел.: +7 (8452) 21-36-10
✉ segedasv@yandex.ru*

Елена Эдуардовна Чеботарева

*кандидат философских наук
доцент, кафедра философии науки
и техники, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный
университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5
Тел.: +7 (812) 328-94-21
✉ e.chebotareva@spbu.ru*

Sophia V. Tikhonova

*Dr. Sci. (Philosophy)
Professor, Department of Theoretical
and Social Philosophy, Faculty
of Philosophy, Saratov State University
Russia, 410028, Saratov, Volskaya Str., 10a
Tel.: +7 (8452) 21-36-10
✉ segedasv@yandex.ru*

Elena E. Chebotareva

*Cand. Sci. (Philosophy)
Assistant Professor, Department
of Philosophy of Science and Technology,
Institute of Philosophy, Saint Petersburg
State University
Russia, 199034, St. Petersburg,
Mendeleevskaya Line, 5
Tel.: +7 (812) 328-94-21
✉ e.chebotareva@spbu.ru*

С. Ю. Неклюдов^{ab}

ORCID: 0000-0002-4165-4604

✉ sergey.nekludov@gmail.com

^a Российская академия народного хозяйства
и государственной службы

при Президенте РФ (Россия, Москва)

^b Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

ВОСКРЕШЕНИЕ НЕАНДЕРТАЛЬЦА И ЛЕГЕНДА О «СНЕЖНОМ ЧЕЛОВЕКЕ»

Аннотация. Начиная с 1870-х годов в европейском и американском общественном сознании получает широкую известность образ «доисторического человека». Его облик реконструируют палеоантропологи и анатомы; под руководством исследователей «первобытности» его воссоздают художники. Со страниц иллюстрированных журналов он глядит, как живой — волосатый, длиннорукий, сутулый, а писатели-фантасты допускают непосредственную встречу с ним. Европейские освоители Гималаев и Тибета конца XIX — начала XX в. были читателями этих журналов и книг, а их картина мира включала реконструированный облик неандертальца. Они легко могли бы опознать его при встрече и в этом смысле были к ней готовы. Встреча состоялась — реликтовый гоминоид обнаружился в легендах о «снежном человеке» центральноазиатских высокогорий. Так возникла гоминология, занявшаяся поисками этого персонажа (в основном с 1950-х годов). Инструментом интерпретации местных фольклорных текстов явились смелые, но так и не подтвержденные палеоантропологические гипотезы: ни объект поисков, ни продукты его жизнедеятельности, ни его останки не были найдены, а значит, за данными текстами не стоит ничего, кроме локальных образов «низшей мифологии», хотя и весьма специфических.

Ключевые слова: неандерталец, реконструированный облик, палеоантропология, гоминология, снежный человек, легенда, Гималаи, Тибет

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Неклюдов С. Ю. Воскрешение неандертальца и легенда о «снежном человеке» // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 25–50. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-25-51>.

Статья поступила в редакцию 22 мая 2022 г.
Принято к печати 29 мая 2022 г.

S. Yu. Nekliudov^{ab}

ORCID: 0000-0002-4165-4604

✉ sergey.nekludov@gmail.com

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

THE NEANDERTHAL RESURRECTION AND THE ABOMINABLE SNOWMAN LEGEND

Abstract. Since the 1870s, the image of the ‘prehistoric man’ has spread widely in European and American public imagination. His appearance is reconstructed by paleoanthropologists and anatomists (Schaaffhausen, Solger, Martin); under the guidance of “primitive cultures” specialists (Lubbock, Boule) it is recreated by artists (Griset, Philippart, Kupka). From the pages of illustrated magazines (*Harper’s Weekly*, *The Illustrated London News*, etc.), the ‘reconstructed’ Neanderthal gazes very much alive — hairy, long-armed, round-shouldered, with a low forehead and sunken eyes. The possibility of a direct encounter with him has been put forward by science-fiction writers (from Jules Verne to Conan Doyle and Obruchev). Such ideas could not have arisen without the influence of Darwinism; they stemmed from the understanding that various biological species that appeared at different stages of evolution coexist in living nature, including relict forms. European explorers of the Himalayas and Tibet — military men, mountaineers, naturalists of the late 19th to early 20th centuries — were readers of these magazines and books, and their worldview included a reconstructed appearance of a Neanderthal. They could easily recognize him when they met, and in that sense they were ready for such encounter. And the meeting took place: the relict hominid was discovered in the legends about the ‘Abominable Snowman’ of the Central Asian highlands. This is how hominology was born, which began to research this creature (essentially, since the 1950s) and gather information about him. Audacious, but never confirmed, paleoanthropological hypotheses have been used as a tool for interpreting local folklore texts: neither the object of research, nor the products of his vital activity, nor his remains have been found, which means that behind these texts there are only local images of ‘lower mythology’, although very specific ones.

Keywords: Neanderthal, reconstructed appearance, paleoanthropology, hominology, Abominable Snowman, legend, Himalayas, Tibet

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

To cite this article: Nekliudov, S. Yu. (2022). The Neanderthal resurrection and the Abominable Snowman legend. *Shagi / Steps*, 8(3), 25–50. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-25-51>.

Received May 22, 2022

Accepted May 29, 2022

1

Примерно со второй половины XIX в. в записках русских и европейских путешественников по Центральной Азии появляются сообщения и рассказы местных жителей о некоем диком человеке, который обитает в горах или других труднодоступных местностях; подобные сведения можно также извлечь из исторических, географических, медицинских сочинений более отдаленного прошлого. Согласно этим текстам, в «низшей мифологии» некоторых племен, помимо духов предков, «хозяев» ландшафта, флоры, фауны, стихий, болезней, профессий и т. д., существуют еще некие человекоподобные нелюди, поросшие звериной шерстью, не имеющие одежды, не пользующиеся огнем и не владеющие членораздельной речью. Они скрытно обитают в горных пещерах, пустынях, лесах, хотя иногда и вступают с людьми в соприкосновение, чаще недружелюбное. Так происходит открытие европейской наукой «снежного человека», что имело далеко идущие последствия для общественного сознания западного мира.

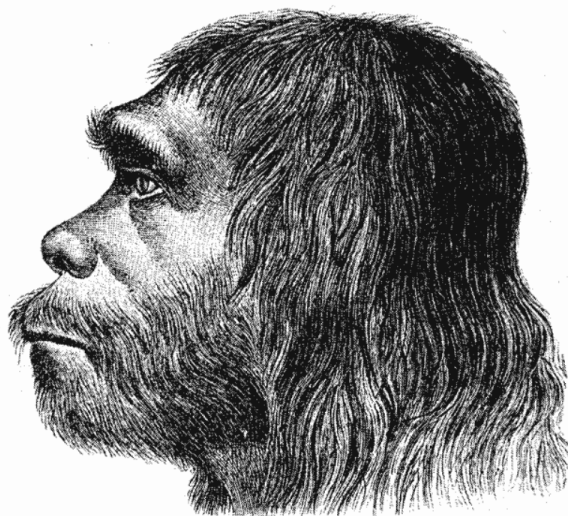
В тот же период, незадолго до опубликования знаменитого труда Дарвина, содержащего изложение его эволюционной теории [Darwin 1859], происходит другое важное событие, которое принято считать «открытием неандертальца» (1856)¹; его сначала сочли — как далее выяснилось, ошибочно — «промежуточным звеном» между обезьяной и человеком [Amos 2011; Madison 2016]. В последующие десятилетия находки множилось², постепенно в мировой науке стала скапливаться столь значительная коллекция соответствующих костных фрагментов, что появление идеи реконструировать по ним облик «первобытного человека» становилось лишь вопросом недалекого времени. И подобные попытки были предприняты — немецким антропологом Г. Шааффхаузенем (1877), а затем художником Клеменсом Филиппартом (1888), составившим по его описаниям профильное изображение «головы неандертальца»; данная композиция (ил. 1) воспроизводилась и позднее (возможно, неоднократно)³. «Спустя несколько лет швейцарский ученый Кольман совместно со скульпто-

¹ Костные останки ископаемого человека этого типа находили и раньше — в 1829 и 1848 гг., однако идентифицированы они были позднее (в 1836 и 1864 гг., соответственно).

² 1863, 1866, 1874, 1880, 1886, 1887, 1888, 1891, 1892, 1896, 1899, 1901, 1904, 1906, 1905, 1907, 1908, 1914, 1908, 1908–1925, 1909 гг. и т. д. Об истории этих открытий, продолжающихся вплоть до нашего времени, см., в частности: [Вишняцкий 2010: 23–34 (Табл 1.1)].

³ Например, на обложке журнала «The Illustrated London News» (Vol. 141. No. 3845 (December 28). 1912) с подписью: «В родстве с обезьяной — древнейший из известных обитателей Англии. Суссексский человек, реконструкция его головы».

ром Бехли разработал специальную методику предварительного исследования трупа и создания по этим данным реконструкции. В 1899 г. ими была опубликована интересная реконструкция женской головы (эпохи свайных построек). Через год французский анатом Меркле, пользуясь сходной методикой, восставил две головы по черепам раннесаксонского времени» [Герасимов 1955: 5].

Ил. 1. Художник Клеменс Филиппарт. Реконструкция головы неандертальца по черепу из грота Фельдхофер, согласно описанию Г. Шааффхаузена

Fig. 1. Artist Clemens Philippart. Reconstruction of the Neanderthal head from a skull from the Feldhofer grotto, according to the description of H. Schaaffhausen

The Illustrated London News. Vol. 141. No. 3845 (December 28). 1912 (cover)

Почти одновременно с этим, в 1884–1886 гг., немецкий журнал «Zeitschrift für bildende Kunst» опубликовал цикл искусствоведческих статей Джованни Морелли (выступившего под псевдонимом Ивана Лермольева), в которых предлагался новый метод атрибуции полотен, утративших авторство, — по мелким второстепенным деталям живописного изображения. Впоследствии этот метод был сопоставлен (Э. Виндом, 1972) с техниками психоанализа и с приемами криминалистических расследований, конкретно — с «дедуктивным методом Шерлока Холмса», описанным примерно в те же годы Конан Дойлом (раскрытие полной картины преступления по разрозненным и, казалось бы, малозначительным подробностям) [Гинзбург 2004: 189–197]; «Шерлок Холмс» Конан Дойла («Этюд в багровых тонах», 1886/1887) появляется почти одновременно с работой Морелли, а «Исследование истерии» Зигмунда Фрейда и Йозефа Брейера — несколько лет спустя (1895). Возможно, речь должна идти и о непосредственном влиянии идей Морелли на Конан Дойла, а об их воздействии на становление концепции психоанализа мы имеем пря-

мое свидетельство Фрейда. Тем самым «метод Морелли» по своему значению выходит далеко за пределы искусствоведения, отражая — и отчасти даже формируя — новую методологическую парадигму («уликовую», по выражению К. Гинзбурга [2004]), которая делает возможным реконструкцию целого по отдельным сохранившимся деталям.

Из сказанного, разумеется, не следует, что идея воссоздания облика неандертальца подсказана «методологией Морелли», тем более что первый подобный опыт был проделан еще до опубликования его статей. Совпадение во времени скорее говорит о более широком эпистемологическом значении «уликовой парадигмы» для последней четверти XIX в. С ней, по-видимому, связаны в том числе и попытки воспроизвести внешний вид «первобытного человека» по костным останкам эпохи палеолита, открытие которых, особенно в 1886 г. (пещера Спи д'Орнё, Бельгия) и в 1908 г. (пещера Ля Шапелль-о-Сен, Франция), позволяют перейти к конкретным палеоантропологическим реконструкциям облика неандертальца⁴ — Фр. Купкой (1909), Б. Сольгером (1910), Мартином (1913) и др.

Этим реконструкциям предшествовало изображение в нью-йоркском еженедельнике «Harper's Weekly» (в 1873 г., т. е. в пору особенной популярности этого журнала), еще, видимо, не опиравшееся на метод «восстановления по костям». Рядом с напечатанной там научно-популярной статьей «Неандерталец» была опубликована гравюра (ил. 2)⁵ — «видимо, первая попытка воссоздать неандертальца в естественной обстановке, вместе с его подругой и двумя прирученными собаками» [Blade and bone n. d.]:

...художник, чей рисунок мы представляем читателю, следовал своему собственному суждению, давая идеальное представление о неандертальце. Трудно представить себе более свирепого, похожего на гориллу человека. Дикарь стоит почти как обезьяна перед своим логовом, где дремлет его подруга, укутанная шкурами. Всегда готовый к нападению или к защите, он держит в руке примитивный топор, состоящий из осколка кремня, укрепленного на деревянной ручке; его копье, также оснащенное кремневым лезвием, прислонено к камню. (...) Таким и должен был быть современник мамонтов! [The Neanderthal man 1873: 618].

Автор рисунка — Эрнест Гризе (1844–1907)⁶, карикатурист журналов «Punch» и «Fun», автор иллюстраций к басням Эзопа и «Робинзону Крузо» (1869), которые неоднократно перепечатывались (в том числе в нашей стране); его имя было широко известно в Англии 1860–1870-х годов, но впоследствии подзабылось [Murraу 2009: 494]. Две излюбленные темы Гризе — этнографическая и анималистическая — соединились у него в изображениях сцен охоты, в том числе «первобытной», причем тут он решительно отходит от «классической» (и, в сущности, «антидарвинистской») манеры презентации облика

⁴ Впрочем, как впоследствии стало ясно, во многом ошибочным.

⁵ Внутри текста — два рисунка поменьше: «Череп неандертальца» и «Череп Шиллера».

⁶ О нем см.: [Hubbard 1945; Lambourne 1977; Karel 1992: 366 (Griset, Ernest-Henry)].

наших предков — например, на гравюрах Эмиля Баярда к книге Луи Фигье⁷, у которого «первобытный человек» предстает как нечто среднее «между божественным крестьянином XIX в. и древнегреческим спортсменом — и никакого родства с обезьяной! Охотники на оленей прямо-таки перекачывают сюда из классической мифологии», а «художники ледникового периода, по словам Фигье, не просто “предшественники Рафаэля и Микеланджело”, они и есть рафаэли и микеланджело» [Pitts 2013].

Ил. 2. Художник Эрнест Гризе. Неандерталец

Fig. 2. Artist Ernest Griset. The Neanderthal man

[The Neanderthal man 1873: 617]

В экспрессивных сюжетах Гризе облик «дикаря» сильно шаржируются (в частности, на рисунках к популярной книжке Джеймса Гринвуда «Легенды из жизни диких» [Greenwood 1869]). Однако художник решительно меняет манеру своего письма, когда начинает сотрудничать с влиятельным антропологом-дарвинистом Джоном Лаббоком⁸, в трудах которого (как раз данного периода) обосновывается необходимость при исследовании доисторической культуры учитывать не только археологические, но и современные этногра-

⁷ См.: [Figuier 1870 (Fig. 16, 39, 57, 67 e. a.)].

⁸ См.: [Murray 2009]. Джон Лаббок (1834–1913) — известный биолог и археолог, автор терминов «палеолит» и «неолит», друг, соратник и последователь Дарвина, литератор, политик, банкир, меценат.

фические артефакты [Lubbock 1865; 1870]. Опираясь на эти концепции, Гризе стремится к достижению в своих рисунках «доисторического правдоподобия», используя детали музейных коллекций [Pitts 2013], а также, вероятно, знания о наиболее известных палеоантропологических находках своего времени.

По-видимому, в 1870 г. Гризе посещает Америку и остается там примерно до 1872 г. [Karel 1992: 366 (Griset, Ernest-Henry)], к этому времени относится и его «Неандерталец», годом позже опубликованный в «Harper's Weekly». Здесь автор в полной мере реализует сложившуюся ранее установку на создание «доисторического правдоподобия» и в известном смысле достигает своей цели — если ориентироваться на произведенное рисунком впечатление. Не исключено, что профиль неандертальца по версии Гризе как-то отзывается в реконструкции Филиппарта, а вся живописная композиция в целом («первобытный человек» с каменным топором на палке, стоящий в напряженной позе перед входом в свою пещеру) становится одним из образцов для последующих репрезентаций данной темы.

Ил. 3. Художник Франтишек Купка. Реконструкция облика неандертальца по скелету из пещеры Ля Шапель-о-Сен под руководством М. Буля

Fig. 3. Artist František Kupka. Reconstruction of the Neanderthal's appearance based on the skeleton from the la Chapelle-aux-Seine cave under the direction of M. Boule

[The most important 1909: 312–313]

Прежде всего следует вспомнить широко известную реконструкцию чешского художника Франтишка Купки (ил. 3) — по скелету неандертальца, обнаруженному во Франции в 1908 г. [The most important 1909: 312–313]. Эта

работа под названием «Предок: человек двадцать тысяч лет назад»⁹ была выполнена под руководством французского палеонтолога М. Буля, как раз в это время начавшего издавать свой труд «Ископаемый человек из Ля Шапель-о-Сен» [Boule 1911–1913]. Купка воспроизводит примерно ту же мизансцену, что и Гризе, но «бестиялизует» центральную фигуру, которая у него изображена не одетой в шкуры, а обнаженной, волосатой и сутулой, с укороченной шеей, укрупненной головой и с лицом, скорее напоминающим обезьянье. Формы тела «предка» утяжелены, поза еще больше напряжена; свое примитивное оружие он держит не в левой руке, а в правой (у Гризе правая рука «стража пещеры» сжимает камень (?), а свой топор он держит в левой руке).

Рисунок, опубликованный в популярном лондонском еженедельнике, подается как претендующий на звание первой научно обоснованной реконструкции, показавшей облик «доисторического человека с его привычками и образом жизни», более того, не «доисторического человека вообще, а реального человека, чей череп был недавно обнаружен в департаменте Коррез [Центральная Франция]»; г-н Купка только «нарастил на кости подлежащие мышцы и придал лицу выражение, которое у него, вероятно, было» [The most important 1909: 312–313].

Как само открытие почти полного скелета неандертальца, так и многочисленные реконструкции его возможного облика, которые попадали на страницы иллюстрированных журналов и становились доступными широкой публике, не только сыграли свою роль в полемике эволюционистов с их противниками, но и вызвали более широкий общественный интерес (в том числе религиозный, политический, националистический) [Sommer 2006]. Более того, если для самих палеоантропологических исследований они имели лишь ограниченное значение, то на «неакадемическую аудиторию» эти «восстановленные» изображения предков, обладавшие особенно убедительной силой, производили чрезвычайно сильное впечатление и укоренялись в массовом сознании [Schlager, Wittwer-Backofen 2015].

2

Параллельный процесс «визуализации первобытного человека» протекал и в художественной литературе. В своем романе «Путешествие к центру Земли» (*Voyage au centre de la Terre*, 1864) Жюль Верн следующим образом описывает реликтовое человекоподобное существо («чудовищного пастуха в чудовищной природе»), сохранившееся в глубинах земли и встретившееся герою произведения:

Рост его превышал двенадцать футов ($\approx 3,65$ м. — С. Н.). Голова величиной с голову буйвола исчезала в целом лесе вклокоченных волос. Он размахивал огромной ветвью — посохом, достойным первобытного пастуха [Верн 1955: 195].

Источник данной реконструкции (если при столь малом количестве упомянутых деталей подобное описание можно считать реконструкцией) прямо

⁹ На самом деле, как было впоследствии установлено, останки, послужившие основой этой реконструкции, гораздо древнее.

Ил. 4. Художник Мартин Шонгауэр. Дикий человек с гербом Гравюра. Германия, XV в.

Fig. 4. Artist Martin Schongauer. Wild man with coat of arms
Engraving. German, 15th century

[Bernheimer 1952, № 47]

указан в тексте романа — это находки Буше де Перта в каменоломнях Мулэн-Кюиньона (Франция), встретившие, кстати, достаточно настороженное отношение в научных кругах, что не упомянуто автором, утверждавшим (с опорой на противоположные суждения), будто именно после них «подлинность ископаемого человека четвертичной эпохи казалась неоспоримо доказанной и признанной» [Там же: 188], в чем он, заметим, оказался прав¹⁰. Впрочем, трудно отделаться и от мысли, что описание у Жюль Верна как-то связано и с позднесредневековым образом европейского «дикого человека» — ср. у Гёте:

Их зовут дикими лесными людьми,
Известными в горах Гарца,
В природной наготе и могуществе
Они приходят, все — гиганты,
У каждого в правой руке — ствол ели...
(Faust, II, 1: 1252–1259; пер. автора статьи)

И хотя к концу XVII в. данная фигура почти исчезла из литературного и общественного обихода [Forth 2007: 271], ее изображения сохранились в огромном количестве (ил. 4)¹¹.

¹⁰ Интерпретация находок Буше де Перта была поддержана Лайселем и Дарвином.

¹¹ «Его («дикого человека». — С. Н.) игровая площадка — все обширное поле позднесредневекового светского искусства, от гравюр и картин Альбрехта Дюрера и Питера Брей-

В анималистическом романе Джека Лондона «Зов предков» (The Call of the Wild, 1903) его центральному персонажу, псу Бэку, по каналам, так сказать, генетической памяти из глубины времен является образ первобытного человека, отличавшегося от современных Бэку людей:

У этого другого ноги были короче, а руки длиннее, мускулы — как узловатые веревки, а не такие гладкие и обросшие жиром. Волосы у него были длинные и всклокоченные, череп скошен от самых глаз к темени. Человек этот издавал странные звуки и, видно, очень боялся темноты, потому что то и дело всматривался в нее, сжимая в руке, свисавшей ниже колена, палку с привязанным к ней на конце большим камнем. Он был почти голый — только на спине болталась шкура, рваная и покоробленная огнем. Но тело его было покрыто волосами, и на груди и плечах, на тыльной стороне рук и на ляжках волосы были густые, как мех. Человек стоял не прямо, а наклонив туловище вперед и согнув ноги в коленях. И в теле его чувствовалась какая-то удивительная упругость, почти кошачья гибкость и напряженность, как у тех, кто живет в постоянном страхе перед видимыми и невидимыми опасностями [Лондон 1976: 293–294].

В этом облике легко угадывается порождение палеонтологических реконструкций конца XIX — начала XX в. (следует напомнить, что писатель увлекался дарвинизмом¹²): «ноги были короче, а руки длиннее», «свисавшие ниже колена», волосы «длинные и всклокоченные, череп скошен от самых глаз к темени», тело, «покрытое волосами», сутулость («стоял не прямо, а наклонив туловище вперед и согнув ноги в коленях») и непременно примитивное орудие / оружие («палка с привязанным к ней на конце большим камнем»; вспомним «огромный посох» у жюль-верновского «гигантопитека»); все это выглядит как прямое описание гравюры Гризе из «Harper's Weekly» (где, кстати, изображены и сидящие около пещеры собаки!) или реконструкции Купки в лондонском еженедельнике.

Герои романа Карела Глоухи (в рус. пер. Карл Глоух) «Заколдованная земля» (Zakletá země, 1910)¹³ попадают в теплый оазис посреди гренландских льдов, где сталкиваются с реликтовым племенем гак-ю-маков — людей каменного века, которые изображаются следующим образом.

Дикая путаница косматых черных волос, под которыми исчезал низкий лоб. Плоский широкий нос и большой выдавшийся рот с толстыми губами. И почти полное отсутствие бороды. «...» [Глаза] си-

геля до ларцов и гобеленов, которые средневековые кавалеры дарили своим дамам «...». Его место в средневековой повседневной жизни обеспечивалось появлением его изображений на печных изразцах, подсвечниках и пиалах, а в более крупном масштабе — на вывесках домов, дымоходах и выступающих балках каркасных домов. Его фигура появлялась даже на религиозных зданиях и в богослужебных книгах, на полях иллюстрированных рукописей, на капителях, хорах, купелях, надгробных плитах и — в качестве горгулий на карнизах церквей» [Bernheimer 1952: 2].

¹² Вспомним прежде всего его повесть «До Адама» (Before Adam, 1907); см. также: [Кутеева 2010].

¹³ [Hloucha 1910]; далее цит. по рус. пер.: [Глоух 1923].

дели глубоко, как в темных пещерах, жгучие и беспокойные, а над ними выдавались два сильных полукруга надглазниц. <...>

Все они были среднего или, скорее, даже малого роста, но во всяком случае выше, чем эскимосы, костлявые, почти худые, но с сильной мускулатурой. <...> Все были одеты в шкуры, небрежно переброшенные через одно плечо и стянутые у пояса при помощи сухих звериных жил, и на ногах не имели никакой обуви.

Кожа этих людей имела темно-бронзовый оттенок, и все они были покрыты волосами каштанового цвета, образовавшими на груди густую гриву. <...>

Зубы их были белы, а клыки сильно развиты [Глоух 1923: 94–97, 99].

В этом тексте отражаются все те же укоренившиеся в массовом сознании представления об облике доисторических людей, которые можно было почерпнуть из научно-популярных статей и рисунков в иллюстрированных журналах. «Так должен был выглядеть первобытный неандертальский человек!» — восклицает герой романа [Там же: 97].

В 1912 г. происходит сенсационное открытие «недостающего звена» эволюции — «Пилтдаунского человека» (ил. 5)¹⁴, через 40 лет разоблаченного как фальсификация. К данной фальсификации, возможно, был волею или неволею причастен и Конан Дойл, писавший в это время свой «Затерянный мир» (The Lost World, 1911), в котором отдельные обстоятельства из рассказов о приключениях полковника Перси Фоссетта в джунглях на границе Боливии и Бразилии (плато Рикардо Франко-Хиллс) соединились с некоторыми впечатлениями от «открытий» в карьере Пилтдаун [Winslow, Meyer 1983]. На плато «затерянного мира» среди прочих реликтовых форм члены экспедиции обнаруживают и племя ископаемых гоминидов (в данном случае — питекантропов), описывая которых, писатель несомненно опирается на палеоантропологические знания своего времени:

Ростом они, пожалуй, с человека, но немного шире, коренастее. <...> Брови рыжие, нависшие, глаза какие-то странные, будто из мутного стекла. <...>

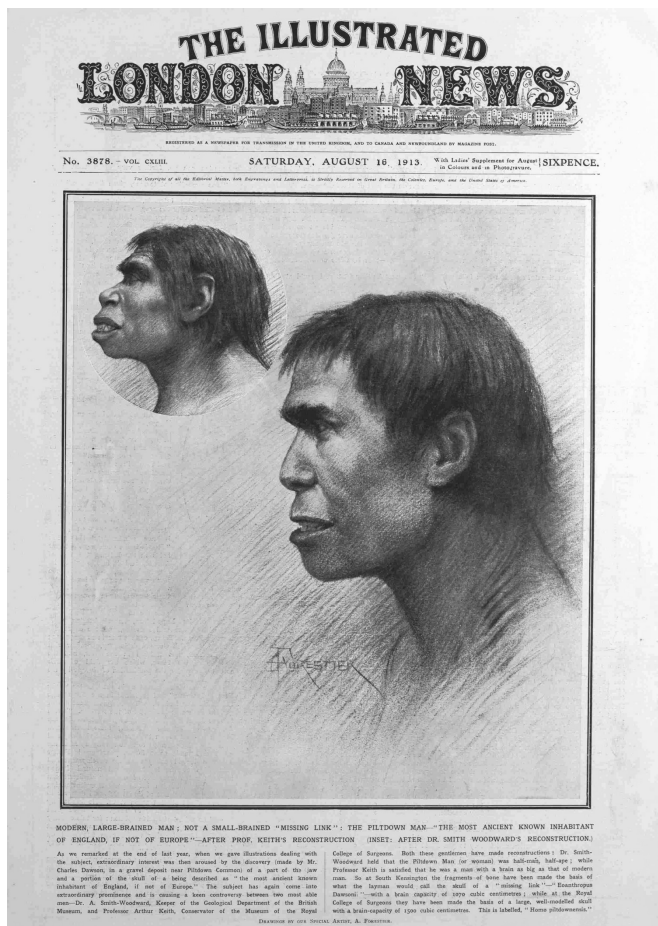
Квадратный торс, широкие плечи, грудь колесом, полное отсутствие шеи, длинная рыжая борода, мохнатые брови <...>

...ноги у них короткие, кривые, а туловище грузное. <...>

Сутулые, кривоногие, они бежали гуськом, озираясь по сторонам, и то и дело касались земли своими длинными руками. Сутулость уменьшала их рост, но, прикинув на взгляд, я определил его футов в пять ($\approx 1,5$ м. — С. Н.), не меньше. Многие из них были вооружены дубинками, и на расстоянии эти широкогрудые существа сильно смахивали на обросших волосами уродливых людей. <...>

...столпилось несколько сотен этих лохматых рыжих существ. Среди них возвышались настоящие гиганты... [Конан Дойль 1966: 258–259, 262–263, 265].

¹⁴ «Самого древнего известного жителя Англии, если не Европы», как рекомендует его на первой странице обложки популярный журнал «The Illustrated London News» (Vol. 143. No. 5878 (August 16). 1913).

Ил. 5. Художник А. Форстье. «Пилтдаунский человек» и человек современный
Обложка журнала «The Illustrated London News»
(Vol. 143. No. 5878 (August 16). 1913)

Fig. 5. Artist A. Forstier. "Piltown man" and modern man
Magazine cover (The Illustrated London News
Vol. 143. No. 5878 (August 16). 1913)

Критическими репликами на эти произведения явились романы В. А. Обручева «Плутония» (1915; опубл. в 1924 г.) и «Земля Санникова, или Последние онкилоны» (1924; опубл. в 1926 г.). Первый роман был написан по следам «Путешествия к центру Земли» Жюль Верна, а второй — как реакция на «Заколдованную землю» Карела Глоухи и «Затерянный мир» Конан Дойла:

Все это очень неправдоподобно. <...>

Геологические ошибки в этом романе [Жюль Верна] побудили меня в 1915 году сочинить «Плутонию». <...>

Второй — роман Конан Дойля <...> Однако и в этом романе также много неправдоподобного... («Плутония», из предисл. к 2-му изд. [Обручев 1995 (1): 10])¹⁵.

Критерий «правдоподобности» по отношению к фантастическим сюжетам¹⁶ вызывает некоторые сомнения, но он чрезвычайно важен для Обручева¹⁷. Остается открытым вопрос, что «правдоподобнее»: спуск по жерлу вулкана или сама концепция «полой Земли»¹⁸ (за антинаучность которой автору придется оправдываться в том же предисловии¹⁹), размещение «геозаповедника» с вымершими животными и первобытными людьми среди «ползущих» гренландских льдов, в джунглях Южной Америки или на легендарном острове-призраке в восточной части Северного Ледовитого океана (как у Обручева)²⁰. Разрешение этой проблемы связано с допустимой для писателя пропорцией между «свободным» фантазированием, с одной стороны, и, с другой — опорными элементами «картины мира», которые, по установкам культурной традиции, принимаются как естественные для данного повествовательного типа (его «возможный мир» [Norpal 1980]).

Несмотря на крайне негативную оценку литературных предшественников, В. А. Обручев, по существу, активно использует уже разработанные ими сюжеты, предлагая лишь новые редакции тех же самых приключений. Просветительский пафос (обусловивший и требование «правдоподобности») приводит к тому, что объем «упакованных» в повествовательные структуры позитивных знаний по палеонтологии, палеоантропологии, археологии, этнографии (жизнь первобытных охотников-собирателей, групповой брак, матриархат и т. д.) у Обручева значительно выше, чем у предшественников (как и степень «научной выверенности» подобных знаний). Это, впрочем, не мешает многим из пропагандируемых им представлений безнадежно устареть за последующее столетие — как ни парадоксально, «недостаточно научное» фантазирование Конан Дойля оказалось гораздо более жизнестойким.

Все сказанное выше относится и к изображению первобытных людей, племенами которых В. А. Обручев населяет свои фантастические миры, а именно неандертальцев «Плутонии» и палеолитических охотников вампу «Земли Санникова». Их описания, гораздо более подробные, чем предыдущие, строятся тем не менее по той же схеме, что и у Жюль Верна, Джека Лондона, Карела Глоухи и Конан Дойля:

¹⁵ См. также: [Гуревич 1958].

¹⁶ «Хороший научно-фантастический роман должен быть правдоподобен, должен внушать читателю убеждение, что все описываемые события при известных условиях могут иметь место...» [Обручев 1995 (1): 11].

¹⁷ «Уже первые издания романа “Плутония” показали, что он удовлетворяет условию правдоподобности» [Обручев 1995 (1): 11].

¹⁸ См.: [Повель, Бержье 2008 (Ч. 5. Гл. 8: Теория полой Земли)].

¹⁹ «В действительности же она уже давно отвергнута наукой» [Обручев 1995 (1): 11].

²⁰ В связи с этим мне вспоминается беседа с монгольским сказителем Чойнхором (1974 г., Среднегобийский аймак), который оценивал эпический сюжет о Гесере как неправдоподобный, поскольку, по его мнению, герой не в состоянии одним махом отрубить двенадцать голов чудовища, хотя правдоподобность существования двенадцатиголового чудовища у него сомнений не вызывала [Неклюдов, Рифтин 1976: 138].

У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый мужчина <...> тело его покрыто темными волосами. Лицом он походил на австралийца, но имел еще более выдающиеся челюсти и очень низкий лоб. <...>

...они имели большую голову на коротком объемистом туловище с короткими, грубыми и сильными конечностями. Плечи были широки и сутуловаты, голова и шея наклонены вперед. Короткий подбородок, массивные надбровные дуги и покатый лоб придавали им сходство с человекообразной обезьяной. Ноги были несколько согнуты в коленях. Первобытные люди ходили, наклонившись вперед... («Плутония» [Обручев 1995 (1): 264, 277–278]).

Вампу были совершенно нагие, с очень смуглой кожей и покрытые волосами. Спутанные космы волос свисали на плечи <...>

Над его маленькими, глубоко сидящими глазами низкий лоб выдавался двумя массивными дугами; в разинutom рту видны были крупные белые зубы с порядочно выдающимися клыками, а очень короткий подбородок придавал лицу дикое выражение. Нос был приплюснутый, с широкими ноздрями <...> Туловище было покрыто густыми черными волосами, но на плечах и груди сквозь них просвечивала темная кожа. <...>

...волосатые, мускулистые тела, звероподобные лица, космы волос («Земля Санникова» [Обручев 1995 (2): 115–116, 139]).

Если свести вместе разобранные выше изображения «первобытного человека», мы получим следующую картину (она может быть полнее при более пространном цитировании описаний и повторяющихся компонентов, но в таком случае результаты сопоставления окажутся менее наглядными, хотя их характер принципиально и не изменится).

1

Джек Лондон	Волосы у него были длинные и всклокоченные [Лондон 1976: 293].
К. Глоуха	Дикая путаница косматых черных волос <...> черные, дико разбросанные волосы, падали им на лицо [Глоух 1923: 94, 96].
В. А. Обручев «Земля Санникова»	Спутанные космы волос свисали на плечи, <...> [у женщин волосы] были длиннее, но также спутаны в космы [Обручев 1995 (2): 115, 119].

2

Джек Лондон	...череп скошен от самых глаз к темени [Лондон 1976: 293].
К. Глоуха	...под [волосами] исчезал низкий лоб. <...> выдавались два сильных полукруга надглазниц [Глоух 1923: 94–95].
В. А. Обручев «Плутония»	...выдающиеся челюсти и очень низкий лоб. <...> массивные надбровные дуги и покатый лоб [Обручев 1995 (1): 264, 277–278].
В. А. Обручев «Земля Санникова»	...низкий лоб выдавался двумя массивными дугами [Обручев 1995 (2): 116].

3

- К. Глоуха** ...глаза <...> сидели глубоко [Глоух 1923: 95].
- А. Конан Дойл** ...глаза какие-то странные, будто из мутного стекла [Конан Дойль 1966: 258].
- В. А. Обручев**
«Земля
Санникова» впалые маленькие глаза [Обручев 1995 (2): 121]

4

- К. Глоуха** Плоский широкий нос и большой выдавшийся рот с толстыми губами. И почти полное отсутствие бороды [Глоух 1923: 94].
- А. Конан Дойл** длинная рыжая борода [Конан Дойль 1966: 259]
- В. А. Обручев**
«Плутония» Цвет лица был землисто-бурый; под подбородком чернела небольшая борода <...> Короткий подбородок... [Обручев 1995 (1): 264, 277].
- В. А. Обручев**
«Земля
Санникова» ...небольшие бороды окаймляли лица. <...> очень короткий подбородок <...> Нос был приплюснутый, с широкими ноздрями [Обручев 1995 (2): 115–116].

5

- К. Глоуха** Зубы их были белы, а клыки сильно развиты [Глоух 1923: 99].
- В. А. Обручев**
«Земля
Санникова» ...крупные белые зубы с порядочно выдающимися клыками [Обручев 1995 (2): 116].

6

- Джек Лондон** ...ноги были короче, а руки длиннее, мускулы — как узловатые веревки <...> стоял не прямо, а наклонив туловище вперед и согнув ноги в коленях. И в теле его чувствовалась какая-то удивительная упругость, почти кошачья гибкость [Лондон 1976: 293–294].
- К. Глоуха** Все они были среднего или, скорее, даже малого роста <...> костлявые, почти худые, но с сильной мускулатурой <...> Их черные ступни были твердыми и нечувствительными [Глоух 1923: 96, 100].
- А. Конан Дойл** Ростом они, пожалуй, с человека, но немного шире, коренастее. <...> Квадратный торс, широкие плечи, грудь колесом, полное отсутствие шеи <...> ноги у них короткие, кривые, а туловище грузное. <...> Сутулые, кривоногие <...> то и дело касались земли своими длинными руками [Конан Дойль 1966: 258–259, 263].
- В. А. Обручев**
«Плутония» ...они имели большую голову на коротком объемистом туловище с короткими, грубыми и сильными конечностями. Плечи были широки и сутуловаты, голова и шея наклонены вперед. <...> Ноги были несколько согнуты в коленях. <...> ходили, наклонившись вперед [Обручев 1995 (1): 277–278].
- В. А. Обручев**
«Земля
Санникова» Женщины были несколько ниже ростом, чем мужчины, немного стройнее <...> Но мускулистость тела заставляла предполагать в женщине изрядную силу [Обручев 1995 (2): 119, 121].
- ...кожа по своей твердости производила впечатление рога; большой палец сильно отделялся от остальных [Там же: 120–121].

7

- Джек Лондон** Он был почти голый — только на спине болталась шкура, рваная и покоробленная огнем. Но тело его было покрыто волосами, и на груди и плечах, на тыльной стороне рук и на ляжках волосы были густые, как мех [Лондон 1976: 293].
- К. Глоуха** Все были одеты в шкуры, небрежно переброшенные через одно плечо и стянутые у пояса при помощи сухих звериных жил, и на ногах не имели никакой обуви. Кожа этих людей имела темно-бронзовый оттенок, и все они были покрыты волосами каштанового цвета, образовавшими на груди густую гриву [Глоух 1923: 96–97].
- В. А. Обручев
«Плутония»** Их тело покрыто довольно густыми волосами, и они вообще похожи на больших обезьян (без хвоста) «...» У входа в один из шалашей сидел на корточках взрослый мужчина «...» тело его покрыто темными волосами [Обручев 1995 (1): 259, 264].
- В. А. Обручев
«Земля
Санникова»** Вампу были совершенно нагие, с очень смуглой кожей и покрытые волосами «...» но на плечах и груди сквозь них просвечивала темная кожа «...» на руках и ногах волосы были гуще, чем на спине. Спереди она оказалась менее волосатой, а груди и лицо были совершенно чисты [Обручев 1995 (2): 115–116, 121].

8

- Джек Лондон** ...сжимая в руке, свисавшей ниже колена, палку с привязанным к ней на конце большим камнем [Лондон 1976: 293].
- А. Конан Дойл** ...они размахивали палками, швыряли в нас камнями «...» Многие из них были вооружены дубинками [Конан Дойль 1966: 258, 263].
- В. А. Обручев
«Плутония»** Острые осколки вставляли также в отверстия, выдолбленные в дубинках, которые превращались в грозное оружие [Обручев 1995 (1): 278].
- В. А. Обручев
«Земля
Санникова»** Дубина представляла нижнюю часть ствола более толстого дерева вместе с началом корневой части, раздувавшейся до величины кулака. Она имела сантиметров 70 в длину и в мускулистой руке являлась страшным оружием... [Обручев 1995 (2): 117].

Кроме того, есть еще описания «речи первобытных людей», основывающиеся на тогдашних (отчасти сохраняющихся и в дальнейшем [Кликс 1983: 108–109]) представлениях о «примитивных языках».

- Джек Лондон** Человек этот издавал странные звуки [Лондон 1976: 294].
- К. Глоуха** Речь их была странная, грубая, полная гортанных звуков, произносимых своеобразно, как бы с напряжением, и похожих на крик диких лесных животных [Глоух 1923: 96].
- А. Конан Дойл** ...тараторили между собой на своем языке «...» Понять обезьян не так уж трудно, потому что они изъясняются главным образом знаками [Конан Дойль 1966: 258, 263].

**В. А. Обручев
«Плутония»**

...язык этих людей, очень несложный. Круг понятий был ограничен охотой, едой и примитивной обстановкой жизни, их язык состоял из односложных и двусложных слов без склонений, без глаголов, наречий, предлогов, так что речь дополнялась мимикой и телодвижениями [Обручев 1995 (1): 277].

Как можно убедиться, все приведенные описания смонтированы из одних и тех же семантических блоков (волосы, форма черепа, глаза, черты лица, зубы, фигура, кожный покров, оружие), все они в той или иной мере связаны преемственными отношениями и опираются на традицию визуализации первобытных людей, которая была рассмотрена выше. Скрытые ссылки на это можно обнаружить в самих текстах произведений; так, когда Карел Глоуха рисует портрет гак-ю-мака («...рот с толстыми губами, по-звериному выступающий вперед, выдавшиеся личные кости и громадные надглазницы придавали трудно описуемое выражение п р о ф и л ю и х л и ц а» [Глоух 1923: 97]; выделено мной), перед его глазами, или по крайней мере перед «мысленным взором», почти наверняка стояла профильная реконструкция «головы неандертальца» Филиппарта либо одна из ее последующих реплик.

Более того: именно сама возможность «воочию увидеть доисторических людей», предоставленная палеоантропологическими реконструкциями конца XIX — начала XX в., видимо, становится для наших авторов центральной темой литературного фантазирования. Этим, кстати, данные произведения отличаются от «Приключений доисторического мальчика» Эрнста д'Эрвилли (1888) или цикла романов Жозефа Рони-старшего²¹, которые опирались на те же научные открытия, но рассказывали о жизни первобытного человека, не размещая ее в удаленных «биосферных заповедниках» с их уникальными условиями сохранения реликтовых форм флоры и фауны, а это, естественно, исключало и опору на «непосредственное свидетельство» современного европейского путешественника.

Кстати, сами эти «свидетельства» внутри рассмотренных произведений остаются исключительно вербальными, тогда как «вещественные доказательства» сделанного открытия неизбежно оказываются утраченными. Героям Глоухи в силу экстраординарных обстоятельств («Дело шло лишь о сохранении жизни») приходится все оставить в «заколдованной земле»: «...наши замечательные коллекции по естествознанию и по этнографии мы должны были бросить в пещере» [Глоух 1923: 150]; у Конан Дойла члены экспедиции на заседании в Музее естествознания демонстрируют привезенного в Лондон живого птеродактиля, но летучему ящеру удается упорхнуть в форточку, открытую под потолком зала, и исчезнуть навсегда. У В. А. Обручева («Земля Санникова») санная повозка-нарта, которая «содержала все результаты экспедиции: коллекции естественноисторические и этнографические, фотографии, дневники», проваливается в пропасть, образовавшуюся при внезапном землетрясении: «...погибли все результаты нашей экспедиции! — вскричал Ордин. — Да, погибли! — произнес Горюнов безнадежным голосом» [Обручев 1995 (2): 235, 238].

²¹ «Ксипехузы» (1887), «Вамирэх» (1892), «Борьба за огонь» (1909), «Пещерный лев» (1918) и «Эльвор с Голубой реки» (1929). См.: [Bulliard 2001; Krämer 2003].

Ил. 6. Изображение (слева направо от зрителя) «дикого человека» (тибетск. ми-гё), макаки, лисы и лангура в рукописи «Атлас естественных наук» Ловсан-Йондона и Цэнд-Очира Пекин, XVIII или XIX в. [Поршнеv, Шмаков 1959: 24]

Fig. 6. From left to right of the viewer: Image of the “wild man” (Tibetan mi-gö), macaque, fox and langur in the manuscript Atlas of Natural Sciences by Lovsan-Yondon and Tsend-Ochir. Beijing, 18th or 19th century) [Porshnev, Shmakov 1959: 24]

Следует отметить, что и у Жюль Верна багаж путешественников пропадает на обратном пути («...большая часть имущества погибла во время взрыва, когда взбаламученное море грозило затопить наш плот» [Верн 1955: 206]), а исследователи Плутоний оставляют «в запаянном ящике краткие сведения о составе экспедиции <...> и главных результатах поездки на юг» [Обручев 1995 (1): 281–282]); все это — явно ослабленные варианты того же мотива.

Таким образом, для достижения «правдоподобности» (вспомним высказывания на сей счет В. А. Обручева!) писателю надо как-то объяснить отсутствие «материальных свидетельств» совершённого научного открытия. С этой целью он использует литературный прием, имеющий точные фольклорные эквиваленты и, вероятно, соответствующее происхождение. Однако в устной традиции его коммуникативное задание совсем иное, там он, напротив, должен свидетельствовать не о достоверности, а о вымышленности повествования — как это происходит в заключительных формулах волшебных сказок, сообщающих об утрате «вещественных доказательств», которые могли бы подтвердить присутствие рассказчика на финальном сказочном пиру, а тем самым — достоверность повествования:

«...дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: “Синь кафтан! Синь кафтан!” Я думаю: “Скинь кафтан!” — взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: “Красные башмачки! Красные башмачки!” Я думаю: “Украл башмачки!” — взял да и бросил» <...>; «...дали мне

кафтан, я иду домой, а синичка летит и говорит: “Синь да хорош!” Я думал: “Скинь да положи!” Взял скинул, да и положил...” (мотив «исчезающие дары и возвращение героя» [Антонов 2011: 3]).

Впрочем, амбивалентность этого приема (тем более относящаяся скорее к его генезису, чем к актуальному прочтению) отнюдь не мешает «наивному читателю» принимать литературный вымысел на веру [Неклюдов 1995: 669] и считать подлинными, например, события, описанные Жюль Верном в «Путешествии к центру Земли»²², а в адресованных В. А. Обручеву письмах спрашивать, «почему не снаряжаются новые экспедиции в Плутонию для изучения подземного мира», предлагать себя «в качестве членов будущих экспедиций» и интересоваться «дальнейшей судьбой путешественников, выведенных в романе» («Плутония», из предисл. к 2-му изд. [Обручев 1995 (1): 11]).

Остается добавить, что романы Жюль Верна и Конан Дойла вызывали при своем издании огромный интерес у читателей, множество раз перепечатывались и переводились на другие языки. Успех произведения Карела Глоухи, видимо, был скромнее и ограничивался главным образом пределами Чехии; Впрочем, в русском переводе «Заколдованная земля» появилась практически сразу же после своего выхода в свет²³ и затем неоднократно переиздавалась. Большой популярностью у русскоязычного читателя пользовались и романы В. А. Обручева, однако многочисленные переводы «Плутонии» (английский, немецкий, испанский, польский, чешский, венгерский) и «Земли Санникова» (немецкий, румынский, английский) появились только в 1950-е годы, когда в послевоенное десятилетие активизировался процесс издания советской литературы за рубежом [Каневский 1967] и, добавим, как раз на пороге активной охоты гоминологов за снежным человеком.

3

Итак, начиная с 70-х годов XIX в. в европейском и американском общественном сознании возникает, укореняется, получает широкую известность образ нашего далекого предка или его ближайшего родственника — «первобытного/доисторического человека». Его облик реконструируют палеоантропологи и анатомы (Шааффхаузен, Сольгер, Мартин); воссоздают художники (Гризе, Филиппарт, Купка) под руководством ученых (Лаббок, Буль); разрабатывается и научная методика подобных реконструкций (Кольман, Бехли, Меркле). Со страниц иллюстрированных журналов («Harper's Weekly», «The Illustrated London News» и др.) этот «первобытный человек» глядит на читателя, как живой — безотносительно к тому, идет ли речь о неандертальце «вообще» или о вполне конкретном существе, которое должно было выглядеть именно так, как его представил живописец-реконструктор, «по науке» нарастивший мышцы поверх найденного скелета и одевший плоть соответствующим кожным покровом. Вот он — длиннорукий и коротконогий, волосатый и сутулый, с низким, скошенным лбом, глубоко сидящими глазами, приплюснутым носом и выпирающими вперед челюстями. И с неизменной дубиной в руках.

²² Ср. авторское Заключение к этой книге.

²³ Вокруг света. 1912. № 15–38, 40, 41, 43.

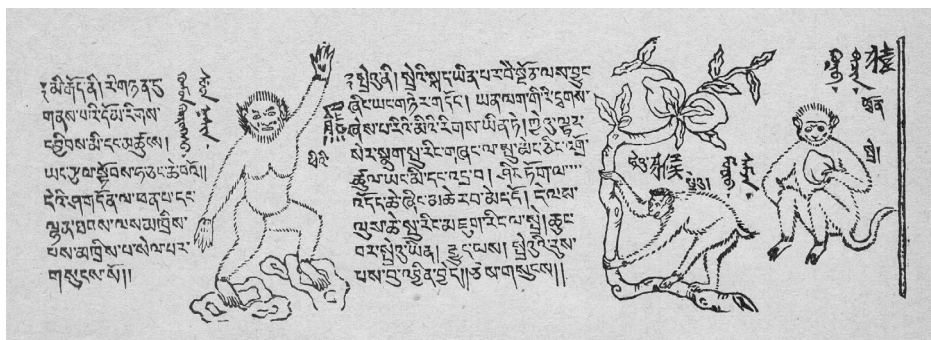

Fig. 7. Изображение (слева направо) «дикаго человека» (тибетск. ми-гё), макаки и лангура в рукописи «Анатомический словарь для познания разных болезней». Джамбалдорга, Урга, начало XX в. [Поршнев, Шмаков 1959: 24]

Fig. 7. From left to right of the viewer: Image of the “wild man” (Tibetan mi-gö), macaque and langur in the manuscript Anatomical Dictionary for the Knowledge of Various Diseases. Jambaldorg, Urga, early 20th century) Porshnev, Shmakov 1959: 24]

Допущение непосредственной встречи с этим «первобытным человеком» было сделано в научно-фантастической литературе (начиная с Жюль Верна), она же сформулировала свои гипотезы об условиях такой встречи и о ее результатах. Трудно предположить, что подобные идеи могли возникнуть без интеллектуального воздействия дарвинизма, конкретно — вне понимания того, что в живой природе сосуществуют различные биологические виды, возникшие на разных ступенях эволюции, в том числе также и их «предковые», реликтовые формы (ср. гораздо более поздний «эффект ископаемой кистеперой рыбы», дожившей, как выяснилось, до нашего времени). Разумеется, для массового читателя беллетристический вымысел оставался таковым (хотя нашлось немало людей, которые приняли его за чистую монету), но все-таки ситуация встречи, пусть фантастическая, теперь была обозначена.

Европейские (прежде всего британские) первопроходцы, военные, альпинисты, натуралисты, освоители и исследователи Гималаев — майор Л. Уэдделл (1889), подполковник Ч. Говард-Бери (1921), фотограф А. Томбази (1925) и другие — видимо, были читателями этих журналов и книг, причем едва ли самыми «наивными» читателями. В известных пределах, кто больше, кто меньше, они, скорее всего, владели научными знаниями своего времени, определявшими их картину мира, которая помимо всего прочего включала реконструированный облик недавно открытого неандертальца. При встрече они легко могли бы опознать его и в этом смысле были готовы к такой встрече.

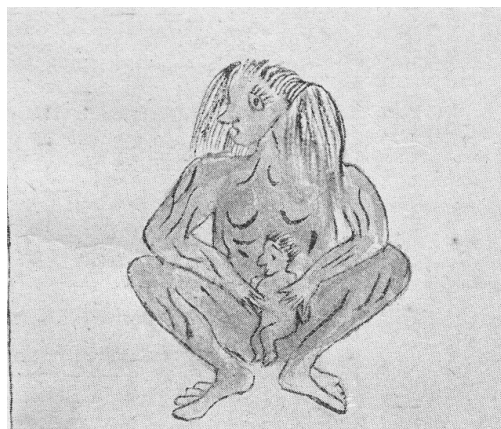
И встреча состоялась. Реликтовый гоминид (довольно случайно названный *снежным человеком*) был обнаружен в легендах о «диком человеке» центральноазиатских высокогорий. Так возникла гоминология, занявшая целенаправленными поисками этого персонажа (в основном с 1950-х годов) и собиранием сведений о нем. Инструментом подобной интерпретации местных фольклорных текстов (интерпретацией «первого порядка») явились

Ил. 8. Изображение «дикой женщины» алмас (?) на монгольской гадальной карте
[Беннигсен 1912, № 32]

Fig. 8. The image of the “wild woman” almas (?) on Mongolian divination card
[Bennigsen 1912, No. 32]

смелые палеоантропологические гипотезы, правота которых так и не была подтверждена: ни сам объект поисков, ни продукты его жизнедеятельности, ни его останки не были найдены, а все, что предъявлялось, не выдерживало биологической экспертизы. Чем дальше, тем больше крепла уверенность, что за данными текстами не стоит ничего, кроме локальных образов «низшей мифологии», хотя и в весьма специфических формах (ил. 6–9).

Ил. 9. Изображение «дикой женщины» алмас (?) на монгольской гадальной карте
[Беннигсен 1912, № 34]

Fig. 9. The image of the “wild woman” almas (?) on Mongolian divination card
[Bennigsen 1912, No. 34]

Сличение записей гоминологических экспедиций с немногочисленными старыми («первичными») источниками позволяет предположить, что местный фольклор оказался достаточно чувствителен к запросам поисковиков, а их коммуникативные задания непредумышленно регулировали и отбор, и содержательный состав текстов. В результате местные традиции, обогащенные палеоантропологическими идеями, стали сами предлагать исследователям некую уточненную интерпретацию своих сообщений. Именно эта «реверсивная» интерпретация и является тем основным материалом, с которым работает современная гоминология.

Далее легенда о «снежном человеке» переходит в количественно необозримую (и также легко усваиваемую фольклором) продукцию массовой культуры, книжную и кинематографическую, в жанр фэнтези, в «литературу ужасов» и т. п. [Sawerthal, Torri 2017]. Но это уже совсем другая история.

Источники

- Верн 1955 — *Верн Ж.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 2: Путешествие к центру Земли; Путешествие и приключения капитана Гаттераса / [Пер. с фр. Н. А. Егорова]. М.: Гос. Изд-во Худ. Лит., 1955.
- Глоух 1923 — *Глоух К.* Заколдованная земля: Фантастический роман. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
- Конан Дойль 1966 — *Конан Дойль А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 8: Открытие Рафлза Хоу; Затерянный мир; Отравленный пояс; Маракотова бездна / Пер. с англ. М.: Правда, 1966.
- Лондон 1976 — *Лондон Дж.* Собр. соч.: В 13 т. Т. 2: Дочь снегов; Зов предков; Мужская верность / [Пер. с англ.]. М.: Правда, 1976.
- Обручев 1995 — *Обручев В. А.* Собр. соч.: В 3 т. М.: ТЕРРА, 1995.
- Повель, Бержье 2008 — *Повель Л., Бержье Ж.* Утро магов: Посвящение в фантастический реализм / [Пер. с фр.]. М.: Самотека, 2008.
- Поршнев, Шмаков 1959 — Информационные материалы комиссии по изучению вопроса о «снежном человеке» / Под ред. Б. Ф. Поршнева, А. А. Шмакова. Вып. 3. М.: [б. и.], 1959.
- Figuier 1870 — *Figuier L.* L'Homme primitif. Paris: Hachette, 1870.
- Greenwood 1869 — *Greenwood J.* Legends of savage life. London: J. C. Hotten, 1869.
- Hloucha 1910 — *Hloucha K.* Zakletá země. Praha: Jos. R. Vilímek, 1910.
- The most important 1909 — The most important anthropological discovery for fifty years // The Illustrated London News. Vol. 134. No. 3645 (February 27). 1909. P. 300–301, 312–313.
- The Neanderthal man 1873 — The Neanderthal man // Harper's Weekly. Vol. 17. No. 864 (July 19). 1873. P. 617–618.

Литература

- Антонов 2011 — *Антонов Д. И.* Концовки волшебных сказок: путь героя и путь рассказчика // Живая старина. 2011. № 2. С. 2–4.
- Беннигсен 1912 — Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсен. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912.
- Вишняцкий 2010 — *Вишняцкий Л. Б.* Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История, 2010.
- Герасимов 1955 — *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955.

- Гинзбург 2004 — *Гинзбург К.* Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы: Морфология и история / Пер. с итал. и послесл. С. Л. Козлова. М.: Нов. изд-во, 2004. С. 189–241.
- Гуревич 1958 — *Гуревич Г.* О романах В. А. Обручева «Плутония» и «Земля Санникова» // Обручев В. А. Плутония. Земля Санникова. М.: Гос. изд-во дет. лит., 1958. (Б-ка приключений). С. 630–639.
- Каневский 1967 — *Каневский Б.* По всему земному шару // Распространение печати. 1967. № 4. С. 9–10.
- Кликс 1983 — *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1983.
- Кутеева 2010 — *Кутеева Н. Э.* Отражение позитивистской концепции в анималистических повестях Джека Лондона // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. Т. 2. № 3. 2010. С. 128–132.
- Неклюдов 1995 — *Неклюдов С. Ю.* Отношение «текст — денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. [Вып.] 1 / Ред.-сост. Е. В. Пермяков. М.: ИЦ-Гарант, 1995. С. 667–675.
- Неклюдов, Рифтин 1976 — *Неклюдов С. Ю., Рифтин Б. Л.* Новые материалы по монгольскому фольклору // Народы Азии и Африки. 1976. № 2. С. 135–147.
- Amos 2011 — *Amos L.M.* 'Them' or 'us'? A question of cognition: The case for Neanderthal modernity: Master's Thesis / Univ. of Bergen, ANKR/ARK350. Bergen, 2011.
- Bernheimer 1952 — *Bernheimer R.* Wild men in the Middle Ages: A study in art, sentiment, and demonology. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1952.
- Blade and bone n. d. — *Blade and bone: The discovery of human antiquity* // Linda Hall Library. N. d. URL: <https://bladeandbone.lindahall.org/25.shtml>.
- Boule 1911–1913 — *Boule M.* L'homme fossile de la Chapelle-aux-Saints // Annales de paléontologie. Т. 6. 1911. P. 111–172; Т. 7. 1912. P. 21–56, 85–192; Т. 8. 1913. P. 1–70.
- Bulliard 2001 — *Bulliard M.* L'enjeu des origines: les romans préhistoriques de J.-H. Rosny aîné. Lausanne: Archipel, 2001.
- Darwin 1859 — *Darwin Ch.* On the origin of species by means of natural selection, or The preservation of favoured races in the struggle for life. London: John Murray, 1859.
- Forth 2007 — *Forth G.* Images of the Wildman inside and outside Europe // Folklore. Vol. 118. No. 3. 2007. P. 261–281.
- Hoppal 1980 — *Hoppal M.* Genre and context in narrative event: Approaches to verbal semiotics // Genre, structure and reproduction in oral literature / Ed. by L. Honko, V. Voigt. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. P. 107–128.
- Hubbard 1945 — *Hubbard H.* A forgotten illustrator: Ernest Griset, 1844–1907 // The Connoisseur. Vol. 115. 1945. P. 30–36.
- Karel 1992 — *Karel D.* Dictionnaire des artistes de langue française en Amérique du Nord: peintres, sculpteurs, dessinateurs, graveurs, photographes, et orfèvres. [Québec]: Musée du Québec; Presses de l'Université Laval, 1992.
- Krämer 2003 — *Krämer B.* Abenteuer Steinzeit und Mythos Evolution: die Romans prähistoriques von J.-H. Rosny Aîné. Frankfurt/Main; New York: P. Lang, 2003.
- Lambourne 1977 — *Lambourne L.* Ernest Griset: Fantasies of a Victorian illustrator. London: Thames & Hudson, 1977.
- Lubbock 1865 — *Lubbock J.* Prehistoric times, as illustrated by ancient remains, and the manners and customs of modern savages. London: Williams & Norgate, 1865.
- Lubbock 1870 — *Lubbock J.* The origin of civilisation and the primitive condition of man: Mental and social condition of savages. New York: D. Appleton, 1870.

- Madison 2016 — *Madison P.* The most brutal of human skulls: Measuring and knowing the first Neanderthal // *The British Journal for the History of Science*. Vol. 49. No. 3. 2016. P. 411–432.
- Murray 2009 — *Murray T.* Illustrating ‘savagery’: Sir John Lubbock and Ernest Griset // *Antiquity*. Vol. 83. 2009. P. 488–499.
- Pitts 2013 — *Pitts M.* Ernest Griset in London // Mike Pitts — Digging Deeper. 2013. February 11. URL: <https://mikepitts.wordpress.com/2013/02/11/ernest-griset-in-london>.
- Sawerthal, Torri 2017 — *Sawerthal A., Torri D.* Imagining the wild man: Yeti sightings in folktales and newspapers of the Darjeeling and Kalimpong Hills // *Transcultural encounters in the Himalayan borderlands: Kalimpong as a “contact zone”* / Ed. by M. Viehbeck. Heidelberg: Heidelberg Univ. Publishing, 2017. (Heidelberg Studies on Transculturality; Vol. 3). P. 121–143.
- Schlager, Wittwer-Backofen 2015 — *Schlager S., Wittwer-Backofen U.* Images in paleoanthropology: Facing our ancestors // *Handbook of paleoanthropology* / Ed. by W. Henke, I. Tattersall. Berlin; Heidelberg: Springer, 2015. P. 1019–1027.
- Sommer 2006 — *Sommer M.* Mirror, mirror on the wall: Neanderthal as image and ‘distortion’ in early 20th-century French science and press // *Social Studies of Science*. Vol. 36. No. 2. 2006. P. 207–240.
- Winslow, Meyer 1983 — *Winslow J. H., Meyer A.* The perpetrator at Piltdown // *Science*. Vol. 83. 1983. P. 32–43.

References

- Amos, L. M. (2011). *‘Them’ or ‘us’? A question of cognition: The case for Neanderthal modernity* (Master’s Thesis, Univ. of Bergen, AHKR/ARK350).
- Antonov, D. I. (2011). Kontsovki volshebnykh skazok: put’ geroia i put’ rasskazchika [Fairy tale endings: The hero’s journey and the storyteller’s journey]. *Zhivaia starina*, 2011(2), 2–4. (In Russian).
- Bennigsen, A. P. (1912). *Legendy i skazki Tsentral’noi Azii, sobrannye grafom A. P. Bennigsen* [Legends and tales of Central Asia, collected by Count A. P. Bennigsen]. Tipografiia A. S. Suvorina. (In Russian).
- Bernheimer, R. (1952). *Wild men in the Middle Ages: A study in art, sentiment, and demonology*. Harvard Univ. Press.
- Blade and bone: The discovery of human antiquity (n. d). *Linda Hall Library*. <https://bladeand-bone.lindahall.org/25.shtml>.
- Boule, M. (1911–1913). L’homme fossile de la Chapelle-aux-Saints. *Annales de paléontologie*, 6, 111–172, 7, 21–56, 85–192, 8, 1–70. (In French).
- Bulliard, M. (2001). *L’enjeu des origines: les romans préhistoriques de J.-H. Rosny aîné*. Archipel. (In French).
- Darwin, Ch. (1859). *On the origin of species by means of natural selection, or The preservation of favoured races in the struggle for life*. John Murray.
- Forth, G. (2007). Images of the Wildman inside and outside Europe. *Folklore*, 118(3), 261–281.
- Gerasimov, M. M. (1955). *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyi i iskopaemyi chelovek)* [Reconstruction of the face from the skull (modern and fossil man)]. Izdatel’sтво Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Ginzburg, C. (1986). *Miti, emblemi, spie: Morfologia e storia*. Einaudi. (In Italian).
- Gurevich, G. (1958). O romanakh V. A. Obrucheva “Plutoniia” i “Zemlia Sannikova” [On V. A. Obruchev’s novels *Plutonia* and *Sannikov Land*]. In V. A. Obruchev. *Plutoniia. Zemlia Sannikova* (pp. 630–639). Gosudarstvennoe izdatel’stvo detskoi literatury. (In Russian).
- Hoppal, M. (1980). Genre and context in narrative event: Approaches to verbal semiotics. In L. Honko, & V. Voigt (Eds.). *Genre, structure and reproduction in oral literature* (pp. 107–128). Akadémiai Kiadó.

- Hubbard, H. (1945). A forgotten illustrator: Ernest Griset, 1844–1907. *The Connoisseur*, 115, 30–36.
- Kanevskii, B. (1967). Po vsemu zemnomu sharu [All over the globe]. *Rasprostranenie pechati*, 1967(4), 9–10. (In Russian).
- Karel, D. (1992). *Dictionnaire des artistes de langue française en Amérique du Nord: peintres, sculpteurs, dessinateurs, graveurs, photographes, et orfèvres*. Musée du Québec; Presses de l'Université Laval. (In French).
- Klix, F. (1980). *Erwachendes Denken: eine Entwicklungsgeschichte der menschlichen Intelligenz*. Deutscher Verlag der Wissenschaften. (In German).
- Krämer, B. (2003). *Abenteuer Steinzeit und Mythos Evolution: die Romans prähistoriques von J.-H. Rosny Aîné*. P. Lang. (In German).
- Kuteeva, N. E. (2010). Otrazhenie pozitivistskoi kontseptsii v animalisticheskikh povestiakh Dzheka Londona [Reflection of the positivist concept in the animal stories by Jack London]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*, 2(3), 128–132. (In Russian).
- Lambourne, L. (1977). *Ernest Griset: Fantasies of a Victorian illustrator*. Thames & Hudson.
- Lubbock, J. (1865). *Prehistoric times, as illustrated by ancient remains, and the manners and customs of modern savages*. Williams & Norgate.
- Lubbock, J. (1870). *The origin of civilisation and the primitive condition of man: Mental and social condition of savages*. D. Appleton.
- Madison, P. (2016). The most brutal of human skulls: Measuring and knowing the first Neanderthal. *The British Journal for the History of Science*, 49(3), 411–432.
- Murray, T. (2009). Illustrating ‘savagery’: Sir John Lubbock and Ernest Griset. *Antiquity*, 83, 488–499.
- Nekliudov, S. Yu. (1995). Otnoshenie “tekst — denotat” i problema istinnosti v povestvovatel’nykh traditsiiakh [The “text-denotation” relation and the problem of truth in narrative traditions]. In E. V. Permiakov (Ed.). *Lotmanovskii sbornik* (Vol. 1, pp. 667–675). ITs-Garant. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu., & Rifting, B. L. (1976). Novye materialy po mongol’skomu fol’kloru [New materials on Mongolian folklore]. *Narody Azii i Afriki*, 1976(2), 135–147. (In Russian).
- Pitts, M. (2013, February 11). Ernest Griset in London. *Mike Pitts — Digging Deeper*. <https://mikepitts.wordpress.com/2013/02/11/ernest-griset-in-london>.
- Porshnev, B. F., & Shmakov, A. A. (1959). *Informatsionnye materialy komissii po izucheniiu vo-prosa o “snezhnom cheloveke”* [Informational materials of the commission for the study of the issue of the Abominable Snowman] (Vol. 3, n. e.). (In Russian).
- Sawerthal, A., & Torri, D. (2017). Imagining the wild man: Yeti sightings in folktales and newspapers of the Darjeeling and Kalimpong Hills. In M. Viehbeck (Ed.). *Transcultural encounters in the Himalayan borderlands: Kalimpong as a “contact zone”* (pp. 121–143). Heidelberg Univ. Publishing.
- Schlager, S., & Wittwer-Backofen, U. (2015). Images in paleoanthropology: Facing our ancestors. In W. Henke, & I. Tattersall (Eds.). *Handbook of paleoanthropology* (pp. 1019–1027). Springer.
- Sommer, M. (2006). Mirror, mirror on the wall: Neanderthal as image and ‘distortion’ in early 20th-century French science and press. *Social Studies of Science*, 36(2), 207–240.
- Vishniatskii, L. B. (2010). *Neandertal’tsy: istoriya nesostoiavshegosia chelovechestva* [Neanderthals: The story of a failed humanity]. Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Winslow, J. H., & Meyer, A. (1983). The perpetrator at Piltdown. *Science*, 83, 32–43.

* * *

Информация об авторе

Сергей Юрьевич Неклюдов

*доктор филологических наук
профессор, Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
профессор, Центр типологии
и семиотики фольклора, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-31
✉ sergey.nekludov@gmail.com*

Information about the author

Sergey Yu. Nekliudov

*Dr. Sci. (Philology)
Professor, Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Professor, Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-31
✉ sergey.nekludov@gmail.com*

Е. В. Юшкова

ORCID: 0000-0002-7388-1123

✉ e.yushkova25@gmail.com

Центр женских исследований Пяти колледжей
(США, Амхерст)

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕРФОРМАНСЫ АЙСЕДОРЫ ДУНКАН В СОВЕТСКОЙ РОССИИ/ СССР

Аннотация. В статье рассматривается сценическое воплощение ряда популярных русских революционных песен в 1920-е годы в Советской России / СССР. Американская танцовщица Айседора Дункан, работавшая здесь в 1921–1924 гг., использовала их в качестве основы для хореографических работ. Анализируется предыстория данных постановок: танцевальная «революция», совершенная Дункан в начале XX в., и революционные мотивы в ее хореографии 1910-х годов. Еще один аспект творчества американской танцовщицы — ее интуитивное стремление к не концептуализированному в то время жанру перформанса, которое усилилось в контексте русской революции и экспериментального искусства первых послереволюционных лет. Приводятся примеры выступлений Дункан, которые вполне могли бы вписаться в контекст современных перформативных практик — иммерсивных, парципаторных и сайт-специфических, хотя обычно Айседора работала в рамках традиций XIX в. — выступала с программой из двух отделений в сопровождении оркестра или пианиста, тщательно выстраивала хореографический рисунок. Но автора статьи интересуют скорее революционные для того времени попытки Дункан выйти за пределы сцены и вовлечь зрителя в действие, стирая границу между художником и зрителем, искусством и жизнью.

Ключевые слова: Айседора Дункан, «Песни революции», «Дубинушка», «Варшавянка», искусство перформанса

Для цитирования: Юшкова Е. В. Революционные перформансы Айседоры Дункан в Советской России / СССР // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 51–84. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-52-84>.

Статья поступила в редакцию 31 января 2022 г.
Принято к печати 12 февраля 2022 г.

E. V. Yushkova

ORCID: 0000-0002-7388-1123

✉ e.yushkova25@gmail.com

Five College Women's Studies Research Center
(USA, Hampshire)

ISADORA DUNCAN'S REVOLUTIONARY PERFORMANCES IN SOVIET RUSSIA / USSR

Abstract. The article is devoted to the series of Russian revolutionary songs which the American dancer Isadora Duncan used as a musical basis for her choreographic works while in the USSR. The series included such popular songs as “Dubinushka”, “Varshavianka”, and others. The author also considers the pre-history of this cycle — Duncan’s dance “revolution” in the beginning of the 20th century, and revolutionary motifs in her choreography of the 1910s. Another aspect of the American dancer’s creativity is her intuitive aspiration to the genre of performance, not conceptualized at that time, which intensified in the context of the Russian revolution and experimental art of the first post-revolutionary years. The article analyses some examples of Duncan’s performances, which could be defined in terms of contemporary performative practices — immersive, participatory or site-specific. This despite the fact that Isadora usually worked within the framework of stage traditions of the 19th century: she had a program that consisted of two acts accompanied by an orchestra or a pianist, and meticulously structured her choreography. Nevertheless, the author focuses on Duncan’s innovations, which have not been reflected upon, and shows how Isadora tried to reach beyond the stage and to involve the audience in an art event, blurring distinctions between artist and audience, art and life.

Keywords: Isadora Duncan, “Russian Revolutionary Songs”, “Dubinushka”, “Varshavianka”, performance art

To cite this article: Yushkova, E. V. (2022). Isadora Duncan’s revolutionary performances in Soviet Russia / USSR. *Shagi / Steps*, 8(3), 51–84. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-52-84>.

Received January 31, 2022

Accepted February 12, 2022

В 1990 г. известные русские революционные песни — «Дубинушка», «Варшавянка» и ряд других — довольно резонансно прозвучали в Нью-Йорке. Они были использованы как основа для двух танцевальных программ, названных «Soviet Workers' Songs» («Песни советских рабочих») и «Impressions of Revolutionary Russia» («Впечатления от революционной России»), показанных американскими последовательницами Айседоры Дункан. Историк танца Энн Дейли (Ann Daly) опубликовала в специализированных изданиях «Theater Journal» и «Ballet International» рецензии на эти программы [Daly 2002a], отметив, что такого полного воплощения хореографические сюиты не получали в США с 1930-х годов, хотя попытки реконструировать и возобновить некоторые из входящих в них танцев делались с 1977 г. Именно в тот год в США праздновалось столетие Дункан (она родилась в 1877 г. в Сан-Франциско), а ее творчество буквально стало возрождаться из небытия¹ и снова вызывать интерес зрителей. Но именно с 1990-х танцы Советской России в хореографии Дункан (или, точнее, в интерпретациях ее последовательниц, стремящихся к максимально аккуратному воспроизведению оригинала) прочно вошли в репертуар различных танцевальных компаний, работающих в стиле Айседоры, которых в США возникло к тому времени довольно много.

В 2019 г. два самых ярких и оригинальных произведения из этой сюиты, «Дубинушка» и «Варшавянка», были привезены доцентом танца из Университета Среднего Теннесси Мег Брукер (Meg/Margaret Brooker) и ее ученицами в Москву, на III Международный фестиваль пластического танца, посвященный творчеству Айседоры Дункан, традиционно проводящийся в Российском университете дружбы народов². «Танцы революции», поставленные Айседорой в Советской России / СССР в далеком 1924 году, наконец вернулись к месту своего рождения, хотя для этого понадобилось почти столетие.

Интересно, что в 2020–2021 гг. некоторые из русских революционных танцев Дункан оказались вписанными в американский политический контекст и были представлены в программах, приуроченных к весьма скандальным президентским выборам (за голоса избирателей сражались Д. Трамп и Дж. Байден), причем иногда довольно экзотическим образом. Например, целый онлайн-марафон, организованный известной дунканисткой Лори Белилов³ 17 января 2021 г. накануне инаугурации только что избранного президента Джо Байдена, посвящался «Революционному» этюду Скрыбина⁴, а незадолго до этого в рамках ралли сторонников республи-

¹ Вскоре после трагической смерти Айседоры Дункан в 1927 г. во Франции и публикации многочисленных мемуаров ее современников в 1930-е годы танцовщицу в США забыли.

² См. программу фестиваля: <http://www.rudn.ru/media/events/iii-mejdunarodnyy-festival-plasticheskogo-tanca-posvyashchennyy-tvorchestvu-aysedory-duncan>. Организатор — руководитель коллектива пластического танца «Айседора» Интерклуба РУДН, заслуженный работник культуры РФ В. Н. Рязанова.

³ Лори Белилов (Lori Belilove) — основательница и художественный директор компании «The Isadora Duncan Dance Foundation & Company» (Нью-Йорк; см.: <https://isadoraduncan.org/company/belilove>) — признана одной из ведущих современных последовательниц Дункан, воспитала уже несколько следующих поколений американских дунканисток.

⁴ См.: <https://isadoraduncan.org/revolutionary-en-masse-premiere>.

канцев в поддержку Трампа в Лос-Анджелесе в декабре 2020 г. выступала другая танцовщица-дунканистка в ярко-красной тунике, призывая к освобождению Америки⁵.

«Дубинушка», «Варшавянка», «Кузнецы» («Кующие ключи свободы»), «Смело, товарищи, в ногу», «Раз, два, три — пионеры мы», «Молодая гвардия», «Юные пионеры» — этот цикл из семи революционных песен Айседора Дункан поставила для своих учениц незадолго до отъезда из СССР на Запад в 1924 г. Уже после трагической смерти Айседоры в 1927 г. группа молодых танцовщиц, выпускниц московской школы под руководством Ирмы Дункан⁶, привезла «Танцы революции» в США (дополненные трилогией самой Ирмы из композиций под названиями «Труд», «Голод», «Триумф труда») и с огромным успехом показывала их по всей стране, наряду с ранними сочинениями Айседоры, совершенно иными по стилистике [Юшкова 2019а: 39–49].

После этих гастролей оставшаяся в США Ирма Дункан набрала новый состав коллектива для последующих гастролей и поставила «Танцы революции» уже с менее подготовленными американками, поэтому новые гастроли не увенчались успехом, а вскоре интерес к танцу Айседоры и вовсе угас, ведь появилось целое поколение представителей танца модерн, привлекавших внимание своими нестандартностью и новизной. Наиболее яркими представителями американского танца модерн принято считать Рут Сен-Дени и Теда Шюна, Марту Грэм, Дорис Хамфри, Чарлза Вейдмана и ряд других исполнителей [McDonagh 1976; Fuhrer 2014].

Сейчас, в XXI в., американские дунканистки довольно часто исполняют «Танцы революции», в самых разных программах превратившиеся как в «Soviet Workers' Songs», так и в «Impressions of Revolutionary Russia». Наиболее популярными из этого цикла стали экспрессивные групповые танцы «Дубинушка» и «Варшавянка».

В данной статье будут не только проанализированы хореографические композиции, для которых использовались русские революционные песни, но и затронута тема революции в творчестве Дункан, а также ее революционность как танцовщицы, хореографа и теоретика танца. Автор раскрывает особую логику, которая привела американскую танцовщицу к русским революционным песням, но полностью осветить данную тему в рамках одной статьи довольно сложно.

⁵ См. видеозапись: <https://www.facebook.com/watch/?v=1151789901902258> (Facebook — продукт компании Meta, признанной в Российской Федерации экстремистской организацией).

⁶ В литературе Ирму Дункан чаще всего называют приемной дочерью Айседоры, как и еще пятерых выпускниц ее первой немецкой школы, получивших фамилию Дункан для въезда в США во время Первой мировой войны (все девушки были немками, и американское правительство могло бы создать им препятствия для въезда в страну), но вопрос о реальном их удочерении до сих пор остается открытым, хотя все шестеро вошли в историю именно под фамилией Дункан. Ирма была единственной из той группы учениц, кто согласился сопровождать Айседору в Советскую Россию в 1921 г. Она стала руководительницей московской школы с 1924 г., после отъезда Айседоры на Запад, но не вернулась с американских гастролей школы в 1930 г.

Перформативная революция

Хотя в Советской России / СССР Дункан работала только в 1921–1924 гг., симпатизировать революции, вернее, самой идее революции, она начала задолго до этого времени, еще в начале своего творческого пути, который ведет отсчет с ее первого успешного сольного концерта в Будапеште 1902 г. Правда, революционные речи и публикации Дункан того периода не касались коренных изменений в социуме, а лежали в плоскости танца, освобождения женщины, пересмотра подхода к выбору музыки для выступлений, а также в области педагогики.

О том, как Дункан революционизировала искусство танца, а также танцевальный дискурс в целом, написано довольно много (см.: [Юшкова 2019а: 7–29]), как и о ее революционном для начала XX в. представлении о степени свободы женщины. Рискуя впасть в банальность, резюмируем ее основные инновации: танец босиком и соло, свободная туника, не сковывающая движения тела, использование классической музыки, не предназначенной для танца, выражение духовных импульсов через танец, стремление к гармонии тела — души — духа [Там же: 65], важность раннего эстетического воспитания. Американская исследовательница Энн Дейли считает, что Дункан «предложила зрителям новый вид смысла [танца] и потребовала от них смотреть на танец по-новому», а также «легитимировала танец как высокое искусство» [Daly 2002a: 239]. В то время, когда сценический танец рассматривался либо как легковесное развлечение, либо как строго кодифицированный балет — элитарное зрелище для эстетов, она создавала непривычные для зрительского глаза программы на музыку Шуберта и Шопена, делала резкие и крайне эпатазирующие заявления. Например, в работе «Танец будущего» 1903 г. она объявила миру, что верит в «религию красоты человеческой ноги» [Duncan 1903] (или, как в самом первом русском переводе 1907 г. с немецкого, воспроизведенном в некоторых современных публикациях, «...я чувствую благоговение перед красотой человеческой ноги» [Дункан 1907: 5]), с пояснением, что «форма и пластичность ноги человеческой — великая победа в истории развития человека» [Там же: 6]. Женщина в представлении Дункан не должна определяться ни модой, ни моралью начала XX в. и может обходиться без привычных условностей: как без корсетов, уродующих ее фигуру, так и без обязательной регистрации брака для рождения детей.

Будучи предшественницей (провозвестницей) танца модерн, наряду с другими его американскими пионерами — Лой Фуллер, Рут Сент-Дени и Тедом Шоуном [Martin 1965], в корне изменившими подход к движениям человеческого тела на сцене и к смыслу самого танца, — Дункан уже в силу своего новаторства в искусстве может считаться революционеркой. В литературе даже встречаются такие утверждения, что само «ее имя синонимично “революции” в танце» [Landrum 1996: 251], что «она смогла использовать свою внутреннюю энергию, чтобы революционизировать танец» [Ibid.: 249], «установила повестку для танца модерн» и для творивших гораздо позднее хореографов-постмодернистов второй трети XX в. [Daly 2002a: x], а также «поместила некогда маргинальную практику, которой являлся танец, в центр культурного водоворота» [Ibid: 16]. Кроме того, по мнению американских исследователей,

Дункан раздвинула границы танца, выведя его за пределы изобразительности XIX в. и переведя в плоскость архитектурности сценического танца века XX [Manning 1998: 452]. Книга, которую выпустил в 1960 г. бывший секретарь Дункан Аллан Рос-Макдуггал, даже называлась «Айседора Дункан: революционерка в искусстве и любви» [MacDougall 1960].

Однако, на наш взгляд, Дункан удалось предвосхитить и еще одно явление XX в. — «перформативный переворот», ведь ее многочисленные акции как на сцене, так и в жизни могут быть описаны именно в категориях перформанса, который в первой трети века еще не был отрефлексирован, хотя футуристы и дадаисты активно осваивали этот новый жанр искусства на практике с 1910-х годов, а их поиски продолжили сюрреалисты в 1920-е [Голдберг 2017: 13–121].

Нарушение привычных конвенций в театре за счет как активного поиска новых форм в искусстве, так и смены социокультурной парадигмы (которая произошла в России после Октябрьской революции) позволили Дункан продвинуться в развитии жанра перформанса, в том числе политического (к нему относятся ее печально известные выступления 1920-х годов в США с явной большевистской пропагандой, после которых Айседора была лишена американского гражданства)⁷. Ее личные качества — стремление к эпатажным жестам и независимость, умение создавать вокруг себя мощное энергетическое поле — также объясняют ее тягу к тому жанру, который спустя полвека был определен как перформанс.

Сейчас теория перформанса прекрасно разработана благодаря трудам таких теоретиков-классиков, как Роузли Голдберг [2017], Эрика Фишер-Лихте [2015], Ричард Шехнер [2020], Эудженио Барба [2008] и ряда других исследователей, но ни в одном из них не анализируется опыт Айседоры Дункан, несмотря на явные признаки жанра в современном понимании, проявленные в ее отдельных работах⁸. Стихийные эксперименты Дункан мы бы отнесли к протоперформансу, в котором содержались зародыши разных видов будущего жанра.

Конечно, в основном Дункан выступала в традициях сценического искусства XIX в.: готовила полноценную программу, как правило в двух отделениях, от зрителя ее отделяла рампа, выступления сопровождалась музыкой (игрой пианиста или оркестра), а неформальные представления происходили лишь в салонах для узкого круга зрителей. Но приезд Айседоры в Советскую Россию, вскоре ставшую СССР, знаменовал новый период ее деятельности. Востребованное в начале 1920-х искусство авангарда, бросавшее вызов традициям, а также материальные условия в стране, обусловленные разрушениями революций и Гражданской войны, во многом повлияли и на творчество Дункан, которая всегда переформатировала свои выступления с учетом предлагаемых обстоятельств. Некоторые примеры подобных акций мы рассмотрим в данной статье, причем интересно отметить, что все они были так или иначе связаны с революционными песнями.

⁷ Биографических источников об этих выступлениях настолько много, в том числе в литературе о поездках по США Сергея Есенина, что перечислять их мы не считаем нужным.

⁸ Ради справедливости следует заметить, что Барба все же помещает несколько фотографий Дункан, говоря о различных практиках сценического движения.

Идеи Эрики Фишер-Лихте о том, что перформанс отличается от спектакля такими параметрами, как «сильное присутствие», «живость», «подлинность», «обмен энергиями» (см.: [Деникин 2021]), а также обладает «автопоэтической петлей обратной реакции» и производит «новое оволашебствование мира» [Фишер-Лихте 2015: 373], вполне применимы к ряду выступлений Дункан, в которых использовались революционные песни и в которые так или иначе вовлекалась публика, полная революционного энтузиазма, ведь данные песни являлись для собравшихся в зале своего рода триггером к сильному эмоциональному включению в происходящее. Хотя следует отметить, что, в отличие от перформансов футуристов и дадаистов, выступления Дункан с вовлечением в них публики всегда носили мирный характер, а также никогда не были грубо физиологичными и нарушающими традиционные моральные нормы (за исключением выступлений 1920-х, в которых спадающая с плеча красная туника внезапно или намеренно обнажала ее грудь [Маквей 2004: 382]).

Обладая мощной интуицией и феноменом сценического присутствия, Дункан использовала любые возможности, чтобы найти контакт с залом, что и проявилось в ее незапланированных спонтанных перформансах в СССР. Что касается США, то здесь ситуация была другая: танцовщица выражала протест против «американизма», который она так не любила — в это понятие она включала буржуазность, материализм, пуританскую мораль, а позже и неприятие страной Советской России и ее нового строя [Duncan 2008: 129–136; Daly 2002a: 181].

Начатые еще в 1910–1920-е годы перформансы футуристов, дадаистов, затем сюрреалистов, конечно же, эстетически были полной противоположностью тому, что делала Дункан, ведь она считала, что проповедует Красоту (это слово она всегда писала с большой буквы) и Гармонию, а также любовь к людям. Эти идеи прекрасно прочитываются в жестах, которыми она завершала концерты и которыми современные дунканистки в США заканчивают все свои симпозиумы. Сначала руки поднимаются высоко вверх, символизируя связь человека с Вселенной, Космосом, затем следует движение рук вниз, что показывает глубинную связь с Землей. Затем руки прижимаются к сердцу, демонстрируя любовь, и, наконец, выбираются вперед и немного разводятся в стороны — это символ связи с другими людьми или дружбы [Юшкова 2013]⁹. Все это делается крайне выразительно.

Тем не менее, как мы покажем далее, зарождающаяся новая традиция перформанса явно нашла отклик в творчестве Айседоры Дункан, и трудно отрицать, что танцовщица стала частью той перформативной революции 1910–1920-х годов, которая будет осмыслена гораздо позже, в последней трети XX в.

Революционные перформансы

О новом, революционном театре в 1920-е годы в Советской России / СССР шли довольно бурные дискуссии. Поскольку залы (в том числе оперных и балетных театров) заполнила «простая» публика, то к ней требовалось найти особый подход, над которым размышляли многие практики и даже теоретики.

⁹ Первый Международный симпозиум Айседоры Дункан прошел в Вашингтоне в 2013 г. Следующие симпозиумы проводились в 2015 г. в Чикаго, в 2017 г. на родине Дункан в Сан-Франциско, а последний в 2019 г. в Лондоне, где по сути дела на рубеже XIX–XX вв. и началась сольная карьера Дункан.

В 1923 г. вышло пятое издание книги Платона Керженцева «Творческий театр» (первое издание — в 1918 г.), в котором обосновывалось принципиальное отличие нового, социалистического театра от коммерческого и низкопробного буржуазного. В предисловии к четвертому изданию 1920 г. автор отметил, что его более ранние догадки относительно нового театра оказались пророческими, и развитие театрального искусства буквально следовало его рецептам. А писал он тогда «о соучастии зрителей, импровизациях, коллективном творчестве в театре, массовых спектаклях под открытым небом (...) о крахе буржуазного театра, о зарождении нового театра из пролетарской среды, об исключительном театральном значении народных празднеств» [Керженцев 1923: 7], так он понимал новый социалистический театр. Все вышеперечисленное вполне вписывается в современные представления о перформансе, хотя здесь еще пока не упоминается о сольных акциях художников, которые стали столь популярны в последней трети XX в.

Керженцев осуждает буржуазный театр за то, что он долгие годы приучал зрителя к пассивности.

Рампа стала пропастью, отделяющей сцену, где порой звучит творчество актера, от зрительного зала, который обречен на темноту, молчание, пассивное восприятие того, что ему преподносят (...) Вместо того, чтобы явиться местом для творческих переживаний и воплощений, театр стал для зрителя областью, где он приглашался «отдыхать», бездействовать, только слушать [Керженцев 1923: 25–26].

Хотя в последующих главах автор предлагает такие меры, как национализация крупных театров, а также повсеместное развитие сети самостоятельных трупп — что, впрочем, в СССР и было осуществлено, но в высказываниях об устранении ramпы и вовлечении зрителей в спектакль явно опирается на дореволюционные идеи Вячеслава Иванова о мистериальном театре и Николая Евреинова о «театре для себя» [Clark 1998: 105–106, 111–112].

Возвращаясь к выступлениям Дункан в СССР, сразу же отметим, что ей неоднократно удавалось преодолеть традиционную для театра зависимость от ramпы и по-настоящему вовлечь нового демократического зрителя в действие, о чем и пойдет речь в данной статье. То есть, по сути, она неоднократно становилась режиссером настоящих революционных перформансов, хотя и делала это чаще всего в силу предлагаемых обстоятельств.

На практике ramпа преодолевалась в целом ряде массовых зрелищ, относящихся к новому жанру, окончательно оформившемуся в 1920 г. благодаря усилиям известных дореволюционных режиссеров и художников: Николая Евреинова, Сергея Радлова, Александра Кутеля, Адриана Пиотровского и др. Зрители становились участниками таких постановок, как «Мистерия освобожденного труда», «К мировой Коммуне», «Праздник Интернационала в Красносельских лагерях» и, наконец, самого массового представления — «Взятие Зимнего дворца» [Кибардин 2020: 42]. Катерина Кларк в своем фундаментальном труде «Петербург: горнило культурной революции» подробно рассматривает те перформансы, которые форматировали не только эстетику 1920-х годов, но и создали мифы о революции, воспроизводимые на протяжении долгих советских лет. Хотя масштаб зрелища здесь был поистине колос-

сальным — например, во «Взятии Зимнего дворца» в постановке Евреинова участвовало 6000 человек (среди них, наряду с профессиональными актерами, были солдаты и матросы), а количество зрителей достигало ста тысяч [Clark 1998: 122], но ощущение соучастия, вовлеченности, эмоционального потрясения захватило тогда практически всех. Спектакль стал «подлинной кульминацией движения за массовый театр» [Ibid.: 123], закончившись хоровым исполнением «Интернационала», фейерверками и маршами. Массовые представления проводились и в Москве, и в провинциальных городах, но именно Петербург/Петроград «стал ритуальной столицей революционной России» [Ibid.], ведь именно здесь, по мнению Кларк, собрались интеллектуалы, которые увлекались идеями Ницше и стремились к объединяющим ритуалам на открытых пространствах — ритуалам трансгрессии, взрывающим социально-эстетические ограничения [Ibid.: 124]. Кларк упоминает и идеи карнавала Бахтина, также основанные на трансгрессии, на размывании границ между исполнителями и публикой [Ibid.: 125]. Другие, менее известные массовые праздничные зрелища в Петрограде тоже пытались вовлечь зрителя в действие, разрушать рампу (ранее подобные эксперименты, хотя и более камерные, уже проводил, в частности, Всеволод Мейерхольд [Зноско-Боровский 1910; Юшкова 2009: 135–136]).

Анализ массовых зрелищ 1920-х годов находится за рамками данной статьи, а обращаясь к ним, мы лишь воспроизвели контекст, в котором формировался новый зритель, — ведь именно эти матросы и рабочие придут в 1922 г. на выступление Айседоры Дункан в Петрограде и неожиданно станут его участниками.

В то же время массовый зритель, заполнивший оперные театры, неожиданно полюбил классические балеты со сказочными сюжетами [Ezrahi 2012: 20], а сценический танец также стал важным элементом новой демократической культуры.

Таким образом, почва для неконвенциональных выступлений в СССР в начале 1920-х была достаточно подготовленной. А зрители (и довольно немалое их число) уже имели некоторый опыт вовлечения в постановки профессиональных режиссеров.

Музыка революции

Выбор музыки всегда был важным для Дункан. «Музыка претворяется и смолкает в ее теле, как в магическом кристалле» [Касаткина 1992: 36], — писал в статье «Айседора Дункан» очарованный Максимилиан Волошин после одного из концертов. Дункан передавала с помощью пластики сложнейшую гамму чувств, заложенную композитором. С ее трактовками многие не соглашались, а некоторые современники и вовсе ими возмущались (например, дирижеры А. И. Зилоти и Л. С. Ауэр, см. письмо Ауэра Зилоти [Там же: 82–84] и открытое письмо Зилоти Ауэру [Там же: 79–82]), но никто не отрицал, что музыка была важной составной частью выступлений танцовщицы.

Начав с легких вальсов и полек композиторов-романтиков (исследователи назвали первый период ее творчества лирическим, см.: [Юшкова 2019а: 64]), она постепенно осваивала все более и более сложный классический реперту-

ар, включая оркестровую музыку и обращаясь к произведениям более драматическим. Так, вскоре она включает в свой репертуар оперы Глюка (исследователи творчества Дункан относят их ко второму, драматическому периоду) и Вагнера, затем симфонии Бетховена и Чайковского.

Вскоре в ее репертуаре появляется по-настоящему революционное произведение — в годы Первой мировой войны¹⁰, в 1915 г., Дункан ставит танец на музыку «Марсельезы» Руже де Лилля, французского революционного гимна. В качестве пластической основы была выбрана скульптурная композиция Франсуа Рюда на Триумфальной арке в Париже на площади Этуаль под названием «Выступление волонтеров» 1836 г. (или «Марсельеза»), крайне экспрессивная и энергичная по своей сути. Айседора копировала позы героев скульптурной композиции Рюда, а в финале явно обратилась к картине Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1830). Этот танец в современной интерпретации вошел в широко известный балет Мориса Бежара, поставленный для советской балерины Майи Плисецкой в 1976 г. по ее инициативе (идея принадлежала Родиону Щедрину [Плисецкая 1994: 363]). Бежар брал уроки в Париже у Лизы Дункан, ученицы немецкой школы Айседоры¹¹, поэтому, возможно, воспроизводил ряд движений довольно близко к оригиналу. Плисецкая, чье исполнение танцев Айседоры подвергалось жесткой критике со стороны танцовщиц-дунканисток¹², ярко передает главный пантомимический жест этой бежаровской композиции — призыв: ее поднесенные ко рту руки движутся в расширяющемся жесте вверх и вперед, как бы разнося громкий крик в огромном пространстве, мобилизуя огромные массы людей. Однако известные фотографии Дункан в «Марсельезе» демонстрируют совсем другой ключевой жест — руки высоко подняты вверх и разведены в стороны, в точности как на скульптурной композиции Рюда и отчасти как на картине Делакруа.

Контекст появления постановки довольно драматичен: к личной трагедии танцовщицы (гибель двоих ее детей в 1913 г. и еще одного, новорожденного, в 1914 г.) добавилась Первая мировая война, несущая горе и смерть, ломающая привычный строй жизни. В недавно построенной школе танца Дункан в Париже (точнее, в пригороде Бельвю) обосновался госпиталь, а сама Дункан вернулась из Албании, где помогала раненым в Первой Балканской войне [Руднева 2007: 658–59].

Первое упоминание об обращении Дункан к «Марсельезе» связано с ее поездкой в Афины летом 1915 г. Она намеревалась открыть там свою очеред-

¹⁰ Энн Дейли указывает 1914 год как дату постановки «Марсельезы», хотя точных обстоятельств создания этой композиции не приводит [Daly 2002a: 15]. Это маловероятно, так как в тот самый трагический год своей жизни Дункан не танцевала и новых танцев практически не создавала. Биограф Дункан Питер Курт конкретной даты не указывает, а пишет о первом представлении в «Метрополитен-опере» в начале 1915 г. [Kurth 2001: 390], ссылаясь только на мемуары самой Дункан, которые грешат большим количеством неточностей. Однако Фредрика Блэйер, описывая программу того представления, не упоминает «Марсельезу» и утверждает, что танец был создан к апрельскому концерту 1916 г. в Париже, наряду с двумя другими совершенно новыми композициями — «Искуплением» на музыку Ц. Франка и «Патетической симфонией» Чайковского [Блэйер 1997: 306].

¹¹ Личные интервью автора с французскими дунканистками. Фестиваль «Blue Land» (Бавария). 2018 г.

¹² Личные интервью автора с американскими дунканистками. 2008–2018 гг.

ную школу при поддержке премьер-министра Греции Элефтероса Венизелоса, но тот был только что снят с должности королем. Дункан организовала уличную акцию — собрала толпу людей и повела ее к резиденции отставного премьер-министра с пением французского революционного гимна и танцем под него, что в условиях одержавших победу монархистов было довольно революционно [Курт 2007: 467]. О хореографии того выступления свидетельств нет, но совершенно очевидно, что она была спонтанной, импровизационной (хотя на сцене Дункан, вопреки сложившемуся убеждению, практически никогда не импровизировала, а танцевала созданные ранее в студии композиции).

На сцене же «Марсельеза» была впервые показана в парижском театре «Трокадеро» в апреле 1916 г. на благотворительном концерте, организованном для сбора средств в пользу воинской части «Армуар Лоррен» [Daly 2002a: 185]. Затем исполнена в «Метрополитен-опере» в конце 1916 г. и воспринята как «призыв к американским парням подняться и защитить высшую цивилизацию нашей эпохи, культуру, которая пришла в наш мир благодаря Франции» [Курт 2007: 471]. Американский журналист Карл ван Вехтен писал: «Она победно восстает с неистовым кличем — к оружию, граждане. Она не произносит ни слова, но кажется, что в наших ушах звучит пугающий гул сотен голосов» [Там же]. Сама Дункан объясняла, что «Марсельеза» была больше, чем просто призыв к оружию, она порождала веру в то, что никогда не надо сдаваться. Эта тема стала на оставшиеся годы основной в творчестве Дункан — ее, по мнению Энн Дейли, можно сформулировать как освобождение индивидуума, наций и всего человечества от социального и политического подавления [Daly 2002a: 186].

Начиная с самого первого представления «Марсельезы», этот номер всегда сопровождался овациями, публика вставала и иногда просто неистовствовала, настолько мощной была энергия танца. Он была представлен в том числе на наиболее известном благотворительном концерте в «Метрополитен-опере» 21 ноября 1916 г., собранные во время которого деньги планировалось перевести в Фонд помощи французским артистам и музыкантам, чтобы поддержать их семьи [Daly 2002a: 185]. В первой части концерта оркестр играл Симфонию ре мажор Цезаря Франка. Затем Дункан танцевала «Искушение» Франка, мрачно-трагический номер 1916 г. и «Ave Maria» Шуберта, поставленную в 1915 г. (по другим данным — в конце 1914 г.). Во втором отделении исполнялись 6-я, «Патетическая» симфония П. И. Чайковского и «Марсельеза». Последний номер вызвал небывалый ажиотаж в зале.

6 марта 1917 г., выступая в Нью-Йорке с «Марсельезой», танцовщица впервые использовала «звездно-полосатый» американский флаг¹³. Дункан сорвала с себя платье, а под ним оказался флаг, в который она была завернута. Эта сцена произвела невероятный эффект, и люди, по свидетельству критика Карла Ван Вехтена, вскакивали на стулья и кричали [Блэйер 1997: 325]. На некоторых представлениях она даже целовала флаг, неизменно вызывая шквал оваций. «Я чувствую, что Америка на грани великого пробуждения, и она становится страной, в которой интересно жить» [Курт 2007: 492], — говорила

¹³ Часть танца (вариацию), когда Дункан предстала завернутой в американский флаг, получила название «Stars and Stripes variation» (*Stars and Stripes*, букв. «звезды и полосы», — государственный флаг США, в переносном смысле — США).

танцовщица. Она пообещала основать после войны в Америке школу, где будут танцевать под песни свободы. Программа «Дух нации, идущей на войну», шла многократно, каждый раз заканчиваясь «Марсельезой», подогревая желание американцев участвовать в войне.

28 марта 1917 г. выступление в США после отречения Николая II от престола было посвящено России. «Я танцевала с дикой, неистовой радостью» [Курт 2007: 493], — говорила потом танцовщица. И уже в апреле тема России и ее освобождения от векового рабства получила дальнейшее развитие в ее репертуаре — в Вашингтоне, радуясь вступлению США в войну, она сочинила «Славянский марш» на музыку Чайковского, где показывала средствами пантомимы, как раб в мучениях разрывает свои оковы и становится свободным. Критика осудила ее за безобразные конвульсии, «гаргантюанство», за то, что она превратила музыку в повествование о войне и религии, но никто не мог отрицать дар трагической актрисы, который у Дункан блестяще реализовался в этой композиции [Там же: 495].

Эти танцы, к которым в ноябре 1921 г., перед первым концертом Дункан в Москве, посвященным четвертой годовщине революции, добавился «Интернационал», стали ее визитными карточками в качестве революционной танцовщицы и включались в большинство программ, исполнявшихся в СССР.

Интересно, что «Марсельеза» и «Интернационал», одновременно служившие на протяжении некоторого времени гимнами Советской России и сталкивавшиеся в шоу «Взятие Зимнего дворца» (где в итоге побеждал «Интернационал») [Clark 1993: 294; 1998: 130], часто входили в одну и ту же программу выступлений как самой Дункан, так и учениц ее школы, о чем говорят нам афиши начала 1920-х [Маквей 2004: 381]¹⁴.

Революционные гимны

Первыми хореографическими работами Дункан в Советской России стали танцы лета 1921 г. на музыку двух этюдов Скрябина, с помощью которых она выразила ужас перед голодом в Поволжье. Этюд № 1, оп. 2, получивший среди дунканисток название «Мать», представляет собой танец почти без движения. В руках закутанной в длинное одеяние и с покрытой шалью головой танцовщицы — маленький ребенок, которого она медленно укачивает под мягкую, хоть и слегка дисгармоничную музыку этюда. В конце танца танцовщица обнаруживает, что в руках у нее никого нет. Этот невероятно трагичный номер не только отражал ее собственную жизненную драму, но и символизировал всех матерей, потерявших сыновей на Первой мировой войне и, конечно, во время голода в Поволжье. Есть еще одна, менее известная интерпретация, которой поделилась с автором американская танцовщица Видала Нейянайя, московские гастроли которой были организованы автором этих строк в 2018 г. По ее мнению, это глубоко религиозный танец, в основе которого — символика Богоматери (данная тема развивалась и в более раннем танце «Ave Ma-

¹⁴ Как утверждает К. Кларк, в феврале 1917 г. революционным гимном была выбрана «Марсельеза», а после массового зрелища «Взятие Зимнего дворца» в ноябре 1920 г. официальным гимном страны стал «Интернационал», хотя по привычке «Марсельезу» воспринимали в прежнем качестве еще довольно долго [Clark 1993: 294].

gia» на музыку Шуберта конца 1914 г., см.: [Roseman 2004]). Видала включила «Мать» в обе свои программы, представленные в Москве — в Доме танца Культурного центра ЗИЛ и в Большом зале Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, вызывая сильное эмоциональное впечатление у публики. Ранее, в октябре 2010 г., этот танец в Москве показывала уже упомянутая выше Мег Брукер в культурном пространстве «Цех» на фестивале в рамках конференции Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова «Свободный стих и свободный танец: движение воплощенного смысла» (2010)¹⁵.

Второй этюд Скрябина, «Революционный» — № 12, оп. 8, стал сейчас, в XXI в., настоящим хитом среди дунканистов обоего пола¹⁶. Его исполняют не только танцовщицы, но и танцовщики-мужчины — героические жесты и мощное энергетическое наполнение этого хореографического произведения, поставленного Айседорой в 1921 г., привлекают внимание и тех и других, хотя большинство танцев Дункан все же довольно трудно адаптировать к мужскому телу.

Танцы на музыку этюдов Скрябина были первыми композициями, созданными Дункан в особняке на Пречистенке, 20, где вскоре должна была открыться школа. Как вспоминает Ирма Дункан, все люди, видевшие эти танцы, «были потрясены. В этих двух этюдах русского композитора танцовщица старалась выразить весь ужас перед страшной безжалостностью голода, который свирепствовал в Поволжье. Такая повелительная, горькая и страшная сила была в этих танцах, что они могли бы тронуть сердце самого твердого и непреклонного врага Советской России» [Дункан, Макдуггал 1995: 65]. К сожалению, мало кому из последовательниц Дункан удастся в полной мере воплотить образы, заложенные в этих танцах, хотя движения и воспроизводятся довольно близко к оригиналу.

К первому концерту, состоявшемуся в Большом театре к четвертой годовщине революции, Дункан подготовила программу, состоявшую из трех номеров: «Патетической» симфонии и «Славянского марша» Чайковского, а также «Интернационала». В последнем участвовали предварительно набранные в октябре 1921 г. ученицы школы, среди которых непосредственно перед ее открытием был проведен очередной конкурс, жесткий из-за ограниченного числа мест (новое учебное заведение открылось только 3 декабря 1921 г.).

В 1927 г., уже после смерти танцовщицы, Луначарский писал в «Огоньке», ссылаясь на некое письмо Леонида Красина, пригласившего весной 1921 г. Дункан в Советскую Россию после ее выступления в Лондоне, что та, выражавшая симпатию большевизму и надеявшаяся на «крушение буржуазной культуры и обновление мира именно из Москвы <...> танцевала какой-то революционный танец под “Интернационал”» [Маквей 2004: 330], но что это был за танец и где она его исполняла — неизвестно, и в других источниках об этом ничего не сообщается. Зато доподлинно известно, что с детьми (их поначалу было 150 человек) она репетировала «Интернационал» для своего первого выступления в Советской России [Маквей 2004: 333]. Как выгляде-

¹⁵ См. программу конференции: <http://psy.msu.ru/science/conference/dance/2010/program.pdf>.

¹⁶ См. комментарий на сайте «Isadora Duncan Archive» (<https://isadoraduncanarchive.org/reperatory/39>).

ло само выступление, подробно описано в мемуарах Ирмы Дункан и Аллана Росса Макдуггала.

Несмотря на то что в зале должны были присутствовать рабочие по бесплатным билетам (что крайне воодушевляло Дункан, ведь она мечтала выступать для широкой публики бесплатно), на деле «публика состояла из элиты коммунистической партии, всевозможных комиссаров, правительственных чиновников, руководителей и служащих различных профсоюзов» [Дункан, Макдуггал 1995: 73], а толпа настоящих рабочих стояла снаружи на снегу — от них двери театра охранялись кордоном милиции. Луначарский долго произнес вступительное слово, обозначенное в программе как первое отделение. После его «пламенной концовки» [Там же] оркестр заиграл «Интернационал», а зрители вскочили и стали петь, даже не дожидаясь выхода Дункан. Только после этого началось выступление Айседоры. Сначала — Симфония № 6 («Патетическая»), в течение которой на протяжении всех четырех частей Айседора одна (что больше всего восхитило рецензента «Известий», хотя у него были и некоторые замечания, не озвученные в статье — очевидно, по причинам, описанным в статье «Первый вечер Айседоры Дункан» петроградского балетомана Дениса Лешкова¹⁷) держала «залу в напряженном состоянии» [Маквей 2004: 334].

Спорным казался выбор «Славянского марша», в котором Чайковский использовал мелодию царского гимна — «ура-патриотический (...) панславистский, настоящий царский марш», т. е. «и по мелодиям, и по настроению произведение контрреволюционное» [Маквей 2004: 334], и организаторы концерта заранее были в ужасе, ожидая «пламенную контрреволюционную демонстрацию» [Дункан, Макдуггал 1995: 72] от избранной номенклатурной публики. Но посланный на генеральную репетицию Луначарский настолько был потрясен «эмоциональной мощью и редкой трагической красотой» [Там же] исполнения, что номер все же вошел в программу. Рецензент «Известий», потрясенный не меньше, чем нарком просвещения, с энтузиазмом утверждал, что «проклятый» царский гимн в исполнении Дункан прозвучал революционно, так как изображаемый танцовщицей раб при первых его звуках пробуждается и начинает свой путь к освобождению — пытается разорвать цепи на своих руках. Пластика танцовщицы в этом номере совершенно далека от той, что она использовала в первый, лирический период, и близка зарождающемуся в Европе и США танцу модерн с его тягой к безобразному и дисгармоничному, к изображению страдания и напряжения; кроме того, Дункан работала с весом и силой тяжести, ведь раб в первой части номера скован, спина его согнута, он еле волочит ноги. И, как утверждает рецензент, «...аллегория была понятна всем. Шествие раба по сцене — это крестный путь придавленного царским сапогом русского трудового народа, разрывающего свои цепи» [Мак-

¹⁷ Лешков утверждал, что после выступлений Дункан «ни одна из петроградских газет не решается принять к печатанию касательно тов. Дункан ничего, кроме дифирамбов и восторженных отзывать» [Маквей 2004: 338] (статья также опубликована в сборнике «Айседора. Гастроли в России» [Касаткина 1992: 226–228]). Многие любители классического балета разделяли его неприятие танцевальной лексики Дункан, особенно в последний период ее творчества. Статья Лешкова долгое время находилась в архиве и впервые была опубликована только в 1990-е годы.

вей 2004: 335]. Спустя несколько месяцев, на гастролях в Петрограде, рецензент отзовется еще более образно:

Россия — скрученная по рукам русская баба, трагическое воплощение народа, плененного помещичье-феодалным строем, чья душа изнемогла в непосильной борьбе за право смотреть на голубое небо, дышать солнцем [Там же: 357].

Вывод первого рецензента был вполне обнадеживающим и идеологически правильным: «На фоне гимна победила революция» [Маквей 2004: 335], а для будущих авторов давался ключ к трактовке образа. После «Славянского марша» эмоционально заряженная публика уже была готова должным образом воспринимать и гимн нового государства — «Интернационал». Ирма Дункан проникновенно описывает, как исполнялся этот номер. Айседора стояла в середине сцены неподвижно, «как статуя, задрапированная в красное, и начала одной мимикой изображать крушение старого порядка и приход нового — братства людей. И когда все встали и горячо запели слова этого гимна, они казались похожими на оживший античный хор, комментирующий героические жесты центральной фигуры на сцене» [Дункан, Макдуггал 1995: 75]. Не углубляясь сейчас в отношения Дункан с античностью и не затрагивая идею хора, которая интересовала танцовщицу со времен постановки опер Глюка в 1912 г. (см.: [Jowitt 1985]), отметим, что для публики Айседора явно смогла олицетворить идеи, заложенные в тексте «Интернационала». Кроме того, она умело управляла энергией зала, активно участвовавшего в представлении. Энтузиазм поющих еще больше заряжал ее саму, и малоподвижный на первый взгляд танец концентрировал в себе огромную энергию, вбирая ее из зала и возвращая в зал, т. е. достигая, по выражению Эрики Фишер-Лихте, настоящей «автопоэтической петли обратной реакции» [Фишер-Лихте 2015: 373]. Затем произошло нечто еще более впечатляющее — из-за кулис показалась Ирма, «ведя за руку ребенка, за которым вышли один за одним сто маленьких детей в красных туниках, каждый из которых высоко поднятой правой рукой крепко, по-братски сжимал левую руку следующего» [Дункан, Макдуггал 1995: 75]. Этот выход произошел еще во время первого куплета — всего на русском языке на то время существовало только три из шести оригинальных французских куплетов в переводе Аркадия Коца. Когда все дети вышли наконец на сцену, то зрелище приобрело еще больший эмоциональный накал — «...на фоне синих занавесей ярким живым бордюром они окружили огромную сцену, протягивая свои детские ручонки к светлой, величавой, бесстрашной и лучезарной фигуре своей великой учительницы» [Там же]. Хотя критик Уриэль-Литовский и отметил деликатно, что «номер еще не сделан», несмотря на то что в нем «много прекрасных достижений» [Маквей 2004: 335], но ощущения как самих выступавших детей, так и зрителей были очень сильными. Выступление было признано «триумфальным» [Дункан, Макдуггал 1995: 75] и, наверно, произвело бы должное впечатление на автора теории мистериального театра Вячеслава Иванова, ведь по сути дела Дункан и организовала настоящую мистерию, объединив музыку (играл оркестр), пение зрителей и массовый танец детей, разрушив тем самым пресловутую рампу. Луначарский писал, что «Большой театр прямо разваливался от аплодисмен-

тов» [Маквей 2004: 458] (правда, эти строчки были написаны спустя шесть лет в некрологе Дункан, опубликованном в 1927 г.).

А «Интернационал» продолжил жизнь в репертуаре школы, хотя и был в значительной мере усовершенствован, когда девочки освоили азы танца Дункан. Есть серия рисунков ученицы школы Валентины Сережниковой-Бойе, сделанных в 1980 г., на которых изображены фрагменты танца [Маквей 2004: 389–390], например, выход девочек на сцену, описанный в письме Гордону Маквею другой ученицей Дункан — К. Г. Хачатуровой. Они выходили «из-за кулис цепью, подняв цепью руки над головами, левой рукой вперед, а правой согнутой назад» [Там же: 335] — как, впрочем, и на самом первом представлении. Все участницы — в коротких туниках красного цвета (рисунки черно-белые, но по устным описаниям цвет был именно красным). На другом наброске изображены две девочки, делающие энергичные махи руками с разворотом корпуса — туники развеваются от резких движений. Еще один рисунок показывает прыжок танцовщицы с откинутой назад вытянутой ногой и развевающейся за спиной красной тканью, которую она держит запрокинутыми руками, — ткань будто бы летит от прыжка¹⁸. Есть также рисунок, изображающий всю группу танцующих. В центре находится Айседора (позднее в этом номере ее заменила Ирма), вокруг нее — четверо девочек в прыжке с летящей тканью, и эти пять центральных фигур окружены маленькими танцовщицами в туниках с высоко поднятыми руками.

Летом 1924 г. «Интернационал» неожиданно стал памятным уличным представлением-перформансом. Школа переживала не лучшие времена, поэтому для ее поддержки был придуман большой революционный проект при поддержке советского партийного деятеля (большевика) Николая Подвойского, бывшего в 1921–1927 гг. председателем Спортинтерна, а в 1920–1923 гг. — Высшего совета физической культуры: на Красном стадионе на Воробьевых горах¹⁹ были организованы занятия танцем для 500 детей рабочих. Вела их Ирма Дункан с помощью сорока воспитанниц школы. В программу занятий входили гимнастические упражнения на развитие рук, корпуса и координации. Заканчивались уроки маршем «в единой цепи с пением “Интернационала”» [Маквей 2004: 378]. Когда Дункан вернулась с зарубежных гастролей, дети устроили ей необычный прием — вся группа под красным знаменем и под аккомпанемент школьного оркестра дошла пешком от стадиона до школы, расположенной на Пречистенке, 20. Под резным балконом сохранившегося до настоящего времени дома оркестр заиграл «Интернационал», а вышедшая на балкон, чтобы поприветствовать учеников, Айседора, одетая в красную тунику и закутанная в красную тогу (так этот туалет описывает Сережникова-Бойе) от прилива эмоций исполнила этот танец прямо на балконе — «с большим вдохновением (...) Кругом нас собралось много народу, перекрыв все движение на Пречистенке. Крики ура!, аплодисменты» [Там же: 378].

¹⁸ Существовали попытки описать движения Дункан с помощью балетной терминологии (см.: [Seidel 2016]), но мы ее применять не будем, чтобы не затрагивать крайне сложную тему взаимоотношений Дункан с балетом.

¹⁹ См. о Международном Красном стадионе на сайте Культура.РФ: <https://www.culture.ru/institutes/13813/mezhdunarodnyi-krasnyi-stadion>.

Подобный уличный перформанс, сегодня охарактеризованный бы как *site-specific*, конечно, был внове для того времени и не был ни задокументирован, ни отрефлектирован. Революционный энтузиазм, неизбежно возникавший при исполнении «Интернационала», эмоционально подпитывал это необычное представление. Естественные декорации уютной «старорежимной» московской улицы с роскошными дворянскими усадьбами и относительно недавно построенными доходными домами (в 1921 г. улица была переименована в Кропоткинскую, по имени известного анархиста), толпа пролетарских детей в красных туниках и оркестр, играющий «Интернационал», а также изысканный резной балкон дома номер 20, на котором танцевала Айседора в красной тунике и «тоге», — такое альтернативное театральное представление за пределами традиционной сцены выглядело бы эффектно даже сейчас. В нем можно наглядно увидеть столкновение двух культур — уходящей элитарной и зарождающейся массовой. Если современные режиссеры (а жанр сайт-специфик получил наибольшее распространение в 2000-е годы²⁰) сознательно ищут альтернативные пространства для того, чтобы погрузить зрителей в особую присущую данным пространствам атмосферу, сделать публику соучастницей происходящего, усилить эмоциональное наполнение спектакля за счет того, что место диктует определенные особенности восприятия (см.: [Pearson 2010; Schechner 1973])²¹, то в случае с «Интернационалом» на Пречистенке все сложилось довольно стихийно, но ничуть не менее эффектно. Архитектурная эклектика старой московской улицы стала прекрасной декорацией для истинно революционного массового зрелища 1920-х, обошедшегося без участия режиссера, актеров и статистов.

Таким образом, обращение Дункан к революционным гимнам оказалось достаточно плодотворным для ее собственной артистической карьеры и обогатило историю театра довольно яркими и неожиданными для того времени представлениями, и некоторые из них явно опередили свое время как минимум на целое столетие.

Энергия революционных песен

Чуткость Дункан к музыке многократно описана мемуаристами, а ее выбор музыкальных произведений для воплощения в танце не переставал удивлять зрителей. Дискуссии о правомерности использования той или иной музыки постоянно сопровождали выступления танцовщицы (см.: [Pruett 1978]), в том числе в России. Попад уже в Советскую Россию, где революционные песни были буквально разлиты в воздухе, она не могла не прислушиваться

²⁰ Поскольку фундаментальных работ о российском сайт-специфик-театре еще не написано, а опубликованы только рецензии на определенные спектакли или фестивали этого жанра, то можно лишь сослаться на довольно подробную дискуссию, прошедшую в Школе дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» 11 марта 2020 г., участники которой подробно говорят об истории возникновения жанра, в том числе в России (см. видеозапись: <https://design.hse.ru/news/1349>).

²¹ В Петербурге с 2015 г. ежегодно проходит специализированный фестиваль «Точка доступа» — «форум сайт-специфического и иммерсивного искусства», для которого выбираются самые неожиданные нетеатральные пространства (см.: <https://tochkadostupa.spb.ru/festival/about>).

к ним и не улавливать ту концентрированную энергию, которую они в себе несли. Но в феврале 1922 г. произошло событие, которое связало имя Айседоры с песнями революции навсегда. 12 февраля Дункан выступала перед «рабочими союзами Петрограда», как утверждал А. И. Пиотровский в статье «Она и мы» [Касаткина 1992: 245], а по воспоминаниям Ирмы Дункан — перед «морьяками базы военного флота», среди которых «ветераны революции 1917–1918 годов: матросы с крейсера “Аврора” и других судов, которые возглавили восстание» [Дункан, Макдуггал 1995: 88].

Начинался вечер с Патетической симфонии Чайковского, и когда, по описаниям Пиотровского, «танцовщица, оторвав рыжие волосы от пола, готовилась бросить к рампе лебединные свои руки, в театре прервался ток» [Касаткина 1992: 246]. Дальнейшие события описаны очень детально в мемуарах Ирмы.

Театр погрузился во тьму, которую не могли разогнать все зажигаемые морьяками спички. Как всегда в таких случаях, начали топтать ногами, смеяться, перекрикиваться через зал и свистеть [Дункан, Макдуггал 1995: 88].

Находчивый директор школы Илья Ильич Шнейдер, имени которого Ирма по личным причинам в мемуарах не называет²², нашел за кулисами фонарь со свечой и вынес его на сцену. Дункан, подняв фонарь над головой, вышла к рампе и спросила моряков, «не могут ли они спеть для нее какую-то из своих песен» (вернее, спросил Шнейдер, всегда выступавший на концертах переводчиком, — или, как пишет Ирма, «кто-то на сцене перевел ее просьбу» [Дункан, Макдуггал 1995: 88]). Далее приводим рассказ Ирмы Дункан полностью, так как он содержит множество интересных деталей и показывает эмоциональный фон происходящего:

На секунду — тишина. Затем из огромной темной пещеры перед собой Айседора услышала одинокий голос, глубокий, волнующий, уверенный, поющий первые строки старой революционной песни «Варшавянка»: «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут...». Аудитория, возбужденная темнотой и, во всяком случае, знающая толк в хоровом пении, подхватила запев. Поток глубоких теплых звуков неся из темноты и заливал сцену, на которой стояла Айседора в молчании и одиночестве. Она, которая любила музыку больше всего на свете, была взволнована до глубины души: более взволнована даже, чем когда она впервые услышала «Арию» Баха или Берлинский филармонический оркестр, под управлением Никиша исполняющий Седьмую симфонию Бетховена. Ибо для нее эта музыка масс, исходившая от этих невидимых в темноте простых людей, была более трогательно человеческой, чем вся инструментальная музыка, которая когда-либо существовала [Дункан, Макдуггал 1995: 88–89].

²² Ирма, будучи некоторое время гражданской женой Шнейдера, на всю жизнь затаила обиду за его измены с более молодыми воспитанницами школы и вместо его имени в мемуарах писала нейтральное «кто-то» и прочие эвфемизмы.

Хоровое пение продолжалось довольно долго, около часа, и репертуар был представлен достаточно широкий — пели «во всю силу мужских голосов, то печальные и глубокие, то воинственные и быстрые [песни], под невидимыми красными знаменами, развевающимися в воздухе, и невидимо и беззвучно шагая в ногу на героическую битву» [Дункан, Макдуггал 1995: 89].

Кроме «Варшавянки», Ирма называет только одну песню, которая ей запомнилась, — «Похоронный марш в честь героев революции», на самом деле это «Вы жертвою пали в борьбе роковой» (в то время Ирма еще не владела русским языком, поэтому слова песен остались для нее непонятными, как и для самой Айседоры, а восприятие происходило исключительно на энергетическом уровне). Моряки пели строфы «Похоронного марша», «нескончаемые, полные печали (...), и их неутомимые голоса вздымались и опускались в темноте. А на сцене, все еще неподвижная, высоко держа не дрожащими руками фонарь с дрожащей свечой, стояла Айседора, вся в слезах» [Там же: 89]. «Петля обратной реакции» захлестнула и саму исполнительницу.

Айседора в полной мере обладала тем качеством, которое современные исследователи и практики театра обозначают как сценическое присутствие. Например, создатель театральной антропологии Эудженио Барба, изучивший как западный, так и восточный театр, утверждает, что «сценическое присутствие есть результат сознательного управления энергией», а также «способность актера использовать тело-мысль на экстремально-обыденном уровне» [Барба 2008: 37]. Интерес Дункан к восточному театру, а также к йоге (в ее библиотеке, которую каталогизировала и описала в своей диссертации американская танцовщица Джин Бресчиани, были книги о данной практике [Bresciani 1982]), показывает, что ее умение фокусировать энергию зала и заряжать зрителей, заставлять их следить за каждым ее жестом и мимическими движениями было не только врожденным, она целенаправленно работала над собой, чтобы достигать максимального эффекта. В данном случае сконцентрировать энергию ей помогли огонь, имеющий особое воздействие, а также невероятная популярность революционных песен, которые создавали ощущение общности и воодушевляли на борьбу.

Нет документальных свидетельств, что именно этот концерт вдохновил Дункан на дальнейшую постановку некоторых из услышанных ею тогда революционных песен, но, безусловно, он стал одним из толчков к будущей хореографии на музыку некоторых из них. По словам Ирмы, после импровизированного концерта Айседора сказала со сцены, что она «никогда не слышала музыки столь редкостно прекрасной в своей простоте» и пообещала, что никогда не забудет услышанного [Дункан, Макдуггал 1995: 89], — это и подтвердилось ее дальнейшими работами.

Жизнь в Москве была довольно плодотворной для Дункан-хореографа. Она поставила здесь значительное количество новых танцев, ставших кульминацией последнего этапа ее деятельности, который американские исследователи танца считают героическим [Duncan et al. 1993: 23, 63, 125; Daly 2002a: 14–15]. Интерес Айседоры сосредоточился на трудовых процессах и изображении борьбы, освобождения. Практически все танцы этого периода близки к мимодраме [Юшкова 2011].

И, наконец, самым плодотворным стал период накануне отъезда из СССР в 1924 г. — Дункан поставила семь танцев на музыку популярных революционных песен: «Смело, товарищи, в ногу», «Раз, два, три — пионеры мы», «Молодая гвардия», «Кузнецы» («Кующие ключи свободы»), «Дубинушка» («Трудовая песня»), «Варшавянка» («Памяти 1905 г.»), «Юные пионеры» (очевидно, «Взвейтесь кострами, синие ночи») [Дункан, Макдуггал 1995: 177]. Три из них — «Кузнецы», «Дубинушку» и «Варшавянку» — Ирма Дункан считает хореографическими шедеврами и ставит в один ряд с танцевальными композициями на музыку вальсов Шуберта и Брамса и групповыми танцами из «Орфея» и «Ифигении» Глюка. Этот репертуар до сих пор исполняется современными дунканистками.

Идея поставить революционные танцы окончательно оформилась у Дункан во время посещений Красного стадиона в сентябре 1924 г., где проводились массовые занятия с детьми. Ее впечатлило, что дети приходят на занятия и уходят с них маршируя и сопровождая движения песнями. Старшие ученицы школы уже пробовали во время выступлений танцевать «Интернационал», сопровождая его пением на сцене, и «выражать слова движениями» [Маквей 2004: 380], что Айседоре очень понравилось. Как свидетельствует Ирма, «...однажды днем, в порыве вдохновения, [Айседора] придумала семь танцев на различные популярные революционные песни, которые ежедневно пели солдаты и дети» [Там же].

Как вспоминают участницы данных хореографических номеров, Дункан поставила их примерно за неделю. Пианист Марк Мейчик играл музыку на рояле, Шнейдер переводил тексты, Дункан, сидя в кресле, в глубокой задумчивости слушала, а потом показывала движения, которые повторяла Ирма, чтобы затем репетировать с ученицами [Маквей 2004: 380–382]. Так и родилась целая революционная программа, которая в дальнейшем, наряду с программами на музыку Шопена и Шуберта, Вагнера и Бетховена, показывалась как в Москве, так и в других городах, а затем и во время гастролей в США в 1928–1930 гг.

27 и 28 сентября 1924 г., судя по сохранившейся программе концерта, прошли «два последних вечера» (имелся в виду предстоящий отъезд Айседоры из России) в Камерном театре. Они назывались «Танцы революции» [Маквей 2004: 381], хотя в прессе упоминается и более ранний концерт 20 сентября. Программа состояла из трех частей, посвященных революциям в разных странах — Ирландии, Франции и России.

Ирландскую революцию воплощали «Революционный гимн» и «Народная пляска». Дункан была по происхождению ирландкой и в детстве видела, как ее бабушка танцует народные танцы, а революционные события в Ирландии 1919–1921 гг. явно активизировали ее интерес к своим корням. Французская революция была показана через «Марсельезу» и «Карманьолу», а русская — через новый цикл из семи упомянутых революционных песен, а также «Славянского марша», переделанного для группы, «Походного марша» и «Интернационала», торжественно завершившего вечер. В одной из рецензий упоминается также «Свободная Россия» (т. е. известный в то время «Гимн свободной России») Александра Гречанинова [Маквей 2004: 467].

Ученица школы Е. Д. Белова вспоминает, что Дункан поставила танцы, посвященные некоторым другим революциям — венгерской (музыка «Ракоци-марш» Ф. Листа²³) и китайской (какая использовалась музыка — неизвестно), а также танец «Расстрел бакинских комиссаров» [Там же: 467], но о них практически нет свидетельств и хореография не сохранилась.

Таким образом, тема революции понималась Айседорой довольно широко, а русская революция рассматривалась ею в контексте мировой, что вполне вписывалось в настроения большевистских лидеров тех лет, да и в ситуацию в мире. Танцевальное воплощение этой темы в основном сводилось к показу борьбы, преодоления страдания и к призывам к свободе, которая неизбежно восторжествует — последнее воплощалось в широких героических жестах, маршевом ритме, устремлению вверх. В цикле детских песен («Раз, два, три — пионеры мы», «Молодая гвардия», «Юные пионеры») символически изображалось прекрасное будущее: как и в ранней хореографии, Дункан снова обратилась к легким движениям — бегу, прыжкам, имитации детских игр, и смотрелись эти номера также весьма жизнеутверждающе, особенно после чудовищных конвульсий «Славянского марша» и изматывающих трудовых движений бурлаков в «Дубинушке».

Первое представление революционной программы описано как в рецензиях 1924 г., так и, более подробно, в письмах, посланных в 1980-е годы британскому слависту Гордону Маквею ученицами Айседоры, выступавшими тогда с нею на сцене. Как свидетельствует Валентина Сережникова-Бойе, во время исполнения танцев в честь ирландской революции за кулисами Ирма Дункан пела на английском языке гимн Ирландии. Айседора сидела в глубине сцены одна, «в руках у нее был большой зеленый бархатный плащ, расстеленный по сцене полукругом, как кроны большого дерева. К концу гимна она вставала и задрапировывалась в этот плащ, и уходила со сцены. А мы, выбегая, исполняли народный танец “джигу”» [Маквей 2004: 382]. Джига была поставлена на музыку Шуберта, и в ней, по воспоминаниям М. П. Мысовской, требовался особый скользкий шаг, «касающийся пола пальцами ног впереди и сзади, приподнимающийся на другой ногой» [Там же: 385]. В дальнейшем, после отъезда основательницы школы, пели сами девочки, а вместо Айседоры на сцене находилась Ирма.

Затем следовала французская революция: Айседора одна исполняла «Марсельезу», а девочки вместе с Ирмой — «Карманьолу», «веселый, задорный танец», «темпераментное и волнующее зрелище» [Маквей 2004: 385], ее они пели по-французски [Там же]. И наконец — гвоздь программы, русская революция, начало которой иллюстрировали трагические песни «Вы жертвою пали» (одна Айседора) и «Замучен тяжелой неволей» (вместе с девочками), а затем уже начинались более победные и призывные: «Смело, товарищи, в ногу», «Молодая гвардия», «Кузнецы», «Варшавянка» и «Дубинушка» — их танцевали Ирма и ученицы. Наконец, «Юных пионеров» и «Пионерский марш» исполняли дети — наверно, младшие ученицы школы.

Впоследствии эта программа, за исключением «Славянского марша», исполнялась только с Ирмой. «Славянский марш», где требовалось огромное

²³ Венгерская рапсодия № 15, написанная по мотивам известной революционной песни Венгрии и бывшей некоторое время неофициальным гимном страны.

мастерство драматической и мимической актрисы, которым обладала сама Айседора, для Ирмы был слишком сложен. Зато в программе появился новый живой фрагмент — после «Интернационала» девочки спускались в зал, и им навстречу выходил поэт, читавший свои стихи, обращенные к ним: «О кто вы, дети, и куда ваш хоровод ведет звезда?» Дети отвечали: «Мы дети Ленина, мы новый мир» [Маквей 2004: 385], и затем стихотворная переключка некоторое время продолжалась, что было «очень волнующе и интересно» [Там же: 383], как писала Гордону Маквею другая участница представления, Е. Д. Белова.

Отзывы о программах преобладали восторженные. «Все очень просто, без зрительных эффектов и ухищрений <...> Не бьет в глаза потуга на оригинальность в передаче революционных мелодий, нет игры, а есть переживания» [Маквей 2004: 383], — писал в «Известиях» рецензент, укрывшийся за инициалами Г. В., после одного из выступлений. Его впечатлило и то, «что исполнители понимают, за какую серьезную задачу они взялись: передать в танцах боевое содержание революционных песен», а также то, что они «с честью выполнили эту задачу». Юные танцовщицы продемонстрировали «через край быющую жизнь, полные пластики движения, коллективизм в танцах» [Там же]. Неуклюжесть выраженных восторгов компенсируется ярким описанием «Варшавянки» и «Интернационала», захватившего всех присутствующих «своей мощностью и искренностью», а вывод рецензента таков: «...последняя грань между исполнителями и публикой совершенно стирается. Гимн подхватывается всем залом. Музыка, пенье, танцы сплетаются в единое целое» [Там же]. Из данного умозаключения можно сделать вывод, что в 1924 г. в общественном сознании еще муссировалась идея о мистериальном театре, о вовлечении публики в представление и о некой новой перформативности, а также о популярном до революции понятии *Gesamtkunstwerk*²⁴. Еще не ушло из революционных песен их эмоциональное наполнение, «боевое содержание», а понятие коллективизма все глубже проникает в душу пишущих — как правило, новых журналистов из рабочих, рабкоров, подверженных влиянию пропаганды и ставших целевой аудиторией для формирования массового сознания на основе новой идеологии (см.: [Gorham 1996]).

Другая рецензия, рабкора Амшинского в газете «Рабочий зритель», кажется гораздо более непосредственной и бесцеремонной, но в ней еще отчетливее прочитываются складывающиеся идеологические установки. Поскольку автору билет на концерт в Камерный театр просто «дали» (несмотря на прошедшую эпоху нэпа, продажа билетов возобновилась не для всех, среди рабочей публики их по-прежнему распространяли бесплатно [Ezrahi 2012: 17]), то он уже изначально был настроен весьма скептически, о чем и сообщил читателю, продемонстрировав заодно неплохое знакомство с современной неклассической экспериментальной хореографией:

Ходил я на различные вечера «революционных» танцев и убедился, что «революционность» их заключается в том, что танцовщицы стремятся показать все свои прелести и оголяются до отказа <...>

²⁴ Понятие это, как утверждает Б. Гройс [2013], не только не утратило своей популярности позже, но и получило максимально полное воплощение, хотя и исчезло из публичных дискуссий.

Я думал, что танцы Дункан не лучше виденных мною ранее на вечерах разных Лукиных, Голейзовских, Чернецких²⁵ и т. п. [Маквей 2004: 383].

Комментируя свои впечатления от постановок хореографов 1920-х, автор заявляет, что «не нужны нам эти “культурные” развлечения, на которых представляют голых женщин в целях возбуждения у публики половых инстинктов» [Там же]. Однако после такого полемического вступления, явно несущего в себе следы многочисленных общественных дискуссий, рецензент вдруг вспоминает о том, что вечер школы Дункан произвел на него совершенно обратное впечатление и скорее понравился, несмотря на то что сама Айседора показалась ему не очень привлекательной. С присущими ему прямоотой и непосредственностью он заявил, что она «танцует плохо», возраст у нее «почтенный», не соответствующий «той задаче, которую она себе ставит в танце ирландских революционеров», а «Интернационал» тоже плох, потому что «движения ее слишком бедны, мимика слишком слаба, и танцы не дают отражения тех переживаний, которые испытали революционеры» (разрядка наша) [Там же]. То, что рабкор заинтересовался задачами танца и знает современных хореографов, свидетельствует, что танец был крайне популярным видом искусства, не чуждым начинающим журналистам из рабочей среды²⁶. Очевидно, что рецензент оценивает программу весьма поверхностно и по причине некоторой эмоциональной незрелости не вовлекается в переживания, обычно вызывавшиеся Айседорой у более подготовленной публики. Во всяком случае ученицы, которым Айседора показывала свои революционные танцы, вспоминают, что испытывали сильнейшее потрясение как во время просмотра, так и во время отработки отдельных танцевальных элементов — сама Айседора отработкой не занималась, а поручала это Ирме, но та следовала всем рекомендациям основательницы школы. Сережникова-Бойе, например, отмечает, что «передать словами всю экспрессию ее движения и богатую выразительность очень трудно» [Там же: 388] и что зрелище было «сильно и незабываемо» [Там же: 387]. Другая ученица, Е. Н. Федоровская, в тот момент, когда Айседора в «Славянском марше» разрывала скованные руки, просто «переставала дышать, а потом от волнения начинала кашлять», и Дункан ей «казалась прекрасной всегда и во всех танцах» [Там же]. Эпизоды из «Варшавянки» и «Интернационала» врезались в память М. П. Мысовской, особенно момент смерти революционера, который Дункан мимировала —

²⁵ Лев Лукин, Касьян Голейзовский, Инна Чернецкая — создатели экспериментальных танцевальных студий, популярных в 1920-е годы.

²⁶ О танцевальных студиях и практиках 1920-х годов, некогда забытой страницы советской истории, написано сейчас довольно много, см., например: [Сироткина 2012]. Тему довольно давно и фундаментально разрабатывала российский искусствовед Е. Я. Суриц, хотя в основном — для публикаций на Западе ([Souritz 1999] и другие ее работы). Одно из последних и весьма оригинальных изданий — книга [Плохова, Портянникова 2020], в которой авторы фиксируют свои эксперименты по восстановлению танцевальных студийных практик 1920-х годов на основании сохранившихся письменных свидетельств того времени, в основном сделанных в рамках исследовательской работы Государственной академии художественных наук — научно-исследовательского учреждения РСФСР, существовавшего в Москве в 1921–1931 гг.

лицо и глаза ее выражали страшную боль, когда она мучительно искала, кому отдать флаг, выпадающий из рук [Маквей 2004: 386]. Шнейдер, хотя и был в нашем современном понимании PR-менеджером проекта и всячески продвигал школу в СМИ, т. е. по определению был необъективен, скорее всего действительно испытывал во время концерта подлинные сильные эмоции, ведь его рецензия на тот же «Славянский марш» написана как стихотворение в прозе (см.: [Руднева 2007: 664]) и отчасти передает атмосферу танца.

Однако если вернуться к рецензии рабкора Амшинского, то мы видим, что танцы в исполнении детей его как раз весьма впечатлили. И он охотно объясняет почему. Ему кажется, что это вовсе не танец, а «новый вид физкультуры, способствующий развитию тела», ведь дети выглядят «веселыми, жизнерадостными и здоровыми». Вывод рецензента таков: «систему Дункан нужно применять шире», сделав ее «одним из видов массовой работы среди пролетарских детей» [Маквей 2004: 383–384]. Из этого умозаключения понятно, что пропаганда спорта уже начала работать и оказывать влияние на сознание начинающих писателей (см.: [Grant 2013]), а безудержный оптимизм строителей нового общества стал к 1924 г. определенной ценностью. Веселье, жизнерадостность и здоровье — это как раз те качества, которые впечатляют рецензента больше всего, в отличие от драматических переживаний, которых он не испытывает во время просмотра, ибо они кажутся далекими от истинных чувств настоящих революционеров, сконструированных в массовом сознании. Подобные оценки встречаются и в рецензиях других рабкоров — их небольшой обзор был напечатан в газете «Зрелища» уже в 1923 г. [Касаткина 1992: 284 (статья «Школа Дункан», 282–286)].

Помимо рабкоров, о революционных программах Дункан и ее школы писали и профессиональные критики (Аким Волынский, Алексей Сидоров), театральные деятели (Вера Юренева, Федор Лопухов), а также довольно много — сам директор школы Илья Шнейдер, бывший ранее театральным критиком и балетоманом. Их рецензии также не всегда восторженные, многие критикуют революционную Айседору, сравнивая ее позднее творчество с более впечатляющим ранним (Юренева, Лопухов), но мнения высказывают более аргументированно и проявляют гораздо большую эрудицию. Аким Волынский, например, тоже весьма специфичен — он называет движения юных танцовщиц «бестемпераментными и лимфатическими» (хотя по другим описаниям складывается впечатление, что большинство танцев были все же весьма энергичными). Волынский противопоставляет танцам Дункан более отточенную, на его взгляд, балетную технику, но надо учитывать, что он параллельно продвигает свою собственную школу классического балета [Маквей 2004: 362]. Данных авторов больше интересует прежняя, эстетическая, революционность Дункан, и они рассуждают о том перевороте в искусстве, который танцовщица совершила пару десятилетий назад [Касаткина 1992: 264–282 (статья А. Сидорова «Айседора»)]. Часть критиков, уже вовлеченных в идеологическую машину пропаганды, велеречиво восхваляют обращение Дункан к теме революции (например, государственные деятели Анатолий Луначарский и Петр Коган, журналист Михаил Кольцов), но их публикации смотрятся довольно тенденциозно, хотя на волне еще не прошедшего революционного энтузиазма, очевидно, выглядели более убедительно.

В основном рецензии 1920-х годов выражают не только эмоции авторов, но и влияние на их умы социально-политического и художественного контекста эпохи, поэтому оценку революционных программ нельзя назвать объективной. К сожалению, сама магия Айседоры не поддавалась описаниям, а искусство ее было «неуловимым», как считает современная исполнительница ее репертуара Видала Нейяная, учившаяся у эмигрировавшей в Лондон ученицы московской школы Лили Диковской [Юшкова 2019а: 81]. Однако даже на основании сохранившихся откликов можно констатировать, что революционные песни в танцевальных программах Дункан и ее школы несли в себе мощную энергию, вызывая у зрителей искренний отклик и вовлекая их в зрелище.

Сюжеты танцев, поставленных на музыку революционных песен

В отличие от ранних абстрактных танцев, революционные танцы Дункан, как правило, стали сюжетными, обросли нарративом, который отлично считывался публикой, и ее талант мимической и драматической актрисы способствовал пониманию идеи, заложенной не только в словах песен, но и в их пластическом воплощении. Хотя М. П. Мысовская и утверждает, что, например, в «Интернационале» «танец полностью соответствовал тексту» [Маквей 2004: 387], но точного соответствия текста пластике и тем более танцу, как правило, не бывает — иначе это просто язык жестов или иллюстративная пантомима, как в классическом балете XIX в.

Режиссерам популярного в 1970–1980-е годы в СССР жанра пластического театра приходилось придумывать специальную драматургию для своих спектаклей, отличную от вербальной, ведь чтобы понять историю, рассказанную без слов, только языком тела, требуется особый семантический код [Юшкова 2009: 191]. Как сформулировал режиссер Камерного театра Александр Таиров еще в 1920-е годы, в театре, основанном на пластике, «требуется максимальное кипение, напряжение чувств» [Юшкова 2019b: 100], тогда слова исчезают, а также необходим постоянный конфликт.

Дункан интуитивно поняла логику выстраивания рассказываемых со сцены пластических историй, построив их в основном на глубоких конфликтах: жизнь и смерть, страдание и освобождение, мучение и радость, — то, что и требуется в мимодраме, в жанре которой она, по свидетельствам многих критиков, работала в последние годы. Как утверждал искусствовед Алексей Сидоров, «...искусство (...) танца, пляски и бега (...) кончилось (...) Айседора Дункан ныне — великая мимическая артистка» [Касаткина 1992: 275], а Абрам Эфрос в статье «Айседора Дункан» вторил ему, утверждая, что нет больше «Дункан в пляске», а есть «Дункан в пантомиме» [Там же: 232], —

...теперь она развернула перед нами всю линию [пантомимы]: от мимики отвлеченной эмоции (схема гнева, схема бунта) до «характерной игры». Тем самым Дункан вступила на путь к драме [Там же].

Что касается революционных песен, то юные танцовщицы на сцене их всегда пели, хотя их движения не были чисто иллюстративными, а обладали

достаточной условностью и символичностью. В любом случае приходилось искать некий пластический эквивалент.

Сюжеты танцев, безусловно, определялись содержанием песен, с которым, как мы уже видели, Айседору знакомил Шнейдер, переводя текст на немецкий язык (танцовщица им в определенной степени владела, как и французским, хотя и говорила на всех языках весьма забавно, по воспоминаниям многих мемуаристов, что и неудивительно для самоучки).

Гордон Маквей по крупицам собрал свидетельства бывших учениц школы, предоставивших ему довольно подробные описания того, что именно происходило на сцене и какие истории рассказывались языком танца. Сюжеты прочитываются и в реконструкциях современных американских дунканисток. К сожалению, не все революционные танцы описаны и реконструированы.

Упомянутый выше «Славянский марш» посвящался освобождению от рабства, и про него, пожалуй, написано больше всего. Его танцевала только сама Айседора. По мнению Сережниковой-Бойе, «рисунок танца несложен» [Маквей 2004: 387], но впечатления у большинства зрителей всегда были достаточно сильными, если не брать во внимание рецензию Д. И. Лешкова, в которой он довольно оскорбительно описывает «Славянский марш» как «длительное и однообразное подметание пола шевелюрой» [Касаткина 1992: 227].

Сюжет сводился к тому, что Дункан стояла на середине сцены на коленях «согнувшись, головой касаясь пола, руки за спиной, и создавалось впечатление, что они закованы в цепи». Затем танцовщица вставала на одно колено, раскачиваясь, поднимала голову, озиравась вокруг, вставала на обе ноги и, пританцовывая, шла в глубь сцены, прислушиваясь к звуку трубы, «затем снова рушится на колени (руки все время за спиной) <...>. Медленно поднимала голову, оглядываясь, так же медленно вставала во весь рост, с силой как бы разрывала цепи, медленно выносила руки из-за спины, вперед, пальцы скрючены, лицо искажено болью, смотря на свои руки — они свободны. Поднимая руки вверх, вся выпрямляясь, двигалась вперед, освобожденная, торжествуя свободу! Раб свободен!» [Маквей 2004: 387] — это описание, сделанное Сережниковой-Бойе, выбрано нами из многочисленных отзывов как наиболее наглядное, демонстрирующее драматургию танца. В некоторых других танцах, например в «Кузнецах», танцующие тоже разрывали оковы.

В номере, поставленном на песню «Смело, товарищи, в ногу», Дункан «шла с призывными движениями — вперед! Потом на слова “долго нас в тюрьмах держали, долго нас голод томил” она шла по кругу, согнув спину, руки сцеплены за спиной, шаги на согнутых коленях. Снова распрямлялась и танец заканчивался с поднятыми руками» [Там же: 385]. Каковы могли быть призывные движения — можно представить по фотографиям: руки танцовщицы вытянуты вперед и вверх.

«Дубинушка», как и предполагал ее сюжет, изображала бурлаков на Волге. Е. Д. Белова вспоминала, что девочки «выходили в две линии по диагонали и тянули невидимый канат, тянули тяжело» [Маквей 2004: 385]. У российского зрителя, даже из глубинки, возникала ассоциация с известной картиной Репина «Бурлаки на Волге» — например, магнитогорский рецензент увидел на сцене «привольную Волгу-матушку, залитую палящим солнцем» [Там же], когда появились две цепи танцовщиц-бурлаков. Современные американские

дунканистки исполняют этот номер точно так же, хотя количество участников в разных коллективах бывает разным. В конце номера бурлаки освобождаются от каната, распрямляют тело и поднимают руки — иначе танец вряд ли бы выглядел революционным. Поскольку номер довольно часто исполняется в различных программах в США, то, очевидно, непонимание слов не служит препятствием для восприятия. Как правило, используется фонограмма Шаляпина, выразительность голоса которого уже сама по себе создает мощный художественный образ.

«Варшавянка» тоже исполняется с максимальной степенью точности и довольно часто входит в различные программы. Сначала ее танцевала одна Айседора — «выбегала из угла и по диагонали пробегала с прыжком со знаменем в руках, схватывалась за грудь — ее ранили, и она, держа знамя в одной руке, другой зажимая рану, падала» [Маквей 2004: 386]. Затем в танец были введены ученицы школы и выстроилась драматургия, которая повторяется и теперь, варьируясь в зависимости от количества участниц. Точно так же по диагонали выбегают одна танцовщица за другой и, сраженные пулей, падают, передавая знамя следующему «бойцу». В конце номера, когда все лежат на сцене убитые, одна из танцовщиц (поначалу это была Ирма) движениями рук заставляет всех по очереди подняться. Все медленно поднимаются и «уже с победно поднятыми руками» [Там же] заканчивают танец. Был еще вариант, когда Ирма целовала знамя, прежде чем поднимать убитых [Там же: 387]. Тема борьбы в этом танце пересекается с темой смерти, но финал неизбежно демонстрирует победу. Если, по свидетельствам учениц московской школы, они всегда сами пели «Варшавянку», то современные американские дунканистки используют фонограмму и слова песни непонятны американской публике, хотя смысл танца прекрасно считывается.

Как видим по описаниям, тема революционных танцев в основном воплощалась через пластическое выражение освобождения, с которым связаны радость, ликование, торжество, победа. Публике тема была еще близка, поэтому, как правило, танцы принимались с энтузиазмом. Хотя приведенные описания разных танцев и кажутся нам сейчас довольно однообразными, публика видела в них нечто большее, ведь каждая песня сама по себе несла особое смысловое содержание.

Письма учениц московской школы Гордону Маквею содержат также несколько подробных описаний «Интернационала» — самой революционной из всех песен. Наиболее подробное описание (и несколько карандашных рисунков) прислала британскому слависту Сережникова-Бойе:

Дункан выбегала в центр сцены с вытянутыми вперед руками. И сильным резким движением поднимала их вверх (как бы призывая на борьбу, за свободу) и распрямляла на уровне плеч. Потом поворачивалась в глубь сцены с движением призыва. И возвращалась вперед, легкими, мелкими прыжками (на текст «это есть наш последний и решительный бой»), поднимала правую руку, сжатую в кулак, над головой. Мы же, с первыми словами текста, выходили в глубине сцены цепочкой с пением и двигались змейкой, постепенно заполняя всю сцену. Потом наша цепочка делала большой полукруг по всей сцене и останавливалась, делая на месте такие же движения, как

Дункан, движения призыва! А заканчивали «Интернационал» свободным движением поднятых рук вверх!.. [Маквей 2004: 388].

В описаниях других учениц появляются еще такие детали, как прыжки по сцене с красными шарфами, красные туники, длинная красная туника с наброшенным на нее красным шарфом у Айседоры, стоящей в центре. Е. Д. Белова описывала процессию, в которой участвовала: «...шли длинной нескончаемой вереницей, шли к светлому будущему» [Там же]. После «Интернационала» танцовщиц, как правило, забрасывали цветами, а публика в зале обычно пела гимн вместе с исполнителями [Там же: 388–389], полностью вовлекаясь в зрелище и эмоционально, и физически.

Хотя описания, как и рисунки, в целом дают лишь некоторое представление о танцах, показывая их основную сюжетную и движенческую канву, конечно, мы можем лишь смутно догадываться, как все было на самом деле. Одно не вызывает сомнения — энтузиазм зрителей пробуждался не только от танца, но и от самих революционных песен, которые обросли определенными ассоциациями и коннотациями в массовом сознании. Это и позволяло в какой-то момент разрушить рампу, достичь слияния исполнителей и зрителей в некоем мистериальном действе, о котором мечталось театральным деятелям до революции.

Однако в США «Танцы революции», входившие в программы выступлений московской школы в 1928–1930 гг., пользовались не меньшим успехом, хотя публика здесь была самая разная, в основном далекая от коммунистических идей и не подверженная большевистской пропаганде (скорее большая часть зрителей ненавидела большевиков из-за американской пропаганды «красной угрозы» 1917–1920 гг.). Из огромного количества выступлений в более чем 70 городах на протяжении 1928–1930 гг. лишь в Нью-Йорке было организовано специальное выступление для рабочих города, преподнесших девушкам по огромному букету красных роз — с этими букетами они исполнили «Раз, два, три, пионеры (ребятишки?) мы...» [Маквей 2004: 410]. Но, как вспоминает участница гастролей В. П. Головина, «...о нас писали очень много, замечая при этом, что из России приехали очаровательные девушки, которые сразу полюбилились американцам» [Там же]. Похоже, что не идеология и сохранившийся революционный энтузиазм играли важную роль в теплом американском приеме, а визуальная привлекательность танцовщиц и, безусловно, их мастерство, что подтверждают многочисленные рецензии в американской прессе, которые до сих пор пока не собраны и не изучены. По мнению Видалы Нейянайи, американцев в танце русских девушек особенно впечатляла необыкновенная одухотворенность, которую Дункан смогла передать русским ученицам, считая их более способными к освоению духовного содержания танца²⁷. Однако и в США уже в 1930-е годы на волне рабочего движения стали появляться танцовщицы, интересующиеся темой освобождения не только телесного, но и социального (данная тема находится за рамками статьи).

К сожалению, в СССР «Танцы революции», как и более ранние хореографические произведения Дункан, освоенные ученицами московской школы,

²⁷ Личные беседы и переписка американской танцовщицы-дунканистки Видалы с автором. 2018–2021 гг.

были полностью утрачены. Большая советская энциклопедия в 1931 г. грустно резюмировала, что хотя в самом начале жизни Дункан являлась революционеркой, а ее выступления были овеяны «смутными, но ясно всеми ощущавшимися революционными настроениями» и что в конце карьеры она «пыталась воплотить в движении образы, навеянные революцией», однако все же «борьба за свои идеалы в течение десятилетий и унаследованные от старого мира навыки и привычки сломили мощный дух даже и этой великой бунтарки» [Л. Г., А. С. 1931: 628–629]. О том, что государство практически сразу отстранилось от поддержки школы и что титанические усилия Дункан по сохранению созданного ею учебного заведения не увенчались успехом далеко не по вине Айседоры, статья умалчивает. Зато подчеркивает, что танцовщица принадлежала к «числу передовых представителей западной мелкобуржуазной интеллигенции» и, «находясь в постоянном личном конфликте с господствующими в капиталистическом обществе нормами, <...> пыталась сломать все каноны в одной из важнейших областей искусства» [Там же]. Авторы статьи, скрытые под инициалами Л. Г. и А. С. (второй, по всей вероятности, — искусствовед Алексей Сидоров), лавируя между айсбергами сложившейся в целом идеологии, всячески подчеркивают противоречивость революционных устремлений Дункан и снимают ответственность с советского государства, практически бросившего и школу, и приглашенную знаменитость на произвол жестокой советской действительности. Буржуазное происхождение также упоминается не случайно, ведь «навыки и привычки», унаследованные от старого мира, — хорошее оправдание того, что революционной танцовщице оказалось в итоге не по пути с передовым государством. Революционность Дункан в этой статье оценивается крайне амбивалентно и признается с большими оговорками: ломая каноны в искусстве и воплощая образы революции, Айседора, по мнению всячески выкручивающихся авторов, все же не справилась со своей мелкобуржуазностью и тягой к капиталистическим нормам жизни и не смогла оценить те прекрасные условия для развития образования, которые складывались в СССР. Вынужденная уехать из Союза в 1924 г. только для того, чтобы на Западе заработать на свою едва сводящую концы с концами и борющуюся с бюрократическим беспределом школу [Юшкова 2019а: 185–197], Дункан постоянно мечтала вернуться, а также привезти учениц на гастроли в Европу и Америку, чтобы убедить мир в реальности и школы, и возможности передачи ее танца, но ни того, ни другого не произошло.

Школа, превратившаяся в гастролирующую студию (названия несколько раз менялись), была закрыта окончательно в 1949 г. [Там же: 138–139]. Выпускницы нигде не могли преподавать танец Дункан официально, поэтому ушли либо в другие виды танца, либо вообще в другие виды деятельности.

В США, несмотря на угасание интереса к творчеству Дункан, все же работала Ирма Дункан, которая, собрав небольшую труппу американских танцовщиц, продолжила гастроли в 1930-е годы, а затем, в 1936 г., открыла свою коммерческую школу. Таким образом, танец Дункан (хотя и в несколько трансформированном и упрощенном варианте) преподавался на протяжении десятилетий, и в 1977 г., после празднования столетия со дня рождения танцовщицы, интерес к нему начал возвращаться [Юшкова 2019а: 12]. К 1990-м годам уже работало несколько коллективов под разными высокопарными названиями.

ми (руководили ими ученицы американских учениц Ирмы Дункан), появлялись реконструкции все новых и новых хореографических произведений, среди которых и «Танцы революции». В конце 2010-х годов «Танцы революции» наконец вернулись на свою историческую родину, в Россию, где их в 1920-е годы создала американская танцовщица Айседора Дункан, опередившая свое время не только революционной хореографией, но также революционными идеями о танце.

Источники

- Дункан 1907 — *Дункан А. Танец будущего* / Пер. с нем. под ред. А. Мацкевича. М.: Книгоизд-во «Заря», 1907.
- Дункан, Макдуггал 1995 — *Дункан И., Макдуггал А.-Р. Русские дни Айседоры Дункан и ее последние дни во Франции* / Пер с англ. и коммент. Г. Лахути. М.: Моск. рабочий, 1995.
- Зноско-Боровский 1910 — *Зноско-Боровский Евг.* Башенный театр // Аполлон. № 8. 1910. С. 31–37.
- Касаткина 1992 — Айседора. Гастроли в России / Сост., подгот. текста и коммент. Т. С. Касаткиной. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992. С. 79–82.
- Керженцев 1923 — *Керженцев П. М. [Лебедев П. М.]* Творческий театр. 5-е изд., пересм. и доп. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
- Л. Г., А. С. 1931 — *Л. Г., А. С. Дункан (Duncan), Айседора* // Большая советская энциклопедия. [1-е изд.] / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. Т. 31. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ РСФСР, 1931. С. 628–629.
- Плисецкая 1994 — *Плисецкая М. М.* Я, Майя Плисецкая. М.: Новости, 1994.
- Руднева 2007 — *Руднева С. Д.* Воспоминания счастливого человека: Стефанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / Авт.-сост. А. А. Кац. М.: Изд-во Главархива Москвы; ГИС, 2007.
- Duncan 1903 — *Duncan I. Der Tanz der Zukunft (The dance of the future): Eine Vorlesung* / Hrsg. K. von Federn. Leipzig: E. Diederichs, 1903.
- Duncan 2008 — *Duncan I. America makes me sick* // *Isadora speaks: Uncollected writings and speeches of Isadora Duncan* / Ed. by F. Rosemont. San Francisco: City Lights Books, 2008. P. 129–136.

Литература

- Барба 2008 — *Барба Э.* Бумажное каноэ: Трактат о Театральной Антропологии / Пер. с фр. М. Александровой. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. Академ. театр. искусства, 2008.
- Блэйер 1997 — *Блэйер Ф.* Айседора: Портрет женщины и актрисы / Пер с англ. Е. Гусевой. Смоленск: Русич, 1997.
- Голдберг 2017 — *Голдберг Р.* Искусство перформанса. От футуризма до наших дней / Пер. с англ. А. Асланян. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Гройс 2013 — *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин / [Пер. с англ.]. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- Деникин 2021 — *Деникин А. А.* Критика некоторых положений теории перформативности Э. Фишер-Лихте // Наука телевидения. Т. 17. № 1. 2021. С. 139–170.
- Кибардин 2020 — *Кибардин А. А.* Театрализованные представления Петрограда 1919–1920 годов: методы изучения массовых зрелищ // Художественная культура. 2020. № 2. С. 32–58.

- Курт 2007 — *Курт П.* Айседора Дункан / Пер. с англ. С. Лосева. М.: ЭКСМО, 2007.
- Маквей 2004 — *Маквей Г.* Московская школа Айседоры Дункан (1921–1949) // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник / Сост. Т. Б. Князевская; Гл. ред. В. И. Васильев. М.: Наука, 2004. С. 326–475.
- Плохова, Портянникова 2020 — Руководство по применению танцевального архива «Опыты хореографии», или Куда нас завел «Советский жест» / Авт.-сост. Д. Плохова, А. Портянникова. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2020.
- Сироткина 2012 — *Сироткина И.* Свободное движение и пластический танец в России. М.: Нов. лит. обозрение, 2012.
- Фишер-Лихте 2015 — *Фишер-Лихте Э.* Эстетика перформативности / Пер. с нем. Н. Кандинской; Под общ. ред. Д. В. Трубочкина. М.: Play&Play; Канон+, 2015.
- Шехнер 2020 — *Шехнер Р.* Теория перформанса / Пер. с англ. А. Асланян М.: V-A-C Press, 2020.
- Юшкова 2013 — *Юшкова Е.* Дунканистки встретились в Вашингтоне // Линия: [Прилож. к ж-лу «Балет»]. 2013. № 7. С. 12–13.
- Юшкова 2011 — *Юшкова Е. В.* Пантомима в творчестве Айседоры Дункан // Академия пантомимы: теория и практика: Сб. ст. Вып. 1 / Отв. ред. Е. В. Маркова, Т. Ю. Смирнягина М.: Миттель Пресс, 2011. С. 19–30.
- Юшкова 2009 — *Юшкова Е. В.* Пластика преодоления. Ярославль: Изд-во ГОУ ВПО «Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского» (ЯГПУ), 2009.
- Юшкова 2019a — *Юшкова Е.* Айседора Дункан и вокруг: Новые исследования и материалы. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019.
- Юшкова 2019b — *Юшкова Е. В.* Театральный эксперимент Гедрюса Мацкявичюса: истоки и некоторые итоги // Шаги/Steps. Т. 5. № 4. 2019. С. 91–106.
- Bresciani 1982 — *Bresciani J.* A catalog of the Isadora Duncan library in the Victor Seroff collection: Unpublished MA thesis / New York University. New York, 1982.
- Clark 1993 — *Clark K.* Changing historical paradigms in Soviet culture // Late Soviet culture: From novostroyka to perestroika / Ed. by T. Lahusen, G. Kuperman. Durham, NC: Duke Univ. Press, 1993. P. 289–306.
- Clark 1998 — *Clark K.* Petersburg: Crucible of cultural revolution. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1998.
- Daly 1992 — *Daly A.* Dance history and feminist theory: Reconsidering Isadora Duncan and the male gaze // Gender in performance: The presentation of difference in performing arts / Ed. by L. Senelick. Hanover; London: Tufts Univ., 1992. P. 239–259.
- Daly 2002a — *Daly A.* Done into dance: Isadora Duncan in America. Middletown, Conn.: Wesleyan Univ. Press, 2002.
- Daly 2002b — *Daly A.* From the repertory of Isadora Duncan's "Soviet Workers' Songs"; The continuing beauty of the curve. Isadora Duncan and her last compositions // Daly A. Critical gestures: Writings on dance and culture. Middletown, Conn.: Wesleyan Univ. Press, 2002. P. 229–235.
- Duncan et al. 1993 — Life into art: Isadora Duncan and her world / Ed. by D. Duncan, C. Pratl, C. Splatt; Foreword by A. de Mille. New York: W.W. Norton, 1993.
- Ezrahi 2012 — *Ezrahi C.* Swans of the Kremlin: Ballet and power in Soviet Russia. Pittsburgh, PA: Univ. of Pittsburgh Press, 2012.
- Fuhrer 2014 — *Fuhrer M.* American dance: The complete illustrated history. New York: Voyager Press, 2014.
- Gorham 1996 — *Gorham M.* Tongue-tied writers: The rabsel'kor movement and the voice of the "new intelligentsia" in early Soviet Russia // The Russian Review. Vol. 55. No. 3. 1996. P. 412–429.

- Grant 2013 — *Grant S.* Physical culture and sport in Soviet society: Propaganda, acculturation and transformation in the 1920s and 1930s. New York: Routledge; Taylor and Francis Group, 2013.
- Jowitt 1985 — *Jowitt D.* Images of Isadora: The search for motion // *Dance Research Journal*. Vol. 17. No. 2. 1985. P. 21–29.
- Kurth 2001 — *Kurth P.* Isadora: A sensational life. Boston: Little, Brown and Company, 2001.
- Landrum 1996 — *Landrum G. N.* Profiles of power and success: fourteen geniuses who broke the rules. Amherst, NY: Prometheus Books, 1996.
- MacDougall 1960 — *MacDougall A. R.* Isadora: A revolutionary in art and love. New York: Thomas Nelson & Sons, 1960.
- Manning 1998 — *Manning S. A.* Duncan, Isadora // *International encyclopedia of dance* / Ed. by S. J. Cohen. New York: Oxford Univ. Press; Dance Perspective Foundation, 1998. P. 452.
- Martin 1965 — *Martin J.* The modern dance. New York: Dance Horizons, 1965.
- McDonagh 1976 — *McDonagh D.* The complete guide to modern dance. New York: Doubleday, 1976.
- Pearson 2010 — *Pearson M.* Site-specific performance. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
- Pruett 1978 — *Pruett D. M.* A study of the relationship of Isadora Duncan to the musical composers and mentors who influenced her musical selections for choreography: PhD Thesis / The Univ. of Wisconsin-Madison. Ann Arbor, 1978.
- Roseman 2004 — *Roseman J. L.* Dance was her religion: The spiritual choreography of Isadora Duncan, Ruth St. Denis and Martha Graham. Prescott, Arizona: Hohm Press, 2004.
- Schechner 1973 — *Schechner R.* Environmental theater. New York: Applause, 1973.
- Seidel 2016 — *Seidel A. M.* Isadora Duncan in the 21st century: Capturing the art and spirit of the dancer's legacy. Jefferson, NC: McFarland & Company, Inc., Publishers. 2016.
- Souritz 1999 — *Souritz E.* Isadora Duncan and prewar Russian dancemakers // *The Ballet Russes and its world* / Ed. by L. Garafola, N. Van Norman Baer. New Haven: Yale Univ. Press, 1999. P. 97–116.

References

- Barba, E. (1993). *The paper canoe: A guide to Theatre Anthropology*. Routledge.
- Blair, F. (1986). *Isadora: Portrait of the artist as a woman*. McGraw-Hill.
- Bresciani, J. (1982). *A catalog of the Isadora Duncan library in the Victor Seroff collection* (Unpublished MA Thesis, New York University).
- Clark, K. (1993). Changing historical paradigms in Soviet culture. In T. Lahusen, & G. Kuperman (Eds.). *Late Soviet culture: From novostroika to perestroika* (pp. 289–306). Duke Univ. Press.
- Clark, K. (1998). *Petersburg: Crucible of cultural revolution*. Harvard Univ. Press.
- Daly, A. (1992). Dance history and feminist theory: Reconsidering Isadora Duncan and the male gaze. In L. Senelick (Ed.). *Gender in performance: The presentation of difference in performing arts* (pp. 239–259). Hanover; London: Tufts Univ.
- Daly, A. (2002a). *Done into dance: Isadora Duncan in America*. Wesleyan Univ. Press.
- Daly, A. (2002b). From the repertoire of Isadora Duncan' "Soviet Workers' Songs"; The continuing beauty of the curve. Isadora Duncan and her last compositions. In A. Daly. *Critical gestures. Writings on dance and culture* (pp. 229–235). Wesleyan Univ. Press, Middletown, Connecticut.
- Denikin, A. A. (2021). Kritika nekotorykh polozhenii teorii performativnosti E. Fisher-Likhte [Critique of some notions of E. Fischer-Lichte's performative theory]. *Nauka televideniia*, 17(1), 139–170. (In Russian).

- Duncan, D., Pratl, C., & Splatt, C. (Eds.), de Mille, A. (Foreword) (1993). *Life into art: Isadora Duncan and her world*. W. W. Norton.
- Ezrahi, C. (2012). *Swans of the Kremlin: Ballet and power in Soviet Russia*. Univ. of Pittsburgh Press.
- Fischer-Lichte, E. (2004). *Ästhetik des Performativen*. Suhrkamp. (In German).
- Fuhrer, M. (2014). *American dance: The complete illustrated history*. Voyageur Press.
- Goldberg, R. (1988). *Performance art: From futurism to the present*. Abrams.
- Gorham, M. (1996). Tongue-tied writers: The rabsel'kor movement and the voice of the "new intelligentsia" in early Soviet Russia. *The Russian Review*, 55(3), 412–429.
- Grant, S. (2013). *Physical culture and sport in Soviet society: Propaganda, acculturation and transformation in the 1920s and 1930s*. Routledge; Taylor and Francis Group.
- Groys, B. (1992). *Gesamtkunstwerk Stalin. The total art of Stalinism: Avant-garde, aesthetic dictatorship, and beyond* (Ch. Rougle, Trans.). Princeton Univ. Press.
- Jowitt, D. (1985). Images of Isadora: The search for motion. *Dance Research Journal*, 17(2), 21–29.
- Kibardin, A. A. (2020). Teatralizovannye predstavleniia Petrograda 1919–1920 godov: metody izucheniia massovykh zrelishch [Petrograd Theatrical performance in Petrograd in 1919–1920: Methods of study of mass spectacles]. *Khudozhestvennaia kul'tura*, 2020(2), 32–58. (In Russian).
- Kurth, P. (2001). *Isadora: A sensational life*. Little, Brown and Company.
- Landrum, G. N. (1996). *Profiles of power and success: fourteen geniuses who broke the rules*. Prometheus Books.
- MacDougall, A. R. (1960). *Isadora. A revolutionary in art and love*. Thomas Nelson & Sons.
- Makvei [= McVay, G.] (2004). Moskovskaia shkola Aisedory Duncan (1921–1949) [Moscow school of Isadora Duncan (1921–1949)]. In T. B. Kniazevskaia, & V. I. Vasil'ev (Eds.). *Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskustvo. Arkheologiya: Ezhegodnik* (pp. 326–475). Nauka. (In Russian).
- Manning, S. A. (1998). Duncan, Isadora. In S. J. Cohen (Ed.). *International encyclopedia of dance* (p. 452). Oxford Univ. Press; Dance Perspective Foundation.
- Martin, J. (1965). *The modern dance*. Dance Horizons.
- McDonagh, D. (1976). *The complete guide to modern dance*. Doubleday.
- Pearson, M. (2010). *Site-specific performance*. Palgrave Macmillan.
- Plokhova, D., & Portiannikova, A. (Eds.) (2020). *Rukovodstvo po primeneniiu tantsevalnogo arkhiva "Opyty khoreologii", ili Kuda nas zavel "Sovetskii zhest"* [A manual on using dance archive "Experiments in choreology", or, where has "Soviet gesture" brought us]. Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh". (In Russian).
- Pruett, D. M. (1978). *A study of the relationship of Isadora Duncan to the musical composers and mentors who influenced her musical selections for choreography* (PhD Thesis, The Univ. of Wisconsin-Madison).
- Roseman, J. L. (2004). *Dance was her religion: The spiritual choreography of Isadora Duncan, Ruth St. Denis and Martha Graham*. Hohm Press.
- Schechner, R. (1973). *Environmental theater*. Applause.
- Schechner, R. (2003). *Performance theory*. Routledge.
- Seidel, A. M. (2016). *Isadora Duncan in the 21st century: Capturing the art and spirit of the dancer's legacy*. McFarland & Company.
- Sirotkina, I. (2012). *Svobodnoe dvizhenie i plasticheskii tanets v Rossii* [Free motion and plastic dance in Russia]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Souritz, E. (1999). Isadora Duncan and prewar Russian dancemakers. In L. Garafola, & N. Van Norman Baer (Eds.). *The Ballet Russes and its world* (pp. 97–116). Yale Univ. Press.

- Yushkova, E. (2009). *Plastika preodoleniia* [Plastique of overcoming]. Izd-vo GOU VPO "Iaroslavskii gos. ped. un-t im. K.D. Ushinskogo". (In Russian).
- Yushkova, E. V. (2011). *Pantomima v tvorchestve Aisedory Duncan* [Pantomime in the art of Isadora Duncan]. In E. V. Markova, & T. Yu. Smirniagina (Eds.). *Akademiia pantomimy: teoriia i praktika* (Vol. 1, pp. 19–30). Mittel' Press. (In Russian).
- Yushkova, E. (2013). *Dunkanistki vstretilis' v Vashingtone* [Duncan dancers met in Washington, DC]. *Liniia*, 2013(7), 12–13. (In Russian).
- Yushkova, E. (2019a). *Aisedora Duncan i vokrug: Novye issledovaniia i materialy* [Isadora Duncan and "around": New research and materials]. *Kabinetnyi uchenyi*. (In Russian).
- Yushkova, E. V. (2019b). *Teatral'nyi eksperiment Gedriusa Matskiavichiusa: istoki i nekotorye itogi* [Theater experiment by Giedrius Mackevičius: Origin and some results]. *Shagi/Steps*, 5(4), 91–106. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Елена Владимировна Юшкова

кандидат искусствоведения
ассоциированный исследователь,
Центр женских исследований Пяти
колледжей
893 West Street, Amherst, MA 01002 USA
Тел.: + 1 (413) 542-4000
✉ e.yushkova25@gmail.com

Information about the author

Elena V. Yushkova

Cand. Sci. (Art History)
Research Associate, Five College Women's
Studies Research Center
893 West Street, Amherst, MA 01002 USA
Tel.: + 1 (413) 542-4000
✉ e.yushkova25@gmail.com

С. О. Буранок

ORCID: 0000-0001-8307-9428

✉ Witch-king-1@mail.ru

*Самарский государственный
социально-педагогический университет
(Россия, Самара)*

Фильм Джона Форда и Грега Толанда «СЕДЬМОЕ ДЕКАБРЯ»: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОЙНЫ

Аннотация. Фильмы Джона Форда наглядно демонстрируют изменения культурного контекста войны на Тихом океане, а также образа Второй мировой войны в боевых фильмах 1941–1945 гг. Данная работа посвящена отражению Тихоокеанской войны, а также ключевым моментам героизации истории Второй мировой войны в американском кинематографе. В статье ставится задача проанализировать связь образов войны в фильме «Седьмое декабря» с теми, что были представлены в американских газетах, карикатурах, выступлениях политиков — это поможет исследовать проблему визуализации войны не изолированно, а в широком социокультурном контексте. Рассматриваемый фильм — удачный пример сотрудничества Джона Форда с Греггом Толандом. В фильме определены характер и механизмы взаимовлияния данных образов войны: например, как материалы периодической печати влияли на фильм Форда и Толанда, как выступления американских политиков преломлялись и отражались в фильме, как на творчество режиссера влияли визуальные образы карикатур.

Ключевые слова: кинематограф, США, история Второй Мировой войны, пропаганда, Пёрл-Харбор, Япония, война на Тихом океане

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00099, <https://rscf.ru/project/22-28-00099>.

Для цитирования: Буранок С. О. Фильм Джона Форда и Грега Толанда «Седьмое декабря»: формирование образа войны // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 85–99. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-85-99>.

*Статья поступила в редакцию 6 марта 2022 г.
Принято к печати 3 апреля 2022 г.*

S. O. Buranok

ORCID: 0000-0001-8307-9428

✉ Witch-king-1@mail.ru

Samara State University of Social Sciences and Education
(Russia, Samara)

JOHN FORD'S AND GREG TOLAND'S *DECEMBER 7TH*: SHAPING THE IMAGE OF WAR

Abstract. John Ford's films show the changes in the cultural context of the Pacific War and the image of war in combat films from 1941–1945. By the time the U. S. entered World War II, Hollywood and Washington had had a long established relationship: both were well versed in the use of propaganda and had readily employed it on the citizens of the United States. John Ford's films are a good example of this cooperation. This article is about the “reflection” of the image of the Pacific war, and about key moments in the glorification of the history of World War II in U. S. cinema and media. The article sets out the task of analyzing the connection between the images of war in the film *December 7th* and the images of war in newspapers, cartoons, politicians' speeches — this will help to study the problem of visualizing war not in isolation, but in a wider socio-cultural context. The nature and mechanisms of mutual influence of these images of war have been determined: for example, how materials of periodicals influenced the film; how speeches of American politicians were refracted and reflected in the Ford film; how the visual images of cartoons influenced the director's work.

Keywords: cinema, USA, history of the Second World War, propaganda, Pearl Harbor, Japan, Pacific war

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00099, <https://rscf.ru/project/22-28-00099>.

To cite this article: Buranok, S. O. (2022). John Ford's and Greg Toland's *December 7th*: Shaping the image of war. *Shagi / Steps*, 8(3), 85–99. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-85-99>.

Received March 6, 2022

Accepted April 3, 2022

Кинематограф как одно из эффективных средств пропаганды был весьма популярен и востребован в США в годы Второй мировой войны. Американское документальное и игровое кино 1939–1945 гг. заложило традиции изображения войны, не просто отложившиеся в национальной культуре, но сформировавшие базовые мифы о ней, ставшие актуальными на протяжении нескольких поколений.

В этом плане особенно выделяется фигура известного американского режиссера Джона Форда («Оскар» за лучшую режиссуру 1935, 1940 и 1941 гг.) [Gallagher 1988: 182]. Его жизнь и творчество часто становилось предметом внимания исследователей. Так, Дональд Андерсон и Питер Богданович рассмотрели основные вехи биографии режиссера [Anderson 1972: 38; Bogdanovich 1967: 17], Джон Бэкстер, Уильям Дарби и Тэд Гэллахер сосредоточились на творческой биографии Форда [Baxter 1971: 11; Gallagher 1988: 14], а Сэм Гиргаз анализировал его роль в кинематографе США в сравнении с другими режиссерами эпохи [Girgus 1998: 21].

Изучение визуализации Второй мировой войны в американском кинематографе важно для понимания особенностей формирования в национальной культуре образов врагов и союзников, боевых действий и мирной жизни, человека и общества в целом. Это позволит судить о кинематографе военных лет как особом феномене общественно-политической и культурной жизни США, реконструкция и объяснение которого невозможны в рамках традиционной методологии исторического исследования, а требуют междисциплинарного подхода на основе исторической имагологии. Цель данной статьи — на примере фильма «Седьмое декабря» (December 7, 1943) показать визуализацию и мифологизацию войны в американском социуме как конкретно-исторический процесс общественной жизни США, в котором нашли отражение и общие (характерные для англо-саксонской цивилизации в целом), и национальные закономерности. Наше исследование обращено не только к межнациональным имагологическим проблемам (образ врагов и союзников на экране), но и к проблемам внутренним («домашний фронт», образ Америки), которые оказывают сильное воздействие на формирование американской национальной Я-концепции в кризисный исторический период.

* * *

История создания киноленты «Седьмое декабря» начинается сразу после нападения японцев на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г.: режиссер Джон Форд (как он отмечает в послевоенном интервью) сам обратился в Военно-морское и Военное министерства с предложением отправиться на Гавайи для документальных съемок на месте недавней трагедии [Commander 1948: 10]. Уже 4 января 1942 г. он получает разрешение и 16 января прибывает на о. Оаху. Видно, что идея фильма о «Дне позора» родилась у Форда практически сразу после атаки, и именно он был инициатором создания киноленты, тогда как военные оказывали только содействие и поддержку. При этом режиссер обозначил жанр, в котором будет работать, — документальное кино, хотя вся Америка на конец 1941 г. знала его как мастера вестернов. Следовательно, уже в декабре 1941 г. можно было ожидать, что будущий фильм не станет чисто документальным, а приобретет некоторые черты художественного драматического произведения.

Для понимания общего замысла фильма и его места как в творчестве режиссера, так и в общественно-политической жизни США важно установить, с каким настроением и какими планами Форд прибыл на Гавайи. В своем интервью он рассказывал:

Мы увидели Пёрл-Харбор в полной боевой готовности. Все военные учили уроки нападения. Армия и флот, все в хорошем состоянии, все осторожные, патрули выходят регулярно, все в приподнятом настроении, смелые, такой сильной надежды у моряков на изменение ситуации в войне я никогда не видел [Commander 1948: 10].

Такой настрой военных в Пёрл-Харборе историки связывают с назначением нового командующего Тихоокеанским флотом США — адмирала Честера Нимица, который стал главнокомандующим Тихоокеанским флотом США 31 декабря 1941 г. И вполне понятно удивление, испытанное режиссером, так как на протяжении первых недель после атаки пресса США настойчиво формировала образ катастрофы с неизгладимыми последствиями. Возможно, так возникла первая идея, на которой будет базироваться фильм, — противопоставление хаоса и порядка, победы и поражения, мужества и предательства.

Последующие полгода Форд, как отмечают исследователи, провел в работе над выяснением подробностей и деталей нападения, чтобы фильм получился как можно более реалистическим и точным [Davis 1995: 167]. Большую помощь как в разработке концепции фильма, так и в его съемках Форду оказал не менее известный режиссер Грег Толанд [Ogle 1972: 95]. Как результат работы данного тандема, в фильме сочетаются элементы игрового и документального кино, причем за «голливудские сюжеты» высказывался именно Толанд. Он же написал первый сценарий с рабочим названием «Рассказ о Пёрл-Харборе: эпос американской истории», которое позже Форд заменит на короткое, но образное «Седьмое декабря», перекликающееся с первым предложением обращения президента США Ф. Д. Рузвельта об объявлении войны Японии [McBride 2001: 353].

Были созданы две версии фильма: «длинная» (82 минуты) и «короткая» (32 минуты). В статье анализируется «короткая» версия, поскольку именно она вышла на экраны США в 1943 г.

Завершенный фильм по сюжету делится на три части, каждая из которых состоит из эпизодов, отражающих как историю атаки на Пёрл-Харбор, так и общественно-политические настроения в США в начале войны. И в каждой части поднимается одна актуальная и значимая проблема, соответственно: 1) причины нападения и виновные; 2) ход атаки и героизм американских военных; 3) последствия нападения.

Первая часть фильма содержит наибольшее количество исторических параллелей, устойчивых эмоционально окрашенных образов и мифов. Их отображение потребовало от Форда как использования старых, хорошо апробированных пропагандистских приемов, так и создания новых.

Начальные кадры фильма оформлены преимущественно в традиции новостных видеорепортажей, к которым давно привыкли американские зрители в кинотеатрах. На экране (время 0.00–0.07) демонстрируется потопленный

линкор «Аризона», а закадровый голос сообщает, что Военное и Военно-морское министерства представляют фильм «Седьмое декабря».

Выбор первого визуального ряда режиссерами далеко не случаен, так как к моменту релиза картины (1943 г.) линкор «Аризона», причем именно в разрушенном виде, стал самым узнаваемым символом Пёрл-Харбора. Все общество США знало слоган «Помни “Аризону”!» наравне со слоганом «Помни Пёрл-Харбор!». Кадры с «Аризоной» воскрешают в сознании аудитории эмоции и чувства двухлетней давности, заставляют заново пережить шок и потерянность начального периода войны, служат хорошим напоминанием гражданам США, как началась война, и предостережением, чтобы подобная катастрофа больше не повторилась.

Следующие кадры фильма (0.38–0.52) демонстрируют два официальных документа: распоряжение военного министра Г. Стимсона и военно-морского министра Ф. Нокса о поддержке идеи Форда и необходимости полного содействия режиссеру в Гонолулу. Подобные официальные вставки есть и в других фильмах Форда, причем всегда в одном и том же месте — после заставки. Они сразу повышают достоверность фильма в глазах зрителей, придают ему строгий, документальный характер.

Сам сюжет фильма начинается разворачиваться после 0.52 — Форд и Толанд показывают гавайские пейзажи, а закадровый голос (принадлежит сценаристу Джеймсу Макгинессу [Nollen 2013: 348]) сообщает зрителям: «Раннее воскресное утро. Остров Оаху». Начальные сюжетные кадры «Седьмого декабря» выполнены в полном соответствии с традициями Форда — демонстрация в первую очередь географического объекта, где будут происходить все действия, и самое пристальное внимание к пейзажам. Так формировались ощущение реализма и чувство погружения в фильм, которые отмечали критики еще в 1942 г.¹

Зато после обозначения географии и актуализации в памяти зрителей образа Пёрл-Харбора (для этого авторам было достаточно включить в фильм слова «Ранним воскресным утром») происходит первый любопытный поворот — введение игрового персонажа — «Дяди Сэма», которого играет Уолтер Хьюстон, уже зарекомендовавший себя в исторических и пропагандистских фильмах [Weld 1998: 103]. Этот образ, выбранный для первого появляющегося в фильме актера, — один из самых узнаваемых и популярных в США с середины XIX в. Но Форд и Толанд в фильме помещают данного персонажа в совершенно не свойственный ему контекст. Традиционно «Дядя Сэм» призывает американских граждан к борьбе с врагами, к преодолению трудностей, к помощи правительству или олицетворяет внешнеполитические победы США. В «Седьмом декабря» «Дядя Сэм» спит, причем рядом с ним на столе лежит номер газеты «Honolulu Star» — с крупными заголовками «Приближается война!» и «Скоро кризис».

Такой оригинальный, но простой прием поднимает вопрос о готовности США к нападению. И в свой ответ Форд закладывает целую концепцию: спящим изображен не солдат или матрос, а образ, символизирующий государство, — прозрачный намек на то, что удар по Пёрл-Харбору «проспало» в пер-

¹ См.: Pittsburgh Post-Gazette. 1942. September 7. P. 1; Washington Post. 1942. September 12. P. 1.

вую очередь правительство США, а не военные. Появление такой трактовки одной из самой обсуждавшихся в США проблем, связанных с Пёрл-Харбором, объясняется, скорее всего, не только военными заказчиками фильма (его производство оплатило Военно-морское министерство), но и временем, проведенным Фордом среди офицеров флота, — более года, с декабря 1941 до лета 1943 г. За этот период у режиссера было много возможностей узнать мнение военных, на ком лежит ответственность за Пёрл-Харбор, и кадры фильма свидетельствуют о том, что Форд в большей степени принял и поддержал их точку зрения, а не правительственную, выраженную в отчете комиссии, возглавляемой судьей О. Робертсом [Report of Roberts 1946: 3], которая была созвана президентом США 18 декабря 1941 г. для расследования нападения на Пёрл-Харбор. Итоговый отчет комиссии содержал обвинения адмирала Х. Киммеля и генерал У. Шорта в неготовности к отражению японской атаки, в игнорировании международной ситуации и в отсутствии координации между армией и флотом США на Гавайях.

Из этого становится ясно, что уже в первых кадрах фильма Форд идет на некоторый пересмотр устоявшейся к 1943 г. версии о том, кто виновен в поражении, показывая зрителям: «проспали» не командующие на местах, «проспала» вся Америка, невзирая на многочисленные предупреждения и международную ситуацию (на что в фильме прямо обращает внимание газета, лежащая на столе рядом с «Дядей Сэмом») [Prange 1982: 401]. В следующих эпизодах фильма Форд, используя кинохронику, объясняет внезапностью нападения высокие потери США в самолетах при атаке 7 декабря. Сразу после этого кадра появляется игровой персонаж — один из первых в фильме визуальных образов японца — будто бы простой рабочий, внимательно следящий за перемещениями американских кораблей в гавани Пёрл-Харбор.

Введение этого образа оказалось созвучным общественным настроениям и процессам в США, когда после Пёрл-Харбора начался процесс интернирования американских японцев (и американцев японского происхождения) в соответствии с приказом президента № 9066 [Leupp 2003: 215], вызванным, в частности, опасениями по поводу возможных актов саботажа и ведении японцами в США шпионской деятельности. В фильме «Седьмое декабря» Форд апеллирует к этим настроениям, чтобы показать одну из причин военной катастрофы: в ней виноват не только «проспавший» нападение «Дядя Сэм», но и японская шпионская сеть на Гавайях.

Завершают первую часть фильма два эпизода из последних мгновений мирной жизни в Пёрл-Харборе: Форд показывает Гавайи «ранним воскресным утром» — тихим и спокойным, где жители занимаются повседневными делами. Характерная особенность визуализации Гавайев — острова показаны как фронт в классических вестернах, мастером которых был Форд: первозданная природа, практически полное отсутствие привычных гражданских построек, при этом большое количество фортификационных сооружений, казарм и палаток. Подобную схему визуализации места действия фильма в качестве фронта можно наблюдать и в «Сражении за Мидуэй» Дж. Форда (The Battle of Midway, 1942), и в «Острове Уэйк» Дж. Ферроу (Wake Island, 1942). Сопровождаемые классической американской музыкой середины XIX в., эти сцены способствовали восприятию данных фильмов американскими зри-

телями, помещая совершенно новые реалии мировой войны в привычный для них (в социокультурном плане) аудиовизуальный контекст Дикого Запада.

Люди в «Седьмом декабря» также предстают в типичных для вестерна образах. Это прежде всего военнослужащие: в первых кадрах, наряду с выполнением обычных обязанностей по службе, они слушают проповедь, а дежурный радарной установки (сам экран радара закрыт большим черным квадратом с надписью «цензура») звонит в штаб с сообщением о большом количестве самолетов, приближающихся к Пёрл-Харбору. Здесь историческая действительность снова переплетается с определенными официальными реакциями на нападение: еще президент Ф. Д. Рузвельт в выступлениях от 8 и 9 декабря 1941 г. в качестве одной из причин поражения упомянул «стремление американцев к миру» (по версии президента, военные, дипломаты и граждане США оказались не готовы к японской агрессии, так как «верили» в возможность сохранения мира на Тихом океане, надеялись на мирное разрешение конфликта путем переговоров с японцами) и именно из-за этого назвал 7 декабря 1941 г. «Днем позора» [Addresses 1942: 125]. В первых военных карикатурах, опубликованных в американских СМИ, «надежда на мир» обыгрывалась художниками Джейм Дарлингом и Киром Хангерфордом, показывавшими «двуличие японцев», которые «прикрывали подготовку к войне мирными переговорами»: художники изображали Японию в виде стервятника, который использует «оливковую ветвь мира» для маскировки бомб. В фильме «Седьмое декабря» два варианта понимания категории «мир»: с одной стороны, мир в контексте международных отношений, мир на Тихом океане, с другой — мир с повседневного-бытовой точки зрения, с уровня восприятия обычных граждан.

На основе анализа первой части фильма «Седьмое декабря» можно сделать несколько выводов.

Во-первых, «мирная» часть — самая короткая, занимающая всего пять минут экранного времени из 32 (т. е. около 15%). Но в сравнении с другими боевыми фильмами это весьма значительный процент: в «Сражении за Мидуэй» Дж. Форда сцены мирной жизни занимают 5,5% от общего времени фильма, в «Острове Уэйк» Дж. Фэрроу — 32%, в «Эскадрилья торпедоносцев» Дж. Форда (Torpedo Squadron, 1942) — 0%. Таким образом, в кинолентах о переломном этапе войны на Тихом океане 1942 г. образов довоенной Америки чрезвычайно мало, все их содержание занято войной; в то же время в фильмах о нападении на о. Уэйк и Пёрл-Харбор процент кадров, визуализирующих мирную жизнь американцев, существенно выше. Здесь можно выделить определенную закономерность: чем ближе сюжет фильма к начальному этапу войны на Тихом океане, тем больший процент экранного времени занимает мирная жизнь. Это позволяло американским режиссерам наиболее полно использовать противопоставление «война — мир» в своих кинолентах.

Во-вторых, показывая предысторию нападения на Пёрл-Харбор, режиссер выбирает между двумя основными на 1942–1943 гг. версиями произошедшего: официальной, выраженной в докладе комиссии судьи О. Робертса, и неофициальной (которая в будущем станет одним из оснований для «ревизионистской концепции» в историографии), представленной показаниями адмирала Х. Киммеля и офицеров Тихоокеанского флота США. Сюжет фильма дает основания утверждать, что Форд поддержал версию военных: подбор ка-

дров первых пяти минут, закадровый текст и выдержки из документов — все это подводит зрителя к тому, что именно правительство Соединенных Штатов несет ответственность за поражение 7 декабря 1941 г. Однако во время, когда непосредственно создавался фильм, Грег Толанд был против подобного одно-значного принятия позиции Военно-морских сил США, и первая, «длинная» версия киноленты критиковала флот за неготовность к отражению атаки и бездействие [McBride 2001: 381]. Из-за этого произошел серьезный конфликт между режиссерами, и Форд (по настоятельным рекомендациям ВМС США) сделал «короткую» версию фильма, где основная часть вины перекладывалась с руководства флота на правительство США.

В-третьих, в создании образа японцев Форд опирался, наоборот, на официальную позицию Белого Дома (выраженную в выступлениях президента Ф. Д. Рузвельта и в приказе № 9066) и одновременно учитывал общий негативный фокус общественного мнения в отношении японцев, изображая их несколько карикатурно: все японцы на Гавайях в фильме — замаскированные шпионы.

В-четвертых, в первой части фильма демонстрация оружия и военной техники занимает 72 секунды из 300, т. е. 24% от общего времени данной части, тогда как во второй части 608 секунд из 660, т. е. 92% от всей длительности второго («боевого») блока киноленты. Такая разница в распределении времени на демонстрацию вооружения в разных частях фильма обусловлена не только сюжетом, но и стремлением режиссера максимально выделить противопоставление мирного и военного периодов.

Вторая часть фильма демонстрирует саму атаку 7 декабря 1941 г. и длится с 5.00 до 16.00 экранного времени. Толанд и Форд творчески подошли к такому сложному вопросу, как периодизация нападения. К моменту съемок фильма существовало несколько вариантов разделения атаки на этапы: периодизация в докладе военно-морского министра Нокса — три этапа [Report by Secretary of Navy 1946: 1749]; периодизация адмирала Андерсона (представленная в рапорте от 19 декабря 1941 г.) — четыре этапа [Report 1941: 1]; периодизация адмирала Киммеля (в рапорте от 21 декабря 1941 г.) — четыре этапа [Report of action 1946: 1570]; периодизация адмирала Нимица (в рапорте от 15 февраля 1942 г.) — два этапа [Report 1942: 3].

Создатели фильма выбирают вариант, согласно которому нападение на Пёрл-Харбор разделялось на «две атакующих волны», т. е. в соответствии с рапортом главнокомандующего Тихоокеанским флотом США адмиралом Ч. Нимицем. И такой выбор не только обусловлен удобством и точностью периодизации Нимица, но и представляет определенную политическую позицию: согласно этой схеме, наибольший ущерб японцы нанесли в начале атаки (на первом ее этапе, с 7.55 до 8.25 7 декабря 1941 г.), когда господствовал фактор внезапности (в котором уже виновато политическое руководство США). Толанд и Форд, целенаправленно визуализируя атаку согласно периодизации Нимица, поддерживают версию военных о главных виновниках поражения, к этому стоит добавить образ спящего «Дяди Сэма» в начале фильма. Получается, что в двух очень важных эпизодах фильма (связанных с вопросами об ответственности руководства США и о периодизации нападения) Форд встает на сторону руководства флота США в его противостоянии с Белым Домом, ка-

сящемся определении причин внезапного нападения на Пёрл-Харбор и главных виновных в поражении. Следовательно, первая пара оппозиций во второй части фильма — это военные и политики: в фильме «Седьмое декабря» активные действия военных по обороне Пёрл-Харбора противопоставляются пассивному поведению политиков (образ спящего «Дяди Сэма»).

Вторая, более четко и образно выраженная оппозиция, несущая важнейшую смысловую нагрузку, — это героизм и подлость. За первое в основном отвечают американские моряки (в меньшей степени пилоты): используя сочетание кадров кинохроники и постановочных сцен, Форд и Толанд в период фильма с 7.40 до 12.40 последовательно показывают гибель множества американских военнослужащих и кораблей. Для демонстрации попадания японских снарядов почти во все корабли были использованы специально построенные масштабные модели, за исключением эпизодов с гибелью «Оклахомы» и «Аризоны». В этих случаях режиссерам не потребовалось никаких дополнительных спецэффектов, так как кинохроника, демонстрирующая гибель двух этих линейных кораблей, была максимально драматичной. В изображении человеческих жертв и героизма Форд делает главный акцент на лицах (все кадры постановочные).

Героизму в фильме противопоставлена подлость, для демонстрации которой используются два приема. Первый: все «подлые действия» в фильме отождествляются с японцами. Гавайские острова, как показывает кинолента, населены значительным числом японских граждан, многие из которых по ходу развития сюжета оказываются коварными и двуличными шпионами генерального консула Японии, а само консульство — центром антиамериканской деятельности. Центральное значение здесь имеет «интервью» с синтоистским священником. В нем (по сюжету фильма — сразу после нападения) американский журналист расспрашивает японца, видел ли он японские самолеты, наносящие удары по Пёрл-Харбору. Священник мистер Кидо невозмутимо отвечает, что ничего такого не видел, ничего не знает и уверен, что всё это маневры армии и флота США, тем самым демонстрируются его скрытность, коварство и двуличие.

Второй прием визуализации подлости: из 11 минут второй части изображение «коварных японских шпионов», которые помогали (причем на протяжении очень долгого времени) японским военным готовить нападение на Гавайи, занимает 40 секунд (с 12.45 до 13.25) — чуть более 6% от всей второй части. Таким методом распределения экранного времени создается хорошо заметная диспропорция в изображении подлости и героизма, при которой последний становится, безусловно, доминирующим.

Указанные сцены служат иллюстрацией к речи президента Рузвельта от 8 декабря 1941 г., где он семь раз акцентировал на внимание слушателей на японском коварстве, употребляя следующие выражения: «неспровоцированная и подлая атака», «неожиданное, вероломное нападение», «внезапное и спланированное вторжение» и «вооруженное нападение» [Addresses 1942: 125]. Важно, что к проблеме «японской подлости» Форд обратится снова в третьей части фильма.

Это позволяет предположить, что при создании образа японского нападения на Гавайи Форд и Толанд использовали устойчивое кинематографическое и идеологическое клише «благородное поражение», или «героическая ги-

бель». Обычно оно применялось в кинематографе для создания образа сражений, в которых американские войска столкнулись с превосходящими силами противника и потерпели поражение (классический пример — упомянутый выше фильм «Остров Уэйк» 1942 г. или вестерн Р. Уолша «Они умерли на своих постах» (They Died with Their Boots On, 1941) [Glancy 1995: 70]. Но в киноленте «Седьмое декабря» режиссеры заменяют силы противника на шпионов, представляя зрителям еще одну версию причины поражения на Гавайях — большое количество вражеских агентов. Следовательно, Форд и Толанд еще раз акцентируют внимание на том, что военные (особенно моряки) США — не виновники военной катастрофы, а ее жертвы.

Завершается вторая часть фильма одними из самых известных кадров американской кинохроники, показывающих горящие американские корабли в Пёрл-Харборе. Голос за кадром произносит, что «в 9.45 атака закончилась. Японские самолеты ушли. Последняя волна захватчиков была отбита. Да, отбита — защитниками острова». Хорошо видно, что Толанд и Форд пошли в этом эпизоде на целенаправленное создание нового мифа, который не присутствовал ни в одном рапорте военных из Пёрл-Харбора: второй этап сражения (как и по отчету адмирала Нимица, с 8.40 до 10.00 7 декабря 1941 г.) завершился поражением японцев, поскольку американцы смогли организовать сопротивление и оборону.

Этот миф восходит к некоторым газетным публикациям 1941 г.: «Nevada State Journal» (1941. December 7. P. 1) со ссылкой на радиостанцию Панамы сообщает о гибели японского авианосца в битве при Пёрл-Харборе. Никаких комментариев по этому поводу редакция газеты не публикует. Но редакция газеты «The Lowell Sun» (Массачусетс; 1941. December 7. P. 1) сделала выводы из этой скудной информации. На передовице размещен крупный заголовок: «Наш флот побеждает» (ничего подобного другие издания написать не решились). Далее сообщается: «Соединенные Штаты выиграли первую битву новой мировой войны». Вероятно, журналисты посчитали уничтожение вражеского авианосца и «множества самолетов» крупной победой на фоне данных об американских потерях.

Однако в 1942–1943 гг. подобные сенсационные трактовки не имели никакого влияния на общественное мнение. Поэтому можно предположить, что режиссеры «Седьмого декабря» все-таки не актуализировали старый слух, а создали новый миф, прежде всего в целях реабилитации образа флота, который (согласно сюжету фильма) сорвал японские планы по разгрому Пёрл-Харбора.

Важным моментом второй части фильма является музыкальное сопровождение — японские самолеты покидают Пёрл-Харбор под песню «Columbia, the Gem of the Ocean». Эта патриотическая песня 1843 г. воспринималась как неофициальный гимн США и приобрела большую популярность в ходе Гражданской войны. Выбор мелодии должен был не только способствовать подъему патриотических настроений при просмотре фильма, но и окончательно убедить зрителей в том, что Пёрл-Харбор можно рассматривать и как американскую победу. Кроме того, последний куплет песни (знакомый каждому в США с самого детства) содержал слова «Армия и флот навсегда / Красно-бело-синим — трехкратное ура». Это дополнительно усиливало главную режиссерскую идею фильма о невиновности военных.

Логичным продолжением этой идеи выступает третья часть фильма (16.00–32.00). Это самый большой отрезок киноленты, повествующий о последствиях атаки 7 декабря. Одно из центральных мест в этой части занимает визуализация потерь в Пёрл-Харборе. Здесь очевидны два режиссерских приема: 1) используются только кадры кинохроники с реальными поврежденными и уничтоженными кораблями и самолетами, ранеными и убитыми; 2) на демонстрацию потерь японцев отводится ровно одна минута, на потери США в технике — одна минута, на людские потери США — пять минут.

Первая минута (16.00–17.00) показывает зрителям японские потери: «...около 50 самолетов, еще несколько упали в море и несколько малых, двухместных подводных лодок». Благодаря такой оценке можно установить, что данная часть фильма готовилась в период до 6 декабря 1942 г., когда были опубликованы официальные уточненные сведения Военно-морского министерства США об уничтожении 28 японских самолетов. В период с 12 декабря 1941 г. по 5 декабря 1942 г. основной информацией о потерях Японии в самолетах был отчет военно-морского министра Ф. Нокса, согласно которому японцы лишились 41 машины [Brief Report 1943: 3]. А это очень близко к цифре, озвученной в фильме. Следовательно, можно заключить, что Форд и Толанд не только опирались на отчет Нокса, но и стремились преувеличить, округлить в большую сторону потери противника, чтобы фоне американских уничтоженных самолетов (в фильме называется число «около 200») они не выглядели как минимальные.

Следующая минута (17.00–18.00) посвящена демонстрации горящих американских кораблей. И здесь главная роль принадлежит трем линкорам: «Аризона», «Оклахома», «Вест Вирджиния», которые получили наиболее тяжелые повреждения в ходе атаки (первые два восстановлению не подлежали). Голос за кадром произносит: «Президент Рузвельт сказал, что мы навсегда запомним, каким образом на нас напали». Это цитата из «военного обращения» президента от 8 декабря 1941 г. [Addresses 1942: 126]. Так, без акцента на численность американских потерь, Толанд и Форд формируют образ горящего Пёрл-Харбора, дополнительно обращая внимание на «подлость японского нападения».

Этот образ должен был воскресить в памяти зрителей эмоции от событий 7 декабря 1941 г. и их оценки, когда радиостанции и газеты размещали информацию о нападении и «доклады очевидцев» о сильном зенитном огне в небе над гаванью и черном дыме, застилающем Пёрл-Харбор, о трех поврежденных кораблях, о многочисленных пожарах². Фильм Форда и Толанда сделал каждого зрителя очевидцем этого поражения. Однако все это происходит в киноленте только одну минуту — верный собственным режиссерским принципам, Форд более значительный акцент делает на человеческих жертвах.

Визуализация людских потерь занимает в фильме пять минут экранного времени и строится на комбинировании двух типов кадров: 1) с могилами американских моряков, солдат и пилотов и 2) с короткими репортажами об их семьях. Причем кадры второго типа наиболее драматичны — погибшие молодые военнослужащие США «ведут рассказ» о своих близких: на экране де-

² См.: Galveston Daily News. 1941. December 7. P. 1; The Helena Independent. 1941. December 7. P. 1; Cumberland Times. 1941. December 7. P. 1.

монстрируются фотографии погибших, в то время как закадровый голос от их лица рассказывает об их семьях. Показаны «личные истории» семи военнослужащих: 1) солдата из Огайо, 2) моряка из Нью-Йорка, 3) морского пехотинца из Айовы, 4) моряка из Северной Каролины, 5) моряка из Калифорнии, 6) солдата из Нью-Мексико, 7) лейтенанта медицинской службы армии США из Иллинойса.

Хорошо видно, что Форд явно стремился в равной пропорции показать и погибших моряков (три героя фильма), и погибших солдат (тоже три героя). Единственный морской пехотинец в этом перечне объясняется малочисленностью Корпуса морской пехоты США в сравнении с флотом и армией, а также тем, что образ «героического морпеха» в США тогда еще находился только в стадии формирования.

Кроме того, все семь военнослужащих имеют разную расовую и религиозную принадлежность, разные звания и уровень достатка, не говоря уже о том, что проживают в самых различных частях Соединенных Штатов — в соответствии с инструкциями Управления военной информации США о формировании чувства единства [Bird 1998: 162]. Это должно было вызвать у зрителей ту же реакцию, что и эпизод с семьей пилота бомбардировщика в предыдущем фильме Форда «Сражение за Мидуэй», где показана семья обычного американского пилота (4.32–4.54): отец — инженер-железнодорожник, сестра и «мать пилота, которая выглядит так же, как наши матери из Спрингфилда или любого другого американского городка» [Gallagher 1988: 209]. Визуализация «обычной семьи» создавала у зрителей чувство родства и близости к военнослужащим, которые благодаря узнаваемости образов воспринимались как друзья и соседи, способствовала сопереживанию им.

Если в фильме «Сражение за Мидуэй» Форд пытался достичь чувства сопричастности с помощью демонстрации всего одной семьи, то в «Седьмом декабря» ему удалось показать по-настоящему глобальный срез американского общества, чтобы каждый из зрителей увидел в погибших военных своих знакомых и соседей. Позже такой визуальный прием в кинематографе исследователи обозначают как «эффект соседского мальчика» [Gallagher 1988: 210]. Чувство сопричастности усиливает фраза, сказанная за кадром в конце этого эпизода: «Все мы американцы». Это показывает очень внимательное отношение Форда и Толанда как к инструкциям Управления военной информации, так и к требованиям заказчика фильма — Военно-морскому министерству.

В этом важном эпизоде режиссер нашел место и для противопоставления: в семье погибшего лейтенанта медицинской службы армии США через три месяца после атаки на Пёрл-Харбор родился ребенок. В одном сюжете режиссеры показывают оппозицию таких концептов, как «жизнь» и «смерть», «гибель» и «возрождение», что можно расценивать и как появление надежды на оптимизм: от потерь и разрушений США перейдут к созиданию (учитывая, что фильм снимался в 1942–1943 гг., подобная трактовка может иметь место).

Завершается фильм двумя крупными эпизодами, демонстрирующими восстановление флота и самой базы на Гавайях после атаки, и экскурсом в жизнь японского общества, которое у Форда не просто милитаризированное, а религиозно фанатичное (с почитаемым в качестве «живого бога» императором) — абсолютно противоположное американскому обществу. Это хорошо

иллюстрирует американские стереотипы о японцах в США в начале 1940-х годов. Японские дети в фильме показаны за милитаризованными играми: они роют окопы, изучают приемы рукопашного боя, осваивают противогазы. Закадровый голос сообщает, что с такими людьми война будет идти только на выживание. Хорошо видно, что к моменту завершения съемок фильма общественные настроения американцев уже полностью демонизировали японцев, воспринимая каждого из них как врага.

* * *

По итогам изучения особенностей фильма «Седьмое декабря» можно сделать следующие выводы:

Во-первых, история создания киноленты показывает некоторые принципы и модели взаимодействия Голливуда с Военным и Военно-морским министерствами. Это прежде всего стремление военных мобилизовать режиссеров для визуализации наиболее важных сражений (Пёрл-Харбор, Мидуэй, Филиппины, Уэйк, Гуадалканал). Однако, несмотря на строгий военный заказ, режиссеры получали инструкции и от Управления военной информации, Управления стратегических служб, ФБР, иногда от администрации Белого Дома. Все это создает в фильмах переплетение образов, каждый из которых отражает различные интересы государственных структур.

Во-вторых, фильм «Седьмое декабря» создан на чрезвычайно разнообразной источниковой базе, которая включает в себя не только официальные документы Военно-морского министерства, пресс-релизы, газетные публикации, выступления президента Ф. Д. Рузвельта, но и карикатуры. Большинство военных аспектов фильма (силы противоборствующих сторон, баланс их ВМС, потери) показаны в точном соответствии с пресс-релизами Военно-морского министерства. Фактически в этих моментах фильма происходила визуализация пропаганды конца 1930-х — начала 1940-х годов, которая на экране получала не только «вторую жизнь», но и дополнительную поддержку благодаря кадрам кинохроники.

В-третьих, режиссеры, несмотря на ограничения Управления военной информации, построили сюжет фильма в соответствии со своим собственным видением наиболее острых моментов истории Пёрл-Харбора. Что касается вопроса о виновных в произошедшем, в фильме не признаётся официальная версия Рузвельта, а федеральное правительство США обвиняется в бездействии, отсутствии бдительности и непонимании международной ситуации, при этом изображение всех японцев, жителей Гавайев, как фанатиков и шпионов поддерживает мнение президента, генерального прокурора и ФБР.

В-четвертых, Форд и Толанд при визуализации нападения на Пёрл-Харбор мифологизируют начало войны путем расставления эмоциональных маркеров и оценок, взятых из карикатур, газет и пресс-релизов, а также путем противопоставления войны и мира, героизма и предательства, бездействия и бдительности, жизни и смерти, созидания и разрушения. Прокатная версия фильма представляла практически манихейскую картину мира (и войны), где роль абсолютного зла досталась Японии — как и в других фильмах Форда, таких как «Сражение за Мидуэй», «Эскадрилья торпедоносцев».

В-пятых, через весь фильм проходит идея единства американских вооруженных сил и американского общества в стремлении к победе. В этом заключается большой мобилизационный потенциал киноленты. Однако такой концепт, как «хорошая война» (характерный для американской культуры в отношении Второй мировой войны), в данном фильме практически не выражен — Форд больше актуализирует идею жертвенности, трагизма и скорби, что станет доминирующими элементами в отношении Пёрл-Харбора не только на уровне общественных настроений 1941–1943 гг., но и в коллективной исторической памяти американцев на протяжении всей второй половины XX в.

Источники

Архивные

- Commander 1948 — Commander John Ford USNR interview (Naval Historical Center. Operational Archives. World War II Interviews. Box 10. Folder 1. File 8). 1948.
- Report 1941 — Report for Pearl Harbor Attack by Commander Battleships, Battle Force (Naval Historical Centre, World War II Action Reports. Box 1. Folder PHA). 1941.
- Report 1942 — Report of Japanese raid on Pearl Harbor, 7 December, 1941 by Commander-in-Chief, United States Pacific Fleet (Naval Historical Centre, World War II Action Reports. Box 1. Folder PHA). 1942.

Опубликованные

- Addresses 1942 — Development of United States foreign policy. Addresses and messages of Franklin D. Roosevelt. Washington: U. S. Gov. Print. Off., 1942.
- Brief report 1944 — Brief report of conduct of naval personnel during Japanese attack, Pearl Harbor, December 7, 1941 // Navy department communiques 1-300 and pertinent press releases, December 10, 1941 to March 5, 1943. Washington: U. S. Gov. Print. Off., 1944.
- Report by Secretary of Navy 1946 — Report by Secretary of Navy to the President // Pearl Harbor Attack. Pt. 24. Washington: U. S. Gov. Print. Off., 1946.
- Report of action 1946 — Report of action of 7 December 1941 by Admiral H. E. Kimmel // Pearl Harbor Attack. Pt. 24. Washington: U. S. Gov. Print. Off., 1946.
- Report of Roberts 1946 — Report of Roberts Commission // Pearl Harbor Attack. Pt. 39. Washington: U. S. Gov. Print. Off., 1946. P. 2–21.

References

- Anderson, D. K. (1972). *John Ford*. Twayne Publishers.
- Baxter, J. (1971). *The cinema of John Ford*. A. S. Barnes.
- Bird, W. (1998). *Design for victory: World War II posters on the American Home Front*. Princeton Architectural Press.
- Bogdanovich, P. (1967). *John Ford*. Studio Vista.
- Davis, R. (1995). *John Ford: Hollywood's old master*. Univ. of Oklahoma Press.
- Gallagher, T. (1988). *John Ford: The man and his films*. Univ. of California Press.
- Girgus, S. (1998). *Hollywood Renaissance: The cinema of democracy in the era of Ford, Capra, and Kazan*. Cambridge Univ. Press.
- Glancy, H. M. (1995). Warner Bros Film Grosses, 1921–51: The William Schaefer ledger. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 15(1), 55–74.

- Leupp, G. (2003). *Interracial intimacy in Japan: Western men and Japanese women*. Continuum.
- McBride, J. (2001). *Searching for John Ford*. St. Martin's Press.
- Nollen, S. (2013). *Three bad men: John Ford, John Wayne, Ward Bond*. McFarland and Company.
- Ogle, P. (1972). Technological and aesthetic influences upon the development of deep focus cinematography in the United States. *Screen*, 13(1), 45–72.
- Prange, G. W. (1982). *At dawn we slept: The untold story of Pearl Harbor*. Penguin Books.
- Weld, J. (1998). *September song: An intimate biography of Walter Huston*. The Scarecrow Press.

* * *

Информация об авторе

Сергей Олегович Буранок

доктор исторических наук
профессор, кафедра всеобщей
истории, исторический факультет,
Самарский государственный социально-
педагогический университет
Россия, 443099, Самара, ул. М. Горького,
д. 65/67
Тел.: +7 (846) 207-88-77
✉ Witch-king-1@mail.ru

Information about the author

Sergey O. Buranok

Dr. Sci. (History)
Professor, Chair of Modern History,
Department of History, Samara State
University of Social Sciences and Education
Russia, 443099, Samara, M. Gorky Str.,
66/67
Tel.: +7 (846) 207-88-77
✉ Witch-king-1@mail.ru

Е. Г. Лапина-Кратасюк^{ab}

ORCID: 0000-0002-9396-0937

✉ ekaterina.l.kratasjuk@gmail.com

^a *Национальный исследовательский университет*

«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

КОСМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ: ПОПУЛЯРНАЯ НАУКА, ТРАНСМЕДИЙНАЯ ДРАМАТУРГИЯ И АКТУАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть возможности, которые открывает перед публичной историей и популярной наукой жанр альтернативной истории в произведениях о космических и научно-технических достижениях XX в. Жанр альтернативной истории, во-первых, показывает, что научные открытия и изобретения являются не менее важными фактами новейшей истории, чем войны и политические противостояния. Во-вторых, за счет намеренно антонимичных хрестоматийной истории сюжетов (например, «на Луну первым высадился Алексей Леонов») альтернативная история провоцирует зрителей к изучению и задокументированных событий. И, наконец, с помощью трансмедийного сторителлинга и современных цифровых инструментов (например, 3D-модели лунной станции) в исторические проекты можно встроить темы естественных и инженерных наук. Кроме того, трансмедийный сторителлинг предполагает расширение опыта аудитории, которая получает возможность не только смотреть сериал, но и включаться в игровые и краудсорсинговые практики. Трансмедийные проекты, основанные на нарративах альтернативной истории, позволяют привлечь внимание к многовариантности прошлого, к непредопределенности событий и идеологических схем новейшей истории, истории холодной войны и первой космической гонки.

Ключевые слова: альтернативная история, трансмедийный сторителлинг, публичная история, популярная наука, платформенный сериал

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 19–01-078 «Визуализация космических пространств и объектов в цифровых медиа (кино, астропередача, игры и 3D-проекты): политические, образовательные и эстетические аспекты» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2021 гг.

Для цитирования: Лапина-Кратасюк Е. Г. Космическое измерение альтернативной истории: популярная наука, трансмедийная драматургия и актуальная повестка // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 100–118. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-100-118>.

*Статья поступила в редакцию 16 декабря 2021 г.
Принято к печати 18 апреля 2022 г.*

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

E. G. Lapina-Kratasyuk^{ab}

ORCID: 0000-0002-9396-0937

✉ ekaterina.l.kratasyuk@gmail.com

^a National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

THE SPACE DIMENSION OF ALTERNATIVE HISTORY: POPULAR SCIENCE, TRANSMEDIA STORYTELLING AND THE CONTEMPORARY AGENDA

Abstract. The purpose of the article is to consider the possibilities that the genre of alternative history applied to the history of space, scientific and technical achievements of the 20th century opens to public history and popular science professionals. The genre of alternative history, firstly, allows us to draw public attention to the fact that global scientific discoveries and technological inventions are no less important facts of modern history than wars and political confrontations. Secondly, due to stories that are deliberately antonymic to “textbook history” (for example, “Alexey Leonov landed on the Moon first”), an alternative history provokes viewers to consider in detail the documentable past. And finally, with the help of transmedia storytelling and modern digital tools, the historical project can be extended to topics from the natural and engineering sciences (for example, by studying a 3D virtual model of the lunar station). In addition, transmedia storytelling involves expanding an audience’s experience: now its members can not only watch a serialized program, but also be involved in gaming and crowdsourcing practices in the project’s applications. In general, this approach draws attention to the multivariance of the past, and to the uncertainty of events and ideological schemes of the history of the Cold War and the first space race.

Keywords: counterfactual history, transmedia storytelling, public history, popular science, platform series

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019-2021 (grant №19-01-078 “Visualization of Outer Spaces Objects in Digital Media (Cinema, Astrophotography, Games and 3D Projects): Political, Educational and Aesthetic aspects”).

To cite this article: Lapina-Kratasyuk, E. G. (2022). The space dimension of alternative history: Popular science, transmedia storytelling, and the contemporary agenda. *Shagi / Steps*, 8(3), 100–118. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-100-118>.

Received December 16, 2021

Accepted April 18, 2022

История XX и XXI вв. создается в эпоху, когда фотографии, аудиозаписи, киноплёнка, а впоследствии и компьютерные файлы стали важнейшими источниками знания о прошлом и настоящем: «...исторические свидетельства, созданные нашей эпохой, часто являются визуальными по своей природе не менее, чем устными и письменными» [White 1988: 1193]. Разнообразие этих медийных источников и возможности их сохранения и архивирования расширились с переходом на цифровые носители. Хроникерами, фиксирующими исторические процессы, потенциально могут быть любые владельцы сотовых телефонов, планшетов или ноутбуков. Поэтому говорить сегодня об истории в медиа не совсем верно, медиа — и есть новейшая история, это и исторический источник, сохраняющий информацию о политических, социальных и культурных событиях, и объект исторического познания: история медиа, как и история других наук и технологий, — важная часть истории XX и XXI вв.

В то же время разнообразие исторических медианарративов о событиях XX в. по-прежнему невелико и по большей части повторяет сюжеты домедийной истории: смена политических элит, войны, территориальные экспансии. Лишь в последние годы сюжеты, связанные с историей науки, технологий и медиа, в исторических фильмах и сериалах из факультативных становятся центральными. Особую роль в увеличении количества и разнообразия сюжетов истории XX в. в современных аудиовизуальных произведениях играет тема космоса и космической экспансии человечества: новый виток международной космической гонки сопровождается не только появлением большого числа научно-фантастических и фэнтезийных космических блокбастеров, таких как, например, «Гравитация» (2013), «Интерстеллар» (2014), «Марсианин» (2015), «К звездам» (2019), «Дюна» (2021), — но и документальных и художественных фильмов, посвященных истории космонавтики XX в.: «Земля в иллюминаторе» (2015), «Скрытые фигуры» (2016), «Время первых» (2017), «Человек на Луне» (2018), «Аполлон-11» (2019).

История космонавтики в кино и сериалах позволяет зрителям увидеть историю XX в., не ограниченную исключительно сюжетами двух мировых и третьей, холодной войны, потому что, несмотря на соперничество СССР и США в первой космической гонке, метафора планетарного прорыва — задачи, ради которой необходимо объединить усилия всего человечества, — обычна для нарративов о космических достижениях второй половины прошлого века. Кроме того, история космонавтики привлекает внимание зрителей к тому факту, что XX век — это век наук и технологий (причем не только военных), а ученые и инженеры — его главные действующие лица, не менее значимые, чем полководцы и президенты. Таким образом, нарративы о космических достижениях (и космических катастрофах) XX в. в кино, сериалах и мультиплатформенных проектах позволяют использовать возможности и приемы не только публичной истории [De Groot 2016], но и популярной науки, повышая просветительский потенциал этих медиапроизведений.

Например, особое внимание в этой статье будет уделено платформенному сериалу «Ради всего человечества» (For All Mankind, Apple TV+, 2019–), и выбран он не столько за художественные достоинства (обсуждать которые — дело критики), сколько как пример произведения, продюсеры которого добиваются преимуществ на весьма конкурентном медиарынке за счет нестандартного обращения к исторической теме, использования мультиплатформенного продвижения и приемов популярной науки.

Таким образом, в статье я ишу ответы на исследовательские вопросы о том, какие возможности открывает перед публичной историей и популярной наукой жанр альтернативной истории в произведениях, основанных на сюжетах о космических открытиях и научно-технических достижениях XX в., а также каковы преимущества и недостатки использования этого жанра для переосмысления в публичном поле событий второй половины XX в., в частности, истории холодной войны и первой космической гонки.

Прежде всего кратко объясню, во-первых, как цифровая среда изменила формы и форматы репрезентации прошлого в медиа, и, во-вторых, в чем специфика жанра альтернативной истории, к которому относятся многие из рассматриваемых далее проектов.

«Давайте признаем и примем этот факт, — писал Роберт Розенстоун, автор одной из самых известных книг, посвященных истории в кино [Rosenstone 2017], — исторические фильмы беспокоят и раздражают профессиональных историков» [Rosenstone 1995: 5]. С 1995 г., когда была напечатана эта фраза, ситуация вряд ли существенным образом изменилась; наоборот, причин для беспокойства и раздражения у историков стало гораздо больше. Развитие цифровых технологий в XXI в., а в последние годы быстрый рост стриминговых сервисов и постоянное увеличение количества исторических платформенных сериалов привели к тому, что в поисках конкурентных преимуществ продюсеры изобретают все более изощренные и парадоксальные способы репрезентации прошлого на экранах, одним из которых является альтернативная история, особенности которой будут рассмотрены ниже.

В то же время цифровая среда значительно расширяет возможности взаимодействия между историками и продюсерами коммерческих медиапроектов, позволяет совмещать и сравнивать разные жанры и форматы знания о про-

плом, делает проницаемыми границы между популярной, публичной и профессиональной историей через создание открытых архивов и исторический краудсорсинг [Петров 2021; Лапина-Кратасюк, Рублева 2018; Гагарина, Исмакаева 2021], а также меняет наше представление о статусе исторического документа и самой природе документального [Klinger 2016].

Я не буду рассматривать все изменения, которые произошли с историей в эпоху цифровых медиа, а остановлюсь лишь на трансформациях, которые касаются наиболее традиционных повествовательных медийных жанров — исторических фильмов и сериалов (как художественных, так и документальных), т. е. тех явлений, которые Хейден Уайт называет «историофотией» — «репрезентацией истории и наших размышлений о ней в визуальных образах и фильмическом дискурсе», вступающей в сложные отношения с «историографией» [White 1988: 1193].

Историофотия в цифровую эпоху: трансмедийные расширения как просвещение

Цифровые технологии значительно расширили возможности конструирования материального мира прошлого, исторических пейзажей и архитектурных пространств на экране и повысили степень достоверности таких реконструкций. И хотя это не позволяет пока значительно снизить бюджеты исторических фильмов и сериалов, те проблемы, которые рассматривались теоретиками исторического кино [Burgoyne 2008] как ключевые еще несколько десятилетий назад, с помощью цифровых технологий оказались в значительной степени преодолены. Например, проблема использования с целью экономии бюджета одних и тех же декораций для нескольких фильмов, действие которых происходит в разные эпохи, сегодня решается с помощью либо полностью цифрового фона, либо цифровой обработки изображения, которая целиком скрывает идентичность материальных объектов в кадре. Цифровой фильм позволяет отказаться от кадров реального действия в пользу компьютерного рисования [Манович 2012], поэтому большую часть проблем, связанную с созданием диегезиса фильма, теперь можно решить на компьютере. Следовательно, бюджеты фильмов и сериалов можно снизить, разнообразие тем увеличить, и поэтому создавать исторические аудиовизуальные произведения в цифровую эпоху могут не только крупные киностудии, но и множество независимых продюсеров.

Тем не менее я хотела бы сосредоточить внимание не на возможностях цифрового визуального конструирования исторических миров, о котором написано уже много работ, а на других свойствах цифровой культуры — мультиплатформенности и трансмедийности. Мультиплатформенность — понятие более общее и отсылает нас к такому ставшему привычным свойству цифровой культуры, как распределение контента на нескольких медиаплатформах (например, дублирование телевизионным каналом видеопередач на сайте и в соцсетях). Трансмедийность предполагает, что контент не дублируется, а «расширяется» таким образом, чтобы обогатить опыт пользователя: «...важное отличие между трансмедийным сторителлингом и мультиплатформенным сторителлингом — это стремление создать синергию между разными сегмен-

тами контента и фокусировка на эмоциональном опыте вовлечения для аудитории» [Pratten 2015: 3].

Наиболее коротким, но в то же время отражающим ключевые свойства трансмедиа, является трехаспектное определение, данное Мэтью Фрименом и Ренирой Рампаццо Гамбарато: «...трансмедиальность — это, во-первых, несколько медиаплатформ, во-вторых, расширение контента и, в-третьих, вовлечение аудитории» [Freeman, Gambarato 2019: 3].

В контексте темы моей статьи важно сфокусировать внимание не столько на коммерческих, сколько на просветительских возможностях трансмедийного сторителлинга (хотя первые и вторые отнюдь не противоречат друг другу и могут успешно сосуществовать в одном проекте). Вернемся к проблеме исторических медийных проектов, обозначенной выше: профессиональные историки испытывают недоверие к историческим фильмам, так как считают именно письменную форму истории наиболее аутентичной. С этой точки зрения любые медийные формы представления прошлого рассматриваются лишь как искажения исторического текста, а не как самостоятельные форматы исторического знания. Хотя эта точка зрения неоднократно оспаривалась, в том числе самими историками [Rosenstone 1995], трансмедийный сторителлинг позволяет примирить профессиональное научное знание и медийные репрезентации истории и в глазах тех, кто ее придерживается. Так, сколь бы далеким от письменной истории или исторического документа ни был фильм о прошлом, его основная функция в структуре трансмедийного проекта — привлечение внимания публики к той или иной теме. Другие платформы того же проекта (такие как сайты, образовательные ролики, книги, квесты, квизы и т. п.), на которые с помощью приемов трансмедийного сторителлинга «переводятся» зрители, обеспечивают более профессиональное освещение научной темы, затронутой в фильме, а также более сложный опыт взаимодействия с историей: не только чтение и просмотр, но игровые практики, а также сотворчество в получении информации.

Образовательные эффекты трансмедийного сторителлинга можно реализовать не только в произведениях публичной истории, но и в любом проекте популярной науки. Так, возвращаясь к второй теме моей статьи — теме космоса и космонавтики, — нельзя не вспомнить «Интерстеллар» (Interstellar, 2014, Великобритания, Канада, США), созданный астрофизиком, лауреатом Нобелевской премии Кипом Торном в соавторстве с режиссером Кристофером Ноланом и остающийся во многом непревзойденным примером использования трансмедийного сторителлинга в области популярной науки. Трансмедийный проект «Интерстеллар» состоял из одноименного фильма, книги «Интерстеллар: Наука за кадром» [Thorn 2014; Торн 2021], а также Oculus Rift experience — инсталляций виртуальной реальности, установленных в киноцентре AMC Metreon в Сан-Франциско [Atkinson 2019: 22]. В то время как фильм заинтересовывал разнообразными научными темами, не раскрывая их, но впечатляя современными цифровыми спецэффектами, в книге эти темы подробно, но популярно раскрывались, и заинтересованный зритель, таким образом, превращался во внимательного читателя. 3D-инсталляции же позволяли буквально погрузиться в проблему, «побывав в космосе».

В то же время проект «Интерстеллар» является своего рода уникальным случаем, так как научные истины, обоснованные предположения и домыслы были в нем основой замысла: художественный сюжет подстраивался под них (а иногда и приносился им в жертву). Еще в самом начале формирования идеи фильма Кип Торн предложил придерживаться двух правил относительно науки в «Интерстелларе»:

1. Ничто в фильме не должно противоречить общепринятым законам физики или достоверным знаниям о Вселенной.
2. Домыслы по поводу устройства Вселенной и малоизученных физических явлений должны быть научно подкреплены, то есть основаны на идеях, которые принимают хотя бы некоторые из уважаемых ученых [Торн 2021: 16].

Сценаристы, режиссер и консультант прилагали специальные усилия, чтобы содержание фильма ни в чем не отступало от тезисов и гипотез современной астрофизики и других наук: они просто не раскрывались в фильме подробно, поскольку развернутую информацию можно было найти в книге.

В то же время, как уже было сказано выше, «Интерстеллар» — это, в определенном смысле, эксперимент в области «твердой» научной фантастики, и сложно сделать прогноз, насколько такой подход станет распространенным, а не останется единичным примером. В большинстве других научно-фантастических фильмов научное знание является факультативным или фоновым и поэтому трансформируется и искажается под воздействием драматических требований сценария. Тем не менее даже в этих случаях использование трансмедийных приемов позволяет сделать проект, основанный на научно-фантастических нарративах, просветительским. Например, популярная лекция ученого-эксперта, посвященная разоблачению неточностей, допущенных создателями того или иного фильма, становится своеобразным расширением этого фильма, имеющим просветительский эффект. Трансмедийный сторителлинг повышает образовательный потенциал современных цифровых фильмов и сериалов и расширяет спектр тем, которые сегодня составляют популярную науку и публичную историю.

Альтернативная история в контексте постмодернистской историографии

Напомню, что основной исследовательский вопрос статьи — каковы преимущества и недостатки использования жанра альтернативной истории для переосмысления в публичном поле событий второй половины XX в. Несмотря на большое количество документов и живых свидетелей, история этого периода представляет собой проблемную тему как для историков, так и для медиaproдюсеров, так как, с одной стороны, некоторые из важнейших событий, например история космических достижений, до сих пор остаются частично засекреченными, а с другой стороны, прямолинейные пропагандистские нарративы — интерпретации тех или иных событий 1940–1990-х годов продолжают воспроизводиться в публичном пространстве, претендуя на историческую

достоверность, задавая горизонт ожиданий аудитории и создавая ситуацию, когда не только органы цензуры ограничивают вариативность интерпретации прошлого, но и публика не принимает дискуссии и разные точки зрения на события XX в. Например, о своеобразном «консенсусе в осуждении» альтернативной интерпретации исторических событий в фильме «Матильда» Алексея Учителя, сложившемся между различными общественными группами и представителями государственных структур, мы рассказывали в работе [Лапина-Кратасюк и др. 2020].

В этом контексте жанр альтернативной истории позволяет вводить новых героев и новые возможные исходы исторических событий и тем самым не только создает пародийный эффект, но и (или именно благодаря этому эффекту) позволяет деконструировать популярные исторические нарративы, избегать логики «единой истории» и возобновлять дискуссию.

Альтернативная история (на английском языке используются такие наименования и аббревиатуры, как *alternate history*, *alternative history*, *alhist*, *AH*) — литературный поджанр и поджанр аудиовизуальных произведений, нарратив в которых построен по принципу «а что, если...»: в сюжете произведения одно из известных исторических событий либо не происходит, либо развивается по альтернативному сценарию [Bunzl 2004].

Альтернативная история связана с жанром научной фантастики, так как во многих произведениях этого жанра используется мотив путешествия во времени. Важно также упомянуть о сходствах и различиях таких поджанров исторического фильма и сериала, как альтернативная история и «возможная история» (*counterfactual history*). Между этими понятиями нет строгих границ, но понятие *альтернативная история* в большей степени относится к художественным произведениям и предполагает большую степень свободы в обращении с историческим материалом, в то время как «возможная история» представляет собой скорее прием мысленного эксперимента, производимого для научных или образовательных целей. И, наконец, альтернативная история всегда касается именно прошлого, поэтому, несмотря на сходство отдельных жанровых элементов утопии, антиутопии и альтернативной истории, последняя все-таки остается жанром, отличным от первых двух.

В связи с увеличением количества сериалов, игр и комиксов, посвященных историческому или фэнтезийному прошлому, жанр альтернативной истории становится в последние годы все более распространенным. К произведениям, созданным в его рамках, можно отнести, например, сериал «Террор» (*The Terror*, США, 2018–2019), первый сезон которого посвящен альтернативной истории пропавшей в XIX в. в Северном Ледовитом океане британской исследовательской экспедиции и является адаптацией одноименного романа Дэна Симмонса, созданного также в жанре альтернативной истории. Второй сезон снят по оригинальному сценарию и посвящен другому времени и другим событиям. Это гораздо более сложный нарратив, основанный на культуре памяти, включающий рефлексию об исторической травме, мультикультурные элементы и референции к современной политической повестке дня. Его сюжет строится вокруг историй американцев японского происхождения, которые после

атаки на Пёрл-Харбор были помещены в специальные лагеря. Мистический сюжет сериала — история «неуспокоенного духа» (*кудан*) — включает множество персональных историй этнических японцев, проживавших в США (напомним, что отказ от метанарратива в пользу индивидуальных историй — признак постмодернистской историографии, который отлично воплощается именно в цифровой истории с ее стремлением сделать архив основной единицей высказывания о прошлом). Особый драматизм альтернативной истории, рассказанной во втором сезоне «Террора», придают финальные титры, из которых зритель узнаёт, что все прототипы героев сериала, которые по сюжету остались живы и вышли из лагеря, на самом деле погибли во время заключения.

Другими примерами популярных проектов в жанре альтернативной истории являются мини-сериал «Голливуд» (Hollywood, США, 2020) и вызвавший неоднозначные оценки критиков и зрителей, но ставший одним из хитов Netflix сериал «Бриджертоны» (Bridgerton, США, 2020–) — адаптация серии книг Джулии Квинн, написанных в жанре подражания романам эпохи Регентства (Regency romance).

Свобода в обращении с прошлым, характерная для альтернативной истории, укладывается в логику постмодернистской историографии и тех вызовов, который последняя бросает конвенциям реализма [Хатчеон 2013], что в случае альтернативной истории значит и «само собой разумеющееся» — привычно воспроизводимые во множестве учебных и публицистических текстов конвенции рассказов о том, как происходило то или иное событие прошлого или какую роль сыграла та или иная историческая фигура. Отступление альтернативной истории от этих конвенций создает пространство для рефлексии, нередко выраженной в сатире. Сама конструкция «а что, если...» предполагает разворачивание нарратива, напоминающего пародию, а «Пародировать — не значит разрушать прошлое; фактически пародировать — значит, с одной стороны, хранить прошлое и, с другой — подвергать его сомнению. Это и есть парадокс постмодернизма» [Там же].

Парадоксальный просветительский эффект альтернативной истории состоит в том, что намеренная и иногда скандальная деконструкция сюжетов официальной истории пробуждает в зрителе интерес к «задокументированным историческим событиям» [Burgoyne 2008]: альтернативная история заставляет нас любопытствовать, какова же была настоящая, и искать информацию о ней. С другой стороны, альтернативная история эксплицирует сконструированность любой экранной истории и пробуждает критическое мышление по отношению к популярным нарративам о прошлом.

Одна из ведущих исследовательниц альтернативной истории, профессор Калифорнийского университета в Беркли Кэтрин Галлагер пишет в своей монографии «Рассказывая, как это не происходило» [Gallagher 2018], что когда «контрфактуализм» (альтернативная история) возник в XVIII в., его целями были восстановление исторической справедливости, философское осмысление событий прошлого, а также попытки понять, можно ли было избежать войн. Все эти цели, пишет Галлагер, остаются актуальными для современной альтернативной истории.

Альтернативная истории первой космической гонки в сериале «Ради всего человечества»: актуализация политической повестки и трансмедийное просвещение

Любопытным примером взаимодействия популярной науки и индустрии развлечений, а также трансмедиаии художественных аудиовизуальных проектов, является сериал «Ради всего человечества», выходящий на платформе Apple TV+ в 2019–2022 гг. Создатели сериала соединили преимущества альтернативной и «возможной» истории. Первая, в соответствии с тезисом Пьера Сорлена, согласно которому любой исторический фильм дает нам знания лишь о том периоде истории, в который он был снят [Sorlin 1980], позволяет переинтерпретировать историю освоения космоса второй половины XX в. в контексте современных политических и этических норм и установок. Вторая позволяет произвести мыслительный эксперимент и не только погрузиться в мир открытий естественных и инженерных наук второй половины XX в., сделавших возможным полет человека на Луну, но и помечтать о том, что было бы, если бы политические, бюрократические и финансовые препятствия не помешали научным и технологическим достижениям стать рутинной космической отраслью.

Исторические фильмы, включающие темы науки и технологий, подвергаются двойной критике: их обличают не только историки, но и целый ряд других специалистов: ученые, инженеры, конструкторы, медики, психологи и т. д. В то же время активное развитие в последние годы как публичной истории, так и более широкого направления популярной науки [Кожанов, Абрамов 2015] (открытие специализированных университетских программ, проведение конференций, выход многочисленных публикаций и т. п.) привлекают внимание ученых-популяризаторов к просветительскому потенциалу произведений, посвященных истории наук и технологий, а мультиплатформенные структуры, характерные для цифровой медиасреды, способствуют более полному раскрытию этого потенциала.

Сериал «Ради всего человечества», который я рассматриваю далее, являясь примером совмещения жанров исторического и научно-фантастического сериала, привлекает общественное внимание к такой наукоемкой теме истории XX в., как первая космическая гонка, и к такой болезненной, как холодная война.

Согласно сценарию сериала, летом 1969 г. первым из землян на поверхность Луны ступил советский космонавт Алексей Леонов. Соединенные Штаты проиграли этот этап лунной гонки, но намерены взять реванш. Это не так просто: пока в NASA идет подготовка к пилотируемому полету, Советский Союз успевает отправить на Луну женщину, и ставки в космической гонке двух сверхдержав, как и их ракеты, снова взлетают до небес.

Описанные события альтернативной истории первой космической гонки — лишь завязка сериала, созданного компаниями Sony Pictures Television and Tall Ship Productions по заказу корпорации Apple. Сериал относится к Apple Originals, т. е. рассчитан на эксклюзивный показ на ресурсах этой компании — в приложении Apple TV и на видеохостинге Apple TV+, запущенном в ноябре 2019 г. Первый и второй сезоны сериала вышли в 2019 и 2021 гг. соот-

ветственно, показ третьего, посвященного покорению Марса и космическому туризму, начался 10 июня 2022 г.

Завязка сериала становится началом целой серии экспериментов с историей. Так, лунный модуль космического корабля «Аполлон-11» приземляется лишь на две из трех опор; в составе второго экипажа астронавтов на Луне присутствует женщина; лунные программы США и СССР не сворачиваются в 1970-е годы, а продолжают развиваться; обе страны строят лунные базы с живущими на них сотрудниками; «Патфайндер» — это не маленький марсоход, а космический корабль с атомным двигателем, который готов к полету на Марс. Приемы альтернативной истории касаются и политики: президентом США становится Роберт Кеннеди, а главой СССР много лет подряд является Юрий Андропов; вместо Карибского кризиса происходит Панамский и т. д. Альтернативная история затрагивает также административные решения (например, директором NASA становится женщина) и культурные события (убийства Джона Леннона не было, он остается важной символической фигурой и в 1980-е).

Кратко рассмотрим три аспекта драматургии сериала «Ради всего человечества»: тему науки и технологий, значение которой для истории XX в. в сценарии сериала заметно усилено по сравнению с «хрестоматийной историей»; тему «восстановления исторической справедливости», коррелирующую с современными социокультурными нормами и, наконец, структуру трансмедийной драматургии сериала, которая обеспечивает единство его полижанрового нарратива и привносит в него элементы популярной науки.

Во-первых, в сериале переплетаются две линии альтернативной истории: история освоения космоса, в которой важную роль играют реконструкции ракет и других технологий, моделирование космических полетов, детально воссозданные интерьеры центра управления полетами NASA, созданные специально для сериала модели лунных баз и т. п., и история соперничества США и СССР, в которой создатели сериала возвращают зрителя к самым важным проблемам холодной войны, вновь заставляя задуматься о том, насколько были предопределены те или иные события этого противостояния (сопровождаясь иногда трагическими последствиями). Название сериала контрастирует с многочисленными политическими конфликтами в сюжете, которые подталкивают технологическое развитие, но также ведут к вооружению космических кораблей, появлению на Луне огнестрельного оружия и началу вооруженного противостояния в космосе. По сюжету предпоследней серии второго сезона мир оказывается на грани космической ядерной войны, что является яркой ироничной антитезой названию «Ради всего человечества» и горьким предчувствием тех тревог, которые мы испытываем после февраля 2022 г. Альтернативная история науки и технологий, напротив, гиперболизировано оптимистична (уже в XX в. человечество обладает всеми возможностями для полета на Марс) и детализирована за счет трансмедийных расширений, о которых пойдет речь ниже.

Во-вторых, поскольку, как упоминалось выше, одной из причин возникновения альтернативной истории является стремление восстановить историческую справедливость [Gallagher 2018], в сериале «Ради всего человечества» политический реваншизм, по крайней мере в первом сезоне, отходит на второй план перед ярко выписанной феминистской темой.

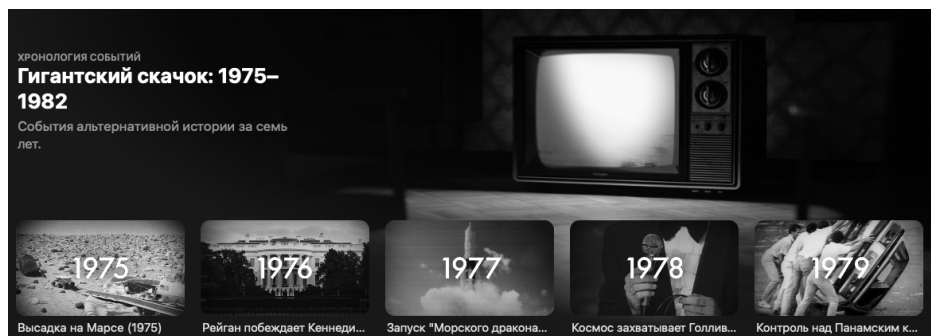
«Меркурий-13», отряд летчиц США, которых готовили к полетам в космос, существовал благодаря частной инициативе. Несмотря на то что участницы отряда прошли все необходимые тесты, NASA не поддержало программу, и ни одна женщина из «Меркурия-13» не стала тогда астронавткой [Cruddas 2015]. Историческая справедливость была частично восстановлена в 2021 г., когда в космос полетела младшая из участниц «Меркурия-13» Уолли Фанк. Ей было 82 года, когда она успешно совершила полет на корабле «New Shepard» компании «Blue Origin», принадлежащей миллиардеру Джеффу Безосу, и стала на настоящий момент самой взрослой астронавткой в мире [Wattles 2021]. Освещение этого полета, как и другие художественные и документальные проекты последних лет, является частью глобальной медийной мультиплатформенной инициативы переосмысления и перезагрузки мирового космического движения.

Создатели сериала «Ради всего человечества», который тоже является частью этого движения, в 2019 г., еще до полета Уолли Фанк, придумали свою художественную версию восстановления исторической справедливости в рамках жанра альтернативной истории: по сюжету третьей серии первого сезона, названной «Женщины Никсона», после высадки на Луну советской космонавтки NASA вновь собирает «Меркурий-13», несколько участниц которого успешно проходят все этапы подготовки и становятся астронавтками (ил. 1). Все героини сериала — образы собирательные, но в то же время множество деталей связывают их с историческими событиями и личностями. Например, героиня сериала Молли Кобб, которая по сюжету становится первой американкой, ступившей на поверхность Луны, носит фамилию Джерри Кобб — первой участницы настоящего «Меркурия-13», прошедшей предполетные испытания лучше мужчин-астронавтов и открывшей возможность участия в программе для других двенадцати летчиц.

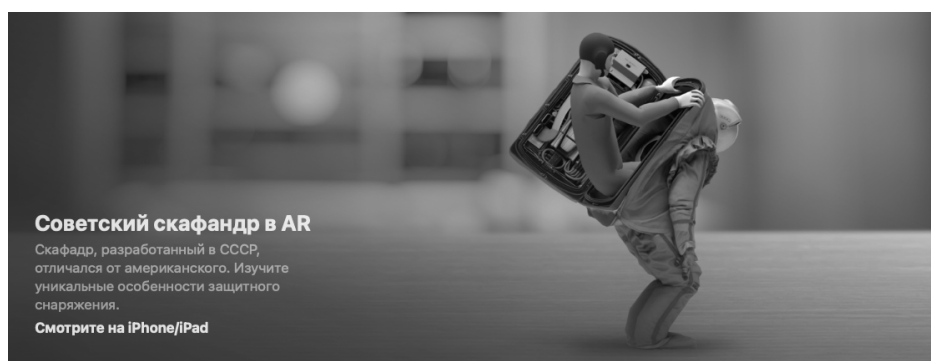
Ил. 1. Кадр из серии 3 «Женщины Никсона» (1-й сезон сериала «Ради всего человечества») с участницами отряда «Меркурий-13»

Fig. 1. A shot from episode 3, “Nixon’s Women” (season 1, serial For All Mankind) with the members of the Mercury-13 squad

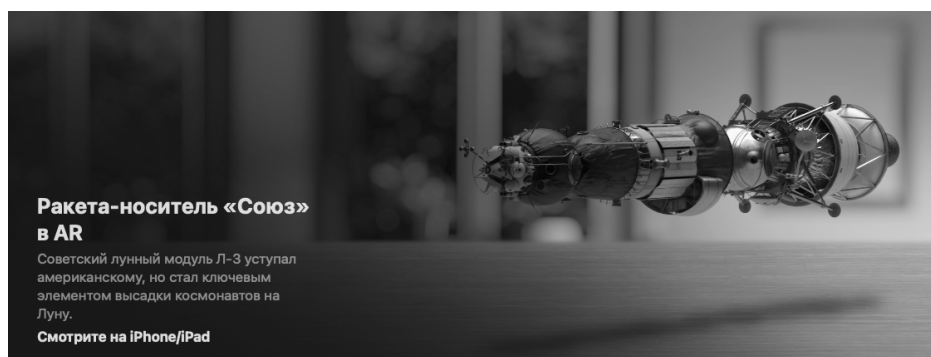
Ил. 2. Проект «Ради всего человечества». Таймлайн альтернативной истории в приложении Apple TV

Fig. 2. Project For All Mankind. Timeline of alternative history in the Apple TV app

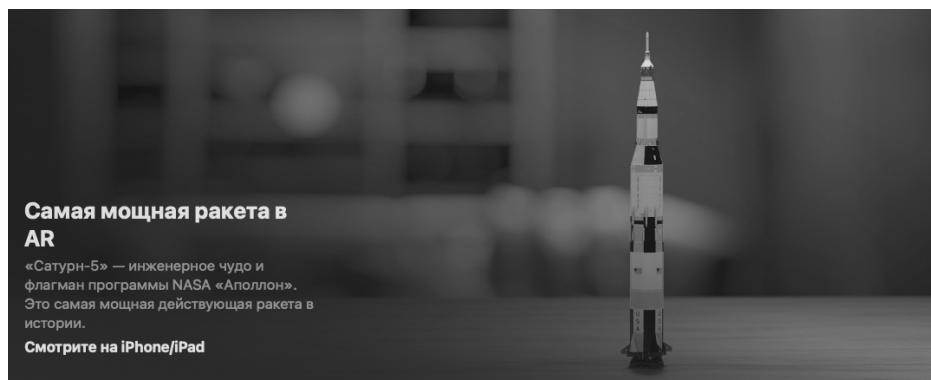
Ил. 3. Проект «Ради всего человечества». Интерактивная 3D-модель советского скафандра в специальном приложении для iPhone

Fig. 3. Project For All Mankind. Interactive 3D model of the Soviet spacesuit in a special application for the iPhone

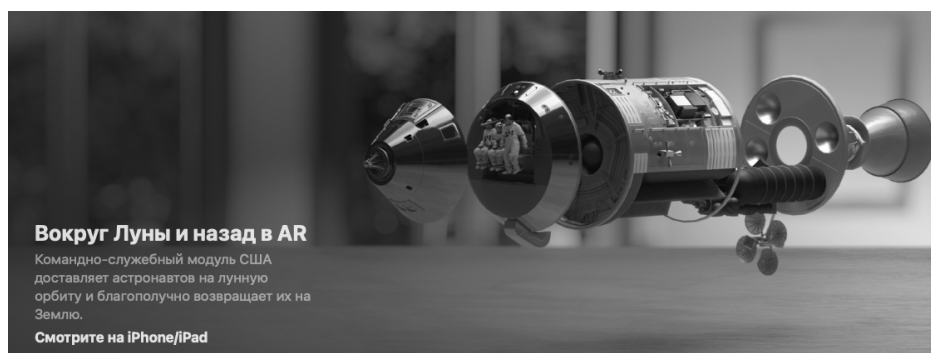
Ил. 4. Проект «Ради всего человечества». Ракета-носитель «Союз» в AR

Fig. 4. Project For All Mankind. Soyuz launch vehicle in AR

Ил. 5. Проект «Ради всего человечества». Ракета «Сатурн-5» в AR

Fig. 5. Project For All Mankind. Saturn-5 rocket in AR

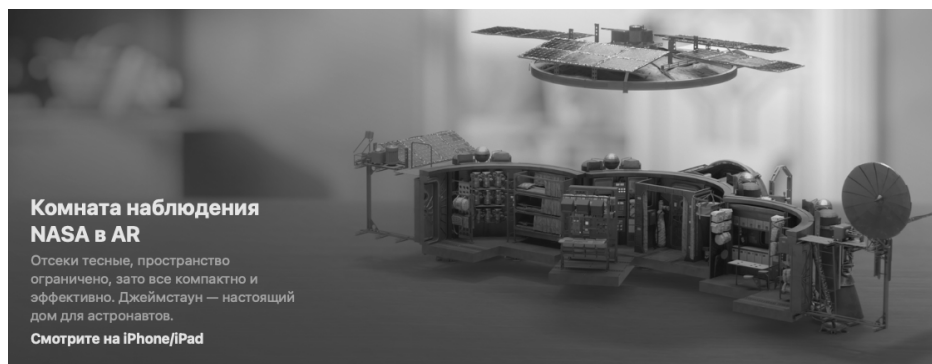
Ил. 6. Проект «Ради всего человечества». Демонстрация «разборки» командно-служебного лунного модуля (США) в AR

Fig. 6. Project For All Mankind. Demonstration of the “breakdown” of the command and service lunar module (USA) in AR

Жанр альтернативной истории позволяет построить сюжет в соответствии с современными нормами толерантности (включая расовую и сексуальную идентичность персонажей), что, в свою очередь, совпадает с индустриальными стандартами платформенного сериала: рассчитывая на глобальную аудиторию, создатели таких сериалов придерживаются принципов разнообразия в подборе актеров и мотивов.

И, наконец, сериал «Ради всего человечества» — это трансмедийный проект, хотя эта трансмедийность доступна ограниченной аудитории. Напомню, что основными признаками трансмедийного проекта является одновременное соблюдение трех принципов: несколько медиаплатформ, расширение контента и разнообразные способы вовлечения аудитории.

Apple TV+ и приложение Apple TV, основные платформы проекта, содержат все сезоны сериала, ролики с рекапами (краткими итогами) каждого сезона, а также таймлайн событий альтернативной истории между первым

Ил. 7. Проект «Ради всего человечества». Интерьеры Джеймстауна (аванпоста NASA на поверхности Луны) в AR

Fig. 7. Project For All Mankind. Interiors of Jamestown (NASA outpost on the Lunar surface) in AR

Ил. 8. Сериал «Ради всего человечества». Кадр — «кроличья нора»: персонаж держит в руках модель ракеты, 3D-модель которой можно изучить в мобильном приложении

Fig. 8. Serial For All Mankind. “Rabbit hole” shot from the show: the character holds a model of a rocket, while the 3D model of the same rocket can be studied in a mobile app

и вторым сезоном (ил. 2). Другими платформами проекта являются аккаунты в социальных сетях, на которых размещаются различные расширения проекта: от традиционных закадровых комментариев и бэкстейджей до фейковых новостных роликов и личных видеосообщений, заполняющих белые пятна альтернативной истории. Но самыми инновационными и ценными с просветительской точки зрения являются два мобильных приложения: «Капсула времени» и приложение дополненной реальности (AR). Второе содержит 3D-инсталляции как существующих, так и научно достоверных, но не реализованных технологических объектов: скафандров (ил. 3), советской ракеты-носителя «Союз» (ил. 4), ракеты «Сатурн-5» (ил. 5), командно-служебного лунного модуля (ил. 6), а также модель лунной станции Джеймстаун (ил. 7). Все 3D-модели можно разобрать и изучить, с помощью мобильного телефона «разместив» их на любой плоской поверхности. Приложения значительно обогащают опыт аудитории, а также затрагивают широкий спектр научных и научно-технических тем, которые лишь упомянуты в сценарии сериала.

Природа трансмедийного сторителлинга предполагает наличие «кроличьих нор» — нарративных и визуальных переходов, связывающих различные платформы в единую вселенную, и в сериале расставлено множество подобных акцентов — крупных планов объектов, которые можно изучить в приложениях (ил. 8).

В то же время доступ к описанным выше 3D-моделям можно получить только на планшетах и смартфонах Apple, что нарушает принцип инклюзивности трансмедийных проектов [Pratten 2015: 10]. Зато такой подход позволяет реализовать другой принцип трансмедиа — стирание границ между сторителлингом и маркетингом. Не отрицая образовательного потенциала приложений AR, стоит признать, что они в первую очередь работают как инструмент продвижения недавно основанного стримингового сервиса Apple TV+, демонстрируя возможности технологий Apple.

Заключение

Жанр альтернативной истории в произведениях, посвященных событиям космической гонки второй половины XX в., позволяет показать, что научно-технический прогресс может рассматриваться как основа ключевого исторического нарратива для реконструкции недавнего прошлого. Это открывает широкие возможности для взаимодействия индустрии развлечений и популярной науки, в частности, для соединения «гуманитарных» и «естественнонаучных» тем в одном проекте.

Медийными и драматургическими средствами решения этих задач могут быть соединение в одной нарративной вселенной жанров научной фантастики, мокьюментари и исторического фильма, а также трансмедийный сторителлинг, сводящий отдельные сюжеты и приемы в единую систему, позволяющий значительно расширить опыт аудитории и решать художественные, коммерческие и образовательные задачи.

В то же время было бы большим преувеличением сказать, что сериал «Ради всего человечества» — это нейтральный инновационный образовательный продукт. Жанр альтернативной истории позволяет вновь задать вопрос о воз-

возможных сценариях холодной войны, таким образом выводя игровую научно-фантастическую репрезентацию прошлого на уровень почти серьезной политико-исторической рефлексии. В 2022 г. тема холодной войны, к сожалению, вновь становится актуальной. С одной стороны, мы наблюдаем вынужденную деглобализацию, вызванную закрытием границ государств во время пандемии. С другой стороны, напряженность в отношениях между США и Россией снова на повестке дня, и СМИ все чаще используют риторику, заставляющую вспомнить о невыученных уроках политического противостояния 1950–1980-х годов.

Литература

- Гагарина, Исмакаева 2021 — *Гагарина Д., Исмакаева И.* Публичная история в контексте цифрового поворота (на примере России) // Public History Weekly. Vol. 9. No. 10. 2021. URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/9-2021-10/russia-digital-public-history>.
- Кожанов, Абрамов 2015 — *Кожанов А. А., Абрамов Р. Н.* Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. Т. 6. № 2. 2015. С. 45–59.
- Лапина-Кратасюк, Рублева 2018 — *Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В.* Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги / Steps. Т. 4. № 3–4. 2018. С. 147–165.
- Лапина-Кратасюк и др. 2020 — *Лапина-Кратасюк Е. Г., Правдюк А. С., Екомасова А. О.* Правила обращения с царями: частная жизнь монаршей семьи как предмет общественной дискуссии и исторической рефлексии (на примере сериалов о династии Романовых) // Укрощение повседневности: Нормы и практики Нового времени / Под общ. ред. М. С. Неклюдовой. М.: Нов. лит. обозрение, 2020. С. 374–398.
- Манович 2012 — *Манович Л.* Цифровое кино и история движущегося изображения // Экранная культура: Теоретические проблемы / Отв. ред. К. Э. Разлогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 377–396.
- Петров 2021 — *Петров Н. В.* Цифровые архивы частной памяти // Шаги / Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 29–56.
- Торн 2021 — *Торн К.* Интерстеллар: Наука за кадром / Пер. с англ. С. Ломакина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
- Хатчеон 2013 — *Хатчеон Л.* Историографическая метапроза: Пародийность и интертекстуальность истории / [Пер. с англ.] // Гефтер. 2013. 22 апр. URL: <https://web.archive.org/web/20220302214904/http://gefeter.ru/archive/8455>.
- Atkinson 2019 — *Atkinson S.* Transmedia film: From embedded engagement to embodied experience // The Routledge companion to transmedia studies / Ed. by M. Freeman, R. R. Gambarato. New York: Routledge, 2019. P. 15–24.
- Bunzl 2004 — *Bunzl M.* Counterfactual history: A user's guide // The American Historical Review. Vol. 109. No. 3. 2004. P. 845–858.
- Burgoyne 2008 — *Burgoyne R.* The Hollywood historical film. Malden, MA: Blackwell, 2008.
- Cruddas 2015 — *Cruddas S.* The pioneering female astronauts who never saw space // BBC. 2015. 5 Febr. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20150205-unsung-heroines-of-the-space-race>.
- De Groot 2016 — *De Groot J.* Consuming history: Historians and heritage in contemporary popular culture. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2016.
- Freeman, Gambarato 2019 — *Freeman M., Gambarato R. R.* Introduction: Transmedia studies — where now? // The Routledge companion to transmedia studies / Ed. by M. Freeman, R. R. Gambarato. New York: Routledge, 2019. P. 1–12.

- Gallagher 2018 — *Gallagher C.* Telling it like it wasn't: The counterfactual imagination in history and fiction. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2018.
- Klinger 2016 — *Klinger B.* Cave of forgotten dreams: Meditations on 3D // The documentary film reader: History, theory, criticism / Ed. by J. Kahana. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2016. P. 989–995.
- Pratten 2015 — *Pratten R.* Getting started with transmedia storytelling: A practical guide for beginners. North Charleston: Createspace Independent Publishing, 2015.
- Rosenstone 1995 — *Rosenstone R. A.* The historical film as real history // Film-Historia. Vol. 5. No. 1. 1995. P. 5–23.
- Rosenstone 2017 — *Rosenstone R. A.* History on film / Film on history. 3rd ed. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2017.
- Sorlin 1980 — *Sorlin P.* The film in history: Restaging the past. Totowa, NJ: Barnes & Noble, 1980.
- Thorn 2014 — *Thorne K.* The science of Interstellar. New York: W. W. Norton & Company, 2014.
- Wattles 2021 — *Wattles J.* Meet Wally Funk, the 82-year-old pilot who just went to space with Jeff Bezos // CNN Business. 2021. July 20. URL: <https://edition.cnn.com/2021/07/20/business/wally-funk-jeff-bezos-blue-origin-scen/index.html>.
- White 1988 — *White H.* Historiography and historiophoty // The American Historical Review. Vol. 93. No. 5. 1988. P. 1193–1199.

References

- Atkinson, S. (2019). Transmedia film: From embedded engagement to embodied experience. In M. Freeman, & R. R. Gambarato (Eds.). *The Routledge companion to transmedia studies* (pp. 15–24). Routledge.
- Bunzl, M. (2004). Counterfactual history: A user's guide. *The American Historical Review*, 109(3), 845–858.
- Burgoyne, R. (2008). *The Hollywood historical film*. Blackwell.
- Cruddas, S. (2015, Febr. 5). The pioneering female astronauts who never saw space. *BBC*. <https://www.bbc.com/future/article/20150205-unsung-heroines-of-the-space-race>.
- De Groot, J. (2016). *Consuming history: Historians and heritage in contemporary popular culture* (2nd ed.). Routledge.
- Freeman, M., & Gambarato, R. R. (2019). Introduction: Transmedia studies — where now? In M. Freeman, & R. R. Gambarato (Eds.). *The Routledge companion to transmedia studies* (pp. 1–12). Routledge.
- Gagarina, D., & Ismakaeva, I. (2021). Publicnaia istoriia v kontekste tsifrovogo povorota (na primere Rossii) [Public history and the digital turn (the Russian case)]. *Public History Weekly*, 9(10). <https://public-history-weekly.degruyter.com/9-2021-10/russia-digital-public-history>. (In Russian).
- Gallagher, C. (2018). *Telling it like it wasn't: The counterfactual imagination in history and fiction*. The Univ. of Chicago Press.
- Hutcheon, L. (1989). Historiographic metafiction: parody and the intertextuality of history. In P. O'Donnell, & R. Con Davis (Eds.). *Intertextuality and contemporary American fiction* (pp. 3–32). Johns Hopkins Univ. Press.
- Klinger, B. (2016). Cave of forgotten dreams: Meditations on 3D. In J. Kahana (Ed.). *The documentary film reader: History, theory, criticism* (pp. 989–995). Oxford Univ. Press.
- Kozhanov, A. A., & Abramov, R. N. (2015). Kontseptualizatsiia fenomena Popular Science: modeli vzaimodeistviia nauki, obshchestva i media [Popular Science conceptual analysis: Models of science, society and media communications]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 6(2), 45–59. (In Russian).

- Lapina-Kratasyuk, E. G., Pravdiuk, A. S., & Ekomasova, A. O. (2020). Pravila obrashcheniia s tsariami: chastnaia zhizn' monarshei sem'i kak predmet obshchestvennoi diskussii i istoricheskoi refleksii (na primere serialov o dinastii Romanovykh) [Rules for dealing with tsars: The private life of the royal family as a topic of public discussion and historical reflection (based on series about the Romanov dynasty)]. In M. S. Neklyudova (Ed.). *Ukroshchenie povsednevnosti: Normy i praktiki Novogo vremeni* (pp. 374–398). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Lapina-Kratasyuk, E. G., & Rubleva, M. V. (2018). Proekty sokhraneniia lichnoi pamiaty: tsifrovye arkhivy i kul'tura uchastiia [Projects to preserve personal memories: Digital archives and participatory culture]. *Shagi/Steps*, 4(3–4), 147–165. (In Russian).
- Manovich, L. (2012). Tsifrovoe kino i istoriia dvizhushchegosia izobrazheniia [Digital cinema and the history of the moving image]. In K. E. Razlogov (Ed.). *Ekrannaia kul'tura: Teoreticheskie problemy* (pp. 377–396). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Petrov, N. V. (2021). Tsifrovye arkhivy chastnoi pamiaty [Digital archives of private memory]. *Shagi/Steps*, 7(1), 29–56. (In Russian).
- Pratten, R. (2015). *Getting started with transmedia storytelling: A practical guide for beginners*. Createspace Independent Publishing.
- Rosenstone, R. A. (1995). The historical film as real history. *Film-Historia*, 5(1), 5–23.
- Rosenstone, R. A. (2017). *History on film / Film on history* (3rd ed.). Routledge.
- Sorlin, P. (1980). *The film in history: Restaging the past*. Barnes & Noble.
- Thorne, K. (2014). *The science of Interstellar*. W. W. Norton & Company.
- Wattles, J. (2021, July 20). Meet Wally Funk, the 82-year-old pilot who just went to space with Jeff Bezos. *CNN Business*. <https://edition.cnn.com/2021/07/20/business/wally-funk-jeff-bezos-blue-origin-scn/index.html>.
- White, H. (1988). Historiography and historiophoty. *The American Historical Review*, 93(5), 1193–1199.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Екатерина Георгиевна Лапина-Кратасюк

кандидат культурологии
доцент, департамент медиа, факультет
коммуникаций, медиа и дизайна,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел.: +7 (495) 772-95-90
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ ekaterina.l.kratasyuk@gmail.com

Ekaterina G. Lapina-Kratasyuk

Cand. Sci. (Cultural Studies)
Associate Professor, media department,
Communications, Media and Design Faculty,
National Research University Higher School
of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
Tel.: +7 (495) 772-95-90
Senior Researcher, Centre for Studies
in History and Culture, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ ekaterina.l.kratasyuk@gmail.com

А. Ю. Сгоннова

ORCID: 0000-0002-1483-8600

✉ aleksandrasgonnova@gmail.com

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Россия, Москва)

ФИГУРЫ ДАВИДА И ИРОДА ВЕЛИКОГО В СВЕТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ВТОРОГО ХРАМА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению влияния образа царя Давида на образ Ирода Великого. Сопоставления этих двух фигур и выявления связи между ними, а также степени влияния одной на другую до сих пор не проводилось. Автор предполагает, что история Давида в период Второго Храма стала мифом, посредством которого легитимировалась царская власть. Через параллельное сравнение характерных отрывков жизнеописаний Давида и Ирода в статье даются ответы на несколько вопросов: является ли сходство двух биографий случайным; почему для описания истории Ирода был выбран образ Давида; какие религиозные мотивы могли обусловить этот выбор. Автор, используя ролевую теорию Сундена, утверждает, что Ирод оказался похожим на библейского царя не только в силу творческих усилий хронистов: он мог лично идентифицировать себя с ветхозаветным образом. Религиозные традиции иудейского общества оказали влияние не только на иерусалимский культ или на литературу данного периода, но и на политическую сферу.

Ключевые слова: Давид, Ирод Великий, ранний иудаизм, Библия, «Иудейская война», царь, царская власть, миф

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90023.

Для цитирования: Сгоннова А. Ю. Фигуры Давида и Ирода Великого в свете представлений о царской власти в эпоху Второго Храма // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 119–136. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-119-136>.

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2021 г.
Принято к печати 25 апреля 2021 г.

A. Iu. Sgonnova

ORCID: 0000-0002-1483-8600

✉ aleksandrasgonnova@gmail.com

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Russia, Moscow)

THE FIGURES OF DAVID AND HEROD THE GREAT IN LIGHT OF THE IDEA OF KINGLY POWER IN THE SECOND TEMPLE PERIOD

Abstract. This article is dedicated to an analysis of the influence of King David's image on the image of Herod the Great. As yet no studies have focused on the comparison of these two historical figures and on uncovering the connections between them, as well as on the degree of influence that one of them had on the other. The author assumes that in the Second Temple Period the history of David became a myth by which kingly power was legitimized. Through a parallel comparison of characteristic passages from David's and Herod's biographies the answers to several questions are given: whether the resemblance between the two life stories was accidental or not; why the image of David was chosen for the description of Herod's history; which religious motives could have influenced this choice. The author claims, using Sunden's role theory, that Herod turned out to be similar to the biblical king not only owing to the ingenuity of the chroniclers, but also due to the possibility of his self-identification with the image from the Old Testament. The religious traditions of Jewish society influenced not only the Jerusalem cult and the literature of that period, but also the political sphere.

Keywords: King David, Herod the Great, early Judaism, the Bible, *The Jewish War*, king, kingly power, myth

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90023.

To cite this article: Sgonnova, A. Iu. (2022). The figures of David and Herod the Great in light of the idea of kingly power in the Second Temple Period. *Shagi / Steps*, 8(3), 119–136. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-119-136>.

Received April 4, 2021

Accepted April 25, 2021

Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Господне, и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки...
Втор 23:3

Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой...
Втор 23:7

Царская власть в Древнем Израиле всегда имела особый статус. Царь был не только главой государства, но и священной фигурой, имеющей связь с Богом. Образцом подобной фигуры на протяжении истории Израиля вплоть до разрушения римлянами Иерусалима в 70 г. был библейский царь Давид. С его именем ассоциировались чаяния иудеев на реставрацию монархии в постпленный период, надежда на возвращение золотого века, а также вера в приход Мессии, который в поздний период тесно связывался со светской властью.

Образ царя Давида прочно вошел в еврейскую культуру, став в культурном и общественном сознании «мифом». Под мифом мы понимаем, следуя определению Е. М. Мелетинского, сказание о богах и героях, а также систему представлений о мире, в рамках которой такие сказания определяют сознание и поведение людей. Непосредственно в нашем случае мы рассматриваем один из мифов о первоначале, а именно о первоначале царской власти и установлении монархии. Одной из важнейших функций мифа является «создание модели, примера, образца» [Мелетинский 1991: 563]. Цель мифа по К. Леви-Стросу — дать логическую модель для разрешения некоего противоречия. При этом, с его точки зрения, миф развивается как бы по спирали, герой мифа — носитель определенных черт, повторяющихся схем поведения.

Эти схемы и черты могут быть актуализированы человеком, находящимся внутри культуры, для которой тот или иной миф характерен. Согласно ролевой теории Я. Сундена [2017], любой герой мифа предлагает человеку, находящемуся в сходной с ним жизненной ситуации, некий набор готовых паттернов¹ поведения и решений проблем. Человек «принимает на себя роль действующего лица в мифическом повествовании» [Хольм 2017: 63], становится на место героя мифа, которого ведет воля Бога, и действия человека становятся частью божественного замысла о нем самом.

Человек, воспроизводящий миф, всегда реален, т. е. является действительно существовавшей исторической личностью. А его поведение обусловлено смесью личных мотиваций и поведенческих схем. Данное предположение работает в двух направлениях: с одной стороны, как продукт своей среды, создавшей и поддерживающий миф, человек совершает определенные действия, соотносясь с уже существующим паттерном поведения; с другой стороны, сама среда ожидает от человека определенного поведения и наделяет его «недостающими» для мифа характеристиками и действиями.

На данный момент считается, что история Давида — вне зависимости от того, существовал ли он в действительности или нет, — представляла собой

¹ Под паттерном, или моделью, мы понимаем совокупность определенных черт поведения, событий, их причин и следствий, которые соотносятся с выбранной личностью.

не только исторический рассказ о родоначальнике династии, но также была и политической историей, используемой в качестве пропаганды, и новеллой, и притчей, литературой Премудрости [Gunn 1989: 13], и религиозно-политическим текстом, направленным на то, чтобы поддерживать еврейский народ в его бедах и укреплять власть существующего царя.

Однако мы предполагаем, что в истории Давида присутствует также мифологический элемент в понимании Леви-Строса: она предлагала читателю модель того, как потомок моавитянки мог стать царем богоизбранного народа². Для нас это становится особенно важно, потому что в такой же ситуации находился и Ирод Великий, бывший идумеем. Он, осознанно или нет, воспринимал эту историю как свою собственную, как ответ на то, какое право он мог иметь на престол Хасмонеев.

Таким образом, целью нашей работы будет выявление роли образа Давида в религиозно-политическом осмыслении царской власти периода Второго Храма на примере Ирода Великого.

В начале работы мы реконструируем основные мотивы истории Давида на основе книг Царств и Паралипоменон и соотнесем их с политическим путем царя Ирода, который описан Иосифом Флавием в «Иудейской войне».

В своей реконструкции образа Давида мы будем опираться, помимо библейского текста, на его интерпретации в работах Д. Гана [Gunn 1989], В. Миллер [Miller 2019], Р. Олтера [Alter 2000] и др. [Davies 1992; Garbini 2009; Garfinkel 2018] Непосредственно правлению и личности Ирода Великого посвящено несколько монографий [Грант 2002; Вихнович 2017]; в большинстве случаев ему отведены отдельные части в книгах, посвященных периоду Второго Храма в общем и римского периода в частности [Sanders 1992; Grabbe 2010; Knohl 2000]. Однако сопоставления этих двух фигур и выявления связи между ними, а также степени влияния одной на другую до сих пор не проводилось.

Мы предлагаем рассмотрение биографии Давида и Ирода, описанные соответственно в книгах Царств и трудах Флавия, как опорные точки для нашей теории. Впоследствии мы поставим вопрос: являются ли совпадения между их биографиями чистой случайностью, не несущей в себе никакой внутренней информации, или же продуктом мифотворчества?

* * *

Уникальность истории Давида особенно очевидна в книгах Царств. В них Давид сохраняет больше, чем в других библейских книгах, живых черт, присущих человеку чувствующему и переживающему: он страдает, плачет, просит о пощаде, злится, гневается и участвует в интригах. А. И. Шмаина-Великанова

² Вынесенная нами в эпиграф цитата из Втор 23:3 волновала иудеев в период Второго Храма и, возможно, раньше [Шмаина-Великанова 2010: 21]. На вопрос о том, как правнук Руфи мог стать царем, дают ответ сразу несколько библейских книг: 1-я и 2-я книги Царств, Паралипоменон и Книга Руфи, однако предлагаемые ими ответы разнятся. О том, что Книга Руфи была написана, в частности, для оправдания биографии Давида, подробно пишет А. И. Шмаина-Великанова в своей фундаментальной работе «Книга Руфи как символическая повесть». Мы полностью придерживаемся ее тезиса, что к периоду написания Евангелий история об иноплеменном происхождении Давида была не только известна, но и широко обсуждалась [Там же: 44–46]: для нашего исследования это ценно постольку, поскольку примерно в этот же период создаются книги Иосифа Флавия.

ва отмечает, что вообще все повествование о Давиде строится вокруг значения его имени: 'любимый', 'возлюбленный' [Шмайна-Великанова 2010: 81]. Добавим, что это история не только большой любви, из которой люди помогают Давиду, но и столь же великой ненависти, которая едва ли не губит его. Поэтому сам образ Давида ярко выделяется на фоне предыдущих и последующих царей (которые выглядят плоско и безыскусно). Именно любовь/ненависть становится двигателем мифологического (в указанном смысле) сюжета.

Рассмотрим основные мотивы, через которые реализуется миф о Давиде и которые затем актуализируются в истории Ирода Великого.

1. Появление избранного царя. История Давида начинается в 1 Цар 16³. Сообщается, что Саул, полюбивший сына Иессея, назначает его своим оруженосцем (16:21). Впоследствии тот становится начальником войска (1 Цар 18:5), а потом — тысячи:

Давид во всех делах своих поступал благоразумно, и Господь *был* с ним. И Саул видел, что он очень благоразумен, и боялся его. А весь Израиль и Иуда любили Давида, ибо он выходил и входил пред ними (1 Цар 18:14–16).

По мере развития истории Давид приобретает популярность в народе. Саул с трудом терпит человека, ставшего всеобщим любимцем, и старается от него избавиться (1 Цар 18:6–9). Соответствующий отрывок первым в истории Давида строится на линии любви/ненависти и предвещает основной сюжет. Истинный правитель появляется в тени правящего монарха, постепенно приобретая народную любовь, что становится камнем преткновения. Царь ищет способ избавиться от возможного соперника, который к тому же, казалось бы, никогда не сможет стать царем. При этом правящий царь не может быть смещен: это противоречит воле Бога и Закону. Эта ситуация является опорной точкой для создания мифологического конфликта, заключающегося в том, каким образом и на каких основаниях человек может заменить богоизбранного царя.

В истории Ирода мы находим схожее начало. В «Иудейской войне» (1.X.4–5) сообщается, что первым назначением Ирода, «хотя тот и был еще слишком молод», стала Галилея. Своими решительными действиями он освободил подконтрольную ему местность от разбойников, за что «снискал благодарность сирийцев и был прославляем во всех городах и селениях». Практически одновременно вместе с Иродом возникает фигура его брата Фацаэля, которого назначают наместником Иерусалима. Гиркан Хасмонеи «хотя и не показывал этого, был уязвлен в самое сердце славой обоих юношей. Более всего его удручали успехи Ирода и непрерывный поток вестников, объявлявших об одной его победе за другой» (Иуд. В. 1.X.4–5).

2. Прекращение благословения Бога на правящем монархе. Появление нового царя совпадает с прекращением благословения Бога на правящем монархе.

³ В данной статье названия библейских книг будут представлены в соответствии с Синодальным переводом; «Иудейская война» (далее — Иуд. В) цитируется в переводе М. Финкельберга и А. Вдовиченко, «Иудейские древности» — в переводе Г. Г. Генкеля.

Саул был помазан на царство пророком Самуилом по приказанию Господа. Это описано в 1 Цар 9–10, 12. Особенностью его избрания было то, что он начинает пророчествовать (1 Цар 10:9–12), а впоследствии решается взять на себя функции священника (1 Цар 13:8–12) в отсутствии Самуила. В результате Бог отвергает Саула:

И сказал Самуил Саулу: худо поступил ты, что не исполнил повеления Господа, Бога твоего, которое дано было тебе, ибо ныне упрочил бы Господь царствование твое над Израилем навсегда; но теперь не устоять царствованию твоему; Господь найдет Себе мужа по сердцу Своему, и повелит ему Господь быть вождем народа Своего, так как ты не исполнил того, что было повелено тебе Господом (1 Цар 13:13–14).

Второй ошибкой правителя становится проявление милости к царю Амалику и неисполнение божественного повеления, после чего Самуил говорит Саулу о том, что Бог отнимает у него власть и отдает другому.

Здесь вновь проявляется мотив любви: Господь оставляет Своей милостью правителя за совершенные послушания и ищет того, кто мог бы стать Его любимым царем.

Третьим важным, на наш взгляд, моментом является история со священником Ахимелехом. Он помог бежавшему от Саула Давиду, за что царь решает казнить его и его родных. Статус священника является той отличительной деталью всех частей Библии, которая остается неизменной на протяжении не только всего периода, но и во времена Второго Храма: убийство священника было маркером упадка. Поэтому «слуги царя не хотели поднять рук своих на убийство священников Господних» (1 Цар 22:17). Однако царь приказывает эдомлянину Доэгу убить не только их, но и 85 человек, носивших эфод.

Симпатии к роду Хасмонеев в хрониках Иосифа Флавия нивелируются не резко, как в ситуации с Саулом, а постепенно, от поколения к поколению: к каждому последующему преемнику историк чаще обращает негативные комментарии. Иосиф достаточно редко дает оценки людям и событиям, он, как истинный хронист, старается не наделять никого ярлыками. Однако конфликт Антигона и Аристобула становится, по его мнению, печальной констатацией угасания власти Хасмонейской династии. Неспособный самостоятельно одержать верх над своим братом Аристобул сначала обращается за помощью к царю Арете, а впоследствии к римлянам. Настоящей катастрофой становится, по словам Флавия, вход Помпея в Храм захваченного Иерусалима. Он вошел туда, «куда не позволялось входить никому, кроме первосвященника, и увидел внутренность Храма <...> однако он не прикоснулся ни к чему из этого и ни к какому другому из священных сокровищ и всего лишь днем спустя после взятия Храма приказал его служителям совершить очищение и принести обычные жертвы» (Иуд. В. 1.VII.6). В ходе штурма Иерусалима многие священники погибли под градом камней.

В «Иудейских древностях» Флавий более резок в суждениях — он напрямую обвиняет в случившемся Гиркана и Аристобула:

Виновниками этого бедствия, постигшего Иерусалим, являлись Гиркан и Аристокбул⁴, ссорившиеся между собою. Теперь мы утратили свою свободу и стали подвластны римлянам <...> а царская власть, которая прежде предоставлялась в виде почета родовитым первосвященникам, теперь стала уделом мужей из простонародья (Иудейские древности 14.IV.5).

Следующий отрывок из «Иудейской войны» еще больше приближает Ирода к Давиду. Когда Ирод пытается изгнать Антигона и вместе с Сосией входит в Иерусалим, он тратит личные средства, лишь бы римская армия не ворвалась в Храм и не тронула его богатства:

...к одним он обращался с мольбой, другим угрожал, а некоторых удерживал силой оружия, ибо понимал, что если кто-то из них бросит взгляд на сокровища святыни, то победа его будет хуже любого поражения. Одновременно он прекратил в городе все грабежи, добившись этого ценой резкого выговора Сосию. Он сказал, что если римляне очистят город от денег и от людей, то они оставят его царем над пустыней <...> Когда же Сосий стал настаивать на том, что после столь тяжелой осады справедливость требует позволить его людям грабить, Ирод начал раздавать войскам награды из собственных средств» (Иуд. В. 1.VIII.3).

Здесь мы также сталкиваемся с ситуацией постепенного угасания правящей династии, творящей беззакония, в то время как будущий царь пытается спасти священников.

Следующие два мотива Шмайна-Великанова [2010: 81, 84, 86] выделяют особо, вводя понятие хеседа — милости, любви, благодати, верности, стойкости [Там же: 75]. Это то отношение, которое Бог проявляет к людям; в случае же отношений между людьми это безграничная любовь, преодолевающая силу Закона и страх смерти, любовь безрассудная.

3. Брак с дочерью правителя. В момент растущей неприязни между старым и новым, но еще не избранным царем последний вступает в брак с царской дочерью. При этом дочь правителя испытывает по отношению к Давиду чувства, похожие на хесед: она под угрозой смерти спасает его от разгневанного отца. Саул, несмотря на возрастающую неприязнь к Давиду, дает согласие на его брак с Мелхолой, своей младшей дочерью.

И увидел Саул и узнал, что Господь с Давидом [и весь Израиль любит его] и что Мелхола, дочь Саула, любила *Давида*. И стал Саул еще больше бояться Давида и сделался врагом его на всю жизнь (1 Цар 18:28–30).

⁴ Стоит отметить, что данный фрагмент является достаточно нетипичным для Иосифа и скорее свидетельствует в пользу того, что при написании своей истории он обращался к более ранним хроникам. Как потомок Хасмонеев и человек, не принимающий историю Давида как образец для пути развития власти в Израиле, он все же соглашается с тем, что смена династии происходит по вине Гиркана и Аристокбула [Feldman 1998].

Эта любовь помогает Давиду бежать из дворца, избежать гибели и начать свой собственный путь к престолу.

Мы склонны считать, что история о свадьбе Ирода и Мирьям Хасмонеи представляет собой хесед, как бы вывернутый наизнанку: любовь сменяется ненавистью. Иосиф говорит, что «та (Мирьям. — А. С.) ненавидела его (Ирода. — А. С.) столь страстно, сколь страстно он ее любил» (Иуд. В. 1.XXII.2). Ирод любит Мирьям, как Давид любил Мелхолу, однако та не разделяет его чувств и отворачивается от него, участвуя в заговоре. Итогом этого союза стала смерть Мирьям от руки Ирода. Эта дихотомия подчеркивает, с одной стороны, избранность Давида, а с другой — глубокую трагичность фигуры Ирода, о которой говорит и сам Флавий.

4. Образ близкого друга/брата, который помогает новому правителю. Рядом с будущим царем присутствует близкий человек, который помогает ему, встает на его защиту, когда это необходимо в сложной ситуации, и погибает, и эта смерть становится глубокой травмой для правителя. Между ними царит хесед, который помогает новому царю взойти на престол.

В случае с Давидом мы имеем дело с историей Ионафана, сына Саула. Он не только всячески помогает Давиду избежать гнева царя, но и заключает с ним договор, который состоит в том, что ни он, ни его потомки не будут вредить Давиду и его потомкам. Гибель Ионафана вместе со своим отцом становится очень болезненной для будущего царя. Однако он держит обещание, данное другу, и принимает сына Ионафана, Мемфивосфея, как почетного гостя. С точки зрения Меира Шалева, история Книги Царств — о том, что Давида любят, в то время как он сам не способен любить [Шалев 2009]. В истории же Ирода и его любят сверх меры, и он отвечает людям тем же. По отношению к брату Ирода Фацаэлю понятие хеседа фактически не применимо, поскольку для него как ближайшего родственника такая любовь естественна⁵. В результате сговора Гиркана и парфян Фацаэль был схвачен. Не желая сдаваться в руки Хасмонеев, он совершает самоубийство:

Не имея возможности пустить в ход меч или руки, Фацаэль разможил себе голову о камень. Итак, в то время как Гиркан проявил себя низким трусом, Фацаэль доказал, что он подлинно брат Ирода, умер как достойнейший из мужей, увенчав деяния своей жизни подобающим концом (Иуд. В. 1.XIII.10).

Для Ирода весть о захвате брата в плен оказывается тяжелейшим ударом: он бросает все, берет племянника и везет его в качестве заложника в обмен на деньги для выкупа брата⁶. Ирод способен на такое сильное чувство, которое может обернуться гибелью и брата, и его сына. После смерти Фацаэля он называет в его честь своего сына от жены Паллады и одну из башен в Иерусалиме.

⁵ Хесед может также означать любовь ближайших родственников, не являющихся членами одной семьи или клана.

⁶ Иосиф Флавий иронически замечает: «Ирод рассчитывал, что даже если арабийский царь окажется слишком забывчивым, чтобы вспомнить о связывавшей его с отцом Ирода дружбе, и слишком скупым, чтобы подарить ему эти деньги, он сможет получить их от него в долг, оставив в залог сына того, на выкуп которого пойдут эти деньги, и потому вез с собой своего племянника, семилетнего мальчика» (Иуд. В. 1.XIV.1).

Этот эпизод, с нашей точки зрения, еще раз подчеркивает трагичность судьбы Ирода, в том числе то, почему его, в отличие от Давида, ждал более мрачный конец.

5. Период вражды с правителем. Здесь снова возникает мотив любви/ненависти, который помогает герою достичь трона.

Период вражды будущего царя с правящим длится достаточно долго. Саул, взирая на подвиги молодого Давида, втайне составляет заговор с целью его убийства. Узнав об этом, Давид бежит от Саула в пустыню к Анхусу, царю Гефа (1 Цар 21:10), а впоследствии прячется в пещерах и оказывается предводителем отверженных людей, которые становятся основой его восстания (1 Цар 22:1–2). Ненависть Саула оборачивается еще большей любовью к Давиду со стороны народа. Последний становится своего рода Робин Гудом, царем, которого поддерживает и выбирает простой народ.

В период вражды с последними Хасмонеями Ирод также тесно связан, с одной стороны, с римской властью, получая легитимацию через цезаря, с другой — с аравийским царем. Он получает поддержку изначально от Галилеи, в которую был когда-то направлен. С течением времени все больше людей поддерживают его кандидатуру на престол. Ирод расчетливо налаживает связи попеременно с каждой из сторон внутри иудейского конфликта, извлекая выгоду либо для себя лично, либо для своей страны.

6. Период идеальной власти. Наивысшая точка расцвета правителя совпадает с двумя событиями: у Давида это решение о постройке Храма и дарование ему обетования, у Ирода — возвышение его как добродетельного человека, заботящегося о благополучии народа, и реконструкция Второго Храма.

Книги Паралипоменон и Царств не называют прямо какую-то конкретную точку наивысшего расцвета царствования Давида. Однако мы можем предположить, что ею становится момент проявления особой любви Бога — дарование обетования, а также проявление царем желания построить дом Господу. Именно в этот момент Давиду дается обетование:

Я успокою тебя от всех врагов твоих. И Господь возвещает тебе, что Он устроит тебе дом. 12. Когда же исполнятся дни твои, и ты почишь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семя твою, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его навеки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном; и если он согрешит, Я накажу его жезлом мужей и ударами сынов человеческих; но милости Моей не отниму от него, как Я отнял от Саула, которого Я отверг пред лицом твоим. И будет непоколебим дом твой и царство твою навеки пред лицом Моим, и престол твой устоит вовеки. Все эти слова и все это видение Нафан пересказал Давиду (2 Цар 7:11–17).

После помощи Цезарю в борьбе с Антонием, по замечанию Иосифа, «Ирод поднялся до самых вершин процветания. Одновременно возрастали его добродетели, а его несравненная щедрость не знала границ в делах благочестия» (Иуд. В. 1.XX.4). Вслед за этим он описывает строительство Храма, на которое царь тратит огромные средства; хронист также перечисляет множество

его заслуг: упрощение налогов, строительство новых городов, эллинизацию региона, возведение амфитеатров и проведение игр.

Истории Давида и Ирода близки в том числе и благодаря их благочестию. Их успехи в завоевании престола связываются с благоволением Господа. Давид желает построить дом для Бога, Который помог ему одержать победу над Саулом, Ирод расширяет уже существующий Храм. Итогом подобного желания правителя становится не только благословение его лично, но и обетование всей династии. Этот эпизод завершает легитимацию нового правителя на престоле.

7. Начало падения правителя через жену. История угасания власти правителя начинается не с политической ошибки или военного поражения, а с неурядицы в семье, изначальным толчком к которой становится конфликт между правителем и женой, а также между женой и детьми от других жен правителя.

Первый печальный эпизод в истории Давида появляется в истории с Вирсавией. Во 2 Цар 11:27 говорится, что его брак с Вирсавией был неугоден Богу: «И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа». Бог предрекает внутренние конфликты в семье царя: «Итак, не отступит меч от дома твоего вовеки <...> вот, Я воздвигну на тебя зло из дома твоего» (2 Цар 12:10–12).

Увещание пророка Нафана и последовавшее покаяние Давида конструируют одной из главных характеристик образа Давида — как кающегося в своем грехе праведного царя. Мотив покаяния, приведшего к прощению, становится паттерном, характеризующим настоящего правителя: кающийся Манассия получает спасение, Езекия спасает свой город от ассирийцев и продлевает дни своей жизни (3–4 Цар, 1–2 Пар.).

История Ирода в этом смысле несколько отличается от истории Давида. Здесь мы видим продолжение идеи о неистинном хеседе. Первопричиной падения Ирода Иосиф Флавий называет Мирьям, вторую жену царя. Любовь, которая должна была спасать, оказывается причиной его гибели. Мирьям, желая, чтобы только ее дети — Александр и Аристокл — наследовали трон, строит заговор против остальных жен царя и их сыновей. Из-за нее он выгоняет своего старшего сына Антипатра (от Дориды), назначает ее брата первосвященником и т. д. Впоследствии это стало источником вражды между Антипатром и Александром и Аристоклом, сыновьями Мирьям.

8. Неурядица в семье. Вражда детей правителя. Кровавое смешение и кровопролитие. Продолжением истории падения правителя является междоусобица его потомков. Она отчасти дополняет ось любви/ненависти, оказываясь катализатором падения царя.

Среди неудач царя Давида, которые мы можем найти в книгах Царств и Паралипоменон, главной является вражда его детей. Первой подобной историей можно назвать историю Авессалом, которая появляется во 2 Цар. Итогом ее служит кровосмесительная связь между Амноном, еще одним сыном Давида, и Тамар, сестрой Авессалом, а впоследствии убийство Амнона Авессаломом. При этом Авессалом повторяет паттерн воцарения своего отца: от бегства к царю Гешура и исполнения роли судьи вместо царя (2 Цар 15) до провозглашения себя местным правителем в Хевроне. Он изгоняет своего отца из Иерусалима, входит к его женам и наложницам, тем самым исполняя пророчество Нафана (2 Цар 12:10–12).

Как мы уже сказали выше, первопричиной раздора между сыновьями Ирода и их матерями становится борьба за власть. Иосиф Флавий описывает изначальный треугольник: Антипатр, сын Дориды, пытается оклеветать всеми доступными способами сыновей Мирьям — Аристокбула и Александра. В результате интриг последние будут убиты по приказу царя, а Антипатр, по свидетельству Флавия, станет объектом народной ненависти. Его интриги с течением времени будут раскрыты, а сам он казнен, как и многие его соратники. Здесь мы можем добавить, что кровосмешение в семье Иродов встречалось достаточно часто. Помимо случаев, описанных Иосифом, подвергалась критике и история Ирода Антипы, взявшего в жены жену своего брата Филиппа еще при жизни последнего.

Итогом этих печальных событий в жизни Давида и Ирода является последний пункт.

9. Плохой муж и отец — плохой правитель. Третья книга Царств начинается с описания угасания силы Давида: он стар и слаб, его сын Адония идет путем Авессалома (3 Цар 1:6), пророк Нафан и его жена Вирсавия составляют заговор с целью передачи власти в руки Соломона. Здесь важно то, что Соломон прежде не упоминался в истории, его имя остается в тени распри Давида и Авессалома, истории Авессалома, Амнона и Тамар и т. д. Он появляется внезапно и сразу занимает центральное место в рассказе, почти бескровно становясь помазанным царем.

Конец правления Давида описан очень сжато и кратко; создается ощущение, что многие моменты из него были просто вычеркнуты. По косвенным признакам мы можем с долей вероятности констатировать, что в конце своего правления Давид теряет контроль над властью, за нее идет борьба группировок, которая заканчивается победой Соломона.

Д. Ганн выдвинул предположение, что, с точки зрения авторов книг Царств, благоденствие созданного государства напрямую зависит от того, насколько хорошим семьянином оказывается его основатель (и основатель династии). Ослабление власти Давида напрямую связывается с его грехом [Gunn 1989: 89–90]. Распря среди сыновей и совершенные ими грехи оказываются результатом его неудачной семейной жизни. А последующее угасание царства после Соломона становится результатом деятельности детей Давида.

Мы предполагаем, что нечто подобное возникает и в ходе повествования об Ироде. Правление Ирода заканчивается практически одновременно с казнью его сына Антипатра. Интриги его сыновей, жен, братьев и сестер, направленные друг против друга, увеличивают его страхи относительно собственной безопасности, делают его приступы гнева все страшнее, а также, как говорит Иосиф, способствуют развитию болезни, в конечном счете убившей его. Историк отмечает:

Во многих отношениях судьба сопутствовала ему более, чем кому-либо иному: не принадлежа к царскому роду, он достиг царской власти, удерживал ее весьма длительное время и передал собственным детям. Но в семейной жизни он был злосчастнейшим из смертных (Иуд. В. 1.XXX.8).

10. Истинный наследник царя остается в тени общей истории. Мы хотели бы также отметить пример библейского удвоения мотива в истории о Давиде: новый царь возникает ниоткуда под крылом ныне царствующего. Благодаря этому приему мы можем считать этот миф завершенной самостоятельной единицей.

Соломон появляется впервые в первой главе 3 Цар. Его история отделена долгим промежутком времени от истории Авессалома и Давида. Он возникает на фоне описания уже умирающего Давида. В 3 Цар его приход к власти представляется практически бескровным и достаточно быстрым. Он практически сразу получает полную поддержку народа и сановников, обеспечивая себе тем самым спокойное правление.

В истории Ирода образ Архелая, который в конечном итоге наследует престол отца, практически не затрагивается при описании интриг между Антипатром, Аристокбулом и Александром. Он молчаливо появляется в самом конце этой истории и выполняет вполне тривиальную функцию: хоронит своего отца и принимает власть. Ему требуется лишь некоторое время, чтобы уладить беспорядки в стране, а также получить санкцию на воцарение от цезаря.

Интерпретация

История Давида, как мы сказали ранее, — это история, построенная на линии любви/ненависти⁷. Книги Царств последовательно дают ответ на следующий вопрос. Как внук моавитянки смог стать избранным Израиля? Через любовь его близких и Бога. Эта любовь способствует его принятию в общество Израиля: он приближается к любящему его царю, его любят и спасают его жена-царевна и друг-царевич, он совершает благочестивые поступки, снижав любовь Господа. Он становится тем достойным, который может решить конфликт между Богом и народом, описанный в 1 Цар 8:6–19. Власть царя изначально представляется хронистами как некая уступка Бога людям.

Царство в Библии понимается как власть Бога над Израилем; к Богу эпитет «царь» применяется более 60 раз [Астапова 2010: 343]. Судьи и пророки оставались Его помощниками, что, в частности, проявилось в том, что их должность не передавалась по наследству.

Однако сквозь книги Царств и Паралипоменон проходит поразительная мысль: миф Давида показывает, как осужденный институт монархии может быть оправдан и поставлен на службу теократии, стать инструментом правления Бога над Израилем. Эту проблему решает благочестивый чужак. Возможно, благодаря своей несопричастности Израилю Давид может войти в союз Бога и Его народа и стать вождем, завоевав это право своими личными благочестием и послушанием. Происхождение Давида, согласно Втор 23:3, закрывало ему возможность иметь часть в Израиле, но в то же время его личные качества сближают его с Богом, Который легитимирует власть его и его династии.

⁷ Отметим также, что даже сам образ Давида построен по этой оси: он принципиально дихотомичен. В нем сочетаются черты праведника (послушание Богу, справедливые поступки, милосердие, покаяние) и отрицательного героя (массовые убийства своих врагов, история с Урией, обман первосвященника и т. д.). Эта двойственность придает ему еще большую «живость».

Эта дихотомия Закона и благочестия, запрещенного и дозволенного разрешается мифом о Давиде, что становится переломным моментом в библейской истории о монархии. Его пример оказывается поводом к пересмотру существующих представлений, открывая путь для решения подобного рода конфликтов.

Царская фигура того времени радикально меняет позицию силы во властных структурах общества [Elazar, Cohen 1989: 72]. Эта фигура, с одной стороны, принимает на себя функции судьи и военачальника [Вевюрко 2018: 697]⁸, а с другой — может обладать по сути священническими чертами: Соломон и Давид совершают жертвоприношение, благословляют народ; последний носит эфод, а его дети служат в качестве священников⁹. К этой фигуре применяется терминология «адаптации» Богом — царь называется «сыном Бога»: «Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном» (2 Цар 7:14). Кроме того, над ним совершается помазание, и «фигура царя максимально приближается к фигуре “облеченного Духом” харизматического вождя эпохи судей» [Астапова 2020: 351].

Ответив на первый вопрос, мы обращаемся к главному вопросу нашего исследования: является ли история Давида своего рода мифологическим паттерном для описания жизни Ирода или же приведенные выше параллели — чистая случайность?

Совершенно очевидно, велика возможность того, что Ирод Великий действительно прожил жизнь, во многих аспектах повторяющую путь царя Давида. Его история возвышения мыслилась им через доступные культурные образы, среди которых был образ библейского правителя. Если миф, по Леви-Стросу, снимает противоречие и предоставляет некий способ разрешения проблемы, то в случае с Иродом миф давал некие готовые решения, которые были воплощены им в жизнь.

В книгах Царств путь Давида, а вследствие этого и путь идеального царя представляется как подчинение воле Бога и служение Ему и Его народу. Ирод в «Иудейской войне» говорит о своем царствовании: «...я всегда служил Всевышнему с такой преданностью, что у меня есть основания надеяться на долголетие» (Иуд. В. I.XXIII.5). Он собирает разрозненную Иудею в почти канонических ее границах, расширяет и украшает Храм, заботится о благополучии народа, снижает налоги. Давид не идеален, как не идеален и Ирод; но образ Давида через религиозное осмысление фигуры царя как избранника Бога и Израиля — как народа Бога становится ориентиром, которому следует Ирод. Он воспринимает себя слугой Бога, по образу библейских царей. Так или иначе, история Давида была для него актуальным примером поведения идеального правителя, которого ожидал народ, и к тому же обладавшего, как и Ирод, иноземным происхождением.

Ирод Великий, оказавшись в ситуации кризиса государственности, мог обратиться к библейскому нарративу, чтобы переживать и воспринимать современную ему историю как продолжение (или повторение) библейской. В иудейском обществе идеи теократичности и харизматичности природы власти

⁸ И. С. Вевюрко указывает, что в титуле царя имплицитно присутствуют также законодательные функции.

⁹ 2 Цар 8:18 LXX: καὶ οἱ υἱοὶ Δαυὶδ ἀνάρχαι ἦσαν, МТ: וְבָנָי הָיוּ לְבָנִים חָיִים, в большинстве случаев подразумеваются именно священнослужители.

господствовали в течение долгого периода времени [Вейнберг 2004: 308]. Власть Ироду дается не только волей случая, но и как часть Божественного, почти библейского Провидения.

С другой стороны, мы не можем исключить того факта, что даже при схожих жизненных путях биографами Ирода были намеренно выведены на свет вышеперечисленные моменты, сближающие его историю с историей Давида-иноплеменика.

Причин тому может быть несколько.

1. Ирод, находясь в сложной исторической ситуации, требовавшей от него быстрых решений, сопоставлял свой жизненный путь с историей Давида, находя в ней ответы на предлагаемые обстоятельства.

2. Давид представлял собой образ идеального царя, к которому стремились сами правители. Помимо этого, от царя ждали, что он будет потомком Давида или, во всяком случае, вести себя, как легендарный царь.

3. Ирод, как человек, не имевший никакого права на трон, нуждался в легитимации себя как царя.

4. Последние представители династии Хасмонеев конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. — Гиркан и Аристокл — обладали мощной политической и религиозной властью, обоснованной в книге Маккавеев. Ирод нуждался в подобном источнике признания.

В противовес мифологии Хасмонеев Ирод описывается хронистами как Давид, чье служение Богу и народу становится укреплением династии и страны.

«Иудейская война» Иосифа Флавия несет отпечаток подобного мифотворческого процесса. Если говорить о структуре повествования, то, как мы отметили раньше, есть целый ряд черт, делающих историю похожими друг на друга. Последовательность данных паттернов практически полностью совпадает в обеих историях¹⁰.

Как замечает И. П. Вейнберг, «...идея не только предшествует реальности, но также сосуществует с ней, и поэтому они непременно взаимодействуют и взаимовлияют; второе — полное совпадение идеи и реальности — явление скорее желаемое, чем действительное; третье — чем творение важнее и существеннее для человека, тем ощутимее в нем присутствие и воздействие идеи» [Вейнберг 2004: 300]. Он также подчеркивает, что «характерной особенностью ветхозаветной, древнееврейской картины мира является ее особое внимание к феномену: “начало, истоки, происхождение”» [Там же]. История Ирода излагается Иосифом Флавием, с одной стороны, как история родоначальника новой династии, с другой — как история царя и яркой харизматической личности (подобной или равной Давиду)¹¹.

¹⁰ По мнению В. Я. Проппа [2001], одной из характерных черт мифа, как и волшебной сказки, является строгая последовательность действий персонажей.

¹¹ Мы можем выдвинуть предположение, что данная попытка была сделана не самим Флавием (который был достаточно прохладен в своих оценках деятельности Ирода), но его предшественником — современником иудейского царя и его историком Николаем Дамаским. К этому мы можем добавить, что единственным царем, с точки зрения Иосифа Флавия, мог быть только Бог. Он изобретает термин *теократия* в своем труде «Против Апиона» [Селезнев 2017: 59]. Если говорить о земном царстве, то единственным достойным руководителем народа, по Флавию, является священник [Сгоннова 2019]. Скорее всего, в его исторических трудах мы можем видеть следы другой точки зрения, отличной от его собственной.

Ирод представляется сложной и глубокой личностью, с разработанными мотивами своих действий. Он описывается Флавием как расчетливый и умный политик, способный в ходе интриг и военных конфликтов добиться чего угодно, и одновременно — как глубоко несчастный человек, прошедший в скитаниях по стране почти всю свою жизнь и потерявший всех, кого любил. Но эта история не только и не столько светская и политическая. Вопреки мнению ряда историков, она, как и история Маккавеев, имеет под собой глубокие религиозные основания.

Где и как мы можем проследить следы подобного мифотворчества хронистов в образе Ирода, с одной стороны, попытки действовать по уже заготовленному паттерну, с другой, и чистую случайность, с третьей?

Очевидно, некоторые моменты можно отнести к случайностям: наличие брата у Ирода, проблемы в семье, отношения с женой и междоусобица между детьми. Брак с Мирьям Хасмонеи, вражда с Гирканом и Аристокбулом, политические шаги, касающиеся Рима и соседних правителей, — примеры следования некоему паттерну. К моментам, которые могли быть выделены хронистами как части паттерна, принадлежат начало истории (когда будущий правитель скрывается в тени существующего), история падения правящего монарха, описание наивысшей точки расцвета правления в связи с темой Храма, оценка деятельности правителя через его семейную драму, а также внезапное появление наследника царя после описания интриги его старших сыновей. Некоторые из перечисленных особенностей можно оценить двояко (например, семейные проблемы): или как случайные, или как паттерн поведения.

* * *

Подводя итоги, предлагаем несколько выводов.

Во-первых, Давид является примером идеального царя в религиозно-политическом плане и оказывает громадное влияние не только на эпоху его жизни, но и на последующие столетия. В связи с этим вспомним целый пласт пророческой литературы, повествующей о будущем справедливом идеальном царе «из рода Давида», также и кумранские рукописи, где фигурирует Мессия от Давида, — корпус текстов, который аккумулирует идею «Иисуса, сына Давидова» и восстановления трона Давида. Легитимация Давида происходит через историю хеседа между ним и его ближайшим окружением, а также через «усыновление» Богом иноплеменника.

Во-вторых, мы можем признать историю Давида как миф о начале династии, а самого Давида — как нормативный для иудейской религиозной культуры паттерн харизматического лидера.

В-третьих, как полагает Сунден, миф способствует «специфическому виду восприятия и действия (...) делает возможным опыт в самом широком понимании» [Сунден 2017: 57]. Переживая определенные трудности, человек обращается к религиозному опыту и религиозному тексту, ища в них ответы на возникающие вопросы. Из него он черпает паттерны поведения, которые в иной ситуации оказались бы неактуальными.

Ирод, воспитанный в иудейской среде, активно впитывает религиозные образы, применяя их к себе. В ситуации же Иудеи конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. наиболее близкой к Ироду оказывается фигура царя Давида. Он не только использует этот образ «идеального царя», чтобы быть принятым народом, но и переживает свою историю как историю богоизбранного царя, чья

задача — благоденствие Израиля. Тем самым он сам становится участником мифа об «идеальном царе», который разворачивается «здесь и сейчас».

В-четвертых, перед нами не просто миф, используемый последующими хронистами для оправдания действий современных им царей. Через образ Давида власть Ирода должна была легитимизироваться в глазах его современников. Однако в данном случае перед нами встает вопрос о соразмерности обеих фигур. Потенциал мифа Давида использован не в полной мере (очевидно, что за границами внимания хронистов остались интерпретации пророческого корпуса текстов), но и этого оказалось достаточно, чтобы сблизить обе фигуры, даровав Ироду право называть себя царем иудейским.

В-пятых, мы можем констатировать, что уникальность Ирода как исторического персонажа состояла в том, что он оказался в положении, практически идентичном тому, в котором находился Давид. Не только история постфактум приписала ему элементы биографии библейского царя, но и он сам, живя в Иудее конца I в., воспроизводил их в собственной жизни, имея перед собой паттерн идеального (и ожидаемого народом) царя — Давида.

Таким образом, мы предполагаем, что религиозные традиции иудейского общества, сформировавшиеся в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э., повлияли не только на иерусалимский культ или на литературу данного периода, но и на политическую сферу. Библейский царь Давид, оставаясь почитаемым персонажем древней истории, оказывается образом, востребованным не только правителями, но и обычными людьми, ожидавшими появления реального или эсхатологического царя. Власть царя Ирода нуждалась в подкреплении религиозными образами, самым ярким из которых был образ Давида.

Литература

- Астапова 2020 — *Астапова О.* Истоки сакрализации власти. Священная власть в древних царствах Египта, Месопотамии, Израиля. М.: РИПОЛ классик, 2020.
- Вевюрко 2018 — *Вевюрко И. С.* Септуагинта: древнегреческий текст Ветхого Завета в истории религиозной мысли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018.
- Вейнберг 2004 — *Вейнберг И. П.* Древнееврейское государство: идея и реальность // Государство на Древнем Востоке: Сб. ст. / [Отв. ред. Э. А. Грантовский, Т. В. Степугина]. М.: Вост. лит., 2004. С 300–310.
- Вихнович 2017 — Книга Ирода: Антология / [Сост., предисл., коммент. В. Л. Вихновича] СПб.: ООО «Изд-во “Пальмира”», 2017.
- Грант 2002 — *Грант М.* Ирод Великий. Двуликий правитель Иудеи / Пер. с англ. В. П. Михайлова. М.: Центрполиграф, 2002.
- Мелетинский 1991 — Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.
- Сгоннова 2019 — *Сгоннова А. Ю.* Мессия, царь, пророк: священническое мировоззрение в книге Иосифа Флавия «Иудейская война» и в межзаветной литературе // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. Вып. 81. 2019. С. 105–118.
- Селезнев 2017 — *Селезнев М. Г.* Βασιλεύς и ἄρχων в Септуагинте: греческие эквиваленты еврейского слова «царь» и отношение к царской власти в иудаизме III в. до н. э. // Шаги/Steps. Т. 3. № 4. 2017. С. 47–63.

- Сунден 2017 — *Сунден Я.* Религия и роли. Психологическое исследования религиозности / Пер. с нем. // Современная западная психология религии: Хрестоматия / Ред.-сост. Т. В. Малевич; Под. ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 29–61.
- Хольм 2017 — *Хольм Н. Г.* Ролевая теория Сундена и глоссология / Пер. с англ. // Современная западная психология религии: Хрестоматия / Ред.-сост. Т. В. Малевич; Под. ред. К. М. Антонова, К. А. Колкуновой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. С. 61–73.
- Шалев 2009 — *Шалев М.* Первая и Вторая книги пророка Самуила (Первая и Вторая книги Царств) // Откровения: личный взгляд на книги Библии: Сб. эссе / Пер. с англ. В. Болотников. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. С. 111–135.
- Шмаина-Великанова 2010 — *Шмаина-Великанова А.* Книга Руфи как символическая повесть. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
- Alter 2000 — *Alter R.* The David story: A translation with commentary of 1 and 2 Samuel. New York: W. W. Norton, 2000.
- Davies 1992 — *Davies P. R.* In search of “Ancient Israel”. Sheffield: JSOT Press, 1992.
- Elazar, Cohen 1989 — *Elazar D. J., Cohen S. A.* The Jewish polity: Jewish political organization from Biblical times to the present. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1989.
- Feldman 1998 — *Feldman L. H.* Josephus’ interpretation of the Bible. Berkeley: Univ. of California Press, 1998.
- Garbini 2009 — *Garbini G.* Myth and history in the Bible. London: Bloomsbury, 2009.
- Garfinkel 2018 — *Garfinkel Y.* In the footsteps of King David: Revelations from an Ancient Biblical city. London: Thames & Hudson, 2018.
- Grabbe 2010 — *Grabbe L. L.* Introduction to Second Temple Judaism: History and religion of the Jews in the time of Nehemiah, the Maccabees, Hillel and Jesus. New York: T&T Clark International, 2010.
- Gunn 1989 — *Gunn D. M.* The story of King David: Genre and interpretation. Sheffield: JSOT Press, Dept. of Biblical Studies, Univ. of Sheffield, 1989.
- Knohl 2000 — *Knohl I.* The Messiah before Jesus: The suffering servant of the Dead Sea Scrolls. Los Angeles: Univ. of California Press, 2000.
- Miller 2019 — *Miller V.* A king and a fool? The succession narrative as a satire. Leiden: Brill, 2019.
- Sanders 1992 — *Sanders E. P.* Judaism: Practice and belief, 63 BCE — 66 CE. London: SCM Press, 1992.

References

- Alter, R. (2000). *The David story: A translation with commentary of 1 and 2 Samuel*. W. W. Norton.
- Astapova, O. (2020). *Istoki sakralizatsii vlasti. Sviashchennaia vlast’ v drevnikh tsarstvakh Egipta, Mesopotamii, Izrailia* [The origins of sacralisation of state power. Sacred power in ancient kingdoms of Egypt, Mesopotamia and Israel]. RIPOL klassik. (In Russian).
- Davies, P. R. (1992). *In search of “Ancient Israel”*. JSOT Press.
- Elazar, D. J., & Cohen, S. A. (1989). *The Jewish polity: Jewish political organization from Biblical times to the present*. Indiana Univ. Press.
- Feldman, L. H. (1998). *Josephus’ interpretation of the Bible*. Univ. of California Press.
- Garbini, G. (2009). *Myth and history in the Bible*. Bloomsbury.
- Garfinkel, Y. (2018). *In the footsteps of King David: Revelations from an Ancient Biblical city*. Thames & Hudson.
- Grabbe, L. L. (2010). *Introduction to Second Temple Judaism: History and religion of the Jews in the time of Nehemiah, the Maccabees, Hillel and Jesus*. T&T Clark International.

- Grant, M. (1971). *Herod the Great*. American Heritage Press.
- Gunn, D. M. (1989). *The story of King David: Genre and interpretation*. JSOT Press, Dept. of Biblical Studies, Univ. of Sheffield.
- Holm, N. G. (1987). Sundén's role theory and glossolalia. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 26(3), 383–389.
- Knohl, I. (2000). *The Messiah before Jesus: The suffering servant of the Dead Sea Scrolls*. Univ. of California Press.
- Meletinskii, E. M. (Ed.) (1991). *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian).
- Miller, V. (2019). *A king and a fool? The succession narrative as a satire*. Brill.
- Propp, V. Ia. (2001). *Morfologiya volshebnoi skazki* [Morphology of the folktale]. Labirint. (In Russian).
- Sanders, E. P. (1992). *Judaism: Practice and Belief, 63 BCE – 66 CE*. SCM Press.
- Seleznev, M. G. (2017). Βασιλεύς и ἄρχων в Septuaginte: grecheskie ekvivalenty Evreiskogo Slova "tsar'" i otnoshenie k tsarskoi vlasti v iudaizme III v. do n. e. [Βασιλεύς and ἄρχων in the Septuagint: Greek translations of the Hebrew word "king" and the attitude towards kings in the Egyptian Diaspora of the 3rd century]. *Shagi/Steps*, 3(4), 47–63. (In Russian).
- Sgonnova, A. (2019). Messia, tsar', prorok: sviashchennicheskoe mirovozzrenie v knige Iosifa Flaviia "Iudeiskaia voina" i v mezhzavetnoi literature [Messiah, king, prophet: Priestly ideology in the Jewish War by Josephus Flavius and in intertestamental literature]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. I, Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, 81, 105–118. (In Russian).
- Shalev, M. (2005). The First and Second Book of Samuel. In *Revelations: Personal responses to the books of the Bible* (pp. 71–88). Canongate.
- Shmaina-Velikanova, A. (2010). *Kniga Ruti kak simvolicheskaya povest'* [Book of Ruth as symbolic tale]. Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. (In Russian).
- Sundén, H. (1966). *Die Religion und die Rollen. Eine psychologische Untersuchung der Frömmigkeit* (pp. 1–22). Alfred Töpelmann. (In German).
- Veinberg, I. P. (2004). Drevneevreiskoe gosudarstvo: ideia i real'nost' [Kingdom of Israel: Idea and reality]. In E. A. Grantovskii, & T. V. Stepugina (Eds.). *Gosudarstvo na Drevnem Vostoke* (pp. 300–310). Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Vevurko, I. S. (2018). *Septuaginta: drevnegrecheskii tekst Vetskogo Zaveta v istorii religioznoi mysli* [The Septuagint: The Ancient Greek text of the Old Testament in the history of religious thought]. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Vikhnovich, V. L. (Ed., Intro., Comment.). (2010). *Kniga Iroda: Antologiya* [Herod's Book: An anthology]. OOO "Izdatel'stvo "Pal'mira"". (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Александра Юрьевна Сгоннова
 аспирант, младший научный сотрудник,
 кафедра философии и религиоведения,
 Православный Свято-Тихоновский
 гуманитарный университет
 Россия, 127051, Москва, Лихов пер., д. 6
 Тел.: +7 (495) 536-93-13
 ✉ aleksandrasgonnova@gmail.com

Information about the author

Aleksandra Iu. Sgonnova
 Postgraduate Student, Junior Researcher,
 Department of Philosophy and Religious
 Studies, St. Tikhon's Orthodox University
 for the Humanities
 Russia, 127051, Moscow, Likhov Pereulok, 6
 Tel.: +7 (495) 536-93-13
 ✉ aleksandrasgonnova@gmail.com

М. Ю. Биркин

OCRID: 0000-0001-9224-7585

✉ mbirkin@gmail.com

Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет (Россия, Москва)

ТИРАНИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ ЕПИСКОПА И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: КАЗУС МЕРИДЫ КОНЦА VI в.

Аннотация. В статье рассматриваются фигуры дурного епископа и тирана в «Житиях отцов Меридских». Показана взаимосвязь фигур короля и епископа, с одной стороны, и тирана и плохого епископа, с другой. «Тираническая» риторика указывает на связь дурного епископа с демоническими силами, его принципиальную чуждость христианскому сообществу как члена *corpus Antichristi*, в силу чего он разрушает вверенное ему сообщество (*ciuitas*), которое потому страдает от общественных беспорядков, голода и мора. В свою очередь, *ciuitas* понимается как сакрализованное социальное пространство, организованное в соответствии с идеальным божественным порядком. Поэтому любое действие по ее профанации являлось актом тирании. Истинный епископ задавал единство всех элементов христианской общины, согласие и благополучие в которой зависели от поддержания порядка сакрального. Ключевыми составляющими таким образом понятого *ciuitas* были храмы и реликвии, связь которых обеспечивал епископ. Попытки захвата этих объектов и нападки на главу общины предстают в «Житиях отцов Меридских» как главные тиранические действия именно потому, что они нарушали функционирование сакрального пространства *ciuitas*.

Ключевые слова: епископ, тиран, сакральное, риторическая традиция, Леовигильд, Масона, Толедское королевство вестготов, поздняя античность, раннее Средневековье

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Парадигма христианского священства и ее трансформации в истории и современности» Лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

Для цитирования: Биркин М. Ю. Тираническая власть епископа и социальное пространство: казус Мериды конца VI в. // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 137–167. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-137-167>.

Статья поступила в редакцию 26 ноября 2021 г.
Принято к печати 16 февраля 2022 г.

M. Yu. Birkin

OCRID: 0000-0001-9224-7585

✉ mbirkin@gmail.com

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Russia, Moscow)

TYRANNICAL POWER OF THE BISHOP AND SOCIAL SPACE: THE CASE OF MÉRIDA IN THE LATE 6TH CENTURY

Abstract. The article focuses on the figure of an evil bishop in the “Lives of the Fathers of Merida” in the context of the image of a tyrant. The figures of the king and the bishop, on the one hand, and the tyrant and the bad bishop, on the other, are shown to be interconnected. The rhetoric associated with the image of a tyrant reflects the connection of the bad bishop to demonic forces, his fundamental alienness from the Christian community through being a member of *corpus Antichristi*. This results in his destroying the community (*ciuitas*) entrusted to him: it becomes subject to disturbances, famine, and disease. *Ciuitas* is understood as a sacralized social space, organized in accordance with the ideal divine order: Therefore, any action that profaned it was an act of tyranny. In turn, the true bishop set the unity of all elements of the Christian community, whose harmony and well-being depended on maintaining the order of the sacred. The key constituents of the *ciuitas* thus understood were churches and relics, the integration of which was ensured by the bishop. In the “Lives of the Fathers of Merida” attempts to seize these objects and attacks against the head of the community are depicted as the main tyrannical activities precisely because they disturb the functioning of the sacred space of the *ciuitas*.

Keywords: bishop, tyrant, the sacred, rhetorical tradition, Liuvigild, Mazona, Visigothic Kingdom of Toledo, Late Antiquity, Early Middle Ages

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the project “Paradigm of the Christian priesthood and its transformation in history and modernity” of the Ecclesiastical Institutions Research Laboratory of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities with the support of the PSTGU Development Foundation.

To cite this article: Birkin, M. Yu. (2022). Tyrannical power of the bishop and social space: The case of Mérida in the late 6th century. *Shagi / Steps*, 8(3), 137–167. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-137-167>.

Received November 26, 2021

Accepted February 16, 2022

В последней части «Житий отцов Меридских» (*Vitas Patrum Emeritensium*, далее — VPE), рассказывающей о жизни епископа Масыны и его конфликте с королем Леовигильдом и арианским епископом Сунной, в необычном контексте звучит слово «тирания». После раскрытия заговора Сунны против Масыны ему было предложено перейти в католичество, покаяться и стать епископом другого города, но он отказался, «не оставляя своей прежней тирании»¹.

Исследователи по-разному интерпретируют эту фразу и ключевое в ней слово *tyrannis*: либо Сунна не хотел отказываться от своего епископства [Fear 1997: 97, n. 206], либо такая терминология указывает на его попытку мятежа в масштабах всего королевства и предшествующее стремление захватить церковь Мериды [Velázquez 2008: 120, n. 43; Castillo Lozano 2019: 123–126; 2020: 116]. Х. Орландис, который заложил основу исследований тирании в вестготской Испании, писал, что в текстах той эпохи (главным образом в исторических сочинениях) указанное слово используется просто как *terminus technicus* для обозначения узурпации [Orlandis 1959]. К такому пониманию термина *tyrannis* восходят так или иначе указанные интерпретации рассматриваемой фразы.

В исследовательской литературе встречаются даже утверждения, непосредственно исходящие из современных представлений об автономии отдельных сфер общественной жизни, что противостояние католиков и ариан в Мериде, как и *tyrannis* Сунны, было проявлением не религиозной, а политической борьбы, лишь описанной в религиозных терминах [Castillo Lozano 2020].

Однако такие трактовки кажутся слишком прямолинейными и, более того, неадекватными материалу, поскольку в полной мере не учитывают систему позднеантичных представлений о природе социальных явлений и мироустройстве в целом², как и связанный с ними комплекс идей о фигуре епископа, образе тирана и т. д. Эти представления лежат в основе интерпретативных схем, которые вместе с соответствующей риторикой [Шкаренков 2009: 147–149] являлись не просто инструментом для описания общественной жизни — они оказывали непосредственное влияние на поступки людей и социальные практики³. Поэтому анализ культурно значимых представлений позволяет по-

¹ VPE V.11.12–13: *Sunnanem uero pseudoepiscopum exortarentur conuerti ad fidem catholicam et, si conuerteretur, tunc demum ei precipierent ut penitentiam agere deberet et satisfactione lacrimarum sua delicta defleret, ut acta penitudine, quum eum iam cognoscerent perfectum esse catholicum, eum postmodum in quaquumque alia ciuitate ordinarent episcopum. 13. Quum que ei crebro dicerent ut penitentiam tantis pro piaculis ageret et furorem Domini, quem delinquendo excitabat, deflendo mitigaret, quod agere noluit, sed pristinum non amittens tyrannidem hec respondit...*

² Всепронизывающая аналогия социальных отношений и природы (мира физических объектов и/или сверхъестественного) может рассматриваться как важнейший механизм легитимации институтов, лежащий в основе социального порядка; при этом окончательный ответ о базовых принципах социальных взаимодействий отсылает к природе мироздания, см.: [Дуглас 2020: 113–120 и далее]. Ср. рассуждения П. Бергера и Т. Лукмана о символических универсумах как высшем уровне легитимации [Бергер, Лукман 1995: 157–163 и далее].

³ Социальная реальность фактически является знанием, сконструированным в ходе человеческих взаимодействий и конвенционально признанным в качестве реальности. В таком статусе это знание, будучи объективированным, проходя через процедуры интерпретации, уже определяет (закрепляет или трансформирует) лежащие в его основе представления. Таким образом, социальная действительность порождается выраженными в аксиологических установках, правилах поведения и т. п. представлениями о мире, которые, придавая ему

нять, почему те или иные события или явления были возможны в принципе [Шартъе 2001: 10]. Это очевидные, но вынужденные оговорки: приведенный выше пример исключительно «политического прочтения» борьбы кафоликов и еретиков демонстрирует, что в изучении позднеантичного общества сохраняется анахронистичный, модернизирующий подход, который порой оставляет специфику изучаемого социума за пределами исследовательского фокуса. Моя гипотеза состоит в том, что образ тирана и связанная с ним лексика в приложении к арианскому епископу маркирует не только и не столько практику словоупотребления термина *tyrannus*, борьбу за власть в королевстве или организованный им мятеж, сколько совокупную характеристику Сунны, исходящую из тех ключевых представлений об обществе, которые и определяли специфику этого социума в целом.

Исходя из этого основной задачей статьи будет поиск ответа на вопрос: с какими особенностями социального пространства вестготской *ciuitas* (базового, структурообразующего элемента социально-политической жизни позднеантичной Испании [Díaz 2000: 23 ff., 32–35]) связан реализованный в VPE образ Сунны как «епископа-тирана»⁴? Такая постановка вопроса обусловлена значением обеих фигур: епископ фактически являлся главой *ciuitas*, представителем городского сообщества, символически репрезентировавшим сам социальный порядок рождавшейся церковной общины, а тот, кто именовался тираном, виделся — в соответствии с полисной идеологией, которая все еще сохранялась в своем христианизированном виде, — разрушителем самих основ бытия *ciuitas* [Биркин 2020а: 265–269].

Чтобы ответить на главный вопрос статьи, необходимо предпринять ряд шагов. Во-первых, в самих представлениях о власти и обществе, бытовавших в рассматриваемый период в Испании, нужно выделить те элементы, на основании которых вообще возможно соотнесение фигур епископа и тирана. Это позволит найти релевантные критерии оценки того или иного отрицательного персонажа VPE, а также прояснит внутренние, не сводящиеся к фабуле связи между ними. Во-вторых, нужно рассмотреть действия и характеристики главного отрицательного героя — короля Леовигильда, который неоднократно именуется тираном и воплощает соответствующий агиографический образ. Именно в соотношении с ним возможно — и это в-третьих — выделить характеристики тиранических действий Сунны, интерпретация которых позволит прояснить черты социального пространства, разрушаемого этим «епископом-тираном».

Исторический контекст

Основные события VPE происходят в Мериде, одном из крупнейших и богатейших испанских городов, где после реформ Диоклетиана расположилась резиденция викария диоцеза Испания. Будучи столицей Лузитании, Мерида

смысл, определяют стратегию социальных интеракций, собственно создающих, меняющих или сохраняющих определенное социальное бытие [Бергер, Лукман 1995]. Ср.: «Власть — это в первую очередь образ, утвержденный и поддерживаемый в общественном сознании. Именно поэтому репрезентация власти — ключевое условие ее бытия» [Ауров 2017b: 40].

⁴ Ранее эта модель была рассмотрена мной на примере текста иной жанровой природы [Биркин 2020а].

являлась метрополией соответствующей церковной провинции. Меридская епископия была одной из самых богатых в королевстве вестготов, отчасти потому что здесь находилась базилика св. Евлалии Меридской, культ которой был не только широко распространен в Лузитании и некоторых других частях Испании, но известен и далеко за пределами Пиренейского полуострова⁵.

Большая часть событий, связанных с Масоной, приходится на конец правления короля Леовигильда (568–586) и начало правления Реккареда (586–601). Во многом именно при Леовигильде происходит становление Толедского королевства, как в территориальном плане, так в отношении системы и идеологии королевской власти. В частности, он пытался консолидировать королевство на основании арианской ереси, для чего провел в 580 г. собор арианских епископов Испании — единственный известный такой собор в королевстве вестготов. В 579–584/585 гг. случился мятеж против Леовигильда его сына Герменегильда, опиравшегося на кафоликов юга и юго-запада Испании, в том числе Мериды [Thompson 1969: 60–87; Ауров 2010а: 86–99; 2019а: 43, 59–60, 74, 78–82]. В те же годы Леовигильд предпринимает меры к обращению ортодоксальных христиан в арианство и отправляет в ссылку ряд кафолических епископов, в том числе Масону⁶.

После прихода к власти Реккареда состоялся III Толедский собор (589), на котором большинство вестготов перешли в кафоличество. Примерно в 587–590 гг. происходит «арианская реакция» — случается несколько мятежей, в том числе в Мериде во главе с арианским епископом Сунной и неким Сегтой [García Moreno 1989: 135–140].

Чтобы упростить дальнейшее изложение, необходимо кратко рассказать историю конфликта Масоны с Леовигильдом и Сунной⁷. Масона возглавил меридскую кафедру после смерти своего предшественника Фиделя⁸. При нем город процветал, все его обитатели жили счастливо, в мире и единении, а сам Масона прославился своими добродетельностью и щедростью, в том числе построив странноприимный дом, который одновременно выполнял функции больницы⁹. О славе выдающегося епископа узнал король Леовигильд, который попытался сначала уговорами и подкупом, затем угрозами обратить Масону в арианскую ересь¹⁰. Не добившись своего, король назначил в город арианского епископа Сунну, который всячески досаждал Масоне и кафолической пастве, а главное — боролся за власть над кафолическими базиликами, в том числе святой Евлалии¹¹. Поскольку Сунна не смог добиться своего, он обратился

⁵ О позднеантичной и раннесредневековой Мериде см., например: [Arce 1999; Mateos Cruz 2000, esp. 502–513; Kulikowski 2004: 71–75, 205–214, 233–240, 290–293, passim.]. О памятниках см.: [Díaz 2010: 75–76 ff.].

⁶ Хотя большинство исследователей сейчас признают, что масштаб гонений носил ограниченный, локальный характер, а основным средством обращения в арианство было прельщение различными благами, а не насилие [Ауров 2010b; Lester 2019], тем не менее окончательную точку в этом споре вряд ли возможно поставить [Mülke 2016].

⁷ Первоначальные сведения о Масоне см. в [García Moreno 1974: 166–169; Orlandis 1992: 35–50], о Сунне — в [García Moreno 1974: 224–225].

⁸ VPE V.1.1–4.

⁹ VPE V.2.1–4.1.

¹⁰ VPE V.4.2–4.7.

¹¹ VPE V.5.1–5.7.

за помощью к Леовигильду, устроившему между епископами диспут, в котором Масона победил (ок. 580–582 гг.)¹². Позже из-за клеветы Сунны Леовигильд вызвал Масону к себе в Толедо, требуя среди прочего отдать ему тунику святой Евлалии, а затем сослал в монастырь (ок. 583 г.). Масона пробыл в ссылке три года, в то время как кафедру Мерида возглавил Непопис — епископ какого-то другого города, оскверненный множеством нечестивых дел¹³. Через три года к Леовигильду во сне явилась святая Евлалия и, избив до синяков, потребовала вернуть Масону в Мерида — король был вынужден подчиниться. Узнавший об этом Непопис бежал в свой родной город, попытавшись вывезти наиболее ценное имущество меридской церкви. После возвращения Масоны в Мерида, пережившей в его отсутствие смутные времена, восстановился мир и порядок¹⁴.

Леовигильд вскоре умер, и его сын и наследник Реккаред перешел вместе с своим народом в кафоличество¹⁵. Уже после обращения вестготов в ортодоксальное христианство Сунна при поддержке готской знати задумал убить Масону и дукса Лузитании Клавдия. Исполнителем должен был стать Витерих, будущий король. Но поскольку по Божьему проведению меч заклинило в ножнах, молодой гот не смог осуществить задуманное, во всем сознался епископу и заговор был раскрыт. Сунне предложили отречься от арианства и принести покаяние, после чего он смог бы стать епископом в каком-либо городе. Он отказался и был выслан из королевства¹⁶. На этом история конфликта Сунны и Масоны заканчивается.

Rex et sacerdos, tyrannus et pseudoepiscopus

Для лучшего понимания образа Сунны необходимо сравнить его с главным антагонистом рассматриваемого сочинения — королем-арианином Леовигильдом. Но прежде стоит сказать об основаниях для такого сопоставления, которые лежат в средневековых представлениях о власти, нашедших свое выражение в известной формуле *rex et sacerdos*: Христос как истинный царь и священник являлся источником власти короля и епископов [Kantorowicz 1946: 62–64, 112, passim; Ullmann 1965: 24–26, 102–107, passim; Angenendt 1982: 103; Staubach 1984: 550–555, Anm. 15, 17, 18, 22, 23]. Кроме того, по мнению М. Рейделле и ряда других исследователей, использование указанной формулы применительно к королю в меровингской Галлии свидетельствует о том, что именно фигура епископа была одной из ключевых моделей, в соответствии с которыми выстраивался идеал правителя в романо-варварских королевствах, и использование по отношению к королю слова *sacerdos* маркирует соответствие этому образцу, подтверждающееся обладанием набора добродетелей (в первую очередь идет речь о смирении и благочестии) [Reydellet 1981: 323–326, 334, 421–423; Brennan 1984: 8–9; Dumézil 2014: 131–147; Ewig 1965: 32] (об аналогичном смысле употребления этой формулы применительно к Карлу Великому см.: [Ewig 1965: 64–65, 69–72; Canning 1996: 49–50]).

¹² VPE V.5.8–5.22.

¹³ VPE V.6.1–29.

¹⁴ VPE V.8.1–19.

¹⁵ VPE V.9.1–4.

¹⁶ VPE V.10.1–11.14.

Описанные представления прослеживаются и в текстах Исидора Севильского. Так, он дважды располагает этимологии слов *rex* и *sacerdos* рядом друг с другом, связывая их сравнительной конструкцией¹⁷, что обусловлено смысловой связью этих двух понятий¹⁸. Основой этой связи служит фигура Иисуса Христа. Так, трактуя слово *Christus*, Исидор пишет, что у иудеев священное помазание принимали призванные к священству или царствованию. Слово «Христос» означает «царь» и является обозначением достоинства и власти Спасителя¹⁹. Говоря о миропомазании (конфирмации), Исидор отмечает, что если раньше помазанием освящались цари, которые называются «помазанниками», и священники, то после того как Иисус Христос, истинный Царь и вечный Священник, был умащен мистическим помазанием от Бога-Отца, то уже не только священники и цари (*pontifices et reges*), но и вся церковь освящается помазанием миром, потому что все христиане — род священнический и царственный (*genus sacerdotale et regale*)²⁰. И хотя сказанное о помазании *pontifices et reges* отнесено Исидором в прошлое, тем не менее идею царственного священства репрезентирует прежде всего клир [Биркин 2020b: 42–44], а идея о короле как помазаннике Божьем находит отражение в реальной политической практике Толедского королевства: IV Толедский собор объявляет королевскую персону неприкосновенной²¹. Более того, епископы называли Сисенанда, заботившегося, по их словам, о делах не только человеческих, но и божественных, слугой Божиим (*minister Dei*)²². Эти слова использовались преимущественно по отношению к клиру и епископу²³.

Фигура Христа определяет ядро модели поведения и епископа, и короля. Исидор в своем толковании ветхозаветных фигур Фамари и сыновей Иуды — Ира и Онана — пишет, что у иудеев было два вида царей, неправильно (*non recte*) руководивших народом: те, кто вредили, и те, кто не приносили никакой пользы. А когда колено Иудино было лишено царства, тогда должен был явиться Иисус Христос — не во вред, а для большой пользы (*qui non obesset, multumque prodesset*)²⁴. Слова о царях, которых символизировали Ир и Онан,

¹⁷ *Etym.* IX. 3.4: *Reges a regendo vocati. Sicut enim sacerdos a sacrificando, ita et rex a regendo. Non autem regit, qui non corrigit. Recte igitur faciendo regis nomen tenetur, peccando amittitur. Cfr. Etym.* VII.12.17.

¹⁸ *Cfr. Etym.* VII.9.1, XI.2.28, XVIII.1.6 etc.

¹⁹ *Etym.* VII.2.2, VII.2.4, VII.2.8.

²⁰ DEO II.26 (25). 1–2.

²¹ IV *Tolet.* Can. 75: «...Illi, ut notum est, immemores salutis suae propria manu se ipsos interimunt, in semetipsos suosque reges proprias conuertendo uires. Et dum Dominus dicat: «Nolite tangere christos meos», et Dauid: «Quis, inquit, extendet manum suam in christum Domini et innocens erit?», illis nec uitare metus est periurium nec regibus suis inferre exitium... Sacriligium quippe esse si uioletur a gentibus regum suorum promissa fides, quia non solum in eis fit padi transgressio, sed et in Deum quidem, in cuius nomine pollicetur ipsa promissio... См.: [Айров 2017a: 104–113; Айров 2019b].

²² IV *Tolet.*: «...primum gratias Saluatori nostro Deo omnipotenti egimus, post haec antefato ministro eius excellentissimo et glorioso regi, cuius tanta erga Deum deuotio exstat ut non solum in rebus humanis sed etiam in causis diuinis sollicitus maneant... Cfr.: [King 1972: 27, 48–49, n. 5].

²³ См., например, последнее предложение главы о епископах в сочинении Исидора «О церковных службах», DEO II.5.19.

²⁴ In *Gen.* XXIX (1–9). Versus 2172–2215: Duo autem genera principum, qui non recte operabantur in plebe, unum eorum qui oberant, alterum eorum qui nihil proderant (...) Illo enim tempore, quo iam de tribu Iuda regnum defecerat, ueniendum erat Christo uero saluatori domino nostro, qui non obesset, multumque prodesset.

согласуются с известными словами, что королем (*rex*) именуются тот, кто поступает правильно (*recte faciendo/agendo*)²⁵. В свою очередь, задаваемый фигурой Христа критерий *non obesse/nocere* — *prodesse* является ключевым в оценке деятельности короля²⁶ и епископа²⁷, а также судьи²⁸. «Всем быть полезным, никому не вредить» — один из фундаментальных элементов справедливости как основы порядка²⁹, который был одновременно связан с представлениями об общественной пользе (*communis/publica utilitas*) как ключевой составляющей социальных отношений (в виде *utilitas gregis, salus populi* и т. п.)³⁰. Король, епископ или судья — каждый своими средствами (будь то издание законов или силовое принуждение, свершение правосудия, проповедь или отлучение) — должны были устанавливать на земле справедливость, соотносимую с идеальным и гармоничным миропорядком, источником которого представлялся Бог [King 1972: 28 ff.; 1988: 143–144; Биркин 2020b: 94–96, 142, 149–150; Марей 2014: 133–136, 142, 179–190]. Справедливость (*iustitia*) как праведность представлялась также — наравне с благочестием (*pietas*) — важнейшей королевской добродетелью³¹. Вместе с тем только по отношению к королю и епископу Исидор отдельно оговаривает необходимость смирения³², пример которого дает прежде всего Иисус Христос³³.

²⁵ *Etym.* I.29.3: ...Sunt autem etymologiae nominum aut ex causa datae, ut 'reges' a [regendo et] recte agendo...; *Etym.* IX.3.4: Recte igitur faciendo regis nomen tenetur, peccando amittitur. Vnde et apud veteres tale erat proverbium: 'Rex eris, si recte facias: si non facias, non eris.' В определении короля важна религиозная составляющая: тот, кто совершает грех, т. е. нарушает повеления Бога, оскорбляет и отпадает от него, утрачивает королевское достоинство. О понятие *peccatum* у Исидора см.: [Марей 2014: 170–172].

²⁶ *Sent.* III.49.3: ... Prodesse ergo debet populis principatus, non nocere, nec dominando premere, sed condescendendo consulere... Cfr.: [Reydellet 1981: 557–562].

²⁷ В измененном виде *praeesse* — *prodesse*, см.: *Sent.* III.34.5: Plerique sacerdotes suae magis utilitatis causa quam gregis praeesse desiderant, nec ut prosint praesules fieri cupiunt, sed magis ut diuites fiant, et honorentur. Cfr.: Ambr. *De off.* III.9.58–59: ...cum uel sacerdotis uel ministri sit prodesse, si fieri potest, omnibus, obesse nemini. 59. <...> Sacerdotis est igitur nulli nocere, prodesse uelle omnibus.

²⁸ *Sent.* III.52.2: Bonus iudex sicut nocere ciuibus nescit, ita prodesse omnibus nouit.

²⁹ *Diff.* II.156: Nunc partes iustitiae subiciamus. Cuius primum est Deum timere, religionem uenerari, honorem referre parentibus, patriam diligere, cunctis prodesse, nocere nulli...; Cic. *De off.* I.10.31: ...fundamenta iustitiae, primum ut ne cui noceatur, deinde ut communi utilitati seruiatur. Cfr.: Aug. *De ciu. Dei.* 19.14: ...ordinata concordia, cuius hic ordo est, primum ut nulli noceat, deinde ut etiam prosit cui potuerit.

³⁰ Пример, хронологически близкий к рассматриваемому тексту — III *Tolet.* Tomus: Deus omnipotens pro utilitatibus populorum regni nos culmen subire tribuerit... (Colección canónica. Vol. V. P. 54). Cfr.: [Teillet 2011: 352–353, 511, n. 52, 594, n. 64; King 1972: 27–31; Hibst 1990: 70–71].

³¹ *Etym.* IX.3.5.

³² Например, *Sent.* III.41.1: Bonus rector est qui et in humilitate seruat disciplinam, et per disciplinam non incurrit superbiam; *Sent.* III. 49.1: Qui recte utitur regni potestatem, ita praestare se omnibus debet, ut quanto magis honoris celsitudine claret, tanto semetipsum mente humiliet, praepone sibi exemplum humilitatis Daudid. Cfr.: IV *Tolet.* Can. 75: Te quoque praesentem regem futurosque aetatum sequentium principes <...> bonamque uicissitudinem, qui uos constituit, largitori Christo respondeatis regnantes in humilitate cordis cum studio bonae actionis...

³³ *Sent.* II.11.12: Exempla sanctorum quibus aedificatur homo, uarias consecrare uirtutes: humilitatis ex Christo... Фигура Давида предвещает смирение Христа, см.: *Quaest. in VT.* In Regum Primum. 12.2: Per Saulem enim Iudaeorum elatio, per David autem humilitas Christi significatur.

Существовавшая в представлениях людей того времени изоморфность короля и епископа, связанных между собой через фигуру Христа, находит отражение в тексте VPE³⁴, в том числе в антонимичных им образах тирана и плохого епископа. Характерна лексика для описания протезе Леовигильда: арианин Сунна именуется *pseudoepiscopus*, а кафолик Непопис — *pseudosacerdos*³⁵. Эти обозначения выстраиваются в один ряд со словом *tyrannus*: как тиран является наихудшим и дурным королем, а потому уже и не может называться *rex*³⁶, так и плохие пастыри предстают лишь лжеепископами (ср. [Frighetto 1999: 407–418, esp. 408, n. 4, 5]).

Леовигильд-тиран

Обрисовав в общих чертах связь между королем/тираном, с одной стороны, и хорошим/дурным епископом, с другой, возможно кратко остановиться на характеристике Леовигильда, прямо названного в VPE тираном: в сравнении с ним тиранические черты образа Сунны проявляются нагляднее. Тем более что персонаж Леовигильда, являя собой образец отрицательного поведения, играет принципиальную роль в организации агиографического нарратива, построенного, в частности, на контрастах между положительными и отрицательными действующими лицами и на риторике религиозной инаковости [Castellanos 2018: 485–499, esp. 494–496].

Рассматриваемая часть VPE написана, как показал А. Майя [Maya 1994: 167–186, esp. 169–172, 179], по образцу *passiones*: кафолический епископ Масона выступает в роли мученика (точнее сказать, исповедника), а Леовигильд предстает как гонитель из «мученичеств» со всей соответствующей топикой, традиционно связанной с фигурой тирана [Flower 2013: 61–68; Gaddis 2005: 17; Teillet 2011: 550]. В соответствии с жанровой моделью король именуется тираном непосредственно в связи с борьбой со святым Масоной (ср. [Musurillo 1972: 189, n. 5]). Пять раз из восьми Леовигильд обозначается тираном при описании кульминации в противостоянии с епископом меридским — их спора во дворце в Толедо³⁷.

Первые два раза правитель вестготов назван тираном при описании результата первого этапа конфликта с Масоной: святого мужа ни угрозами, ни лестью не удалось склонить к ереси, и в борьбе против свирепейшего тирана он, защищая справедливость, остался непобедим³⁸. При первом же употреб-

³⁴ Например, весьма показательно — учитывая все сказанное — описание пасхального шествия епископа Масоны: одетые в плащи из чистого шелка мальчики сопровождали его, как короля, см.: VPE V.3.12.

³⁵ VPE V.5.8, 11.12, 6.29.

³⁶ *Etym.* IX.3.19: *Iam postea in usum accidit tyrannos vocari pessimos atque inprobos reges...*; *Etym.* IX.3.4: *Recte igitur faciendo regis nomen tenetur, peccando amittitur.*

³⁷ VPE V.6.9, 10, 14, 19, 23.

³⁸ VPE V.4.8–5.1: *Sed uir sanctus nec terroribus frangitur nec blandimentis suaditur, sed forti congressione aduersus atrocissimum tyrannum dimicans pro defensione iustitie persistebat inuictus. 5.1. Conperto dehinc crudelissimus tyrannus quod nec minis neque muneribus uiri Dei animum a recta fide ad sue perfidiam apostatare posset...* Последний раз Леовигильд называется тираном, когда к нему является святая Евлалия, вмешательство которой привело к окончанию конфликта короля и епископа (Масона был возвращен из ссылки), см. VPE V.8.3 ff.

лении в VPE слова *tyrannus* возникает идея, что противостояние тирану связано с защитой справедливости как определенного порядка, который тот своими действиями нарушает. Более того, подведя итоги правления Леовигильда, анонимный автор VPE возвращается к этой теме, используя указанную выше формулу *obesse — prodesse*: Леовигильд не приносил пользы, а больше вредил и губил Испанию, чем правил ей³⁹. Второй раз слово *tyrannus* встречается вслед за первым — в следующем же предложении, в котором дается исчерпывающая характеристика Леовигильда⁴⁰: жесточайший тиран находится во власти дьявола и не просто является сосредоточением зла и пороков, но и его источником (*totus uas ire fomes que uitiorum ac frutex damnationis*)⁴¹. Слова, что тиран был весь сосудом гнева, отсылают к текстам Священного Писания: аллюзия на Рим 9:22 («сосуды гнева, готовые к погибели»)⁴² не только заранее указывает на окончание истории Леовигильда⁴³, но и — в контексте как связи с фараоном из Исхода (Исх 9:13–19), упоминаемым ап. Павлом, так и соответствующей экзегетической традиции [Брэй 2003: 392–394], — свидетельствует о том, что тиран ведет свой народ к погибели⁴⁴. Об этом же говорит и фраза в том же фрагменте, что он предлагал гражданам яд вместо спасения (*pro salute medicamenta mortifera*). Причем слово *salus* подразумевало не только спасение как конечную цель христианской жизни, но и земное благоденствие, включавшее в себя мир и покой, без которых невозможно процветание Церкви [King 1972: 29–30]⁴⁵. Конкретное содержание слов *pro salute medicamenta mortifera* раскрывается в следующем предложении: Леовигильд назначил Сунну в Мериду епископом арианской партии, чтобы посеять в городе гражданскую вражду и привести в смятение народ и его пастыря⁴⁶, что явно контрастирует с тем благоденствием (*salus*), которое было при Масоне прежде⁴⁷.

³⁹ VPE V.9.1: *Igitur quum non prodesset, sed obsesset et magis perderet quam regeret Leouegildus Spaniam...* Cfr.: [Teillet 2011: 543–544].

⁴⁰ VPE V.5.1: *Conperto dehinc crudelissimus tyrannus quod nec minis neque muneribus uiri Dei animum a recta fide ad sue perfidiam apostatare posset, ut erat totus uas ire fomes que uitiorum ac frutex damnationis, cuius obsedebat pectus truculentior hostis et captium in sua ditione tenebat callidissimus serpens, amara pro dulcia, pro lenibus aspera obtulit ciuibus, pro salute medicamenta mortifera.*

⁴¹ О библейских аллюзиях в этой фразе, заимствованной из «Жития Дезидерия», написанного королем Сисебутом, см.: [Martin 1997: 129–130].

⁴² Rom. 9.22: *...uasa irae aptata in interitum...* Августин цитирует этот стих как *uasa irae, quae perfecta sunt in perditionem*, см.: [Wordsworth, White 1941: 112].

⁴³ VPE V.9.1–2: *...ipse a Deo regnum simul cum uita infelicitet perdidit, [2] grauissimo que morbo Dei iudicio correptus uitam fedissimam amisit et mortem sibi perpetuam adquisiuit crudeliter que e corpore eius anima resoluta, perpetuis penis detenta...*

⁴⁴ Впоследствии эта идея отойдет в формулировке *rex perditionis*, примененной по отношению к узурпатору Павлу во второй половине VII в., см.: *Hist. Wamb.* 30. Cfr.: [Teillet 2011: 594, 605–606].

⁴⁵ В ряду с *salus*, *pax* и *quies* стоит *felicitas*, см.: [King 1972: 32].

⁴⁶ VPE V.5.2: *Quendam scilicet uirum pestiferum Arriane hereseos prauitatem per omnia uindicantem, cui nomen erat Sunna, pro seditiosis simultatibus excitandis et pro conturbationem sanctissimi uiri uel totius populi in eadem ciuitatem episcopum Arriane partis instituit.*

⁴⁷ VPE V.2.3–6: *...Dominus... salutem et omnium copiam deliciarum cuncto populo inpartire dignauit <...> [4] ut <...> quodam modo instar celestis gaudii uniuersus populus in terris tanti pontificis meritum congauderet. 5. Omnibus inerat gaudium, cunctis aderat pax, nulli aberat felicitas <...> [6] sine metu uel formidine omnium in Dei laudibus persistebant constanter.* Cfr.: [Pérez Sánchez 2009: 223].

Другие черты Леовигильда, представленные в VPE, также соотносятся с традиционными представлениями о тиране [Craig 2004: 189–192, 200; Dunkle 1967: 153, 168, 170; Stevenson 2009: 174–186, esp. 185–186], описанными, в частности, Исидором в «Этимологиях»⁴⁸: этот король предстает как жестокий, нечестивый, свирепый, безумный, приходящий в бешенство правитель и т. п.⁴⁹

Принципиальна связь Леовигильда с дьяволом — даже до полной их неразличимости⁵⁰: слова и поступки тирана обусловлены его одержимостью⁵¹. Такое изображение Леовигильда обусловлено не просто жанровыми особенностями модели *passio*, ведь оно отражало базовые представления о тирании и власти в целом: как фигура Иисуса Христа выступала моделью поведения короля, источником власти которого был Бог, так и для тирана аналогичную роль играл дьявол [Teillet 2011: 92, 363, 396–397; Castillo Lozano 2019: 189–191; Lunn-Rockcliffe 2007: 146–174, esp. 171–174]⁵².

Отдельно стоит обратить внимание на такую характеристику тирана Леовигильда, как *profanus* (нечестивый, кощунственный, скверный), обычно использовавшуюся для обозначения язычников и еретиков⁵³. Однако этот термин не просто указывал на несходство с истинной религией, а подразумевал ее активную порчу и искажение, принципиальную ей чужеродность обозначенного явления или человека, которого требовалось исключить из всего христианского сообщества, порядок которого он нарушает [Beatrice 2005: 141; Stachura

⁴⁸ Тиран жесток (*inmitis*), кровожаден (*crudelis*) и нечестив (*impius*), стремится единовластием (*dominatio*), склонен к гневу и т. д., см.: *Etym.* I.31.1: *rex modestus et temperatus, tyrannus vero crudelis*; *Etym.* II.19.7: *rex est modestus et temperans, tyrannus vero impius et inmitis*; *Etym.* IX.3.20: *Iam postea in usum accidit tyrannos vocari pessimos atque improbos reges, luxuriosae dominationis cupiditatem et crudelissimam dominationem in populis exercentes*; *Diff.* I.49: *...modestus qui nec laesus irascitur...* Кроме того, обозначение «тиран» подразумевает противодействие Богу, см. *Etym.* VII.6.22: *Nembroth interpretatur tyrannus. Iste enim prior arripuit insuetam in populo tyrannidem, et ipse adgressus est adversus Deum impietatis aedificare turrem.* См. также: [Orlandis 1959: 5–43, esp. 6–9; Barbero de Aguilera 1970: 262–266; Castillo Lozano 2019: 59–60].

⁴⁹ *atrocissimus* (V.4.8; 6.9), *crudelissimus* (V.4.2; 5.1; 6.25; 8.7), *impius/impiissimus* (V.5.13, 6.24, 8.3), *insanissimus* (V.6.11, 19; 8.6), *in furore uesanie uersus* (V.6.19), *raptus in furore* (V.4.7), *rauidus canis* (V.6.9) *seuissimus* (V.4.2); *cepit rauido ore rauidioribus aduersus Dei famulum infrendere latratibus* (V.6.11); VPE V.6.9: *plurimis eum rex lascessans conuiciis* (V.6.9) etc.

⁵⁰ Однажды устами Леовигильда с Масоной говорит сам дьявол, см. VPE V.6.15: *...ac sic uacui ad regem suum redierunt. Quod quum ei renuntiarent, acrius infrendere cum dentium stridore contra uirum Dei diabolus cepit.*

⁵¹ VPE V.4.2–3: *...draco immanissimus (...)* eiusdem principis animum uirus uipereum sauciaret et poculum uenenatum eius in uisceribus transfuderet. 3. Cuius et poculi letalis austu protinus consilio diabolico armatus, stimulante inuidia...; VPE V.5.1: *...cuius obsedebat pectus truculentior hostis et captiuum in sua ditione tenebat callidissimus serpens...*; VPE V.6.23: *Tum deinde spiritus nequam extemplo noxialibus uerbis os sacrilegum tyranni conuiciis semper armatum reserauit...*

⁵² В этом отношении показательны слова Масоны, обращенные к Леовигильду: «Si regem, ecce regem quem timere oportet; nam non talem qualis tu es» (VPE V.6.22).

⁵³ Первые подобные свидетельства такого словоупотребления встречаются уже в сочинениях Тертуллиана и Киприана, а наиболее явно проявляются во второй половине IV в., что особенно хорошо видно в Кодексе Феодосия и текстах Аврелия Августина, см.: [Welchering 1984: 72–76; Beatrice 2005: 139–148; Belayche 2007: 38; Stachura 2007: 44–45; De Souza 2010: 68–70; Bourgain 2020: 16–17].

2007: 44, 49; De Souza 2010: 68–69; Bourgain 2020: 18–19, *passim*]. Даваемое Исидором определение в целом соответствует традиции: *profanus* — тот, кому нельзя участвовать в священнодействиях, так как он может их осквернить⁵⁴. Наглядно демонстрируют смысл слова *profanus* два канона IV Толедского собора. Один из них предписывает предавать анафеме любого христианина (епископа, клирика или мирянина), который будет помогать иудеям против христианской веры⁵⁵. Иудеи предстают как члены *corpus Antichristi* и потому противопоставлены соотнесенной с Царством Божьим Кафолической церкви как телу Христову. Отлучаемый становится им чужд именно как *profanus et sacrilegus* и враг Христа. Аналогичным образом используется рассматриваемое слово в 75-м каноне — в третьем анафематствовании тех, кто будет действовать против короля. Такой человек будет предан анафеме и станет посторонним для Церкви, которую осквернил нарушением клятвы, а для всего сообщества христиан — чуждым, а потому будет осужден на вечные страдания вместе с дьяволом и ангелами его⁵⁶. В тексте VPE словом *profanus* охарактеризован уже упоминавшийся епископ Непопис, который в том же месте называется слугой дьявола, ангелом Сатаны и предвестником Антихриста⁵⁷. Учитывая все сказанное, профанное — крайняя противоположность сакральному: это область действий дьявола и демонов и борьбы с Богом и таким образом сфера полной десакрализации⁵⁸.

Характеристика Леовигильда словом *profanus* и последующий эпизод слияния фигур тирана и дьявола встречаются в тексте именно в том месте, где описывается максимальное вторжение короля-еретика в сакральную сферу Мерида — попытку силой завладеть туникой святой Евлалии. Леовигильд характеризуется как *profanus tyrannus*, когда после первого отказа Масоны добровольно отдать реликвию король посылает людей, чтобы они отыскиали ее

⁵⁴ *Etym.* X.224: ...Profanus, quasi porro a fano. Sacris enim illi non licet interesse...; *Diff.* I.83: ...profanus autem cui sacris non licet interesse. De quo Sallustius: «Sakra polluet profanus». Profanus ergo porro, id est longe a fano... Cfr. [Codoñer Merino 1992: 330–331].

⁵⁵ IV *Tolet.* Can. 58: ...multi quippe hucusque ex sacerdotibus atque laicis accipientes a Iudaeis munera perfidiam eorum patrocinio suo fouebant, qui non immerito ex corpore Antichristi esse noscuntur, quia contra Christum faciunt. Quicumque igitur deinceps episcopus siue clericus siue saecularis illis contra fidem Christianam suffragium uel munere uel fauore praestiterit, uere ut profanus et sacrilegus anathema effectus ab ecclesia catholica et regno Dei efficiatur extraneus, quia dignum est ut a corpore Christi separetur qui inimicis Christi patronus efficitur.

⁵⁶ IV *Tolet.* Can. 75: ...Quicumque amodo ex nobis uel cunctis Spaniae populis qualibet meditatione uel studio sacramentum fidei suae, quod pro patriae salute gentisque Gotorum statu uel incolomitate regiae potestatis pollicitus est, uiolauerit (...) anathema sit (...) atque ab ecclesia catholica, quam periurio profanauerit, efficiatur extraneus et ab omni communione Christianorum alienus, neque partem iustorum habeat sed cum diabolo et angelis eius aeternis suppliciis condemnatur...

⁵⁷ VPE V.6.29: Post hec subrogatur ei pseudosacerdos Nepopis quidam nomine atque in locum uiri Dei in Emeretensem urbem substituitur, homo namque profanus, seruus sane diaboli, angelus Satane, prenuntius Antixpi... Ср. с упомянутой выше формулой *minister Dei*.

⁵⁸ Ее одновременно можно рассматривать как своего рода «обратную сакрализацию» (являвшееся для язычников сакральным для христиан было профанным, см.: [Markus 1985: 85], и наоборот, см.: [Beatrice 2005:165] и демонизацию, ср. [Beatrice 2005: 142, 146, 148].

в сокровищницах базилики святой Евлалии или главного храма и доставили в Толедо. Когда же тунику нигде не смогли найти, уже сам дьявол говорит через Леовигильда⁵⁹. Обладание этой святыней становится главным предметом спора между епископом и королем. Так и не получив ее, тиран приговаривает Масону к ссылке⁶⁰.

Описанные действия короля-тирана являются максимально разрушительным воздействием на сакральное пространство Мериды потому, что именно главный храм (*ecclesia senioris*) и церковь святой Евлалии (*ecclesia sanctae Eolalie*) с соответствующими реликвиями (частица мощей, туника) представляли собой две ключевые точки на оси сакрального пространства города, вокруг которой выстраивалась вся социальная жизнь Мериды [Díaz 2010: 68–73, *passim*].

Култ святых был зримым воплощением разрушения барьеров «между небесами и землей, божественным и человеческим, живыми и мертвыми», и слом этих границ стал в значительной мере определять мирозерцание людей поздней античности [Браун 2004: 34]. Одним из организующих принципов социальной жизни стала идея «наше жительство (*πολίτευμα, municipatus / conversatio*) — на небесах» (Флп 3:20), имевшая эсхатологическую перспективу, но игравшая в жизни людей той эпохи большую роль «здесь и сейчас»: церковь считалась уже находящейся в Царстве Небесном⁶¹. Более того, названная идея задает понимание всего «Жития Масоны»: текст начинается с рассказа о смерти епископа Меридского Фиделя и наследовании ему Масоны, и в этом описании, неслучайно оказывающемся в самом начале повествования, подчеркиваются связь неба и земли и уподобление небесных и земных граждан⁶².

В таком социальном пространстве связь между святыми местами, мощами и реликвиями святого и другими элементами города, определявшими идентичность сообщества, задавал епископ [Castellanos 1996a: 77–90, esp. 78–83; 1996b: 5–21, esp. 15–19], который, как тайносовершитель и распорядитель культа святого, обеспечивал небесную перспективу в жизни христианской общины. Поэтому ссылка Масоны, подобно изъятию важнейшей святыни, является аналогом профанации всех остальных сакральных составляющих города, в результате чего рвалась связь земли и небес. Именно поэтому изгнание пастыря привело к нарушению порядка и мира в Мериде, на которую обрушились разного рода беды. И концентрация употреблений слова *tyrannus* в описании спора Леовигильда и Масоны связана не только с жанровым влиянием *passio*, но в первую очередь с тем, что речь фактически шла о десакрализации *ciuitas*.

⁵⁹ VPE V.6.14–15.

⁶⁰ Нередко этот эпизод, с одной стороны, трактуется как пример борьбы за ресурсы базилики святой Евлалии и соответствующий авторитет «импресарио» культа святого (пользуясь выражением П. Брауна), а с другой — рассматривается в более широком контексте соперничества Мериды и Толедо, в том числе за престиж покровительства широко известной святой, см., например: [Collins 1980: 189–219].

⁶¹ VI *Tolet. Can. 1*: ...Hac fide corda purificantur, hac haereses exstirpantur, in hac omnis ecclesia collocata iam in regno caelesti et degens in saeculo praesenti gloriatur...

⁶² VPE V.1.2: Prodeessore nimirum adstrigeris ciuibus conserto in celis, successoris manne dulcedo eius que insigne meritum cunctorum ciuium merorem liniuit in terris...

Итак, образ Леовигильда — с учетом жанровых особенностей рассматриваемого сочинения — воплощает в концентрированном виде позднеантичные воззрения на тиранию, тесно связанные с представлениями об обществе и власти. Поэтому набор черт тирана, определяющий его как гневливого, жестокого, безумного и нечестивого правителя, важен не сам по себе, а в его связи с фигурой дьявола и демоническими силами. В свою очередь, последняя характеристика объясняет принципиальную чуждость тирана по отношению к «полностью сакральному обществу»⁶³. Его согласие, благоденствие и справедливый социальный порядок, соотношенные с идеальным божественным мироустройством, разрушаются тираном именно потому, что он, по сути являясь членом *corpus Antichristi*, через профанирование и десаκραлизацию уничтожает самые основы христианского сообщества.

Лжеепископ Сунна и *tyrannis*

Появление в тексте VPE Сунны сопровождается исчерпывающей характеристикой, которая задает координаты для дальнейшего восприятия этой фигуры. Среди прочего, из-за его защиты арианской ереси и покровительства ей⁶⁴ он в соответствии со словоупотреблением того времени [Opelt 1973: 207, 216; Stachura 2018: 200–206]⁶⁵ называется вредным и несущим погибель (*funestus, pestifer*).

Вместе с тем названные слова увязывают описываемого персонажа с темой тирании. Так, еще в республиканскую эпоху термин *pestifer* использовался по отношению к мятежнику или политику, стремящемуся к единовластию и наносящему вред полисному единству [Opelt 1965: 138–139]⁶⁶. В христианскую эпоху такое словоупотребление получило дальнейшее развитие [Maranesi 2018: 74–77]. В этом отношении особенно показательно письмо Тайона, епископа Сарагосы, написанное между 653 и 666 гг.: в нем как *homo pestifer* обозначен мятежник Фройя (*tyrannidem summens*)⁶⁷, борьба с которым представлена как противостояние Иерусалима и Вавилона, Бога и дьявола.

С дьявольскими и демоническими силами связано третье коннотативное поле слов *funestus* и *pestifer*. Так, по словам Исидора, христианин должен избегать магии (*ars daemonum*), потому что она возникла из пагубного сотрудничества (*pestifera societate*) людей и злых ангелов⁶⁸. Словосочетанием *funesta sacrificia* в «Этимологиях» обозначены некромантские практики, посредством которых ворожеи получают ответы демонов⁶⁹. Более того, в тексте, который оказал значительное влияние на автора VPE, — «Житии святого Дезидерия» —

⁶³ Об этой формулировке А.-И. Мэппи см.: [Markus 1990: 16; 2016: 12].

⁶⁴ VPE V.5.2–3: Quendam scilicet uirum pestiferum Arriane hereseos prauitatem per omnia uindicantem, cui nomen erat Sunna [...] eadem ciuitatem episcopum Arriane partis instituit, [3] uirum denique dogmatis peruersi fauctorem, hominem funestum...

⁶⁵ Cfr.: XIV *Tolet. Can.* 1. В VPE V.11.14 арианская ересь обозначена как *pestifer morbus*, но вместе с тем это словосочетание предполагает и иные, более широкие коннотации.

⁶⁶ Слово *funestus* нередко появляется в контексте тирании и жестокого правления как на рубеже эр [Opelt 1965: 167], так и в эпоху Поздней империи [Escribano 1997: 104].

⁶⁷ Taio Caes. *Ep. ad Quiricum Barcinonensem*. 5. Cfr.: *Hist. Wamb.* 11.

⁶⁸ *Etym.* VIII.9.31.

⁶⁹ *Etym.* VIII.9.16. См. также: [Klingshirn 2003].

к злему духу, овладевшему клеветницей Юстой, использовано прилагательное *funestus*⁷⁰.

Все оттенки смысла слова *funestus* соотносятся с его ключевым значением ‘оскверненный’, которое рефлексировалось в рассматриваемую эпоху. В «Дифференциях» Исидор пишет, что *funestus* означает «нечистый (*pollutus*) от похорон», и потому, например, оскверненный прислужник (*funestus famulus*) не может совершать священнодействия (*sacra peragere*)⁷¹, т. е. участвовать в богослужении. Судя по всему, это утверждение не столько отсылает к языческим практикам прошлого, сколько актуализирует именно христианский контекст⁷². Таким образом, самые первые слова, касающиеся Сунны, помещают этого персонажа вне сакральной сферы, отсылая одновременно к теме тирании.

О тирании Сунны прямо сказано лишь один раз⁷³, при этом слово *tyrannus* и однокоренные прилагательные по отношению к нему не используются. Однако он обладает таким набором черт, который соответствует риторической модели тирана. Сунна ужасен видом, гневлив, безумен, косноязычен, горд⁷⁴.

Гордость в римской риторической традиции предстает как присущий тирану порок, приводящий в конце концов к разобщению гражданского коллектива. В христианской перспективе с этим пониманием контаминируется представление о гордыне как причине грехопадения, разрушения божественного порядка и возникновения града земного, исключительно к которому принадлежит гордец, подражающий гордыне дьявола. Гордыня, обращающая даже имеющиеся добродетели в пороки, исключает человека из сферы сакрального [Биркин 2020а: 273–277]. Характерно, что в текстах того времени эффект, оказываемый гордыней на человека, мог уподобляться действиям тирана и именоваться *morbus pestifer*⁷⁵, что маркирует описанное выше понимание этого порока.

Как в «Сентенциях» Исидора Севильского гордость видится одной из наиболее важных черт дурного епископа, так и для образа Сунны она является ключевой характеристикой, что особенно заметно — в том числе на уровне используемой лексики — в сравнении с Масоной. Его подробное описание в начале текста представляет собой образцовую совокупность добродетелей и определяет шкалу оценок, через явное или подразумеваемое соотнесение с которой описываются практически все остальные персонажи. Так, епископ

⁷⁰ *Vit. Desid.* 9: ...spiritus malignus inuasit omnesque copias falsitatum <...> a domicilio rursus idem uernulo funesto nimis exegit...

⁷¹ *Diff.* I.315.

⁷² По замечанию К. Кодоньер Мерино, в ряде рукописей после *famulus* добавлено слово *Dei*; само словосочетание *sacra peragere* в паре с *famulus* имеет христианские коннотации [Codoñer Merino 1992: 382].

⁷³ VPE V.11.13: ...sed pristinam non amittens tyrannidem...

⁷⁴ *uultu teterimus, frons turbida, truces oculi* (распространенный физиогномический признак), *aspectu odiuiliis* (VPE V.5.2); *turbulenta ira pestiferi, tempestas insanientis perdit* (V.6.2.); *turgidus que fastu superuie* (V.5.13); *strepentia, aspera, scabra et obscenosa uerba* (V.5.14). Другие примеры см. ниже. Не все перечисленные черты являются обязательными для тирана, но стоит отметить, что в той или иной комбинации, в том числе с тираническими устремлениями, они предстают распространенными топосами в римских инвективах, см.: [Craig 2004: 187–213, esp. 189–192].

⁷⁵ Например, *Mor.* XXXIV.23.48; *Inst.* XII.3.1–2; 4.1; 29.2.

Мериды, как и положено пастырю, не становился напыщенным и надменным из-за преходящего процветания, и не возносила его гордыня, противница всех добродетелей, — Масона всегда сохранял настоящее смирение⁷⁶. Значительная часть первого в тексте описания Сунны посвящена чертам, говорящим о его гордыне, из-за которой, очевидно, он и был лишен всех добродетелей⁷⁷.

Сунна, порочный и из-за гордыни находящийся в плену мирских отношений, был просто не способен выполнять епископское служение, поэтому, в частности, он охарактеризован как *pseudoepiscopus*. Как отмечалось выше, фигуры лжеепископа и тирана изоморфны. В связи с этим необходимо отметить совпадение ряда черт и Сунны, и Леовигильда. Они оба гневливы⁷⁸ — это общая для тирана и дурного епископа характеристика, которая лишает сакрального статуса (применительно к клирику) и ведет к отпадению от Бога [Биркин 2020а: 270–273]. В связи с последним моментом важно, что оба персонажа, обреченные на вечную смерть⁷⁹, действуют по дьявольскому наущению⁸⁰.

Связь между Сунной и Леовигильдом прослеживается и на уровне прилагаемой к ним библейской образности. Так, король-арианин опосредованно связан с фигурой фараона из Исхода; Сунна прямо с ним сравнивается: побежденный в споре с Масоной, еретик упорно оставался в старой вере, поскольку древний враг по дозволению Божьему ожесточил, как у фараона, его каменное сердце⁸¹. Выбор именно этого образа для сравнения не случаен, поскольку вновь отсылает к ключевым топосам, связанным с темой тирании. Во-первых, библейский фараон мог восприниматься как тиран⁸². Во-вторых, в аллегорическом ключе он мог толковаться как образ дьявола, который попытался погубить народ Божий (*populum Dei perdere*) через пленение веком сим⁸³. Соотнесенная с фараоном фигура (и тиран, и дьявол), очевидно, противостоит Иисусу

⁷⁶ VPE V.3.13–16: ...cuius cor in tanta opulentia et gloria transitorie prosperitatis gaudio numquam fuit turgidum nec inflatum. 14. Nimirum humilis animus <...> nec prosperitate erigebatur. 16. Non illum cunctis inimica elatio uirtutibus extulit, sed in omnibus humilitatem sinceram sincero conseruabit sacratissimo cordis affectu.

⁷⁷ VPE V.5.3: ...forinsecus turgidus, intrinsecus uacuuus, extrorsus elatus, introrsus inanis, foris inflatus, interius cunctis uirtutibus euacuatus...

⁷⁸ В частности, это выражается в их нападках с бранью на Масону. О Леовигильде см. примеч. 52. Сунна — VPE. V.5.5: ...contra Dei famulum ruidos oblatrare sermones et uerbis strepentibus conminantes spurcissimas euomere uoces. VPE. V.5.6: Sed seruum probatissimum Dei nec comminatio furciferi fregit nec turbulenta ira pestiferi emolliuit nec tempestas insanientis perdit deflexit...

⁷⁹ VPE V.5.2, 9.2.

⁸⁰ VPE V.4.3: Cuius et poculi letalis austu protinus consilio diabolico armatus, stimulante inuidia... (о Леовигильде); VPE V.5.5: ...sauciatu que de eius poculis letalibus... (о Сунне); VPE V.10.1: Sunna namque Gotus episcopus <...> irritatus a diabolo quosdam Gotorum nobile genere <...> consilio diabolico persuasit eos... (о Сунне).

⁸¹ VPE V.6.1: ...in pristinam fidem perdurauit; nec poterat... ad portum properare salutis, cuius cor lapideum instar Pharaonis antiquus permittente Deo induraberat hostis.

⁸² См., например: Paulinus Nolanus. *Carm.* 22.91; 26.35; Cyprianus Gallus. *Heptateuchos. Liber Iudicium.* 102–104.

⁸³ *Allegoriae* 57: Pharaon figuram habuit diaboli, qui huius saeculi captiuitate populum Dei perdere et terrenis uitiorum operibus praegravare tentauit. Cfr.: *Quaest. in VT.* In Exodum. 3.

Христу, который, по словам Тертуллиана, освободил христиан от плена века сего⁸⁴. Как подчеркивает Исидор, христиане крестным знаменем спасаются от гибели (*perditio*) века сего, как из египетского плена⁸⁵. В описании пагубной деятельности, связанной с образом фараона и соотносимыми с ним персонажами, особенно характерна связь с секулярным в подразумеваемой оппозиции с сакральным, что вновь отсылает к упомянутой выше теме десакрализации. Показательно описание кончины Леовигильда: оставив Бога и сам им оставленный, он потерял/погубил королевство вместе со своей жизнью⁸⁶. Словосочетание *regnum perdere* явно рифмуется с *populum Dei perdere*, а причина такого исхода — оставление Бога, которое лежит в основе действий по профанации сакрально понятого сообщества (и отдельной общины, и их совокупности как королевства в целом). Такое понимание библейской фигуры фараона, как и элементы лексики, используемой при его характеристике, согласуется с восприятием тирана как правителя, чуждого сфере сакрального и ведущего народ к гибели. То же в целом приложимо и к Сунне, уподобляемому фараону.

Деятельность Сунны оказывает деструктивное воздействие на сообщество Мерида, разрушающее прежде всего его единство. Как отмечалось выше, появление лжеепископа в городе предполагало возникновение вражды, ведущей к мятежу (*seditiones simulantes*), и смятение (*conturbatio*) народа⁸⁷. Выбор столь сильной лексики более чем показателен. Так, термин *seditio*, как и однокоренное прилагательное, указывает на распрю между гражданами и в конечном итоге гражданскую войну⁸⁸. Какое-либо выступление против общественного порядка⁸⁹, как и любое насильственное действие против магистратов [Berger 1953: 694] и представителей власти, рассматривалось как *seditio*. И не случайно 75-й канон IV Толедского собора связывает *seditio* с захватом трона и убийством короля⁹⁰. Собственно, все это можно наблюдать и в VPE — в частности, кульминацией деятельности арианского епископа станет заговор с целью убийства Масыны. Слово *conturbatio* также имело коннотации мятежа, измены и раскола⁹¹.

Разлад, внесенный Сунной в жизнь Мерида, выражается среди прочего в том, что в общественных местах его сопровождают немалочислен-

⁸⁴ Tert. *De idololatria*. 18.5: ...Christi, qui te etiam captivitate saeculi liberavit... Тертуллиан — важный для писателей вестготской Испании автор, см., например: [Díaz y Díaz 1975: 141–142].

⁸⁵ DEO I.32 (31).1: ...cuius signo crucis signatis frontibus nostris, a perditione huius saeculi tanquam a captivitate Aegyptia liberamur.

⁸⁶ VPE V.9.1: ...deserens usquequaque Deum, ymmo derelictus ipse a Deo regnum simul cum uita infelicitate perdidit.

⁸⁷ VPE V.5.2: ...uirum pestiferum <...> cui nomen erat Sunna, pro seditionibus excitandis et pro conturbationem sanctissimi uiri uel totius populi in eadem ciuitate episcopum Arriane partis instituit.

⁸⁸ Diff. I. 421 (563); Etym. XVIII.1.3, 6–7.

⁸⁹ CTh. IX.33.1 (= Brev. IX.23.1).

⁹⁰ IV Tolet. Can 75: Nullus apud nos praesumptione regnum arripiat, nullus excitet mutuas seditiones ciuium, nemo medietur interitus regum...

⁹¹ LI II.1.6: ...quispiam infra fines patrie Gothorum quamcumque conturbationem aut scandalum in contrarietatem regni nostri vel gentis facere voluerit...

ные группы людей⁹², упоминания о которых вместе с тем лишены описания единства, характерного для народа при появлении Масоны⁹³. Наконец, VPE говорит и о непосредственных действиях Сунны: он отделил от лона Кафолической церкви некоторых представителей готской знати и множество народа⁹⁴.

Все эти свидетельства можно интерпретировать так, что появление лжеепископа обострило конфликты меридского сообщества, которые до того были сглажены. При этом нужно отметить простой, но принципиальный момент: даже в относительно крупном по тогдашним меркам меридском сообществе, численность которого согласно самым смелым расчетам составляла максимум 20 тысяч человек [Osland 2011: 68], обострение разногласий и возникновение противоборствующих партий переживалось особенно остро. Эффект от таких противоречий усиливался также из-за того, что они, быстро приобретая гласность, могли в любой момент перейти в открытую фазу: именно в публичной сфере улицы и других общественных пространств проходила вся социальная жизнь позднеантичного города, ритм которой задавала церковная жизнь [Díaz 1997: 331–340]. В связи с этим нарушение в привычном функционировании социального пространства виделось как крушение всего сакрального городского микрокосма, просецируемого одновременно на макроуровень. И потому существование жителей Мериды во время отсутствия Масоны, подлинного пастыря, описывается в катастрофических тонах (голод, мор и беспорядки в городе)⁹⁵.

В рамках этого контекста понятна и фигура ставленника Леовигильда на место Масоны — Непописа, который, хотя и был кафоликом, тем не менее назван лжеепископом (*pseudosacerdos*). Показательно его противопоставление всему клиру и народу, который изгнал его из Мериды⁹⁶. Фраза «*ab omni clero uel populo*» согласуется с формулировками 19-го канона IV Толедского собора об избрании епископа: им может быть только тот, кого выбрали по воле всего

⁹² Например: *cum innumerabile multitudo populi* (VPE V.10.2), *cum ingentibus caterbis populi* (VPE V.10.9). См. также: VPE V.5.13: *Tandem Arrianus episcopus una cum iudicibus septus cateruis populi turgidus que fastu superuie ingressus est. Tum deinde, residentibus episcopis, residerunt et iudices, illi quam maxime qui erant fauctores Arriane partis et impiissimi regis*. Немаловажно указание на судей, сторонников арианской партии, как свидетельство формирования противоположных фракций в Мериде. Ср. [Castellanos 2003: 403 ff.].

⁹³ Вот лишь несколько примеров из множества, относящихся к времени уже после появления в городе Сунны, поскольку основная их часть сконцентрирована при описании предшествующего благоденствия Мериды. VPE V.5.8: *Cui quum sanctus Masona episcopus uel uniuersus cum eo populus resisteret...*; VPE V.5.22. *Deinde ad basilicam gloriose uirginis Eolalie una cum uictore antistite Masona unanimiter perrexerunt...*; VPE V.6.6: *... quum subito sanctissimus uir Masona episcopus (...) ad exilium duceretur, omnium uox ciuium Emeretensis ciulato magno (...) prestrebebant...*; VPE V.6.16: *...sic quum immenso gaudio gaudentibus cunctis ad urbem peruenit; VPE V.6.18: Ita nimirum ecclesia Emeretensis exultans summa cum iucunditate suum gubernatorem recepit.*

⁹⁴ VPE V.10.2: *...eos [Goti nobile genere / comites ciuitates] que de catholicorum hagine ac gremio catholice ecclesie cum innumerabile multitudo populi separauit...*

⁹⁵ VPE V.8.19: *...calamitatum penurias et crebras pestilentie clades insolentes que totius urbis procillas sancti uiri presentia Domino miserante suspendit, quas indubie remoto pastore causa eius absentie pressit.*

⁹⁶ VPE V.8.10: *Ipse uidelicet Nepopis infeliciter ab omni clero uel populo pulsus ab Emerita ad suam ciuitatem festinus perrexit.*

духовенства и граждан (города)⁹⁷. В свою очередь, единоличное поставление епископа вело к установлению тиранической власти (*tyrannica auctoritas*), направленной против веры единой церкви⁹⁸. И именно такое назначение Непописа частично объясняет «тираническую» риторику, используемую при его описании. С другой стороны, для автора VPE предельно важно, что Непопис был епископом другого города, о чем говорится всякий раз, когда о пришельце заходит речь⁹⁹. Ведь перевод или переход из другой епископии являлся нарушением канонического права, прежде всего 15-го канона Никейского собора, согласно которому такая практика является причиной смутений и междоусобных беспорядков (*perturbationes, tumultus seditionis*)¹⁰⁰, что было неизбежно при появлении пришлых элементов в ядре таких малых локальных сообществ, какими было большинство позднеантичных городов. Нельзя не обратить внимания на сходство этой лексики с описанием появления Сунны в Мериде. Наконец, отмеченная метафизическая чуждость тирана и изоморфных фигур, обозначаема, в частности, словом *profanus* (а именно так охарактеризован Непопис), в тексте VPE соотносится с инородностью реальной: в Мериде нового епископа, прибывшего из чужих краев, никто не знал¹⁰¹. Вместе с тем само такое выделение метафизического и реального аспектов чуждости рассмотренных фигур весьма условно и нерелевантно описанному социальному пространству.

Специфика функционирования социального пространства в Мериде, как говорилось выше, была задана сакральной осью между главным храмом и базиликой святой Евлалии; его неотъемлемыми элементами являлись и другие церковные здания. Поэтому первоочередные действия Сунны связаны с санкционированным королем захватом ряда базилик¹⁰²; главной же целью было овладение базиликой святой Евлалии¹⁰³. Встретив сильное сопротивление на месте, Сунна спровоцировал ссылку Масоны, поводом для которой стал его донос королю против своего соперника¹⁰⁴. Эти действия, подобно королевской попытке отнять тунику святой, можно интерпретировать как интервенцию в сферу сакрального, и во многом поэтому Сунна описывается как тиран.

⁹⁷ IV *Tolet. Can.* 19: Sed nec ille deinceps sacerdos erit, quem nec clerus, nec populus propriae civitatis elegit, vel auctoritas metropolitani vel provincialium sacerdotum assensio exquisivit <...> Cum omnium clericorum vel civium voluntate ab universis conprovincialibus episcopis aut certe a tribus in sacerdotio die dominica consecrabitur...

⁹⁸ DEO II.5.11.

⁹⁹ VPE V.6.29: ...homo namque profanus, seruus sane diaboli, angelus Satane, prenuntius Antixpi et hic erat aliene ciuitatis episcopus; VPE V.8.8: Nepopis <...> ad propriam urbem, in qua antea fuerat episcopus, fugere nitebatur.

¹⁰⁰ *Conc. Nicaenum. Can.* 15: Propter multas perturbationes et frequentes tumultus seditionum quae fieri solent, placuit omnimodo abscidi istam consuetudinem quae contra regulam est, si ubi tamen fit, id est: ne de ciuitate ad ciuitatem transeat uel episcopus uel presbyter uel diaconus (*Hispana. Vol. 3. P. 74*). Cfr.: *Conc. Antiochenum. Can.* 13, 21 (*Hispana. Vol. 3. P. 144–145; 148*), *Conc. Chalcedonense. Can.* 5 (*Hispana. Vol. 3. P. 252*).

¹⁰¹ Что касается Сунны, то, судя по эпиграфическим данным, он мог происходить из Лузитании, главным городом которой и была Мерид, см.: [Velázquez 2008: 117, n. 19].

¹⁰² VPE V.5.4: Hic iam dictus perfidie auctor dum in urbem Emeritensem adueniens quasdam basilicas cum omnibus earum priuilegiis, precipiente rege, sublatas ausu temerario de potestate proprii pontificis sibimet adgrediens usurparet.

¹⁰³ VPE V.5.7: ...fretus labore regio basilicam sanctissime uirginis Eolalie passim adgredi nitebatur, ut eam sublatam de proprii episcopi potestate Arriane heresi dedicaret.

¹⁰⁴ VPE V.6.2.

Аналогичным образом возможно рассматривать заговор против Масыны уже после его возвращения в родной город и последовавших вскоре смерти Леовигильда и обращения Реккареда. Как и ссылка Масыны, его убийство стало бы профанацией социального пространства Мерида, лишением его ключевого элемента и послужило бы полной дезинтеграции всей жизни Церкви. И в этом отношении показателен заранее раскрытый план покушения на Масыну, который предполагалось осуществить, если первая попытка окажется неудачной. Замысел заговорщиков состоял в том, чтобы напасть на Масыну у ворот города, где после пасхальной службы в главном храме должна была проходить в сторону базилики святой Евлалии поющая псалмы процессия со всем кафолическим народом¹⁰⁵. Эта затея вполне могла иметь тактические преимущества, но на первый план выступают не они. Осуществленное таким образом убийство Масыны отвечало бы специфике социальной жизни города, вынесенной в публично-сакральное пространство, где такой акт тиранического террора приобретал дополнительную силу: это действие стало бы зримым разрушением сакральной оси города.

Конечно, объяснение деструктивного влияния Леовигильда и Сунны можно было бы просто свести к тому, что они являлись еретиками, которые по определению вносят раскол в христианское сообщество. Ту же причину можно усмотреть и в выборе автором VPE тех или иных слов при их описании, которые вполне укладываются в соответствующую литературную традицию¹⁰⁶. Но данные риторика и система образов, как и лежащие в их основе представления, не функционируют так однолинейно. Ярким тому свидетельством являются заимствования VPE из «Жития Дезидерия»¹⁰⁷. Так, значительная часть описания правителей франкской Бургундии — кафоликов Теодориха и Брунгильды — перенесена на арианина Леовигильда¹⁰⁸, меньшая — на Сунну¹⁰⁹. Сама характеристика Сунны практически совпадает с изображением толпы, которая, спровоцированная Брунгильдой и Теодорихом, убила святого Дезидерия¹¹⁰. По отношению к Непопису использована во многом та же лексика, что и в случае с Домнолом, поставленным епископом вместо Дезидерия¹¹¹. Таким образом, эти риторические клише закреплены за более или менее функционально соответствующими персонажами. Примечательно, что характеристика неорганизованной, несущей разрушение толпы из «Жития Дезидерия» в VPE применена к лжеепископу Сунне: эффект от действий обоих авторов одинаков. Эти текстологические совпадения демонстрируют, что рассмотрен-

¹⁰⁵ VPE V. 11. 2–3: ...Hanc uero dispositionem habent, ut quum ex more in Pascha hic celebraberitis missam in eclesia seniore et post missa, iuxta quod mos est, ad basilicam sancte Eolalie psallendo cum omni catholico populo processeritis, [3] homines eorum ad portam ciuitatis cum multis plaustris honustis gladiis et uectibus dissimulata calliditate, quasi frumenta deferant, staturi sunt; quum que uos inermes simpliciter processeritis, omnis eorum repente super uos inruat multitudo arreptis que gladiis uel fustibus omnes pariter, uiros ac mulieres, senes uel paruulos, crudeli morte interimant.

¹⁰⁶ См., например: [Howe 2007:183–228, 255–263].

¹⁰⁷ Написано около 615 г. вестготским королем Сисебутом (612–621).

¹⁰⁸ Cfr.: VPE V.5.1, 9.1. — *Vit. Desid.* 15 (Vers. 190–194, 181–185).

¹⁰⁹ Cfr.: VPE V.5.2, 6.1. — *Vit. Desid.* 15 (Vers. 194–198).

¹¹⁰ Cfr.: VPE V.5.2 — *Vit. Desid.* 18 (Vers. 239–244).

¹¹¹ Cfr.: VPE V.6.29 — *Vit. Desid.* 4 (Vers. 66–68). Фраза *seruus sane diaboli* заимствована из *Vit. Desid.* 18 (Vers. 243).

ная выше топика не сводится к традиционному описанию еретиков. Вне этого широкого контекста, предполагающего наложение разных смысловых пластов, слова о тирании Сунны возможно трактовать лишь технически — в результате понимание этого персонажа и связанных способов описания социальной действительности останется заведомо неполным.

Слова *pristina tyrannis* метонимически описывают сам образ лжеепископа Сунны, его нравы и характер, совокупность его действий в целом и их губительный эффект. Более того, Сунна фактически сам объясняет, почему не отказывается от своей прежней тирании. Лжеепископ дважды повторяет, что он не знает, что такое покаяние¹¹², которое по предложению короля Реккареда было главным условием его подлинного обращения в кафоличество и последующего прощения¹¹³. Это утверждение Сунны отражает самую суть представлений о тирании, в основе которой лежат гордость и связь с дьяволом: эти слова лжеепископа уподобляют его дьяволу, который, по словам Исидора, не просит прощения и не испытывает угрызений совести, чтобы совершить покаяние¹¹⁴. Немаловажно в этом контексте следующее после заявления Сунны предложение, сообщаемое о его высылке из-за опасений, что он поразит других своей губительной болезнью (*pestiferus morbus*)¹¹⁵. И хотя это словосочетание в первую очередь указывает на арианскую ересь, отмеченные выше коннотации, связанные с гордыней, сохраняются. Таким образом, истинная причина тирании Сунны — это его гордыня со всеми вытекающими последствиями.

* * *

Как было показано, в важнейшем агиографическом тексте вестготской эпохи образность, связанная с темой тирании, активно использовалась для описания дурного епископа. Использование соответствующей топикой связано с представлениями той эпохи о власти и основаниях социальной жизни. Так, король и епископ представлялись изоморфными фигурами, связанными друг с другом через Иисуса Христа. Изнанкой этой схемы являются тиран и лже-епископ, зависящие, в свою очередь, от дьявола. Из-за связи с демоническими силами и общих для обоих пороков (гордыня, гнев, жестокость) дурной

¹¹² VPE V.11.13: Quum que ei crebro dicerent ut penitentiam tantis pro piaculis ageret... quod agere noluit, sed pristinam non amittens tyrannidem hec respondit: «Ego quid sit penitentiam ignoro. Ob hoc conpertum uobis sit quia penitentiam quid sit nescio et catholicus numquam ero...».

¹¹³ VPE V.11.12–13: ...Sunnanem uero pseudoepiscopum exortarentur conuerti ad fidem catholicam et, si conuerteretur, tunc demum ei precipere ut penitentiam agere deberet (...) ut acta penitudine, quum eum iam cognoscerent perfectum esse catholicum, eum postmodum in quaquumque alia ciuitate ordinarent episcopum.

¹¹⁴ *Sent.* III.10.8: Vno superbiae lapsu, dum Deo per tumorem se conferunt, et homo cecidit et diabolus. Sed homo reuersus ad poenitentiam Deo se inferiorem esse cognoscit. Diabolus uero non solum in hoc contentus quod se Deo aequalem existimans cecidit, insuper etiam superiorem Deo se dicit...; *Sent.* III.10.9: Diabolus ideo iam non petit ueniam, quia non compungitur ad poenitentiam. Membra uero eius saepe per hypocrisin deprecantur quod tamen pro mala conscientia adipiscere non merentur; *Sent.* III.25.3: Inuidus membrum est diaboli, cuius inuidia mors introiuit in orbem terrarum, sicut et superbus membrum est diaboli...

¹¹⁵ VPE V.11.14: ...hunc protinus de finibus Ispanie, ne alios pestifero morbo macularet (...) repellerunt...

король сущностно не может быть королем и становится тираном, а дурной епископ фактически перестает быть епископом, а потому именуются *pseudo-episcopus* / *pseudosacerdos*. Подобно тирану, лжеепископ разрушает вверенное ему сообщество, что связано со спецификой жизни позднеантичной *ciuitas* — сакрализованного социального пространства. Актом тирании лжеепископа являлась любая профанация такого пространства, которая вела к катастрофическим последствиям для жителей города. Истинный же епископ задавал единство всех элементов христианской общины, согласие и благополучие в которой зависели от поддержания порядка с а к р а л ь н о г о.

Источники

- Брэй 2003 — Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Новый Завет. Т. 4: Послание к Римлянам / Пер. с англ., греч., лат.; Ред. тома Дж. Брэй; Рус. изд. под ред. К. К. Гаврилкина и С. С. Козина. Тверь: Герменевтика, 2003.
- Allegoriae* — Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Allegoriae quaedam Sacrae Scripturae // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / Ed. J.-P. Migne. Vol. 83. Paris: Migne, 1850. Col. 0097–0130B.
- Ambr. *De off.* — Ambrosii Mediolanensis De officiis / Ed. M. Testard. Turnhout: Brepols publishers, 2000. (CCSL; 15).
- Aug. *De ciu. Dei.* — Augustini Hipponensis De ciuitate Dei / Ed. B. Dombart, A. Kalb. Turnhout: Brepols publishers, 1955. (CCSL; 47–48).
- Cyprianus Gallus. *Heptateuchos. Liber Iudicium* — Cypriani Galli poetae Heptateuchos, accedunt incertorum De Sodoma et Iona et ad senatorem carmina et Hilarii quae feruntur in Genesin, de Maccabeis atque de Evangelio / Ed. R. Peiper. Vindobonae: Tempsky, 1891. (CSEL; 23).
- CTh. — Theodosiani libri XVI cum cum constitutionibus Simordianis / Ed. P. Krueger, T. Mommsen. Berolini: Apud Weidmannos, 1905.
- Cic. *De off.* — M. Tulli Ciceronis scripta quae manserunt omnia. Fasc. 48: De officiis. Iterum recognovit C. Atzert. De virtutibus. Recognovit O. Plasberg. Leipzig: Tuebner, 1932.
- DEO — Sancti Isidori Hispalensis Episcopi De Ecclesiasticis Officiis / Ed. Ch. M. Lawson. Turnhout: Brepols, 1989. (CCSL; 113).
- Diff. I* — Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum I // Isidoro de Sevilla. Diferencias Libro I / Intro., ed. crítica, trad. y notas por C. Codoñer Merino. Paris: Les Belles Lettres, 1992. P. 84–301.
- Diff. II* — Isidori Hispalensis Episcopi Liber Differentiarum II / Cura et studio M. A. Andrés Sanz. Turnhout: Brepols, 2006. (CCSL; 111 A).
- Etym.* — Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. by W. M. Lindsay: 2 vols. Oxonii: F. Typographeo Clarendoniano, 1911.
- Hist. Wamb.* — Historia Wambae regis auctore Iuliano episcopo Toletano / Ed. W. Levi-son // Monumenta Germaniae Historica: Scriptores rerum merovingicarum. Vol. 5. Hannoverae et Lipsiae: Impensis Bibliopoli Hahniani, 1910. S. 501–526.
- In Gen.* — Isidori episcopi Hispalensis Expositio in Vetus Testamentum. Genesis / Ed. M. Gorman. Friburg in Breisgau: Herder, 2009.
- Inst.* — Cassiani De institutis coenobiorum // Cassianus. De institutis coenobiorum; De incarnatione domini contra Nestorium / Ed. M. Petschenig. Vindobonae: Tempsky, 1888. (CSEL; 17). P. 3–231.

- Hispana — La colección canónica Hispana / Ed. crítica por G. Martínez Díez, F. Rodríguez; estudio por G. Martínez Díez: 6 vols. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Enrique Flórez, 1966–2002.
- LI — [Liber Iudiciorum] Leges Visigothorum / Ed. K. Zeumer // Monumenta Germaniae Historica: Legum Sectio I: Leges nationum Germanicarum. T. 1. Hannoverae; Lipsiae: Impensis Bibliopolii Hanniani, 1902. S. 33–464.
- Mor. — Gregorii Magni Moralia in Iob / Ed. M. Adriaen. Turnhout: Brepols publishers, 1979–1985. (CCSL; 143–143B).
- Paulinus Nolanus. *Carm.* — Sancti Pontii Meropii Paulini Nolani Carmina / Ed. W. Hartel. Vindobonae: Tempsky, 1894. (CSEL; 29).
- Quaest. in VT* — Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Mysticorum Expositiones Sacramentorum seu Quaestiones in Vetus Testamentum // Patrologiae Cursus Completus (series Latina) / Ed. J.-P. Migne. Vol. 83. Paris: Migne, 1850. Col. 0207–0424D.
- Sent.* — Isidori Hispalensis Sententiae / Cura et studio P. Cazier. Turnhout: Brepols, 1998. (CCSL; 111).
- Taio Caes. *Ep. ad Quiricum Barcinonensem* — Epistula ad Quiricum Barcinonensem antistitem y Epigramma operis subsequentis de Tajón de Zaragoza / Estudio, ed. crítica y trad. J. Aguilar Miquel // Euphrosyne. Vol. 46. 2018. P. 197–200.
- Tert. *De idololatria* — Qu. Septimi Florentis Tertulliani Liber De Idololatria // Tertullianus. De Idololatria / Critical text, trans. and comment. by J. H. Waszink, J. C. M. van Winden. Leiden: Brill, 1987 (Supplements to Vigiliae Christianae; 1).
- Tolet.* — Concilium Toletanum.
- III, IV, VI — La colección canónica Hispana / Ed. crítica por G. Martínez Díez, F. Rodríguez; Estudio por G. Martínez Díez. Vol. 5. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Enrique Flórez, 1992. P. 49–274, 293–336.
- XIV — La colección canónica Hispana / Ed. crítica por G. Martínez Díez, F. Rodríguez; Estudio por G. Martínez Díez. Vol. 6. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Instituto Enrique Flórez, 1992. P. 275–290.
- VPE — Vitas sanctorum patrum Emeretensium / Ed. A. Maya-Sánchez. Turnhout: Brepols, 1992. (CCSL; 116).
- Vit. Desid. — Vita vel Passio Sancti Desiderii a Sisebuto rege composita // Martín J. C. Une nouvelle édition critique de la “Vita Desiderii” de Sisebut, accompagnée de quelques réflexions concernant la date des “Sententiae” et du “De uiris illustribus” d’Isidore de Séville // Hagiographica. Vol. 7. 2000. P. 147–163.
- Wordsworth, White 1941 — Nouum Testamentum Domini nostri Jesu Christi latine, secundum editionem Sancti Hieronymi. Vol. 2 / Ed. by J. Wordsworth, H. J. White. Oxford: The Clarendon Press, 1941.

Литература

- Ауров 2010a — Ауров О. В. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 31. 2010. С. 73–103.
- Ауров 2010b — Ауров О. В. “Gladio vindice Leuuigildi”: король-реформатор перед лицом памяти // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Всеобщая история. 2010. № 18 (61)/10. С. 33–50.
- Ауров 2017a — Ауров О. В. «История Вамбы» Юлиана Толедского и проблема правовой защиты королевской власти от узурпаций // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.): Исследования и переводы / Ред.-сост. О. В. Ауров; Общ. ред. О. В. Ауров, Е. С. Марей. М.: Изд. дом «Дело», 2017. С. 99–128.

- Ауров 2017b — *Ауров О. В.* О варварском и римском в характере королевской власти у вестготов (V — середина VI века) // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.): Исследования и переводы / Ред.-сост. О. В. Ауров; Общ. ред. О. В. Ауров, Е. С. Марей. М.: Изд. дом «Дело», 2017. С. 25–75.
- Ауров 2019a — *Ауров О. В.* Испания в эпоху вестготов. Краткая история. СПб.: Евразия, 2019.
- Ауров 2019b — *Ауров О. В.* Королевская власть в Толедском королевстве вестготов (конец VI — начало VIII в.) // Монарх и монархия: К 150-летию со дня рождения императора Николая II и 100-летию убийства царской семьи / Ред. кол.: А. В. Анашкин и др. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та, 2019. С. 34–51.
- Бергер, Лукман 1995 — *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. М.: Московский философский фонд, 1995.
- Биркин 2020a — *Биркин М. Ю.* Дурной епископ как тиран в «Сентенциях» Исидора Севильского // Шаги / Steps. Т. 6. № 2. 2020. С. 259–291.
- Биркин 2020b — *Биркин М. Ю.* Епископ в вестготской Испании. СПб.: Наука, 2020.
- Браун 2004 — *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / Пер. с англ. В. В. Петрова. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Дуглас 2020 — *Дуглас М.* Как мыслят институты / Пер. с англ. А. М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2020.
- Марей 2014 — *Марей Е. С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2014.
- Шартье 2001 — *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции / Пер. с фр. О. Э. Гринберг. М.: Изд. дом «Искусство», 2001.
- Шкаренков 2009 — *Шкаренков П. П.* Латинская риторическая традиция на рубеже античности и Средневековья: проблемы источниковедческого изучения // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2009. № 4 (9). С. 146–161.
- Angenendt 1982 — *Angenendt A.* Rex et Sacerdos: Zur Genese der Königssalbung // Tradition als historische Kraft: interdisziplinäre Forschungen zur Geschichte des früheren Mittelalters / Hrsg. von N. Kamp, J. Wollasch. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1982. S. 100–118.
- Arce 1999 — *Arce J.* The City of Mérida (*Emerita*) in the *Vitas Patrum Emeritensium* (VIth Century A. D.) // East and West: Modes of communication: Proceedings of the First Plenary Conference at Merida / Ed. by E. Chrysos, I. Wood. Leiden: Brill, 1999. P. 1–14.
- Barbero de Aguilera 1970 — *Barbero de Aguilera A.* El pensamiento político visigodo y las primeras uniones regias en la Europa medieval // Hispania: Revista española de historia. Vol. 30. № 115. 1970. P. 245–326.
- Beatrice 2005 — *Beatrice P. F.* On the meaning of “profane” in the Pagan-Christian conflict of Late Antiquity: The Fathers, Firmicus Maternus and Porphyry before the Orphic “Prorrhesis” (OF 245.1 Kern) // Illinois Classical Studies. Vol. 30. 2005. P. 137–165.
- Belayche 2007 — *Belayche N.* Des lieux pour le “profane” dans l’Empire tardo-antique? Les fêtes entre koinônia sociale et espaces de rivalités religieuses // Antiquité tardive. Vol. 15. 2007. P. 35–46.
- Berger 1953 — *Berger A.* Encyclopedic dictionary of Roman law. Philadelphia: American Philosophical Society, 1953.
- Bourgain 2020 — *Bourgain P.* Prologue. Le lexique du profane et du sacré au Moyen Âge // Le profane et le sacré dans l’Europe latine. V–XVI siècles / Dir. par C. Heid, M. Deramaix, O. Pédeflous. Paris: Classiques Garnier, 2020. P. 15–25.

- Brennan 1984 — *Brennan B.* The image of the Frankish kings in the poetry of Venantius Fortunatus // *Journal of Medieval History*. Vol. 10. No. 1. 1984. P. 1–11.
- Canning 1996 — *Canning J.* A history of medieval political thought, 300–1450. London: Routledge, 1996.
- Castellanos 1996a — *Castellanos S.* Conflictos entre la autoridad y el “hombre santo”: hacia el control oficial del *patronatus caelestis* en la Hispania Visigoda // *Brocar: Cuadernos de investigación histórica*. № 20. 1996. P. 77–90.
- Castellanos 1996b — *Castellanos S.* Las reliquias de santos y su papel social: cohesión comunitaria y control episcopal en Hispania (ss. V–VII) // *POLIS: Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica*. № 8. 1996. P. 5–21.
- Castellanos 2003 — *Castellanos S.* The significance of social unanimity in a Visigothic hagiography: Keys to an ideological screen // *Journal of Early Christian Studies*. Vol. 11. No. 3. 2003. P. 387–419.
- Castellanos 2018 — *Castellanos S.* Política y registro hagiográfico en la Hispania visigoda: Leovigildo en las *Vitae* // *Studia Historica in Honorem Prof. Urbano Espinosa Ruiz* / Ed. por P. Castillo Pascual y P. Iguácel de la Cruz. Logroño: Universidad de La Rioja, 2018. P. 485–499.
- Castillo Lozano 2019 — *Castillo Lozano J. Á.* Categorías de poder en el reino visigodo de Toledo: los tiranos en las obras de Juan de Biclario, Isidoro de Sevilla y Julián de Toledo. Murcia: Universidad de Murcia, 2019. (Antigüedad y cristianismo: Monografías históricas sobre la Antigüedad tardía; 2017, № 33–34).
- Castillo Lozano 2020 — *Castillo Lozano J. Á.* Luchas de poder en la Mérida visigoda // *Intus — legere: historia*. Vol. 14. No. 2. 2020. P. 104–123.
- Codoñer Merino 1992 — Isidoro de Sevilla. *Diferencias Libro I* / Intro., ed. crítica, trad. y notas por C. Codoñer Merino. Paris: Les Belles Lettres, 1992.
- Collins 1980 — *Collins R.* Mérida and Toledo: 550–585 // *Visigothic Spain: New approaches* / Ed. by E. James. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 189–219.
- Craig 2004 — *Craig C.* Audience expectations, invective, and proof // *Cicero the advocate* / Ed. by J. Powell, J. Paterson. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2004. P. 187–213.
- De Souza 2010 — *De Souza M.* Repousser les profanes: les progrès du militantisme religieux d’après les sources latines de Virgile à Augustin // *Les frontières du profane dans l’Antiquité tardive* / Ed. É. Rebillard, C. Sotinel. Rome: École française, 2010. P. 55–71.
- Díaz 1997 — *Díaz P. C.* La rue à Merida au VIe siècle: usage sacré et usage profane // *La rue, lieu de sociabilité? Rencontres de la rue: Actes du colloque de Rouen, 16–19 novembre 1994* / Textes réun. par A. Leménorel, A. Corbin. Rouen: l’Université de Rouen, 1997. P. 331–340.
- Díaz 2000 — *Díaz P. C.* City and territory in Hispania in Late Antiquity // *Towns and their territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages* / Ed. by G. P. Brogiolo, N. Gauthier, N. Christie. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000. P. 3–35.
- Díaz 2010 — *Díaz P. C.* Mérida tardoantica: l’apoteosi di una città cristiana // *Reti Medievali Rivista*. Vol. 11. No. 2. 2010. P. 67–79.
- Díaz y Díaz 1975 — *Díaz y Díaz M. C.* La transmisión de los textos antiguos en la península ibérica en los siglos VII–XI // *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull’alto medioevo*. XXII: La cultura antica nell’Occidente latino dal VII al XI secolo. Spoleto: presso la sede del Centro, 1975. P. 133–178.
- Dumézil 2014 — *Dumézil B.* Le modèle royal à l’époque mérovingienne // *L’empreinte chrétienne en Gaule du IVe au IXe siècle* / Ed. par M. Gaillard. Turnhout: Brepols, 2014. P. 131–147.
- Dunkle 1967 — *Dunkle J. R.* The Greek tyrant and Roman political invective of the late republic // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 98. 1967. P. 151–171.

- Escribano 1997 — *Escribano M. V.* La ilegitimidad política en los textos historiográficos y jurídicos tardíos (Historia Augusta, Orosius, Codex Theodosianus) // *Revue internationale des droits de l'antiquité*. № 44. 1997. P. 85–120.
- Ewig 1965 — *Ewig E.* Zum christlichen Königsgedanken im Frühmittelalter // *Vorträge und Forschungen*. Bd. 3: Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen. 1965 (2. Aufl.). S. 7–73.
- Fear 1997 — *Lives of the Visigothic fathers* / Ed. and trans. by A. T. Fear. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1997.
- Flower 2013 — *Flower R.* Emperors and bishops in Late Roman invective. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Frighetto 1999 — *Frighetto R.* Um protótipo de *pseudo-sacerdos* na obra de Valério do Bierzo: o caso de Justus (Ordo Querimoniae, 6) // *Arys: Antigüedad: Religiones y Sociedades*. Vol. 2. 1999. P. 407–418.
- Gaddis 2005 — *Gaddis M.* There is no crime for those who have Christ: Religious violence in the Christian Roman Empire. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 2005.
- García Moreno 1974 — *García Moreno L. A.* Prosopografía del Reino visigodo de Toledo. Salamanca: Universidad de Salamanca, 1974.
- García Moreno 1989 — *García Moreno L. A.* História de Espanha visigoda. Madrid: Catedra. Historia Mayor, 1989.
- Hibst 1990 — *Hibst P.* Gemeiner Nutzen: Begriffsgeschichtliche Untersuchungen zur politischen Theorie vom 5. vorchristlichen bis zum 15. nachchristlichen Jahrhundert // *Archiv für Begriffsgeschichte*. Bd. 33. 1990. S. 60–95.
- Howe 2007 — *Howe T.* Vandalen, Barbaren und Arianer bei Victor von Vita. Frankfurt am Main: Verlag Antike, 2007.
- Kantorowicz 1946 — *Kantorowicz E.* Laudes regiae: A study in liturgical acclamations and medieval ruler worship. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1946.
- King 1972 — *King P. D.* Law and society in the Visigothic kingdom. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
- King 1988 — *King P. D.* The Barbarian kingdoms // *The Cambridge history of Medieval political thought c. 350 — c. 1450* / Ed. by J. H. Burns. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1988. P. 123–154.
- Klingshirn 2003 — *Klingshirn W. E.* Isidore of Seville's taxonomy of magicians and diviners // *Traditio*. Vol. 58. 2003. P. 59–90.
- Kulikowski 2004 — *Kulikowski M.* Late Roman Spain and its cities. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2004.
- Lester 2019 — *Lester M.* *Persecutio, seductio*, and the limits of rhetorical intolerance in Visigothic Iberia // *Heirs of Roman Persecution: Studies on a Christian and Para-Christian Discourse in Late Antiquity* / Ed. by É. Fournier, W. Mayer. London; New York: Routledge, 2019. P. 213–229.
- Lunn-Rockliffe 2007 — *Lunn-Rockliffe S.* Ambrosiaster's political theology. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2007.
- Maranesi 2018 — *Maranesi A.* An Emperor for all seasons — Maximian and the transformation of his political representation // *Imagining emperors in the Later Roman Empire* / Ed. by D. W. P. Burgersdijk, A. J. Ross. Leiden; Boston: Brill, 2018. P. 63–82.
- Markus 1985 — *Markus R. A.* The sacred and the secular: From Augustine to Gregory the Great // *The Journal of Theological Studies*. Vol. 36. No. 1. 1985. P. 84–96.
- Markus 1990 — *Markus R. A.* The end of Ancient Christianity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

- Markus 2016 — *Markus R. A.* Between Marrou and Brown: Transformations of Late Antique Christianity // *Transformations of Late Antiquity: Essays for Peter Brown* / Ed. by Ph. Rous-seau, M. Papoutsakis. London; New York: Routledge, 2016. P. 1–13.
- Martín 1997 — *Martín J. C.* Caracterización de personajes y tópicos del género hagiográfico en el *Vita Desiderii* de Sisebuto // *Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea*. Vol. 48. № 145. 1997. P. 111–133.
- Mateos Cruz 2000 — *Mateos Cruz P.* Augusta Emerita, de capital de la Diocesis Hispaniarum a sede temporal visigoda // *Memorias de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona*. 2000. Vol. 25: Sedes regiae (ann. 400–800). P. 491–520.
- Maya 1994 — *Maya A.* De Leovigildo perseguidor y Mazona mártir // *Emérita*. Vol. 62. Núm. 1. 1994. P. 167–186.
- Mülke 2016 — *Mülke M.* Guter König und doch Verfolger? Die Religionspolitik des Westgoten-königs Leovigild im Urteil der zeitgenössischen Historiker (Johannes Biclarensis und Isidor von Sevilla) // *Frühmittelalterliche Studien*. Bd. 50. № 1. 2016. S. 99–128.
- Musurillo 1972 — *The acts of the Christian martyrs* / Intro., texts, trans. by H. Musurillo. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Opelt 1965 — *Opelt I.* Die lateinischen Schimpfwörter und verwandte sprachliche Erscheinungen. Eine Typologie. Heidelberg: C. Winter 1965.
- Opelt 1973 — *Opelt I.* Hilarius von Poitiers als Polemiker // *Vigiliae Christianae*. Vol. 27. No. 3. 1973. P. 203–217.
- Orlandis 1959 — *Orlandis J.* En torno a la noción visigoda de tiranía // *Anuario de historia del derecho español*. № 29. 1959. P. 5–43.
- Orlandis 1992 — *Orlandis J.* Semblanzas visigodas. Madrid: Rialp, 1992.
- Osland 2011 — *Osland D. K.* Urban change in Late Antique Hispania: The case of Augusta Emerita: PhD Dis. / Univ. of Cincinnati. Cincinnati, 2011.
- Pérez Sánchez 2009 — *Pérez Sánchez D.* La idea del “buen gobierno” y las virtudes de los monarcas del reino visigodo de Toledo // *Mainake*. № 31. 2009. P. 217–227.
- Reydellet 1981 — *Reydellet M.* La royauté dans la littérature latine, de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville. Rome: École Française de Rome, 1981.
- Stachura 2007 — *Stachura M.* Kritik der *superstitio* und Affirmation der Orthodoxie in den Gesetzen des *Codex Theodosianus* // *Electrum*. Vol. 12. 2007. S. 33–61.
- Stachura 2018 — *Stachura M.* Enemies of the later Roman order: A study of the phenomenon of language aggression in the Theodosian Code, post-Theodosian Novels, and the Sirmondian Constitutions. Kraków: Jagiellonian Univ. Press, 2018.
- Staubach 1984 — *Staubach N.* ‘Cultus divinus’ und karolingische Reform // *Frühmittelalterliche Studien*. Bd. 18. 1984. S. 546–581.
- Stevenson 2009 — *Stevenson T.* Antony as ‘tyrant’ in Cicero’s First Philippic // *Ramus: Critical studies in Greek and Roman literature*. Vol. 38. No. 2. 2009. P. 174–186.
- Teillet 2011 — *Teillet S.* Des Goths à la nation gothique. Les origines de l’idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. 2e tir. Paris: Les Belles Lettres, 2011.
- Thompson 1969 — *Thompson E. A.* The Goths in Spain. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- Ullmann 1965 — *Ullmann W.* The growth of Papal government in the Middle Ages: A study in the ideological relation of clerical to lay power. London: Methuen, 1965.
- Velázquez 2008 — *Vidas de los santos Padres de Mérida* / Intro., trad. y notas de I. Velázquez. Madrid: Editorial Trotta, 2008.
- Welchering 1984 — *Welchering P.* PROFAN: Materialien zur Geschichte eines wenig beachteten und erforschten Begriffs // *Archiv für Begriffsgeschichte*. Bd. 28. 1984. S. 63–99.

References

- Angenendt, A. (1982). Rex et Sacerdos: zur Genese der Königssalbung. In N. Kamp, & J. Wollasch (Eds.). *Tradition als historische Kraft* (pp. 100–118). De Gruyter.
- Arce, J. (1999). The City of Mérida (*Emerita*) in the *Vitas Patrum Emeritensium* (VIth century A. D.). In E. Chrysos, & I. Wood (Eds.). *East and West: Modes of communication* (pp. 1–14). Brill.
- Aurov, O. V. (2010a). Vestgotskie koroli-ariane posle epokhi Iordana (kharakter, ideologiya i simvolika vlasti) [Visigothic kings-Arians after Jordanes' era (character, ideology and symbolism of power)]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, 31, 73–103. (In Russian).
- Aurov, O. V. (2010b). “Gladio vindice Leuigildi”: korol'-reformator pered litsom pamiati [“Gladio vindice Leuigildi”: The Great King in the context of memory]. *Vestnik RGGU, Ser. Istorieskie nauki. Vseobshchaia istoriya*, 2010(18(61)/10), 33–50. (In Russian).
- Aurov, O. V. (2017a). “Istoriya Vamby” Iuliana Toledskogo i problema pravovoi zashchity korolevskoi vlasti ot uzurpatsii [Julian of Toledo's “Historia Wambae Regis” and the problem of the legal protection of royal power against usurpation]. In O. V. Aurov, & E. S. Marei (Eds.). *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V — nachalo VIII vv.): Issledovaniya i perevody* (pp. 99–128). Izdatel'skii dom “Delo”. (In Russian).
- Aurov, O. V. (2017b). O varvarskom i rimskom v kharaktere korolevskoi vlasti u vestgotov (V — seredina VI veka) [Barbarian and Roman elements in the character of Visigothic royal power (5th — mid-6th century)]. In O. V. Aurov, & E. S. Marei (Eds.). *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V — nachalo VIII vv.): Issledovaniya i perevody* (pp. 25–75). Izdatel'skii dom “Delo”. (In Russian).
- Aurov, O. V. (2019a). *Ispaniya v epokhu vestgotov. Kratkaia istoriya*. [Spain of the Visigothic epoch: A short history]. Evraziya. (In Russian).
- Aurov, O. V. (2019). Korolevskaya vlast' v Toledskom korolevstve vestgotov (konets VI — nachalo VIII v.) [Royal power in the Visigothic kingdom of Toledo (late 6th century to early 8th century)]. In A. V. Anashkin et al. (Eds.). *Monarkh i monarkhiya: K 150-letiyu so dnia rozhdeniya imperatora Nikolaia II i 100-letiyu ubieniya tsarskoi sem'i* (pp. 34–51). Izdatel'stvo Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. (In Russian).
- Barbero de Aguilera, A. B. (1970). El pensamiento político visigodo y las primeras uniones regias en la Europa medieval. *Hispania: Revista española de historia*, 30(115), 245–326.
- Beatrice, P. F. (2005). On the meaning of “profane” in the pagan-Christian conflict of Late Antiquity: The Fathers, Firmicus Maternus and Porphyry before the Orphic “Prorrhesis” (OF 245.1 Kern). *Illinois Classical Studies*, 30, 137–165.
- Belayche, N. (2007). Des lieux pour le “profane” dans l'Empire tardo-antique? Les fêtes entre koinônia sociale et espaces de rivalités religieuses. *Antiquité tardive*, 15, 35–46.
- Berger, A. (1953). *Encyclopedic dictionary of Roman law*. American Philosophical Society.
- Berger, P. L., & Luckmann, T. (1967). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Anchor Books.
- Birkin, M. Yu. (2020a). Durnoi episkop kak tiran v “Sententsiiakh” Isidora Sevil'skogo [Evil bishop as tyrant in Isidore of Seville's *Sententiae*]. *Shagi/Steps*, 6(2), 259–291. (In Russian).
- Birkin, M. Yu. (2020b). *Episkop v vestgotskoi Ispanii* [The bishop in Visigothic Spain]. Nauka. (In Russian).
- Bourgain, P. (2020). Prologue-Le lexique du profane et du sacré au Moyen Âge. In C. Heid, M. Deramaix, & O. Pédeflous (Eds.). *Le profane et le sacré dans l'Europe latine. V–XVI siècles* (pp. 15–25). Classiques Garnier.
- Brennan, B. (1992). The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus. *Journal of Medieval History*, 10(1), 115–139.
- Brown, P. (1981). *The cult of the saints: Its rise and function in Latin Christianity*. Univ. of Chicago Press.

- Canning, J. (2014). *A history of medieval political thought: 300–1450*. Routledge.
- Castellanos, S. (1996a). Conflictos entre la autoridad y el “hombre santo”: hacia el control oficial del *patronatus caelestis* en la Hispania Visigoda. *Brocar: Cuadernos de investigación histórica*, 20, 77–90. (In Spanish).
- Castellanos, S. (1996). Las reliquias de santos y su papel social: cohesión comunitaria y control episcopal en Hispania (ss. V–VII). *POLIS: Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad*, 8, 5–21. (In Spanish).
- Castellanos, S. (2003). The significance of social unanimity in a Visigothic hagiography: Keys to an ideological screen. *Journal of Early Christian Studies*, 11(3), 387–419.
- Castellanos, S. (2018). Política y registro hagiográfico en la Hispania visigoda: Leovigildo en las Vitae. In P. Castillo Pascual, & P. Iguácel de la Cruz (Eds.). *Studia Historica in Honorem Prof. Urbano Espinosa Ruiz* (pp. 485–499). Universidad de La Rioja. (In Spanish).
- Castillo Lozano, J. Á. (2019). *Categorías de poder en el reino visigodo de Toledo: los tiranos en las obras de Juan de Biclario, Isidoro de Sevilla y Julián de Toledo*. Universidad de Murcia. (In Spanish).
- Castillo Lozano, J. Á. (2020). Luchas de poder en la Mérida visigoda. *Intus — legere: historia*, 14(2), 104–123.
- Chartier, R. (1990). *Les origines culturelles de la Révolution française*. Editions du Seuil. (In French).
- Codoñer Merino, C. (Trans., Ed.) (1992). *Isidoro de Sevilla. Diferencias. Libro I*. Belles Lettres. (In Spanish).
- Collins, R. (1980). Mérida and Toledo: 550–585. In E. James (Ed.) *Visigothic Spain: New approaches* (pp. 189–219). Clarendon Press.
- Craig, C. (2004). Audience expectations, invective, and proof. In J. Powell, & J. Paterson (Eds.). *Cicero the advocate* (pp. 187–213). Oxford Univ. Press.
- De Souza, M. (2010). Repousser les profanes: les progrès du militantisme religieux d’après les sources latines de Virgile à Augustin. In É. Rebillard, & C. Sotinel (Eds.). *Les frontières du profane dans l’Antiquité tardive* (pp. 55–71). École française de Rome.
- Díaz, P. C. (1997). La rue à Merida au VIe siècle: usage sacré et usage profane. In A. Leménorel, & A. Corbin (Eds.). *La rue, lieu de sociabilité: Rencontres de la rue. Actes du colloque de Rouen, 16–19 novembre 1994* (pp. 331–340). Publications de l’Université de Rouen.
- Díaz, P. C. (2000). City and territory in Hispania in Late Antiquity. In G.P. Brogiolo, N. Gauthier, & N. Christie (Eds.). *Towns and their territories between Late Antiquity and the Early Middle Ages* (pp. 3–35). Brill.
- Díaz, P. C. (2010). Mérida tardoantica: l’apoteosi di una città cristiana. *Reti Medievali Rivista*, 11(2), 67–79.
- Díaz y Díaz, M. C. (1975). La transmisión de los textos antiguos en la península ibérica en los siglos VII–XI. *Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull’Alto Medioevo*, 22, 133–178. Presso la sede del Centro.
- Douglas, M. (1986). *How institutions think*. Syracuse Univ. Press.
- Dumézil, B. (2014). Le modèle royal à l’époque mérovingienne. In M. Gaillard (Ed.). *L’empreinte chrétienne en Gaule, du IVe au IXe siècle* (pp. 131–147). Brepols. (In French).
- Dunkle, J. R. (1967). The Greek tyrant and Roman political invective of the late republic. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 98, 151–171.
- Escribano, V. E. (1997). La ilegitimidad política en los textos historiográficos y jurídicos tardíos (Historia Augusta, Orosius, Codex Theodosianus). *Revue internationale des droits de l’antiquité*, 44, 85–120.
- Ewig, E. (1965). Zum christlichen Königsgedanken im Frühmittelalter. *Vorträge und Forschungen*, 3 (2nd ed.), 7–73. (In German).

- Fear, A. T. (Ed.) (1997). *Lives of the Visigothic fathers*. Liverpool Univ. Press.
- Flower, R. (2013). *Emperors and bishops in late Roman invective*. Cambridge Univ. Press.
- Frighetto, R. (1999). Um protótipo de *pseudo-sacerdos* na obra de Valério do Bierzo: O caso de Justus (Ordo Querimoniac, 6). *Arys: Antigüedad: religiones y sociedades*, 2, 407–418. (In Spanish).
- Gaddis, M. (2005). *There is no crime for those who have Christ: Religious violence in the Christian Roman Empire*. Univ. of California Press.
- García Moreno, L. A. (1974). *Prosopografía del reino visigodo de Toledo*. Universidad de Salamanca.
- García Moreno, L. A. (1989). *História de España visigoda*. Catedra. (In Spanish).
- Hibst, P. (1990). Gemeiner Nutzen: Begriffsgeschichtliche Untersuchungen zur politischen Theorie vom 5. vorchristlichen bis zum 15. nachchristlichen Jahrhundert. *Archiv für Begriffsgeschichte*, 33, 60–95. (In German).
- Howe, T. (2007). *Vandalen, Barbaren und Arianer bei Victor von Vita*. Verlag Antike. (In German).
- Kantorowicz, E. H. (1946). *Laudes regiae: A study in liturgical acclamations and mediaeval ruler worship*. Univ. of California Press.
- King, P. D. (1972). *Law and society in the Visigothic kingdom*. Cambridge Univ. Press.
- King, P. D. (1988). The Barbarian kingdoms. In J. H. Burns (Ed.). *The Cambridge history of Medieval political thought c. 350 — c. 1450* (pp. 123–154). Cambridge Univ. Press.
- Klingshirn, W. E. (2003). Isidore of Seville's taxonomy of magicians and diviners. *Traditio*, 58, 59–90.
- Kulikowski, M. (2004). *Late Roman Spain and its cities*. Johns Hopkins Univ. Press.
- Lester, M. (2019). *Persecutio, seductio*, and the limits of rhetorical intolerance in Visigothic Iberia. In É. Fournier, & W. Mayer (Eds.) *Heirs of Roman Persecution* (pp. 213–229). Routledge.
- Lunn-Rockliffe, S. (2007). *Ambrosiaster's political theology*. Oxford Univ. Press.
- Maranesi, A. (2018). An Emperor for all seasons — Maximian and the transformation of his political representation. In D. W. P. Burgersdijk, & A. J. Ross (Eds.). *Imagining Emperors in the Later Roman Empire* (pp. 63–82). Brill.
- Marei, E. S. (2014) *Entsiklopedist, bogoslov, iurist: Isidor Sevil'skii i ego predstavlenie o prave i pravosudii* [An encyclopedist, theologian and jurist: Isidore of Seville and his ideas on law and justice]. Universitet Dmitriia Pozharskogo. (In Russian).
- Markus, R. A. (1985). The sacred and the secular: From Augustine to Gregory the Great. *The Journal of Theological Studies*, 36(1), 84–96.
- Markus, R. A. (1990). *The end of ancient Christianity*. Cambridge Univ. Press.
- Markus, R. (2016). Between Marrou and Brown: transformations of late antique Christianity. In Ph. Rousseau, & M. Papoutsakis (Eds.). *Transformations of Late Antiquity* (pp. 1–13). Routledge.
- Martin, J. C. (1997). Caracterización de personajes y tópicos del género hagiográfico en el *Vita Desiderii* de Sisebuto. *Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea*, 48(145), 111–133.
- Mateos Cruz, P. (2000). Augusta Emerita, de capital de la Diócesis Hispaniarum a sede temporal visigoda. *Memorias de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona*, 25, 491–520.
- Maya, A. (1994). De Leovigildo perseguidor y Mazona mártir. *Emérita*, 62(1), 167–186. (In Spanish).
- Mülke, M. (2016). Guter König und doch Verfolger? Die Religionspolitik des Westgotenkönigs Leovigild im Urteil der zeitgenössischen Historiker (Johannes Biclarensis und Isidor von Sevilla). *Frühmittelalterliche Studien*, 50(1), 99–128. (In German).
- Musurillo, H. (Intro., Texts, Trans.) (1972). *The acts of the Christian martyrs*. Clarendon Press.
- Opelt, I. (1965). *Die lateinischen Schimpfwörter und verwandte sprachliche Erscheinungen. Eine Typologie*. C. Winter. (In German).

- Opelt, I. (1973). Hilarius von Poitiers als Polemiker. *Vigiliae Christianae*, 27(3), 203–217. (In German).
- Orlandis, J. (1959). En torno a la noción visigoda de tiranía. *Anuario de historia del derecho español*, 29, 5–43. (In Spanish).
- Orlandis, J. (1992). *Semblanzas visigodas*. Rialp. (In Spanish).
- Osland, D. K. (2011). *Urban change in Late Antique Hispania: The case of Augusta Emerita* (Ph D. Diss., Univ. of Cincinnati).
- Pérez Sánchez, D. (2009). La idea del “buen gobierno” y las virtudes de los monarcas del reino visigodo de Toledo. *Mainake*, 31, 217–227.
- Reydellet, M. (1981). *La royauté dans la littérature latine de Sidoine Apollinaire à Isidore de Séville*. École Française de Rome. (In French).
- Shkarenkov, P. P. (2009). Latinskaia ritoricheskaia traditsiia na rubezhe antichnosti i Sredne-vekov'ia: problemy istochnikovedcheskogo izucheniia [Latin rhetorical tradition in the times of transition from Antiquity to the Middle Ages: Problems of source studies]. *Vestnik RGGU, Ser. Istoricheskie nauki. Istoriografiia, istochnikovedenie, metody istoricheskikh issledovani*, 2009(4(9)), 146–161. (In Russian).
- Stachura, M. (2007). Kritik der *superstitio* und Affirmation der Orthodoxie in den Gesetzen des *Codex Theodosianus*. *Electrum*, 12, 33–61. (In German).
- Stachura, M. (2018). *Enemies of the later Roman order: A study of the phenomenon of language aggression in the Theodosian Code, post-Theodosian Novels, and the Sirmondian Constitutions*. Jagiellonian Univ. Press.
- Staubach, N. (1984). ‘Cultus divinus’ und karolingische Reform. *Frühmittelalterliche Studien*, 18, 546–581.
- Stevenson, T. (2009) Antony as ‘tyrant’ in Cicero’s First Philippic. *Ramus: Critical studies in Greek and Roman literature*, 38(2), 174–186.
- Teillet, S. (2011). *Des Goths à la nation gothique. Les origines de l’idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle* (2nd ed.). Les Belles Lettres. (In French).
- Thompson, E. A. (1969). *The Goths in Spain*. Clarendon Press.
- Ullmann, W (1965). *The growth of Papal government in the Middle Ages. A study in the ideological relation of clerical to lay power*. Methuen.
- Velázquez, I. (Ed., Trans. and Notes) (2008). *Vidas de los Santos Padres de Merida*. Editorial Trotta. (In Spanish).
- Welchering, P. (1984). PROFAN: Materialien zur Geschichte eines wenig beachteten und erforschten Begriffs. *Archiv für Begriffsgeschichte*, 28, 63–99.

* * *

Информация об авторе

Михаил Юрьевич Биркин

научный сотрудник, Лаборатория исследований церковных институций, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Россия, 127051, Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
Тел.: +7 (495) 114-50-88
✉ mbirkin@gmail.com

Information about the author

Mikhail Yu. Birkin

Research Fellow, Ecclesiastical Institutions Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Russia, 127051, Moscow, Likhov Pereulok, 6, Bld. 1,
Tel.: +7 (495) 114-50-88
✉ mbirkin@gmail.com

Ю. В. Селезнёв

ORCID: 0000-0002-8224-445X

✉ orda1359@mail.ru

Воронежский государственный университет
(Россия, Воронеж)

ВЫПЛАТЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ «ВО ВСЕ ТАТАРСКИЕ ПРОТОРЫ»

Аннотация. Ордынский выход (выплата) являлся выражением прямых поступлений с русских земель в ханскую казну. Он расценивался как безвозвратные издержки — «татарские проторы». Тяжесть этих убытков должна характеризоваться только в связи с конкретными выражениями сумм выплат. Однако такие цифры известны фрагментарно и только для времени конца XIV — начала XVI в. Несмотря на точность и достоверность источников — духовных (завещательных) и договорных грамот князей, их информация трудно поддается согласованию и вызывает различные трактовки конкретных и общих номинальных сумм, выплачивавшихся русскими князьями в ханскую казну. Важной остается проблема, являются ли представленные в актовом материале суммы щепетильно точным или условным выражением причитающихся с княжеств выплат (показывая только долю, которую князь обязан покрыть из налоговых сборов). Модель функционирования условной системы расчета суммы выхода предложил В. А. Кучкин. Однако П. Н. Павлов рассматривал эти суммы как роспись реальных сборов с каждого владения в общую сумму выхода в тот или иной период. Анализ свидетельств духовных и договорных грамот, летописных свидетельств позволяет утверждать, что между суммами ордынского выхода и количеством налогооблагаемых хозяйств существовала прямая зависимость. Можно обоснованно предполагать, что введенные монголами при переписи населения нормы счета налогооблагаемых объектов и рекрутского призыва в десятичных единицах отразились и на расчете налоговых поступлений. Принципом таких расчетов могли быть условные тысячи, на следы которых обратил внимание В. А. Кучкин. Столицы удельных княжеств вполне могли стать центрами таких тысяч. Прямые и косвенные свидетельства позволяют предположительно назвать целый ряд таких городских и княжеских центров.

Ключевые слова: ордынский выход, налогообложение, русские княжества, Орда, Русь

Для цитирования: Селезнёв Ю. В. Выплаты русских князей «во все татарские проторы» // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 168–185. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-168-185>.

Статья поступила в редакцию 28 августа 2021 г.

Принято к печати 21 октября 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022

Articles

Yu. V. Seleznev

ORCID: 0000-0002-8224-445X

✉ orda1359@mail.ru

Voronezh State University
(Russia, Voronezh)

PAYMENTS BY RUSSIAN PRINCES “FOR ALL TATAR *PROTORY*”

Abstract. The Horde *vykhod* (tribute) was a term for direct receipts from the Russian lands to the Khan's treasury. It was regarded as irrevocable expenses: “Tatar *protory*”. The severity of these losses should only be assessed in relation to specific payment amounts. However, there is only fragmentary data for such figures and only for the time of the end of the 14th — beginning of the 16th centuries. Despite the fact that these are fairly accurate and reliable sources — spiritual (testamentary) and contractual documents of princes — their information is difficult to reconcile and leads to different interpretations of specific and general nominal amounts paid by Russian princes to the Khan's treasury. An important problem remains whether the amounts presented in the act are a scrupulously accurate or a hypothetical (showing only the share that the Prince is obliged to cover from tax collections) expression of payments due from the principalities. A model of the hypothetical system for calculating the amount of tribute was proposed by V. A. Kuchkin. However, P. N. Pavlov considered these amounts as a list of real levies from each principality in the total amount of tribute in a given period. Analysis of the evidence of spiritual and contractual certificates, as well as evidence from chronicles suggests that there was a direct relationship between the amount of the Horde tribute and the number of taxable farms. It can be reasonably assumed that the norms for calculating taxable objects and recruitment in decimal units introduced by the Mongols during the population census also affected the calculation of tax revenues. The principle of such calculations could be hypothetical “thousands”,

the traces of which drew the attention of V. A. Kuchkin. The capitals of appanage principalities could well have become the centers of such “thousands”. Direct and indirect evidence suggests that a number of such urban and princely centers can be identified.

Keywords: Horde “tribute”, taxation, Russian principalities, Horde, Rus

To cite this article: Seleznev, Yu. V. (2022). Payments by Russian princes “for all Tatar protory”. *Shagi / Steps*, 8(3), 168–185. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-168-185>.

Received August 28, 2021

Accepted October 21, 2021

Одним из ключевых признаков зависимости русских княжеств от ордынских ханов на протяжении всего периода существования системы ига [Селезнёв 2012] является налоговая повинность — выплаты в казну ордынских правителей *выхода*, а также взнос на содержание прибывающих ханских послов [Селезнёв 2017a] и отбывающих собственных княжеских килчеев (ильчи) — уполномоченных послов [Селезнёв 2017b: 170–183]. Именно эти фискальные сборы («выходы в ординские») и сборы «в послы в татарские» упомянуты, к примеру, в духовной Ивана III Васильевича (1504 г.), и именно они получили определение «татарские проторы» [ДДГ: 362, № 89]. Необходимо также отметить, что в своем завещании Иван III допускал, что «татарской протор» может быть «боле или менши» [ДДГ: 362, № 89].

В конце XIV и первой половине XV столетия в договорных грамотах русских князей выплаты в ханскую казну назывались «ординская тягость» и приравнивались к проторам/убыткам: «ординская тягость, также и проторь» [ДДГ: 31, № 11].

Показательно, что, согласно данным «Жития Сергия Радонежского», отец будущего Сергия — потомственный ростовский боярин Кирилл — разоряется в связи с расходами на татарских послов («чястыми послы татарскими») и высокими налоговыми пошлинами («чястыми тяжкими данми и выходы еже въ Орду») [Житие 2000: 284].

Обращает на себя внимание и тот факт, что ни ямской сбор (средства на содержание почтовых станций — ямов), который в ряде договорных грамот поставлен в один ряд с выходом [ДДГ: 71, № 27], ни тамга, отмеченная в завещаниях как часть налоговых поступлений в казну князя [ДДГ: 47, № 17], к «ординским/татарским проторам», т. е. к издержкам и убыткам княжеского хозяйства, в духовных и договорных грамотах не отнесены. Последнее объясняется тем, что, несмотря на общеимперский/ординский характер сборов на почтовую службу [Арапов 2013] и торговые операции, указанные налоги относились к местным сборам: средства оставались на местах и обеспечивали функционирование дорожной инфраструктуры в рамках политической и экономической деятельности. Сбор на содержание посольств также был местным

налогом (более того, постепенно он стал экстраординарным) [Хорошкевич 2001: 231–232], однако израсходованные на их содержание средства никак не компенсировались ни в удельную, ни в великокняжескую казну, и появление в княжестве послов становилось убыточным и безвозвратным бременем.

Таким образом, прямыми поступлениями в ханскую казну являлись ордынские выходы, выплата которых расценивалась на Руси (по крайней мере при Иване III) как безвозвратные издержки. Степень же тяжести убытков от «ордынских протор» можно трактовать только в связи с конкретными выражениями сумм выплат. Однако точные цифры ордынского выхода источники донесли до нас фрагментарно и только для времени конца XIV — начала XVI столетия. Несмотря на то что это достаточно точные и достоверные источники — духовные (завещательные) и договорные грамоты князей, — информация их трудно поддается согласованию и вызывает различные трактовки конкретных и общих номинальных сумм, выплачивавшихся русскими князьями в ханскую казну.

Ключевой дискуссионной проблемой является вопрос, являются ли обозначенные в актовом материале суммы условными (подразумевающими только долю, которую обязан покрыть князь из налоговых сборов) или они представляют собой реальное и точное выражение причитающихся с княжеств выплат.

Модель функционирования условной системы расчета суммы выхода предложил В. А. Кучкин. Опираясь на вывод В. А. Аракчеева [2017: 29] об условности расчетной тысячи рублей в конце XV — начале XVI в., он привел наглядную аргументацию в пользу существования условной счетной единицы в виде «тысячи рублей» и в более раннее время (конец XIV — середина XV в.). Так, по вычислениям В. А. Кучкина, 105 рублей выплат с Углич Поля представляли условную единицу или долю выплат в каждую тысячу суммы общего выхода: «...побор с Углича при 7000-м “выходе” должен был составить 735 рублей, а при 5000-м “выходе” — 525 рублей» [Кучкин 2019: 110–111].

В свою очередь, В. А. Аракчеев обратил внимание на особенности начисления долей при раскладке выхода в договоре великого князя Ивана III Васильевича с братом князем углицким Андреем и с братом князем вологодским Андреем Васильевичем Меньшим (Молодым) [Аракчеев 2017: 29]. Автор приводит аргументы в подтверждение концепции В. О. Ключевского о наличии условного оклада, по которому должны были разверстываться текущие суммы налоговых поступлений. Относительно сведений духовной князя Дмитрия Ивановича Ключевский, в частности, отмечает: «...завещатель указывает, сколько должен вносить каждый из его наследников в состав каждой тысячи рублей (здесь и далее разрядка моя. — Ю. С.) ордынской дани» и справедливо заключает: «Очевидно, взнос каждого участника соразмерялся с доходностью его удела». Далее исследователь указывает, что старший сын Дмитрия Василий «должен был вносить в состав тысячи не пятую часть (сыновей-наследников у Дмитрия Ивановича было пятеро. — Ю. С.), а 342 рубля, т. е. больше трети всей суммы» [Ключевский 1988: 38]. Уже в завещании князя Ивана III Васильевича старший сын и наследник «должен был вносить в тысячу 717 рублей, т. е. около $\frac{3}{4}$ всей суммы, почти втрое больше, чем все младшие братья вместе» [Там же: 38–39].

Однако достаточно точный и скрупулезный расчет выплат в Орду в завещаниях и договорах великих и удельных князей позволяет рассматривать эти суммы и как роспись реальных сборов с каждого владения в общую сумму выхода в тот или иной период. Именно так расценивал упомянутые денежные расклады П. Н. Павлов, который посвятил налоговым выплатам русских князей в Орду специальную работу [Павлов 1958].

Рассматривая выплату в 1502 г. выхода в Большую Орду, А. Л. Хорошкевич [2001: 233–234] отметила, что она представляла собой определенную сумму, которая должна была собираться ежегодно.

Согласно С. М. Каштанову [1988: 7, 44–45], выход (ордынская дань) представлял собой часть ежегодной дани, собранной для князя.

Попытки установить общую сумму выхода в Орду хотя бы с Северо-Восточной Руси носят достаточно умозрительный характер. К примеру, П. Н. Павлов «очень» предположительно отметил: «...дань с Северо-Восточной Руси должна была составить 13–14 тысяч рублей» [Павлов 1958: 96–97].

Более развернутую аргументацию предложил Г. В. Вернадский. Столь же приблизительно он констатировал, что соху, с которой как с единицы налогообложения взимали полтину, «можно было бы приравнять к одной десятой десятка». Тогда в тьме было 10 000 хозяйств (или сох и, следовательно, «половина рубля с сохи означала бы сбор пяти тысяч серебряных рублей с тьмы»). Учитывая, «что Великое княжество Владимирское состояло из 17 тем (при Тохтамыше), мы приходим к цифре в 85 000 серебряных рублей, как общей сумме дани, выплачивавшейся Великим княжеством Владимирским в 1384 г.». Далее автор делает допущение: «Если и другие восточнорусские великие княжества платили по той же норме, то Рязань должна была выплачивать 10 000 рублей, а Нижний Новгород и Тверь — по 25 000 рублей. Общая цифра для Восточной Руси, исключая Новгород Великий, равнялась бы тогда 145 000 рублей». При этом Вернадский «склонен думать, что на основные новгородские земли была наложена дань, как на пять тем» и приводит размышления о том, что «поскольку новгородцам самим было предоставлено право собирать налоги, они вполне могли счесть для себя более удобным приравнять каждую волость одной тьме». Однако он предполагает и обратный вариант: «...возможно и то, что организация так называемых пятин в Новгороде приняла окончательную форму в монгольский период в соединении с принятой тогда системой налогообложения» [Вернадский 1997: 239].

Таким образом, умозрительные исчисления ордынского выхода с княжеств Северо-Восточной Руси колеблются от 14 000 до 145 000, представляя собой разброс в десятки раз.

Тем не менее согласование упомянутых в актовом материале (духовных и договорных грамотах князей) сумм, собираемых для выплат в Орду, и числа податных налогооблагаемых единиц: хозяйств сох / деревень, должно показать принцип формирования денежного выражения ордынского выхода.

Основой для подобного соотношения может стать факт прямой связи установления числа податных единиц путем переписи с налоговыми поступлениями в ханскую казну. Так, персидский автор Джувейни отметил, что монголы-татары на завоеванных землях «повсюду ввели перепись по установленному образцу и всё население поделили на десятки, сотни и тысячи и установили

порядок набора войска, ямскую повинность и расходы на проезжающих и поставку фуража, не считая денежных сборов» [Джувейни 2004: 25]. В отмеченные в источнике денежные сборы входил ежегодный выход, который был установлен в размере 10% от общих доходов хозяйства. О таком соотношении налоговых сборов позволяет говорить известие о том, что при вторжении на Русь в 1237 г. монголо-татары требовали «десятины во всем». Такое же условие — выделение «десятины и тамги» — содержалось при переписи ордынцами в 1257–1259 гг. Новгородской земли [ПСРЛ (3): 7, 82]. И если в условиях военного завоевания неопровержимо говорить о формировании строгих налоговых ставок не вполне корректно, то свидетельство Новгородской I летописи прочно связывает перепись дворов с десятипроцентными выплатами в казну хана. Надо полагать, что данное соотношение выхода к общим доходам княжеств сохранялось на всем протяжении существования ордынского государства в XIII–XV вв. (во всяком случае, свидетельств об изменении налоговых ставок в источниках не сохранилось).

При переписи населения Руси в 1257–1259 гг. называются учрежденные «десятки, сотни, тысячи и тьмы», которые, согласно Джувейни, представляли собой податные единицы. А. А. Горский пришел к выводу, что «в ходе переписи 1257 г. в Северо-Восточной Руси, установившей систему “тем”, учитывалось, скорее всего, мужское население работоспособного возраста» [Горский 2014: 71]. Подобный принцип налогообложения отражен, к примеру, в формулировках духовных грамот (второй от 1417 г. и третьей от 1423 г.) великого князя Московского и Владимирского Василия I Дмитриевича в словах: «А те волости, и села, што есмь подавал своєю княгине, послав сын мои да моя княгини, опишют да положат на них дань по людем, по силе, и книгини моя даст с тех волостей и сел дань по розочту и ям, что ся коли им имет» [ДДГ: 59–61, № 21]. Однако в духовной великого князя Московского и Владимирского Василия II Васильевича (около 3 мая 1461 г. — 27 марта 1462 г.) говорится о взимании дани «по сохам и по людем» [ДДГ: 197, № 61]. Это позволяет говорить о синкретичном характере налогообложения в ордынский период: с одной стороны, учитывалось все мужское население работоспособного возраста, с другой, его платежеспособность определялась приравненными к сохе социально-экономическими единицами.

Показательно, что принцип взимания дани «по сохам» отмечается в послании эмира Идигу (Едигея) великому князю Василию I Дмитриевичу. Среди обвинений в ряде проступков, которые вызвали поход ордынских войск на русские княжества зимой 1408 г., упоминается следующее: «...а что еси имал в твоей државе со всякого улуса з дву сох рубль, и то серебро где ся девае?» [ПСРЛ (4/1): 406–407; ср. (11): 211]. При сборе дани в 1384 г. выход брался «со всякие деревни по плтине» [ПСРЛ (15/1). Стлб. 149]. То есть данные документы приравнивают друг к другу деревню и соху. Таким образом, основой налогообложения выступает соха.

Новгородская вечевая грамота о предоставлении московскому князю черного бора (около 1448–1461 гг.) содержит описания приравненных к сохе социально-экономических единиц: «А в соху два коня, а третье припряжь; да тшан кожевнической за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнец за соху; четыре пешцы за соху; лодья за две сохи; црен за две сохи.

А кто сидит на исполовыи, на том взяти за полсохи» [ГВНП: 38–39]. Как отметил В. Л. Янин, в социальную регламентацию выплачивающих дань входит разнообразный и широкий круг лиц. В грамоте упомянуты земледельцы («а в соху два коня, а третье припряжь», «плуг за две сохи», «четыре пешцы за соху»), ремесленники («да тшан кожевнической за соху», «кузнец за соху»), рыболовы («невод за соху»), солевары («црен за две сохи»), торговцы («лавка за соху»), перевозчики («лодья за две сохи») — т. е. те категории свободных людей, которые объединялись термином «черные люди» [Янин 1983: 107].

Взяв за основу наблюдение об учете работоспособного мужского населения в качестве налогоплательщиков, А. А. Горский предложил расчет выплат выхода в 1380-е годы. При учете 15 «тем» (150 000 единиц) Владимирского княжества вычисленная сумма в среднем составила 250 рублей с одной «тмы» [Горский 2014: 69]. Однако если принять, что каждое хозяйство, представлявшее соху, было такой фискальной единицей, мы получаем 500 рублей с каждой «тмы» [Селезнев 2020а: 176–177]. Противоречие и погрешность результатов различных способов расчета могут быть сняты, если мы учтем, что каждый работоспособный мужчина был единицей налогообложения. И тогда суммы расклада, произведенного Горским, необходимо увеличить в два раза — именно такой порядок расчета предлагает автор при рассмотрении суммы выплат с наименьшей единицы налогообложения: «...податными единицами считались взрослые работоспособные мужчины», что требует умножения 0,0025 рубля на двух работников [Горский 2014: 70]. При таком подходе цифра, выведенная Горским, совпадет с цифрой, рассчитанной автором данных строк.

В историографии установилось прочное мнение, что общее количество выхода, полагающееся для выплаты в Орду с территории Великого княжества Владимирского в духовных князей Дмитрия Ивановича Донского и Владимира Андреевича Серпуховского, определяется в «пять тысяч рублей». Частью этой суммы являлась московская тысяча, которая в зависимости от политической ситуации либо прибавлялась, либо изымалась из общего количества выхода. К примеру, С. М. Каштанов отметил, что «во времена Дмитрия Донского серпуховская дань бралась уже не в московский оклад (1000 руб.), а великокняжеский (5000 руб.). Оклад московской дани составлял $\frac{1}{5}$ великокняжеского» [Каштанов 1988: 8]. Именно так рассматривают слова летописца о том, что Токтамыш «Василия Дмитриевича приа в 8000 сребра» [ПСРЛ (4/1. Вып. 2): 239; ср. Селезнев 2010], А. А. Горский [1998: 31–32; 2000: 108–109]¹ и В. В. Трепавлов [2015].

Далее в актовом материале отмечается увеличение размера выхода до семи тысяч рублей (договор великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем примерно 1401–1402 гг.

¹ По мнению исследователя, московское посольство привезло в Орду дань за два года с Московского княжества, а уже в Орде была достигнута договоренность о том, что Дмитрий заплатит за те же два года выход с территории Великого княжества Владимирского. То есть Москва признала долг по уплате выхода с Московского княжества за время правления Токтамыша. Выплата же задолженности выхода с Великого княжества Владимирского была поставлена в зависимость от ханского решения о его судьбе: в случае оставления великого княжения за Дмитрием он гарантировал погашение долга, а если бы Токтамыш отдал Владимир Михаилу Тверскому, Москва считала себя свободной от этих обязательств.

[ДДГ: 44, № 16], духовная князя Галицкого и Звенигородского Юрия Дмитриевича от 1433 г. [ДДГ: 74, № 29]).

П. Н. Павлов объяснил увеличение размеров общего оклада выхода следующим образом: «...после ликвидации великого княжения Нижегородско-Суздальского и присоединения его территории к “уделу” Василия I (1391–1392 гг.) и полторатысячная нижегородская дань присоединялась к пятитысячной дани великого княжения Владимирского». Проблему неполного совпадения полученной суммы со свидетельством источника (6500 вместо 7000) исследователь решил предположением о том, что «к этой сумме прибавлялась дань с присоединенных к Московскому княжеству “Мурома с волостями, и что к нему потягло, и Мещеры с волостями, и что к ней потягло”» [Павлов 1958: 103].

С. М. Каштанов [1988: 9] поддержал данное предположение (правда, не столь безоговорочно), при этом отметил как интересный факт, что «дань с Углича вносилась в семитысячный оклад, а дань с Городца — в полторатысячный» [Там же: 9].

Действительно, в dokonчании великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем общие суммы, в которые причитаются конкретные выплаты, непротиворечиво и четко противопоставлены друг другу и разведены: «А дати ми, г(о)с(поди)не, тебе с Углича поля в сем(ь) тысяч руб. сто руб. и пят(ь) руб., а с Городца и с тех волостей, которые ми еси волости к Городцю придал, дати ми тебе в полторы тысячи руб. сто руб. и шестьдесят руб.» [ДДГ: 44, № 16].

Признаки подобного противопоставления мы наблюдаем и в завещании князя Владимира Андреевича Серпуховского, в котором отмечено, что «коли выйдет дань великог(о) кн(я)зя ко Орде в пят(ь) тысяч рублей имется дати дъям моим и кн(я)г(и)ни моей и их уделом триста рублей и дватцат(ь) рублей, оприснь Городца и Углича поля» [ДДГ: 49, № 17].

То есть 320 рублей должны были поступить в княжескую казну для формирования пятитысячного выхода, исключая («оприснь» — кроме) выплат с Городца (в полторы тысячи) и Углич Поля (в семь тысяч). Во всяком случае, эти выплаты шли сверх 320 и составили в том же документе общую сумму выплат Серпуховского княжества в 585 рублей.

По договору с великим князем Василием Дмитриевичем от 1390 г. князь Владимир Андреевич Серпуховской обязуется выплачивать в пятитысячный выход ту же сумму в 320 рублей, а также с Волока 170 рублей в тот же пятитысячный оклад. И никакого противоречия и противопоставления, кроме выделения особой волоцкой суммы, мы не наблюдаем: «А дати ти, брате, мне, князю великому, свое оч(и)ны в пять тысяч руб. триста руб. и дватцать руб. А с Растовца и с Перемышля, и с Козлова Броду взяти ти собе в то же серебро. А с Волока ти дати мне в пять ты[сячь] руб. сто руб.] и семьдесят руб.» [ДДГ: 38, № 13].

Волок Ламский был в совместном владении Новгородской земли и великого князя владимирского, в том числе в момент соединения Московского княжества и великого Владимирского княжества [Кучкин 1984: 131, 143]. Надо полагать, что налоги с волоцких земель, в том числе ордынский выход,

поступали в великокняжескую казну (но не в московскую!). Следовательно, и 320 руб. серпуховской суммы, и 170 волоцкой дани поступали в пять тысяч ордынского выхода великого Владимирского княжества.

В договоре великого князя Василия Дмитриевича с князем серпуховским и боровским Владимиром Андреевичем фиксировался обмен владениями: князь Владимир «отъступился» великому князю «Волока с волостми и Ржевы с волостми», а князь Василий «противу того отъступился <...> Противу Волока, Городца с волостми <...> и что в Городце и в тех волостях пути и пошлыны, то все брату моему <...> А противу Ржевы отъступился есмь князю Володимеру <...> в вотчину Оуглеча с пути, и с пошлынами» [ДДГ: 43, № 16].

Именно после этого обмена с Углича князь Владимир стал выплачивать в семитысячный оклад 105 рублей, а с Городца — в полторатысячный нижегородский — 160 рублей.

Составленная после данного обмена духовная грамота князя Владимира Андреевича сохраняет свидетельство о пятитысячном великокняжеском выходе, исключая из него выплаты с Углича и Городца. Как отмечено в договорной грамоте великого князя Василия и князя Владимира, 160 городецких рублей шли в состав нижегородского выхода. Надо полагать, что 105 рублей угличских выплат также шли сверх пяти тысяч в какой-то «двухтысячный» выход, присоединяемый к великокняжеским платежам. Это тем более вероятно, что в своем завещании (около февраля 1433 г.) князь звенигородский и галицкий Юрий Дмитриевич с каждой части своих владений должен был внести «в семтысячной выход» со Звенигорода «пятьсот. руб. и одиннатцать руб.», а с Галича «пятьсот руб. и пол-30 руб.» [ДДГ: 74, № 29] (в сумме 1036 руб.). Несомненно, что в 511 рублей входила звенигородская дань, определяемая в завещании князя Дмитрия Ивановича в 272 рубля. С большой долей вероятности мы можем предполагать, что в эту же сумму был включен дмитровский выход, обозначенный в завещании Донского в 111 рублей. П. Н. Павлов [1958: 104] предположил, что оставшаяся сумма в 128 рублей приходилась на Вятку.

Дань с Галича в завещании князя Дмитрия Ивановича не упоминалась. Галич в духовной Донского был обозначен как купля «своего деда», т. е. князя Ивана Даниловича Калиты. Так же «куплями» были обозначены Белоозеро (завещанное Андрею) и Углич Поле (завещанное Петру). Причем Галич и Белоозеро были в завещании отнесены к великокняжеским землям (наряду с Владимиром, Переяславлем, Костромой: «А се даю своей княгине из велик(о)го княженья оу с(ы)на оу своего, оу князя оу Васил(ь)а, ис Переиславля Юлку, а ис Костромы Иледаж с Комелою, а оу князя оу Юрья из Галич(а) Соль, оу князя оу Оньдрея из Белаозера Вольское съ Шаготью и Милолюбьскии езь. А из Володимерских сел княгине моей Оньдреевское село, а ис Переяславских сел Доброе село, и что к ним потягло» [ДДГ: 34, № 12]). Надо полагать, что в 1389 г. когда князь Дмитрий Иванович составлял свое завещание, суммы ордынского оклада были разделены на московскую тысячу и на пять тысяч великокняжеского выхода. И существовала еще одна тысяча, в которую выплачивался выход с Углича. С большой долей вероятности такую тысячу мог составить ростовский выход, ведь Углич до его «купли» Иваном Калитой был уделом именно Ростовского княжества [Кучкин 1984: 120, 283]. Косвенно на существование «ростовского выхода» указывают слова «Повести о Петре,

царевиче ордынском», в которой при описании суммы, затребованной ростовским князем для выкупа земли под постройку церкви Петра и Павла, указывается, что она составила «множество злата и сребра, еже бы 10 выход дати» [Повесть 1984: 20–37].

Правомочность предположения об отдельном ростовском выходе определяется также и тем, что по договорным грамотам русских князей известен особенный «ярославский царев выход»: «А с полу-Заозерья давати ми тебе, г(осподи)не, великому кн(я)зю, по тому, как переже сег(о) давали заозерьскы кн(я)зи ярославским во тцарев выход» [ДДГ: 147, № 48]; «А с Романова городка давати ти татарщину къ Ярославлю по старине» [ДДГ: 234, ср. 236, 238, 240, 244, 246, 249, № 70]. Из приведенных свидетельств договоров 1447 и 1473 гг. становится очевидным, что из разных частей Ярославского княжества, перешедших во владения московского княжеского дома, сумма ордынского выхода продолжает собираться в отдельный «ярославский» оклад. Причем в последнем случае в более поздних грамотах мы видим механизм слияния суммы ярославского выхода с выплатами со всего удела: если в 1473 г. в договоре великого князя Ивана Васильевича со своим братом князем углицким Андреем Васильевичем упоминается от имени князя Андрея что «выход мне давати по тому как еси давал после отца моего великого князя, доколе опишемся, по духовной грамоте отца своего» [ДДГ: 234, ср. 236, 238, 240, 244, 246, 249, № 70], то в договоре 1481 г. уже упомянута конкретная сумма: «А въ выход ти мне давати, въ тысячу рублев, сто рублев и тритцят(ь) алтын и три денги <...> А с Романова городка давати ти татарщину къ Ярославлю по старине» [ДДГ: 254, ср. 256–257, 259, 262, 265, 267, № 72]. То есть сумма великокняжеских сборов для выхода в Орду определяется в 1000 рублей, тогда как «татарщина» с Романова городка в Ярославль составляет отдельную сумму. Однако уже в договоре 1486 г. обе выплаты объединены в одну сумму и в единый оклад: «А въ выход ти нам давати со всее съ своее вотчины, и с Романова городка, в тысячу рублев, сто рублев и полшеста рубля и пол(ь)осма алт(ы)на» [ДДГ: 325, ср. 328, № 82]. То есть сумма с Романова городка (составившая $155,75 - 133,3 = 22,45$) присоединена к общей великокняжеской, а «ярославский выход» слился с общекняжеским.

Таким образом, наряду с нижегородским выходом в договорах русских князей точно фиксируется существование ярославского оклада, который к 1486 г. слился с общекняжескими суммами. Ответственность за его сбор до включения ярославских земель в состав владений московского княжеского дома была возложена на ярославских князей, а местом его концентрации должен был быть Ярославль.

Показательно, что во время восстания против ордынских откупщиков в 1262 г. («вкупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани») как очаги волнений названы Ростов, Владимир, Суздаль и Ярославль: «и выгнаша из городов . из Ростова . изъ Володимера . ис Суждала изъ Ярославля» [ПСРЛ (1): 476]. Надо полагать, что перечисленные города как раз и являлись административными центрами сбора ордынских налоговых поступлений. Соответственно, кроме Ярославля и великокняжеского Владимира, Нижнего Новгорода и Москвы, известных нам по духовным и договорным грамотам русских князей, к центрам концентрации ордынского выхода стоит отнести Ростов и Суздаль.

Относительно Суздаля как одного из центров сбора ордынского выхода важно свидетельство договора князя Дмитрия Юрьевича Шемяки с суздальскими князьями Василием Юрьевичем и Федором Юрьевичем (7 июня — 17 ноября 1445 г.). Во-первых, от имени суздальских князей провозглашается важный пункт удельного суверенитета: «А Орда намъ, г(осподи)не, знати собою». Во-вторых, подчеркивается: «А въ прадедину н(а)шю, и в дедину, и въ отч(и)ну, в Суздаль, в Новгород, в Городец, и въ Вятку, и во всю пятетем Новъгородскую, тебе, г(осподи)ну н(а)шему, кн(я)зю Дмитри(ю) Юриевич(ю), и твоему с(ы)ну, кн(я)зю Иван(у), не вступатися ничим» [ДДГ: 119, № 40]. То есть в договоре выделены княжеские центры Нижегородско-Суздальского княжества, а также отмечено, что территория княжества составляла пять «тем» — 50 000 налогооблагаемых хозяйств. При окладе в полтину с сохи ордынский выход должен был составить 2500 рублей (10% от всего сбора в 25 000 рублей). Однако в договоре великого князя Василия Дмитриевича с князем Владимиром Андреевичем нижегородский выход определен в полторы тысячи рублей. При этом из перечисленных в договоре 1445 г. центров Нижегородско-Суздальского княжества в начале XV столетия (времени договора Василия I и серпуховского князя) неподконтрольным московскому княжескому дому оставался именно Суздаль. Таким образом, на суздальский удел выпадает сумма в 1000 рублей (2500 общего оклада минус 1500 нижегородской дани) и 20 000 — две «тмы» хозяйств.

Кроме того, учет единиц налогообложения позволяет рассмотреть иные суммы ордынского выхода и их сочетания при учете количества упоминаемых в источниках хозяйств. К примеру, Хронограф редакции 1512 г. сохранил свидетельство о том, что к 1399 г. Великое княжество Владимирское состояло из 170 000 хозяйств, т. е. 17 «тем» [ПСРЛ (22): 423]. При учете ставки налогообложения в «рубль с двух сох», или «полтина с деревни», общая сумма сборов должна была составить 85 000 рублей, а десятипроцентный ордынский выход — 8500 рублей. Показательно, что именно такую сумму дает объединение семитысячного оклада, упоминаемого в завещаниях русских князей, и полторатысячного нижегородского оклада.

Без нижегородской части облагаемых хозяйств владимирское исчисление составит 140 000 податных единиц — т. е. 14 «тем». А в случае включения в сумму семи тысяч московской тысячи и ростовской или/(и?) ярославской (предположительно) исключительно владимирский оклад составит 5000 рублей, собираемых с 100 000 хозяйств, или 10 «тем». В случае прибавления к этим десяти «тмам» пяти «тем» Нижегородско-Суздальского княжества мы получаем цифру в 15 «тем» (150 000 хозяйств). Симптоматично, что именно это количество хозяйств указано в Рогожском летописце при описании передачи ярлыка на великое княжение нижегородскому княжескому дому в 1360 г.: «дая <...> княжение великое, 15 темъ» [ПСРЛ (15/1). Стлб. 68]. А сумма выхода с данного количества хозяйств должна была бы составить 7500 рублей.

Любопытно в связи с данными расчетами упоминание в Новгородской IV летописи еще одной суммы ордынского выхода. Так, под 6891 (1383) годом отмечено, что «посла князь великий Дмитрий в орду къ царю сына своего Василья <...> тягаться о великом княжении», а также указано, что «выиде из орды князь Михаило Тферьскый безъ великаго княжения, а Василья Дмитриевича

приа царь въ 8000 сребра» [ПСРЛ (4/1. Вып. 2): 339]. А. А. Горский, исходя из положения о том, что ежегодный ордынский выход составлял 5000 рублей, включая московскую тысячу, отметил, что указанная сумма в 8000 рублей представляет собой сумму сборов для ханской казны с Великого княжества Владимирского за два года (по 4000 в год): «...очень вероятно, Василий привез в Орду дань за два года с Московского княжества <...>, а уже в Орде была достигнута договоренность, что Дмитрий заплатит за те же два года выход с территории великого княжества Владимирского (8000 рублей)» [Горский 2000: 109]. Рассуждения Горского вполне справедливы. Однако если предположить, что 8000 рублей представляли собой не долг за два года, а ежегодную выплату, которую гарантировал московский князь, то эта сумма должна была состоять, к примеру, из 7000 (великокняжеская) плюс 1000 (московская) рублей. Но такой состав возможен, если тысячу Москвы исключить из семитысячного оклада, известного по духовным и договорным грамотам князей. Причем условием такой вероятности должно быть, к примеру, исчисление ярославского выхода (также известного по грамотам) в тысячу рублей и ростовского выхода (выявляемого по косвенным данным) в такую же сумму — тысячу рублей. Если именно эти суммы составляли две тысячи, прибавляемые к пятитысячному владимирскому окладу, тогда московская тысяча добавлялась к суммам общих раскладов выплат в Орду. Именно московский князь мог гарантировать сбор средств с Ростова и Ярославля, а также иных земель Владимирского княжества, тогда как ни тверской, ни нижегородские князья такими ресурсами в середине 1380-х годов не обладали.

К примеру, сумма выхода с Тверского княжества в 1321 г. составляла 2000 рублей [ПСРЛ (3): 96; (15/1). Стлб. 41]. Как подчеркнул А. А. Горский, поскольку весной 1321 г. ордынскими должниками были собраны недоимки со второго по значению города в княжестве — Кашина, есть все основания полагать, что «тверские платежи за предыдущие годы были собраны, и эти 2000 рублей являлись данью за один год» [Горский 2000: 53]. К 1380-м годам тверские князья добились самостоятельности в отношениях с Ордой, и в частности в выплатах выхода. В случае же получения ярлыка на Владимир тверской князь Михаил Александрович мог обеспечить выплату в 7000 рублей (5000 владимирской дани плюс 2000 тверской). И то только в том случае, если бы тверскому князю удалось организовать сборы с Великого княжества Владимирского: когда в 1371 г. князь Михаил прибыл к стенам Владимира с ярлыком на великое княжение от Мамай, ему не удалось даже войти в город для интронизации [ПСРЛ (15/1). Стлб. 93; 95; Горский 2000: 83–84].

Таким образом, соотнесение суммы ордынского выхода с количеством налогооблагаемых хозяйств позволяет нам сделать следующие наблюдения.

Во-первых, прослеживается четкая корреляция между зафиксированными в духовных и договорных грамотах суммами выплат в Орду и указанными податными единицами в виде «тем». Во всяком случае, свидетельства о Нижегородско-Суздальском княжестве как сумме хозяйств в пять «тем» («пятитем новгородская») и о доле выплат с Нижнего Новгорода, Городца и Вятки в 1500 рублей позволяют выделить долю выплат с Суздаля и определить ее в 1000 рублей, а общую сумму с Нижегородско-Суздальского княжества — в 2500 рублей. Соответственно, с 50 000 хозяйств в Орду собиралось 2500 рублей.

Во-вторых, выявленное соотношение позволяет определить порядковые числа налогооблагаемых единиц и в других княжествах, суммы выплат с которых встречаются в источниках. В частности, в Московском княжестве при выплатах в тысячу рублей должно быть 20 000 хозяйств — две «тьмы». Во Владимирском великом княжестве при сумме оклада в 5000 рублей — 100 000 хозяйств — 10 «тем»; при окладе в 7 000 рублей — 140 000 хозяйств (14 «тем»). Тверское княжество, выплачивавшее 2000 рублей, составляло 40 000 хозяйств — четыре «тьмы».

В-третьих, перед нами открывается возможность обратных расчетов: если нам известно количество налогооблагаемых хозяйств, то мы можем выявить и сумму выплат с территории. В частности, сохранившееся в Любецком синодике свидетельство о том, что великий князь черниговский Олег Романович оставил «дванадесять тем людей» [Зотов 1892: 26] — 12 000 хозяйств, — позволяет рассчитать суммы выхода с Черниговских земель в конце XIII столетия. При применении предложенной методики расчетов сумма оклада должна составить 6000 рублей.

О количестве хозяйственных единиц в Новгородской земле около 1430 г. может свидетельствовать упоминание о сборе и выплате контрибуции великому князю Витовту в 1428 г.: «И ту приеха владыка Еуфимий <...> и докончаша другую 5000 серебра <...> а то серебро браша на всихъ волостех Новгородскихъ и за Волоком, с десяти человекъ по рублю» [ПСРЛ (4/1. Вып. 2): 432]. Данный расклад показывает, что к этому времени в Новгородской земле (включая заволоцкие владения) существовало 50 000 хозяйств, несущих бремя налогообложения. Ордынский выход — черный бор московского князя — должен был составить в таком случае 2500 рублей, что в два с половиной раза превышало количество серебра, собиравшегося в великокняжескую казну с территории Московского княжества. Показательно, что по расчетам Д. Мартин ежегодный доход от максимального экспорта Великим Новгородом беличьих шкурок в конце XIV в. составлял около 2800 рублей [Martin 1986: 270–288]. Именно эта статья внешней торговли Великого Новгорода, по мнению Г. Г. Попова, иногда покрывала требования великих князей ордынского выхода и составляла черный бор [Попов 2011: 28–29]. Таким образом, различные способы расчета суммы ордынского выхода показывают примерно равные цифры: во всяком случае, порядок цифр принципиально соизмерим (погрешность составляет 11%) [Селезнев 2020b].

Однако П. Н. Павлов [1958: 96] применительно к событиям зимы 1327/1328 г., когда на Тверское княжество была направлена карательная экспедиция хана Узбека, определяет сумму выхода с Великого Новгорода в 2000 рублей. Основой такого мнения является свидетельство Новгородской I летописи о том, что, разорив Тверское княжество и Новоторжскую волость, «И в Новьгород прислаша послы Татарове, и даша имъ новгородци 2000 серебра, и свои послы послаша с ними к воеводамъ съ множествомъ даровъ» [ПСРЛ (3): 98]. Павлов подчеркивает, что обозначенная сумма — не контрибуция, ведь Новгород не подвергся нападению, а в условиях, когда владимирский великокняжеский стол оказался вакантным, хан Узбек поручил своим послам взыскать выход с новгородцев [Павлов 1958: 96]. Действительно, контекст летописной записи четко разводит ордынских послов, которым «даша 2000 се-

ребра» и ордынских воевод, к которым прибыли новгородские послы «съ множеством даровъ». Вероятно, для первой трети XIV столетия сумма выхода с Новгорода определялась в 2000 рублей. Увеличение могло произойти в связи с присоединением «закамского серебра» — выплат с «заволоцких» владений Великого Новгорода. Такое требование выдвинул в 1333 г. князь Иван Данилович: «Того же лета великий князь Иванъ приде изъ Орды и възверже гневъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамьского» [ПСРЛ (3): 99]. В. Л. Янин обратил внимание на свидетельство так называемой Коми-Вымской летописи, в которой под 1333 г. отмечено: «Лета 6841. Князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, почто устюжци и ноугородци от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру, и с тех времен князь московской начал взымати дани с пермские люди» [Документы 1958: 257; Янин 1983: 101]. Контрибуцию для литовского князя Витовта в 1428 г. собирали «на всихъ волостех Новгородцихъ и за Волоком». В этой связи можно предполагать, что доля сборов в сумму ордынского выхода с Вычегды и Печеры составляла 500 рублей с 10 000 хозяйств; взималась она в великокняжескую казну нерегулярно, начиная с 1330-х годов. До этого времени основную сумму новгородского выхода составляли 2000 рублей, собираемых с 40 000 хозяйств.

Таким образом, свидетельства духовных и договорных грамот, а также летописные данные позволяют выявить основания для соотнесения суммы ордынского выхода с количеством налогооблагаемых хозяйств. При этом вполне вероятно, что введенные монголами при переписи населения нормы счета налогооблагаемых объектов и рекрутского призыва в десятичных единицах отразились и на расчете денежных норм. Возможно, основой таких расчетов стали условные тысячи, на следы которых обратил внимание В. А. Кучкин [2019]. Такими тысячами вполне могли быть центры удельных княжеств. Прямые и косвенные свидетельства позволяют предположительно назвать ряд подобных городских и княжеских центров. Однако выявление особенностей и деталей формирования и функционирования центров сбора ордынского выхода требует более глубокого и детального исследования системы налогообложения на Руси в XIII–XV вв.

Источники

- Джувейни 2004 — *Ала-ад-Дин ата-Мелик Джувейни*. Чингиз-хан: История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Документы 1958 — Документы по истории Коми / Публ. П. Г. Доронина // Историко-филологический сборник / Коми филиал АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С. 241–271.
- Житие 2000 — Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6: XIV — середина XV в. / Под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 2000. С. 254–411.

- Повесть 1984 — Повесть о Петре, царевиче ордынском // Памятники литературы Древней Руси. [Вып. 6]: Конец XV — первая половина XVI века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худ. лит., 1984. С. 20–37, 667–671.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки рус. культуры, 1997; Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1: Новгородская четвертая летопись. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1915; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2: Новгородская четвертая летопись. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1925; Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. М.: Языки рус. культуры, 2000; Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Тип. М. А. Александра, 1911.

Литература

- Аракчеев 2017 — *Аракчеев В. А.* Порядок сбора ордынского «выхода» в русских землях во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: Материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга) / Отв. ред. И. Н. Берговская, В. Д. Назаров. Калуга: Изд. Захаров С. И. (СерПа), 2017. С. 17–31.
- Арапов 2013 — *Арапов Д. Ю.* Почтовые повинности в Азии и Восточной Европе в древности и раннем средневековье // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. 25. 2013. С. 7–11.
- Вернадский 1997 — *Вернадский В. Г.* Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН; М.: АГРАФ, 1997.
- Горский 1998 — *Горский А. А.* Московско-Ордынский конфликт начала 80-х гг. XIV века: причины, особенности, результаты // Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время: Сб. тезисов XVII конф. памяти В. Д. Королюка / [Отв. ред. Л. В. Зборовский]. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1998. С. 31–32.
- Горский 2000 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.
- Горский 2014 — *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). 2014. С. 58–79.
- Зотов 1892 — *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1892.
- Каштанов 1988 — *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М.: Наука, 1988.
- Ключевский 1988 — *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 2 / Под ред. В. Л. Янина; Послел. и коммент. сост. В. А. Александров, В. Г. Зимина. М.: Мысль, 1988.
- Кучкин 1984 — *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984.
- Кучкин 2019 — *Кучкин В. А.* Ордынский «выход» (по материалам душевных и договорных грамот русских князей XIV–XVI вв.) // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Сб. материалов X междунар. конф. (9–13 сентября 2019 г.): Прилож. к ж-лу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» / Отв. ред. Е. Л. Коняевская. М.: Индрик, 2019. С. 110–111.
- Павлов 1958 — *Павлов П. Н.* К вопросу о русской дани в Золотую Орду // Ученые записки Красноярского государственного педагогического института. Т. 13. Вып. 2. 1958. С. 74–112.
- Попов 2011 — *Попов Г. Г.* Влияние монгольского завоевания на социально-экономическое развитие Руси. Основные аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Экономика. 2011. № 4. С. 28–29.
- Селезнев 2010 — *Селезнев Ю. В.* Токтамыш — последний хан единой Орды // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 122–131.

- Селезнёв 2012 — Селезнёв Ю. В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминологическая заметка) // Российская история. 2012. № 4. С. 107–110.
- Селезнёв 2017a — Селезнёв Ю. В. «Татарский проезд» — фискальное обеспечение административного управления и транспортных коммуникаций золотоордынского государства (на территории русских земель) // Золотоордынское обозрение = Golden Horde Review. Т. 5. № 3. 2017. С. 591–599.
- Селезнёв 2017b — Селезнёв Ю. В. Картины ордынского ига. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2017.
- Селезнев 2020a — Селезнев Ю. В. «А переменит Бог Орду...» (руско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV вв.). Воронеж: Науч. книга, 2020.
- Селезнев 2020b — Селезнев Ю. В. Количество сельского населения в Новгородской земле в конце XIV — XV в. // Социальный мир деревни X–XXI вв.: Земельные собственники / землевладельцы и земледельцы: XXXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений: Воронеж, 22–25 сентября 2010 г. / Ред. кол.: А. А. Горский (Отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 2020. С. 9–12.
- Трепавлов 2015 — Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015.
- Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Черепнин 1960 — Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1960.
- Янин 1983 — Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде в XIV–XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной науч. конф. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 98–107.
- Martin 1986 — Martin J. Treasure of the land of darkness: The fur trade and its significance for medieval Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.

References

- Arakcheev, V. A. (2017). Poriadok sbora ordynskogo “vykhoda” v russkikh zemliakh vo vtoroi polovine XV v. [The order of collecting the Horde tribute in Russian lands in the second half of the 15th century]. In I. N. Bergovskaia, & V. D. Nazarov (Eds.). *Velikoe stoianie na reke Ugre i formirovanie rossiiskogo tsentralizovannogo gosudarstva: lokal’nye i global’nye konteksty: Materialy Vserossiiskoi s mezhnunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii (30 marta — 1 apreliia 2017 g., Kaluga)* (pp. 17–31). Izdatel’ Zakharov S.I. (SerNa). (In Russian).
- Arapov, D. Iu. (2013). Pochtovye povinnosti v Azii i Vostochnoi Evrope v drevnosti i rannem srednevekov’e [Postal duties in Asia and Eastern Europe in the antiquity and the early Middle Ages]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov’e*, 25, 7–11. (In Russian).
- Cherepnin, L. V. (1960). *Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv.: Ocherki sotsial’no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi* [Formation of the Russian centralized state in the 14th–15th centuries: Essays on the socio-economic and political history of Russia]. Izdatel’s tvo sotsial’no-ekonomicheskoi literatury. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (1998). Moskovsko-Ordynskiy konflikt nachala 80-kh gg. XIV veka: prichiny, osobennosti, rezul’taty [The Moscow-Horde conflict of the early 80’s of the 14th century: causes, features, results]. In L. V. Sborovskii (Ed.). *Slaviane i kochevoi mir: Srednie veka — rannee Novoe vremia: Sbornik tezisov XVII konferentsii pamiati V. D. Koroliuka* (pp. 31–32). Institut slavianovedeniia RAN. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2000). *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Nauka. (In Russian).
- Gorskii, A. A. (2014). Utverzhdenie vlasti Mongol’skoi imperii nad Rus’iu: regional’nye osobennosti [The assertion of the power of the Mongol Empire over Russia: regional features]. *Istoricheskii vestnik*, 10(157), 58–79. (In Russian).

- Kashtanov, S. M. (1988). *Finansy srednevekovoi Rusi* [Finances of medieval Russia]. Nauka. (In Russian).
- Khoroshkevich, A. L. (2001). *Rus' i Krym: Ot soiuza k protivostoianiiu: Konets XV — nachalo XVI vv.* [Rus and Crimea: From union to confrontation: Late 15th — early 16th centuries]. Editorial URSS. (In Russian).
- Kliuchevskii, V. O. (1988). *Sochineniia* [Works] (Vol. 2). Mysl'. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (1984). *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.* [The formation of the state territory of North-Eastern Rus in the 10th–14th centuries]. Nauka. (In Russian).
- Kuchkin, V. A. (2019). Ordynskii “vykhod” (po materialam dushevnykh i dogovornykh gramot russkikh kniazei XIV–XVI vv.) [The Horde “tribute” (based on materials of testaments and contractual documents of Russian princes in the 14th–16th centuries)]. In E. L. Koniavskaia (Ed.). *Kompleksnyi podkhod v izuchenii Drevnei Rusi: Sbornik materialov X mezhdunarodnoi konferentsii (9–13 sentiabria 2019 g.): Prilozhenie k zhurnalu “Drevniaia Rus’*. *Voprosy medievistiki*” (pp. 110–111). Indrik. (In Russian).
- Martin, J. (1986). *Treasure of the land of darkness: The fur trade and its significance for medieval Russia*. Cambridge Univ. Press.
- Pavlov, P. N. (1958). K voprosu o russkoi dani v Zolotuiu Ordu [On the issue of Russian tribute to the Golden Horde]. *Uchenye zapiski Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 13(2), 74–112. (In Russian).
- Popov, G. G. (2011). Vliianie mongol'skogo zavoevaniia na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rusi. Osnovnye aspekty [Influence of the Mongol conquest on the socio-economic development of Russia. The main aspects]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Ser. Ekonomika*, 2011(4), 28–29. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2010). Toktamys — poslednii khan edinoi Ordy [Toktamys — the last Khan of a united Horde]. *Voprosy istorii*, 2010(2), 122–131. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2012). Proiskhozhdenie poniatii “mongolo-tatarskoe igo” (terminologicheskaiia zametka) [Origin of the concept “Mongol-Tatar yoke” (terminological note)]. *Rossiiskaia istoriia*, 2012(4), 107–110. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2017a). *Kartiny ordynskogo iga* [Pictures of the Horde yoke]. Izdatel'skii dom VGU. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2017b). “Tatarskii proezd” — fiskal'noe obespechenie administrativnogo upravleniia i transportnykh kommunikatsii zolotoordynskogo gosudarstva (na territorii russkikh zemel') [“Tatar passway” — fiscal provision of administrative management and transport communications of the Golden Horde state (on the territory of the Russian lands)]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, 5(3), 591–599. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2020a). “A peremenit Bog Ordu...” (russko-ordynskie otnosheniia v kontse XIV — pervoi treti XV vv.) [“And if God will change the Horde...” (Russian-Horde relations at the end of the 14th — first third of the 15th century)]. Nauchnaia kniga. (In Russian).
- Seleznev, Iu. V. (2020b). Kolichestvo sel'skogo naseleniia v Novgorodskoi zemle v kontse XIV — XV v. [The number of rural population in the Novgorod land at the end of the 14th–15th centuries]. In A. A. Gorskii et al. (Eds.). *Sotsial'nyi mir derevni X–XXI vv.: Zemel'nye sobstvenniki / zemlevladel'tsy i zemledel'tsy: XXXVII sessiia Simpoziuma po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy: Tezisy dokladov i soobshchenii: Voronezh, 22–25 sentiabria 2010 g.* (pp. 9–12). IRI RAN. (In Russian).
- Trepavlov, V. V. (2015). *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory* [Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars]. Kvadriga. (In Russian).
- Vernadskii, V. G. (1997). *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Russia]. LEAN; AGRAF. (In Russian).

- Yanin, V. L. (1983). "Chernyi bor" v Novgorode v XIV–XV vv. ["Black tax" in Novgorod in the 14th–15th centuries]. In B. A. Rybakov (Ed.). *Kulikovskaia bitva v istorii i kul'ture nashei Rodiny: Materialy iubileinoi nauchnoi konferentsii* (pp. 98–107). Izdatel'stvo MGU. (In Russian).
- Zotov, R. V. (1892). *O chernigovskikh kniaz'iah po Liubetskomu sinodiku i o chernigovskom kniazhestve v tatarskoe vremia* [About the Chernihiv princes according to the Lyubetsky Synodicon and about the Chernihiv Principality in the Tatar period]. Tipografiia brat'ev Panteleevykh. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Юрий Васильевич Селезнёв

*доктор исторических наук
профессор, кафедра истории России,
исторический факультет, Воронежский
государственный университет
Россия, 394018, Воронеж,
Университетская пл., д. 1
Тел.: +7 (473) 224-75-14
✉ orda1359@mail.ru*

Information about the author

Yuri V. Seleznev

*Dr. Sci. (History)
Professor, Department of Russian History,
Faculty of History, Voronezh State University
Russia, 394018, Voronezh,
Universitetskaya Sq., 1
Tel.: +7(473) 224-75-14
✉ orda1359@mail.ru*

А. Л. Лифшиц

ORCID: 0000-0002-8854-0479

✉ alifshits@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

ДВЕ КОСТРОМСКИЕ ГРАМОТЫ XVII в. ИЗ СОБРАНИЯ БИБЛИОТЕКИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В фондах Научной библиотеки Московского государственного университета хранится небольшое число древнерусских актов документов, поступивших в собрание разными путями. Две ранее неизвестных грамоты 1630-х годов поступили в собрание в разное время. Их объединяет то, что обе касаются землевладения в Костромском уезде Московского государства. Ввозная грамота, данная в 1631 г. братьям Ивану и Василию Ромодановским на земли, ранее принадлежавшие дьяку Марку Поздееву, предъявлялась следующими владельцами при межевании второй половины XVIII в. Расписка помещика Василия Васильевича Бестужева — ценнейшее свидетельство существования документального оформления частного сервитута. Оба документа содержат сведения о лицах и отношениях, не отраженные в существующей научной литературе. Грамоты публикуются с комментариями.

Ключевые слова: Россия, XVII век, царь Михаил Федорович, Ромодановские, Бестужевы, землевладение, Костромской уезд, эдичионная археология

Благодарности. Работа выполнена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Семиотика книжного и не книжного текста — славянский мир между Западом и Востоком».

Для цитирования: Лифшиц А. Л. Две костромские грамоты XVII в. из собрания библиотеки Московского университета // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 186–197. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-186-197>.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2020 г.
Принято к печати 23 февраля 2022 г.

A. L. Lifshits

ORCID: 0000-0002-8854-0479

✉ alifshits@hse.ru

National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)

TWO 17TH CENTURY KOSTROMA CHARTERS FROM THE COLLECTION IN THE MOSCOW UNIVERSITY LIBRARY

Abstract. The holdings of the Scientific Library of Moscow State University contain a number of ancient Russian records that came to the collection in different ways. Two previously unknown charters from the 1630s entered the collection at different times and are united by the fact that both relate to land ownership in the Kostroma region of the Moscow state. The “vvoznaia” (constitutive) charter was given in 1631 to the brothers Ivan “the Bigger” and Vasily “the Lesser” Romodanovsky for lands that previously belonged to the official Mark Pozdeev. The document supplements the scarce information about Ivan Romodanovsky, the elder son of boyar Grigorii Romodanovsky. It remained the title deed for at least the next 150 years and was presented by the following owners when surveys were conducted in the second half of the 18th century. The receipt of the landowner Vasilii Vasil’evich Bestuzhev is key evidence of the existence of documentary registration of a private easement in 17th century Russia. At the same time, the document is almost the only evidence of the existence of Vasilii Bestuzhev and his son Fedor. Both documents contain information about persons and relationships that is not reflected in the existing scholarly literature. The charters are published with commentaries.

Keywords: Russia, 17th century, Tsar Mikhail Fedorovich, Romodanovskys, Bestuzhevs, land ownership, Kostroma district, document publishing

Acknowledgements. The work was performed at the National Research University Higher School of Economics within the project “Semiotics of book and non-book text — the Slavic world between East and West”.

To cite this article: Lifshits, A. L. (2022). Two 17th century Kostroma charters from the collection in the Moscow University Library. *Shagi / Steps*, 8(3), 186–197. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-186-197>.

Received November 5, 2020

Accepted February 23, 2022

Немногочисленные древнерусские грамоты в фондах Научной библиотеки Московского государственного университета (НБ МГУ) имеют разное происхождение. Некоторые поступили в собрание вместе с книжными коллекциями [Белькинд, Лифшиц 2019], другие — в составе частных архивов [Морозов 1993]¹. Две публикуемые грамоты XVII в., связанные с землевладением в Костромском уезде, также были приобретены различными путями. Одна из них была куплена через букинистический магазин, другая привезена вместе со старопечатными и рукописными книгами из археографической экспедиции. Обе относятся ко времени царствования царя Михаила Федоровича и датируются четвертым десятилетием XVII в.

Первая из них — царская ввозная грамота, вторая — частный документ, представляющий собой расписку в получении денег за взятую в аренду землю. Обе они по-своему интересны деталями и подробностями жизни, о которых едва ли можно было бы узнать иным путем.

Тексты передаются буква в букву, строка в строку с разделением на слова и обозначением букв, вынесенных над строкой; пропущенные при сокращениях слов буквы приводятся в квадратных скобках; добавлены отсутствующие в оригинале знаки пунктуации и переносы, а также прописные буквы в начале синтаксических периодов и имен собственных. Утраченные из-за дефектов писчего материала буквы восстанавливаются в угловых скобках.

**1. Ввозная грамота царя Михаила Федоровича князьям
Ивану и Василию Григорьевичам Ромодановским на пустошь
Северово Дворище во Владычинской волости Костромского уезда.
11 июня 1631 г. НБ МГУ, Слав. рук. 2020.**

Ъ ц[а]рѣ і великого кн[я]сѣа Михаила
Федоровича Всеа Руси^и в' Котро^иско^и
Ѹѣ^идъ в Хоругано^и ста^и во Владычи^и-
скую волость в' пусто^иш[ь] Сѣверово Дво-
рище, что была в помѣстьѣ са
дѣакомъ за Ма^икомъ По^идѣвы^и,
к' се^ицѣ Рѣпищѣ s д[е]р[е]в^инями и с пѣсто-
ш'ми, а н[ы]не дана в' помѣстьѣ сто^ил^и-
нико^и кн[я]сю Иванѣ да кн[я]сю Василью
Ромодановскимъ, всѣмъ кр[е]стьа-
номъ которые на то^и пѣсто-
ши Ѹчну^ит жити. Били намъ чело^и
кн[я]сѣ Ива^и же да кн[я]зѣ Василе^и Ромо-
дановские. Н[а]шего де жалова^ин[ь]ѣ
велено за ними по окладу Ѹчини^ити^и
помѣстьѣ: са кн[я]семъ Иваномъ
на шесть сотъ че^ит^ил^и, а са кн[я]семъ
Васи^ил[ь]емъ на пя^ит^ил^и сотъ на пя^ит^ил^и-
деся^ит че^ит^ил^и. И за ними де помѣстьѣ:

¹ В этой публикации кратко описан 51 документ семейного архива Иевлевых 1613–1729 гг.

за кн[я]семъ Иваномъ на Костромѣ
да в Галиче да в О^рсамасе двѣ—
сте четьре че^{ти}, а ^{за} кн[я]се^м Васи^н[ь]емъ //
в О^рзамасе да на Костромѣ да на Ёгле-
че двѣсте пя^тдеся^т четьре че^{ти}
с осминою. А ^в прошло^м де во .РЛЕ.^м го^{ду}
дано имъ н[а]шего жалова^н[ь]ѣ в Костро^мско^м
8^ѣ де дѣака и^з Ма^ркова помѣстѣа
По^здѣва се^лцо Рѣпище с д[е]р[е]в^нями
и с пѣсто^шми на сто на пя^тдеся^т че^т[е]и.
И са тѣмъ де о^тводо^м остало^{с[ь]} того Ма^р-
кова помѣстѣа пѣсто^{ш[ь]} Сѣверово
Дворище, и лежала в поро^зжи^х семля^х.
И они де кнѣ^{з[ь]} Ива^н да кн[я]зѣ Васи^ле^н в про-
шло^м во .РЛИ.^м году о то^и пѣстоши Сѣ-
верове Дворище намъ били челомъ.
И по и^х де челобитью дана и^м была
н[а]ша о^тка^знаа грамота, и о^тказные
де кн[и]ги то^и пѣстоши к Москве при-
сланы, а имъ де кн[я]сю Ивану да кн[я]зю
Васи^н[ь]ю на тое пѣсто^{ш[ь]} Сѣверово Дво-
рище н[а]шие вво^зные грамоты не да-
но, и имъ ^{де} тою пѣсто^{ш[ь]} владѣ^т[ь] не
по чем⁸. И намъ бы и^х пожалова^т[ь]
на тое пѣсто^{ш[ь]} Сѣверово Дворище
с о^тка^зны^х кни^г велѣ^{ти} имъ да^{ти} н[а]ш⁸
вво^зн⁸ грамот⁸. А по о^тказны^м кн[и]гамъ //
ѿказу с[ы]на боярсково Григорѣа До-
машнево прошлого .РЛИ.^{г[о]} го^{ду} в то^и
пѣстоши Сѣверове Дворище на-
писано пашни и перелог⁸, и лѣсомъ
поро^сло восемь че^т[ь] в поле, а ^в дв⁸
по тому ^ж. I вы ^б всѣ кр[е]стьяне, ко-
торые на то^и пѣстоши Сѣверов^{<е>}
Дворище 8чну^т жити, сто^нниковъ
кн[я]сѣя Ивана да кн[я]сѣя Василья кнѣ^ж
Григорьевы^х дете^н Ромодано^вского слу-
ше^{ни}, пашню на ни^х пахали и дохо^д имъ
помѣщико^в плати^{ли}. Писано на Москвѣ
лѣта ^жЗРЛѸ.^{г[о]} июня въ .АІ.^{де[нь]}

Документ представляет собой столбец из трех сставов и бумажного фрагмента, которым он был надставлен сверху для обеспечения большей сохранности и который мог служить местом для возможных делопроизводственных помет (лист-обертка).

Судя по характерным многочисленным разрывам по краям и заламам, бумажный свиток был смят и хранился так долгое время. Во избежание дальней-

шего разрушения памятника были проведены реставрационные работы, в результате которых документ был расклеен; на реставрационном совете приняли решение не возобновлять склейку сставов. Работы выполнены в 2017–2018 гг. в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ реставратором высшей категории Л. А. Трубниковой. В настоящее время сставы хранятся в распрямленном виде по отдельности.

Первый сстав имеет размеры 14,8–14,7 × 34,6–34,9 см. В левой верхней части видна нижняя часть филигранный «кувшинчик» — с двумя ручками, рисунком сердца и литерой М слева внизу; рисунок сходен с тем, что приведен в [Дианова, Костюхина 1980, № 821] и датируется 1631 годом. Второй сстав имеет размеры 14,6–14,7 × 36,0 см; водяного знака на сставе нет. Третий сстав имеет плику, загнутую к оборотной стороне столбца; размеры 14,7 × 23,9, плика — 6,2 см. В верхнем левом углу сстава виден фрагмент (меньше четверти) водяного знака «кувшинчик»; не отождествляется. В нижней части в две вертикальные прорези столбца и плики вставлена полоска бумаги, к которой приложены были три печати: сохранились фрагменты черного воскового сстава.

Лист-обертка из более плотной вержированной бумаги без маркировочных водяных знаков имеет размеры 16,1 × 15,3 см.

На обороте столбцов расположено несколько надписей. В верхней части сстава 1 находится подпись:

Ц[а]рь і великіи кня^{а[в]} Михаило Федорови^а всеа Р⁸сиі

В месте двух склеек сставов читается скрепа. На стыке сставов 1 и 2:

Діакъ

На стыке сставов 2 и 3:

Вене^{лн}ктъ Махо^а

На обороте сстава 3 чуть выше прорези для бумажной ленты:

Справи^а Іа^кдшко Васи^е<в>

На обороте плики тем же почерком, что и вся грамота, вверх ногами по отношению к остальным текстам документа:

По^мѣта Васи^а[ъ]ева в' кн[и]гу . пи^е<ано>

На обороте сстава 2 помещается расписка межевщика капитана Ивана Карсакова (Корсакова) о снятии с грамоты копии в 1761 г.:

1761 го^лу марта 29 дня сия вво^зная грамота
в Костро^мскомъ правинциа^лномъ межево^м правленіи
ведо^мства правинциа^лного межевщика капитана
Карсакова при скаскѣ Костромскаго уезд⁸

Хоругано^{ва} стан⁸ во^тчины лей^бгварди Пре^браже^н-
ского по^тку капитана пору^тчика Федора Ивано^{ва}
с[ы]на Козлова се^тца Репища старосты Сем^тна
Иванова явлена и копия с н^те к м^тжевы^м
дела^м принята і по сверени^и с по^длинною о^тдана
оная о^братно показанно^мс старо^тт^ь Иванов⁸
с роспискою: Капитанъ Иванъ Карсаковъ

Еще ниже расположена заверительная подпись также почерком середины XVIII в.:

Канцеляри^{ст} ІАСАӨЪ Шу^тги^и

На обороте сстава 3 также имеются проставленные карандашом шифр и инвентарный номер грамоты в собрании НБ МГУ и карандашная же помета «Величко».

Данная 11 июня 1631 г. от имени царя Михаила Федоровича ввозная грамота закрепляет за двумя из многочисленных детей боярина Григория Петровича Ромодановского — Иваном и Василием [Родословная книга 1787: 74–75; Долгоруков 1855: 50] — право владения землей, которое уже было записано в «Отказной книге» боярским сыном Григорием Домашневым².

Среди сыновей Григория Ромодановского было два Ивана и два Василия, однако из последовательности, в которой упоминаются владельцы Северова Дворища в грамоте, можно заключить, что речь в ней идет об Иване Большом Григорьевиче и Василии Меньшом Григорьевиче Ромодановских.

О первом из них, носившем еще прозвище *Молчанка*, известно немного³. На приеме английского посла 13 июня 1627 г. он был назначен первым рындой; его брат Василий Меньшой был вторым [РБС (17): 82]. О Василии Меньшом Григорьевиче Ромодановском сведений гораздо больше. Он был дипломатом и воеводой, стольником и боярином и скончался в 1671 г. [Там же: 82 слл.; Антонов 1996: 284].

Поместье, о котором идет речь в документе, было выделено Ромодановским в 1626/1627 г., а документы, подтверждающие владения, были испрошены вотчинниками лишь в 1629/1630 г.

Земли располагаются в современном Нерехтском районе Костромской области, и некоторые населенные пункты сохранили свои имена.

Владычинская волость, или Владычня, названная так по существующему и в настоящее время селу, располагалась на правом берегу Волги между устьями ее притоков Керы и Шачи [Готье 1937: 385]⁴ недалеко от современного города Волгореченска в Нерехтском районе Костромской области. Хоруганов стан располагался здесь же — вдоль левого берега реки Шачи [Там же: 386]⁵.

² Не исключено, что имеется в виду Григорий Домашнев сын Луговской, который упоминается как стряпчий в «Свадебном разряде» 1626 г. [ДРВ (13): 163]. Ср. также [Боярские книги 1853: 241].

³ См., например: [Иванов 1853: 327].

⁴ На прилагающейся к труду историка карте «волость Владычня» обозначена цифрой 5.

⁵ На карте Хоруганов стан обозначен цифрой 34.

Замечательно, что Владычное — так называется современное село — является центром сельского совета, в который входят деревня Репище⁶, а также деревня Поздеево, сохранившая через века имя ее владельца.

Дьяк Марк Иванович Поздеев, в чьем поместье находились перечисленные в грамоте земли до того, как они перешли во владение детям Григория Петровича Ромодановского, был одним из тех, кто подписал грамоту об избрании на престол Михаила Федоровича Романова и участвовал в 1619 г. в поставлении в патриархи Филарета Никитича Романова, однако в 1626 г. попал под следствие за многочисленные злоупотребления, его «дворы, имущество в них, поместья и вотчины» были «отписаны на государя» [РБС (14): 259–262; Веселовский 1975: 418]. В 1632 г. Марк Поздеев вновь оказывается на государственной службе, но изъятые у него земли уже обрели новых владельцев.

Дьяк Венедикт Махов, скрепивший столбцы, был дьяком Поместного приказа в 1620-е и начале 1630-х годов [Веселовский 1975: 326]. Подьячим Владимирского стола Поместного приказа был в 1630/1631–1631/1632 гг. Яков Васильев [Там же: 87], подписавшийся гипокористическим именем *Якушко*.

Писец документа Василий, чьего родового прозвища мы не знаем, делает помету о том, что выдача ввозной грамоты записана «в книге», вероятно, в отказной, служившей источником сведений.

Позднейшие пометки и записи на обороте грамоты содержат отдельные сведения об истории поместья и об использовании грамоты в XVIII в.

В 1761 г. сельцо Репищи находится во владении капитан-поручика лейб-гвардии Преображенского полка Федора Ивановича Козлова⁷. В какой момент и каким образом был осуществлен переход прав собственности, неизвестно. Запись на документе свидетельствует о том, что староста Семен Иванов от имени своего помещика предъявляет документ в Межевое правление Костромской провинции⁸, где с него снимают копию.

Необходимость таких действий, очевидно, следовала из изданного 28 февраля 1752 г. указа императрицы Елизаветы Петровны о межевании, в котором предписывалось, чтобы «вотчинники, кто за собою деревни и земли имеют, <...> на те свои земли всякие крепости заблаговременно приготавливали» [ПСЗ (13): 610, № 9948], а также из «Инструкции о межевании», по которой межевщики должны были письменно объявить, «чтоб все вотчинники и всякие деревенские владельцы, а в небытность их поверенные, приказчики и старосты <...> к размежеванию земель выпиши и крепости имели в готовности <...>, а когда межевщики прибудут к ним на земли и крепостей потребуют, и им оныя крепости объявлять без всякого замедления» [Инструкция 1754: 2–3.]. Как видим, и межевщик капитан Иван Карсаков (Корсаков), и староста Семен Иванов последовали предписаниям.

⁶ 3 июля 163 (1655) г. половина села Репища, «стольника кн. Иваново поместье Ромодановского», что на речке Кере, была отказана князю Василию Григорьевичу Ромодановскому; см.: [Материалы 1912: 156].

⁷ Вероятно, к этому времени Ф. И. Козлов находился в отставке, поскольку не попадает в адрес-календари; см.: [Степанов 2003]. Не исключено, что именно он (без отчества) обозначен выбывшим из полка по болезни в 1757 г. в чине поручика; см.: [История 1883: 111]. Фамилия Козловых внесена во вторую часть дворянской книги Костромской губернии; см.: [Алфавитный указатель 1900: 7].

⁸ Костромская провинция существовала с 1719 г. [ПСЗ (5): 704, № 3380] до губернской реформы 1775 г.

Распорядившись снять с документа копию, Иван Карсаков делает об этом отметку, а канцелярист Иоасаф Шульгин, который, возможно, и копировал ввозную грамоту, ставит свою витиеватую подпись.

Какова была судьба документа в течение двух следующих столетий, неизвестно. На нем отсутствуют какие-либо отметки, которые свидетельствовали бы о пребывании грамоты в государственных или частных архивных собраниях. В Отдел редких книг и рукописей документ поступил в декабре 1962 г.⁹ в числе прочих материалов из коллекции врача и собирателя Валериана Вадимовича Величко (1874–1956), которые библиотека Московского университета приобретала через букинистические магазины Москвы начиная с 1950-х годов [Великодная 1993: 85 слл.].

2. Расписка помещика Василия Васильевича Бестужева в получении денег за земли, отданные в аренду Костромскому Богородицкому Игрицкому монастырю. 1640 г. НБ МГУ, Слав. рук. 1149.

Се ꙗз Василе^и Васи^л[ь]евъ с[ы]нъ Бестѣже^в ѿда^л есми
г[о]л[у]д[а]р[е]ва жалова^н[ь]я, а свое помѣстные пѣстоши —
пустошь Княинино да пѣсто^ш[ь] Ивано^вское
на рѣке на Че^рной в Ъва^нчю^шкове станѣ — пре-
чистые Б[г]оро^л[и]ци Игрицкова монастыря
и Николы Великорецкова чюдотворца
строителю старцѣ Гѣ^р[ь]ю з бра^т[ь]ею по ѡбро^шной
записи на н[ы]нѣшной на РМИ го^л: пашна
пахат^ь[ь] и лѣ^с се^н[ь] и сено косит^ь[ь]. И хто стане^т въ тѣ
пѣстоши встѣпа^т[ь], и мнѣ, Васи^л[ь]ю, ѡчища^т[ь]
и ѡбы^тка не дове^т. И де^иги меня, Васи^л[ь]я, на
нынѣшной го^л дошли всѣ спо^нна. В то^м я емѣ
и ѿпи^с[ь] да^л. А ѿпи^с[ь] писа^л с[ы]нъ мо^и Ѳедо^р своею рѣкою.

В тексте грамоты есть исправление: слова «тѣ пѣстоши» исправлены из первоначально написанного в единственном числе: «тѣ пѣстошъ», затем буква ѣ была исправлена на ѣ, а после вынесенной над строкой Ш дописана буква И.

Документ написан аккуратным и твердым почерком XVII в. на почти квадратном листе вержированной бумаги размером 15,2 × 16,6–17,2 см. Примерно посередине листка слева видна верхняя часть филигранный «кувшинчик», наиболее близкой по рисунку к [Дианова, Костюхина 1980, № 697] — 1621 г.; на листе заломы от сгибов.

Документ поступил в 1977 г. вместе с книгами, привезенными археографической экспедицией¹⁰. Никаких иных помет, свидетельствующих об истории бытования документа, на нем не обнаруживается. На обороте стоит темно-синий штамп НБ МГУ и написаны карандашом действующие шифр и инвентарный номер.

⁹ НБ МГУ, Акт № 1641 от 5 марта 1963 г.

¹⁰ НБ МГУ, Акт № 5310 от 23 августа 1977 г.

Землевладелец, представитель чрезвычайно разветвленного рода Бестужевых, Василий Васильевич Бестужев дает расписку в том, что он в 148 (1640) г. в соответствии с договором («оброчной записью») сполна получил деньги за данные в пользование костромскому Игрицкому монастырю пустоши Княгинину и Ивановскую в Иванчушкове стане.

Иванчушков стан, в котором располагались пустоши, был на правом берегу Волги напротив Костромы [Готье 1937: 385]¹¹ вдоль современного шоссе, ведущего в Ярославль.

Через Иванчушков стан протекала существующая и ныне и впадающая в Волгу выше Костромы речка Черная с притоком речкой Княгиней. Можно не сомневаться, что «Княгинина» — с отражением фрикативного характера фонемы [γ] — пустошь располагалась в ближайшем соседстве с этой речкой. По-видимому, и Ивановская пустошь находилась где-то по соседству.

Освященный в честь Смоленской иконы Богородицы Игрицкий монастырь был основан в 1624 г. на месте опустевшего погоста Николы Велико-рецкого, где в полуразрушенном храме обнаружился чудотворный список этой иконы [Зонтиков 2002]. Монастырь получил свое название по близлежащему урочищу, где, как считается, местные жители устраивали языческие праздники — *игрища* [Рукописи 1894: 30]. Настоятелем монастыря («строителем») был назначен инок Гурий, который управлял обителью до 1650-х годов [Строев 1877: 874]. К 1640 г. число насельников достигало уже 50 человек, и монастырю явно стала необходима земля, чтобы кормить братию. Настоятель обители предпринимает некоторые действия в этом направлении, что следует из опубликованных документов.

Например, в тексте челобитной старца строителя Гурия царю Михаилу Федоровичу, написанной около 1640 г., среди прочего сказано:

...в прошлом, государь, во 147-м году били мы челом тебе, государю, о пустошах. И твоего царского жалованья, челобитная подписанная сверху сошла: велено дела выписать и тебе, государю, доложить. И те, государь, выписные пустоши розданы помещиком после нашего челобитья, о коих мы тебе, государю, били челом, а нам, государь, велено приписать порозжие земли... (разбивка на фразы и знаки препинания поставлены мной. — А. Л.) [Рукописи 1894: 36].

Земли у монастыря появились благодаря царской заботе и благочестию богомольцев¹².

Василий Бестужев, как мы видим, не дает в обитель земельного вклада, но и не продает своих пустошей. В грамоте читается стандартная формула, позволяющая использовать землю в любой хозяйственной деятельности: пахать землю, рубить лес и косить сено. Но при этом все споры, которые могут возникнуть по поводу использования земли, обязуется разрешать Бестужев, из чего следует, что

¹¹ На прилагающейся к труду историка карте Иванчушков стан обозначен цифрой 12.

¹² «Из благоговения к новоявленной святыни помещики и купечество стали делать вклады в монастырь не только деньгами, но и землями» [Рукописи 1894: 33, 36]. Обитель богателя и впоследствии, а в 1764 г., ко времени проведения церковной реформы Екатерины II, за ней числилось 156 душ крестьян [Амвросий 1807–1815 (4): 290].

законным владельцем земли остается он. Таким образом, формула «отдал есми» в данном случае означает сдачу земли в аренду, а не ее отчуждение.

Названный в грамоте Василий Васильевич Бестужев — вероятно, один из тех «детей боярских», которых в апреле 1596 г. по указу царя Федора Иоанновича «верстали поместным жалованьем» князя Тимофей Романович Трубецкой и Федор Иванович Хворостинин с дьяками Андреем Татьяниным и Филиппом Голенищевым.

В опубликованном Н. П. Лихачевым списке верстальной десятни новиков (т. е. вновь поступающих на государеву службу юношей) по Костроме с назначенным окладом в 200 четвертей указан Василий Васильев сын Бестужева [Лихачев 1909: 124], с которым с большой долей уверенности можно отождествить владельца пустошей Княгининой и Ивановской. Исходя из того, что верстали обычно в 15–18 лет, можно предположить, что наш Бестужев родился около 1580 г. и приблизился к своему 60-летию в момент написания «отписи».

Как кажется, никаких особых заслуг за ним не было, поэтому упоминание в десятне и публикуемая грамота — единственные известные на сегодня свидетельства о его существовании. Равным образом нет иных сведений и о существовании его сына Федора, чьей рукой эта грамота написана.

Сама же грамота Василия Бестужева является редким свидетельством того, какими документами мог оформляться частный сервитут в России XVII в.

Источники

Алфавитный указатель 1900 — Алфавитный указатель дворянских родов Костромской губернии, внесенных в родословную книгу, разделенную на шесть частей, с 1790 года по 1899 год. Кострома: В губерн. тип., 1900.

Амвросий 1807–1815 — История российской иерархии, собранная ... соборным иеромонахом Амвросием [Орнатским]: В 6 ч. М.: При Синод. тип., 1807–1815.

Боярские книги 1853 — Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского Архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М.: Тип. С. Селивановского, 1853.

Долгоруков 1855 — Российская родословная книга, издаваемая Князем Петром Долгоруковым. Ч. 2. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1855.

ДРВ (13) — Древняя российская вивлиофика ... / Изд. Н. Новиковым. Т. 13. М.: В тип. компании типографической, 1790.

Иванов 1853 — *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М.: Тип. С. Селивановского, 1853.

Инструкция 1754 — Инструкция о межевании во всем государстве земель: [Утверждена мая 13 дня, 1754 года]. [СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, июля 7 дня 1754].

История 1883 — История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 4: Приложения и списки генералам, штаб и обер-офицерам, служившим и числившимся лейб-гвардии в Преображенском полку. СПб.: Лейб-гвардии Преображенский полк, 1883.

Лихачев 1909 — Десятня новиков, поверстанных в 1596 году / Сообщил Н. П. Лихачев // Известия Русского генеалогического общества. 1909. Вып. 3. С. 113–209.

- Материалы 1912 — Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губ. Вып. 5. Отд. 3: Для Костромской и Плесской десятины Костромского уезда: дворцовые, вотчинные, помещичьи, патриаршие, митрополичьи и монастырские вотчины и пометные села и погосты, деревни и пустоши с их церквами и церковными землями по пожалованным грамотам, по писцовым, переписным, дозорным, отказным и другим документам XV–XVIII вв. М.: Тип. Рус. Товарищества, 1912.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е: С 1649 по 12 дек. 1825 г. Т. 1–45. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
- РБС — Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913.
- Родословная книга 1787 — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе: 1.) Родословную Книгу, собранную и сочиненную в Розряде при Царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под названием Бархатной Книги; 2.) Роспись алфавитную тем фамилиям, от которых росписи в Розряде поданы, с показанием, откуда те роды произошли, или выехали, или от которых известий нет; также, какие роды от тех родов произошли, по каким случаям названия свои приняли, и наконец под какими Но те родословные находятся в Розрядном Архиве; 3.) Роспись, в которой выезжие роды показаны все вместе по местам их выезда, и 4.) Роспись алфавитную, служащую вместо оглавления, в которой показаны все фамилии, содержащиеся в обеих частях сей книги, число которых простирается до 930; Изданная по самовернейшим спискам. Ч. 2. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787.
- Рукописи 1894 — Рукописи Богородицкого Игрицкого монастыря, что на р. Песочне // Костромская старина. Вып. 3. Кострома: В губерн. тип., 1894. С. 30–85.
- Строев 1877 — *Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. СПб.: Археограф. комис., 1877.

Литература

- Антонов 1996 — *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII века. М.: Археогр. центр, 1996.
- Белькинд, Лифшиц 2019 — *Белькинд А. Ю., Лифшиц А. Л.* Коллекция грамот К. В. Базилева в собрании Научной библиотеки МГУ // Археографический ежегодник за 2013 год / Отв. ред. С. М. Каштанов. М.: Наука, 2019. С. 225–231.
- Великодная 1993 — *Великодная И. Л.* Собрание В. В. Величко в Московском университете // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета / [Под ред. С. О. Шмидта]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 85–102.
- Веселовский 1975 — *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв.: Справочник. М.: Наука, 1975.
- Готье 1937 — *Готье Ю. В.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М.: Соцэкиз, 1937.
- Дианова, Костюхина 1980 — Водяные знаки рукописей России XVII в. По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М.: Ин-т истории СССР, 1980.
- Зонтиков 2002 — *Зонтиков Н. А.* Богородицко-Игрицкий в честь Смоленской иконы Божией Матери мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. 5 / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 506–507.
- Морозов 1993 — *Морозов Б. Н.* Документы XVII — первой трети XVIII в. из архива Иевлевых // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета / [Под ред. С. О. Шмидта]. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 120–131.
- Степанов 2003 — Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) / Сост. В. П. Степанов. СПб.: Академ. проект, 2003.

References

- Antonov, A. V. (1996). *Rodoslovnye rospisi kontsa XVII veka* [Genealogical lists of the late 17th century]. Arkheograficheskii tsentr. (In Russian).
- Bel'kind, A. Iu., & Lifshits, A. L. (2019). Kolleksiia gramot K. V. Bazilevicha v sobranii Nauchnoi biblioteki MGU [The K. V. Bazilevich collection of documents in the Scientific Library of Moscow State University]. In S. M. Kashtanov (Ed.). *Arkheograficheskii ezhegodnik za 2013 god* (pp. 225–231). Nauka. (In Russian).
- Dianova, T. V. & Kostiukhina, L. M. (Eds.) (1980). *Vodianye znaki rukopisei Rossii XVII veka: Po manerialam Otdela rukopisei Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Watermarks of Russian manuscripts of the 17th century: According to the materials of the Department of Manuscripts of the State Historical Museum]. Institut istorii SSSR. (In Russian).
- Got'e, Iu. V. (1937). *Zamoskovnyi kraj v XVII veke: Opyt issledovaniia po istorii ekonomicheskogo byta Moskovskoi Rusi* [Beyond-Moscow region in the 17th century: An attempt to study the history of the economic life of Muscovite Russia (2nd ed.)]. Sotsekgiz (In Russian).
- Morozov, B. N. (1993). Dokumenty XVII — pervoi treti XVIII v. iz arkhiva Ievlevykh [Documents of the 17th — the first third of the 18th centuries from the Ievlevs' archive]. In S. O. Shmidt (Ed.). *Iz fonda redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta* (pp. 120–131). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Stepanov, V. P. (Ed.) (2003). *Russkoe sluzhiloie dvorianstvo vtoroi poloviny XVIII veka (1764–1795)* [Russian serving nobility of the second half of the 18th century (1764–1795)]. Akademicheskii proekt. (In Russian).
- Velikodnaia, I. L. (1993). Sobranie V. V. Velichko v Moskovskom universitete [Collection of V. V. Velichko at Moscow University]. In S. O. Shmidt (Ed.). *Iz fonda redkikh knig i rukopisei Nauchnoi biblioteki Moskovskogo universiteta* (pp. 85–102). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Veselovskii, S. B. (1975). *D'iaki i pod'iachie XV–XVII vv.: Spravochnik* [Officials and minor officials in the 15th through 17th centuries: A directory]. Nauka. (In Russian).
- Zontikov, N. A. (2002). Bogoroditsko-Igritskii v chest' Smolenskoii ikony Bozhiei Materi muzhskoi monastyr' [Bogoroditsko-Igritsky Monastery in honor of the Smolensk Icon of the Theotokos]. In Aleksii, Patriarch of Moscow and all Rus' (Ed.). *Pravoslavnaia entsiklopediia* (Vol. 5, pp. 506–507). Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia". (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Александр Львович Лифшиц
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория лингвосемиотических
исследований, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, Старая
Басманная ул., д. 21/4
Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22699
✉ alifshits@hse.ru

Information about the author

Alexander L. Lifshits
Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Laboratory of Linguo-
Semiotic Studies, National Research
University Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str, 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90 *22699
✉ alifshits@hse.ru

О. Л. Лейбович^а

ORCID: 0000-0001-5191-939X
✉ oleg.leibov@gmail.com

А. И. Казанков^а

ORCID: 0000-0002-6647-5047
✉ tokugava2005@rambler.ru

^аПермский государственный институт культуры
(Россия, Пермь)

«ИНКВИЗИТОРСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ» КАК ГЕНЕРАТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВОВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. Статья посвящена использованию в исторических исследованиях эго-документов, полученных в ходе осуществления следственных действий. Для обозначения происхождения источников этого типа вводится понятие «инквизиторская антропология». В содержание этого термина входят практики наблюдения, агентурного осведомления, работа с доносами частных лиц, допросы подозреваемых и сбор свидетельских показаний. В статье представлены генезис подобных практик, их родовые свойства и видовые отличия. Дана характеристика свидетельств, формируемых «инквизиторской антропологией», и обоснована необходимость научной критики источников этого типа. В статье представлены ситуации, в которых обращение к источникам «инквизиционного» происхождения не имеет альтернатив. Особенное внимание уделено анализу архивно-следственных дел и протоколов партийных собраний, сформированных в советской России в 1930-е годы.

Ключевые слова: антропология, инквизитор, исторические источники, эго-документы, российская история, советская эпоха, повседневность, ересь, архивно-следственные дела, партийные собрания

Для цитирования: Лейбович О. Л., Казанков А. И. «Инквизиторская антропология» как генератор исторических нарративов советской эпохи // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 198–214. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-198-214>.

*Статья поступила в редакцию 8 января 2021 г.
Принято к печати 27 мая 2021 г.*

O. L. Leybovich ^a

ORCID: 0000-0001-5191-939X
✉ oleg.leibov@gmail.com

A. I. Kazankov ^a

ORCID: 0000-0002-6647-5047
✉ tokugava2005@rambler.ru

^a Perm State Institute of Culture
(Russia, Perm)

INQUISITORIAL ANTHROPOLOGY AS GENERATOR OF HISTORICAL NARRATIVES OF THE SOVIET ERA

Abstract. The article focuses on the use in historical research of ego-documents obtained in the course of investigative activities. The term “inquisitorial anthropology” is introduced to denote the origin of sources of this type, and comprises the practices of observation, intelligence from informers, private denunciations, interrogations of suspects and collection of witness testimonies. The article presents the genesis of such practices, their generic properties and species differences. The characteristics of evidence resulting from inquisitorial anthropology are described and the necessity of scientific criticism of this type of sources is substantiated. They are biased, one-sided and contain falsifications. The article offers criteria to distinguish spontaneous authentic speech from its deformation by an unscrupulous investigator. Spontaneous speech is characterized by vagueness, the presence of dialectisms, and repetitions. In relation to the objectives of the investigation it contains redundant information. The article analyses the obvious signs of falsification of investigative materials. The article presents situations in which there are no alternatives to inquisitorial sources. Particular attention is paid to the analysis of archival and investigative files and minutes of party meetings from the 1930s in Soviet Russia. The article points out possible subject fields for everyday historians who use materials from inquisitorial anthropology as sources: structures of mentality, everyday practices, human subjectivity, types of social behaviour and everyday communication. The article addresses the problems of research ethics for historians working with materials of “inquisitorial anthropology”.

Keywords: anthropology, inquisitor, historical sources, ego-documents, Russian history, Soviet era, everyday life, heresy, archival and investigative files, party meetings

To cite this article: Leybovich, O. L., & Kazankov, A. I. (2022). Inquisitorial anthropology as generator of historical narratives of the Soviet era. *Shagi / Steps*, 8(3), 198–214. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-198-214>.

Received January 8, 2021

Accepted May 27, 2021

В последние годы исследования по истории повседневности занимают все более заметное место в историографии советской эпохи. Настоящая статья задумывалась в первую очередь как обобщение практического опыта работы с архивно-следственными делами, относящимися к 1930-м годам, которые хранятся в Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ). Среди фигурантов дел — крестьяне, церковные люди (в широком смысле)¹, инженеры, партийные работники, рабочие — т. е. представители фактически всех категорий населения, проживавшего в западных районах Свердловской области (ныне относящихся к Пермскому краю).

Далее, нам хотелось обосновать возможность использования в качестве это-документов свидетельств, сформированных в контексте «инквизиторской антропологии». Проясним происхождение этого термина. Одним из первых историков, обративших внимание на определенное сходство исследовательских процедур, применяемых основателями эмпирической антропологии и агентами апостольской инквизиции, был К. Гинзбург: «...следственные материалы светских и церковных судов сопоставимы с записными книжками антропологов, фиксирующих полевые исследования, проведенные столетия назад. Было бы интересно проверить эту аналогию между инквизиторами и антропологами, а также между подсудимыми и “туземцами”» [Ginzburg 1990: 156]. В российской гуманитарной традиции рецепция этого концепта начинается в первые годы XXI в. — А. А. Панченко [2001] отреагировал на текст К. Гинзбурга, заметив принципиальные этические различия в основании подобных по форме исследовательских практик.

Тогда же один из авторов данной статьи, занимаясь разысканиями об истории иудейской общины в средневековой Европе, наткнулся на упоминание любопытного документа. Это был указ недавно учрежденного трибунала инквизиции в Севилье, обязывавший всех добрых католиков немедленно донести на известных им «лицемерных христиан». Речь шла о «конверсо», т. е. новообращенных евреях. Далее следовал перечень из 37 пунктов, в которых перечислялись ситуации, когда донос становился неизбежным. По мнению ученых каноников, каждый из них указывал на тайную приверженность новых христиан к прежней религии. Список касался специфических пищевых предпочтений, используемой символики, ритуалов перехода (рождение, брак, погребение), одежды и обуви, гигиенических навыков, праздников календарного цикла. Например: «Если он ест мясо в дни Великого поста или в назначенное для воздержания время без необходимости и думая, что это можно делать, не оскорбляя Бога»; или: «Если он читал псалмы Давида, не говоря в конце: слава Отцу и т. д.»; «Если в смертный час он повертывает лицо к стене или если кто-нибудь другой кладет в такое положение раньше, чем он испустит дух» [Льоренте 1936: 125–128]. Приведенные примеры действительно напоминают результаты полевых наблюдений профессионального антрополога. Отметим, что в городской среде Арагона и Кастилии в конце XV в. выделить черты тайного иудея было совсем не просто: «Гости из Северной Европы <...> считали испанцев смешанной категорией людей, живущих в одном месте. <...>

¹ Церковно- и священнослужители, церковный актив из мирян, а также «активные церковники», не имеющие в церкви какого-либо статуса: авторитетные верующие, бродячие проповедники («странники»), юродивые.

Культурных пересечений имелось множество. В Кастилии евреи часто спонсировали христиан при крещении, христиане отвечали тем же при еврейских обрядах обрезания» [Грин 2010: 43–44].

Родство антрополога и инквизитора отмечалось в литературе еще в 1970-е годы². И тот и другой наблюдает и расспрашивает, вынуждая людей свидетельствовать о себе и о других. Антрополога так же занимает «все, что угодно» в образе жизни, верованиях, обрядах, питании и т. п. Тем не менее именно материалам, вышедшим из-под пера инквизиторов, мы обязаны появлением целого ряда работ, ставших значимыми событиями в современной историографии [Гинзбург 2000; Ле Руа Ладюри 2001; Тогоева 2016; Зеленина 2018]. В контексте нашего исследования принципиально важно подчеркнуть, что реальные инквизиторы, жившие в эпоху позднего Средневековья или раннего Нового времени, при решении своих ограниченных, строго фокусированных задач вынужденно и явно ненамеренно оставляли целый пласт ценной антропологической информации.

Поэтому номинация *инквизитор* далее будет использоваться как метафора любых сотрудников карательных органов, отнюдь не только средневековых. Сталкиваясь с необходимостью выделить группу, отмеченную чем-то труднотелым (например, «революционностью» в XIX в., «контрреволюционностью» в веке XX), они используют схожие приемы и оставляют похожие свидетельства. После покушения Дмитрия Каракозова высшая полиция Российской империи (синоним III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии) проявляла аналогичную наблюдательность: «На столичных улицах стало небезопасно появляться “по-нигилистически” одетыми. Стриженных барышень в синих очках, круглых шляпах и платьях без кринолина предлагалось препровождать в полицейское управление и брать с них подписку о “неношении помянутой одежды”» [Щербакова 2008: 87]. Сельский писарь, не бравший взятки, также выглядел подозрительно в глазах местных властей [Тихомиров 1930: 100–103].

Отметим, что отличительными чертами «инквизиторской антропологии» является прежде всего необычный для других источников объем информации, являющийся следствием «расфокусированности взгляда» наблюдателя. «Инквизитора» могут интересовать самые неожиданные вещи: фасон шляп, ширина бород, еда, отступления от обычных брачных церемоний, произносимые (или пропущенные) в заданных обстоятельствах слова (разговоры или молчание на партийных собраниях, на исповеди, в газетных статьях и пр.), нормальное и аномальное в поведении. «Инквизитор» обращает внимание на круг знакомств, фиксирует условия быта, состав библиотеки без разбора и без формализованного сценария следственной процедуры. Он буквально всеяден, в его поле зрения попадает все, что подозрительно. А подозрительно, как известно, все, что вызывает подозрение.

В противном случае он беспомощен. Российская полиция, в 1860–1870-е годы набившая руку на поимке «длинноволосых пропагандистов», оказалась не в состоянии вычислить членов народовольческой организации — поскольку по конспиративным соображениям те одевались как «приличные люди».

² Имеется в виду предисловие «От инквизиции к этнографии» к первому изданию «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» Э. Ле Руа Ладюри, опубликованного во Франции в 1975 г. (рус. пер.: [Ле Руа Ладюри 2001]).

Когда содержатель подпольной типографии Н. К. Бух «выходил на улицу, вид у него был настолько внушительен, шуба настолько хороша и золотое пенсне так удобно помещалось на носу, что дворник издала приподнимал шапку...» [Иванова-Борейшо 1927: 15].

Другой важной чертой «инквизиторской антропологии» следует признать присутствие в ней своего рода *causa finalis*. Ею движет не жажда истины, а властная директива: любыми доступными способами найти квалифицирующие признаки преступного деяния. Она ангажирована по определению.

Добавим к этому неизбежное присутствие в «инквизиторском» нарративе самого автора. Он предвзят в тексте свою позицию, культурный горизонт и уровень, речевой тезаурус и языковые клише определенной среды и своего времени. Он односторонен и предвзят, что обычно заставляет предположить возможность появления фальсификатов разного рода (вымышленные показания, искаженные биографические данные, несовершенные поступки) [Лейбович 2018]. Даже самые обыденные практики, наподобие дружеской попойки, могут подвергнуться криминализации и превратиться, например, в «контрреволюционное сборище» [Блюм 2011: 91].

В связи с этим возникает серьезная исследовательская проблема — как и для чего исследователь вынужден пользоваться материалом, вышедшим из-под пера «инквизитора»? И, далее, какие именно исследовательские задачи требуют привлечения таких документальных свидетельств?

На последний вопрос ответить просто, признав действительность «антропологического поворота» в историографии. Реконструкция индивидуальных биографий, жизненных миров и повседневных практик отдельных индивидов, небольших социальных групп неизбежно основывается на том типе источников, которые обычно обозначаются как эго-документы. По мнению Ю. Л. Троицкого, «Под эго-документом понимается такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. <...> К эго-документам относятся личные дневники, переписка, мемуары, исповедальные нарративы и некоторые пограничные жанры» [Троицкий 2014: 14].

Сделаем необходимое уточнение. Мемуарная литература, создаваемая на изрядной временной дистанции от пережитого, несет на себе неизбежный отпечаток времени написания, «последующего опыта» автора³.

Вернемся к упомянутым Ю. Л. Троицким «некоторым пограничным жанрам». Нарративы, составленные «инквизиторами» разного рода, вполне

³ В этой связи любопытен казус А. С. Норова, на склоне лет вступившего в заочную полемику с автором романа «Война и мир». Среди многих прегрешений Л. Н. Толстого против исторической правды ветеран войны 1812 г. обнаруживает психологическую недостоверность сцены, где главнокомандующий русской армией перед генеральным сражением читает французский роман. По мнению сурового критика, вряд ли полководец, «находясь накануне решительной, ужасной битвы, имел бы время не только читать, но и думать о романах г-жи Жанлис». И не только военачальник. «Разговоры наши заметно были серьезны. Всякий чувствовал, что он стоит на рубеже вечности» [Норов 1914: 27, 32]. Когда же после смерти действительного тайного советника А. С. Норова разбирали его бумаги, в библиотеке нашли «французский роман, на форзаце которого рукой самого Норова по-французски же написано: “Читал в Москве в 1812 г.”» [Бендерский б. д.]. Казалось бы, мемуарист, участник Бородинского сражения, одернул беллетриста по праву ветерана-инвалида. Но, как выяснилось, точнее оказался все-таки граф Толстой.

вписываются в рамки эго-документов. Согласимся с точкой зрения, что «любое историческое свидетельство, дающее возможность “услышать” человека, заявляющего о себе, может идентифицироваться как эго-документ, даже если оно явилось результатом какого-либо внешнего принуждения, повлекшего, например, возникновение прошения или протокола допроса» [Алеврас 2014: 43].

Известны даже случаи, когда следственные материалы прямо включались в мемуары. В воспоминания В. Н. Фигнер, например, попала расшифровка стенографической записи последнего слова обвиняемой в суде, там же упомянуты ее собственноручные показания, данные во время предварительного следствия: «Я предложила не вызывать меня из крепости, а давать бумагу и чернила в камеру, где я могу написать все, что найду возможным, сдавая листы по мере их написания зрителю». Объясняя мотивы появления собственноручных показаний в материалах следствия, Фигнер писала: «Наступил момент исполнить, чего бы это ни стоило, последний долг перед разбитой партией и погибшими товарищами — сделать исповедание своей веры, высказать перед судом нравственные побуждения, которые руководили нашей деятельностью, и указать общественный и политический идеал, к которому мы стремились» [Фигнер 2019: 343, 359–360]. Разумеется, свидетельства эти появились в суровых условиях заключения в крепости и под жестоким внешним давлением, но едва ли стоит сомневаться в том, что перед нами вполне аутентичный эго-документ.

Остается по возможности точно зафиксировать ситуацию, когда материалы «инквизиторской антропологии» становятся безальтернативными. Она типична для тех периодов и тех местностей, где (и когда) только репрессия и связанное с ней дознание выводили из тени безвестных акторов исторического действия. Например, в Советском Союзе в 1930–1940-е годы, кроме узкого круга лиц, принадлежащих, как правило, к верхушке творческой (или выходцам из старой) интеллигенции⁴, обитатели российской провинции — от крестьян до инженеров, от рядовых партийцев до представителей партийной номенклатуры — крайне редко вели дневники, если не относиться к дневниковым записям тексты, сочиняемые по директиве и под контролем партийных комитетов. «Молодым партийцам и комсомольцам, только что освоившим грамоту, вменяли в обязанность вести записи об общественной работе, трудовых достижениях, конспектировать партийные передовицы и проч., а затем предъявлять их партийному начальству, журналистам, литераторам» [Кабацков, Лейбович 2019: 16]. Подобные идеологически стерильные документы публиковались в СССР еще в 1970-е годы [Катаева 1978]. Клаус Менерт, немецкий журналист консервативного направления, не только беседовал с московскими студентами, но и познакомился с их дневниками. После чего сделал вывод: «Большинство студентов воодушевлены большевизмом и его великими задачами; они готовы и впредь жертвовать материальными благами [для этой цели]» [Mehnert 1932: 33]. Исследователь советской субъектности Й. Хелльбек вполне с ним солидарен [Хелльбек 2017].

⁴ Представление о количестве и авторстве дневниковых записей советской эпохи можно составить на основе сайта «Прожито. Личные истории в электронном корпусе дневников» (<https://prozhito.org>).

Заметим также, что по официальной статистике соотношение городского и сельского населения в СССР в предвоенные годы (с учетом последствий коллективизации и форсированной индустриализации) составляло соответственно 53,1 и 108,9 млн человек — фактически 1:2 [Старовский 1956]. То есть большинство населения проживало в деревне. В культуре городских жителей первого поколения доминировал сельский этос.

Рядовых советских граждан в 1930-е годы быстро приучили избавляться от любой неподцензурной корреспонденции. Вот, например, типичный образец поведения, сохраненный для нас, кстати, протоколом допроса⁵:

Вопрос: С кем священник Хвостов имел переписку, и где у него находятся письма, так как при обыске обнаружены не были?

Ответ: Мне известно, что он имел систематическую переписку только с Русиновой, и получаемые письма после того, как им прочитывались, немедленно уничтожал и их читать никому не давал [Протокол 1937. Л. 21].

Добавим, что письменная культура в эти годы не была культурой всеобщей. В середине 1930-х годов после официально объявленной ликвидации безграмотности множество мужчин и женщин не умели ни читать, ни писать. В докладе на V партийной конференции ВКП(б) секретарь пермского горкома партии А. Я. Голышев возмущался:

Мы в Перми посылали рапорты т. Кабакову⁶, Центральному Комитету партии, тов. Сталину, Калинину, Молотову о том, что Пермь стала городом и районом сплошной грамотности. Что из этих рапортов получилось? Из этих рапортов получился пшик, а если говорить на партийном языке, то самое наглое очковитительство.

Что у нас получается, количество малограмотных доходит до 15 000 человек, количество неграмотных, а этому подсчету не верю, доходит до 5000 чел. Я утверждаю, что эта цифра гораздо больше по Перми и по району [Стенограмма 1936. Л. 44].

В такой ситуации историк, работающий в антропологической парадигме, может добраться до «маленького человека» только в тех случаях, когда интересующий его персонаж отчитывается на партийной чистке [Хархордин 2002], разоблачается на партийном собрании, фигурирует в сообщениях осведомителей, допрашивается следователем ОГПУ — НКВД, пишет собственноручные показания и жалобы в вышестоящие инстанции. Все эти материалы содержатся либо в протоколах партийных собраний разного уровня, либо в архивно-следственных делах. Мы исходим из того, что «инквизиторские» практики были характерны в равной степени и для партийных, и для карательных органов, на основании общего родового признака: и в том и в другом случае объектом пристального внимания становился уличаемый персонаж во всем многообразии своих индивидуальных проявлений.

⁵ В цитатах из источников сохранены оригинальная орфография и пунктуация.

⁶ И. Д. Кабаков в 1936 г. — секретарь Свердловского областного комитета ВКП(б).

Подчеркнем еще раз: было бы крайне желательно и удобно, чтобы бродячий проповедник из села Усть-Кишерть вел ежедневные записи, священник из рабочего поселка Бым писал своему духовнику пространные реляции с обильной рефлексией, а конюх из села Култаево сочинял нежные и лиричные письма своей невесте. Но они этого не делали, как, впрочем, и инженеры завода № 172, с утра до поздней ночи занятые в конструкторском бюро. И это как раз тот случай, когда исследователю не к чему обратиться, кроме материалов «инквизиторской антропологии». Поэтому историку советской повседневности приходится разрабатывать технологии анализа источников подобного рода, формировать опыт их критической интерпретации.

Первая проблема, с которой он непременно столкнется, заключается в необходимости различения аутентичной, спонтанной или, напротив, деформированной «инквизитором» речи. Никаких априорных признаков их различения не существует. Опыт вчитывания в протоколы допросов и партийных собраний позволяет наметить эти признаки лишь в самых общих чертах. Например, маркером аутентичной речи обычно выступают простота изложения, наличие диалектизмов, сбивчивость, повторы, явные противоречия (при всей относительности каждого из этих признаков), рассогласованность сложившегося у исследователя образа персонажа и относимых к нему вербальных конструкций.

Вот образец собственной речи протоиерея И. И. Котельникова, взятый из его рукописной книги «Кончина мира». Здесь он высказывается по поводу своей излюбленной темы — второбрачия священников — и о браках вообще:

Пред пришествием господним браки будут претпотопны, люди будут праздновать свадьбы хотя они и христиане но на браке своем забудут о Христе и о своем христианском звании, и о вечной своей судьбе. Это горькое сожаление христиан не по христиански проводят брак. Введено будет на браках как прет потопом. Так и пред пришествием Христовым в 2 м. Балы, с пьянством и нескромной пляской, с музыкальной игрой и картежной, даже к этому допустят себя и новобрачные [Котельников 1932. Л. 339–340].

А вот речь этого же человека в изложении начальника 3-го отделения секретно-политического отдела Управления ГБ полномочного представительства ОГПУ по Свердловской области М. Г. Купер-Михеева:

Для наиболее успешной борьбы с советской властью — я объединил вокруг себя часть духовенства, наиболее реакционное монашество и верующих кулаков и из них создал группу до 30 человек [Машинописная 1933. Л. 72–77].

Обороты «реакционное монашество» или «верующие кулаки» взяты из партийной печати и не могли быть произнесены И. И. Котельниковым. Построение фразы книжное, не свойственное устной речи приходского священника — выходца из крестьянского сословия. В данном случае фальсифицированы лексика и синтаксис. Поэтому исходное показание не может быть восстановлено и не должно приниматься во внимание как фиксация факта. Человек как таковой не интересен Купер-Михееву. Ему проще заместить речь

подследственного своей собственной — газетной, определенной, грамотной, более подходящей для квалификации состава преступления.

На партийных собраниях использовался иной прием. Обвиненному в потере политической бдительности товарищу предоставляли слово, но в протокол выступление не заносили, замещая клишированными обличающими оборотами. Так, в партийной организации Кизеловского отдела НКВД речь оперативного работника, обвиненного в связи с «немецким шпионом», т. е. с его тестем, в протокол записали следующим образом:

Поносов в своем выступлении не стремился признать допущенные им политические проступки и преступления, а все свое выступление построил на прямых двурушнических и обывательских оправданиях, продолжая перед всем партийным собранием скрыть свою связь с врагами народа — шпионами, правыми, кулаками и т. д., пытаясь подтвердить свое двурушническое выступление незнанием и др. оппортунистическими ссылками, не доверяя органам НКВД в верности ареста и виновности его Поносова родственников [Протокол 1938. Л. 48].

Если бы упомянутая выше речь В. Н. Фигнер в суде протоколировалось как выступление Поносова или показания Котельникова, у нее не было ни малейшего шанса войти в историю российского освободительного движения.

Опыт длительной работы с нарративами, вышедшими из-под пера ограниченного круга «инквизиторов» (например, сотрудников 3-го отделения Секретно-политического отдела Управления Государственной безопасности Полномочного представительства ОГПУ по Свердловской области) может постепенно сформировать у исследователя представление об индивидуальном стиле работы, «почерке» каждого из них. Барственное пренебрежение по отношению к подследственным М. Г. Купер-Михеева проявлялось не только в том, что он никого из них не слушал, бойко замещая аутентичную речь казенными конструкциями, что противоречило ведомственным инструкциям. Он, например, даже не удосуживался каждый раз вносить в протокол анкетные данные, просто перечеркивая крест-накрест первый лист соответствующего бланка. В свою очередь, представление о следователе формирует презумпцию по отношению к написанным им протоколам.

Под началом М. Г. Купер-Михеева в то же самое время служил Н. И. Николаев. В отличие от своего шефа, он каждый раз аккуратнейшим образом заполнял анкетные данные арестованного, добросовестно записывал именно то, что ему говорили. Его очень интересовали люди, и не только как субъекты права, но и как моральные субъекты. Именно поэтому он иногда позволял себе то, к чему отнюдь не обязывал его служебный долг, — вел с ними дискуссии на темы нравственности, иногда занимая в них довольно необычную позицию:

У Вас изъята переписка с Натальей Пирожковой (имя изменено. — О. Л., А. К.) и ее сожительницей Маней. Они Вам пишут, что Вы им запретили вместе спать друг с другом. Какое Вы имеете право насиловать волю тех или иных женщин? —

спрашивает он у подследственного [Дополнительные 1934. Л. 26].

Н. И. Николаев никогда не переспрашивал подсудимых, когда те, например, упоминали локальные религиозные праздники. Например, подсудимый упоминает о встрече с епископом «в рел. праздник “9-я пятница”» [Протокол 1935а. Л. 38]; оперуполномоченный не уточняет дату. Не уточнял он и смысл диалектизмов. Согласно все тем же инструкциям следователь должен был уточнить и расшифровать в протоколе все непонятные слова. Проскальзывание в протоколы диалектизмов означало то, что они следователю были очевидны.

В целом протоколы Николаева отличает то, что в них обнаруживается информация, не мотивированная задачей следствия, но весьма ценная для историка повседневности. Это, по нашему мнению, не являлось индивидуальным почерком Н. И. Николаева. Многие следователи ОГПУ — НКВД не цензурировали показаний, во всяком случае, до начала массовых операций 1937–1938 гг., когда сроки следствия были радикально урезаны. Так, в протокол допроса инженера А. Г. Баранова включен его рассказ о том, как он покупал костюм в Берлине, отправляясь в служебную командировку в США [Колчанова 2017: 82]. Подобные маргиналии, не вписывающиеся в *corpus delicti*, свидетельствуют об аутентичности занесенной в протокол речи подсудимого.

Напротив, следственные фальсификаты выстроены логично и последовательно. Их текст оптимизирован по отношению к поставленной задаче. В них не встретишь бытовых подробностей, все упомянутые персонажи являются сообщниками, а все отношения находятся в поле делинквенции. В протоколе допроса бывшего первого секретаря Свердловского обкома И. Д. Кабакова объемом в 45 машинописных листов, во-первых, объясняется участие высокопоставленного функционера в заговоре против советской власти и в шпионаже в пользу нацистской Германии. Его в 1928 г. обидели:

Будучи до приезда на Урал секретарем Тульского Губкома ВКП(б), я считал свою переброску на советскую работу «снижением» и «затиранием» и затаил в себе глубокое чувство недовольства и обиды против ЦК ВКП(б) и персонально против И. В. Сталина [Обзорная 1955. Л. 5].

После чего его завербовал председатель Совнаркома СССР А. И. Рыков. И Кабаков приступил к подрывной заговорщической, вредительской и шпионской деятельности, чем и был занят круглые сутки на посту главы областной партийной организации:

Наша организация, действовавшая с самого начала в теснейшей увязке и взаимодействии с троцкистско-зиновьевской организацией, а в дальнейшем сблокировавшаяся с ней, представляла собой широко разветвленную организацию, проводившую подрывную вредительскую деятельность во всех отраслях народного хозяйства и на всех важнейших участках работы культурно-идеологического фронта в Свердловской области [Там же].

В жизнеописании И. Д. Кабакова нет ни строчки, характеризующей его служебную деятельность, домашний быт, нормальные человеческие отношения. Его окружают враги — и только они. И даже в интимных отношениях,

оказывается, он занимается исключительно дискредитацией высшего партийного руководства.

...начав с морального разложения, с пошлости и разврата, [И. Д. Кабакова и его подруга], не стесняясь меня, открыто вели себя как враги советской власти и партии, высказывали злобу и ненависть по адресу руководства ЦК ВКП(б) и лично Сталина [Там же. Л. 17], —

читаем мы в дополнительных показаниях свидетеля, включенных в следственное дело Кабакова. Допрашиваемый ни разу не высказался «мимо темы», заданной ходом следствия. Это совершенно ненормально. Более того, невозможно.

Обратим внимание на 45 листов машинописи, содержащих протокол одного-единственного допроса. По объему это небольшая повесть с единым сюжетом, завязкой (обида), кульминацией (подготовкой к контрреволюционному перевороту) и развязкой — разоблачением, арестом, признанием. Этой повести, однако, не хватает того, что отличает хорошую приключенческую литературу от плохой, — внимания к деталям, проработке характеров, в целом — фактуры. И у этой повести нет черновиков. Рукописи протокола допроса не обнаружено.

В архивно-следственных делах 1937–1938 гг. часто встречаются такого рода тексты. У них, как правило, коллективное авторство. Показания главного механика завода № 19 Перми С. А. Гасельника писались на протяжении нескольких недель при участии как минимум трех человек: следователя П. М. Королева, начальника пермского горотдела НКВД В. Я. Леоцкого и начальника УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриева. Участие подследственного заключалось в подписании все новых и новых вариантов. О том, как менялась фабула обвинения, обстоятельно доложил следователь П. М. Королев:

Показания, полученные мною от Гасельника, быв. нач. горотдела НКВД Леоцкий забраковал и заявил, что от Гасельника должны быть показания только как от шпиона, а не как троцкиста. При этом Леоцкий заметил мне, что как мог беспартийный Гасельник состоять членом правотроцкистской организации. Выполняя установку Леоцкого, я передопросил арестованного Гасельника в направлении занесения в протокол только шпионской деятельности.

Гасельник протокол подписал. Леоцкий протокол забраковал и взялся его писать самостоятельно.

Леоцкий писал протокол очень долго, причем у себя на квартире, неоднократно его перепечатывали и каждый раз, желая изобразить наиболее красиво тот или иной момент шпионской работы Гасельника...

Затем отвез «красивый протокол» в Свердловск, где выяснилось, что и беспартийный инженер может стать троцкистом.

Через некоторый промежуток времени Легоцкий выяснил в Управлении, что не записать показания Гасельника о его принадлежности к право-троцкистской организации будет неправильно и сказал мне в этом роде составить протокол. Составленный протокол Гасельника мне дважды возвращался Легоцким как плохо написанный. Затем Легоцкий, при корректировке его значительно урезав, всего на 3—4 страницах, которые также Гасельник подписал [Выписка 1938. Л. 122–125].

Информационная емкость подобных источников (обозначим их как «инквизиторские симулякры») минимальна. Они позволяют составить представление об инверсии следователяского его («что бы делал я на месте врага народа»), о внутренней механике карательной машины, профессиональных стереотипах. Но для антропологического исследования они бесполезны.

Работа с материалами «инквизиторской антропологии» предполагает постоянную критику. Но если удастся выделить те нарративы, которые доносят до нас живую, непосредственную, аутентичную человеческую речь, даже произнесенную под принуждением, у историка появляется шанс заглянуть в те области социальной жизни, которые при иных обстоятельствах недоступны. Свидетельствуя о себе, допрашиваемый невольно предьявит ментальные структуры, те «привычки мышления», которые неотделимы от его индивидуальности: свою манеру располагать себя и других во времени и пространстве, скрытые нормы, применяемые к оценке своего и чужого поведения. Позволит увидеть сам принцип выделения своих и чужих, смысл родства и дружественности.

Иногда приоткрывается то, что обычно сообщается только доктору, исповеднику или куратору из органов; события, которые не могли быть упомянуты ни в каком ином контексте, но являющиеся неотъемлемой частью повседневной жизни. На общем партийном собрании завода № 19 Наркомата тяжелой промышленности инженер Д. объяснял товарищам, что он сблизился с «женой-троцкисткой», выполняя чекистский долг:

В 31 г., когда мы снова сошлись, через 5 дней она была разоблачена и изъята⁷. После этого я жил с ней в соответствии с указаниями, которые я получал из соответствующих организаций [Стенограмма 1937. Л. 612].

Можно только предполагать, о чем доносил по начальству инженер-партиец — только ли о постельных и кухонных разговорах. Иногда «инквизитора» интересовали более интимные подробности:

Вопрос: Следствию известно, что когда Ф. проживал у Вас на квартире — ходил вместе с Вами в баню и вместе спал. Не предлагал он Вам совершить акт мужеложства?

Ответ: Да, действительно, когда Ф. проживал у меня на квартире, предложил мне совершить с ним акт мужеложства, я на это согласился и совершил с ним два акта мужеложства, т. е. использовал его два раза.

⁷ На служебном жаргоне ОГПУ — НКВД «изъята» означало арестована.

Следователь продолжает спрашивать: «Скажите, Ф. Вы пользовали в задний проход, или он имеет половые органы, аналогичные с женщиной?» Но свидетель уклонился от описания подробностей: «...не помню, как его пользовал, к тому же в то время я был молодой» [Протокол 1935b. Л. 22–23]⁸.

Главной практической трудностью при извлечении избыточной по отношению к следствию информации является то, что невозможно заранее предположить, где и в какой связи она может появиться. Ее поиск требует внимательного чтения больших объемов текста, написанного на скверной бумаге выцветшими чернилами трудночитаемым почерком. Но к этому обязывает стремление следовать антропологической парадигме.

Подчеркнем еще раз. Отождествление среднего и старшего начальствующего состава органов ОГПУ — НКВД с инквизиторами — не более чем метафора. Но у концепта «инквизиторская антропология» собственное сущностное содержание: фиксация черт человеческой субъективности в процессе принудительной объективации индивидов в качестве «скрытых чужих среди своих». В разные эпохи появляются категории «ересь», «контрреволюционность» (или, напротив «революционность», «нигилизм»), которые отличает то, что они не имеют точной эмпирически наблюдаемой локализации ни в поведенческих формах, ни в дискурсивных практиках, ни в определенных ячейках социальной структуры. Ересь и все ее аналоги вообще не свидетельствует о себе. Она молчит и таится. Более того, сами ее носители могут даже не догадываться о том, что являются еретиками. Извлечь ее может лишь квалифицированный трибунал — либо уполномоченный им следователь.

Обнаружить ересь можно лишь по невнятным следам, незаметным профану уликам, странным симптомам, в совокупности охватывающим все индивидуальные проявления. Именно поэтому подобные «инквизиторские» разыскания бесценны для историков, исследующих те эпохи, где иных видов антропологии не существовало.

Остается добавить, что при этом невозможно игнорировать и этический аспект подобной деятельности. В подавляющем большинстве случаев внимание «инквизитора» подобно вспышке блица, на мгновение вырывающей из тьмы фигуру человека — ровно для того, чтобы вслед за этим уничтожить даже память о нем. Каждый исследователь, обращающийся к этим свидетельствам, не в праве ни на минуту забыть о том, что перед ним буквально «последние слова подсудимых». Применительно к 1930-м годам будет справедливым признать, что, в отличие от В. Н. Фигнер, никто из них не сможет впоследствии включить эти «последние слова» в свои мемуары.

Таким образом, «инквизиторская антропология» представляет собой сумму практик, осуществляемых карательными органами с целью разоблачения скрытого врага, воплощающего силы зла, будь то пособник дьявола или троцкист, он же шпион, фашист и враг народа. В эти практики входили наблю-

⁸ Несмотря на произошедшую в СССР криминализацию гомосексуализма, по отношению к итогам следствия это явно маргинальный сюжет. Обвинение будет касаться только участия подследственного в контрреволюционной церковно-монархической организации (Истинно-православная церковь); уличение в гомосексуальности является просто способом давления на него.

дение, агентурное осведомление, работа с доносами частных лиц, допросы подозреваемых и сбор свидетельских показаний. И все эти практики документировались. Тело репрессированного индивида словно замещалось бумажно-бюрократическим дубликатом. Но добраться до самого исторического актора современный историк может только с помощью созданных инквизитором казенных бумаг.

Согласимся с авторитетным мнением М. Фуко — в современных обществах знание и власть совпадают до полной неразличимости. А следовательно, человек должен признаваться — врачу, психоаналитику, социальному работнику. Вокруг этого императива формируется научный дискурс, особенно гуманитарный. Антропология в ее «инквизиторской» форме присутствует в обществах, либо еще не создавших научных институций, либо их разрушивших, но нуждающихся в знании-власти. Когда-то один из авторов с удивлением узнал о том, что археологи, исследуя памятник культуры, зачастую неизбежно и бесповоротно его уничтожают. Потому что иначе нельзя. Это как раз и можно считать прямой аналогией с деятельностью инквизиторов. Грубо и бесцеремонно они вторгались в человеческое «Я», разрушая его, но оставляя после себя комплекс эго-документов.

Источники

Архивные

- Выписка 1938 — Выписка из протокола допроса Королева Павла Михайловича. 25 июня 1938 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12267. Л. 121–126.
- Дополнительные 1934 — Дополнительные показания Белоусова Никиты Васильевича от 25 июня 1934 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 24–128.
- Котельников 1932 — Котельников И. Кончина мира // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 339–354.
- Машинописная 1933 — Машинописная копия показаний Котельникова Ивана Ивановича от 21 февраля 1933 года. ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 72–77.
- Обзорная 1955 — Обзорная справка по делу Кабакова И. Д., архивно-следственное дело № 967277 в 3-х томах. 3.06.1955. Экз. № 2 // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10115. Т. 2. Л. 4–22.
- Протокол 1935а — Протокол допроса обвиняемого Крылова Н. И. от 7 декабря 1935 года // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 4. Л. 38–39.
- Протокол 1935б — Протокол допроса свидетеля Ширинкина Дмитрия Алексеевича от 30 декабря 1935 г. // ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 21183. Т. 9. Л. 22–23.
- Протокол 1937 — Протокол допроса свидетеля Кошеварова Валентина Николаевича от 12 августа 1937 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16935. Л. 21.
- Протокол 1938 — Протокол №3 общего партийного собрания парторганизации при Кизеловском Горотделе НКВД. 26.07.1938 // ПермГАСПИ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 82. Л. 49–42.
- Стенограмма 1936 — Стенограмма V-ой Пермской городской партийной конференции. 7–8.07.1936. Т. 1. Машинопись // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100.
- Стенограмма 1937 — Стенограмма общезаводского партийного собрания Сталинского района. 13–17.04, 19–27.04.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 817. Оп. 1. Д. 47.

Опубликованные

- Иванова-Борейшо 1927 — *Иванова-Борейшо С. А.* Первая типография «Народной Воли» / [Авт. вступ. ст. Ф. Морейнис-Муратова]. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1927.
- Катаева 1978 — *Дневники и письма комсомольцев* / Сост. М. Л. Катаева. М.: Мол. гвардия, 1978.
- Норов 1914 — *Война и мир 1805–1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника: по поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»* / [Соч.] А. С. Норова. СПб.: О-во потомков участников Отечественной войны, 1914.
- Старовский 1956 — *Старовский В. В.* Совет Министров СССР. О численности населения СССР. [21.01.1956] // Демоскоп Weekly. 2015. 21 сент. — 4 окт. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0655/архив06.php>.
- Тихомиров 1930 — *Тихомиров Л.* Заговорщики и полиция = *Conspirateurs et policiers* / Пер. с фр. О. Жемчужиной; Под ред. П. Анатольева. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930.
- Фигнер 2019 — *Фигнер В. Н.* Воспоминания: В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд. инициатива because АКТ, 2019.
- Mehnert 1932 — *Mehnert K.* Die Jugend in Sowjetrussland. Berlin: S. Fischer, 1932.

Литература

- Алеврас 2014 — *Алеврас Н. Н.* Историографический текст как эго-документ: к постановке и обсуждению подхода // История в эго-документах: Исследования и источники / [Гл. ред. Н. В. Суржикова]. Екатеринбург: АсПУр, 2014. С. 41–54.
- Бендерский б. д. — *Бендерский И. [И.]* От скандала к канону: [Транскрипт лекции] // Магистерия: Образовательный сайт ... URL: <https://magisteria.ru/war-and-peace/from-scandal-to-canon>.
- Блюм 2011 — *Блюм А.* Администраторы, научные элиты и отношения с властью / Пер. с фр. // История сталинизма: Итоги и проблемы изучения: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 5–7 декабря 2008 г. / [Под ред. Й. Баберовского и др.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 78–92.
- Гинзбург 2000 — *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М. Л. Андреева, М. Н. Архангельской. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
- Грин 2010 — *Грин Т.* Инквизиция: царство страха: сколько правды стоит за чудовищными легендами? / Пер. с англ. Н. И. Смирновой. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2010.
- Зеленина 2018 — *Зеленина Г. С.* Огненный враг марранов: жизнь и смерть под надзором инквизиции. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
- Кабацков, Лейбович 2019 — *Кабацков А. Н., Лейбович О. Л.* Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А. И. Дмитриева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 15–22.
- Колчанова 2017 — *Колчанова Ю. С.* «Не личная выгода меня держала здесь...»: жизненные миры советских инженеров в 1930-е гг. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2017.
- Ле Руа Ладюри 2001 — *Ле Руа Ладюри Э.* Монтанью, окситанская деревня (1294–1324) / Пер. с фр. В. А. Бабинцева, Я. Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
- Лейбович 2018 — *Лейбович О. Л.* Следственные фальсификаты об истоках большого террора // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. 25 / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Б. Меннинг, А. Ю. Полунов, П. Чейсти. М.: Модест Колеров, 2018. С. 173–201.

- Льоренте 1936 — *Льоренте Х. А.* Критическая история испанской инквизиции. Т. 1 / Пер. под ред. С. Лозинского. М.: Соцэкгиз, 1936.
- Панченко 2001 — *Панченко А. А.* Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы // *Живая старина*. 2001. № 1. С. 7–9.
- Тогоева 2016 — *Тогоева О. И.* Еретичка, ставшая святой: Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Троицкий 2014 — *Троицкий Ю. Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // *История в эго-документах: Исследования и источники* / [Гл. ред. Н. В. Суржикова]. Екатеринбург: АСПУр, 2014. С. 14–31.
- Хархордин 2002 — *Хархордин О. В.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европ. ун-т в С.-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Хелльбек 2017 — *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Авторизов. пер. с англ. С. Чачко; Науч. ред. А. Щербенюк. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
- Щербакова 2008 — *Щербакова Е. И.* «Отщепенцы»: Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008.
- Ginzburg 1990 — *Ginzburg C.* Inquisitor as anthropologist // *Ginzburg C. Clues, myths, and the historical method*. Baltimore; Maryland: Johns Hopkins Univ. Press, 1990. P. 156–164.

References

- Alevras, N. N. (2014). Istoriograficheskiy tekst kak ego-dokument: k postanovke i obsuzhdeniiu podkhoda [The historiographical text as an ego-document: Towards a framework and discussion of the approach]. In N. A. Surzhikova (Ed.). *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* (pp. 41–54). AsPUr. (In Russian).
- Benderskii, I. [I.] (n. d.). Ot skandala k kanonu [From Scandal to Canon]. *Magisteriia: Obrazovatel'nyi sait ...* <https://magisteria.ru/war-and-peace/from-scandal-to-canon>. (In Russian).
- Blium [= Blum], A. (2011). Administratory, nauchnye elity i otnosheniia s vlast'ju [Administrators, scientific elites and power relations]. In J. Barberowski et al. (Eds.). *Istoriia stalinizma: Itogi i problemy izuchenii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 5–7 dekabria 2008 g.* (pp. 78–92). Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN); Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”. (In Russian).
- Ginzburg, C. (1976). *Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del '500*. Einaudi. (In Italian).
- Ginzburg, C. (1990). *Clues, myths, and the historical method*. Johns Hopkins Univ. Press.
- Green, T. (2007). *Inquisition: The reign of fear*. Macmillan Press.
- Hellbeck, J. (2006). *Revolution on my mind: Writing a diary under Stalin*. Harvard Univ. Press.
- Kabatskov, A. N., & Leibovich, O. L. (2019). Sub”ektivnyi obraz sotsial’noi struktury sovetskogo obshchestva v dnevnikh A. I. Dmitrieva [The subjective image of the social structure of Soviet society in A. I. Dmitriev’s diaries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta, Ser. Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2019(1), 15–22. (In Russian).
- Kharkhordin, O. V. (2002). *Oblichat’ i litsemerit’: genealogiia rossiiskoi lichnosti* [Denounce and dissemble: A genealogy of Russian identity]. Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Letnii sad. (In Russian).
- Kolchanova, Iu. S. (2017). “Ne lichnaia vygoda menia derzhala zdes’...”: Zhiznennye miry sovetskikh inzhenerov v 1930-e gg. [“It wasn’t personal gain that kept me here...”: The life worlds of Soviet engineers in the 1930s]. Perm. gos. in-t kul’tury. (In Russian).
- Le Roy Ladurie, E. (1975). *Montaillou, village occitan de 1294 à 1324*. Gallimard. (In French).
- Leybovich, O. L. (2018). Sledstvennye fal’sifikaty ob istokakh bol’shogo terrora [Investigators’ forgeries on the origins of the Great Terror]. In O. R. Airapetov, M. A. Kolerov, B. Menning, A. Iu. Polunov, & P. Cheisti [= Chaisty] (Eds.). *Russkii Sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii* (Vol. 25, pp. 173–201). Modest Kolerov. (In Russian).

- Llorente, J. A. (1815). *Histoire critique de l'inquisition d'Espagne, depuis l'époque de son établissement par Ferdinand V....* Paris. Treuttel et Würz. (In French).
- Panchenko, A. A. (2001). Inkvizitory kak antropologi, antropologi kak inkvizitory [Inquisitors as anthropologists, anthropologists as inquisitors]. *Zhivaia starina*, 2001(1), 7–9. (In Russian).
- Shcherbakova, E. I. (2008). “Otshchepentsy”: Put' k terrorizmu (60–80-e gody XIX veka) [“Renegades”: The road to terrorism (1960s–80s)]. *Novyi Khronograf*; AIRO-XXI. (In Russian).
- Togoeva, O. I. (2016). *Eretichka, stavshaia sviatoi: Dve zhizni Zhanny d'Ark* [Heretic turned saint: Two lives of Joan of Arc]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Troitskii, Iu. L. (2014). Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyi resurs istorika [Ego-document analytics: The historian's instrumental resource]. In N.A. Surzhikova (Ed.). *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki* (pp. 14–31). AsPUr. (In Russian).
- Zelenina, G. S. (2018). *Ognennyi vrag marranov: zhizn' i smert' pod nadzorom inkvizitsii* [The fiery enemy of the Marranos: Life and death under the watchful eye of the Inquisition]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Олег Леонидович Лейбович

доктор исторических наук
профессор, заведующий кафедрой
культурологии и философии, Пермский
государственный институт культуры
Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты Звезда,
д. 18
Тел.: +7 (342) 212-65-52
✉ oleg.leibov@gmail.com

Oleg L. Leybovich

Dr. Sci. (History)
Professor, Head of Department of Cultural
Studies and Philosophy, Perm State Institute
of Culture
Perm, Gazety Zvezda Str., 18
Tel.: (342) 212-65-52
✉ oleg.leibov@gmail.com

Александр Игоревич Казанков

кандидат философских наук
доцент, кафедра культурологии
и философии, Пермский государственный
институт культуры
Россия, 614000, Пермь, ул. Газеты Звезда,
д. 18
Тел.: +7 (342) 212-65-52
✉ tokugava2005@rambler.ru

Alexander I. Kazankov

Cand. Science (Philosophy)
Associate Professor, Department of Cultural
Studies and Philosophy, Perm State Institute
of Culture
Perm, Gazety Zvezda Str., 18
Tel.: (342) 212-65-52
✉ tokugava2005@rambler.ru

Д. А. Изосимов^а

ORCID: 0000-0002-1795-3356
✉ DenLore@yandex.ru

П. Д. Скоробогатова^а

ORCID: 0000-0002-2502-1778
✉ Sennikovapolina@mail.ru

^а *Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА С ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕПИСКЕ МЕЖДУ В. С. ГОЛЕНИЩЕВЫМ И А. Х. ГАРДИНЕРОМ

Аннотация. В статье анализируется переписка крупнейшего английского египтолога сэра А. Х. Гардинера и выдающегося русского востоковеда, создателя коллекции египетских древностей, легшей в основу коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина, В. С. Голенищева. В корреспонденции между двумя учеными не раз поднимались вопросы, связанные с переводом древнеегипетских текстов. В ходе их обсуждения оба ученых высказывали свои взгляды на правила синтаксиса египетского языка и на то, как необходимо правильно переводить египетские тексты на современные языки. Представленные в статье письма из их многолетней переписки позволяют пролить свет на те принципы, которых придерживались оба ученых при работе над переводами египетских памятников. Особое внимание уделяется разбору взглядов В. С. Голенищева, поскольку выдающийся востоковед за годы своей долгой жизни не оставил после себя ни единого труда, в котором бы систематически были представлена его точка зрения на различные вопросы египетской филологии. Показано, что при работе над переводом египетских текстов Голенищев особенное внимание уделял вопросам синтаксиса и выявлению стилистических и смысловых нюансов, которые приобретали различные фразы египетского языка в определенном контексте. При этом в меньшей степени Голенищева интересовали вопросы морфологии египетского глагола; крайне сдержанно он оценивал возможности египетской филологии на современном ему этапе ее развития.

Ключевые слова: В. С. Голенищев, А. Х. Гардинер, переписка, «берлинская школа», филология, история науки

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения проекта РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиции изуче-

ния в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина и архивных источников)».

Для цитирования: Изосимов Д. А., Скоробогатова П. Д. Проблемы перевода с египетского языка в переписке между В. С. Голенищевым и А. Х. Гардинером // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 215–240. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-215-240>.

Статья поступила в редакцию 20 августа 2021 г.

Принято к печати 19 ноября 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

D. A. Izosimov^a

ORCID: 0000-0002-1795-3356

✉ DenLore@yandex.ru

P. D. Skorobogatova^a

ORCID: 0000-0002-2502-1778

✉ Sennikovapolina@mail.ru

^a *Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)*

PROBLEMS OF TRANSLATION FROM EGYPTIAN IN THE CORRESPONDENCE BETWEEN W. S. GOLÉNISCHEFF AND SIR A. H. GARDINER

Abstract. The article is devoted to analyzing the correspondence between the British Egyptologist Sir Alan H. Gardiner and the remarkable Russian Orientalist Vladimir Golénischeff. From the start of their lasting exchange of letters both scholars frequently discussed various issues concerning translation from Egyptian into modern languages. During these discussions both Egyptologists shared their opinions on problems of Egyptian syntax and on their own methodology of translations from Egyptian. The following letters shed light on the above-mentioned views and ideas of both well-known scholars. The current article focuses on mainly on the views of Vladimir Golénischeff, who was the most prominent Russian Egyptologist of that time but nevertheless failed to complete and publish his major work, where he would present his own views on various issues of Egyptian philology systematically. However, the correspondence between Alan H. Gardiner and W. S. Golénischeff shows that the Russian Orientalist paid a special attention to Egyptian syntax and to both stylistic and semantic nuances of Egyptian phrases in different contexts. At the same time, Golénischeff was less interested in problems of morphology. Besides, the

Russian Orientalist considered the possibilities of contemporary Egyptian philology to be rather limited.

Keywords: W. S. Golénisheff, A. H. Gardiner, correspondence, “École du Berlin”, philology, history of science

Acknowledgements. The research presented in the article is sponsored by the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369.

To cite this article: Izosimov, D. A., & Skorobogatova, P. D. (2022). Problems of translation from Egyptian in the correspondence between W. S. Golénisheff and Sir A. H. Gardiner. *Shagi / Steps*, 8(3), 215–240. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-215-240>.

Received August 20, 2021

Accepted November 19, 2021

За годы своей научной деятельности русский востоковед В. С. Голенищев (1856–1947) обращался к изучению различных тем древнеегипетской истории, но основные интересы ученого лежали в сфере филологии египетского языка. Многие статьи выдающегося востоковеда были посвящены решению ряда проблем грамматики и синтаксиса языка [Струве 1960: 26, 37], а при публикации одного из памятников литературы Древнего Египта — «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» — Голенищев уделил особое внимание составлению глоссария к этому тексту и обстоятельному изучению встречавшейся в нем лексики. При этом основной целью ученого при разработке глоссария было изучение грамматики и синтаксиса египетского языка. Как отмечал он сам, одно знание лексики не было единственным условием для правильного понимания и перевода текста: «Само по себе значение всех слов, составляющих текст, явно не может быть достаточно для того, чтобы дать точный перевод, пока бесспорная связь между этими словами еще ускользает и пока очень часто необходимо его угадывать»¹ [Golénisheff 1913: 4]. Важная роль в установлении связей между словами отводилась синтаксису египетского языка. По мнению Голенищева, до тех пор, пока правила синтаксиса египетского языка не будут лучше установлены, большинство переводов следует считать предварительными [Golénisheff 1913: 4].

На формировании подобных взглядов ученого отразилась ситуация в науке о Древнем Египте рубежа XIX–XX вв. На протяжении практически всего XIX в. главенствующее положение в египтологии занимали французские ученые «героического века» (О. Мариетт, Г. Масперо и др.). В своих методологических принципах представители «французской школы» исходили из необходимости изучения древнеегипетских памятников как единого целого (акцентируя внимание прежде всего на их текстуальной и художественной составляющих) и исследования общих явлений древнеегипетской

¹ Перевод В. В. Струве приведен по изданию: [Струве 1960: 25]

культуры для определения особенностей отдельных памятников. Для них была характерна особая широта интересов и неформальный подход к изучению египетского языка. Особое внимание представители «французской школы» уделяли изучению лексики и синтаксиса древнеегипетских текстов. При этом в своих исследованиях они искали параллели между египетским языком и китайским, берберскими языками и др. [Wilson 1964: 109–110; Томашевич 2008: 62].

В последние десятилетия XIX в. формируется новое направление в филологии египетского языка — «берлинская школа» во главе с немецким египтологом А. Эрманом. В основу методологии нового направления египетской филологии лег строгий формальный подход при изучении египетского языка и описание его в семитологических категориях [Томашевич 2008: 56–62; Gertzen 2013]. Важной задачей исследований ученых «берлинской школы» стала подготовка словаря египетского языка («берлинский словарь» под редакцией А. Эрмана и Г. Грапова [Erman, Grapow 1971]), в котором были собраны все известные на тот момент времени слова и выражения [Gertzen 2013: 194–260]. Методологию «берлинской школы» постепенно стали разделять большинство представителей молодого поколения ученых-египтологов, пришедших в науку на рубеже веков и позднее. В. С. Голенищев, как представитель поколения, близкого к эпохе «героического века», хотя и воспринял ряд открытий «берлинской школы» в сфере египетской филологии, но все же не разделял методологические принципы нового направления², вследствие чего продолжал придерживаться собственного подхода в изучении синтаксиса и грамматики египетского языка (близкого во многом к «французской школе») [Струве 1960: 27–31; Томашевич 2008: 62; Ладынин 2021: 76].

Однако изучение воззрений В. С. Голенищева на различные вопросы египетской филологии является нетривиальной задачей. Большой потерей для египтологии стало то, что крупный теоретический труд русского востоковеда о строении египетского языка, в котором полностью была бы представлена система суждений ученого об египетской филологии (во многом альтернативной «берлинской школе»), так и остался неопубликованным по сей день [Струве 1960: 37; Большаков 2007: 9]³. Судить о взглядах Голенищева и методологических принципах его работы приходится по опубликованным работам русского востоковеда, где данная тема представлена не в полной мере. Однако обращение к его корреспонденции с коллегами-египтологами позволяет уточнить взгляды выдающегося востоковеда на ряд филологических вопросов и выявить те методологические принципы, которых ученый придерживался при работе над переводами с египетского языка на современные.

² В частности, для В. С. Голенищева не был приемлем постулат «берлинской школы» о тесном родстве египетского языка с семитскими [Golénisheff 1922; Данилова 1987: 216–217; Ладынин 2021: 76]. Также востоковед критически относился к переводам с опорой лишь на словарь, без подробного исследования всех составляющих самого памятника [Golénisheff 1913: 4].

³ Следует отметить, что о степени готовности данной работы сложно судить, поскольку архив В. С. Голенищева с папками, содержащими его труд по строению египетского языка [Большаков 2007: 9], так и остался неразобранным, и поэтому нельзя точно сказать, насколько он завершен.

В связи с этим особый интерес представляет переписка между В. С. Голенищевым и английским египтологом сэром А. Х. Гардинером (1879–1963)⁴. За время многолетней дружбы двух великих ученых в их корреспонденции не раз поднимались темы, связанные с переводом древнеегипетских текстов. В ходе обсуждения различных частных вопросов исследователями затрагивалась тема синтаксиса египетского языка и общих принципов перевода с древних языков на современные. Однако данная проблема не была объектом пристального и последовательного обсуждения обоих египтологов. К ней Голенищев и Гардинер обращались от случая к случаю на разных этапах своей многолетней переписки. Чаще всего темы, связанные с филологией египетского языка, поднимались русским востоковедом в ходе обсуждения переводов английского египтолога, которые были опубликованы незадолго до написания писем. В публикуемых ниже письмах Голенищев не только высказывает свои замечания к переводам Гардинера, но и рассуждает о синтаксисе египетского языка и о разнице в методологических подходах к переводу между ним и Гардинером (последний был учеником А. Эрмана и, соответственно, находился под сильным влиянием «берлинской школы»⁵). В свою очередь, английский египтолог в ряде ответных писем приводит аргументы в защиту собственных переводов и подробно разъясняет те методологические принципы, на которые опирается при работе с египетскими текстами. Анализ данной дискуссии между Голенищевым и Гардинером позволяет пролить свет на взгляды обоих исследователей на синтаксис египетского языка и те принципы, которых оба ученых придерживались в своих переводах с египетского языка на современные.

Самое раннее из рассматриваемых нами писем датируется 12/25 августа 1913 г.⁶ Данное письмо было вторым из серии писем-откликов В. С. Голенищева на публикацию А. Х. Гардинером текста и перевода второй «Песни арфиста» из гробницы вельможи Неферхотепа [Gardiner 1913]⁷. В первом письме (от 29 июля / 11 августа 1913 г.)⁸, написанном вскоре после получения оттиска

⁴ Документы личной переписки великих египтологов хранятся в двух архивных собраниях: 1) в личном архиве сэра А. Х. Гардинера (фонд MSS AHG 142.112) в Институте Гриффита, входящем в состав Восточного института Оксфордского университета; 2) в парижском Архиве Владимира Голенищева в Центре Владимира Голенищева (Centre Wladimir Golénisheff, École Pratique des Hautes Études (Sciences religieuses de l'EPHE), фонд EPHE_CWG_5GOL/01). В оксфордской части переписки хранятся личные письма Голенищева к Гардинеру (всего 41 рукописное письмо), написанные в период с 1907 по 1945 г. Нумерация писем в данном архиве идет по убывающей, начиная с письма MSS AHG 142.112.1 от 4 апреля 1945 г. В парижском архиве хранятся письма, написанные Гардинером (всего 16 писем), и 22 черновых варианта писем Голенищева; письма и черновики из Центра Владимира Голенищева датируются временем с 1911 по 1945 г. (без нумерации писем). Основной язык переписки между двумя учеными — французский, за исключением одного письма Гардинера (от 8 февраля 1945 г.), написанного по-английски.

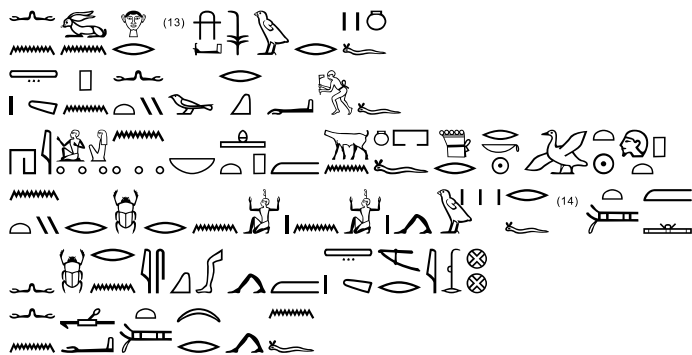
⁵ Подробнее об А. Х. Гардинере см.: [Томашевич 2008: 61–62; Bierbrier 2019: 175–176]. Об отношениях Гардинера с «берлинской школой» см.: [Gertzen 2015].

⁶ MSS AHG 142.112.29, 12/25 августа 1913 г., Санкт-Петербург. Письмо написано на семи страницах почтовой бумаги черными чернилами.

⁷ Фиванская гробница TT50 [Hari 1985]; подробнее о различных вариантах «Песни арфиста» в целом и о разнице между «Песнями» из гробницы Неферхотепа см.: [Lichtheim 1945; Hari 1985: 11–15].

⁸ MSS AHG 142.112.30, 29 июля / 11 августа 1913 г., Санкт-Петербург. Письмо написано на четырех страницах почтовой бумаги черными чернилами.

статьи английского египтолога, русский востоковед делает лишь несколько замечаний к переводу одного из предложений из небольшого дополнения («A Point of Philology»⁹) к основной статье Гардинера. Однако в следующем своем письме Голенищев, ознакомившись с основной частью статьи английского коллеги, уже высказывает свои замечания к его переводу. Внимание русского востоковеда привлек следующий фрагмент из публикации «Песни арфиста» [Ibid.: 168]:

There is none who prepares himself against his fellow,
This land, that has not his opponent,
All our kin rest within it from the time of the first antiquity.
Those who shall be born to millions of millions come to it completely.
There does not come lingering in Ti-Muri (Egypt).
There is not one who does not approach it (i. e., 'this land').

Поблагодарив А. Х. Гардинера за сделанные им замечания к предисловию к изданию папирусов Эрмитажа [Golénisheff 1913]¹⁰, В. С. Голенищев переходит к обсуждению данного фрагмента:

Что касается перевода великолепной надписи, опубликованной вами в «Proceedings» (XXXV p. p. 167–168), я очень восхищаюсь его точностью, но я должен сделать некоторые оговорки относительно предложений, содержащихся между концом строки 12 и серединой

⁹ Стоит заметить, что В. С. Голенищев считает «A Point of Philology» отдельной статьей А. Х. Гардинера: «Я только получил пятый номер “Proceedings of Society of Biblical Archaeology” этого года с Вашими двумя интересными статьями: 1) *In praise of death, a song from a Theban tomb*; et 2) *A point of philology*» (Je viens de recevoir le № 5 des Proceedings of the Society of Biblical Archaeology de cette année avec Vos deux intéressants articles: 1) *In praise of death, a song from a Theban tomb*; et 2) *A point of philology*). Однако в библиографии Гардинера учтена лишь первая из указанных Голенищевым статей [Faulkner 1949: 5].

¹⁰ Дальше в тексте письма В. С. Голенищев в ответ на просьбу А. Х. Гардинера «предупредить его за месяц до появления “Папирусов Эрмитажа”» (Vous me priez, mon cher ami, de Vous avertir au moins un mois à l’avance de l’apparition des «Papyrus de l’Ermitage») сообщает о том, что работа продвигается хорошо, и ученый обещает экземпляр издания «через месяц или два» (est-ce dans un mois, ou seulement dans deux). Согласно библиографии Голенищева [Савельева 1960: 9–10], в 1913 г. у него вышло лишь указанное издание эрмитажных папирусов, да и по смыслу письма нет сомнений, что речь идет именно о данной публикации.

строки 14. По моим представлениям, не следует переводить всю эту фразу, разбивая ее на отдельные предложения, потому что я не могу признать главными предложениями те, в которых встречается конструкция: существительное + ¹¹.

Однако именно так обстоит дело с двумя фразами в данном контексте. По моему мнению, выражение

 ¹² является разновидностью

приложения, находящегося в пролепсисе, и согласуется с суффиксом в   ¹³ и в   ¹⁴, если же фразы, содержащие эти слова, можно рассматривать как относительные предложения, то хорошо видно, что это приложение к суффиксу

В: «нет никого, кто бы не достиг ее (страны и т. д.)». В последнем случае я бы рассмотрел фразы ¹⁵ и т. д. и ¹⁶ и т. д. как обстоятельные предложения. В обоих случаях

¹⁷ и т. д. (с и не !), на мой взгляд, должно быть пояснительной фразой, относящейся к тому, что ей предшествует («... так что не случится [никогда] задержка (= слишком долгое пребывание) в Египте»). Я не думаю, что данная фраза может быть независимой, потому что она не содержит никакого суффикса, похожего на то, как в

¹¹ Существительное + *sdm*; в данном случае В. С. Голенищев выделяет в отдельную группу глагольные предложения, построенные по принципу «субъект + глагольная основа». Подобное выделение связано с тем, что по своему способу образования и порядку слов в предложении они отличаются от глагольных предложений со стандартным для египетского языка порядком слов, построенных по модели «глагольная основа + субъект» [Gardiner 1957, § 27].

¹² *t3 pn iwty rq.f* «страна эта, у которой нет противника» (букв. «нет противника ее»).

¹³ *m hnw.f* «внутри нее».

¹⁴ *hw:w rf* «пришедшие/придут в нее». В данном случае *hw:w* — псевдопартицип 3-го л. мн. ч. от глагола *hw* «ходить».

¹⁵ *hy.n nb htp* «люди наши всякие умиротворены».

¹⁶ *nty r hpr ... iw.w* «те, кто будет существовать ... придут».

¹⁷ *n hpr.n isk* «не случится задержка», букв. «не существовала задержка».

¹⁸ *tm spr n.f* «[кто] не достиг ее (страны. — Д. И., П. С.)».

¹⁹ Quant à la traduction de la grande inscription publiée par Vous dans les *Proceeding* (XXXV p. p. 167–168), j'en admire beaucoup la précision, mais je dois faire quelques réserves concernant les phrases contenues entre la fin de la ligne 12 et le milieu de la ligne 14. Selon mes idées, on ne doit pas traduire toute cette période en la découpant en phrases séparées, parce que je ne puis pas admettre comme phrases principales narratives celles, où on rencontre la construction:

subst[antif] + . Or c'est le cas avec deux des phrases du contexte. A mon idée l'expression

Как мы видим, Голенищев не согласен с Гардинером в том, что весь данный фрагмент необходимо переводить, разбивая его на несколько отдельных предложений. Русский египтолог считает, что весь пассаж необходимо рассматривать как единое сложноподчиненное предложение. Если попытаться реконструировать вариант перевода Голенищева, то по смыслу должно получиться следующее: «Нет никого, кто не достиг страны этой, у которой нет противника, поскольку люди наши всякие умиротворены в ней со времени древности первой, и потому, что те, кто будет существовать от миллионов к миллионам, придут в нее целиком, так что не случится никогда задержка в Египте».

Предложенный вариант перевода рассматриваемого отрывка основывается на взглядах В. С. Голенищева на ряд вопросов древнеегипетской филологии. Как уже было сказано выше, русский востоковед при изучении синтаксиса египетского языка обращал внимание не только на значения слов, но и на их связь в предложении и те смысловые нюансы, которые они приобретали в этой связи [Golénischeff 1913: 4]. В случае с рассматриваемым фрагментом важнейшей частью рассуждений Голенищева оказывается именно значение предложений, построенных по типу «субъект + глагольная основа», о чем ученый сам говорит далее:

Не обижайтесь на меня, мой дорогой друг, за то, что я излагаю вам все эти догадки, и не принимайте, прошу Вас, мою критику в плохом свете. Я только хочу показать Вам на примере, каким еще объяснениям может поддаваться тот или иной текст, если мы хотим признать разницу между предложениями, в которых подлежащее предшествует глаголу, и теми, где оно следует за ним (к последним я также отношу + существительное, так как отрицание содержит в себе, как некогда продемонстрировал г-н Масперо, отрицательное словесное значение «не есть», «не существует»)»²⁰.

est une espèce d'apposition prise en prolepsis et se rapportant au suffixe dans et dans , si les phrases contenant ces mots peuvent être considérées comme propositions relatives, vu bien c'est une apposition au suffixe dans: « il n'y a pas quelqu'un de non venant à lui (le pays, etc.) ». Dans ce dernier cas je considérerais les phrases et etc. comme des propositions circonstancielles. Dans les deux cas etc. (avec et non !) doit être à mon avis une phrase explicative se rapportant à ce qui précède (« ..., sans qu'il y ait [jamais] du retard (=un séjour trop prolongé) en Egypte »). Je ne pense pas que cette phrase puisse être une phrase indépendante parce qu'elle ne contient aucun suffixe qui rappelle, comme dans le mot mis à l'avant de toute cette période.

²⁰ Ne m'en voulez pas, mon cher ami, de Vous exposer toutes ces suppositions et ne prenez pas, je Vous en prie, mes critiques en mauvaise part. Je tiens seulement à Vous montrer sur un

Подобное внимание к предложениям данного типа было характерным для работ В. С. Голенищева на этом этапе его научной деятельности. Так, в глоссарии к «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» он отдельно рассматривает предложения, построенные по данной модели [Golénischeff 1912: vi–viii]²¹. Если обратиться к работам по грамматике представителей «берлинской школы» того времени, то можно увидеть, что по данному вопросу взгляды русского востоковеда и приверженцев нового направления в египетской филологии не совпадали. Это заметно и в самой терминологии, применяемой Голенищевым.

Необходимо отметить, что в разбираемых ученым фразах *hy.n nb ḥtp...* и *nty ... iw r.f...* глагольные формы *ḥtp* и *iw* являются псевдопартиципами²². Данная глагольная форма была открыта и описана А. Эрманом. Свое название — *псевдопартицип* (Pseudopartizip) — она получила потому, что ведет себя в предложении как причастие, хотя при этом является формой финитного глагола с собственной парадигмой спряжения [Erman 1889: 75–79]. Немецкий ученый сопоставлял египетский псевдопартицип с глагольной формой из другого семитского языка древности — с аккадским «вторым перфектом» [Ibid.: 84]. По мнению Эрмана, изначально данная форма глагола использовалась в качестве основного повествовательного глагола в предложении, однако позднее данная функция была ею утрачена и закреплена за формами местоименно-суффиксального спряжения (формой *sḏm.f* и др.) [Erman 1900: 350–353].

Хотя В. С. Голенищев высоко оценивал работы А. Эрмана о псевдопартиципе, в которых эта форма соотносилась с семитским перфектом [Golénischeff 1922: 686–687], он все же придерживался иной точки зрения по данному вопросу. Во-первых, русский ученый рассматривал псевдопартицип не как форму финитного глагола, а как причастие, обладающее собственной парадигмой спряжения. Причем, как мы видим в приведенном выше письме и в ряде других работах Голенищева, он даже не употребляет термин *псевдопартицип* по отношению к данной глагольной форме. Так, в письмах к А. Х. Гардинеру он обозначает конструкции с псевдопартиципом описательно («существительное + *sḏm*»), в издании «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» употребляет термин *причастие с флексией* (participe à flexions) [Golénischeff 1912: 30], а в статье 1922 г. — *спрягаемое причастие* (participe conjugable) [Golénischeff 1922].

Но, как видно из процитированного письма к А. Х. Гардинеру, наиболее существенное различие во мнениях между В. С. Голенищевым и учеными «берлинской школы» относилось к вопросу об употреблении и значении предложений, построенных по типу «субъект + глагольная основа» с ис-

exemple, à quelles autres explications peut se prêter un texte, si l'on veut admettre une différence entre les phrases, dans lesquelles le sujet précède le verbe, et celles, où il le suit (à ces dernières j'assigne aussi *ḥtp* + subst[antif], puisque la négation *iw* contient en elle, comme l'a autrefois démontré Mr. Maspero, une valeur verbale négative « n'est pas », « n'existe pas »).

²¹ Причем блок с примерами данных конструкций является едва ли не самым большим по объему во всем глоссарии.

²² В научной литературе по отношению к данной глагольной форме употребляются различные термины: *псевдопартицип* (вариант, предложенный А. Эрманом), *старый перфект* (вариант А. Х. Гардинера [Gardiner 1957, § 309], указывающий на родство данной формы с семитским перфектом) и *статив* (указывающий на функцию данной формы глагола для передачи состояния субъекта). В данной работе мы будем использовать термин *псевдопартицип*, распространенный в рассматриваемый нами период.

пользованием псевдопартиципа («существительное + *sdm*» в самом письме). Согласно А. Эрману, придаточные предложения данного типа хотя и являлись предложениями с глагольным предикатом, но строились по модели именных (номинальных) предложений (*Nominalsätze, nominal sentences*), т. е. предложений, в которых подлежащее находится на первом месте в предложении, а сказуемое на втором [Erman 1902, § 256, 351]. В случае рассматриваемых предложений в качестве сказуемого выступали либо псевдопартицип (для непереходных и пассивных глаголов), либо сочетание «предлог + инфинитив» (для переходных глаголов) [Ibid., § 256]. Предложения данного типа употреблялись в тех же случаях, что и номинальные, а именно в утвердительных фразах, в качестве относительных и обстоятельственных предложений. В основном они использовались в описаниях и описательных частях нарратива, при этом предложения с псевдопартиципом в независимом употреблении практически не встречаются (т. е. в качестве главного предложения) [Ibid., § 260].

Однако В. С. Голенищев считал, что между предложениями со стандартным порядком слов и предложениями, построенными по модели «субъект + глагольная основа», была более существенная разница: последняя встречается только в зависимых предложениях, и поэтому подобные конструкции следует понимать и переводить в основном как зависимые, обстоятельственные придаточные предложения. Хотя русский востоковед высоко оценивает перевод «Песни арфиста» А. Х. Гардинера, он в то же время критикует перевод английского коллеги именно в связи с переводом предложений с псевдопартиципом как независимых предложений. Это хорошо видно при сравнении перевода фразы *n hpr:n isḳ m t3-mry* Голенищевым и Гардинером. Последний в основном тексте статьи дает перевод данной фразы как отдельного предложения: «Нет задержки в Та-Мери (Египте)» (*There does not come lingering in Ti-Muri (Egypt)*). Однако Голенищев предлагает привязать рассматриваемую фразу к предшествующему контексту и перевести ее как зависимое предложение: «..., так что не случится [никогда] задержка (= слишком долгое пребывание) в Египте» (« ..., sans qu'il y ait [jamais] du retard (= un séjour trop prolongé) en Egypte »).

Но нельзя сказать, что А. Х. Гардинер не осознавал данную связь между предложениями. В пространном и более вольном переводе «Песни арфиста», приведенном в конце своей статьи, он более отчетливо показал связь между предложениями в данном пассаже:

That land free of foes, all our kinsmen rest within it from the earliest day of time. The children of millions of millions come thither, every one. For none may tarry in the Land of Egypt; none there is that passes not yonder [Gardiner 1913: 169].

Но данный вариант перевода все еще отличается от варианта, предложенного В. С. Голенищевым: в частности, английский египтолог связывает фразу *n hpr:n isḳ...* с последующим предложением (*n w^c tm spr n.f.*), а не с предшествующими, как предлагает русский востоковед. Кроме того, Гардинер также дробит обсуждаемый отрывок на отдельные предложения, в отличие от Голенищева, который рассматривает весь пассаж как единое сложное предложение.

В своем ответном письме от 18 сентября 1913 г.²³ А. Х. Гардинер приводит несколько аргументов в обоснование своей точки зрения. Вначале он высказывает свое отношение к занятию переводчика с древнеегипетского:

У меня есть очень упрямая теория, согласно которой необходимо переводить для того, чтобы помочь тем, кто будет потом учить [язык]. Если не пытаться переводить, тогда вообще не будет движения вперед. Напротив, если же у кого-то хватит твердости riskнуть переводом, тут же найдутся критики, которые найдут поле для вспахивания. И вскоре дело продвинется. Это похоже на древний обычай сжигать жертву под строящимся мостом. Наука требует жертвоприношения; и первый переводчик предлагает для этого себя!²⁴

Затем ученый переходит к обсуждению критических замечаний В. С. Голенищева, высказанных им в предыдущих письмах от 29 июля / 11 августа и 12/25 августа 1913 г. О взглядах русского востоковеда на предложения «субъект + глагольная основа», А. Х. Гардинер пишет следующее:

Я всегда рад читать Ваши замечания по синтаксису. Признаюсь Вам, что я еще не убежден, что любое предложение, которое начинается с существительного, за которым следует глагол, является обстоятельством. На мой взгляд, дело обстоит следующим образом. Поставив подлежащее вперед на место глагола, мы отныне делаем его своего рода центром, вокруг которого в данный момент вращается речь. То есть это способ изложить описание, а не рассказ. Во многих случаях переводить лучше обстоятельными предложениями, но в других случаях наш современный язык не может правильно отличить эти предложения от глагольных²⁵.

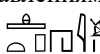
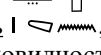
Можно заметить, что относительно употребления предложений «субъект + глагольная основа» (с использованием псевдопартиципа) А. Х. Гардинер придерживается позиции «берлинской школы», представители которой рассматривали данные предложения как способ передачи описания в тексте. При этом он исходит не только из приверженности данному направлению египетской филологии, но из собственного понимания стилистики египет-

²³ Centre Wladimir Golénisheff, EPHE_CWG_5GOL/01, письмо от 18 сентября 1913 г., Лондон. Письмо написано на 7 страницах почтовой бумаги черными чернилами.

²⁴ J'ai la théorie bien obstinée qu'il faut tout traduire, afin d'aider à ceux qui étudient après. Si on n'ose pas traduire, on n'avance pas du tout. Si au contraire quelqu'un a la hardiesse de risquer une traduction, en voilà tout de suite des critiques qui y trouvent de la terre à labourer. Et bientôt on fait des progrès. C'est tout comme l'ancienne habitude d'immoler des victimes sous un pont qu'on bâtit. La Science demande un sacrifice ; c'est le premier traducteur qui s'offre !

²⁵ Je suis toujours très content de lire vos remarques sur la syntaxe. Je vous avoue que je ne suis pas encore convaincu que toute phrase qui commence avec un substantif de dont lequel le verbe suit soit circonstanciel. Pour mon avis, la chose est ainsi. En mettant le substantif en avant, au lieu du verbe, on le fait dorénavant comme une espèce de centre autour duquel le discours pivote pour le moment. Autrement dit, c'est la façon d'exprimer des descriptions, et non pas des narrations. Dans bien des cas, on traduit au mieux par des phrases circonstancielles mais dont d'autres cas notre langue moderne ne peut pas bien différencier ces phrases des phrases verbales.

ского текста. Для английского египтолога важным оказывается то, что из-за постановки подлежащего на первое место в предложении происходит смена акцентов в нем. Гардинер усиливает данный аргумент следующим наблюдением:

Таким образом, по моим представлениям, причина, по которой пишется ²⁶, а не ²⁷, — это то, что желательно описать , слово, которое, как вы правильно говорите, является разновидностью приложения, взятого в пролеписе. Автор текста хочет обрисовать состояние этой земли и этих жителей, он не желает рассказывать, что делают ее жители²⁸.

Необходимо отметить такой важный аспект, как понимание функции глагола *hṭp* в обсуждаемом фрагменте. Как мы видим, по мнению А. Х. Гардинера данная глагольная форма используется для передачи состояния жителей страны, а не действия. Подобное понимание функции данного глагола в целом соотносится с представлениями о значении псевдопартиципа в работах как А. Эрмана [Erman 1911, §332–335], так и самого Гардинера [Gardiner 1957, § 311, 314].

При этом А. Х. Гардинер считает, что в современных языках не всегда хватает средств для того, чтобы передать при переводе синтаксис египетского языка, в частности, смысловую разницу между предложениями, в которых на первом месте стоят глаголы, и теми, которые начинаются с существительных (т. е. разницу между двумя моделями построения предложений). Позднее в своей «Грамматике» английский египтолог даже писал, что в некоторых случаях вполне возможно переводить конструкции «существительное + псевдопартицип» (псевдоглагольные конструкции, по терминологии ученого) как глагольные предложения [Gardiner 1957, § 314].

Кроме того, Гардинер отмечает, что и сам Голенищев мог переводить подобные предложения как главные, указывая на пример перевода фразы из «A Point of Philology»²⁹:

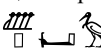

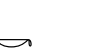
²⁶ *hy.n nb hṭp*, где *hṭp* — псевдопартицип.

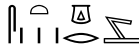
²⁷ *hṭp hy.n nb*, где *hṭp* — форма *sdm.f*.

²⁸ Ainsi, pour mon idée, la raison qu'on écrit et non pas c'est qu'on veut décrire le qui, comme vous les dites bien, est une

espèce d'apposition prise en prolepsis. On veut peindre l'état de cette terre et de ces habitants, on ne désire pas narrer ce que font ses habitants.

²⁹ Из письма MSS AHG 142.112.30 от 29 июля / 11 августа 1913 г. В данном письме В. С. Голенищев предлагал собственный вариант перевода фразы из третьей «Песни арфиста» Неферхотепа (более подробно о «Песне» см.: [Maspero 1886: 167–171; Lichtheim 1945: 198–201; Hari 1985: 13–15]). Интерес Голенищева привлек следующий пассаж:

(*nṯr nb šms.k ḏr wn.k ʕk.k irty hr.sn st grg šsp b3.k ḥw sʕh.k* «бог всякий, которого ты почитаешь (букв. «[за которым] следуешь ты») с тех пор, как появился ты, пусть войдешь ты лицом

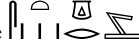
Вы тоже, кажется, переводите как главное предложение (в другом отрывке), когда даёте перевод «с тех пор, как ты существовал [на земле] и [с тех пор], как ты вошёл [в другой мир] с глазами, [устремленными] на них, готовы они...»³⁰. Но нет! Я только что увидел, что трактую вас неверно, я не поймаю вас таким образом на непоследовательности — вы себя спасаете, ставя «в то время как (или потому что)...» перед всем повествованием. Признаюсь, этот *Ausweg* (нем. ‘выход’. — Д. И., П. С.) мне совсем не нравится. По моему опыту, египтяне не очень любили периодический стиль. Его, правда, можно найти в юридических документах, но, с другой стороны, например, в моем любимом «Синухете» его не найти. В чем я был бы склонен Вас упрекнуть (слово слишком сильное, но другого я не могу найти), так это в желании любой ценой выразить или перевести на наш родной язык очень деликатные нюансы (различия между описательными и повествовательными предложениями) египетского языка. В результате тексту в целом придается ритм периода, который египтяне не должны были чувствовать. Признаюсь вам, что тут мы становимся на несколько гипотетических оснований³¹.

к лицу к ним (вариант перевода Гардинером фразы *irwy hr.sn*. — Д. И., П. С.). Он (бог всякий. — Д. И., П. С.) готов принять *b3* твое, чтобы защитить достоинство твое».

³⁰ А. Х. Гардинер цитирует вариант перевода В. С. Голенищева, предложенный последним в письме MSS AHG 142.112.30: «Вот как я хотел бы перевести первый отрывок,

в котором я, кажется, опознаю обстоятельственную фразу, поскольку там подлежащее (st. — Д. И., П. С.) (с пролеписом субстантива , которое местоимение за-

меняет!) предшествует дополнению : «....., пока (или: потому что?) все боги, которым ты служишь, поскольку ты вошел с глазами, [устремленными] на них, готовят (себя) принять твою душу и защитить твою мумию» (Voici comment je voudrais traduire le premier exemple, dans lequel je crois reconnaître une phrase circonstancielle, puisque là le sujet (avec prolepsis du substantif , que le pronom remplace !) précède l'attribut : « pendant (ou : car ?) tous les dieux que tous sers, puisque tu entres les yeux [fixés] sur eux, se préparent (eux) à recevoir ton âme et à protéger ta momie »).

³¹ Vous aussi semblez traduire comme phrase principale (dans l'autre passage)

en traduisant « depuis que tu es existé [sur terre] et [depuis] que tu es entré [dans l'autre monde] les yeux [fixés] sur eux, préparent eux... ». Mais non ! Je viens de voir que je vous fais tort, je ne vous attrape pas ainsi dans une inconséquence — vous vous sauvez en mettant un « pendant que » (ou car) ... devant l'histoire entière. Je vous avoue que cet « *Ausweg* » ne me plaît pas de tout. D'après mon expérience, les Égyptiens n'aimant pas beaucoup le style périodique. On le trouve, c'est vrai, dans les documents juridiques, mais autre part, dans mon *Sinuhe* bien-aimé, par exemple, on ne le trouve pas. Ce que je serais enclin à vous reprocher (le mot est trop fort, mais je ne trouve pas d'autre) c'est de vouloir à tout prix exprimer ou traduire dans notre langue à tout prix les nuances très délicates (les distinctions entre des phrases descriptives et narratives) de l'Égyptien. Le résultat en est qu'on donne au tout une allure périodique que les Égyptiens n'ont pas dû sentir. Je vous avoue que nous entrons ici sur un terrain quelque peu hypothétique.

Таким образом, из рассматриваемого нами письма становится видна разница во взглядах двух египтологов как по вопросам синтаксиса, так и в подходах к переводу с египетского языка на современные. В. С. Голенищев исходит из собственных взглядов на функции псевдопартиципа, считая, что конструкции с ним встречаются только в зависимых предложениях и что в переводах с египетского необходимо передавать соответствующий смысловой и стилистический нюанс. При этом русский ученый, по всей видимости, ориентируется прежде всего на стилистику русского и французских языков с их четко взаимосвязанными при помощи подчинительных союзов предложениями, что подчеркивает позднее в своей статье 1922 г. [Golénischeff 1922: 689–690]. А. Х. Гардинер в целом придерживается позиций «берлинской школы» относительно вопроса о функциях и значении псевдопартиципа. Он понимает смысловые особенности предложений с псевдопартиципами, однако считает, что не во всех случаях возможно перевести их на современные языки как зависимые предложения.

В следующий раз тема принципов перевода возникает в письме В. С. Голенищева от 22 февраля 1914 г.³² В данном письме русский востоковед благодарит А. Х. Гардинера за присланный ему «опыт перевода» (*essai de traduction*) текста папируса pHermitage 1116A [Golénischeff 1913]. Голенищев имеет в виду статью английского ученого «*New Literary Works from Ancient Egypt*» с переводом текста «Поучения Мери́кара», опубликованную в первом томе «*Journal of Egyptian Archaeology*» [Gardiner 1914]³³. В начале письма Голенищев извиняется за то, что так долго тянул с ответом, и уверяет Гардинера, что внимательно прочитал его статью. Однако, «несмотря на всю глубокую симпатию» русского египтолога к работе коллеги (*malgré toute la profonde sympathie que j'ai pour Vos travaux*), он считает, что в ней слишком много моментов, которые «следует прояснить с помощью длинного комментария» (*qui devraient être élucidés par un long commentaire*).

Далее Голенищев переходит к обсуждению взглядов Гардинера, отразившихся в присланной им статье. Во введении к ней английский ученый сожалеет, что египетский переписчик «Поучения» не был аккуратен и текст содержит ошибки писца и множество лакун. Кроме того, по мнению Гардинера, сложности добавляют и «наши недостаточные знания языка» (*there is the obstacle presented by our own insufficient knowledge of the language*), что в целом позволяет ему характеризовать процесс перевода «Поучения Мери́кара» как «авантюру» (*perilous adventure*). Тем не менее Гардинер считает, что даже в таком случае есть возможность переводить текст: «...только борясь с трудностями, можно в конечном счете их преодолеть» (*it is only by grappling with difficulties that they can be ultimately overcome*) [Gardiner 1914: 21]. С этой установкой связано и стремление Гардинера не опускать слова и предложения там, где он не в состоянии проследить за изменением контекста, поскольку «...возможно,

³² MSS AHG 142.112.27, 22 февраля 1914 г., Ницца. Письмо написано на шести страницах почтовой бумаги черными чернилами.

³³ Неясно, прислал ли Гардинер сам журнал целиком или отдельно оттиск своей статьи. В пользу первого варианта говорит постскриптум данного письма, в котором Голенищев интересуется у английского ученого, как можно подписаться на журнал и сколько будет стоить подписка.

единственное слово, попавшее таким образом в кругозор английского читателя, может указать ему на лежащую в основе связь мысли» [Ibid.].

Однако В. С. Голенищев не соглашается с А. Х. Гардинером:

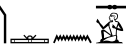

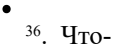

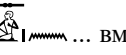

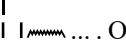

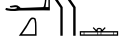
Я не могу присоединиться к мнению, которое Вы выражаете следующим образом: «Возможно, единственное слово, попавшее таким образом в кругозор английского читателя, может указать ему на лежащую в основе связь мысли». Чтобы искусный «читатель», который не читает по-египетски, мог что-то угадать, необходимо представить ему в комментариях разные нюансы, которые египетское слово может иметь в разных контекстах. И кроме того, если египтолог окажется в затруднении, я уверен, что простой «читатель» никогда не сможет его из него вызволить! В общем, в нашем тексте пока слишком много непонятных вещей, и Ваш перевод, несмотря на множество очень справедливых и интересных замечаний, не может заставить меня изменить взгляды, которые я изложил на с. 4, кол. 2 моего введения³⁴.

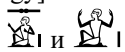
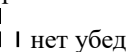
В данном случае русский востоковед ссылается на свой перевод, предложенный во введении к публикации папирусов Эрмитажа [Golénisheff 1913: 4]. По его мнению, одно только знание значения слов не может быть основой для верного и точного перевода, поскольку оно не позволяет раскрыть бесспорную связь между словами в тексте. Особенно это касается текстов с многочисленными лакунами и ошибками, как в случае с «Поучением Мерикара»:

Чего Вы хотите: избыток неуверенности давит меня, и я не могу найти в себе смелости перевести текст, в котором треть состоит из лакун и лишь треть которого более-менее понятна. К такому тексту, на мой взгляд, можно приступать только постепенно, потому что ни наши лексикографические, ни наши грамматические знания еще не достигли достаточной степени совершенства, чтобы мы осмелились с уверенностью заполнить лакуны и назвать ошибочными — в тексте, который на самом деле не грешит правильностью, — предложения, которые мы не можем объяснить грамматически с точки зрения наших текущих исследований. Более чем когда-либо я думаю, что нашему тексту придется подождать некоторое время, чтобы его объяснили. Даже по предложениям, которые на первый взгляд кажутся достаточно простыми, мы придерживаемся совершенно разных мнений! Итак, я не понимаю, как Вы можете перевести: «(Владение³⁵ [?] миллиона человек приносит пользу владыке Обоих земель» — фразу

³⁴ Il m'est impossible de me ranger à l'avis que Vous exprimez de la façon suivante: « Possibly a single word, thus brought within the ken of the English reader, may suggest to him the underlying connection of thought ». Pour que le « reader » adroit qui ne lit pas l'égyptien divine quelque chose, il faut dans un commentaire lui mettre sous les yeux les différentes nuances qu'un mot égyptien peut avoir dans différents contextes. Et puis, si un égyptologue reste dans l'embarras, ce ne sera jamais, j'en suis sûr, un simple « reader » qui pourra l'en tirer ! En somme beaucoup trop de choses nous sont encore incertaines dans notre texte et Votre traduction malgré maintes remarques fort justes et intéressantes, ne réussit pas à me faire changer les vues que j'ai énoncées à la p. 4 col. 2 de mon Introduction.

³⁵ Открывающаяся круглая скобка в тексте; закрывающая отсутствует.

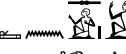
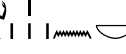
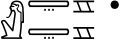
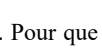

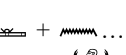

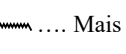

(X, 41):   ³⁶. Что-бы Ваш перевод был верным, необходимо, 1) чтобы + ... означало «пользоваться» = «служить», «быть полезным для», а затем 2) чтобы в тексте было   ... вместо ...   ... Однако скорее имеет значение decet (лат. 'подобает'. — Д. И., П. С.) (см. «верный», см. Proceedings [of the Society of Biblical Archaeology] XXXV p. 166 / 167³⁷)

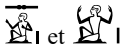
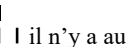
и для изменения расположения выражений и нет убедительной причины. Я на данный момент придерживаюсь своего перевода (см. Введение, с. 3, ремарка ***). Если он не совпадает как следует с контекстом, который Вы даете, то это ошибка этого контекста, поскольку, стоит заметить, фраза перед вышеупомянутым текстом и фраза, которая следует за ним, обе страдают от лакун, и это не означает, что данные лакуны должны быть заполнены именно так, как Вы это сделали³⁸.

³⁶ n ꜥꜣ n(y) s ꜥꜥ n nb ꜥꜥꜥ; подробнее о вариантах чтения и перевода данной фразы см. примеч. 40.

³⁷ Голенищев ссылается на статью Гардинера с переводом «Песни арфиста» [Gardiner 1913].

³⁸ Que Voulez-Vous: l'excès d'incertitude m'écrase, et il m'est impossible de trouver le courage de traduire un texte dans lequel un tiers est emporté par des lacunes, un tiers est plus ou moins compréhensible. Un tel texte à mon avis ne peut être attaqué que peu à peu, car ni nos connaissances lexicographiques, ni nos connaissances grammaticales n'ont encore atteint un degré suffisant de perfection, pour que nous nous hasardions à vouloir avec assurance compléter les lacunes et déclarer fautifs, dans un texte qui en effet ne pèche pas trop par sa correction, des passages que nous ne pouvons pas expliquer grammaticalement au point de vue de nos études actuelles. Plus que jamais je pense que notre texte devra encore attendre quelque temps pour pouvoir être expliqué. Même pour des phrases qui au premier coup d'œil paraissent assez simples, nous avons tous deux des avis tout à fait différents! Ainsi, je ne comprends pas, comment Vous pouvez traduire: « (The possession of [?] a million men availeth not the Lord of the Two Lands »

de la phrase (pl. X, 41):   . Pour que Votre traduction soit juste, il faudrait 1) que + signifie « to avail » = « servir », « être utile à », et puis 2) qu'il y ait dans le texte   au lieu de   Mais a plutôt la signification de «decet» (cf « faire » cf Proceedings [of the Society of Biblical Archaeology] XXXV p. 166/167)

et pour le changement de place des expressions et il n'y a aucune raison plausible.

Je tiens donc pour le moment à ma traduction (v. Introd. p. 3, rem. ***). Si elle ne cadre pas bien avec le contexte, tel que Vous le donne, c'est peut-être la faute à ce contexte, car, il faut le remarquer, la phrase avant le texte en question et la phrase qui le suit ont toutes deux souffert de lacunes et il n'est pas dit que ces lacunes doivent être comblées précisément de la manière comme Vous le faites.

Данный фрагмент письма заслуживает отдельного комментария применительно к темам, которые в нем затрагиваются. Первая из них связана с переводом обсуждаемого отрывка из «Поучения Мерикара». В. С. Голенищев верно подмечает, что «такая, казалось бы» простая фраза вызывает разночтения между учеными. Даже спустя сто лет данная фраза остается одной из тех, которые вызывает вопросы у переводчиков знаменитого произведения египетской литературы³⁹. Проблемный характер указанной фразы вызван не только тем, что она располагается между лакунами (что мешает восстановить в полной мере ее контекст), но и с различным пониманием синтаксиса самого предложения и, самое главное, точного перевода глагола *ʕ3*. Как видно из перевода А. Х. Гардинера, английский ученый считает, что в данном случае в качестве подлежащего в предложении выступает *n(y) s ḥḥ* (букв. «принадлежащее миллиону людей»), которое он переводит как «владение миллионов людей», а значение глагола *ʕ3* трактует как «быть полезным». Однако Голенищев не соглашается с указанной трактовкой, указывая на то, что для глагола *ʕ3* имеется значение «быть верным» (при этом он ссылается на гардинеровский перевод «Песни арфиста» [Gardiner 1913: 166–167]!)⁴⁰. Что же касается фразы *n(y) s ḥḥ*, по его мнению для верности перевода Гардинера необходимо, чтобы числительное было на первом месте. Поэтому Голенищев и говорит, что предпочитает собственный перевод данного пассажа.

Перевод русского востоковеда сильно отличается от перевода его английского коллеги. В. С. Голенищев переводит данную фразу следующим образом: «Не подобает для человека иметь множество владык Обеих земель» (Il ne convient pas à un homme d'avoir une multitude de de maitres de deux mondes) [Golénischeff 1913: 3]. По всей видимости, он считает, что данную фразу необходимо читать как *n ʕ3 n s ḥḥ n nb t3wy*, исходя из значения глагола *ʕ3* «быть верным, подовать», однако подлежащим в данном предложении выступает не *n(y) s ḥḥ* («владение миллиона людей», букв. «принадлежащее миллиону людей»), как у А. Х. Гардинера, а скорее *ḥḥ n nb t3wy* («миллионы / множество владык Обеих земель»); между подлежащим и сказуемым вклинивается косвенное дополнение *n s* («для человека»). Стоит отметить и то, что в поддержку верности своего перевода ученый находит схожее по смыслу выражение из Гомера⁴¹ [Ibid.]. Думается, что в этом проявляется не только широта зна-

³⁹ В последующих публикациях «Поучения Мерикара» данный отрывок не раз породил различные трактовки. Так, в исследовании Й. Квакуа он передан как *n ʕ3.n s ḥḥ n nb t3.wy* (т. е. подлежащим в предложении выступает *s ḥḥ*, а сказуемым — глагол *ʕ3* в форме *n sdm.n.f*). При этом в своем переводе немецкий ученый исходит из того, что в другом произведении дидактической литературы — «Поучении Птаххотепа» — глагол *ʕ3* находится в параллели с глаголом *šm* «следовать». Соответственно, Квакуа переводит данную фразу как «Миллионы мужей не могут сопровождать правителя Обеих земель» (Millionen Männer können den Herrn den beiden Länder nicht begleiten) [Quack 1992: 28–29, ref. c]. Российский исследователь А. Е. Демидчик рассматривает синтаксис данной фразы так же, как и А. Х. Гардинер, однако его перевод несколько отличается от перевода последнего: «Не подобает владыке обеих земель владеть тем, что принадлежит миллионам людей» [Демидчик 2005: 194, 209].

⁴⁰ Стоит также отметить, что в «Словаре египетского языка» данный глагол также имеет значение «быть верным» и т. п. [Egman, Grapow 1971 (1): 233].

⁴¹ II. В. 204–205: οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη: εἰς κοίρανος ἔστω, εἰς βασιλεὺς (пер. Н. И. Гнедича: «Нет в многовластии блага; да будет единый властитель, царь нам да будет единый»).

ний Голенищева, но и близость его подхода к исследователям «французской школы», считавшим возможным привлекать для анализа явлений египетского языка достаточно далекие параллели.

В следующем письме от 15 марта 1914 г.⁴² В. С. Голенищев в ответ на не-сохранившееся письмо А. Х. Гардинера дополнительно раскрывает свои аргументы в защиту собственного перевода:

В Вашем любезном письме от 27 февраля, за которое я Вам очень благодарен, Вы мне сообщили причины, мешающие Вам согласиться с интерпретацией фразы

, которую я даю.

Во-первых, это группа , которую, по Вашему мнению, здесь следует рассматривать как единое выражение. В подтвержде-

ние своего утверждения Вы приводите мне фразу   из одного неопубликованного папируса из Британского музея (№ 19258). Со своей же стороны я могу привести Вам еще два примера, где   в действительности является одним выражением

ем «...» Однако, на мой взгляд, ||| из данных примеров никоим образом не обязывают нас распознавать те же самые примеры во всех случаях, где слово и слово ||| встречаются вместе, потому что иногда случай [или] построение фразы может поставить эти две фразы одну за другой без того, чтобы образовать единое выражение. Как я отмечал в другом месте (смотрите мой Глоссарий к «Потерпевшему кораблекрушению», с. 66), «графическое сходство двух выражений не всегда может говорить, что оба выражения являются сходными».

Что касается Вашего второго возражения вроде того, что не существует примеров дативов (~~сущ~~ + существительное [но не местоимение]), предшествующих предмету, отошло Вас к статье господина Дево⁴³ в журнале «Сфинкс», т. XIII, с. 166–167. Если в примерах, приведенных господином Дево, предметом везде является определенное имя, точно также в папирусе 1116А, но здесь его определяет генитив, тогда как в примерах господина Дево определение получается при помощи местоименного суффикса⁴⁴.

⁴² MSS AHG 142.112.26, 15 марта 1914 г., Ницца. Письмо написано на восьми листах почтовой бумаги (с приложением из восьми фотографий), черными чернилами.

⁴³ Э. В. Дево (1878–1929) — швейцарский египтолог и коптолог. Подробнее о нем см.: [Bierbrier 2019: 128]. В тексте письма Голенищева имеется ввиду статья Дево, посвященная разбору ряда вопросов египетской грамматики [Dévaud 1910].

⁴⁴ Dans Votre aimable lettre du 27 Février, pour laquelle je Vous remercie beaucoup, Vous m'avez fait connaître les raisons qui Vous empêchent d'accepter pour la phrase

 l'interprétation que j'en ai donnée.

Premièrement c'est le groupe qui, selon Vous, doit ici être considéré comme une

Любопытно, что предметом спора стал вопрос о сочетании числительного *ḥḥ* с существительными. В грамматиках «берлинской школы» (А. Эрмана, а позднее и А. Х. Гардинера) указывалось, что числительные могли ставиться как перед исчисляемым существительным (при этом присоединяясь при помощи косвенного генитива), так и после него [Erman 1910, § 258–261; Gardiner 1957, § 261–263]. Как мы видим из письма, В. С. Голенищев исходит из того, что числительное *ḥḥ* должно соединяться с *nb ʔwy* при помощи косвенного генитива. Даже примеры Гардинера, показывающие возможность употребления *ḥḥ* после существительного (причем с существительным *s*, как в обсуждаемом тексте) не убеждают русского ученого в ошибочности собственного перевода; более того, Голенищев приводит еще один пример подобного употребления! В данном случае русский востоковед исходит из того, что графическое сходство выражений не всегда служит показателем их идентичности. Можно сказать, что при переводе определенных выражений Голенищев обращал внимание не на общие закономерности их употребления во всех египетских текстах, а именно на то значение, которое выражение приобретает в конкретном памятнике. То же самое можно сказать и о его отношении к употреблению косвенных определений с *n* между сказуемым и подлежащим. Таким образом, в своих переводах русский ученый опирается в первую очередь не столько на правила египетского синтаксиса, сколько на контекст переводимой фразы и собственное чувство языка.

Необходимо отметить, что еще в первом письме, относящемся к дискуссии о переводе «Поучения Мерикара» (MSS AHG 142.112.27), В. С. Голенищев при построении своей аргументации указывал на роль контекста при переводе с египетского языка. По его словам, для несведущего в египетском языке читателя необходимо пояснять нюансы различных слов в разных контекстах. Если переводчик не способен провести такой анализ, то и читатель никогда не сможет уловить подобные нюансы и, соответственно, распознать лежащую в основе текста «мысль». Кроме того, как отмечает Голенищев, ошибочность перевода Гардинером фразы из «Поучения Мерикара» связана с тем, что английский уче-

seule expression. A l'appui de cette assertion Vous me citez la phrase d'un papyrus inédit du Brit.[ish]Mus.[eum] (№ 10258). [2] Je puis de mon côté Vous citer encore deux exemples où I est en effet une seule expression <...> Mais, à mon avis, I de ces exemples ne nous oblige nullement de reconnaître cette même expression dans tous les cas, où le mot et le mot I se rencontrent ensemble, car quelquefois le hasard, la construction de la phrase, peut mettre ces deux expressions l'une à la suite de l'autre, sans qu'elles forment une seule expression. Comme je l'ai souligné ailleurs (v.[oir] mon Glossaire au Naufragé, p. 66), « la similitude graphique de deux expressions ne veut pas toujours dire que les deux expressions soient identiques ».

Quant à Votre seconde objection, comme quoi il n'existe pas d'exemples du datif (+ substantif [non pas pronom]) précédant le sujet, je Vous renvoie à l'article de Mr. Dévaud dans le « Sphinx », vol. XIII p. p. 166–167. Si dans les exemples cités par Mr. Dévaud, le sujet est partout un nom déterminé, il l'est tout aussi bien dans le pap.[yrus] 1116A, mais ici c'est un génitif qui le détermine, tandis que dans les exemples de Mr. Dévaud la détermination est obtenue par un suffixe pronominal.

ный не учитывает контекст, в котором употребляется не совсем ясный глагол *кз*. При этом русский ученый признает, что и его вариант перевода может быть неправильным и не совпадать с контекстом «Поучения», но причину подобной ошибки он видит в наличии лакуны, из-за которой невозможно полностью восстановить весь контекст и таким образом верно перевести фразу.

Подобное внимание Голенищева к контексту в целом характерно для его работ. В частности, об этом свидетельствует включение в состав словаря «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» исследований, целью которых было определить значение ряда или комплекса слов, объединенных между собой в одном или нескольких предложениях [Golénischeff 1912: vii; Струве 1960: 26], т. е. по сути в определенном контексте.

Письмо от 10 августа 1937 г.⁴⁵ было написано В. С. Голенищевым в качестве отклика на статью А. Х. Гардинера. В нем русский ученый благодарит английского за его статью «Some Aspects of an Egyptian Language» [Gardiner 1937], в которой тот обосновывает теорию о происхождении форм местоименно-суффиксального спряжения египетского глагола *sdm.f* и *sdm.n.f* от соответственно пассивных и активных причастий⁴⁶ Голенищев отзывается об этой идее как «интересной», но в то же время признает, что не разделяет мнение английского коллеги:

Дорогой друг,

Я искренне благодарю Вас за Вашу статью под названием «Некоторые аспекты египетского языка», что я прочитал с большим интересом, но которая, должен признать, еще не смогла сделать меня сторонником той теории, что в первой части глагольных форм *sdm.f* и *sdm.n.f* необходимо видеть причастия, активные или пассивные. Мне кажется, что объяснение происхождения данных форм выходит за пределы наших возможностей, и я предпочитаю воздерживаться от каких-либо окончательных суждений по этому вопросу, сохраняя, несмотря ни на что, представление о возможном именном происхождении, что может вернуть нас к тому, что часто называют «le petite nègre»: *sdm.f* могло бы быть «son entendre⁴⁷», «entente⁴⁸ d'un tel», «entente⁴⁹ de la part d'un tel» (сравните бормотание негров и других диких народов, которые часто говорят «moi savoir» вместо «je sais»)⁵⁰.

⁴⁵ MSS AHG 142.112.7, 10 августа 1937 г., г. Виши. Письмо написано на двух страницах почтовой бумаги черными чернилами.

⁴⁶ Позднее данная идея была повторена ученым в его «Грамматике» [Gardiner 1957: 411, § 39]. К схожей мысли приходил в свое время В. Вестендорф [Westendorf 1953]. В египтологии это был не первый опыт обращения к данной теме. Еще до А. Х. Гардинера к ней обращались А. Эрман, предполагавший происхождение активного *sdm.f* и пассивного *sdmw.f* от активных и пассивных причастий соответственно [Erman 1900; 1901], а также К. Зете, который предлагал идею о происхождении форм *sdm.f*, *sdm.in.f* и др. от пассивных причастий, слившихся с соответствующими предлогами *n*, *in* и т. д. [Sethe 1902].

⁴⁷ Вписано поверх зачеркнутого слова *savoir*.

⁴⁸ Вписано поверх зачеркнутого слова *savoir*.

⁴⁹ Вписано поверх зачеркнутого слова *savoir*.

⁵⁰ Bien cher ami,

Je vous remercie sincèrement pour votre article intitulé « Some aspects of the Egyptian language », que j'ai lu avec grand intérêt, mais, qui, je dois l'avouer, n'a pas encore réussi à me rendre partisan déterminé de la théorie, d'après laquelle dans la première partie des formes verbales *sdm.f* et *sdm.n.f* on doit voir des participes, soit actifs, soit passives. Pour moi, l'explication de l'origine

Как видно из данного отрывка, В. С. Голенищев не разделяет точку зрения представителей «берлинской школы» о происхождении наиболее распространенных в египетском языке глагольных форм (*sdm.f* и *sdm.n.f*) от причастий. С одной стороны, по его мнению, подобные теоретические построения выходят за рамки возможностей науки. С другой стороны, сам ученый все же склоняется к мысли об их происхождении от именных форм. При этом Голенищев для прояснения своей позиции прибегает к сравнению с языками *le petite nègre* (современный термин — *Français Tirailleur*). Под данным термином понимаются языки-пиджины на основе французского, распространенные на территории колоний Франции в Африке и первоначально возникшие как разговорные языки для коммуникации между офицерами колониальных войск и африканскими солдатами [Skirgård 2013: i]. Среди отличительных особенностей этих языков выделяют следующие моменты: сказуемое в предложении обычно представляет «наипростейшую форму глагола» и чаще всего выражается инфинитивом, т. е. глагол не изменяется по родам, числам и лицам [Ibid.: 15]. Кроме того, в языках *Français Tirailleur* местоимения используются в косвенном падеже даже в тех случаях, где по нормам литературного французского языка должен употребляться номинатив [Ibid.: 40–42].

Иными словами, В. С. Голенищев считает, что первоначально глагольная форма *sdm.f* возникла путем присоединения местоименного или именного подлежащего к инфинитиву. Это особенно видно из фразы «*moi savoir*», которая в литературном французском буквально значит «моя знать / мое знание», однако в языках *Français Tirailleur* употребляется в качестве предложения «Я знаю». Возможность того, что основой местоименно-суффиксального спряжения была именная форма (конкретно инфинитив), рассматривалась в одной из теоретических работ А. Эрмана, однако была отклонена им самим по ряду соображений (в частности, потому, что в таком случае был бы неясен механизм появления в некоторых формах такого спряжения между основой глагола и субъектом в генетиве еще и инфиксов [Erman 1900: 346]⁵¹).

Характерно, что размышляя о происхождении основных глагольных форм, В. С. Голенищев не приводит аргументов в пользу своих взглядов, как обычно он делал в тех случаях, которые касались вопросов перевода (что видно из приведенных выше писем). Вместо этого он лишь указывает, что остается при своем собственном мнении и что в целом подобные теоретические построения «выходят за пределы» возможностей науки. Кроме того, русский востоковед отмечал, что для его собственных исследований знание происхождения глагольных форм вовсе не обязательно. Голенищева интересовали прежде всего вопросы, непосредственно связанные с изучаемыми им текстами, а именно значения и нюансы глагольных форм в контексте:

de ces forms semble dépasser la limite de nos possibilités et je préférè m'abstenir de tout jugement definitive dans cette question, tout en conservant, malgré tout, une vague idée d'une origine peut-être nominale, qui pourrait nous ramener à ce qu'on appelle souvent « le petit nègre »: *sdm.f* pourrait avoir été « son entendre », « entente d'un tel », « entente de la part d'un tel » (à comparer le baragouinage des nègres et d'autres peuplades sauvages, qui souvent dissent « moi savoir » pour « je sais »).

⁵¹ Следует отметить, что позднее В. Шенкель приводит возражения против позиции А. Эрмана и показывает, что аргументация основателя «берлинской школы» не может служить основанием для отказа от теории о происхождении формы *sdm.f* от инфинитива [Schenkel 1975: 34–35].

В своем собственном исследовании я ограничиваюсь в отношении глагола только значением и нюансами, которые многие египетские глагольные формы имеют или могут приобретать в контексте, особенно когда в то же время встречаются глагольные формы различных конструкций. Это довольно обширная область исследований, которая дает немало интересных сведений о структуре египетского языка на его исторических этапах!⁵²

Подводя итог всему сказанному выше о принципах перевода, которыми руководствовался в первую очередь В. С. Голенищев, стоит отметить его постоянное желание углублять свои знания в древнеегипетском языке. Русский востоковед на протяжении многих лет вел переписку с сэром А. Х. Гардинером, делился с ним своими размышлениями относительно роли контекста при переводе памятников египетской литературы, синтаксиса древнеегипетского языка и осторожности перевода текста с лакунами. При этом видны и различия в подходах двух ученых к самому переводу с египетского языка на современные. Для Голенищева на первом месте оказывается изучение синтаксиса и значений различных фраз в определенном контексте самого исследуемого памятника. Необходимо отметить и то, что при переводе той или иной фразы в конкретном тексте для него не играло принципиальной роли значение схожих фраз из других текстов, что говорит о несколько несистемном понимании им древнеегипетского синтаксиса (это заметно в письмах с обсуждениями перевода отрывка из «Поучения Мерикара»). Иначе говоря, предустановленные принципы египетского синтаксиса играли не столь существенную роль в переводах Голенищева, если они расходились с его собственным пониманием фразы в данном контексте. Кроме того, в своих переводах ученый исходил из необходимости как можно полнее передать стилистические и смысловые нюансы, которые приобретались различными глагольными конструкциями в контексте. Совершенно неприоритетными для него оказываются вопросы морфологии, и в целом ученый крайне сдержанно оценивал точность познаний в египетской филологии на современном ему этапе развития науки.

В отличие от Голенищева, Гардинер в своих переводах больше придерживается системы синтаксиса египетского языка, установленной «берлинской школой». Хотя английский египтолог, следовавший принципам «берлинской школы», и его русский коллега, во многом ее критиковавший, расходились во взглядах на ряд вопросов египетской филологии, все же в их методологии присутствует общая черта. Как и В. С. Голенищев, А. Х. Гардинер опирается не только на правила синтаксиса, но и на собственное чувство египетского языка (что хорошо видно из его ответного письма при обсуждении перевода «Песни арфиста»).

⁵² Dans mes propres recherches, je ne me restreins, par rapport au verbe, qu'au sens et aux nuances, que les nombreuses formes verbales égyptiennes ont ou peuvent acquérir dans un contexte, surtout là où, à la fois, on rencontre des formes verbales de différentes structures. C'est là un champ de recherches assez vaste, qui donne pas mal d'aperçus intéressants sur la structure de la langue égyptienne dans ses phases historiques !

Литература

- Большаков 2007 — *Большаков А. О.* Голенищев и мы // Петербургские египтологические чтения 2006: К 150-летию со дня рождения В. С. Голенищева: Доклады / Отв. ред. А. О. Большаков. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 5–13. (Тр. Гос. Эрмитажа; 35).
- Данилова 1987 — Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912) / Под ред. И. Е. Даниловой. М.: Сов. художник, 1987.
- Демидчик 2005 — *Демидчик А. И.* Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005.
- Ладынин 2021 — *Ладынин И. А.* Война, революция и египтология: переписка Эд. Навилля и В. С. Голенищева в 1916–1921 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной церкви. Вып. 98. 2021. С. 74–92.
- Савельева 1960 — *Савельева Т. Н.* Список научных трудов В. С. Голенищева // Древний Египет: Сб. ст. / Под ред. В. В. Струве, В. И. Авдиева. М.: Изд-во вост. лит., 1960. С. 9–11.
- Струве 1960 — *Струве В. В.* Значение В. С. Голенищева для египтологии // Очерки по истории русского востоковедения: Сб. 3 / Отв. ред. В. И. Авдиев, Н. П. Шастина. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 3–69.
- Томашевич 2008 — *Томашевич О. В.* Дешифровка Ж. Ф. Шампольона и становление египтологии как научного направления в XIX–XX вв. Формирование египтологических школ // Историография истории Древнего Востока: В 2 т. Т. 1 / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2008. С. 17–120.
- Bierbrier 2019 — Who was who in Egyptology / Ed. by M. L. Bierbrier. 5th rev. ed. London: Egypt Exploration Society, 2019.
- Dévaud 1910 — *Dévaud E. V.* Questions de grammaire // Sphinx. Vol. 13. 1910. P. 153–172.
- Erman 1889 — *Erman A.* Eine neue Art der ägyptischen Conjugation // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 27. 1889. S. 65–84.
- Erman 1900 — *Erman A.* Die Flexion des aegyptischen Verbums // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Bd. 19. 1900. S. 317–353.
- Erman 1901 — *Erman A.* Zur Entstehung der jüngeren Flexion des Verbums // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Bd. 39. 1901. S. 123–128.
- Erman 1902 — *Erman A.* Ägyptische Grammatik, mit Schrifttafel, Litteratur, Lesestücken und Wörterverzeichnis. 2. gänzlich umgearb. Aufl. Berlin: Verlag von Reuther & Reichard, 1902.
- Erman 1911 — *Erman A.* Ägyptische Grammatik ... 3. völlig umgestaltete Aufl. Berlin: Verlag von Reuther & Reichard, 1911.
- Erman, Grapow 1971 — Wörterbuch der ägyptischen Sprache / Hrsg. von A. Erman, H. Grapow. Berlin: Akademie Verlag, 1971.
- Faulkner 1949 — *Faulkner R. O.* Bibliography of Sir Alan Henderson Gardiner // Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 35. 1949. P. 1–12.
- Gardiner 1913 — *Gardiner A. H.* In praise of death: A song from a Theban Tomb // Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. Vol. 35. 1913. P. 165–170.
- Gardiner 1914 — *Gardiner A. H.* New literary works from Ancient Egypt // Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 1. No. 1. 1914. P. 20–36.
- Gardiner 1937 — *Gardiner A. H.* Some aspects of the Egyptian language // Proceedings of the British Academy. Vol. 23. 1937. P. 81–104.
- Gardiner 1957 — *Gardiner A. H.* Egyptian grammar: Being an introduction to the study of hieroglyphs. 3rd ed., rev. Oxford: Griffith Institute, 1957.

- Gertzen 2013 — *Gertzen T. L.* École de Berlin und “Goldenes Zeitalter” (1882–1914) der Ägyptologie als Wissenschaft: das Lehrer-Schüler-Verhältnis von Ebers, Erman und Sethe. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013.
- Gertzen 2015 — *Gertzen T. L.* The Anglo-Saxon Branch of the Berlin School: The interwar correspondence of Adolf Erman and Alan Gardiner and the loss of the German concession in Amarna // *Histories of Egyptology: Interdisciplinary measures* / Ed. by W. Carruthers. London: Routledge, 2015. P. 39–49.
- Golénischeff 1912 — *Golénischeff W.* Le conte du naufragé. Le Caire: Institut français d’archéologie orientale, 1912. (Bibliothèque d’études; 2).
- Golénischeff 1913 — *Golénischeff W.* Les Papyrus Hiératiques nos. 1115, 1116 A et 1116 B de L’Ermitage Impérial à St Pétersbourg. St Pétersbourg: Manufacture des Papiers de l’État, 1913.
- Golénischeff 1922 — *Golénischeff W.* Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne // *Recueil d’études égyptiennes dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion* / Par L. De Blacas, G. Bénédict, C. Boreaux et al. Paris: Édouard Champion, 1922. P. 685–711.
- Hari 1985 — *Hari R.* La tombe Thébaine du père divin Neferhotep (TT 50). Genève: Éditions de Belles-Lettres, 1985. (Collection EPIGRAPHICA).
- Lichtheim 1945 — *Lichtheim M.* The Songs of the Harpers // *Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 4. No. 3. 1945. P. 178–212.
- Maspero 1886 — *Maspero G.* Études égyptiennes. Vol. 1. Paris: Imprimerie Nationale, 1886.
- Quack 1992 — *Quack J.* Studien zur Lehre für Merikare. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. (Göttinger Orientforschungen; 23).
- Schenkel 1975 — *Schenkel W.* Die altägyptische Suffixkonjugation. Theorie der innerägyptischen Entstehung aus Nomina actionis. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. (Ägyptologische Abhandlungen; 32).
- Sethe 1902 — *Sethe K.* Das ägyptische Verbum im Altägyptischen, Neuägyptischen und Koptischen. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1899–1902.
- Skirgård 2013 — *Skirgård H.* Français Tirailleur Pidgin — A corpus study: Thesis submitted for Master of Arts in Linguistics / Stockholm University, Department of Linguistics. Stockholm, 2013.
- Westendorf 1953 — *Westendorf W.* Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter. Berlin: Akademie-Verlag, 1953. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für Orientforschung, Veröffentlichung; 18).
- Wilson 1964 — *Wilson J. A.* Signs and wonders upon Pharaoh: A history of American Egyptology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1964.

References

- Bierbrier, M. L. (Ed.). (2019). *Who was who in Egyptology* (5th rev. ed.). Egypt Exploration Society.
- Bol’shakov, A. O. (2007). Golenishchev i my [Golénischeff and we]. In A. O. Bol’shakov (Ed.). *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia 2006: K 150-letiiu so dnia rozhdeniia V.S. Golenishcheva: Doklady* (pp. 5–13). Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (In Russian).
- Danilova, I. E. (Ed.) (1987). *Vydaiushchisia russkii vostokoved V. S. Golenishchev i istoriia priobreteniia ego kollektsii v Muzei iziashchnykh iskusstv (1909–1912)*. [The remarkable Russian Orientalist V. S. Golénischeff and the history of acquisition of his collection by the Museum of Fine Arts (1909–1912)]. Sovetskii khudozhnik. (In Russian).
- Demidchik, A. I. (2005). *Bezymiannaia piramida: Gosudarstvennaia doktrina drevneegipetskoj Gerakleopol’skoi monarkhii* [The nameless pyramid: The state doctrine of the Heracleopolitan monarchy]. Aleteiia. (In Russian).
- Dévaud, E. V. (1910). Questions de grammaire. *Sphinx*, 13, 153–172. (In French).
- Erman, A. (1889). Eine neue Art der ägyptischen Conjugation. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, 27, 65–84. (In German).

- Erman, A. (1900). Die Flexion des ägyptischen Verbums. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, 19, 317–353. (In German).
- Erman, A. (1901). Zur Entstehung der jüngeren Flexion des Verbums. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*, 39, 123–128. (In German).
- Erman, A. (1902). *Ägyptische Grammatik, mit Schrifttafel, Litteratur, Lesestücken und Wörterverzeichnis* (2nd ed., rev.). Verlag von Reuther & Reichard. (In German).
- Erman, A. (1911). *Ägyptische Grammatik ...* (3rd ed., rev.). Berlin: Verlag von Reuther & Reichard. (In German).
- Erman, A., & Grapow, H. (Eds.). (1971). *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Akademie Verlag, 1971.
- Faulkner, R. O. (1949). Bibliography of Sir Alan Henderson Gardiner. *Journal of Egyptian Archaeology*, 35, 1–12.
- Gardiner, A. H. (1913). In praise of death: A song from a Theban Tomb. *Proceedings of the Society of Biblical Archaeology*, 35, 165–170.
- Gardiner A.H. (1914). New literary works from Ancient Egypt. *Journal of Egyptian Archaeology*, 1(1), 20–36.
- Gardiner, A. H. (1937). Some aspects of the Egyptian language. *Proceedings of the British Academy*, 23, 81–104.
- Gardiner, A. H. (1957). *Egyptian grammar: Being an introduction to the study of hieroglyphs* (3rd ed., rev.). Griffith Institute.
- Gertzen, T. L. (2013). *École de Berlin und "Goldenes Zeitalter" (1882–1914) der Ägyptologie als Wissenschaft: das Lehrer-Schüler-Verhältnis von Ebers, Erman und Sethe*. De Gruyter. (In German).
- Gertzen, T. L. (2015). The Anglo-Saxon Branch of the Berlin School: The interwar correspondence of Adolf Erman and Alan Gardiner and the loss of the German concession in Amarna. In W. Caruthers (Ed.). *Histories of Egyptology: Interdisciplinary measures* (pp. 39–49). Routledge.
- Golénischeff, W. (1912). *Le conte du naufragé*. Institut français d'archéologie orientale. (In French).
- Golénischeff, W. (1913). *Les Papyrus Hiératiques nos. 1115, 1116 A et 1116 B de L'Ermitage Impérial à St Pétersbourg*. Manufacture des Papiers de l'État. (In French).
- Golénischeff, W. (1922). Quelques remarques sur la syntaxe égyptienne. In *Recueil d'études égyptiennes dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion* (pp. 685–711). Édouard Champion. (In French).
- Hari, R. (1985). *La tombe Thébaine du père divin Neferhotep (TT 50)*. Éditions de Belles-Lettres. (In French).
- Ladynin, I. A. (2021). Voina, revoliutsiia i egiptologiya: perepiska Ed. Navillia i V. S. Golenishcheva v 1916–1921 gg. [War, Revolution and Egyptology: The correspondence between Edouard Naville and Vladimir Golenischeff in 1916–1921]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. 2, Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 98, 74–92. (In Russian).
- Lichtheim, M. (1945). The Songs of the Harpers. *Journal of Near Eastern Studies*, 4(3), 178–212.
- Maspero, G. (1886). *Études égyptiennes* (Vol. 1). Imprimerie Nationale. (In French).
- Quack J. (1992). *Studien zur Lehre für Merikare*. Otto Harrassowitz. (In German).
- Savel'eva, T. N. (1960). Spisok nauchnykh trudov V. S. Golenishcheva [The list of W. S. Golénischeff's works]. In V. V. Struve, & V. I. Avdiev (Eds.). *Drevnii Egipet: Sbornik statei* (pp. 9–11). Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).
- Schenkel, W. (1975). *Die altägyptische Suffixkonjugation. Theorie der innerägyptischen Entstehung aus Nomina actionis*. Otto Harrassowitz. (In German).
- Sethe, K. (1902). *Das ägyptische Verbum im Altägyptischen, Neuägyptischen und Koptischen*. J. C. Hinrichs. (In German).

- Skirgård, H. (2013). *Français Tirailleur Pidgin — A corpus study* (Thesis submitted for Master of Arts in Linguistics, Stockholm University, Department of Linguistics).
- Struve, V. V. (1960). Znachenie V. S. Golenishcheva dlia egiptologii [The importance of W. S. Golénisheff for Egyptology]. In V. I. Avdiev, & N. P. Shastina (Eds.). *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia* (Vol. 3, pp. 3–69). Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russian).
- Tomashevich, O. V. (2008). Deshifrovka Zh. F. Shampol'ona i stanovlenie egiptologii kak nauchnogo napravleniia v XIX–XX vv. Formirovanie egiptologicheskikh shkol [J. F. Champollion's decipherment and the origin of Egyptology as a scientific discipline. The formation of Egyptological schools]. In V. I. Kuzishchin (Ed.). *Istoriografiia istorii Drevnego Vostoka* (Vol. 1, pp. 17–120). Vysshaia shkola. (In Russian).
- Westendorf, W. (1953). *Der Gebrauch des Passivs in der klassischen Literatur der Ägypter*. Akademie-Verlag. (In German).
- Wilson, J. A. (1964). *Signs and wonders upon Pharaoh: A history of American Egyptology*. Univ. of Chicago Press.

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Денис Александрович Изосимов

аспирант, кафедра истории древнего мира, исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова Россия, 119992, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27/4
Тел.: +7 (495) 939-33-04
участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиции изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина и архивных источников)»
✉ DenLore@yandex.ru

Полина Дмитриевна Скоробогатова

аспирантка, кафедра истории древнего мира, исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова Россия, 119992, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27/4
Тел.: +7 (495) 939-33-04
участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиции изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина и архивных источников)»
✉ sennikovapolina@mail.ru

Denis A. Izosimov

Post-Graduate Student, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University Russia, 119992, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27/4
Tel.: +7 (495) 939-33-04
Member of the RSF project no. 19-18-00369 "Classic Orient: Culture, Worldview and the Tradition of Research in Russia (on the Basis of the Pushkin's State Museum of Fine Arts' Collection and Archive Records)"
✉ DenLore@yandex.ru

Polina D. Skorobogatova

Post-Graduate Student, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University Russia, 119992, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, 27/4
Tel.: +7 (495) 939-33-04
Member of the RSF project no. 19-18-00369 "Classic Orient: Culture, Worldview and the Tradition of Research in Russia (on the Basis of the Pushkin's State Museum of Fine Arts' Collection and Archive Records)"
✉ sennikovapolina@mail.ru

В. С. Кучко^{ab}

ORCID: 0000-0002-7139-5738

✉ kuchko@inbox.ru

^a Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)

^b Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Пермь)

Олово в русской традиционной культуре: ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация. Статья обращается к судьбе олова в России — будучи импортируемым металлом, промышленных разработок которого Россия не имела, к XVII в. оно стало важной статьей внутренней торговли и широко распространилось в обиходе всех сословий российского общества, включая крестьянство. В фокусе внимания автора — главным образом бытование олова и оловянных изделий в народной традиции: показана широта сфер применения олова в традиционной культуре (помимо бытовой, это сфера обрядности и народной медицины). Сведения исторического и этнографического характера используются наряду с данными народных говоров и фольклора для реконструкции русского культурно-языкового «портрета» олова. Выявляются свойства олова, наиболее релевантные для наивного носителя языка и, соответственно, закреплённые во вторичной семантике слов, образованных от названия рассматриваемого металла, и в контекстах с их участием.

Ключевые слова: олово, история металлов, историческая лексикология, диалектная лексикология, культурно-языковое портретирование, русские народные говоры, русский фольклор, русская народная традиция

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

Для цитирования: Кучко В. С. Олово в русской традиционной культуре: историко-лингвистический очерк // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 241–258. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-241-258>.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2021 г.
Принято к печати 8 июня 2021 г.

V. S. Kuchko^{ab}

ORCID: 0000-0002-2285-6112

✉ kuchko@inbox.ru

^a Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Ekaterinburg)

^b Perm State National Research University
(Russia, Perm)

TIN IN RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE: A HISTORICAL-LINGUISTIC ESSAY

Abstract. The article deals with the history of tin usage in Russia. The most important fact about it is that tin was an imported metal which Russia did not produce commercially. Nevertheless, tin became an important item of domestic trade by the 17th century and was widely used by all classes of Russian society, including the peasantry. The main focus of the article is on the presence of tin and tin products in the Russian folk tradition. The article shows the breadth of the spheres of the use of tin in traditional culture (in addition to everyday life, there are the spheres of rituals and folk medicine). Historical and ethnographic information is used along with data from folk dialects and folklore to reconstruct the Russian cultural and linguistic “portrait” of tin by ethnolinguistic methods. The author makes an attempt to reveal the properties of tin that are most relevant for a naive native speaker and, accordingly, that are fixed in the secondary semantics of words formed from the name of this metal, and in contexts with their participation. The article also contains data on the history of the Russian and Slavic words for tin.

Keywords: tin, history of metals, historical lexicology, dialect lexicology, cultural-linguistic portraiture, Russian folk dialects, Russian folklore, Russian folk tradition

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00269 “Mining and Early Plant Culture in the Language, Folk Writing and Folklore of the Urals”).

To cite this article: Kuchko, V. S. (2022). Tin in Russian traditional culture: A historical-linguistic essay. *Shagi / Steps*, 8(3), 241–258. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-241-258>.

Received March 22, 2021

Accepted June 8, 2021

Олово — металл, который издавна был прочно внедрен в обиход всех слоев населения Руси. Наряду с золотом, серебром, железом и медью олово было важным металлом и для народной традиции. Под народной традицией здесь мы будем понимать повседневную бытовую действительность тех носителей крестьянской культуры, которые, с одной стороны, не были вовлечены в производство (в данном случае — не относились к мастерам-«оловянщикам»), а с другой стороны, использовали этот металл. Задача настоящей статьи — показать диапазон сфер применения олова в традиционной культуре, глубину его укоренения в ней, реконструировать те символические смыслы, которыми олово «обросло», широко используя в быту и обрядовых практиках. При решении этих задач особенный акцент будет сделан на русских народных говорах и диалектных текстах, поскольку именно они отражают уклад земледельца и его мировоззрение. Таким образом, мы попытаемся, во-первых, обратиться к истории бытования в русской культуре олова как металла, чтобы обозначить некоторый фактологический фон, на котором формировался образ олова в русской языковой картине мира; а во-вторых, этнолингвистическими методами реконструировать сам этот образ с опорой на языковые, фольклорные и этнографические данные.

Для начала приведем данные об истории названия *олово* и некоторые сведения культурно-исторического и этнографического характера об использовании этого металла на территории Российского государства.

Общеслав. *olovo* сближают с названиями цветов: др.-в.-нем. *ēlo* ‘желтый’, лат. *albus*, греч. *ἄλφός* ‘белый’ — металл, таким образом, назван по цвету [Фасмер 2007 (3): 135; ЭССЯ (32): 77]¹, что входит в существующую семантическую модель в области номинации металлов (к примеру, общеслав. **srebro* объясняется как заимствование из анатолийского источника *subauro* ‘блестящий’, см. комментарий О. Н. Трубачева в [Фасмер 2007 (3): 607], общеслав. **zolto* восходит к и.-е. корню со значением ‘желтый’ [Там же (2): 103]).

Др.-рус. *олово* известно с XI в., это слово обозначало как олово, так и свинец². У западных и южных славян оно, как правило, называет именно свинец,

¹ Вяч. Вс. Иванов, рассматривая славянские названия металлов с привлечением специальных историко-археологических данных и широкого лингвистического фона, отмечал, что «связь названия олова с названием цвета могла явиться следствием народной этимологии, приведшей и к перестройке начального сочетания фонем в слове. Первоначально же это слово <...> могло быть связано с тем же переднеазиатским источником, из которого заимствовано и греч. *μόλυβδος*, родос. *βόλμδος* (‘свинец, олово’. — В. К.) (слово засвидетельствовано в нескольких формах, указывающих на явно негреческое его происхождение)» [Иванов 1979: 99]. Олово было завозным металлом, а «пути торговой передачи олова объединяли весь переднеазиатский и средиземноморский ареалы во II тыс. до н. э., когда олово было необходимо для производства оловянистых бронз» [Там же].

Заметим, что довольно часто в Интернете встречается версия, согласно которой этот металл получил свое название метонимически, будучи материалом для сосудов, в которых хранили *оловину* — хмельной напиток, ср., например, статью [Zavodfoto 2018] и мн. др. Рус. диал. *оловина* ‘всякий хмельной напиток, кроме вина виноградного; брага, пиво, мед’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], ср. еще *олово* калуж. ‘пиво’, зап., новорос. ‘деревянное масло’ [СРНГ (23): 180], родственное рус., др.-рус. *ол* ‘опьяняющий напиток’ < общеслав. **olъ* ‘то же’, см.: [Фасмер 2007 (3): 132; ЭССЯ (32): 80]. Эта народная этимология продиктована желанием связать друг с другом омонимы и выпускает смысловое звено ‘сосуд, в котором хранили оловину’ и фактор хронологии.

² Др.-рус. *свиный* также фиксируется с XI в. [СлРЯ XI–XVII вв. (23): 162].

что продолжает ст.-слав. семантику слова (ср. болг. *олово* ‘свинец’, макед. *олово* ‘то же’, сербохорв. *олово* ‘свинец; олово’, словен. *ólovo* ‘свинец’, чеш., словац. *olovo* ‘то же’, польск. *olów* ‘то же’, в.-луж. *woloj* ‘то же’ и др., см.: [ЭССЯ (32): 76–77]), а для олова используются заимствования: болг. *калай* < турецк. *kalay*, чеш. *cin*, польск. *cynga* < нем. *Zinn* и др. [Черных 1999 (1): 597]. Считается, что свинец и олово с древних времен и вплоть до XVI в. воспринимались как разновидность одного металла³, — эту мысль, в частности, встречаем в примечаниях к переводу с латинского труда Георгия Агриколы [1986: 265] «О горном деле и металлургии». Агрикола для «разведения» этих металлов пользуется цветовыми атрибутами — олово называет *plumbum album* или *plumbum candidum* («белый свинец» или «блестящий свинец»), а собственно свинец — *plumbum nigrum* («черный свинец»), что соответствует, как указывают авторы перевода и примечаний Р. А. Гальминас и А. М. Дробинский, классическому словоупотреблению (в новолатинском языке — позднее — для обозначения олова стало использоваться слово *stannum*, которое в классической латыни означало сплав серебра и свинца) [Там же: 265, 273].

Употребление др.-рус. *олово* для номинации обоих металлов — также свидетельство их совместного восприятия на ранних этапах. Терминологическая подвижность отражена и в следующих языковых фактах: *оловко* ‘минерал темно-серого цвета, графит’: «В одном ящике руда, называют ее по-немецки оловко, а по-русски карандаш самый прямой» (1683 г.) [СлРЯ XI–XVII в. (12): 359], *оловеник* ‘особая бумага для письма карандашом (?)’: «Такова грамота послана за приписью дьяка Максима Матюшкина. Писана на здирке на оловенике» (1638 г.); «А писана грамота на меньшей бумаге на оловенике татарским писмом» (1643 г.) [Там же: 360], *олово́к* зап. ‘карандаш’ [Даль 1903–1909 (2): 1737] (возможно, заимствование из пол. *olówek* ‘карандаш’). Объяснить связи карандаша и его обозначений с помощью дериватов *олова* можно тем, что с XIII в. и вплоть до XVII в. для письма широко использовался свинцовый карандаш, который оставлял «неброский, но четкий след <...>. Для получения более четкого штриха к свинцу стали добавлять до 30% олова. Свинцовый карандаш легко размазывался и стирался с поверхности хлебным мякишем» [Никитин 2016: 340]. В самом конце XVI в. в Англии был открыт графит, и палочки из графита уже в XVII в. пришли на смену свинцу и стали использоваться для письма. Графит, однако, долгое время назывался «черным свинцом» (англ. *black lead*), «рисовальным свинцом», в немецком языке графитовая палочка называлась *Bleistift* «свинцовая палочка», это же слово сохранилось для номинации современного карандаша, см. об истории карандаша, к примеру, очерк [Н. Л. 1917]. Таким образом, названия графита и карандаша были образованы от названия свинца (и в славянских языках скорее всего были кальками западноевропейских слов).

Россия не располагала промышленными разработками олова. Собственные запасы оловянных руд официально были обнаружены только в начале XIX в.

³ Ср. по поводу неразличения олова и свинца в клинописных текстах у индоевропейцев: «Древние часто и не стремились терминологически точно различать эти металлы, чему не мешали их основные константы — сравнительно низкие точки плавления и кипения, повышенная текучесть в расплавленном виде, большой удельный вес, незначительные цветовые различия, быстрое превращение руды в блестящую жидкость» [Довгяло 1996: 149].

в Иркутской губернии, притом, как пишет об этом составитель «Горного словаря» Г. Спасский, «...в Сибири так мало олова, что не стоило бы и упоминать о нем, если бы открытие его там не представляло бы довольно замечательного явления для науки и не обращало особенного внимания Правительства, пекущегося о распространении добычи этого необходимого в общежитии металла, в таком количестве, чтобы не было надобности приобретать его из заграницы» [Спасский 1841–1843 (2): 24]. Оловянными разработками мирового значения с древности (с середины II тыс. до н. э.) обладала Британия — ср. ее название у античных авторов (Геродота, Плиния, Страбона, Помпония Мела) *Κασσιτερίδες* — «Оловянные острова» [Гельбке и др. 1885: 260]⁴; ее запасы олова были востребованы очагами цивилизации в древности и Средневековье. В Россию олово и оловянные изделия попадали через Польшу и прибалтийские земли — из Англии или же из Богемии и Саксонии, также владевших оловянными рудами. Первое летописное свидетельство об обработке олова на Руси — притом русскими мастерами, а не «отъ Нѣмьць», на что летописец обращает особое внимание, — относится к XII в.: «Того же лѣта <1194 г.>, мѣсяца сентября, обновлена бысть церкви святая Богородица въ Суждали, яже бѣ опадала старостью и безнорядьемъ, тѣмъ же блуженымъ епископомъ Иваномъ и покрыта бысть оловомъ отъ верху до комаръ и до притворовъ; и то чуду подобно <...> а иже не исца мастеровъ отъ Нѣмьць, но налѣзе мастера отъ клевреть святое Богородици и отъ своихъ...» (Лаврентьевская летопись) (цит. по: [Хмыров 1875: 64]).

Непосредственная торговля Англии оловом с Московским государством началась с основанием Московской компании в 1551 г. — данные о русско-английских «оловянных» контактах времен Ивана Грозного, а затем подробная картина бытования и производства оловянных изделий в России XVII–XVIII вв. с приведением документов по истории торговли оловом, производства изделий из него и их распространения воссоздана в уникальном ввиду обращения к редкой теме и глубококом по содержанию диссертационном исследовании Е. Ю. Ельковой [2004]. В нижеследующем кратком изложении исторических сведений мы будем опираться на эту работу, к которой можно обратиться за доказательными иллюстрациями и документальными свидетельствами.

С начала XVI в. с английскими поставками соперничали поставки английского олова голландскими компаниями-перекупщиками. Металл доставлялся по Белому морю в Архангельск, откуда распространялся по территории России: по Северной Двине в Великий Устюг, а затем «часть товара отправлялась на северо-восток — в поморские города, в Вятку и Пермь; на местные ярмарки, как например, на Важскую Благовещенскую, или в Туглим; наконец, по волостям Устюжского уезда с коробейниками. Дальняя дорога вела в Сибирь, направлением на Тобольск. <...> Основной товаропоток двигался транзитом

⁴ Ср.: «*Cassiterides insulae*, Κασσιτερίδες νῆσοι. Так назывались первоначально вообще Британские острова, откуда финикияне вывозили олово и свинец (Plin. 34, 16, 47), а потом лежащие к западу от Британии острова *Scilly* и *Surling*. Hdt. 3, 115. Strab. 2, 120 сл. Mela 3, 6, 2» [Гельбке и др. 1885: 260]. «Во времена Цезаря П. Лициний Красс нашел эти о-ва, в существовании которых Геродот (кн. III, § 115) сомневался, открыл копи олова и возобновил торговый путь к ним» [ЭСБЕ 1895: 683].

на юг, в центральные районы: поднявшись по Сухоне и ее притоку, в Вологде разгружали дощаники и через неделю на телегах и санях грузы доставлялись в Ярославль; отсюда путь лежал на Москву или вниз по Волге на юг, в Персию» [Елькова 2004: 36]. С середины XVII в., с ухудшением русско-британских отношений в связи с Английской революцией, значительная часть английского олова поступала в Россию из Швеции через северо-западные города (Новгород, Тихвин, Псков, Олонец и Ржев) [Там же: 38]. С началом Шведской войны поставки вновь осуществляет Англия через Архангельск и Санкт-Петербург [Там же: 41].

Гораздо большее, нежели в предыдущие века, распространение обработки олова и собственного производства оловянных изделий началось в Московском государстве с XVI в.; расцвет русского оловянного дела, в том числе художественного литья, приходится на период с 1720-х по 1770-е годы; позднее олово уходит из ремесла в промышленное производство, обеспечивающее нужды разнообразных казенных заведений (см.: [Елькова 2004: 56–57]). К XVII в. оно «проникло в быт русского общества. Оловянная утварь использовалась в царском и патриаршем хозяйстве, в домах бояр и купцов, а также в монастырях и церквях. Население городов и деревень покупало дешевые ювелирные изделия, нательные кресты и пуговицы из олова, реже — посуду» [Там же: 56].

В зависимости от того, в каком виде поступали в Россию слитки олова (в виде блюдец, брусков, прутьев и др.), оно называлось *оловом блюдным, брусчатым, досчатым, лычным, прутковым, рогожным*, см. соответствующие контексты из деловых памятников XVII в. в [СлРЯ XI–XVII вв. (12): 359]. Мастера-оловянники отливали из олова пуговицы, нательные кресты, образки, кольца, серьги, ложки, посуду, церковную утварь и др.; олово было необходимо для нанесения полуды, чтобы повысить устойчивость и прочность металлических изделий: лудились посуда, украшения, пуговицы, предметы лошадиной упряжи и пр. (см.: [Елькова 2004: 58 и сл.]); ср., например, появление отдельной номинации для оловянного сосуда в деловых памятниках XVI–XVII вв. — *оловяник* и *оловник* (*оловничек*) ‘оловянный (а также любой металлический) сосуд типа кружки или стакана’, ‘оловянный сосуд для хранения жидкости (преимущественно спиртного)’: «И в моем дому четыре оловяники, бушерма, крушка, шесть блюд, укьсусници, и пересници, и солоници...» (Духовная грамота 3. Катунина, 1519 г.); «У чюдотворцова гроба з гробницы из оловяничка вынял 2 рубли 20 алтын с алтыном» (Книга приходная Кирилло-Белозерского монастыря, 1568 г.); «На погребѣ болшом судов оловяных и мѣдєных: оловяник болшой треух, дватцат<ь> оловяников болших и малых» (Переписная книга имущества Печерского Успенского монастыря, 1639 г.) и др. [СлРЯ XI–XVII вв. (12): 360].

Изделия из олова были в ходу в крестьянском быту — и диалектная лексикографическая традиция XIX и главным образом XX в. фиксирует некоторые предметные номинации, ср.: *оловянка, оловяник* (без указания места) ‘оловянная кружка’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], *оловянник* арх. (пин.) ‘употребляемый крестьянами для питья пива оловянный стакан’ [Подвысоцкий 1885: 110], карел. ‘какой-н. предмет из олова’ [СРГК (4): 197], арх. ‘сосуд из олова’ (арх. *оловяшка* ‘то же’) [Дуров 2011: 269], пск. ‘оловянный ковш, черпак’: «Были

оловянники у нас. Здоровые такие, чтоп суп черпать» [ПОС (23): 195], *ловяная* (*ложка*) тул. ‘оловянная’ [СРНГ (17): 103], *оловянка* башкир. ‘оловянная кружка’ [СРГБ: 230].

Кроме посуды, олово шло на дешевые украшения (в основном кольца и серьги) и пуговицы, ср., к примеру, свидетельство корреспондента Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева из Сольвычегодского уезда Вологодской губернии: «Кольца носят самые дешевые: медные, оловянные и серебряные и очень редко золотые. Даже девочки с 10 лет начинают носить оловянные колечки. <...> Перстни и кольца льются самими крестьянами из олова» [РК (5/3): 476].

Основными физическими свойствами олова являются его легкость, мягкость, способность не окисляться, которая делает его пригодным не только в качестве самостоятельного материала для разнообразных изделий, но и в качестве полуды, наносимой на металлические (главным образом медные) изделия. Еще одно отличительное свойство этого металла — легкоплавкость (в том числе на открытом огне в бытовых условиях), способность быстро менять свою форму — ключевое качество, которое обуславливает особое значение этого металла для народной традиции (и благодаря которому олово образует своеобразную взаимозаменяемую пару не с каким-либо другим металлом, а с воском). Это свойство, вкупе с его дешевизной, позволяет олову проникнуть в разные сферы жизни крестьянина — его досуг; использоваться в святочных или приуроченных к другим поводам гаданиям; в народной медицине.

Олово наливали в кости копытных животных — так могла получаться кость для игры в бабки, ср. *оловянник* влг., перм., урал. ‘бабка, налитая свинцом или оловом’ [СРНГ (23): 189].

Одно из самых распространенных гаданий на Святки основывалось на топлении олова (наряду с другим легкоплавким веществом — воском): «Святочные гадания. Литье воска или олова в холодную воду (чаще в снег), причем гадающие обращают внимание не столько на вылившуюся фигуру из воска или олова, сколько на тень, какую будет давать полученная фигура при свете свечи на стене» (Ярославская губ., Пошехонский уезд) [РК (2/1): 210]; «Топят воск или олово и рассматривают, какая тень получится на стене от растопленной фигуры» (Костромская губ., Галичский уезд) [РК (1): 182]; «К Новому году приурочено несколько обычаев и примет; причем наиболее характерными выделяются: обычай производить гадания накануне Нового года при посредстве литья олова или воска в воду, разумеется, прежде растопив на огне; причем по слиткам предугадывают о будущем» (Вологодская губ., Грязовецкий уезд) [РК (5/2): 79].

Этот обряд назывался просто *лить олово* [Даль 1903–1909 (2): 1737]: «На Новый год лили олово» (карел.) [СРГК (4): 197]; «На Нóвый гот, бывáла, óлава лóли. Расплáвиш óлава, плюхнут в вóду, што сальёцца. Пахóжы на винéц, зáмуш выйдиш, пахóжы на гроп, умрёш»; «Вóлава растóпят, в вадú лóют. Ёсли калéчкам ляжэ́т — зáмуш знáчит пайдú», «Ёсли кóни [когда] óльвэ лóеш, то этú к свáдьбе. Свáдьбы-тú на кóнях были» (пск.) [ПОС (23): 194]. Вода, в которую лили олово при гадании, называлась *оловянной* и тоже могла использоваться в обряде: «...девушки смотрятся в нее, чтобы увидеть суженого» (Архан-

гельская губ., Холмогорский уезд) [Подвысоцкий 1885: 109]. Эта практика не укрывалась от внимания Церкви (ср. *оловолиятель*, *оловогадатель* церк. ‘отливающий олово в воду, для гаданья, предсказаний’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], *оловолёй* ‘кто олово льет с суеверным замечанием гадательствования’ [СлРЯ XVIII в. (16): 268]) — и среди вопросов, задававшихся мирянам на исповеди в XVIII в., был такой: «Воску и олова в блюдо не лъешь ли?» [Алмазов 1894 (3): 158]⁵.

Еще один обряд, требующий расплавки олова, относится к области народной медицины — это *выливание испуга (переполоха)* у детей, т. е. лечение детского недуга *испуга (переполоха)* чтением заговоров над расплавленным оловом (или воском), ср. несколько свидетельств из Центральной, Южной России и Сибири: «От испугу. Сажают больного на порог и над его головою выливают в какую-либо посуду олово» (Воронежская губ.) [Мокшин 2013: 80]; «“Ладыт” от испугу на “вечорну зóрю”. Накрывают ребенка чем-нибудь белым (скажем, скатертью) всего с головой. Против сердца его держат ковшик холодной воды, а из “поварёнки” выливают в эту воду растопленное олово и говорят: “Кого испужался, тот и вылейся!” Так (делают) три зари. Сначала олово разсыпатца, как дробь, по всемя углам, а потом, как пойдет дело на поправу, все олово остается в кучке. Степан Фомич (Распопин) был маленькой, испужался гусей, так вот как ёс(ть) — гусь вылился... Этот способ “лаженья” довольно распространен» (Иркутская губ.) [Виноградов 1915: 371]; «Выливают переполох у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приключился он; бросают расплавленное олово или воск в воду, и чье примут они подобие, то самое перепугало больного; после чего и весь испуг проходит» (из примечаний Н. В. Гоголя к «Вечерам на хуторе близ Диканьки») [Гоголь 1959: 50]. Свидетельства этой практики доступны и в диалектных записях XXI в., ср. тюмен. *выливать* ‘лечить заговором над растопленным воском, салом, оловом, над угольками’, *вылевать* ‘выходить, получаться в результате выливания в лечебном процессе, когда воск, сало, олово, после того как их растопят и выльют в жидком виде на воду, принимают определенные формы, по которым знахарь диагностирует болезнь и/или ее причину’ [Ермакова 2005]⁶.

Далее мы полностью сосредоточимся на языковых и фольклорных сведениях, чтобы проследить те свойства олова, которые закреплены в русской

⁵ Упоминания святочного гадания с использованием олова, конечно, проникли и в русскую литературу, ср., к примеру: «Вот, Бог даст, как дождемся Святка, приедут погостить свои, уж будет повеселее, и не видно, как будут проходить вечера. Вот если б Маланья Петровна приехала, уж тут было бы проказ-то! Чего она не затеет! И олово лить, и воск топить, и за ворота бегать; девок у меня всех с пути собьет» (И. А. Гончаров. Обломов, 1859); «Порфир Порфирыч оказался самым подходящим человеком, чтобы топить олово, ходить по улицам и спрашивать у встречных, как зовут жениха, играть в жмурки и вообще исполнять бесчисленные причуды развеселившейся молодежи» (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Дикое счастье, 1884), цит. по НКРЯ.

⁶ С. М. Толстая в очерке «Лито-накапано» отмечает, что ритуальное литье олова или воска лежит в основе группы общезыковых и локальных выражений со значением сходства одного объекта с другим, в частности литер. *вылитый* ‘очень похожий на кого-л., что-л.’ в выражениях типа «Ребенок — вылитая мать, вылитый отец»: «Язык видит в ребенке то же воспроизведение облика родителя (или другого прототипа), которое способна дать застывшая восковая или оловянная фигурка загаданного лица, отлитая знахарем» [Толстая 2008: 317].

языковой картине мира и составляют этнолингвистический портрет реалии. Давнее знакомство населения Руси (России) с оловом и частое его использование в быту способствовали отражению в народных говорах некоторых его качеств — как физических (скажем, цвет: «Мой конь вороной, грива оловянная» [СРНГ (23): 189]), так и «культурных» (например, ценность), а также появлению и закреплению в языковых фактах и фольклорных текстах ряда символических смыслов, приписываемых ему.

В первую очередь, прослеживается собственно «металлическая» семантика — основанная на принадлежности олова металлам, т. е. на таких качествах, как **крепость, твердость**.

Известна поговорка *слово — олово* — без указания места ‘веско’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], арх. ‘молчание’⁷ [Дуров 2011: 381], морд. ‘о слове, которое не расходится с делом, на которое можно положиться’: «У миня словь-ольвь: сказал — зделъл» [СРГМ: 724], пск. *слово что олово* ‘о чем-л. твердом, надежном обещании, высказывании’ [СППП: 108]⁸. В. И. Даль считал, что это выражение подразумевает старую семантику *олова* — ‘свинец’, см.: [Даль 1903–1909 (2): 1737], очевидно, из-за легкости собственно олова. Тем не менее выбор *олова*, вероятнее всего, обусловлен попросту созвучием слов для создания рифмы в поговорке — олово вполне способно быть эталоном твердости и крепости, как любой другой металл (ср. карел. «Хлеб — черствятина, как оловянный стау» [СРГК (4): 197], пск. «Пастрбйка фся кирпйчинь, не згарйт и ни развáliцца, как с ольвь слитыя» [ПОС (23): 194]). Еще одно закреплённое во фразеологии подтверждение этому — арх. *оловянная память* ‘очень хорошая, крепкая память’: «У него память хорошая, прямо оловянная, крепкая» [СРНГ (23): 189]. Твердость металла легла в основу прозвища *Оловяш* — ‘прозвище [крепкий, сильный]’: «Ваня Алавяш рабятяшшай, зря ня скажаш...» [Ванюшечкин 1983: 17]. Сходно с поговоркой *слово — олово* морд. *как оловом облить* ‘сказать, заявить с чувством ответственности’: «Старый присядатиль словъ скажът как ольвьм абальёт, у няво дяла шли» [СРГМ: 681] — здесь, помимо семантики твердости, можно предположить мотив лужения посуды — собственно обливания изделия оловом для лучшей его сохранности.

Металлическая крепость олова может противопоставляться обычной человеческой уязвимости, ср. арх. *оловянное горлышко* ‘о пьянице’: «Горлышко оловянное он-то, горлышко оловянное, все что заработал, все пропил» [СРГК (4): 197] — ср. совпадающее и по смыслу, и по образности прост. *лужёная глотка*.

Еще одно «общеметаллическое» качество — **гладкость** поверхности оловянного изделия, ср. пск. *как олово* ‘о гладкой, зеркально ровной и тихой поверхности водоема’: «Озеро как олово» [СППП: 108]; «Тихо быть как олово [о водной глади]» [ПОС (23): 194]. В живой речи названия металлов могут

⁷ Имеется в виду сила слова, ср. полную статью: «Слово. Независимо от обычного значения: талисман, заклинание. Отсюда выражение *слово — олово* — молчание» [Дуров 2011: 381].

⁸ Ср. еще в литературе, к примеру: «Мое слово олово. Я сказал: вне брака более ничего не будет, ни-ни-ни...» (Н. С. Лесков. Некуда, 1864); «Сказал, не буду — и не буду... Мое слово — олово!» (И. Е. Вольнов. Повесть о днях моей жизни, 1912); «Но ты не бойся, тебя не тронут. Слово — олово!» (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 3, 1928–1940) (цит. по НКРЯ).

быть взаимозаменяемы — и *оловянный* вполне может значить просто ‘металлический’, ср. «Наставлен зѹбѣф каких-то лавянных» (о золотых зубах) [ПОС (23): 195].

«Металлические» свойства олова отражаются и в фольклоре. Севернорусская заговорная традиция знает персонажей с оловянными частями тела, причем олово в такого рода текстах изофункционально другим металлам — главным образом железу и меди — и появляется потому, что «прагматическая установка текста вынуждает придать объекту или субъекту силу и крепость» [Агапкина 2010: 211]. В частности, металлические, в том числе оловянные зубы или челюсти (а иногда и другие части тела, по принципу усиления «втягиваемые» в создание целокупного образа) нужны магическому персонажу-целителю, чтобы ими загрызть недуг больного: «В чистом поле стоит дуб, в нем сидит баба-яга, глаза о л о в я н ы, зубы железные, я покорюсь, помолюсь: заешь, загрызи у моего р. Б. младеня... грыжу» (сев.-рус.) [Там же]; «В чистом поле течет река медвяная, берега золотые; плывет по этой реке рыба, а имя ей щука. Зубы у ея железны, щеки медны, глаза о л о в я н н ы, и тая щука железными зубами, медными щеками, о л о в я н н ы м и глазами загрызает, закусывает и заглаживает лобочную грыжу» (олон.) [Там же: 213]; «Пойду на чисто поле, там есть камень, под камнем лежит щука: рот железной, зубы о л о в я н н ы; заедает и загрызает — грыжу белу, грыжу черну, грыжу костяну, грыжу пупову, грыжу приточную и всех двенадцать грыж» (арх.) [Дуров 2011: 89]; ср. еще персонажей с теми же функциями: «...у этой щуки зубы золезны, други о л о в я н н ы, третьи медны» (олон.), «...черный кот <...> зубы железны, глаза о л о в я н н ы» (арх.) [Агапкина 2010: 307].

Олово может упоминаться в заговорах и в качестве самостоятельной сущности в разных агрегатных состояниях (как расплавленное или «сухое») — однако также в ряду других металлов, которые разделяют между собой общие свойства. Ср., к примеру, отрывки из заговоров от «уразов» — разных телесных повреждений: «Святые бессеребренники Кузьма и Демьян ходили по земли, о л о в о и медь сливали. Коль крепко о л о в о и медь сольется, столь крепко у р.б. (имя) рана зарастается...» (арх.) [Дуров 2011: 420]; «Как истяной Христос духом своим святым не слышит в себе <...> пытку, огонь, железо, рану и руду, ураз и щипоту, жилу и ремень, и веревку, и петлю, уклад и булат и всякое влас, медь и свинец и о л о в о сухое <...>, и тако бы я, раб Божий, слышил в себе, ни в сердце своем, ни в теле своем, ни в костях, ни в жилах, пытки огня, железа, раны и руды» (арх.) [Агапкина 2010: 367]⁹.

Интересно, что, в то время как языковые факты эксплуатируют качества олова (оловянных изделий) исключительно как вещества (предметов), относящегося к группе металлов, в русских заговорах наряду с текстами, где олово изофункционально другим металлам и служит эталоном крепости, можно встретить такие, где олово — как в ритуальной сфере — изофункционально воску, т. е. выступает как носитель собственных уникальных для металла качеств — **мягкости** и **легкоплавкости**. Это, например, заговоры, которые должны делать меч неопасным для говорящего: «Кован еси брат, сам

⁹ Разумеется, в своем прямом значении — и в ряду прочих названий металлов — *олово* встречается и в фольклорных текстах других жанров (сказочной прозе, лирических песнях, загадках и мн. др.).

еси оловян, а сердце твое вошано, ноги твои каменны. Не укуси мене...» [Агапкина 2010: 211]: «Ковал есми и думал есми лихую порчу и думу. И ковал есми, брате, мечь, и копье, и стрелы, и ножи и всякое оружие. И сами естя будите оловянные, сердца ваши вошанные, ноги ваши каменные» (влг.) [Там же]. Т. А. Агапкина комментирует первый приведенный текст следующим образом: «Меч не только скован из мягкого и легкоплавкого олова и потому уязвим физически, но и сердце его сделано из воска. Каменные ноги говорят об истомой неподвижности меча и потому, вопреки первоначальному восприятию (каменный как ‘крепкий, сильный’), делают соперника слабым» [Там же].

Сразу несколько признаков олова положены в основу яркого по образности выражения *оловянный глаз* (*оловянные глаза*), фигурирующего в говорах и растиражированного в литературных произведениях.

Диалектные фиксации фразеологизма представляют несколько значений: *ловянный глаз* пск., твер. ‘имеющий бельмо на глазу’, ‘недобрый, лукавый глаз’ [ДО: 160], *оловянные глаза* без указания места ‘мутные и бездушные’ [Даль 1903–1909 (2): 1737].

В художественных текстах фразема *оловянные глаза* (*оловянный взгляд*) используется в обозначении широкого спектра состояний человека — далее мы воспользуемся репрезентативной выборкой примеров из НКРЯ, сделанной Е. Л. Березович при изучении образа берестяных глаз и представленной в [Березович 2016: 73–74]. Этот образ участвует в описании глаз с бельмом: «Я со страхом вижу вывернутые кровавые веки, оловянные бельма на глазах, провалившиеся носы...» (И. С. Шмелев); *глаз мертвых*: «Лакей, который в момент катастрофы подавал царю сливки, лежал теперь на рельсах, не шевелясь, с остановившимися, оловянными глазами» (Г. И. Чулков); *холодного взгляда*: «Роллинг оловянными глазами взглянул на нее: “В больших делах, мадам Ламоль, нет личной вражды или дружбы”» (А. Н. Толстой); *страшных, отталкивающих глаз*: «Лицо у него было плоское, медное, окисшее, в морщинах лежала какая-то празелень, особенно уродовали это лицо совершенно лишние на нем оловянные глаза, так неприятно прилипавшие к моему лицу, что всегда хотелось вытереть щеки ладонью» (М. Горький); *бесчувственного, «неживого» взгляда*: «У всех здесь стеклянные глаза, но у этой хуже — оловянные, я ее так и прозвала “оловянные глаза”, отупевшая от своей работы, похожая на мокрицу, вялая, полумертвая, ни на что не реагирующая, старше всех... она израсходовалась» (Т. Окуневская), «...настоящие его заботы где-то впереди, куда порою устремлялись его бойкие, но как бы не живые, оловянного блеска глаза» (Ф. К. Сологуб); *жесткого взгляда*: «Он показался Чаадаеву все тем же вечным деспотом с оловянными глазами» (Э. Радзинский); и *ступленного взгляда*: «Потом он посмотрел вокруг оловянными, страдающими глазами и потребовал аспирина» (В. П. Катаев).

Образ оловянных глаз и в народной, и в литературной стразах языка обнаруживается в длинном ряду метафор, рисующих разного рода аномалии человеческого взгляда с помощью обращения к названиям разных материалов — в основном это дерево и металл вообще, ср. влг., костр. *берестяные глаза* [КСГРС; ЛКТЭ], диал. широко распространенное *лубяные* (*лубочные*) *глаза* [СРНГ (17): 173–174], костр. *лутюшные глаза* [ЛКТЭ], литер. *деревян-*

ные глаза (взгляд) — эти выражения имеют обширный круг значений, также собранных и прокомментированных в [Березович 2016], которые можно обобщить до негативных оценок человека: ‘о бесчувственных, неживых глазах’, ‘о наглом взгляде; о лживом человеке’. Этому же ряду метафор принадлежит образ металлического взгляда или металлического блеска глаз, встречающийся в художественных текстах, ср. примеры из НКРЯ: «Ставрошевская смотрела прямо в глаза Митьке Жемчугову, напрасно сияясь распознать, что было у него там, внутри, за этим металлически-бесстрастным взглядом, который имел на нее то же действие, какое имеет направленное в упор на человека дуло огнестрельного оружия» (М. Н. Волконский. Тайна герцога (1912); «Но если бы кто-то из них повнимательнее взгляделся в его глаза, то уловил бы в них металлический отблеск, свойственный взгляду наблюдающего врага» (Е. Евтушенко. Ягодные места, 1982), «Кто-то, имеющий силу, подступал непреклонно, пронзал металлическим взглядом» (Е. Чижова. Лавра // Звезда, 2002).

Теплота нормальных человеческих глаз противопоставляется холоду и бесчеловечности глаз, будто бы сделанных из неживого и твердого материала — дерева вообще и очищенной от коры липы (лутохи) в частности, бересты, металла вообще и олова в частности. Выбор олова из всех металлов в качестве эталона «нечеловечности» связан в первую очередь с его внешними признаками — светлым оттенком и тусклым блеском. Именно белый цвет востребован и говорами, и литературным языком для передачи разных аномальных состояний человека — от сильных негативных эмоций до полной бесчувственности и холодности; именно он может характеризовать, например, глаза с бельмом или глаза мертвецов, см. об этом: [Березович 2016: 64–70]. Тусклость олова, неоднократно замеченная в художественных текстах¹⁰, также играет роль в создании всего образа. Метафора оловянных глаз, таким образом, питается и собственно металлической символикой, и цветовой.

Явная нечеловечность «оловянных глаз», их принадлежность кому-либо недоброму (ср. *ловянный глаз* ‘недобрый глаз’ [ДО: 160]) позволяют им приобретать **символику иномирности** — быть атрибутом персонафицированной смерти или нечистой силы (наряду с деревянными ногами, медными зубами) — ср. перм. «Пугали раньше смертью — лутоховы де ноги, оловянные глаза» [СРГЮП (2): 41], а также географически не атрибутированный способ оберега от нечистых духов с помощью детей, зрение которых еще не замутнено грехом: «...ставили в красный угол ребенка, который мог заметить оловянные глаза и медные зубы нечистой силы» [Новичкова 1995: 470].

Еще один признак олова, способствующий прирастанию символических смыслов, — его **дешевизна**. Во-первых, из-за своей невысокой стоимости

¹⁰ Ср., например, следующие контексты: «...помощник его, непременный член суда (сам исправник схитрил и сказался больным), был очень еще молодой человек, с оловянными, тусклыми глазами и с отвислыми губами» (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов, 1869); «На небе зеленоватые отсветы заката вытесняла густеющая чернь, тусклый оловянный блеск реки затухал» (Н. Дубов. Небо с овчинку, 1966); «Стекля бинокля блестели тусклым оловянным блеском» (А. И. Мусатов. Зеленый шум, 1963); «Теплый низовой ветерок нанес тучи поплотнее, поверхность реки стала оловянно-тусклой, брызнуло мелким, смахивающим на туман дождем» (И. А. Ефремов. Лезвие бритвы, 1959–1963) (цит. по НКРЯ).

оно может соотноситься с идеями **бедности**, ср. поговорку «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца!» [Даль 1903–1909 (2): 1737; СлРЯ XVIII в. (16): 267–268], **рачительности**, **бережливости**, ср. свердл. *оловянный грош не пропадёт* (у кого-либо) ‘об экономном и хозяйственном человеке’ [СРГСУ (3): 56]. Во-вторых, дешёвое олово противопоставляется драгоценным металлам — и связывается с идеей **малоценности**, ср. «Олово — не золото, пропадай — не дорого» (Новгородская губ., Белозерский уезд) [РК (7/1): 63], башкир. *оловяшки* ‘монеты из недрагоценного металла’: «Ш’шяс каки-то оловяшки, а ран’шъ золотыйе ден’ги были» [СРГБ: 230].

Низкая цена на олово оборачивалась его незаконным использованием — *оловяшками*, или *оловянниками*, назывались фальшивые «под серебряную чеканку» монеты [Дуров 2011: 269], потому что они изготавливались из олова, ср.: «...при царе Алексее Михайловиче начали делать из олова и другое употребление, на которое царь, в грамоте пермскому воеводе Львову, 10 июня 1646 г., жаловался таким образом: “Ведомо нам учинилось, что привозят к нам, к Москве, из городов целовальники денежные доходы и в тех доходах <...> оловянные деньги, и в том нашей казне чинится истеря; также и у торговых и у всяких людей, на Москве и в городах, в товарных покупках бывает в худых воровского дела деньгах смута большая”» [Хмыров 1875: 287]. В Соборном уложении 1649 г. значилась следующая мера по борьбе с фальшивой чеканкой из олова: «Которые денежные мастера учнут делати оловянные деньги <...> и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертию, залити горло (оловом же)» [Там же].

* * *

Культурная история олова в России довольно примечательна. Несмотря на то что олово и оловянные изделия были импортным товаром, к XVII в. они стали важной статьёй внутренней торговли и широко распространились в обиходе всех сословий российского общества. Попадая в страну морским путем с севера или сухопутным с запада, олово начинало свое путешествие по внутренним центрам производства и торговли, т. е. крупным городам и монастырям. Обработка олова, таким образом, в России была централизованной; согласно данным, обобщенным в [Елькина 2004], основными «оловянными» центрами в России XVII–XVIII вв. были Москва, Петербург, Архангельск, Ярославль, Вятка, Симбирск, причем главным потребителем сырья и поставщиком готовых изделий выступали царские Кремлевские художественные мастерские, а после реформ Петра I, когда ремесло стало получать цеховую организацию, наибольшего производственного успеха достиг Московский оловянишний цех.

При этом оловянные изделия вышли далеко за рамки элитарного потребления (при царском дворе, при монастырях) и быстро вошли в быт не только высшего сословия и духовенства. Благодаря своей дешевизне (на сезонных русских ярмарках олово изначально стоило примерно в сто раз дешевле серебра) олово и изделия из него стали доступны и для носителей традиционной культуры. Олово активно использовалось в быту — в основном из него изготавливали посуду, отливали дешёвые ювелирные украшения, оно было необходимо для лужения медных изделий. Будучи в ходу у крестьянства, в силу

своей легкоплавкости олово проникло и в сферу традиционной обрядности. Как раз использование олова в святочных гаданиях и знахарстве — где оно, будучи покупным «элементом» крестьянского хозяйства, в основном натурального, оказалось сопоставлено с «натуральным» воском, — свидетельствует о глубине его укоренения в крестьянской культуре.

Олово попало в число базовых для низовой культуры недрагоценных металлов — об этом говорит тот факт, что в фольклорных текстах название этого металла составило устойчивый ряд вместе с *медью* и *железом*. Выше в статье приводились примеры из русской заговорной традиции, где олово, медь и железо рассматривались как изофункциональные металлы. Подобные случаи обнаруживаются в русских сказках — ср., например, мотив изготовления трех медных, трех железных и трех оловянных прутьев для различных целей в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын» [Афанасьев 1984–1985 (1), № 136], «Беглый солдат и черт» [Там же (1), № 154], «Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь» [Там же (2), № 182]. «Фольклорное» *олово* может составлять текстовые пары с *медью* и *железом* (ср. только некоторые примеры: загадка «Катитца катúшка ни вóлаво, ни птúшка, ни вóлаво, ни меть, ни адгадátь никамú па смёрть» [ПОС (23): 194]; строфа похоронной причети: «Как не слышит меня братец-красно солнышко, / Не спровержит единого словечушка! / Как булат этим железом груди скованы, / Вроде оловом уста его призалиты!» [Барсов 1997: 90]; отрывок заговора: «Ветер с неба спускается, сустав с суставом смыкается, лóвь (олово) с медью сливается, сустав с суставом составляется» [Агапкина 2010: 390]).

Вхождение олова в народную материальную и духовную культуру сопровождалось появлением соответствующих языковых единиц в народных говорах и текстах фольклора — и отразилось на приобретении этими единицами вторичных смыслов. Их обзор выявляет самые заметные реальные признаки олова и символические смыслы, приписываемые ему.

Многие из черт народного портрета олова оказываются воспроизведенными в русской литературе. Частично это было показано выше — при описании олова как эталона крепости (ср. *слово* — *олово*), олова как приметы «нечеловечности» и даже потустороннего мира (*оловянные глаза*). Более полную картину можно составить благодаря тематическому выпуску «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петрова, посвященному метафорам с названиями камней и металлов. Примеры, собранные в этом выпуске, расширяют ряд уже приведенных. Кроме того, в художественной литературе отражены следующие черты, составляющие народный портрет олова: его т я ж е с т ь («Сердце с годами Грузно, как олово!» [Балтрушайтис, 1912] [Кожевникова, Петрова (4): 119]), его роль как м е р и л а т у с к л о с т и, м у т н о с т и («Очи его тусклы, яко олово» [Лажечников, 1833] [Там же: 84]; «И — разные глаза: Один здоровый — светится, А левый — мутный, пасмурный, Как оловянный грош!» [Некрасов, 1865–1877] [Там же: 85]; «Душа, как олово, мутна» [Вс. Рождественский, 1925–1976] [Там же: 114], «Тусклые, словно олово, Волны встают вокруг» [А. Баркова, 1971] [Там же: 269]), способность к л и т ь ю («Душный зной, словно олово, льется От небес до иссохшей земли» [Ахматова, 1911] [Там же: 180]; «Раскаленное олово с небесных полей На усталые головы, Солнце, не лей!» [Амари, 1912] [Там же: 198]).

Несмотря на сравнительно недолгий период функционирования олова в качестве металла, обслуживающего бытовые нужды высших слоев населения, и его постепенное вытеснение с последней трети XVIII в. керамическими и стеклянными изделиями, в народе олово было востребовано еще долгое время — и его популярность и широта сфер применения оставила заметный след в языке и фольклоре.

Источники

- Агрикола 1986 — *Агрикола Георгий*. О горном деле и металлургии в двенадцати книгах (главах) / Под. ред. С. В. Шухардина; Пер. и примеч. Н. А. Гальминаса, А. И. Дробинского. 2-е изд. М.: Недра, 1986.
- Афанасьев 1984–1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984–1985.
- Барсов 1997 — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 т. / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 1: Похоронные причитанья. СПб.: Наука, 1997.
- Виноградов 1915 — *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожиланаселения Сибири (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. Г. 24. Вып. 4. 1915. С. 325–432.
- Гоголь 1959 — *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959.
- Мокшин 2013 — Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии: Хрестоматия / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. Н. Мокшина. Воронеж: Истоки, 2013.
- РК — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Изд-во «Деловая полиграфия», 2004; Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб.: ООО «Навигатор», 2006; Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007; Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007; Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 1: Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. СПб.: ООО «Навигатор», 2010.
- Zavodfoto 2018 — ZAVODFOTO.RU. 21 интересный факт про олово // Яндекс.Дзен. 2018. 24 дек. URL: <https://zen.yandex.ru/media/zavodfoto/21-interesnyi-fakt-pro-olovo-5c20fde232121100a94a34f3>.

Словари

- Ванюшечкин 1983 — *Ванюшечкин В. Т.* Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры: А — Н: Материалы по диалектологии: Учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1983.
- Гельбке и др. 1885 — Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. ... Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского, В. Канского, М. Куторги и П. Никитина. СПб.: Изд. Об-ва классич. филологии и педагогики, 1885.
- Даль 1903–1909 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.
- ДО — Дополнение к Опытному областного великорусского словаря. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.
- Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011.

- Кожевникова, Петрова 2017 — *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 4: «Камни, металлы»; Вып. 5: «Ткани, изделия из тканей» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. 2-е изд. М.: Языки славян. культуры, 2017.
- Подвысоцкий 1885 — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собр. ... и сост. А. Подвысоцкий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967–.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С. Г. Бархударов и др. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.
- СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века / Ред. С. Г. Бархударов и др. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Спасский 1841–1843 — Горный словарь, составленный Григорием Спасским, обер-берг-гауптманом 5 класса и кавалером Императорской С.-Петербургской Академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. Ч. 1–3. М.: Тип. Н. Степанова, 1841–1843.
- СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Науч. ред. Л. А. Ивашко; Отв. ред. Л. А. Карпова. СПб.: Норинт, 2001.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии: А — Я / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб.: Наука, 2012.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 т. / Под ред. И. А. Подюкова. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). Вып. 1–. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–.
- Фасмер 2007 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель; АСТ, 2007.
- Черных 1999 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.
- ЭСБЕ 1895 — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Т. 14а. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1895.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.

Картотеки, корпусы

- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Литература

- Агапкина 2010 — Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.
- Алмазов 1894 — Алмазов А. И. Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: В 3 т. Одесса: Типо-лит. Штаба Одесского военного округа, 1894.
- Березович 2016 — Березович Е. Л. Берестяная роза и берестяные глаза: этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам // *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen* = Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. Teil. 1 / Hrsg. von A. A. Alekseev et al. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. S. 57–81.
- Довгяло 1996 — Довгяло Г. И. Свинец (олово) в ритуалах индоевропейцев // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Vol. 8. 1996. S. 147–157.
- Елькова 2004 — Елькова Е. Ю. Художественное олово в контексте русской культуры XVII–XVIII вв.: Дис. ... канд. искусствоведения / Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств Рос. акад. художеств. М., 2004.
- Ермакова 2005 — Ермакова Е. Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI вв.) / Под ред. И. С. Карабулатовой. [Т. 1]. Тюмень: Изд. Пашкин, 2005. [Цит. по электрон. версии]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ermakova1.htm>.
- Иванов 1979 — Иванов Вяч. Вс. Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов металлургии у славян // *Советское славяноведение*. 1979. № 5. С. 82–100.
- Никитин 2016 — Никитин А. М. Художественные краски и материалы: Справочник. М.: Инфра-Инженерия, 2016.
- Н. Л. 1917 — Н. Л. Карандаш и его история // *Вокруг света*. 1917 г. № 5. С. 76–78.
- Новичкова 1995 — Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995.
- Толстая 2008 — Толстая С. М. Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
- Хмыров 1875 — Хмыров М. Д. Металлы, металлические изделия и минералы в древней России: материалы для истории русского горного промысла. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1875.

References

- Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavijskie lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [East Slavic healing spells in comparative perspective: Plots and the world view]. Indrik. (In Russian).
- Almazov, A. I. (1894). *Tainaia ispoved' v Pravoslavnoi Vostochnoi Tserkvi* [Secret confession in the Eastern Orthodox Church] (Vols. 1–3.). Tipo-litografiia Shtaba Odesskogo voennogo okruga. (In Russian).
- Berezovich, E. L. (2016). *Berestianaia rozha i berestiane glaza: etnolingvističeskii kommentarii k russkim dialektnym frazeologizmam* [Berestianaia rozha and berestiane glaza: An ethnolinguistic commentary on Russian dialect phraseological units]. In A. A. Alekseev et al. (Eds.). *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen* = *Slavianskaia dukhovnaia kul'tura: etnolingvističeskie i filologičeskie issledovaniia* (Part 2, pp. 57–81). Peter Lang. (In Russian).
- Dovgialo, G. I. (1996). *Svinets (olovo) v ritualakh indoevropeitsev* [Lead (tin) in the rituals of the Indo-Europeans]. *Etnolingvistyka: Problemy języka i kultury*, 8, 147–157. (In Russian).
- El'kova, E. Iu. (2004). *Khudozhestvennoe olovo v kontekste russkoi kul'tury XVII–XVIII vv.* [Artistic tin in the context of Russian culture of the 17th–18th centuries] (Cand. Sci. (Art Criti-

- cism) Thesis, Scientific Research Institute for Theory and History of Fine Arts, The Russian Academy of Arts, Moscow). (In Russian).
- Ermakova, E. E. (2005). *Sibirskaya zagovornaya traditsiya (konets XX — nachalo XXI vv.)* [Siberian spell tradition (late XX — early XXI centuries)]. [Vol. 1]. Izdatel' Pashkin. <http://www.ruthenia.ru/folklore//ermakova1.htm>. (In Russian).
- Ivanov, Vyach. Vs. (1979). Slavianskie nazvaniia metallov i problemy vosstanovleniia rannikh etapov metallurgii u slavian [Slavic names of metals and problems of restoration of the early stages of metallurgy among the Slavs]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 1979(5), 82–100. (In Russian).
- Khmyrov, M. D. (1875). *Metally, metallicheskie izdeliia i mineraly v drevnei Rossii: materialy dlia istorii russkogo gornogo promysla* [Metals, metal products and minerals in ancient Russia: Materials for a history of Russian mining]. Tipografiia A. S. Suvorina. (In Russian).
- Nikitin, A. M. (2016). *Khudozhestvennye kraski i materialy: Spravochnik* [Art paints and materials: Reference book]. Infra-Inzheneriia. (In Russian).
- N. L. (1917). Karandash i ego istoriia [Pencil and its history]. *Vokrug sveta*, 1917(5), 76–78. (In Russian).
- Novichkova, T. A. (1995). *Russkii demonologicheskii slovar'* [Russian demonological dictionary]. Peterburgskii pisatel'. (In Russian).
- Tolstaya, S. M. (2008). *Prostranstvo slova: Leksicheskaia semantika v obshcheslavianskoi perspektive* [The realm of words: Lexical semantics in common Slavic perspective]. Indrik. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Валерия Станиславовна Кучко

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Топонимическая лаборатория, кафедра
русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации, Уральский
федеральный университет им. первого
Президента РФ Б. Н. Ельцина
Россия, 620000, Екатеринбург, пр-т
Ленина, д. 51
Тел.: +7 (343) 389-97-38
научный сотрудник, Лаборатория
теоретической и прикладной
фольклористики, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет
Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 239-63-74
✉ kuchko@inbox.ru

Information about the author

Valeria S. Kuchko

Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Toponymic
Laboratory, Department of Russian
Language, General Linguistics and Verbal
Communication, Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
Russia, 620000 Ekaterinburg, Prospekt
Lenina, 51
Tel.: +7 (343) 389-97-38
Research Fellow, Laboratory of Theoretical
and Applied Folklore Studies, Perm State
National Research University
Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15
Tel.: +7 (342) 239-63-74
✉ kuchko@inbox.ru

К. В. Осипова

ORCID: 0000-0002-2285-6112

✉ osipova.ks.v@yandex.ru

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)

РЫБА В РАЦИОНЕ КРЕСТЬЯН РУССКОГО СЕВЕРА: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье на основе этнолингвистического анализа определяется роль рыбы в рационе крестьян Архангельской и Вологодской областей. Выявляются состав рыбного рациона, уникальные пищевые предпочтения отдельных групп населения, культурно-языковая символика рыбной пищи. Основным источником материала послужили картотека Словаря говоров Русского Севера, а также диалектные словари, охватывающие севернорусские территории. Рассмотрены наименования блюд (*жарега, уха по балкам, тресковик, латка, молеватик* и пр.), способов приготовления, хранения и употребления рыбы (*межонная рыба, рыба с душком; сырком, мачко, рыба мачком* и пр.), а также коллективные прозвища, восходящие к ихтионимам. В условиях артельного промысла и необходимости продажи рыбы или сдачи ее государству на крестьянский стол редко попадала ценная рыба, что определило популярность блюд из ерша и другой мелкой рыбы. Анализ коллективных антропонимов позволяет определить основные виды употребляемой рыбы: ерш (*ершееды, ершеглоты*), корюшка (*ряпуса, корюшня*), треска (*трескоеды*) и пр. Прозвища фиксируют локальные пищевые привычки, например, употребление слабосоленой или заквашенной рыбы (*сыроеды, кислая камбала*), субпродуктов (*кукишееды*), которые сформировались под влиянием кулинарной традиции прибалтийско-финского населения этих территорий. Специфика рыбного рациона была маркером, дифференцирующим локальные группы населения, проводящим границы между «своей» и «чужой», городской и сельской пищей и пр. В антропонимах также прослеживается противопоставление крестьян-земледельцев, рацион которых составляли мучные блюда, и жителей деревень, занимавшихся рыболовным промыслом (*тестоеды, опарники — хайдуки-рыболовы*).

Ключевые слова: этнолингвистика, коллективные прозвища, русская диалектная лексика, блюда из рыбы, пищевые привычки, Русский Север

Благодарности. Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Для цитирования: Осипова К. В. Рыба в рационе крестьян Русского Севера: этнолингвистический аспект // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 259–275. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-259-275>.

Статья поступила в редакцию 16 августа 2021 г.

Принято к печати 6 октября 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

K. V. Osipova

ORCID: 0000-0002-2285-6112

✉ osipova.ks.v@yandex.ru

Ural Federal University

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Ekaterinburg)

FISH IN THE DIET OF PEASANTS OF THE RUSSIAN NORTH: ETHNOLINGUISTIC ASPECT

Abstract. In the article, on the basis of ethnolinguistic analysis, the role of fish in the diet of the peasants of the Arkhangelsk and Vologda regions is determined: the composition of the fish diet, the unique food preferences of certain groups of the population, the cultural and linguistic symbolism of fish diet are revealed. Lexicographic files of the Ural Federal University Toponymic Expedition, as well as dialect dictionaries covering the Northern Russian territories were the main source of the material. We discuss the names of the dishes (*zharega*, *ukha po balkam*, *treskovik*, *latka*, *molevatik*, etc.), the methods of cooking, storing and eating fish (*mezhonnaia ryba*, *ryba s dushkom*; *syrkom*, *machko*, *ryba machkom*, etc.), as well as nicknames that go back to ichthyonyms. Under the conditions of artel-based fishing and the need to sell the catch or hand it over to the state, valuable fish rarely appeared on peasant tables, which resulted in the popularity of dishes from ruffs and other small fish. Analysis of collective anthroponyms allows us to determine the main types of fish consumed: ruffs — *ersheedy*, *ershegloty*, smelt — *riapusa*, *koriushin'ia*, cod — *treskoedy*, etc. Nicknames record local food habits, for example, the use of lightly salted or pickled fish (*syroedy*, *kislaia kambala*), which were formed under the influence of the Finno-Ugric culinary tradition. The specificity of the fish diet was a marker that differentiated local groups of the population, drawing the boundaries between “their own” food and

that of “others”, “urban” and rural, etc. Anthroponyms also reflect the opposition between peasant farmers, whose diet consisted of farinaceous dishes, and residents of villages who were engaged in fishing (*testoedy*, *oparniki* — *khaiduki*-fishermen).

Keywords: ethnolinguistics, collective nicknames, Russian dialectal vocabulary, food habits, fish dishes, Russian North

Acknowledgements. The author’s work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 17-18-01373 “Slavic archaic zones in the space of Europe: Ethnolinguistic research”.

To cite this article: Osipova, K. V. (2022). Fish in the diet of peasants of the Russian North: Ethnolinguistic aspect. *Shagi / Steps*, 8(3), 259–275. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-259-275>.

Received August 16, 2021

Accepted October 10, 2021

Многочисленные реки и озера Русского Севера издревле обеспечивали крестьян изобильной рыбной пищей. По наблюдениям этнографов, рыбы здесь ели гораздо больше, чем в других регионах России [Гудков 2006: 161]. При несомненной любви всех северных крестьян к рыбе рыбная кухня разных районов Русского Севера имела свои особенности. На приморских территориях архангельского Севера рыболовство было главным занятием жителей¹, а рыба составляла основу повседневного рациона. В богатых реками и озерами внутренних районах рыба также обеспечивала существенную часть питания, заменяя дефицитное мясо. По свидетельствам этнографа Г. П. Дурасова, в Каргопольском районе Архангельской области рыба — «и по сей день один из самых любимых продуктов питания. Бытописатель середины прошлого века отмечал: “Господствующее главное блюдо на столе каргополов есть рыбник², т. е. пирог с рыбою, даже не один, а два почти ежедневно, т. е. свежий, соленый...”» [Дурасов 1986: 51].

В Вологодской губернии рыбный промысел был развит преимущественно на западе, в Белозерье и по оз. Воже, тогда как на восточных территориях объемом местной ловли рыбы не всегда удовлетворял спрос на нее [Воронина 2004: 383–384]³. По свидетельствам корреспондентов Этнографического бюро князя

¹ О традициях северного рыболовства см., например: [Бернштам 1978; Tutorskiy 2020].

² Несомненно, что главными рыбными блюдами были пирог-рыбник и уха; их культурно-языковой символике посвящены отдельные статьи автора [Осипова 2019].

³ «В центральной части края основная водная магистраль — Сухона — давала жителям Грязовецкого, Тотемского, Великоустюжского уездов богатые уловы окуня, щуки, хариуса, язя, подъязка, головля, нельмы, ельца, стерляди. Рыбу ловили и в Кокшеньге и ее притоках, но она не удовлетворяла местный спрос. Жители центрального Вологодского у. промышленяли на оз. Кубенском: в основном улов составляли лещи, язи, судак, нельма, нельмушка, щука, ерши, сороги, окуни, налимы. На востоке края сольвычегжане ловили в Вычегде окуня, леща, язя, стерлядь и др. «...» В западной озерной части края рыболовство было развито еще больше, особенно в Белозерье и по оз. Воже» [Воронина 2004: 383–384].

В. Н. Тенишева, в Вологодском уезде рыбную ловлю крестьяне считали «бездельем» [РК (5/1): 420], аналогично оценивали ее в Кадниковском уезде, ср.: «Рыбка да рябки — потеряй только деньки» [РК (5/2): 667]; пойманную рыбу крестьяне здесь старались продать, а сами ели редко [Там же: 768]. В Грязовецком, Никольском и Череповецком уездах бедные крестьяне ели рыбу лишь в дни тяжелой работы или по большим праздникам, а регулярно ее покупали только крестьяне побогаче [РК (5/2): 299; (5/3): 23; (7/2): 562]. На продажу рыбу привозили с Новгородской ярмарки или из Архангельска.

В статье мы обратимся к севернорусской диалектной лексике и фразеологии, а также к текстам малых фольклорных жанров, позволяющим определить роль рыбной пищи в рационе крестьян, проживавших преимущественно на территории современных Архангельской и Вологодской областей⁴. Среди рассматриваемых единиц — названия рыбных блюд, способов приготовления рыбы, а также связанные с рыбой присловья, коллективные прозвища и календарные наименования. Исследование продолжает ряд статей автора, посвященных пище Русского Севера (см., например: [Осипова 2019; 2021]), методически же выстраивается на принципах этнолингвистического анализа, сформулированных исследователями Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики (Е. Л. Березович, М. Э. Рут, Т. В. Леонтьевой, Ю. А. Кривошаповой, О. В. Моргуновой и др.). Материал для работы собирался в ходе полевых исследований, которые на протяжении 60 лет проводятся Топонимической экспедицией Уральского университета (ныне УрФУ) на территории Архангельской и Вологодской областей, а также черпался из опубликованных лексикографических и этнографических источников, в том числе [АОС; Воронцова 2011; СВГ; СГРС; СРНГ], «Материалы “Этнографического бюро” князя В. Н. Тенишева» [РК], «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» [Ефименко 1877–1878] и др.

Этнографические сведения говорят о том, что из речных и озерных рыб в пищу шли в основном щука, лещ, сорога, язь, окунь, налим, хариус, ерш, пескарь, карась, снеток и др. В северных приморских районах ели морскую рыбу — треску, сельдь, камбалу, навагу, сайду, палтуса, а также деликатесную красную и белую рыбу — форель, хариуса, сига и пр. (см., например: [Воронина 2004: 383–384; Ефименко 1877–1878 (1): 68, 71]. Особенности крестьянского рациона раскрывают коллективные прозвища, восходящие к названиям рыб. Так, материалы «Словаря коллективных прозвищ» Ю. Б. Воронцовой обнаруживают, что севернорусские территории значительно превосходят прочие регионы России по количеству «ихтионимических» антропонимов. Это отражает значимость рыболовного промысла на Русском Севере и, соответственно, доминирующую роль рыбы в крестьянском рационе (хотя отчасти может быть обусловлено характером полевого сбора северного материала, который осуществляли сотрудники Топонимической экспедиции УрФУ, уделяющие особое внимание ономастическим единицам, в том числе антропонимам). Достаточно полно прозвища, восходящие к названиям рыб, представлены в ста-

⁴ Культурно-языковые факты, собранные на указанных территориях, составляют большую часть материала, дополнительно привлекаются сведения из Республики Карелия, а также Мурманской области.

тые А. А. Макаровой и Ю. Б. Поповой (Воронцовой): согласно наблюдениям авторов, «...в “рыбных” прозвищах отражаются ландшафтные особенности (наличие моря, реки, озера), а также промысловая специализация населения. Выбираются названия тех рыб, которые наиболее распространены в водоемах того или иного региона» [Макарова, Попова 2020: 35]. Вместе с тем для народной культуры немаловажно, что рыба, по которой дается прозвище, составляет основу рациона данной локальной группы — это подчеркивают многие мотивировочные контексты.

Первое место по распространенности занимают прозвища, образованные от ихтионима *ёрш*: *ерши*, *ершеглóты*, *ершеёдки*, *ершеёды*, *ёршики* и пр. [Воронцова 2011: 110–112] (см. также данные в [Макарова, Попова 2020: 35]). Местом их локализации оказываются территории, в Вологодской области прилегающие к Белому озеру (Белозерский, Вашкинский, Вытегорский районы), ср.: «Нас называли киснемские ершееды, потому что Киснема больше всех ловила ершей» [Воронцова 2011: 110]; в Архангельской области — к Онежскому озеру (Онежский район), оз. Лача (Каргопольский район); «ершами» называли преимущественно жителей восточной части области — Мезенского, Приморского, Вельского, Устьянского районов. Мотивировочные контексты говорят о том, что жители озерных районов действительно любили и ели ершей, ср. *ершóвые брюшínны* ‘жители с. Орлово Каргопольского района Архангельской области’: «У озера, рыбу едят, дак вот так назвали» [Там же: 114], *ершеглóты* ‘жители г. Пустозерск Мезенского уезда Архангельской губернии’: «Городецьки — ершэглóты, мы одних ершэй едим» [Там же: 110]⁵. Можно предполагать, что в условиях артельного промысла и необходимости продажи рыбы именно ерш составлял ту часть улова, которая доставалась крестьянам, поэтому его употребление и оказывалось столь значимым.

Помимо ерша, в прозвищах отмечаются названия следующей речной и озерной рыбы: корюшки — *ряпусá*, *рипуся́та*, *ряпчи́ки* (Карг), (*андомогорские*) *корюшínья* (Быт) [Воронцова 2011: 167]; окуня — *окуни* (В-Т, Прим; Чаг) [Там же: 242], сороги — *красногла́зые сорóжки*, плотвы — *плотíицы* (Чаг) [Там же: 257], налима — *налимы* (Баб) [Там же: 230], подкаменщика — *курчагí* (Баб) [Там же: 191], подлещика — *ли́паки* (Баб) [Там же: 201], ср. волог. *липáк* ‘рыба подлещик’ [СГРС 7: 94], сига — *сигí* (Прим) [Воронцова 2011: 295]. Из морской рыбы выделяются треска — *треско́ед* (мурман., Прим) [КСГРС; СРНГ (45): 52], палтус — *палтус*, *палтася́та*, *пáлтусники*, *пáлтусы*, *гнилой палтус*⁶ (Вель) [Воронцова 2011: 80, 249], навага — *наваги*, *нава́жки* (Мез, Прим) [Там же: 228–229], кумжа — *кумжа́хи* (Мез) [Там же: 188], семга — *сёмужники* (Беломор) [Там же: 293]. К названиям морской рыбы восходят в основном прозвища жителей архангельского Поморья.

⁵ Народные толкования нередко связывают прозвища с задиристым характером жителей: «Нагорские — они как противные эти, колючие ерши» [Воронцова 2011: 112].

⁶ Довольно любопытна причина, по которой прозвище от наименования морской рыбы дается жителям Вельского района, расположенного вдали от морского побережья. Основой для возникновения экспрессивного наименования *гнилой палтус* могло стать реальный образ: морская рыба, которую привозили сюда на продажу, теряла свою свежесть.

Рыба — хлеб рыбаков

Анализ коллективных прозвищ позволяет выйти на скрытое противопоставление крестьян-земледельцев, рацион которых составляли мучные блюда, и жителей деревень, занимавшихся рыболовным промыслом. Прозвища земледельцев восходят к наименованиям заварных мучных каш, которые им приходилось есть в отсутствии рыбы, ср. *тестоёды* ‘жители с. Лядины Каргопольского района Архангельской области’: «Там у них озера, ни реки близко нет, рыбы нет, ничего нет, они там всё те... на тесте жили, тесто ставили: овсяное тесто, э-э-э, заварное делали» [Воронцова 2011: 321], *опара, опárники* ‘жители д. Совполе Мезенского района Архангельской области’: «Совпала раньше рожь растили, рожь-то мололи и варили опару, потому что здесь речка нерыболовна» [Там же: 243]. Рыбаков, напротив, высмеивали за отсутствие муки и хлеба, ср. *хайдудки* ‘жители д. Андозеро Онежского уезда Архангельской губернии’: «Андозёра хайдудки — нет ни хлеба, ни муки (в виде насмешки, что они мало занимаются хлебопашеством и питаются только рыбою из своего озера)» [Там же: 346], ср. также «...орловцев (жителей с. Орлово Каргопольского района Архангельской области. — К. О.) называют ершами. Ряпус да ерш, всё говорили, а сами тоже тесто ведь любили» [Там же: 112].

На восточных, неземледельческих территориях Русского Севера — в Виноградовском, Верхнетоемском, Котласском районах Архангельской области и Великоустюгском и Нюксенском районах Вологодской области — густую похлебку из сушеной рыбы с крупой называли *кашища* [КСГРС], а рыбная мука нередко служила заправкой для жидких блюд: например, на Вытегре в супы добавляли муку из сушеной печени налима [СГРС (7): 223]. По всей видимости, при дефиците хлеба именно рыбная мука заменяла крестьянам зерновую, а «каши» и заправки из рыбы по питательной ценности были сопоставимы с привычными зерновыми.

Для рыбаков рыба и хлеб стояли на одной ступени пищевой пирамиды — в озерных и приморских районах рыба по питательной ценности составляла пару хлебу или даже конкурировала с ним, ср. «Рыба еда, а хлеб всему голова» (Выт) [Митрошкина 2015: 154], арх. *хлёбный* ‘вкусный, питательный, сытный’: «Наважка хлебна рыба, селёдка по мне не хлебна» (Прим) [КСГРС]. Рыбу называли «кормилицей», она ассоциировалась с сытостью и достатком: «Рыба, рыбица — наша кормилица»; «Если рыбново — значит хлебово» (Выт) [Митрошкина 2015: 150]. Сушеная рыба, подобно хлебу у земледельцев, составляла стратегический запас продуктов на зиму, ср. олон. *напáстница* ‘мелкая сушеная рыба, употреблявшаяся в пищу при недостатке другого продовольствия’ [СРНГ (20): 65]. У поморов культурная синонимия хлеба и рыбы поддерживалась и тем, что обмен рыбы на хлеб составлял основу поморской торговли с внутренними регионами России (см.: [Бернштам 1978: 113]).

Локальные пищевые привычки

Пищевые традиции имеют свойство дифференцировать локальные группы населения. Вид употребляемой рыбы в сочетании с особенностями ее приготовления также служил критерием для проведения границ между «сво-

ими» и «чужими». Присутствие в рационе разных видов рыбы различало жителей соседних деревень или частей одной деревни. Прозвища-антонимы могли строиться на противопоставлении ценной и сорной рыбы (сиг — карась, навага — бычок): например, часть односельчан носила прозвище *караси*, другая — *сиги* — «Жители прозвали друг друга сигами и карасями. Одна половина деревни промысляла ловлей одного вида рыбы, другая — другого. Когда ни приди, на столе всегда рыба — или сиг, или карась» (Прим) [Воронцова 2011: 295]. На Мезени сравнивались носители прозвищ *корехи*, *наваги* и *рѣвчи*, которые ели корюшку, навагу и бычков (*рѣвчу*): «Койденские девушки противопоставляются долгощельским. Навага и корюшка считались в Поморье хорошими рыбами, а рѣвчу давали в пищу только крупному рогатому скоту» [Там же: 165] — действительно, большинство крестьян брезговали есть бычков и другую рыбу, имеющую непривычный, уродливый внешний вид, ср. *рѣвчаёды*, *рѣвякі́* «жители д. Патракеевка Приморского района Архангельской области»: «Есть рыба рѣвча, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни ее ловят и едят» (Прим) [Там же: 277–278].

Отношение к разным видам рыбы существенно варьировалось в зависимости от территории. Например, узколокально ограничены запреты на употребление налима: в Тотемском районе Вологодской области им брезговали, полагая, что «налимы покойников сосут, утопленников» [КСГРС], на Вытегре налима считали нечистым только весной и летом, а зимой и осенью ели [Митрошкина 2015: 150], тогда как жителей нескольких деревень Бабаевского района за любовь к мясу налима даже называли *налимы* [Воронцова 2011: 230]. Здесь ловля и употребление налимов были вписаны в народный календарь и имели социокультурное значение: «...потому что страшно много в реке водилось. По осени (10 октября) — Изосимы. На этот праздник (в ночь перед ним) вся деревня на реке. В ночь перед праздником жители деревни шли на реку и ловили рыбу. Чаще — налимов. На следующий день стряпали рыбный пирог, который должен быть на праздничном столе, и в каждой семье налима едят» [Там же]. Жителей д. Шалы Пудожского района Карелии называли как *налимы*, так и *кукшеёды* [Там же: 185–186, 230]: внутренняя форма прозвища объясняется через волог. *ку́кша* «внутренности животного» [СГРС (6): 241–242], однако фактически указывает на ту же пищевую привычку, что и прозвище *налимы*, поскольку именно внутренности (печень) налима особенно часто шли в пищу (ср.: «В налиму так кукша ещё есть» (Вож) [Там же]).

В Грязовецком уезде не ели ершей, веря, что на них ездит водяной [РК (5/2): 74]. Разным было отношение к щуке: во многих районах ее признавали одной из лучших рыб⁷, однако на Вытегре «употребляли с осторожностью — опасались “худого”», поскольку соседи-вепсы использовали щуку в ритуалах⁸ [Митрошкина 2015: 152]. Оценивая съедобность рыбы, обращали внимание на строение костей ее черепа: вытегорцы не клали в уху голову щуки, так как «кости в голове этой рыбы сложены в виде четырех крестов: “Как на кладбище крестов наложено в голову”» [Там же]. В Пинежском уезде, напротив,

⁷ «Особенно любят старожилы соленую щуку, её жарят, отваривают, запекают в пирогах» (Вож) [Кабанова 2014: 17].

⁸ О символике щуки в мифологии и обрядовых практиках финно-угорских народов см.: [Грысак 1992; Петрухин 2005: 184].

не употребляли рыбу без чешуи и крестообразной кости на лбу [Ефименко 1877–1878 (2): 72] — исключение делалось лишь для налима.

Крестьяне с безразличностью относились к заквашенной рыбе, традиция приготовления которой представляется узколокальной и, очевидно, заимствованной (об этом см. ниже)⁹. Употребление сырой рыбы или мяса отличало «чужих» и нередко приписывалось инородцам. Кроме того, отмечая привычку жителей д. Заозерье Мезенского района Архангельской области есть заквашенную рыбу, крестьяне соседних деревень — дд. Лампожня, Заакакурье, Дорогорское — звали заозерцев *кислая камбала* (*кислые камбалы*): «Они всё по камбалы ходили, камбалы сквасят, закислят и едят» (д. Лампожня Мезенского района) [АКТЭ]¹⁰. Употребление «сырой», слегка посоленной рыбы отражено в прозвище жителей Каргополья и полуострова Канин Нос Архангельской области, которых называли *сыроеды*: «Жители очень любят есть сырую рыбу и сырое мясо. И сейчас любят они рыбку сырком есть и приговаривают: “Рыбка сыра и вкусна, да в ней сила наша, в жилах кровинушка наша текёт”» [Воронцова 2011: 313]. В связи с оппозицией «свой — чужой» видится неслучайным, что слово *сыроеды* подается в одном ряду с прозвищем *чудь белоглазая*: «Каргопольцы — чудь белоглазая, сыроеды» [СКП: 375].

Способы приготовления и традиции употребления рыбы

Рыбу на Русском Севере чаще варили, парили в печи, запекали в пирогах, солили и коптили, ср. арх. «И сыра, и варёна, и дымела, и солёна — всяка рыбка была» (Мез) [СГРС (3): 294]. По свидетельствам историков и этнографов, кухня финно-угров, которая существенно повлияла на рацион русских крестьян, не знала такого технологического приема, как жарение [Похлебкин 1982: 4; Мокшин и др. 2000: 109]. *Жареной* севернорусские крестьяне называли рыбу, не приготовленную на масле, а паренную в воде или молоке (Выт) [Митрошкина 2015: 151]. В Каргопольском уезде название рыбного блюда совпадало с наименованием посуды для запекания, ср. *латка* ‘широкая и низкая глиняная посуда’, ‘кушанье из рыбы, приготовленное в такой посудине’ [Светлов 1892: 162]. Жарение рыбы в масле встречалось в южных районах Вологодской области, где продолжало собственно русские традиции, а также являлось результатом влияния современной кулинарной культуры.

Нередко хорошую, крупную рыбу крестьяне продавали, в том числе церковному причту и зажиточным крестьянам, оставляя себе лишь мелкую рыбу второго сорта (см., например: [РК (5/3): 601]). Возможно, этот исторический факт объясняет широкое распространение в севернорусском рационе блюд из мелкой рыбы, например пирогов и похлебок, ср. арх., волог. *меевник*, *мейник*, *мелевник* ‘пирог с мелкой рыбой’: «Мееву вычистят, кринку в печь поставят или меевники пекут» (В-Т; В-Важ, Тот) [СГРС (7): 264, 273; КСГРС],

⁹ Очевидно, организм русских крестьян был непривычен к подобной пище, о чем свидетельствует название вызванного ей недуга — *рыбну́ха* ‘расстройство желудка от употребления в пищу сырой недоваренной рыбы’ (Кемский уезд) [СРНГ (35): 298].

¹⁰ Искренне благодарим рецензента за наблюдение о том, что в настоящее время на Мезени традиция употребления рыбы «сырком» оценивается как часть крестьянской культуры, противопоставленной городской: «Хоть научитесь, как рыбу сырком йисти» (Леш).

волог. *маля́вник*, *молевáтик*, *мулѝвичник*, *муля́вник* ‘пирог с мелкой рыбой’ (Ник, Тот) [СВГ (5): 10; СГРС (7): 310]: «С рыбой-то пироги — молеватики, из молей» (Сок) [КСГРС]; и мн. др. Длительное парение в печи служило основным способом приготовления костистой рыбы, ср. присловье «Парёной ершок — брюху потешок» (Выт) [Митрошкина 2015: 152].

Часть пойманной рыбы крестьяне заготавливали впрок — солили, заквашивали и сушили. Любую сушеную рыбу (обычно мелкую) в архангельских и вологодских говорах называли *сушьё*, *сушь*, *су́щик*, *сушь* [КСГРС; СРНГ (43): 46–47]: «Сушеную рыбу у нас зовут сушьё, навага, корех, камбала, окуней тоже сушат; сушили сушьё — камбалушки в основном» (Он); «Зимой сушьё да грибы едим» (Холм) [КСГРС]. Сушеную рыбу ели сами, варили из нее густую похлебку, иногда продавали: «Из суца сваришь уху — это сушовая уха»; «Сущик из рыбы делали, его зимой так ели или варили» (У-Куб); «Сущик он невыгодный сдавать государству, мало весу» (Вож); «Высушили рыбу, а потом сущик продавали» (Вашк) [КСГРС].

В Онежском, Приморском, Северо-Двинском районах Архангельской области и на примыкающих к ним территориях, а также в Вытегорском районе Архангельской области был распространен «печорский засол»¹¹, при котором рыбу заквашивали с небольшим количеством соли, в результате чего она приобретала «настоящий рыбный дух» [Митрошкина 2015: 152]. Приготовленную таким образом рыбу называли *кислая рыба*: «...обычно присоленные с осени селедка и камбалы к весне все же подкисают, их перемывают и жарят в печи, иногда с толчёной картошкой» (помор.) [Кушков 2011: 25], *рыба с душком*: «Для мочко селёдочку или другую рыбу чуть посолят и поставят в бочку, она закиснет, потом её жарят с картошечкой и хлебом, она пахнет так, и называют “рыба с душком”» (Прим) [СГРС (7): 349], *межонная рыба*: «Межонную рыбу варили, с запашком значит, и макали мочком» (Он) [Там же: 268]. Последнее выражение связано с обозначением жаркого летнего периода, когда рыба быстро закисло, ср. арх., волог. *ме́жень* ‘середина лета; жаркая сухая солнечная погода’: «Межень, рыба киснет» (Он) [Там же: 266]. Этот способ заготовки рыбы русские заимствовали из финской кухни: соленая рыба с душком *kevätkala* («весенняя рыба») была распространена как у калевальских карел [Никольская 2010: 11] и вепсов [Митрошкина 2015: 152], так и в кухне коми [Мокшин и др. 2000: 109]. Обратим внимание на сходство внутренней формы русского и карельского названий (*межонная рыба* — *kevätkala* «весенняя рыба») и возможность калькирования русскими карельского наименования.

Рыба заменяла мясо во время поста и составляла основу постной праздничной трапезы (ср. «Ешь в пост рыбу, но не ешь рыбака», т. е. соблюдай нравственные, духовные заповеди [Ефименко 1877–1878 (2): 250]), поэтому рыбой активно торговали перед началом постов. Например, в Череповецком уезде снетка и селедку покупали в *Рыбью пятницу* накануне Масленой не-

¹¹ «Особый способ приготовления рыбы наблюдался на средней Печоре, поэтому и получил название “печорский засол”. Суть его была в том, что рыбу слабо засаливали, складывали в бочки и оставляли в теплом месте, обычно в бане. Она заквашивалась, приобретала сильный резкий запах. Заквашенную рыбу ели ложками» [Мокшин и др. 2000: 109].

дели [РК (7/2): 513]¹². Блюда из вареной, запеченной или жареной рыбы считались лакомством: на Вологодчине в качестве почетного угощения в постные дни подавались жареный язь, пшеничный пирог из свежей рыбы, уха из налима или трески, жаркое из сайды с рыжиками; в мясоед — сельди, жаренные со сливочным маслом [РК (5/1): 2015, (5/3): 111, 322, 613]; на свадебный стол выставляли «щи постные с сайдой или сущем», вареную мелкую рыбу и в заключение — пироги с рыбой (Кадниковский уезд) [РК (5/2): 637].

Рыбные блюда становились частью предметного кода многих семейных обрядов. Для праздничных рыбных блюд существовало собирательное обозначение *рыбны*: «Отец жениха везет в невестин дом кошевое: водку, пироги, рыбны, ватруги и т. п. — угощать невестину породу» (олон.) [СРНГ (35): 298]. В вологодском свадебном причитании рыба ассоциировалась с лакомой домашней пищей, с которой прощается невеста, ср.: «...Я у тятеньки, у мамоньки одна дочи была, / Я без пива и вина на мал цясоцик не была, / Я без рыбы ись не сяду / И без калацика не ем...» (Никольский уезд) [РК (5/3): 218]. Из сушеной рыбы (*сушьё*) готовили ритуальное поминальное блюдо (Он) [КСГРС].

Существовала своя специфика в приготовлении и употреблении разных видов рыбы. Рассмотрим некоторые из них.

Треска. Основной рыбой в приморских районах Архангельской области была треска. За промысловую ловлю трески и любовь к рыбной пище жителей Архангельской и соседней Мурманской области называли *трескоеды*, ср. *архангельский трескоёд* ‘шутливое прозвище любителя трески’ (мурман.) [СРНГ (45): 52], *трескоёд* арх. ‘тот, кто ест много рыбы, для кого рыба — основной продукт питания’: «Мы ить всю жись трескоеды, всё рыбу едим» (Прим) [КСГРС], ‘шутливое прозвище поморского жителя, который занимается промыслом трески’: «Лопаришки нас все трескоедами ругают» (мурман.); «Мурманщик — кто треску ловит, трескоеды да тресколовы. Сумлян мешчане звали, а Колежму трескоеды» (Беломор), *тресколов* ‘то же’ (Беломор) [СРНГ (45): 52]. Треска являлась одним из главных архангельских товаров, ср. «Архангельск богат треской да доской» (Он) [КСГРС]. Любители трески жили и в более удаленных от моря районах, например на Пинеге, ср. арх. *тресковница* ‘любительница поест трески’: «Мы тресковницы, все бы треску едали» (Пин) [СРНГ (45): 52]. Употребление трески и, возможно, связанное с ним пищевое изобилие у жителей внутренних территорий ассоциировались с жадностью, ср. арх. *трескоёдка* ‘жадная женщина’ (Вель) [Там же: 52].

Для северных крестьян треска составляла пищевую основу рациона, ср. «Трещёчьи (с молочком) не поешь, так и не поработаешь» (арх., мурман.) [СРНГ (45): 92, 94]. Треску ели в самых разных видах: например, с ней варили похлебку или густой крупяной суп — *кашицу* (Никольский, Вологодский уезды) [РК (5/1): 200, (5/3): 112], запекали в пирогах (волог. *тресковик*, *тресковник* [СРНГ (45): 52], арх. *трещечьи пироги* ‘пирог(и) с начинкой из трески’ [СРНГ (45): 92]; «Пироги с палтусом да с трещиной понаставлены» (помор.) [Там же]), ели залитую крутым кипятком (волог. *зашипаренная рыба*

¹² Как взаимозаменяемые постные продукты воспринимались рыба и грибы: в пост вместо рыбы в щи нередко добавляли грибы (Череповецкий уезд) [РК (7/2): 562], а вместо ухи подавали свежие вареные грибы (Вологодский, Сольвычегодский уезды) [РК (5/1): 303, (5/3): 612] (подробнее о паре *грибы* — *рыба* см.: [Осипова 2021: 42–43]).

(Вож) [Кабанова 2014: 17]). Чтобы заготовить треску впрок, ее солили в больших бочках¹³ и сушили, включая рыбы головы, ср. арх. *коко́ра* ‘сушеная рыба, рыба́ голова’: «Рыбны кокоры ели: на морях наловят трески, головы отрубят, высушат — вот и кокоры» (В-Т) [СГРС (5): 226]. Показателем типичности этих блюд для крестьянина-помора можно считать появление образа сушеной трески в фольклоре, например в детских играх, ср. игру *из-за сухой трески*, где *сухой треской* называли метлу, веник или другую вещь, которую водящий подбрасывал ногой [Ефименко 1877: 153].

С е л ь д ь. Одной из самых лакомых рыб считалась сельдь — как в приморских, так и во внутренних районах, куда ее привозили на продажу из Архангельска. О промысловом значении сельди свидетельствуют многочисленные наименования, привязывающие ее лов к дате народного календаря и оценивающие пищевую ценность рыбы, выловленной в разные периоды¹⁴, ср. арх. *залёдка* ‘сельдь, добываемая после ледохода’: «Залёдка крупна, а загревка — мелочёвка» (Прим) [СГРС (4): 112], арх. *егорьевская селёдка* ‘сорт мелкой сельди, ежегодно появляющейся в Северной Двине начиная со дня св. Георгия (23 апреля / 6 мая)’ (Котл) [СГРС (3): 302], арх. *загревка* ‘сельдь, которую ловят в середине лета’: «Загревка жирна, вкусна» (Прим), арх. *иванская загревка* ‘сельдь, которую ловят в канун праздника Ивана Купалы’: «Иванская загревка об Ивандень пойдёт» (Прим) [СГРС (4): 53], арх. *иванская сельдь* ‘сельдь, которая ловится в конце июня — начале июля’: «Иванска сельдь сама вкусна» (Мез) [Там же: 296], арх. *ильинка* ‘сельдь, которую ловят в августе (после дня пророка Илии, 20 июля / 2 августа)’: «Ильинка — сама жирна сельдь» (Прим) [Там же: 329], севернорус. *ведёньевская сельдь* ‘беломорская сельдь, вылавливаемая около дня Введения во храм Пресвятой Богородицы (21 ноября / 4 декабря)’ [Атрошенко 2013: 223], арх. *варваренская сельдь* ‘сельдь, вылавливаемая около дня св. Варвары (4/17 декабря)’ [Там же]. Самой жирной считалась *ильинская сельдь*, выловленная в августе, а самой вкусной — *иванская сельдь*, которую ловили в конце июня. Сейчас выловленная в Белом море сельдь-беломорка ценится крестьянами выше, чем покупная *китайская селёдка*: «Наша беломорка вкуснее, чем китайская селёдка, а продают всё китайскую» (Он) [КСГРС].

Сельдь ели свежесоленную (арх. *сырком* (Мез; Он) [КСГРС]: «Селёдку солят, через десять дней сырком едят» (Мез) [КСГРС]) или заквашенную, нередко дополнительно отваренную или распаренную в печи, макая в рассол *хлебмочок*: «Раньше ведь вилок не было — вот и возьмут кусочек хлеба и им еду-то

¹³ Ср. арх. *трескóвка* ‘большая бочка для соленой трески’ [СРНГ (45): 52].

¹⁴ Лов далеко не всякой рыбы имел столь ярко выраженную календарную приуроченность. Здесь можно вспомнить ловлю щуки (ср. арх. *егорьевская и́ручка* ‘щука, появляющаяся около дня св. Георгия (23 апреля / 6 мая)’ [Атрошенко 2013: 223]), семги (арх. *богослóвка* ‘семга, вылавливаемая перед днем Иоанна Богослова (26 сентября / 9 октября)’ [Там же: 224]), наваги: помор. «Если Егорий с водой, Микола с травой, то и Зимний Никола будет с навагой и сельдью» [Там же: 237], сига в день усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа / 11 сентября), ср. «В Иване Постном сиг гостем» (Он) [КСГРС], а также лов налимов в *Изосимы* (день преподобного Савватия Соловецкого (27 сентября / 10 октября), который в народной традиции стал называться *Изосимы*, очевидно, под влиянием Дня перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, 8/21 августа), о чем было сказано выше.

и поддевают, это как раз мочок и есть» (Он) [СГРС (7): 349]. Такой способ употребления архангельские поморы называли *мачкó*, *мачóк*, *мочкó*, *мочóк* ‘слабосоленая рыба (чаще сельдь), слегка подкисшая в рассоле; кушанье из такой рыбы’: «Мочок делали, это когда рыбу слишком разваришь да подсолишь, потом едят и мачут хлебом» (Он) [Там же: 349]; «Насолят, сделается кисло, кислы сельди и мойва — это мачко» (Прим) [Там же: 257]; *ма́ком* (*мачкóм*) *есть* ‘есть что-л., макая кусочком хлеба’: «Я рыбу маком люблю есть» (Прим; Леш) [Там же: 222, 257], а глагол *мáчить* на приморских территориях получил достаточно узкое значение ‘есть что-л., макая куском в соус, масло’: «У нас рыбу мачут» (Прим) [Там же: 257]. На граничащей с Приморьем Пинеге записано шутивное приглашение к началу трапезы «Мачí, кума, здесь сельдь была» [Там же]. Способ употребления блюда *мачком* поморы считали основным для своей кухни, ср.: «Мачко у нас главная пища, в завтрак, ужин, обед — всё мачко; название оттого, что мачем хлеб да едим» (Прим) [Там же], тогда как в Вологодской губернии он практически не встречался. Здесь архангельскую селедку жарили или ели соленой, с квасом и зеленым луком (Сольвычегодский уезд) [РК (5/3): 498].

Рыба ценных пород (хариус, нельма, форель, семга, кумжа, сиг и др.) ловилась в северных районах Архангельской области — Онежском, Пинежском и Мезенском, а также на западе Вологодской области — в бассейне р. Сев. Двина, р. Онега, оз. Онежское оз. Кубенское (по данным: [Неделков и др. 2006]). Рыбу семейства лососевых или сиговых здесь называли *царская рыба* ‘форель, нельма, семга’: «Кумжа рыба, совсем без костей почти, называли царска рыба» (Прим; Он, Пин; Вологод, Выт, У-Куб) [КСГРС; КАОС], что отражало не только исключительные вкусовые качества такой рыбы, но и, возможно, вполне реальный факт того, что в XIX — начале XX в. ее отправляли на продажу на столичные рынки. В Вологодской области даже существовал запрет на ловлю лососевых рыб для личного потребления: «Царская рыба (хариус. — К. О.) на переборах, ёй запрещшали ловить» (Ник); «Царскую рыбу не давали ловить местным, а царям все было доступно» (Вологод) [КСГРС], поэтому здесь рыба ценных пород появлялись на столе нечасто.

Субпродукты. Внутренности рыб (печень, молоки, икру и пр.) также употребляли в пищу: их запекали, ели с кашей, картошкой, использовали в качестве начинки в пирогах, ср. арх. *лёдюжный рыбник* ‘пирог с рыбными потрохами’: «Ледюгу из рыбы отнимаешь, ледюжный рыбник стряпают, у шуки да у язя ледюги много» (Плес) [СГРС (7): 53], арх. *жа́рега* ‘запеченная с молоком щу́чья икра’ (Плес) [АОС (13): 213]. Большим лакомством считались сваренные в молоке молоки и икра [Дурасов 1986: 87]. Употребляли даже рыбью чешую сороги или язя, из которой в голодное время варили холодец; на Онеге холодец из чешуи язя ели постоянно [Там же].

Лакомой частью субпродуктов признавалась печень, особенно печень налима, ср. волог. *лядога*: «У налима печень — самое вкусное место, кто лядогой, кто максой зовёт» (Кир; Вож) [СГРС (7): 203], волог. *ма́кса* ‘печень налима’: «Макса мягкая, маслянистая, у налима особенно вкусна» (Вель; В-Важ, Выт, Кир, Кон) [Там же: 223, 256], волог. *сенёк*, *сёник* ‘часть внутренностей рыбы (печень, молоки и пр.)’: «Сенёк у налима вкусный, а черёва выбрасывают» (К-Г; Бабуш) [КСГРС]. С печенью налима или наваги пекли пироги (арх.

ма́ксенник, ма́косник, максо́вник: «Максенники пекли — максу в тесто заделают» (В-Т; Он) [СГРС (7): 222, 223, 224]), делали «паштет» (волог. *максани́на*: «Максанину с блинами ели» (Выт) [Там же: 224]). Преимущественно в Архангельской области варили уху из печени трески — *уху по ба́лкам*: «Уха по балкам — из самой лучшей трески. Уху по балкам варишь — рыбу выволочишь, очередишь, в уху-то и спустишь, свеженька-то», ср. *ба́лка* ‘тресковая печень’ (Прим) [АОС (1): 103–103], «Эту балку трески вытащишь, двадцать минут проваришь, и уха замечательная получается»; «Балка очень вкусна, ей нарочно отбирали» (Прим) [СГРС (1): 53]. Прибалтийско-финское происхождение большинства наименований печени отражает и заимствование соответствующей практики ее приготовления.

* * *

На территории Русского Севера земледельческая культура крестьян пересекалась с культурой рыболовов и охотников. Лексика и ономастика, связанная с рыбой и ее употреблением, довольно объемны в количественном отношении и представлены различными тематическими группами: наименования рыбы, выловленной в определенные календарные периоды; наименования посуды для приготовления рыбы; наименования блюд из рыбы и способов ее приготовления; коллективные прозвища, обыгрывающие пищевые привычки, связанные с рыбой, и пр. Рыбу употребляли в свежесваренном или запеченном виде и заготавливали впрок, в пищу шло не только мясо, но и субпродукты. В севернорусских говорах отсутствуют наименования жаренной на масле рыбы, что говорит о влиянии прибалтийско-финской кухни, не знавшей такого способа приготовления пищи. Лов рыбы вписывался в крестьянский календарь, во многих приморских и озерных районах рыба входила в основное повседневное, постное и праздничное «меню» и ее пищевая ценность сравнивалась с хлебом (оппозиция рыбная пища — мучная пища противопоставляла рыболовов и земледельцев, ср. прозвища *тестоеды, опарники — хайдуки*). Специфика рыбного рациона была маркером, дифференцирующим локальные группы населения (ср. *ершеглоты, кукушееды, трескоеды, кислая камбала, сыроеды* и пр.), проводящим границы между «своей» и «чужой», городской и сельской пищей и пр.

Источники

- АКТЭ — Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).
- Ефименко 1877–1878 — *Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. Ч. 2: Народная словесность. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1878–1878.
- КАОС — Картотека Архангельского областного словаря (кафедра русского языка, филологический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова).
- КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).
- Неделков и др. 2006 — Рыбы / Авт. кол.: В. А. Неделков (отв. ред.) и др. Вологда: Инженерный центр «АртЭко», 2006.

РК — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб.: ООО «Деловая типография», 2007. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая типография», 2007. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: ООО «Деловая типография», 2007. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. СПб.: ООО «Навигатор», 2009.

Словари

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—. Вып. 1—.

СВГ — Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской: В 12 вып. Вологда: ВГПУ; Русь, 1983–2007.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–50—). М.; Л. / СПб.: Наука, 1965—. Вып. 1—.

Сокращения

арх. — архангельское.

волог. — вологодское.

мурман. — мурманское.

олон. — олонецкое.

помор. — поморское.

севернорус. — севернорусское.

Баб — Бабаевский район Вологодской области.

Бабуш — Бабушкинский район Вологодской области.

Беломор — Беломорский район Республики Карелия.

Вашк — Вашкинский район Вологодской области.

В-Важ — Верховажский район Вологодской области.

Вель — Вельский район Архангельской области.

Вож — Вожегодский район Вологодской области.

Вологод — Вологодский район Вологодской области.

В-Т — Верхнетоемский район Архангельской области.

Выт — Вытегорский район Вологодской области.

Карг — Каргопольский район Архангельской области.

Кир — Кирилловский район Вологодской области.

Котл — Котласский район Архангельской области.

Леш — Лешуконский район Архангельской области.

Мез — Мезенский район Архангельской области.

Ник — Никольский район Вологодской области.

Он — Онежский район Архангельской области.

Пин — Пинежский район Архангельской области.

Плес — Плесецкий район Архангельской области.

Прим — Приморский район Архангельской области.

С-Двин — Северодвинск.

Сок — Сокольский район Вологодской области.

Тот — Тотемский район Вологодской области.

У-Куб — Усть-Кубинский район Вологодской области.

Холм — Холмогорский район Архангельской области.

Чаг — Чагодощенский район Вологодской области.

Литература

- Атрошенко 2013 — *Атрошенко О. В.* Русская народная хрононимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т им первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2013.
- Бернштам 1978 — *Бернштам Т. А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства / Под ред. К. В. Чистова. Л.: Наука; Ленингр. отд-ние, 1978.
- Воронина 2004 — *Воронина Т. А.* Пища и утварь // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX века / Отв. ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2004. С. 367–424.
- Воронцова 2011 — *Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011.
- Грысак 1992 — *Грысак Н. Е.* Щука в верованиях, обрядах и фольклоре // Из культурного наследия народов Восточной Европы / Отв. ред. Т. В. Станюкович. СПб.: Наука; С.-Петерб. отд-е, 1992. (Сб. МАЭ; Т. 45). С. 56–61.
- Гудков 2006 — *Гудков А. Г.* Рацион крестьян Русского Севера в конце XVIII — первой половине XIX века // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы: Материалы науч. конф., 2–3 марта 2006 г. / Гл. ред. М. А. Безнин. Вологда; Молочное: ИЦ ВГМХА, 2006. С. 159–170.
- Дурасов 1986 — *Дурасов Г. П.* Народная пища Каргополя (по материалам XIX–XX вв.) // Советская этнография. 1986. № 6. С. 78–93.
- Кабанова 2014 — *Кабанова М. Г.* Вожегодская традиционная пища / Центр традиц. народной культуры [пос. Вожега Вологодской обл.]. Вожега: [б. и.], 2014.
- Кушков 2011 — *Кушков Н. Д.* Поморский говор: пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга: Опимах, 2011.
- Макарова, Попова 2020 — *Макарова А. А., Попова Ю. Б.* Зооморфная модель в коллективных прозвищах жителей Русского Севера // Вопросы ономастики. Т. 17. № 1. 2020. С. 30–46. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002.
- Митрошкина 2015 — *Митрошкина Н. А.* Вытегорская кухня: (по материалам экспедиционных исследований 1978–2010 гг.) // Вытегра: Краевед. альманах. Вып. 5. Вологда: Русь, 2015. С. 149–174.
- Мокшин и др. 2000 — Коми-зыряне. Коми-пермяки // Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / Отв. ред. Н. Ф. Мокшин и др. М.: Наука, 2000. С. 18–188.
- Никольская 2010 — *Никольская Р. Ф.* Карельская и финская кухня. Петрозаводск: Карелия, 2010.
- Осипова 2019 — *Осипова К. В.* Наименования похлебки из рыбы на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 48–57.
- Осипова 2021 — *Осипова К. В.* «Лесная Паша передала»: к этнолингвистической интерпретации севернорусских названий блюд из грибов и ягод // Антропологический форум. № 49. 2021. С. 30–59. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-30-59>.

- Петрухин 2005 — Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2005.
- Похлебкин 1982 — Похлебкин В. В. Предисловие к русскому изданию // Уусивирта Х. Финская национальная кухня. М.: Легкая и пищевая пром-ть, 1982. С. 3–10.
- Светлов 1892 — Светлов Я. О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии) // Живая старина. Год 2. 1892. Вып. 3. С. 156–164.
- Tutorskiy 2020 — Tutorskiy A. V. “The knife or the haft”: Realizing equality of outcomes in hunting practices (preliminary field report) // Первобытная археология: Журнал междисциплинарных исследований. 2020. № 1. С. 92–101.

References

- Atroshenko, O. V. (2013). *Russkaia narodnaia khrononimiia: sistemno-funktsional'nyi i leksikograficheskii aspekty* [Russian folk chrononymy: System-functional and lexicographic aspects] (Cand. Sci. Thesis, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin). (In Russian).
- Bernshtam, T. A. (1978). *Pomory: Formirovanie gruppy i sistema khoziaistva* [Pomors: Group formation and economic system]. Nauka; Leningradskoe otделение. (In Russian).
- Durasov, G. P. (1986). *Nardnaia pishcha Kargopol'ia (po materialam XIX–XX vv.)* [Folk food of the Kargopol Region (Based on materials from the 19th–20th centuries)]. *Sovetskaia etnografiia*, 1986(6), 78–93. (In Russian).
- Grysak, N. E. (1992). *Shchuka v verovaniiax, obriadakh i fol'klore* [Pike in beliefs, rituals and folklore]. In T. V. Staniukovich (Ed.). *Iz kul'turnogo naslediia narodov Vostochnoi Evropy* (pp. 56–61). Nauka; S.-Peterburgskoe otделение. (In Russian).
- Gudkov, A. G. (2006). *Ratsion krest'ian Russkogo Severa v kontse XVIII — pervoi polovine XIX veka* [The diet of the Russian North peasant at the end of the 18th — first half of the 19th century]. In M. A. Beznin (Ed.). *Evropeiskii Sever Rossii: traditsiia i modernizatsionnye protsessy: Materialy nauchnoi konferentsii, 2–3 marta 2006 g.* (Vol. 1, pp. 159–170). (In Russian).
- Kabanova, M. G. (2014). *Vozhegodskaia traditsionnaia pishcha* [Vozhegda traditional food] [n. p.]. (In Russian).
- Komi-zyriane. Komi-permiaki [Komi Zyryans. Komi-Perm] (2000). In N. F. Mokshin (Ed.). *Narody Povolzh'ia i Priural'ia: Komi-zyriane. Komi-permiaki. Mariitsy. Mordva. Udmurty* (pp. 18–188). Nauka. (In Russian).
- Kushkov, N. D. (2011). *Pomorskii govor: poslovitsy, pogovorki, priskazki, leksika* [Pomor dialect: Proverbs, sayings, vocabulary]. Opimakh. (In Russian).
- Makarova, A. A., & Popova, Iu. B. (2020). *Zoomorfnaia model' v kollektivnykh prozvivshchakh zhitel'ei Russkogo Severa* [Zoomorphic model in collective nicknames of the inhabitants of the Russian North]. *Voprosy onomastiki*, 17(1), 30–46. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002. (In Russian).
- Mitroshkina, N. A. (2015). *Vytegorskaia kukhnia: (po materialam ekspeditsionnykh issledovani 1978–2010 gg.)* [Vytegra cuisine: (Based on materials from expeditionary research, 1978–2010)]. In E. A. Skupinova (Ed.). *Vytegra: kraevedcheskii al'manakh* (Vol. 5, pp. 149–174). Rus'. (In Russian).
- Nikol'skaia, R. F. (2010). *Karel'skaia i finskaia kukhnia* [Karelian and Finnish cuisine]. Kareliia. (In Russian).
- Osipova, K. V. (2019). *Naimenovaniia pokhlebkii iz ryby na Russkom Severe: etnolingvisticheskii aspekt* [Names of fish soup in the Russian North: Ethnolinguistic aspect]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta, Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019(2), 48–57. (In Russian).

- Osipova, K. V. (2021). "Lesnaia Pasha peredala": k etnolingvisticheskoi interpretatsii severnorusskikh nazvanii bliud iz gribov i iagod ["From the Forest Pasha": On the ethnolinguistic interpretation of North Russian names of mushroom and berry dishes]. *Antropologicheskii forum*, 49, 30–59. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2021-17-49-30-59>. (In Russian).
- Petrukhin, V. Ia. (2005). *Mify finno-ugrov* [Finno-Ugric myths]. Astrel'; AST; Tranzitkniga. (In Russian).
- Pokhlebkina, V. V. (1982). Predislovie k russkomu izdaniiu [Preface to the Russian edition]. In H. Uusivirta. *Finskaia natsional'naia kuhnia* (pp. 3–10). Legkaia i pishchevaia promyshlennost'. (In Russian).
- Svetlov, Ia. (1892). *O govore zhitelei Kargopol'skogo kraia (Olonetskoï gubernii)* [About the dialect of inhabitants of the Kargopol Region (Olonets Province)]. *Zhivaia starina*, 1892(3), 156–164. (In Russian).
- Tutorskiy, A. V. (2000). "The knife or the haft": Realizing equality of outcomes in hunting practices (Preliminary field report). *Pervobytnaia arkheologiya: Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*, 2000(1), 92–101.
- Voronina, T. A. (2004). Pishcha i utvar' [Food and utensils]. In I. V. Vlasova (Ed.). *Russkii Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaia kul'tura XII–XX veka* (pp. 367–424). Nauka. (In Russian).
- Vorontsova, Iu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [Collective nickname dictionary]. AST-PRESS KNIGA. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Ксения Викторовна Осипова

кандидат филологических наук
доцент, кафедра русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации;
старший научный сотрудник,
Топонимическая лаборатория, Уральский
федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Россия, 620000, Екатеринбург, пр-т
Ленина, д. 51
Тел.: +7 (343) 389-97-38
✉ osipova.ks.v@yandex.ru

Information about the author

Ksenia V. Osipova

Cand. Sci. (Philology)
Associate Professor, Department of Russian
Language, General Linguistics and Speech
Communication; Senior Researcher,
Toponymic Laboratory, Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
Russia, 620000, Ekaterinburg, Prospekt
Lenina, 51
Tel.: +7 (343) 389-97-38
✉ osipova.ks.v@yandex.ru

Н. В. Петров^{ab}

ORCID: 0000-0002-2467-9535
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

Н. С. Петрова^{cb}

ORCID: 0000-0002-6514-5601
✉ pena.talya@gmail.com

^a *Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Россия, Санкт-Петербург)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)*

^c *Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)*

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ ПО-СОВЕТСКИ: ИСТОРИЯ ИДИОМЫ В 1900–1930-е ГОДЫ

Аннотация. В работе идет речь об анатомии идиомы *варфоломеевская ночь* и о причинах ее популярности в контексте предреволюционной и раннесоветской истории: анализируются слухи этой эпохи о готовящейся «варфоломеевской ночи», определяется их место в слуховой реакции на значимые социально-политические преобразования начала XX в. С середины XIX в. выражение *варфоломеевская ночь* встречается в публицистике, исторической литературе, школьных учебниках и др., затем активно используется в левом политическом дискурсе начала XX в. в контексте высказываний о жестокости царского режима. В большевистской риторике идиома встречается в угрозах политическим оппонентам. Слуховая реакция периода Гражданской войны и первых советских лет на подобное словоупотребление в публичных текстах и выступлениях выражается в массовых паниках, связанных с ожиданием расправ над различными социальными, этническими, конфессиональными группами. Слухи о «варфоломеевской ночи» 1920–1930-х годов органично вписываются в общий контекст раннесоветских эсхатологических настроений, когда послереволюционный слом привычного порядка актуализировал представления о «последних временах».

Ключевые слова: Варфоломеевская ночь, идиома, слухи, неподцензурный советский фольклор, история

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00508, <https://rscf.ru/project/21-18-00508>.

Для цитирования: Петров Н. В., Петрова Н. С. Варфоломеевская ночь по-советски: история идиомы в 1900–1930-е годы // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 276–303. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-276-303>.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2021 г.

Принято к печати 3 марта 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

N. V. Petrov^{ab}

ORCID: 0000-0002-2467-9535

✉ nik.vik.petrov@gmail.com

N. S. Petrova^{cb}

ORCID: 0000-0002-6514-5601

✉ pena.talya@gmail.com

^a *European University at St. Petersburg
(Russia, St. Petersburg)*

^b *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^c *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

ST. BARTHOLOMEW'S NIGHT SOVIET STYLE: THE HISTORY OF THE IDIOM IN THE 1900S–1930S

Abstract. The paper deals with the anatomy of the idiom “St. Bartholomew’s Night” and the reasons for its popularity in the context of pre-revolutionary and early Soviet history. It analyzes the rumors of this era about a forthcoming “St. Bartholomew’s Night” and determines their place in the auditory response to significant sociopolitical transformations of the early 20th century. Since the middle of the 19th century the expression “St. Bartholomew’s Night” is found in journalism, historical literature, school textbooks, etc., and is then actively used in leftist political discourse of the early 20th century to negatively characterize the tsarist regime. In Bolshevik rhetoric the idiom is found in threats to political opponents. “St. Bartholomew’s Night” covers a series of events and generates a network of meanings associated with the discursive practices of competing political, ethnic and confessional groups. The reaction during the period of the Civil War and the first Soviet years to such public texts and speeches is expressed in mass panics in connection with the expected reprisals against various social, ethnic, and confessional groups. Rumors from the 1920s and 1930s about

“St. Bartholomew’s Night” fit perfectly into the general context of early Soviet eschatological moods, when the post-revolutionary breakdown of the usual order actualized notions of the end times. Rumors appear in mass discourse in an order that corresponds to the key changes in the sociopolitical agenda of the first decades of the twentieth century. This shows how public anxiety is expressed and the problem of the conflictual division of society.

Keywords: St. Bartholomew’s Night, rumors, uncensored Soviet folklore, history

Acknowledgements. The research is supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 21-18-00508, <https://rscf.ru/en/project/21-18-00508>.

To cite this article: Petrov, N. V., & Petrova, N. S. (2022). St. Bartholomew’s Night Soviet style: The history of the idiom in the 1900s–1930s. *Shagi / Steps*, 8(3), 276–303. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-276-303>.

Received December 6, 2021

Accepted March 3, 2022

Введение

Ночь убийств гугенотов в Париже в канун дня святого Варфоломея в 1572 г. получила название Варфоломеевской. Волна насилия прокатилась по всей Франции. В русский язык соответствующее словосочетание¹ вошло, во-первых, для обозначения конкретного исторического события времен французских религиозных войн — расправы над протестантами-гугенотами в Париже 24 августа 1572 г., во-вторых, в качестве идиомы, соотносящей с этим событием любое массовое насилие над беззащитными [ССРЛЯ 1951: 57]. Выражение *варфоломеевская ночь* стало нарицательным для обозначения массовых убийств и вошло в русский язык в значениях ‘жестокая расправа; массовая резня, бойня’. Оно было широко известно, употреблялось в художественной и исторической литературе, публицистике, прессе как минимум с XIX в. (см.: [Отин 2006: 105]).

В статье речь пойдет о жизни идиомы² в предреволюционный и раннесоветский периоды. Она привлекла наше внимание в контексте слухов времен революции, Гражданской войны и коллективизации, зафиксированных

¹ Здесь и далее в авторском тексте словосочетание *В(в)арфоломеевская ночь* как обозначение исторического события будет писаться с прописной буквы, как идиома — со строчной курсивом; разные способы написания ее в анализируемых текстах мы оставляем без изменений.

² В основе идиомы *варфоломеевская ночь* лежит метафорический перенос, но в целом его можно назвать прецедентным (или коннотативным) собственным именем (ср. структурно близкое *Мамеево побоище*). Благодарим Марию Ахметову за уточнение и указание на лингвистический статус этого выражения.

в источниках как официального (информационные сводки органов политического надзора), так и личного происхождения (дневники, мемуары, письма во власть). Так, в официальном «Обзоре политического состояния СССР за апрель 1925 г.» отмечается: «В Уманском районе [Черкасской области Украины] носят слухи, что скоро будет устроена “варфоломеевская ночь”, в которую будут уничтожены все сочувствующие советской власти» [Сахаров, Христофоров 2001–2017 (3/1): 258], а в личном дневнике П. Е. Мельгуновой-Степановой содержится запись от 11 марта (26 февраля) 1918 г. о том, что в Москве «про сегодня рассказывают невероятные вещи — будет резня по спискам (ночью — Варфоломеевская ночь), резать (будут) офицеров и т. д.» [Мельгунова-Степанова 2014].

В России и в Советском Союзе в контексте событий периода революции и Гражданской войны выражение *варфоломеевская ночь* использовалось для характеристики фактов насилия, часто в рамках символической коммуникации между разными сторонами конфликтов — сторонниками и противниками актуальной власти, верующими и атеистами, разными этническими группами — для создания образов дегуманизированных других. В связи с этим возникает вопрос о причинах включения этой идиомы в околореволюционный дискурс и ее популярности в раннесоветский период. Связана ли ее популярность в политическом дискурсе 1920-х годов с историческим коннотациями собственного имени в условиях общественной конфронтации? Послужило ли какое-либо историческое событие триггером для актуализации этого выражения? Каковы причины его популярности в низовой коммуникации, в частности, в слухах? С фольклористической точки зрения нам интересны не только контекст публичных текстов и выступлений, в которых говорится о «варфоломеевской ночи», но и низовая коммуникация — слухи и панические настроения. Каковы механизмы распространения подобных слухов в раннесоветское время?

История активного использования идиомы не заканчивается периодом 1920-х годов: оно актуализируется и в конце 1930-х. В частности, особенно интересны слухи 1937 г. во время Всесоюзной переписи населения, которая проводилась в канун православного Рождества (6 января) и включала в себя вопрос о вероисповедании. Активность властей в этот день воспринималась частью населения как святотатственная акция, напрямую связанная с посягательством на религиозную жизнь. Именно тогда ожидания «варфоломеевской ночи» получают временную привязку и связываются с ночью перед Рождеством. В конце работы мы коснемся слухов 1937 г. и поговорим о том, что использование этой идиомы может рассказать нам о светском эсхатологическом воображении.

Инструментально нам близки работы, в которых устойчивые выражения рассматриваются в историческом контексте и в аспекте национальной памяти — см., например, разбор С. Ю. Неклюдовым и М. С. Неклюдовой выражений *мечта поэта* [Неклюдов 2016], *в тени кабинетов* и *удар Жарнака* [Неклюдова 2019; 2021]. В то же время мы анализируем слухи и панические настроения раннесоветского времени, тем самым затрагивая зоны компетенций представителей разных гуманитарных дисциплин.

В целом исследователи сходятся в том, что слухи представляют собой формы установления нарративного контроля над сложной и противоречивой

ситуацией [Gluckman 1968; Pietila 2007; Schieffelin 2020]. Изучению слухов в контексте символической коммуникации и насилия 1914 — 1930-х годов посвящены работы как историков (см., например: [Гайлит 2006; Аксенов 2020; Аксенов, Булдаков 2014; Колоницкий 2017]), так и фольклористов [Архипова 2012; Бессонов 2009; Петрова 2017]. Принципиальное различие их подходов³ сформулировано в работе А. С. Архиповой и А. А. Кирзюк и заключается в понимании прагматики слуховой коммуникации. Историки часто склонны видеть в слухах прямые отражения исторических событий и непосредственных реакций на происходящее, а фольклористы считают, что участие в распространении слухов «позволяет человеку (рассказчику или слушателю) совершить некую “работу” с этой реальностью, артикулируя наличие проблемы или символически решая ее» [Архипова, Кирзюк 2020: 8]. Фольклористы, авторы книги «Фабрика слухов» [Fine et al. 2005], рассматривают это явление как форму коммуникации, которая часто появляется вместе с социальными проблемами, такими как беспорядки, расовое или политическое насилие, социальные и экономические потрясения. Авторы подчеркивают связь слухов с целым рядом социальных проблем — от коррупции в правительстве и корпоративных скандалов до расовых, религиозных и других предрассудков и говорят, что слухи выражают страх и беспокойство обеих сторон, создавая зеркальные образы пугающих и дегуманизированных «других» [Campion-Vincent 2005: 11]. Историки исследуют слухи как неподконтрольную государству неформальную коммуникацию в авторитарных, тоталитарных и посттоталитарных обществах, пытаясь реконструировать имплицитные идеологии различных социальных групп [Царский 2011]⁴.

В этой работе нас интересуют не столько пути распространения и нарративизации форм слуховой коммуникации, сколько генезис группы слухов, связанных с определенной идиомой. Джордж Лакофф считает, что выражения с метафорическим переносом (как новые, так и конвенциональные) могут обладать способностью определять действительность и осуществлять это благодаря связной сети следствий, высвечивающих одни свойства реальности и скрывающих другие. Подобно тому как в анализе Лакоффа выдвинутое президентом Картером понятие «морального эквивалента войны» порождает сеть значений ('враг', 'угроза', 'санкции', 'жертвы' и т. д.) [Lakoff, Johnson 1980: 157–158], так и употребление выражения *варфоломеевская ночь* для обозначения событий раннесоветского периода в печатных высказываниях, сводках и личных дневниках высвечивает следующие смыслы: «массовые убийства беззащитных», «насилие», «резня», «религиозная неприязнь», «последние времена» и даже «святотатство», а кроме того, определяет особый взгляд на действительность, под-

³ Существуют и внутридисциплинарные вариации интерпретаций слухов и методов их изучения. Исторические исследования слухов осуществляются в русле истории повседневности, политической имагологии, истории эмоций, исторической психологии и др. (историографический обзор см., например, в статье [Гайлит 2018]). Фольклористы и антропологи используют интерпретативный, миметический и операциональный подходы (см. об этом: [Архипова, Кирзюк 2020: 14–73]).

⁴ Стоит упомянуть и посвященную слухам базовую литературу, в которой исследуются механизмы распространения, дискурсивные стратегии использования, сглаживание и заострения деталей в процессе эволюции слуха [Allport, Postman 1947; Kapferer 1993; Miller 2005; Shibutani 1966; Неклюдов 2009].

тягивая к интерпретации событий нарративы низовой коммуникации. В этом смысле сеть значений и ее реализацию можно соотнести с «семантическими атомами», которые «способны заполнять универсальные повествовательные схемы, “фольклороподобные” по облику, но собранные из самого различного литературного материала» [Неклюдов 1998: 727].

Популярность выражения в 1900–1920-е годы

Не претендуя на полный охват всех русскоязычных текстов, в которых встречается интересующее нас выражение, мы проследили общие тенденции этого словоупотребления по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ; <https://ruscorpora.ru>). *В(е)арфоломеевская ночь* встречается 57 раз в 48 документах с 1843 по 2018 г.⁵, при этом один из пиков популярности выражения в русскоязычных источниках приходится на раннесоветский период.

В цитатах, представленных в НКРЯ, встречаются два типа использования выражения. Первое — «историческое», когда речь идет либо о событиях 1572 г., либо об их художественных рецепциях в литературе, театре и т. п. Второе — метафорическое в широком смысле⁶, например: «Профессор Эрлих, казалось, нанес хирургии удар сокрушительный: “одним махом всех побиваю”». Варфоломеевская ночь всем болезнетворным началам» [Григорьев 1925: 152]).

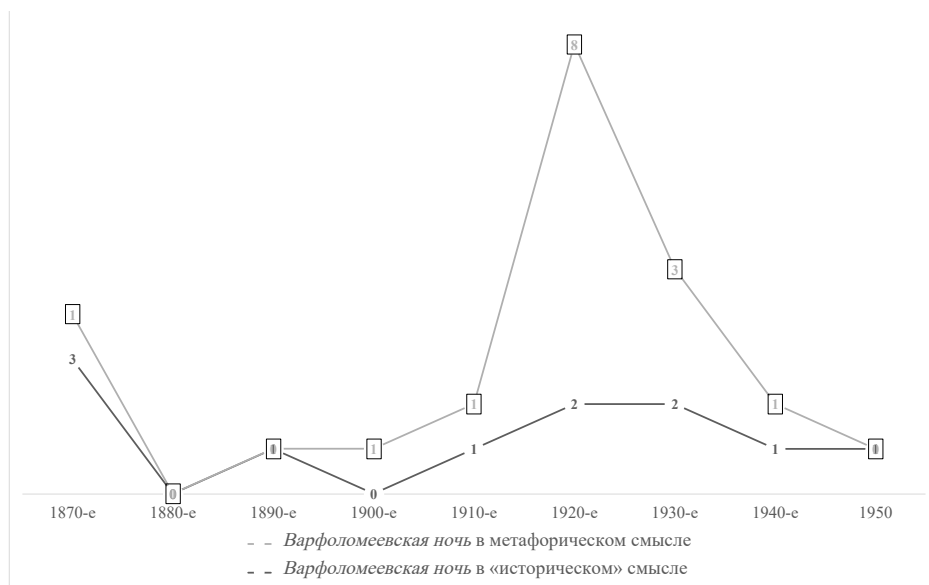
Чтобы увидеть динамику употребления этого выражения по данным корпуса в чуть более широких хронологических рамках, мы расширили диапазон поиска на несколько десятилетий (30 лет до 1900-х и 30 лет после 1920-х годов). Как показано на ил. 1, на 1900–1920-е годы приходится количественный всплеск метафорических использований: 10 против трех «исторических».

Чтобы проверить, проявляется ли эта тенденция на материале других баз данных, мы произвели поиск по крупнейшему корпусу оцифрованных личных дневников «Прожито» (<https://prozhitto.org>). В период с 1870 по 1950 г. в нем обнаружено 47 записей, содержащих выражение *варфоломеевская ночь*. Дневники 1900–1920-х годов также характеризуются увеличением метафорических употреблений: 25 на пять «исторических» (см. ил. 2).

Круг текстов, в которых в первые десятилетия XX в. используется рассматриваемая идиома, достаточно широк: это дневники, мемуары, публицистика, художественная литература. Однако почему ее популярность возрастает именно в период между 1910-ми и 1920-ми годами? Связано ли это с общим тревожным историческим контекстом эпохи (социальными катаклизмами — революцией, Гражданской войной) либо является реакцией на какие-то конкретные происшествия?

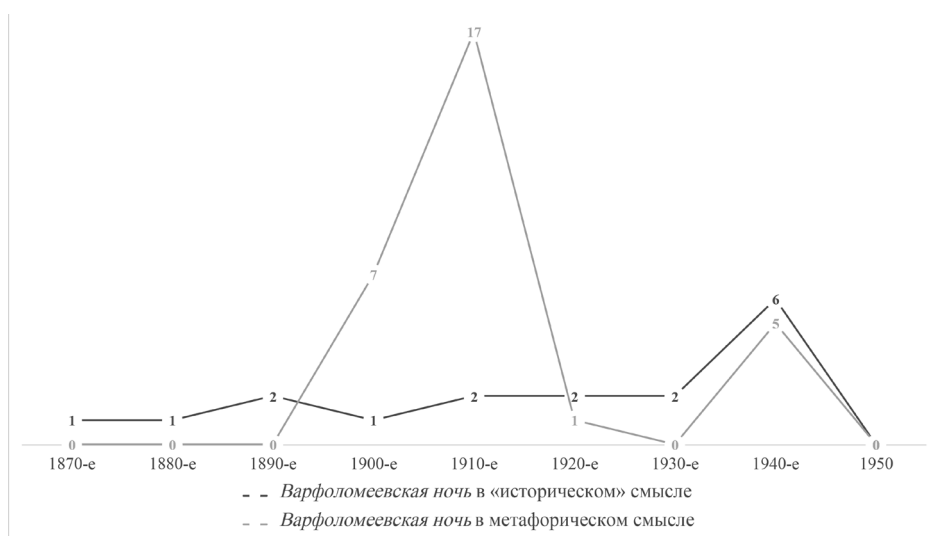
⁵ По данным на январь 2022 г. В НКРЯ содержатся и более ранние фиксации: по запросу в точной форме «варфоломеевской» выдается цитата начала XIX в. — Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» упоминает «злодейства Варфоломеевской ночи во Франции».

⁶ В словаре Е. С. Отина *Варфоломеевская ночь* как обозначение исторического события называется узуальным интерлингвистическим хрононимом (УХ1); *варфоломеевская ночь* как идиома — это узуальный коннотативный хрононим с интерлингвистической коннотацией (УКХ1) [Отин 2006: 105] (ср. [Отин 1991: 42]).

Ил. 1. График распределения употреблений выражения В(в)арфоломеевская ночь (по данным НКРЯ) с 1870-го по 1950 г.

Fig. 1 Distribution of the expression St. Bartholomew's Night (based on data from the National Corpus of the Russian Language) from 1870 to 1950

Ил. 2. График распределения употреблений выражения В(в)арфоломеевская ночь (по данным корпуса личных дневников «Прожито») с 1870-го по 1950 г.

Fig. 2. Distribution of the expression St. Bartholomew's Night (based on data from the corpus of personal diaries "Prozhito") from 1870 to 1950

Крымские события 1917 г. и слухи о «варфоломеевской ночи»

Иногда триггером для появления слухов выступает конкретное историческое событие. Так, «в сентябре 1915 года, после отказа царя идти на диалог с Прогрессивным блоком и прерывания сессии Думы, уже сама “Земщина” распространяла слух о скором введении в России предварительной политической цензуры» [Аксенов 2020: 361], а после взрыва Охтинского завода в апреле 1915 г. «у обывателей не было сомнений в том, что это дело рук немецких шпионов» [Там же: 374]. Возможно ли, что панические рассказы о грядущей «варфоломеевской ночи» стали распространяться в ответ на некоторое пугающее событие?

Ключевым претендентом на роль этого события видятся крымские «варфоломеевские ночи» 1917–1918 гг. В стихотворении Максимилиана Волошина «Матрос» (1919) большевик всегда готов устроить «варфоломеевскую ночь» буржуям:

Широколиц, скуласт, угрюм,
<...>
Он стал большевиком, и сам
На мушку брал да ставил к стенке,
Топил, устраивал застенки,
Ходил к кавказским берегам
С «Пронзительным» и с «Фидониси»,
Ругал царя, грозил Алисе;
Входя на миноноске в порт,
Кидал небрежно через борт:
«Ну как? Буржуи ваши живы?»
Устроить был всегда непрочь
Варфоломеевскую ночь...

[Волошин 2003: 320].

Учитывая тесную связь поэта с Крымом, в частности, тот факт, что после революции 1917 г. он окончательно поселился в Коктебеле, предположим, что в стихотворении *варфоломеевская ночь* — это не просто отвлеченная идиома для обозначения красного террора, но отсылка к конкретным крымским событиям декабря 1917 — февраля 1918 г., когда во время расправ над царскими офицерами Черноморского флота погибло, по разным данным, от нескольких сот до нескольких тысяч человек (см. об этом, например: [Зарубин, Зарубин 1997; Лобыцын, Дядичев 1997; Крестьянников 2004; Крестьянников, Терещук 2009]). Новости о произошедших событиях оперативно появлялись в прессе, а в заголовках фигурировало рассматриваемое выражение. В воспоминаниях В. Эльмановича о зиме 1917 г. в Ростове-на-Дону появляется следующий эпизод:

Завтракая как-то утром в «Чашке Чая», я услышал выкрики газетчиков: «Экстра! Варфоломеевская ночь в Севастополе! Экстра!» Купив газету, я узнал печальные вести: в списке расстрелянных я нашел многих друзей офицеров [Эльманович 1962].

Одно из первых свидетельств очевидца было опубликовано в эмигрантском «Морском сборнике» в Тунисе в 1922 г. в статье под заголовком «Варфоломеевская ночь в Севастополе 23 февраля 1918 года»:

Сколько в эту кошмарную ночь было перебито народу в Севастополе, никто не узнает. Утром грузовые автомобили собирали трупы по улицам, на бульварах, свозили их на пристань и сбрасывали в море (...). Мы не могли себе представить того кошмара, какой был 23 февраля в Севастополе [В. Л-рь 1922: 32–36].

О закреплении за крымскими событиями интересующей нас идиомы говорится и в отчете председателя ЦИК Крымской АССР Ю. П. Гавена (часть, озаглавленная «Варфоломеевская ночь в Севастополе»):

Необходимо подробнее остановиться на одном событии, приведшем в содрогание буржуазию. Как народная молва, так и активные участники этого события прозвали его Варфоломеевской ночью [Гавен 1923: 52].

Постсоветские историки в публикациях о крымском терроре также оперируют этим выражением [Лобыцын, Дядичев 1997; Крестьянников 2004; Крестьянников, Терещук 2009].

Возможно ли, что в первую очередь именно за этими событиями красного террора против черноморских офицеров зимой 1917–1918 гг. закрепилось название *варфоломеевская ночь*? Если принять во внимание эту гипотезу, то популярность выражения в 1920-е годы можно было бы объяснить следующим образом: истории о крымской «варфоломеевской ночи» (выросшие, возможно, из пересказов газетных публикаций с такими заголовками) при устной передаче постепенно теряли первоначальную временную и локальную привязку, затем трансформировались в слухи о грядущих пугающих бедствиях за пределами Крыма.

Однако это предположение не подтверждается. Во-первых, «варфоломеевской ночью» назывались и другие хронологически близкие случаи революционного террора, не связанного с крымскими событиями, — например, репрессии против офицеров в сентябре 1918 г. в Кронштадте после убийства Урицкого [Гефтер 1923]. Во-вторых, в самом Крыму слухи о грядущей «варфоломеевской ночи» предшествовали и сопровождали трагические события, а не были исключительно реакцией на них. Капитан Я. В. Шрамченко, вспоминая начало февраля 1918 г., пишет:

В городе начали носиться слухи, что матросы поговаривают, что пора устроить Варфоломеевскую ночь, для истребления всех проживающих в Севастополе офицеров, купцов и вообще «господ» [Шрамченко 1961: 64].

Видимо, судя по частотному соотношению с трагическими крымскими событиями *варфоломеевская ночь* оказывается включена «в динамику взаимодействия истории и памяти», ей, как и упоминаемому выше *удару Жарнака*,

«свойственно тяготение к материализации, к закреплению в пространстве» [Неклюдова 2021: 228]. Таким образом, революционные слухи о «варфоломеевских ночах» — это не трансформировавшиеся и утратившие конкретику рассказы о крымском красном терроре, а нечто другое. Прежде чем ответить на вопрос, что может быть этим другим, рассмотрим возможные причины популярности этой идиомы в начале XX в.

Художественная культура и учебники истории

Переводы популярных зарубежных (в первую очередь французских) исторических романов о религиозных войнах на русский язык появляются в XIX в., тогда же выходят театральные постановки, которые в начале XX в. дополняются кинофильмами:

— П. Мериме. Хроника царствования Карла IX (1829), перевод фрагмента «Поединок» для № 28 «Литературной газеты» А. Дельвига в 1830 г.

— А. Дюма. Королева Марго (1845), перевод А. Кронеберга (Отечественные Записки. 1845. № 7–9).

— Опера «Гугеноты» (1836), композитор Дж. Мейербер, либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня, исполнение немецкой труппой в Одессе 1842 г., российская премьера «Гвельфы и гиббелины» (1862); советская постановка в Москве в 1922 г.

— Фильм «Гугеноты» (1909), режиссер Л. Фейад.

— Фильм «Королева Марго» (1910), режиссер К. де Мортон.

— Фильм «Королева Марго» (1914), режиссер А. Дефонтен; советская премьера в 1924 г.

— Фильм «Нетерпимость» (1916), режиссер Д. Гриффит (3-я часть: Варфоломеевская ночь); советская премьера в 1921 г.

Помимо кино, источником знакомства с сюжетом Варфоломеевской ночи может оказаться живопись. Российский художник К. Гун написал полотно «Канун Варфоломеевской ночи» в 1868 г., получив за нее звание академика Академии художеств. Кроме того, в России были доступны репродукции работ зарубежных художников, обращавшихся к этой теме (Ф. Дюбуа, Э. Деба-Понсана, Д. Э. Миллеса и др.). Так, газета «Раннее утро» в апрельском номере 1917 г. упоминает о том, что в витринах художественных магазинов появляются изображения событий Французской революции, а вместе с ней и Варфоломеевской ночи [Неизвестный 1917].

Понимая, что знакомство с художественными рецепциями французской истории — удел достаточно ограниченного круга лиц, мы предположили, что существовали более доступные источники, где встречается это выражение, например, учебники истории. Курс всеобщей истории входил в программу средних учебных заведений — гимназий, реальных и военных училищ. Разделы, посвященные религиозным войнам во Франции, есть в соответствующих учебниках (см., например: [Лоренц 1853: 144; Шульгин 1898: 99; Трачевский 1903: 44]). О распространенности в школьной среде знания о Варфоломеевской ночи говорит, в частности, эпизод из автобиографической повести

Л. А. Кассиль «Кондуит и Швамбрания» (1928–1931), действие которой относится к революционному времени: в ответ на запрет «шляться по Народному саду» Комитет Борьбы и Мести решает провести «звонкорезную Варфоломеевскую ночь» («Каждый из нас должен срезать в установленный заранее день звонок со своих дверей» [Кассиль 2015: 21]).

Письменные и художественные источники конца XIX — начала XX в. давали аудитории немало возможностей для знакомства с Варфоломеевской ночью как с историческим событием, что, в свою очередь, могло привести к увеличению его метафорических интерпретаций. Впрочем, для этого были предпосылки: идиома *варфоломеевская ночь* периодически употреблялась уже во второй половине XIX в. — см., например, цитату из «Былого и дум» А. И. Герцена: «В “Страшном суде” Сикстинской капеллы, в этой варфоломеевской ночи на том свете, мы видим сына божия, идущего предводительствовать казнями» (цит. по: [Отин 2006: 105]). В контексте избыточно политизированной эпохи 1900–1910-х годов реферативное поле выражения расширяется, и идиома, согласно концепции Лакоффа, высвечивает свойства актуальной реальности⁷, в частности, политические столкновения, действия царской власти, преследование этнических «других» и т. п.

Дореволюционная риторика оппозиционных и правых партий

Рассматривая письменные источники начала XX в. (художественную и публицистическую литературу, дневники, учебники, газеты), мы обнаружили, что *варфоломеевская ночь* используется в предреволюционном политическом дискурсе и встречается в публицистике левых партий в контексте высказываний о жестокости царского режима, обвиняемого среди прочего в разжигании межнациональной розни и провоцировании еврейских погромов.

Так, Ю. О. Мартов в газете «Искра» от 5 марта 1904 г. сравнивал Японию и царскую Россию не в пользу последней: «Не в ней (Японии. — Н. П., Н. П.) устраивают Варфоломеевские ночи над “иностранцами”, не в ней изуверски преследуют иноверцев» [Тютюкин, Шелохаев 1996: 67–68]. Летучий листок «Революционной России» от 28 июля 1904 г. в воззвании «Ко всем гражданам цивилизованного мира!» пояснял, что В. К. фон Плеве был убит в том числе за то, что «ожесточенно преследовал поляков, армян, евреев, устраивал против последних в Кишиневе и Гомеле настоящие Варфоломеевские ночи» [Ерофеев, Шелохаев 1996]⁸.

Внутри правых партий в то же время курсируют слухи о существовании черносотенных объединений, планирующих «произвести вторую Варфоломеевскую ночь, т. е. в одну ночь заарестовать и вырезать всех главарей рево-

⁷ См. контекст цитаты Лакоффа: «New metaphors, like conventional metaphors, can have the power to define reality. They do this through a coherent network of entailments that highlight some features of reality and hide others» [Lakoff, Johnson 1980: 157].

⁸ Впрочем, в этой риторике выражение использовалось не только идиоматически, но и буквально, служа для сравнения с современными реалиями: Л. Д. Троцкий называл еврейские погромы периода первой русской революции 1905–1907 гг. «черной вакханалией», «перед которой ужасы Варфоломеевской ночи кажутся невинным театральным эффектом» [Троцкий 2015: 96].

люции и в числе их Витте» (дневник генерала Г. О. Рауха, генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и Петербургского военного округа за декабрь 1905 г. [Кириянов, Шелохаев 1998: 607]).

Как показывают приведенные примеры, в дореволюционной политической риторике *варфоломеевская ночь* использовалась для обозначения агрессивных действий со стороны либо непосредственно правящей власти, либо ее радикальных сторонников. Инерционное употребление идиомы для описания действий, предпринимаемых противниками революции, сохранялось и после революции 1917 г. В Одессе в 1918 г. распространялась анархистская листовка «К оружию, народ!», автор которой восклицал: «Они хотят устроить Варфоломеевскую ночь над революционерами, хотят повторить расстрел парижских борцов за свободу» [Кривенький, Шелохаев 1999: 123].

Затем идиому подхватывают большевики, и постепенно из маркера жестокости царского режима *варфоломеевская ночь* становится элементом большевистского властного дискурса и звучит в угрозах в адрес их политических противников.

Большевистская риторика

Агрессивная революционная риторика большевиков неоднократно критиковалась современниками, обеспокоенными ее возможным воздействием на массы. Газета «Петроградский листок» в апреле 1917 г. предостерегала:

Проповеди безделья, призывы к буйству, обращение к низменным инстинктам — это извечные рычаги, которые сдвигали народные массы на дела кровавые и страшные. Из дворца Кшесинской разносятся призывы и проповеди бесчестного мира, измены родине, союзнникам, погромов и насилий. И их слушают! Сознательные возмущаются, но их меньшинство, масса впитывает проповеди и призывы [Зарин 1917: 1].

Помимо обобщенных угроз в адрес политических противников (см., например, опубликованное на первой странице «Правды» после покушения на Ленина заявление: «...за каждую голову наших они будут отвечать сотней голов своих. <...> Да здравствует красный террор против наймитов буржуазии!» [Берегитесь 1918: 1]), в большевистской публицистике революционной эпохи звучали и обещания устроить «варфоломеевскую ночь» конкретным несогласным⁹. Упоминания об этом встречаются как в мемуарах о событиях того времени, так и в синхронных фиксациях личного (дневники) и официального происхождения (отчеты о заседаниях партийных съездов, протоколы допросов очевидцев). Генерал А. И. Деникин вспоминал, что в сентябре 1917 г. в Бердичеве проходили митинги с крайними большевистскими лозунгами, а местная газета «Свободная мысль» «совершенно недвусмысленно угрожала

⁹ Так, известный большевик Л. С. Сосновский на IV съезде Советов употребил выражение *Варфоломеевский день*, обвинив меньшевика Гуровского в том, что в Челябинском уезде «разорваны на куски масса наших товарищей» [Стенографический отчет 1919: 421] (ср. англ. *St. Bartholomew's Day massacre*).

“Варфоломеевской ночью” офицерам» [Деникин 1921: 200]. Подобный эпизод находим и в эмигрантских воспоминаниях П. А. Сорокина: большевики, управлявшие гарнизоном Петропавловской крепости, после упомянутого выше покушения на Ленина зимой 1918 г. выпустили прокламацию, «угрожавшую всем узникам крепости Варфоломеевской ночью и армянской резней» [Сорокин 1991: 115]¹⁰. Описание аналогичных угроз со стороны большевиков встречается в дневнике саратовского конторщика М. Д. Соколова от 18 (31) декабря 1917 г.:

Исполнительный комитет предъявил купцам требование внести совету Р[абочих] и С[олдатских] деп[утатов] 18 мил[лионов] иначе будут приняты жестокие меры. Председатель комитета Антонов даже грозил сделать «Варфоломеевскую ночь». Купцы попросили несколько дней сроку, чтобы обдумать и посоветоваться [Соколов 2018: 4].

Как видно, выражение *варфоломеевская ночь* активно использовалось в большевистском революционном дискурсе — в агитационной печати, в публичных выступлениях — в составе угроз в адрес их политических противников. И эта угроза воспринималась вполне серьезно. В отчете о заседании 14 октября 1917 г. X съезда конституционно-демократической партии приводится выступление профессора В. Г. Коренчевского, среди причин армейской разрухи и раскола между солдатами и офицерами называвшего агрессивную агитацию «комитетов»:

И комитеты заявляют: «С вами можем мы говорить разве только после Варфоломеевской ночи». <...> А между тем реакция на такие вызовы, может быть, была бы поводом к той Варфоломеевской ночи, которая многим может быть столь желательна [Шелохаев 2000: 731].

Выступление на партийном съезде — текст достаточно ангажированный, однако опасения, что большевистские воззвания могли повлиять на общественные волнения, высказывались и частными лицами. См., например, протокол допроса сестры милосердия Е. И. Шеляховской следователем Петроградского окружного суда о событиях 21 апреля 1917 г.:

21 апреля я вышла из Управления Красного креста, где была по своим делам, и направилась по Инженерной к Садовой. Тут я увидела народную толпу, по-видимому, рабочих, вооруженных винтовками и револьверами. На мой вопрос, с какого завода рабочие, то один из толпы, отнесясь с недоверием к моему вопросу, сказал, что «мы пойдем устраивать Варфоломеевскую ночь, будем резать буржуев и министров»; я попробовала было возразить ему, указав, что министров сами же вы выбирали, на что получила грубый ответ. Вскоре после этого я слышала открывшуюся стрельбу на Невском пр[оспекте] [Иванцова 2012: 340].

¹⁰ Питирим Сорокин мог усвоить это выражение и позже, однако контекст употребления говорит об обратном.

Низовая реакция на угрозу «варфоломеевской ночи» и слухи о грядущей расправе

Атмосфера общественного беспокойства на фоне публичных угроз со стороны большевиков устроить «варфоломеевскую ночь» для несогласных становится почвой для формирования низовой реакции и приводит к появлению множества слухов, особенно активизировавшихся после Октябрьской революции и прихода большевиков к власти. Это подтверждается записью в дневнике И. А. Бунина от 4 (17) ноября 1917 г.: «Из Москвы бегут — говорят о “Варфоломеевской ночи”» [Бунин 2006: 225]. Т. А. Аксакова, напротив, пишет об отъезде в Москву как о бегстве от грядущей расправы:

В начале февраля [1918 г.] весь Козельск заговорил о «Варфоломеевской ночи», когда все дворяне и буржуи будут уничтожены. Не ясен был только вопрос об участии детей до четырех лет. По одной версии им предстояло быть убитыми, а по другой — нет¹¹. <...> Решено было срочно ехать в Москву [Аксакова 1988: 289–290].

Приведенные выше примеры позволяют нам говорить о своего рода острейшем распространении слухов (см.: [Ellis 1989]) о «варфоломеевской ночи»: они вызывают панику и заставляют людей предпринимать практические действия (отъезд), чтобы избежать грозящей беды. В ряде источников можно проследить прямую хронологическую преемственность от угроз новых советских властей устроить расправу над политическими противниками до распространения слухов и панической реакции на них. В дневнике Е. И. Лакиер от 25 февраля 1918 г. говорится об установлении советской власти в Одессе и обещаниях командующего Румынским фронтом М. А. Муравьева «буржуям устроить Варфоломеевскую ночь и перерезать всех до единого. И не только буржуев, но и офицерство, и всю интеллигенцию», а уже 14 марта семья автора спасается в доме знакомых от большевистской расправы: «И мы снова потащились с необходимыми вещами к ним, конечно, в первую голову бабушкин кот Барсик в корзинке» [Лакиер 2013: 54].

Подобные ситуации, когда угрозы советских властей провоцировали слухи о готовящейся «варфоломеевской ночи» и попытки спастись от нее, продолжают фиксироваться в начале 1920-х годов. В информационной сводке Всетатарской ЧК о положении в республике за период с 1 по 15 декабря 1920 г. показано, как в с. Алексеевском после посвященного продрозверстке собрания, где звучали обещания выселить крестьян из села и «устроить новую Варфоломеевскую ночь», разнеслись слухи о готовящемся насилии, а крестьяне бежали из своих домов в лес, ища укрытия [Данилов, Шанин 2002: 614].

Слухи о «варфоломеевской ночи» органично вписываются в общий контекст раннесоветских эсхатологических настроений 1917 — 1930-х годов — скорее светских, чем религиозных, — когда послереволюционный слом привычного порядка и крушение прежнего мира актуализирует представления о «последних временах», проявляющихся в рассказах о всевозможных грядущих

¹¹ Цитата из мемуаров Аксаковой примечательна еще и тем, что слух контаминируется с библейским мотивом избития младенцев (Исх 1:15–22; Иер 31:15; Мф 2:16).

щих бедствиях — конце света и приходе Антихриста, более «рациональные» страхи голода, войны, массовых расправ (см. о росте эсхатологических настроений в первые послереволюционные десятилетия: [Fitzpatrick 1994: 13; Верт 2010: 89–102; Виола 2010: 73], а также анализ типологически схожей ситуации глобальных перестроек общества в послевоенной Германии [Блэк 2022]). Перечень мотивов подобных слухов приводится в работе Н. С. Петровой:

- А.Ш. Эсхатология
 - А.Ш.1. Грядёт голод
 - А. Ш.2. Грядёт война
 - А.Ш.3. Грядёт конец света
 - А.Ш.4. Приход Антихриста и мир перед гибелью
 - А.Ш.4.1. Советская власть — власть Антихриста. Коммунисты — слуги Антихриста
 - А.Ш.4.2. Ленин / Сталин — Сатана / Антихрист
 - А.Ш.4.3. Колхоз — дело Антихриста / небогоугодное дело
 - А.Ш.4.4. Перепись — дело Антихриста
 - А.Ш.4.5. Лагерь — царство антихриста
 - А. Ш.5. Грядут другие бедствия
 - А.Ш.6. Способы спасения [Петрова 2017: 67–84].

На этом фоне «варфоломеевская ночь» — одна из разновидностей грядущих бед, которая, в свою очередь, представлена несколькими вариантами соотношения субъектов и объектов массовой расправы (уничтожение этнических противников / верующих / безбожников / сторонников власти / противников власти)¹². Механизм распространения этих слухов напоминает ситуацию с толками о конце света рубежа XIX–XX вв.: первоначально эта тематика преобладала в публицистических работах, но не в так называемых низовых (grass-root) сообществах. Появление в устном дискурсе таких эсхатологических нарративов объясняется откликом на информационный бум, спровоцированный, как пишет Е. А. Мельникова [2009], популярным увлечением астрономией и научными открытиями. В нашем случае слухи о «варфоломеевской ночи» появляются в связи с распространением этого выражения в политическом дискурсе.

Рассмотрим подробнее фиксации подобных слухов раннесоветского времени. Мы нашли 54 текста, относящихся к 1900–1930-м годам: 29 в источниках личного происхождения (дневниках, мемуарах, письмах во власть) и 25 в источниках официального происхождения (преимущественно в информационных сводках ВЧК — ОГПУ — НКВД, а также в отдельных газетных публикациях). Слухи имели довольно широкое географическое распространение: от Украины до Дальнего Востока, от Петербурга до Северного Кавказа. Выделить какие-то отдельные очаги бытования при имеющемся количестве текстов затруднительно.

Помимо *варфоломеевской ночи* в анализируемых источниках встречаются и другие обозначения жестокой расправы. Ночь может называться *еремеевской* и *халамеевской* или же *воробыиной* и *красной*.

¹² Примеры разбора других раннесоветских эсхатологических слухов см. в [Смит 2005; Гайлит 2006; Бессонов 2009; Петрова 2012].

Современники объясняли вариант *еремеевская (ночь)* «неграмотной», упрощающей заменой слова *варфоломеевская* [Шрамченко 1961: 64].

В декабре месяце [1917 г.] обнаглевшие местные Екатеринодарские большевики стали говорить о необходимости организовать «Еремеевскую» (Варфоломеевскую) ночь с целью ликвидации как головки — Войскового Атамана и Полевого штаба — так и вообще всех находящихся в этом городе офицеров и их семей. (Кое-кто из товарищей, наверное, слышал про прогремевшую в средних веках «Варфоломеевскую ночь». Видимо, правильное произношение этого названия было недоступно «товарищам», и они переделали его на «Еремеевскую», — это проще и понятнее) [Сербин 1963: 9].

Просторечно звучащая *еремеевская ночь* однажды превратилась в более «благородную» *иеремеевскую*¹³, попав в письмо А. И. Куприна 1918 г.:

Все они (зарайские помещики. — *Н. П., Н. П.*), как наизусть, упрекали меня в клевете на народ, уверяли, что если других и постигнут иеремеевские ночи, то у меня-то, мол, все обойдется спокойно: я знаю мой народ, и мой народ меня знает [Кайманова 2020: 311].

Другим просторчным аналогом *варфоломеевской ночи* является *халамеевская* (см., например, очерк И. С. Соколова-Микитова «Бедовое» 1921 г. [Соколов-Микитов 1921: 18]); *Халамей* — народная форма имени *Варфоломей*.

Особняком стоят два других варианта — *воробынная* и *красная*. Первый встречается в информационной сводке Отдела информации и политконтроля ОГПУ № 24 с 17 по 26 августа 1927 г.:

Сальский округ. 7 августа. В ст. Рязанской казак (быв[ший] бандит) в связи с усиливающимися слухами о войне угрожает иногородним: «Мы вот скоро вам устроим воробынную ночь, уничтожим даже тех, кто в люльке качается, за одну ночь уничтожим всех от мала до велика. Я родился казаком и умру казаком, а с законами соввласти я никогда не согласен» [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 579].

Чтобы понять, почему выражение *воробынная ночь* используется в контексте расправы с «чужими», необходимо обратиться к его фольклорным коннотациям. В восточнославянском фольклоре *воробынная (рябиновая/рябая) ночь* — это ночь с сильной грозой или зарницами; темная, страшная, бесконечная, беспокойная, бессонная; время, когда черт меряет воробьев либо когда черти гуляют [Агапкина, Топорков 1989]. Негативные (вплоть до демониче-

¹³ Вероятно, замена *еремеевской* ночи на *иеремеевскую* у Куприна объясняется гиперкоррекцией. *Иеремеевская ночь* отсылает к эсхатологической по своему содержанию библейской Книге пророка Иеремии. Среди всевозможных бедствий, грозящих забывшим Бога, там звучат и угрозы массового уничтожения неверных: «Выходит лев из своей чаши, и выступает истребитель народов: он выходит из своего места, чтобы землю твою сделать пустынею; города твои будут разорены, останутся без жителей» (Иер 4:7).

ских) смыслы представлений о «воробыиной ночи»¹⁴ способствуют соотнесению в приведенном примере этого мифологизированного времени со слухами о грядущей массовой расправе.

В некоторых текстах массовая бойня называется *красной ночью*. В украинской информационной сводке 1930 г. говорится:

В с. Заньки Потиевского района Клименко Федор, кулак, говорит о том, что вскоре коммунисты организуют «красную ночь», во время которой будут убиты не только бандиты и антисоветски настроенные, но и все кулаки и попы [Берелович, Данилов 1998–2012 (3): 141].

Можно предположить, что здесь реализуется метонимический перенос: угроза расправы приписывается представителям советской власти, т. е. «красным». Кроме того, формы новой советской обрядности официально именовались «красными»: *красные крестины*, *красная свадьба* и т. п. Есть любопытный пример 1920-х годов из письма воронежского бригадира Шиленкова в ЦК ВКП(б) относительно срыва красного дня из-за распространения слухов о «варфоломеевской ночи»:

Крестьяне бросились в поле, чтобы переночевать вне домов, говоря, что в эту ночь всех будут резать и вешать, «а кто и сами не знаем». Председатель ВИКа (волостного исполнительного комитета. — Н. П., Н. П.) всех прогнал обратно с поля в деревню, давая крестьянам разъяснение о значении этого дня и крестьяне вернулись (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 69. Д. 703. Л. 74)¹⁵.

Слухи раннесоветского времени о *варфоломеевской ночи* (с учетом немногочисленных вариаций идиомы) можно разделить на несколько групп в зависимости от того, кто является объектом предполагаемой расправы.

1. Расправа над этническими чужими

В первой группе слухов насилие грозит представителям некоторой этнической общности. В начале XX в. отсылки к Варфоломеевской ночи появляются при описании агрессии против иностранцев на территории Китая 1900 г., за которой последовала интервенция в том числе российских войск (см., например, дневник корреспондента «Нового края» Д. Янчевецкого [1903: 166]) или в дневнике Н. Г. Гарина-Михайловского, где от лица его собеседника высказываются опасения, что китайцы в Харбине могут устроить «варфоломеевскую ночь» и «прирезать» путешественников [Гарин 1916: 46])

В период Гражданской войны выражение встречается в документах о расправах над еврейским населением, которые напрямую сравниваются с Вар-

¹⁴ Ареал распространения этих представлений довольно широк, кроме того, *воробыиная ночь* встречается в произведениях И. С. Тургенева и К. Г. Паустовского.

¹⁵ Авторы признательны Алексею Макарову, поделившемуся данным примером.

фоломеевской ночью. Так, представитель Отдела помощи погромленным при Российском обществе Красного креста на Украине А. Д. Юдицкий записывает сообщение И. Гальперина. Свидетель сообщает о погромах частями вооруженных сил Юга России в местечке Смела Киевской губернии в августе — декабре 1919 г.: «Эта пятница превратилась бы для Смелы в Варфоломеевскую ночь, если бы казаки остались тут еще час-другой» [Милякова 2007: 329]. Тот же троп находим в сообщении уполномоченного Э. Склера с приложением письма Миши (фамилия не установлена) о налете отряда Лисицы на д. Тро-стяницу Радомысльского уезда Киевской губернии 24 мая 1919 г.: «Ровно неделю тому назад я пережил буквально Варфоломеевскую ночь» [Там же: 156].

В публичной печати того времени встречается и идиоматическое употребление *варфоломеевской ночи*. Так, в журнале «Еврейская трибуна» от 3 июня 1918 г. содержится заметка о попытках организации еврейской самообороны в Курске «ввиду угрозы Варфоломеевской ночью и явно антисемитской агитации (факты, установленные в приказах т. Подвойского¹⁶)» [Там же: 763]. Подобные угрозы, согласно информационным сводкам, позже повторялись и на низовом уровне в ситуациях обострения межнациональных отношений:

[Крым, 1927 г.] Среди крестьян (главным образом зажиточных) Шибанского сельсовета циркулируют слухи, что якобы Америкой отпущено 25 млн руб. для переселения евреев. На этой почве житель дер. Казанки Русские заявил: «Нужно устроить для евреев-переселенцев варфоломеевскую ночь» [Сахаров, Христофоров 2001–2017 (5): 412].

Слухи периода Гражданской войны инвертировали такие угрозы, сообщая о подготовке «варфоломеевской ночи» самими евреями. В сводном докладе сотрудника Отдела помощи погромленным при Российском обществе Красного Креста на Украине А. И. Гиллерсона о погроме в г. Овруче Волынской губернии в декабре 1918 — январе 1919 г. сообщается, что «поляки и бывшие царские чиновники в своих наветах на евреев распространили слух, что евреи задумали устроить над христианами Варфоломеевскую ночь и наметили до 150 жертв» [Милякова 2007: 40].

«Варфоломеевская ночь» фигурирует и в слухах других полиэтнических регионов:

Даже в Татарии, где взаимоотношения между русскими и туземцами наиболее урегулированы (конечно, сравнительно), в Челнинском кантоне отмечались слухи об устройстве «варфоломеевской ночи» над русскими (Приложение «Восточные автономные республики» к обзору ОГПУ политэкономического состояния СССР за октябрь 1924 г. Цит. по: [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 257]).

2. Расправа над противниками власти

Другая выделенная нами группа слухов — это рассказы об ожидающей оппозицию жестокой расправе со стороны властей. Выше были рассмотре-

¹⁶ Н. И. Подвойский — нарком по военным делам РСФСР в 1917–1918 гг.

ны подобные примеры, относящиеся к периоду Гражданской войны, но они имели место и в первые годы советской власти. В сводке Отдела информации и политконтроля ОГПУ № 29 с 1 по 21 октября 1927 г. о ситуации в Бийском округе говорится:

В связи с распространяемыми антисоветским элементом провокационными слухами о том, что «соввласть выработала план уничтожения всего казачества путем устройства Варфоломеевской ночи», казаки в некоторых станицах стали группироваться под лозунгом «организация самозащиты» [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 592–593].

3. Расправа над сторонниками власти

В третьей группе текстов выражена прямо противоположная предыдущей идея, что опасность грозит самим представителям власти. Скажем, член рабочей бригады «Крестьянской газеты» М. П. Кичигин в 1929 г. в обличительном письме сообщает о председателе колхоза «Победа», ведущем аморальный образ жизни и носящем при себе 900 рублей казенных денег на случай, если придется спасаться бегством от единоличников, желающих устроить ему «Варфоломеевскую ночь» [Соколов 1998: 31]. Такие опасения сторонников власти авторы обзоров политических настроений объясняли антисоветскими слухами:

Кулачество села [Памятка Аркадакского района Нижневолжского края] распускало провокационные слухи о «варфоломеевской ночи», в которую должны быть перебиты все бедняки, члены колхоза и коммунисты [Берелович, Данилов 1998–2012 (2): 962].

4. Расправа над верующими

В 1937 г. наблюдается новый виток актуализации слухов о «варфоломеевской ночи», где в качестве жертв грядущей расправы называются верующие. Причиной, вызвавшей рост эсхатологических настроений в это время, можно назвать Всесоюзную перепись населения. Она проводилась в канун православного Рождества (6 января) и содержала вопрос о конфессиональной принадлежности, что на фоне государственной антирелигиозной кампании спровоцировало разнообразные конспирологические истолкования¹⁷.

Активный церковник Чуриков из с. Невлево говорил в группе колхозников: «Перепись будет производиться в ночь на 7 января, т. е. под Рождество Христово. Это не случайно. Очевидно, будет Варфоломеевская ночь». Аналогичная контрреволюционная агитация в связи с переписью ведется в селах Пушкинского, Рузского, Наро-Фоминского, Шатурского и других районов Московской обл.

Работница фабрики «Солидарность» Грачева говорила: «В январе будет перепись населения, будут узнавать, кто верующий, и тех

¹⁷ Подробнее об этом см.: [Петрова 2013].

казнят, устроив Варфоломеевскую ночь». Другая работница говорила: «Если запишешься верующей, ночью придут к тебе с наганом». Рабочий этой же фабрики Каневский говорил: «Раньше говорили старики, что придет антихрист и будет переписывать народ, вот он и пришел». Работница Дунаева заявила следующее: «Если запишешься верующей, с фабрики уволят».

В д. Куприяново колхозница Маркова говорила: «Для всех, кто запишется верующим, устроят Варфоломеевскую ночь». В г. Гороховце бывшая торговка Светлова говорила, что «после переписи верующим хлеба продавать не будут» [Данилов и др. 2004: 87].

5. Расправа над неверующими

Помимо боязни пострадать за веру, нежелание участвовать в переписи объяснялось и слухами о возможных репрессиях в адрес неверующих. Докладная записка Управления народнохозяйственного учета БССР в Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР об отношении населения к проведению Всесоюзной переписи населения 1937 г. от 3 февраля 1937 г. сообщает:

Отказы давать ответы на вопросы счетчика мотивировались религиозными убеждениями. Распространялись слухи, что при переписи надо записываться верующими, иначе, когда придут японцы или поляки, «неверующих перебьют». В том же районе (Чечерском. — *Н. П., Н. П.*) пущен слух, что от переписи нужно скрываться, она будет проходить одну ночь, и эта ночь будет Варфоломеевская [Жиромская, Поляков 2007: 297].

Хронологически распределив выделенные тематические блоки слухов о «варфоломеевской ночи», можно увидеть, что в 1900-е годы преобладают рассказы о расправе над иноэтническими группами, в 1910–1920-е — об уничтожении политических противников, в 1930-е — о религиозных преследованиях, что в целом соответствует общим изменениям актуальной социально-политической повестки (национальный вопрос в Российской империи начала XX в., революция и Гражданская война, антирелигиозная политика раннесоветского государства). Слухи о «варфоломеевской ночи», таким образом, артикулируют значимые общественные проблемы и служат маркером социальной обеспокоенности.

Выводы

1. *Варфоломеевская ночь* и ее вариации — идиома, которая, актуализируясь в раннесоветский период, покрывает собой ряд событий и порождает сеть значений, связанных с дискурсивными практиками соперничающих политических, этнических и конфессиональных групп. Ее использование различными акторами позволяет эксплицировать эсхатологические валентности политических процессов, релевантные для жителей молодого советского государства в начале XX в.

2. При рассмотрении изменяющихся контекстов употребления идиомы в революционном политическом дискурсе мы наблюдаем развитие ее реферативного поля. Из маркера жестокости царского режима *варфоломеевская ночь* становится элементом нового властного дискурса — прямой угрозой политическим противникам. То есть происходит присвоение риторической фигуры при смене адресата — из того, чем пугают от третьего лица, она превращается в то, чем угрожают от первого лица. *Варфоломеевская ночь* используется как риторическая фигура в дореволюционном политическом антиправительственном дискурсе, отсюда заимствуется в публичные тексты большевиков (позднее — в публичные тексты советской власти), употребляясь уже в качестве агрессивного предостережения несогласным.

3. Использование этого выражения в рамках угрозы в условиях (пост)революционной нестабильности вызывает бурную слуховую реакцию, в ходе которой рассказы о грядущей массовой расправе над противниками режима могли привязываться к реальным событиям (крымские 1917–1918 гг., кронштадтские 1918 г., перепись населения 1937 г.), причем как предвзяя их, так и следуя за ними. В процессе устного распространения слухи варьируют: появляются варианты названия ночи, меняются объекты и субъекты близящейся бойни, чередуется локальная и временная привязка.

4. Слуховая реакция населения на публичные тексты и выступления акторов политического процесса выражалась в массовых паниках в связи с ожидающимися расправами над различными социальными/этническими/конфессиональными группами. В результате остенсивной реакции на слухи фиксируются отдельные попытки спастись от этих опасностей (уехать из города, спрятаться в лесу).

5. Слухи о «варфоломеевской ночи» делятся на пять групп в соответствии с объектами, на которые направлена агрессия: этнические, политические (сторонники либо противники действующей власти) либо религиозные (верующие либо неверующие) противники. Слухи каждой группы появляются в массовом дискурсе в порядке, который соответствует ключевым изменениям социально-политической повестки первых десятилетий XX в. Это, в свою очередь, показывает, как через слуховую реакцию населения выражается общественное беспокойство и артикулируется проблема конфликтного разделения общества на враждебные группы.

Источники

- Аксакова 1988 — Аксакова Т. А. Семейная хроника: В 2 кн. Кн. 1. Париж: Atheneum, 1988.
- Берегитесь 1918 — Берегитесь! // Правда. 1918. 16 янв. № 1 (228). С. 1.
- Берелович, Данилов 1998–2012 — Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова [и др.]. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998–2012.
- Бунин 2006 — Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9: Воспоминания; Дневник (1917–1918 гг.); Дневники (1881–1953 гг.). М.: Воскресенье, 2006.
- В. Л-рь 1922 — В. Л-рь. Варфоломеевская ночь в Севастополе 23 февраля 1918 года (из воспоминаний очевидца) // Морской сборник [Бизерта]. Вып. 4. 1922. С. 32–36.

- Волошин 2003 — *Волошин М.* Собр. соч. Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1899–1926. М.: Эллис Лак-2000, 2003.
- Гавен 1923 — *Гавен Ю.* Первые шаги Советской власти в Крыму // Революция в Крыму. Историческая библиотека Истпарта О. К. Крыма. Вып. 2. Симферополь: Крымиздат, 1923. С. 52–56.
- Гарин 1916 — *Гарин Н. Г.* Полн. собр. соч. Т. 6: Дневник во время войны. Пг.: Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1916.
- Гефтер 1923 — Еремеевская ночь: Воспоминания курьера мичмана А. Гефтера // Архив русской революции, издаваемый Г. В. Гессеном. Т. 10. Берлин: Слово, 1923. С. 114–119.
- Григорьев 1925 — *Григорьев С. Т.* Казарма // Круг: Альманах артели писателей. Вып. 4. М.; Л.: Круг, 1925. С. 117–197.
- Данилов, Шанин 2002 — Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
- Данилов и др. 2004 — Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 5. Кн. 1: 1937. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
- Деникин 1921 — *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1: Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917: [В 2 вып.]. Вып. 2. Париж: Я. Поволоцкий, 1921.
- Ерофеев, Шелохаев 1996 — Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1900–1922 гг.: В 3 т. Т. 1: 1900–1907 гг. / Сост., автор предисл., введ. и коммент. Н. Д. Ерофеев; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 155–157.
- Жиромская, Поляков 2007 — Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. документов и материалов / Сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- Зарин 1917 — *Зарин А.* Тем же оружием // Петроградский листок. 1917. № 89. С. 1.
- Иванцова 2012 — Следственное дело большевиков: Материалы предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти, июль — октябрь 1917 г.: Сб. документов: В 2 кн. Кн. 1 / Под ред. О. К. Иванцовой. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- Кайманова 2020 — «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, документах / Сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза: [б. и.], 2020.
- Кассиль 2015 — *Кассиль Л.* Кондуит. Швамбрания / Ред. И. Бернштейн. М.: Изд. проект «А и Б»; Август, 2015.
- Кириянов, Шелохаев 1998 — Правые партии. 1905–1917 гг.: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг. / Сост., автор предисл., введ. и коммент. Ю. И. Кириянов; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998.
- Крестьянников, Терещук 2009 — Варфоломеевские ночи в Севастополе. Декабрь 1917–февраль 1918 гг.: Документы и материалы / Сост. В. В. Крестьянников, Н. М. Терещук. Севастополь: ЧП Арефьев, 2009.
- Кривенький, Шелохаев 1999 — Анархисты: Документы и материалы. 1883–1935 гг.: В 2 т. Т. 2: 1917–1935 гг. / Сост., авт. предисл., введ. и коммент. В. В. Кривенький; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1999.
- Лакиер 2013 — Лакиер Елена Ивановна // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / Под ред. О. Р. Демидовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 133–179.
- Лоренц 1853 — Руководство к всеобщей истории / Соч. Др. Фридриха Лоренца ... 2-е изд. Ч. 3, отд-ние 1. СПб.: Тип. Военно-Учебных заведений, 1853.
- Мельгунова-Степанова 2014 — *Мельгунова-Степанова П. Е.* Дневник, 1914–1920. М.: Кучково поле; Люкс-Принт, 2014. Цит. по: Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/518>.

- Милякова 2007 — Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг. / Отв. ред. Л. Б. Милякова. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- Неизвестный 1917 — *Неизвестный*. Революция «улицы» // Раннее утро. 1917. 1 апр. Цит. по: Газетные старости. URL: <http://starosti.ru/archive.php?u=1903&m=04&d=18>.
- Сахаров, Христофоров 2001–2017 — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов: В 10 т. / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2001–2017.
- Сербин 1963 — *Сербин Ю.* Генерал В. Л. Покровский // Вестник первоходника. № 25. 1963. С. 7–13.
- Соколов 1998 — Общество и власть: 1930-е гг.: Повествование в документах / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1998.
- Соколов 2018 — Из дневника М. Д. Соколова // Информационный вестник Саратовского областного музея краеведения. Вып. 163. 2018. Январь. С. 4.
- Соколов-Микитов 1921 — *Соколов-Микитов И.* Бедовое // Сполохи. 1921. № 1.
- Сорокин 1991 — *Сорокин П. А.* Долгий путь: Автобиограф. роман / Пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР; Шыпас, 1991.
- Стенографический отчет 1919 — Четвертый Всерос. съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Москва, 1918 г.: Стенограф. отчет. М.: Гос. изд-во, 1919.
- Трачевский 1903 — Всеобщая история: популярные лекции для самообразования / [Соч.] А. С. Трачевского. СПб.: Паровая скоропечатня Г. Пожарова, 1903.
- Троцкий 2015 — *Троцкий Л.* Царская рать за работой // Троцкий Л. Д. Наша первая революция. Ч. 2. М.: Директ-Медиа, 2015. С. 90–101.
- Тютюкин, Шелохаев 1996 — Меншевики: Документы и материалы. 1903 — февраль 1917 гг. / Сост., авт. введ. ст. и коммент. С. В. Тютюкин; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 1996. С. 67–68.
- Шелохаев 2000 — Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг.: В 3 т. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. / Сост. Н. И. Канищева, О. Н. Лежнева; Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2000.
- Шрамченко 1961 — *Шрамченко Я. В.* Жуткие дни... Агония Черноморского флота // Морские записки. Т. 19. № 1/2. 1961. С. 41–80.
- Шульгин 1898 — Курс истории новых времен для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений / Сост. В. Шульгиным. 7-е изд. Киев: Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерёв и К^о в Москве, Киевское отделение; СПб.: Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1898.
- Эльманович 1962 — *Эльманович В.* Морская рота Добровольческой армии // Вестник первоходника. № 12. 1962 г. [Цит. по. электрон. версии]. URL: <http://verere.ru/publ/58-1-0-505>.
- Янчевецкий 1903 — У стен недвижного Китая: Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 году Дмитрия Янчевецкого. СПб.; Порт-Артур: Изд. П. П. Артемьева, 1903.

Словари

- Отин 2006 — *Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А Темп», 2006.
- ССРЛЯ 1951 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. С. Г. Бархударова и др. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951.

Литература

- Агапкина, Топорков 1989 — *Агапкина Т. А., Топорков А. Л.* Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы / Отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1989. С. 230–253.
- Аксенов 2020 — *Аксенов В. Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Нов. лит. обозрение, 2020.
- Аксенов, Булдаков 2014 — *Аксенов В. Б., Булдаков В. П.* Революция и слухи // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2014. С. 772–776.
- Архипова 2012 — *Архипова А.* Последний «царь-избавитель»: советская мифология и фольклор 20–30-х гг. XX в. // Антропологический форум. № 12 online. 2012. URL: https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arkhipova.pdf.
- Архипова, Кирзюк 2020 — *Архипова А., Кирзюк А.* Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР. М.: Нов. лит. обозрение, 2020.
- Бессонов 2009 — *Бессонов И. А.* Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2–3. С. 23–25.
- Блэк 2022 — *Блэк М.* Земля, одержимая демонами: Ведьмы, целители и призраки прошлого в послевоенной Германии / Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
- Верт 2010 — *Верт Н.* Террор и беспорядок: сталинизм как система / Пер. с фр. А. И. Пигалева. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Виола 2010 — *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Пер. с англ. А. В. Бардина. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Гайлит 2006 — *Гайлит О. А.* Вести, пророчества, чудеса: К вопросу о религиозных сюжетах в слухах 1920–1930-х годов // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 142–149.
- Гайлит 2018 — *Гайлит О. А.* Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2018. № 4(20). С. 42–52.
- Зарубин, Зарубин 1997 — *Зарубин А. В., Зарубин В. В.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Таврия, 1997.
- Колоницкий 2017 — *Колоницкий Б. И.* #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017.
- Крестьянников 2004 — *Крестьянников В. В.* «Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Россия — Крым — Балканы: Диалог культур: Науч. докл. междунар. конф. (Севастополь, 6–10 сент. 2004 г.) / [Ред. кол.: В. П. Степаненко]. Екатеринбург: Волот, 2004. С. 328–336.
- Лобыцын, Дядичев 1997 — *Лобыцын В. В., Дядичев В. Н.* «Еремеевские ночи» // Родина. 1997. № 11. С. 28–32.
- Мельникова 2009 — *Мельникова Е.* Эсхатологические ожидания рубежа XIX–XX веков: конца света не будет? // Антропологический форум. № 1. 2009. С. 250–266.
- Неклюдов 1998 — *Неклюдов С. Ю.* «Сдается пылкий Шлиппенбах...»: К истории одной метафоры // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова / Отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Индрик, 1998. С. 715–729.
- Неклюдов 2009 — *Неклюдов С. Ю.* Традиции устной и книжной культуры // Слово устное и слово книжное / Сост. М. А. Гистер. М.: РГГУ, 2009. С. 15–33.
- Неклюдов 2016 — *Неклюдов С. Ю.* Традиция как цепная реакция: «мечта поэта» // Острова любви БорФеда: Сб. к 90-летию Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А. П. Дмитриев, П. С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. С. 620–629.

- Неклюдова 2019 — Неклюдова М. «В тени кабинетов»: из истории политического воображения XVI–XVIII веков // Понятия, идеи, конструкции: Очерки сравнительной исторической семантики / Под ред. Ю. Кагарлицкого, Д. Калугина, Б. Маслова. М.: Нов. лит. обозрение, 2019. С. 296–325.
- Неклюдова 2021 — Неклюдова М. С. «Удар Жарнака»: память места и борьба исторических интерпретаций // Диалог со временем. № 76. 2021. С. 287–299.
- Отин 1991 — Отин Е. С. Материалы к коннотационному словарю русских онимов // Номинация в ономастике: Сб. науч. тр. / [Отв. ред. М. Э. Рут]. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 41–51.
- Петрова 2012 — Петрова Н. Сезонная активность антихриста (эсхатологические настроения в Рязанском округе в 1929–1930 гг.) // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика: Конф. студентов и аспирантов [Санкт-Петербург, 22–24 марта 2012 г.]: Сб. тезисов. СПб.: [б. и.], 2012. С. 74–77. URL: <https://eusp.org/news/antropologiya-folkloristika-socialingvistika-22-24-marta-2012>.
- Петрова 2013 — Петрова Н. Апокалиптическая перепись 1937 г. // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: Сб. ст. / Сост. А. Архипова. М.: РГГУ, 2013. С. 179–187.
- Петрова 2017 — Петрова Н. С. Мифологические модели в неподцензурных текстах о советской власти 1917–1953 гг.: Дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2017.
- Смит 2005 — Смит С. Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. № 3. 2005. С. 280–306.
- Царский 2011 — Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории: Сб. ст. / Редкол. И. Царский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2011.
- Allport, Postman 1947 — Allport G. W., Postman L. J. The psychology of rumor. New York: Henry Holt and Company, 1947.
- Campion-Vincent 2005 — *Campion-Vincent V.* Introduction // Rumor mills: The social impact of rumor and legend / Ed. by G. A. Fine, V. Campion-Vincent, C. Heath. New Brunswick et al.: Transaction publishers; Routledge, 2005. P. 11–14.
- Ellis 1989 — *Ellis B.* Death by folklore: Ostension, contemporary legend, and murder // Western Folklore. Vol. 48. No. 3. 1989. P. 201–220.
- Fine et al. 2005 — Rumor mills: The social impact of rumor and legend / Ed. by G. A. Fine, V. Campion-Vincent, C. Heath. New Brunswick et al.: Transaction Publishers; Routledge, 2005.
- Fitzpatrick 1994 — *Fitzpatrick Sh.* Stalin's peasants: Resistance and survival in the Russian village after collectivization. New York: Oxford Univ. Press, 1994.
- Gluckman 1968 — *Gluckman M.* Psychological, sociological and anthropological explanations of witchcraft and gossip: A clarification // Man. Vol. 3. No. 1. 1968. P. 20–34.
- Kapferer 1993 — *Kapferer J.-N.* Rumors: Uses, interpretations, and images. New Brunswick, NJ: Transaction, 1993.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Miller 2005 — *Miller D. E.* Rumor: An examination of some stereotypes // Symbolic Interaction. Vol. 28. No. 4. 2005. P. 505–519.
- Pietila 2007 — *Pietila T.* Gossip, markets, and gender: How dialogue constructs moral value in post-socialist Kilimanjaro. Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin Press, 2007.
- Schieffelin 2020 — *Schieffelin B. B.* Speaking only your own mind: Reflections on talk, gossip and intentionality in Bosavi (PNG) // Anthropological Quarterly. Vol. 81. No. 2. 2020. P. 431–441.
- Shibutani 1966 — *Shibutani T.* Improvised news: A sociological study of rumor. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966.

References

- Agapkina, T. A., & Toporkov, A. L. (1989). Vorob'inaia (riabinovaia) noch' v iazyke i pover'iakh vostochnykh slavian ['Sparrow (rowan) night' in the language and beliefs of the East Slavs]. In N. I. Tolstoi (Ed.). *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Rekonstruktsiia drevnei slavianskoi dukhovnoi kul'tury: istochniki i metody* (pp. 230–253). Nauka. (In Russian).
- Aksenov, V. B. (2020). *Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniia rossiian v gody voyny i revoliutsii (1914–1918)* [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Aksenov, V. B., & Buldakov, V. P. (2014). Revoliutsiia i slukhi [Revolution and rumors]. In Iu. A. Petrov (Ed.). *Rossiiia v gody Pervoi mirovoi voyny: ekonomicheskoe polozenie, sotsial'nye protsessy, politicheskii krizis* (pp. 772–776). Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). (In Russian).
- Allport, G. W., & Postman, L. J. (1947). *The psychology of rumor*. Henry Holt and Company.
- Arkipova, A. (2012). Poslednii "tsar'-izbavitel'": sovetskaia mifologiiia i fol'klor 20–30-kh gg. XX v. [The last 'Tsar-Redeemer': Soviet mythology and folklore of the 1920s and 1930s]. *Antropologicheskii forum, 12 online*. https://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/012online/12_online_arhipova.pdf. (In Russian).
- Arkipova, A., & Kirziuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Bessonov, I. A. (2009). Slukhi i tolki vremen kollektivizatsii i raskulachivaniia [Rumors and gossip of the times of collectivization and dekulakization]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 2009(2–3)*, 23–25. (In Russian).
- Black, M. (2020). *A demon-haunted land: Witches, wonder doctors, and the ghosts of the past in post-WWII Germany*. Metropolitan Books.
- Campion-Vincent, V. (2005). Introduction. In G. A. Fine, V. Campion-Vincent, & C. Heath (Eds.). *Rumor mills: The social impact of rumor and legend* (pp. 11–14). Transaction Publishers; Routledge.
- Ellis, B. (1989). Death by folklore: Ostension, contemporary legend, and murder. *Western Folklore, 48(3)*, 201–220.
- Fine, G. A., Campion-Vincent, V., & Heath, C. (Eds.) (2005). *Rumor mills: The social impact of rumor and legend*. Transaction Publishers; Routledge.
- Fitzpatrick, Sh. (1994). *Stalin's peasants: Resistance and survival in the Russian village after collectivization*. Oxford Univ. Press.
- Gailit, O. A. (2006). Vesti, prorochestva, chudesa: K voprosu o religioznykh siuzhetakh v slukhakh 1920–1930-h godov [News, prophecies, miracles: On the issue of religious subjects in rumors of the 1920–1930s]. *Vestnik tserkovnoi istorii, 2006(4)*, 142–149. (In Russian).
- Gailit, O. A. (2018). Issledovatel'skie vozmozhnosti slukhov i problemy ih izucheniia v rabotakh sovremennykh istorikov [Research opportunities of rumors and the problems of studying them in the works of contemporary historians]. *Vestnik Omskogo universiteta, Ser. Istoricheskie nauki, 2018(4(20))*, 42–52. (In Russian).
- Gluckman, M. (1968). Psychological, sociological and anthropological explanations of witchcraft and gossip: A clarification. *Man, 3(1)*, 20–34.
- Kapferer, J.-N. (1993). *Rumors: Uses, interpretations, and images*. New York: Transaction.
- Kolonitskii, B. I. (2017). #1917: Semnadsat' ocherkov po istorii Rossiiskoi revoliutsii [#1917: Seventeen essays on the history of the Russian revolution]. Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Krest'iannikov, V. V. (2004). "Varfolomeevskie" nochi v Sevastopole v fevrale 1918 g. ['Bartholomew's nights in Sevastopol in February 1918]. In V. P. Stepanenko et al. (Eds.). *Rossiiia — Krym — Balkany: Dialog kul'tur: Nauchnye doklady mezhdunarodnoi konferentsii (Sevastopol', 6–10 sentiabria 2014 g.)*. (pp. 328–336). Volot. (In Russian).

- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. University of Chicago Press.
- Lobytsyn, V. V., & Diadichev, V. N. (1997). "Eremeevskie nochi" ['Eremeevsky nights']. *Rodina*, 1997(11), 28–32. (In Russian).
- Melnikova, E. (2009). Eskhatologicheskie ozhidaniia rubezha XIX–XX vekov: kontsa sveta ne budet? [Eschatological expectations of the turn of the 19th–20th centuries: The end of the world will not be?]. *Antropologicheskii forum*, 1, 250–266. (In Russian).
- Miller, D. E. (2005). Rumor: An examination of some stereotypes. *Symbolic Interaction*, 28(4), 505–519.
- Nekliudov, S. Yu. (1998). Sdaetsia pyllkii Shlippenbakh...: K istorii odnoi metafory [Surrenders the ardent Schlippenbach...: Toward the history of a metaphor]. In T. M. Nikolaeva (Ed.). *ПОЛНОЦЕННАЯ: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова* (pp. 710–714). Indrik. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2009). Traditsii ustnoi i knizhnoi kul'tury [Traditions of oral and book culture]. In M. A. Gister (Ed.). *Slovo ustnoe i slovo knizhnoe* (pp. 15–33). RGGU. (In Russian).
- Nekliudov, S. Yu. (2016). Traditsiia kak tsepnaia reaktsiia: "mechta poeta" [Tradition as a chain reaction: 'A poet's dream']. In A. P. Dmitriev, & P. S. Glushakov (Eds.). *Ostrova liubvi Bor-Feda: Sbornik k 90-letiiu Borisa Fedorovicha Egorova* (pp. 620–629). Rostok. (In Russian).
- Neklyudova, M. S. (2021). "Udar Zharnaka": pamiat' mesta i bor'ba istoricheskikh interpretatsii ["Jarnac's Strike": The memory of a place and the struggle of historical interpretations]. *Dialog so vremenem*, 76, 287–299. (In Russian).
- Neklyudova, M. (2019). "V teni kabinetov": iz istorii politicheskogo voobrazheniia XVI–XVIII vekov ['In the shadow of cabinets': From the history of the political imagination of the 16th–18th centuries]. In Iu. Kagarlitskii, D. Kalugin, & B. Maslov (Eds.). *Poniatii, idei, konstruktii: Ocherki sravnitel'noi istoricheskoi semantiki* (pp. 296–325). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Otin, E. S. (1991). Materialy k konnotatsionnomu slovariu russkikh onimov [Materials for the connotational dictionary of Russian onyms]. In M. E. Rut (Ed.). *Nominatsiia v onomastike: Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 41–51). Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).
- Petrova, N. (2012). Sezonnaia aktivnost' antikhrista (eskhatologicheskie nastroyeniia v Riazanskom okruge v 1929–1930) [Seasonal activity of the Antichrist (Eschatological moods in the Ryzan District in 1929–1930)]. In *Anthropologiya. Fol'kloristika. Sotsiolingvistika: Konferentsiia studentov i aspirantov: Sbornik tezisev* (pp. 74–77) (European University at St. Petersburg, n. e.). <https://eusp.org/news/antropologiya-folkloristika-sociolingvistika-22-24-marta-2012>. (In Russian).
- Petrova, N. (2013). Apokalipticheskaia perepis' 1937 g. [The Apocalyptic census of 1937]. In A. Arkhipova (Ed.). *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i post-sovetskom prostranstve: Sbornik statei* (pp. 179–187). RGGU. (In Russian).
- Petrova, N. S. (2017). *Mifologicheskie modeli v nepodtsenzurnykh tekstakh o sovetskoj vlasti 1917–1953 gg.* [Mythological models in uncensored texts about Soviet power during 1917–1953] (Cand. Sci. (Philology) Thesis, Russian State University for the Humanities). (In Russian).
- Pietila, T. (2007). *Gossip, markets, and gender: How dialogue constructs moral value in post-socialist Kilimanjaro*. Univ of Wisconsin Press.
- Schieffelin, B. B. (2020). Speaking only your own mind: Reflections on talk, gossip and intentionality in Bosavi (PNG) in *Anthropological Quarterly*, 81(2), 431–441.
- Shibutani, T. (1966). *Improvvised news: A sociological study of rumor*. Bobbs-Merrill.
- Smith, S. (2005). Nebesnye pis'ma i rasskazy o lese: "sueverii" protiv bol'shevizma [Heavenly letters and stories about the forest: "superstitions" against Bolshevism]. *Antropologicheskii forum*, 3, 280–306. (In Russian).
- Tsarskii, I. (Ed.). (2011). *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov. Neofitsial'naia kommunikatsiia i "krutye povoroty" rossiiskoi istorii: Sbornik statei* [Rumors in Russia in the 19th–20th centuries.

- Unofficial communication and the “sharp turns” of Russian history: Collection of articles.] Kamennyi poias. (In Russian).
- Viola, L. (1996). *Peasant rebels under Stalin: Collectivization and the culture of peasant resistance*. Oxford Univ. Press.
- Werth, N. (2007). *La terreur et le désarroi: Staline et son système*. Perrin. (In French).
- Zarubin, A. V., & Zarubin, V. V. (1997). *Bez pobeditelei: Iz istorii Grazhdanskoi voyny v Krymu* [Without winners: From the history of the Civil War in Crimea]. Tavriia. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Никита Викторович Петров

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Центр
антропологии религии, Европейский
университет в Санкт-Петербурге
Россия, 191187, Санкт-Петербург,
Гагаринская ул., д. 6/1, литера А
Тел.: +7 (812) 386-76-37
заведующий Лабораторией
теоретической фольклористики, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

Наталья Сергеевна Петрова

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Центр
типологии и семиотики фольклора,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125047, ГСП-3, Москва, Миусская
пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-31
доцент, Лаборатория теоретической
фольклористики, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-48
✉ pena.talya@gmail.com

Information about the authors

Nikita V. Petrov

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center for Anthropology
of Religion, European University
at St. Petersburg
Russia, 191187, St. Petersburg,
Gagarinskaya Str., 6/1, Litera A
Tel.: +7 (812) 386-76-37
Head of the Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ nik.vik.petrov@gmail.com

Natalia S. Petrova

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125047, GSP-3, Moscow, Miusskaya
Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-31
Assistant Professor, Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ pena.talya@gmail.com

И. В. Фуфаева

ORCID: 0000-0003-0952-8461
✉ iriel@inbox.ru

Российский государственный
гуманитарный университет (Россия, Москва)

СЛОВО КАК СИМУЛЯКР: СЛУЧАЙ ПРИЯТЕЛЬСКОГО ОБРАЩЕНИЯ *СТАРИНА*

Аннотация. Статья посвящена выявлению роли русского приятельского обращения *старина*. Исследование его употребления проводилось методом корпусного анализа (анализ основного, устного и параллельного корпусов Национального корпуса русского языка) и методом сопоставления с контрольным образцом, близким по ряду параметров приятельским обращением *старик* без семантики возраста. Выяснилось, что приятельское обращение *старина* редко встречается в живой разговорной речи, но устойчиво (в трети контекстов в основном корпусе НКРЯ) употребляется в русской художественной литературе, описывающей заграничную жизнь, в фантастической литературе и пр. В речи литературных персонажей, говорящих на условном иностранном языке, это слово является копией несуществующего оригинала. На возникновение такой роли, по-видимому, повлияло использование слова как кальки аналогичных галлицизмов и англицизмов: *mon vieux* 'старина, дружище' (букв. «мой старик»), *old man* (букв. «старик») и пр., начиная с переводов Беранже, Джека Лондона и др., что придало слову коннотации «заграничности». В статье также освещается эволюция обращения *старина* (в НКРЯ с конца 1820-х годов как обращение к пожилому человеку простого звания), которая могла обусловить выбор именно этого слова для калькирования обращений типа *mon vieux*. В широком смысле исследование демонстрирует принципиальную возможность формирования у языкового средства роли копии несуществующего оригинала, т. е. симулякра по Бодрийяру.

Ключевые слова: русский язык, коммуникация, речевое поведение, обращения, разговорная речь, Национальный корпус русского языка, корпусной анализ, лексика художественной литературы, клише, переводы, калька, коннотации, симулякр

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Политкорректность в русском языке и русской культуре» № 19-78-10081).

Для цитирования: Фуфаева И. В. Слово как симулякр: случай приятельского обращения *старина* // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 304–320. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-304-320>.

Статья поступила в редакцию 17 января 2021 г.
Принято к печати 31 мая 2021 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

I. V. Fufaeva

ORCID: 0000-0003-0952-8461

✉ iriel@inbox.ru

Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

THE WORD AS SIMULACRUM: THE CASE OF THE FRIENDLY FORM OF ADDRESS *STARINA* ‘OLD MAN’

Abstract. The article is devoted to the role of the marker of “someone else’s life” in the Russian friendly form of address *starina* ‘old man (without age semantics)’. The study of the use of the form of address was carried out by the method of corpus analysis (analysis of the main, oral and parallel corpora of the Russian National Corpus) and by the method of comparison with a reference sample, the Russian friendly form of address *starik* ‘old man, without age semantics’, which is close in a number of parameters. It turned out that the form *starina* is rarely found in live colloquial speech, but often in Russian fiction describing life abroad, in fantastic literature, etc. (in a third of the contexts in the main corpus of the RNC). In the dialogs of literary characters speaking an abstract foreign language, this word is a copy of a nonexistent original. The emergence of such a role, apparently, was influenced by the use of the word as a loan translation (calque) of analogous Gallicisms and anglicisms: *mon vieux*, *old man* and so on, starting with the translations of Beranger, Jack London, etc., which gave the word a connotation of “foreign”. The article also highlights the evolution of the form *starina* (in the RNC since the late 1820s as an address to an elderly person of low status), which could determine the choice of this particular word for a loan translation like *mon vieux*. In a broad sense, the study demonstrates the fundamental possibility of a language unit playing the role of a copy of a non-existent original, i. e. a simulacrum, according to Baudrillard.

Keywords: Russian language, communication, speech behavior, addressing, addressing form, Russian National Corpus, corpus analysis, colloquial speech, lexicon of fiction, cliché, translations, calque, connotations, simulacrum

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project “Political Correctness in Russian Language and Russian Culture” No. 19-78-10081).

To cite this article: Fufaeva, I. V. (2022). The word as simulacrum: The case of the friendly form of address *starina* ‘old man’. *Shagi / Steps*, 8(3), 304–320. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-304-320>.

Received January 17, 2021

Accepted May 13, 2021

Введение

Для создания художественного образа мира, чужого для читателя, — конкретной страны, «заграницы вообще», условного Востока или Запада, исторической эпохи, инопланетной жизни и пр. — в той или иной литературной традиции нередко используются наборы определенных языковых, прежде всего лексических средств (номинаций конкретных объектов, экзотизмов, варваризмов и т. д.). Наличие таких наборов отражается, в частности, в пародиях; так, авторы сатирического романа «Золотой теленок» (1931) Илья Ильф и Евгений Петров с помощью словарика «Азиатский орнамент» осмеивают клишированные описания Востока в советской литературе 1920-х годов.

Более утонченной меткой иной реальности служит обнаруженное лингвистом Ириной Левонтиной использование слова *вечеринка* в русском языке в 1970–1980-е годы, когда оно могло обозначать не современное событие, а лишь событие, относящееся к прошлому, к иностранной жизни, или переводить некоторые слова европейских языков: «...надо было как-то переводить слова *party* и *soirée* <...> Есть буквальный перевод — хорошее русское слово *вечеринка* <...> Его и стали использовать.

Вот, скажем, из перевода “Крестного отца” Марио Пьюзо: “Четверо людей — крупье, банкомет, их помощник и официантка в типичном для ночного клуба платье — готовили все необходимое для частной *вечеринки*”» [Левонтина 2021: 68–69].

В ходе нашего исследования русских приятельских обращений обнаружена похожая, но более универсальная роль элемента иной реальности у слова *старина* как неформального обращения к приятелю без семантики возраста.

В работе [Фуфаева 2020] с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) анализируется постепенное возникновение у слова *старина* возможности служить такого рода обращением. Судя по НКРЯ, вообще впервые *старина* как одушевленное появляется в художественной литературе в конце 1820-х годов (возможно, более раннее употребление не отражено в доступных текстах; по крайней мере ласкательное производное *старинушка* зафиксиро-

вано в НКРЯ еще в XVIII в., например, в басне М. Н. Муравьева «Был-жил мужик», 1773).

В литературных источниках обращение исходно употребляется в адрес пожилого человека простого звания: при передаче народной речи — как уважительное; при передаче реплики вышестоящего лица в адрес нижестоящего (извозчика и т. д.) — как грубо-фамильярное. Затем обращение начинает употребляться и при изображении коммуникации образованных людей — как грубовато-фамильярное или интимно-дружеское, с сохранением семантики возраста.

Без семантики возраста в русском (непереводном) тексте, в речи говорящих по-русски в НКРЯ *старина* впервые встречается в романтической и фантастической повести С. Д. Мстиславского «Крыша мира» (1905) в коммуникации приятелей, студентов-исследователей. Здесь единица уже не имеет не только семантики пожилого возраста, но и коннотаций снисходительности, грубоватости, более низкого статуса адресата, и является тем неформальным литературным обращением к приятелю, каким мы его видим, например, в речи персонажей советской художественной литературы, особенно оттепельной и постоттепельной, где оно участвует в создании характерного образа сдержанной мужской дружбы.

Употребление в документальных источниках. «Контрольный образец»: обращение *старик*

При анализе контекстов обращения обнаружилось, что в передаче настоящей разговорной речи мемуарами, письмами и прочими документальными текстами обращение *старина* как приятельское присутствует минимально. Это заставляет сомневаться в его распространенности в подлинной разговорной речи, в реальной неформальной коммуникации и побуждает предположить значимость для жизни единицы художественного функционирования, т. е. значимость использования ее в речи художественных персонажей для придания ей разговорности.

Чтобы утверждать это наверняка, необходим контрольный образец — мужское приятельское обращение, схожее с обращением *старина*, но активно использующееся при передаче неформальной речи реальных людей мемуарами и авторами прочих документальных источников. Такая единица имеется: аналогичное мужское приятельское неформальное обращение *старик* без семантики возраста (в этом качестве в НКРЯ отмечается с 1920-х годов, см.: [Фуфаева 2020]). В словаре Ожегова — Шведовой обе единицы в этой функции толкуются полностью одинаково: у лексемы *старик* выделяется значение 5: «Дружеское обращение к приятелю (разг.)», а *старина* толкуется как «(разг.) То же, что старик (в 1 и 5 знач.), преимущ. в обращении» [Ожегов, Шведова 2003: 762–763].

Обращение *старик* тоже характерно для советской, особенно оттепельной и постоттепельной литературы и имеет и другие свойства, общие с обращением *старина*.

Во-первых, количество вхождений обоих обращений в НКРЯ сопоставимо: 279 для *старина* и 312 для *старик*. Эти числа получены ручной семанти-

ческой выборкой контекстов НКРЯ, где *старина* и *старик* фигурируют в роли неформальных приятельских обращений, с выбраковкой просторечных обращений к пожилым и пр.

Во-вторых, по данным НКРЯ мужчина — не только адресат обоих обращений, но почти всегда и говорящий, т. е. они используются в чисто мужской коммуникации. В НКРЯ нет контекстов, где обращение *старик* по отношению к приятелю использовала бы женщина. Контекстов, где таким образом женщина использует обращение *старина*, в НКРЯ лишь 2 (0,7%): в повести Дины Рубиной 1982 г. изд. и в эссе Оксаны Уваровой 2004 г. (опубликованном в журнале «Даша»).

В-третьих, в обеих выборках есть сочетания с императивами *держись*, *извини*, *послушай*:

- (1) П о с л у ш а й, с т а р и н а, есть одно дело неотложного характера [Александр Горкин, Александра Маринина. Шестикрылый серафим (1991)].
- (2) П о с л у ш а й, с т а р и к, <...> ты не можешь уехать. <...> У неё заболевание крови [Слава Сэ. Ева (2010)].

Все это позволяет сравнить частотность обоих обращений в передаче речи реальных людей мемуаристами и авторами прочих документальных источников.

Из 279 контекстов НКРЯ, содержащих *старина* как обращение без семантики возраста, всего 9 могут претендовать на передачу реальных коммуникаций реальных людей, причем два из них — переданная русским языком речь иностранцев, не отражающая употребления русского слова:

- (3) — Помните ли вы рассказ из жизни Клемансо? — Обходя однажды траншеи, он подошел сзади к стрелку и, хлопнув его по плечу, спросил: «Как дела, с т а р и н а?» [А. В. Ельчанинов. Записи (1926–1934)].

Остается всего 7 контекстов, или 2%, например:

- (4) Рязанов отказался, хотя я пытался его уговорить. — С т а р и н а, дело тут не в политике и не в том, что я хочу выглядеть шибко порядочным... [Евгений Евтушенко. Волчий паспорт (1999)].

Это резко контрастирует с употреблением обращения *старик*. Содержащие его контексты — это часто передача прямой речи реальных людей в мемуарах, очерках, интервью, дневниках и т. д. Всего таких вхождений почти треть — 27%, или 84 из 312 (57 в мемуарах, 19 в СМИ, 8 в дневниках).

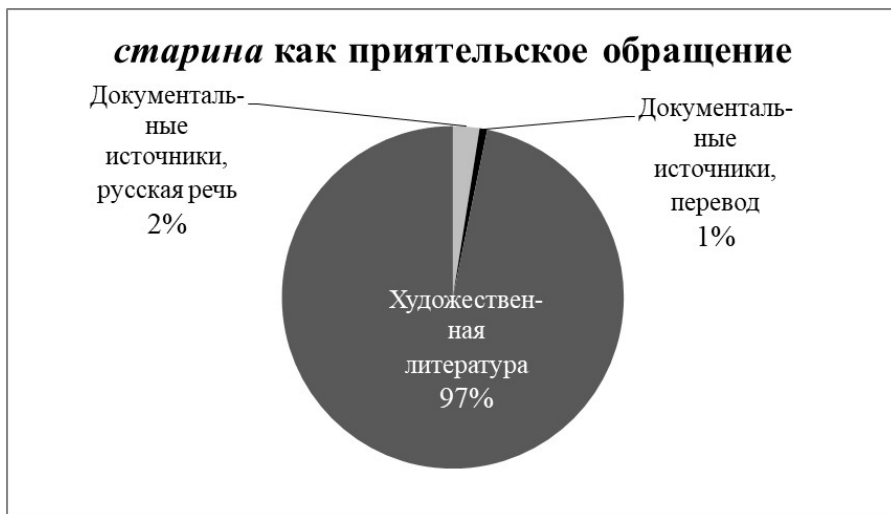
Передавая речь реальных людей, часто очень известных писателей, актеров, музыкантов и т. д., мемуаристы — как правило, непрофессиональные литераторы: Юрий Никулин, Леонид Утесов, Муслим Магомаев, Юрий Башмет, Андрей Макаревич, Александр Бовин, Борис Ефимов, Роман Карцев, Сати Спивакова и пр. — обычно используют обращение *старик*. То же — в путевых записках, дневниках и пр.

Несколько примеров из основного корпуса НКРЯ:

- (5) ...встречает незнакомый парень: «Ну, с т а р и к, еле дождался. Давай сразу принимай зеркала и всю остальную музыку» [Василий Песков. Белые сны (1964)].
- (6) Так вот, посмотрел на меня этот режиссер и сказал: — Ну, здравствуй, с т а р и к! Мне стало смешно, какой же я с т а р и к!» [Яков Сегель. Честное слово // Советский экран (1975)].
- (7) — Давай-давай, думай, с т а р и к, — требовал Дуня [Леонид Утесов. Спасибо, сердце! (1982)].
- (8) Нет, ты хреновину порешь, с т а р и к! Почему это вслух должен читать только поэт?! [Михаил Козаков. Актерская книга (1978–1995)].
- (9) ...оттуда показывается руководитель делегации Л. Р. Шейнин. <...> — Ну, с т а р и к, плохи наши дела [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)].

Все документальные контексты слова *старик* передают речь на русском языке.

Разница соотношения художественных и документальных источников обоих обращений наглядно представлена диаграммами на ил. 1 и 2.

Ил. 1. Соотношение вхождений в НКРЯ лексики *старина* как приятельского обращения в документальных источниках (в том числе в русской речи и переводе) и в речи художественных персонажей

Fig. 1. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starina* as a friendly form of address in documentary sources (including Russian speech and translation) and in the speech of fictional characters

Ил. 2. Соотношение вхождений в НКРЯ лексики *старик* как приятельского обращения в документальных источниках (в том числе в русской речи и переводе) и в речи художественных персонажей

Fig. 2. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starik* as a friendly form of address in documentary sources (including Russian speech and translation) and in the speech of fictional characters

Таким образом, судя по документальным источникам, приятельское обращение *старик* является подлинно разговорной единицей, в коммуникации XX в. активно употребляющейся в жизни, в то время как *старина* — в основном художественно-разговорное явление, редкое в реальности.

В литературных «иных мирах»

Что же касается близкой частотности вхождений обоих обращений в НКРЯ, то, как обнаружилось, почти полное отсутствие документальных контекстов обращения *старина* компенсируется наличием других специфических контекстов, в которых почти не встречается обращение *старик*. Это контексты, принадлежащие литературе, описывающей заграницу, часто условную, далекое прошлое, жизнь далеких планет и прочих «иных миров». *Стариной* называют друг друга различные относительно условные герои такой литературы: гриновские моряки, иностранные дельцы и шпионы советской и постсоветской массовой литературы, мифологические персонажи, действующие в философских сказках. Иными словами, у обращения *старина* есть собственная специализированная ниша: тексты, где не только нет передачи живой русской речи, но она и не предполагается.

Здесь возможны два случая.

В первом случае *старина* — это или часть цитаты (с прямой или косвенной речью) из какого-то иностранного текста в переводе на русский язык, или

передача русским языком иноязычной устной речи. *Старина* здесь — перевод конкретного иноязычного обращения: *mon vieux, old fellow, man* и т. д. Анализ НКРЯ позволяет проследить постепенное формирование этой роли у данной единицы. См. хронологически первое подобное вхождение в пересказе стихов в русской биографии Беранже, где таким образом переведено фр. *mon vieux*:

- (10) ...поэт <...> изложил мотивы этого отказа в «Советах Лизы». «Заняв место, предлагаемое вам другом, — говорила поэту красавица Лиза, — вы не посмеете, *старина*, при гроте его денежных сундуков воспевать права...» [М. В. Барро. Пьер-Жан Беранже. Его жизнь и литературная деятельность (1891)].

В НКРЯ в трех источниках — биографии Роберта Бёрнса Р. Я. Райт-Ковалевой «Роберт Бернс» (1959); статье К. И. Чуковского «Высокое искусство» (1968); письме его же С. Я. Маршаку (К. И. Чуковский, «Письма С. Я. Маршаку», 1930–1963) — цитируется перевод Маршаком баллады «Auld Lang Syne» (в переводе «Застольная»), где с помощью слова *старина* переведено обращение к другу *my dear*:

- (11) С тобой мы выпьем, *старина*, / За счастье прежних дней.

Наконец, в передаче иностранной речи *старина* может одновременно присутствовать и как перевод, и как оригинальное обращение:

- (12) Мэ нон, мон вьё, — нет, *старина*, лучше будет так: вы утолите ваш голод, как бы то ни было, а я подожду лучшего состояния вашего кошелька, — не так ли? [К. С. Петров-Водкин. Моя повесть. Ч. 2: Пространство Эвклида (1932)].

Таких случаев немного, так как основной корпус НКРЯ включает только оригинальные тексты на русском языке, а в них цитаты из переводных текстов или пересказ речи иностранца, включающие обращения, редки.

Более распространен второй случай, когда *старина* — не перевод аналогичного иноязычного обращения, реально кем-то написанного или произнесенного, как в приведенном выше примере из воспоминаний Петрова-Водкина, а элемент речи художественных, вымышленных персонажей. Эти персонажи могут быть иностранцами:

- (13) Хозяин гостиницы, толстый янки, встретил Брукса восклицанием: — Целыми досхали, *старина*? [К. М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)].
- (14) Ганс, *старина*! Узнаешь, а? Сколько лет, сколько зим! Взгляните, фройляйн, на встречу старых школьных друзей! [М. М. Роцин. Галоши счастья (1977–1979)].

«Толстый янки», очевидно, «на самом деле» говорит по-английски, а персонаж Роцина — по-немецки. Можно пытаться представить, что они говорят

вместо *старина* «на самом деле», но никакого «на самом деле» не существует, так как не существует никакого английского или немецкого оригинала. Автор русского текста вполне может даже не знать языка, на котором «на самом деле» говорят его герои, а просто поддерживает традицию использования обращения *старина* в таких случаях.

Еще более это очевидно, когда герои говорят не на каком-то конкретном, а на условном, например, «абстрактном западном» языке:

- (15) — Дженнер! — закричали в углу. — Эй, *с т а р и н а*, поставь-ка свою кандидатуру! [А. С. Грин. Пролив бурь (1909)].

Более того, коммуниканты могут быть жителями некоего альтернативного, фантастического мира или сверхъестественными существами.

- (16) — Ах, мне все равно, — сказал Бог и откинулся в кресле — Иди себе с богом, *с т а р и н а* [Всеволод Ревич. Штурмовая неделя // Химия и жизнь (1965)].

- (17) А то: «силы ада, силы ада»... В этом мире, *с т а р и н а*, действуют совсем другие законы. Есть все-таки преимущества работы в человеческом облике! Он посмотрел на лежавшее на полу тело и, все еще неверно держась на ногах, выступил из астрала [Николай Дежнев. В концертном исполнении (1993)].

- (18) — Далековато до них, *с т а р и н а*, — рассудительно сказал Энцо [Грэй Ф. Грин. Кетополис — Киты и броненосцы (2001)] (русский фантастический стимпанк коллектива авторов).

Итак, во втором случае *старина* играет роль некоего условного обращения. Оно не соотносено ни с конкретной единицей речи героев, так как никакой речи на оригинальном языке не было, ни с конкретной языковой единицей, даже если персонажи-коммуниканты — американцы, немцы и пр., и тем более если они — обитатели условных, фантастических миров. Здесь *старина* — абстрактное «чужое», «внешнее», «заграничное» (где бы эту границу ни проводить) неформальное обращение. Зачастую его конкретный источник — литература массового спроса, изображающая заграничную жизнь, в том числе детективы, фантастика, как советская, так и 1990–2000-х годов.

Необходимо пояснить, что параметров, которые приданы в НКРЯ каждому тексту¹, недостаточно, чтобы идентифицировать вхождение как докумен-

¹ В НКРЯ тексты помечаются как художественные — с указанием жанра (историко-приключенческая, криминальная, любовная литература, сатира и юмор, фантастика, и т. п.), типа текста (анекдот, боевик, детектив, повесть, притча, рассказ, роман, сказка, триллер, эпопея, эссе и т. п.), хронотопа текста — и нехудожественные — с указанием сферы функционирования текста (бытовая, официально-деловая, производственно-техническая, публицистическая, учебно-научная, церковно-богословская), типа текста (автобиография, акт, дневник, договор, документ, закон, заметка, заявление, инструкция, информационное сообщение, кодекс, комментарий, листовка, обзор, объявление, отзыв, отчет, очерк, письмо, постановление, проповедь, путеводитель, резюме, реклама, рекомендация, рецензия, рецепт, сочинение, справочник, статья, учебник, характеристика, хроника, эссе,

тальное или «нерусское» (в речи вымышленного иностранца, героя условного мира, инопланетянина и пр.). Например, обращение *старина* (*старик*) может быть частью не самого текста, а цитаты в нем. См. выше стихотворения Бёрнса и Беранже, цитируемые в биографиях этих поэтов, а также в личном письме К. И. Чуковского. Параметры этих текстов по НКРЯ: тип текста — биография (или «письмо личное»), сфера функционирования — нехудожественная, но источником конкретного слова *старина* являются цитируемые стихотворения — во-первых, художественные, во-вторых, что для нас важно, переводные. При этом такой параметр, как «язык оригинала», в основном корпусе русского языка, естественно, вообще не предусмотрен. Другой пример вкрапления «нерусского» контекста — фантазии русского персонажа отечественной реалистической прозы о том, что ему говорит английский аристократ:

- (19) Давно мертвый пятый граф Невилл <...> как бы говорил мужицкому сыну Саранцеву: «<...> Не валяйте дурака, с т а р и н а, слава вашему богу, что нет у вас Уорда и нет у вас дядюшки Торпентоу, дуйте на операционный стол...» [Юрий Герман. Дюрогой мой человек (1961)].

При этом сами советские персонажи того же романа используют обращение *старик*:

- (20) Скажу прямо, с т а р и к, надрываюсь и кричу денно и ночью — караул! Кадров, сиречь врачей и прочего персонала, — нет, с медикаментами — труба... [Там же].

Таким образом, по каждому конкретному вхождению обращения *старина* (*старик*) приходилось анализировать сами тексты, а не только ближайший контекст слова.

В целом доля «нерусских» контекстов в выборке — больше трети, 34%, или 94 из 279, и 35%, если прибавить 5 вхождений из описания будущего Стругацких, где в качестве языков общения упоминаются русский и английский и при этом фамилии коммуникантов не русские, к примеру:

- (21) — Ну-ну, Сиверсон, с т а р и н а, — сказал Питерс [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Полдень. XXII век (1961–1967)].

Среди контекстов же слова *старик* «нерусских» контекстов всего лишь 6, или 2%, например:

- (22) Когда они встретились в кафе, недалеко от дома, где жил Пьер, Франсуа сказал: — Ну, с т а р и к, что? Мари? [Г. А. Газданов. Пробуждение (1966)].

и т. п.), тематики текста (бизнес, коммерция, экономика, финансы; война и вооруженные конфликты; дом и домашнее хозяйство; здоровье и медицина; зрелища и развлечения; искусство; криминал; наука, политика и общественная жизнь; право; производство; сельское хозяйство; спорт; природа; частная жизнь и т. п.).

Наглядно эта разница представлена диаграммами на ил. 3 и 4.

Ил. 3. Соотношение вхождений в НКРЯ лексемы старина как приятельского обращения в русской речи и в речи на иностранном / условном языке

Fig. 3. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starina* as a friendly form of address in Russian speech and in speech in a foreign / conditional language

Ил. 4. Соотношение вхождений в НКРЯ лексемы старик как приятельского обращения в русской речи и в речи на иностранном / условном языке

Fig. 4. The ratio of instances in the NRC of the lexeme *starik* as a friendly form of address in Russian speech and in speech in a foreign / conditional language

Анализ НКРЯ показал, что разница в употреблении обоих обращений состоит именно в степени реальности мира, в речи персонажей которого они употребляются. *Старик* почти монополюсно встречается в так называемых источниках личного происхождения и других документальных источниках, где почти не встречается *старина*. *Старина* часто используется авторами русской художественной прозы при передаче речи персонажей условного мира, где, за редким исключением, наоборот, не используется обращение *старик*.

В случаях, когда неформальное обращение *старина* является копией несуществующего оригинала, оно подходит под определение симулякра в трактовке Ж. Бодрийяра. В работе «Симулякры и симуляция» (*Simulacres et simulation*, 1981) французский философ выделял последовательные стадии превращения образа (фр. *image*) в симулякр:

- он отражает фундаментальную реальность;
- он маскирует и искажает фундаментальную реальность;
- он маскирует *отсутствие* фундаментальной реальности;
- он вообще не имеет отношения к какой бы то ни было реальности, являясь своим собственным симулякром в чистом виде [Бодрийяр 2015: 12].

Далее Бодрийяр вместо слова «образ» (*l'image*) использует слово «знак» (*le signe*): «Переход от знаков, которые скрывают нечто, к знакам, которые скрывают, что за ними нет ничего, обозначает решительный поворот» [Там же: 12–13] (также см.: [Baudrillard 1981: 17]). Оба слова употребляются автором как синонимы, т. е. речь идет о любом используемом людьми знаке, отображающем действительность или только «притворяющимся» таковым, но на самом деле не отображающим ничего реального, самодостаточным. В нашем случае образом-знаком является слово, а реальность, которую он перестает отражать, становясь самодостаточным — это реальность языковая и речевая, реальность элемента речи на каком-то конкретном языке и реальность конкретной единицы этого языка².

Проверка полученных результатов на материале устного корпуса НКРЯ

Помимо основного корпуса НКРЯ, для анализа источников вхождений был привлечен устный корпус. В нем вхождений лексемы *старина* как приятельского обращения оказалось вчетверо меньше, чем *старик* (соответственно 38 и 154), в отличие от основного корпуса, где их примерно поровну.

Из 38 вхождений лексемы *старина* одно документальное, это расшифровка интервью, где интервьюируемый передает реальную речь других людей:

- (23) [Андрей Авджан, муж., военный:] ...потом мне как-то предложили / Сказали / «Не хочешь на метеостанцию / махни / *с т а р и н а* / говорят / на метеостанцию» [Обитаемый остров Голланд. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2008) // ТК «Культура»].

² Проблема художественной реальности, ее самодостаточности или соотнесенности с реальным миром здесь не обсуждается.

Остальные 37 — расшифровки художественных фильмов, из них 17 вхождений — в речи иностранцев или русских разведчиков, говорящих «на самом деле» не по-русски, два — в речи русских людей другой эпохи («Адмирал Ушаков», 1953, и «Гардемарины, вперед!», 1987), один — в речи инопланетянина (Громозека, м/ф «Тайна третьей планеты», Кир Булычев, Роман Качанов, 1981), и только 17 (меньше половины, 46%) — в речи современных русскоязычных героев (соответственно времени съемки фильма — начиная с 1962 по 2002 г.).

Для сравнения, из 154 вхождений лексемы *старик* два документальных источника — запись заседания семинара Бориса Стругацкого (1989) из коллекции НКРЯ:

- (24) [Участница, писательница:] Потому что за все эти годы я не раз слышала при обсуждении разных вещей / что вот это у тебя / с т а р и к / параллель с вещью другого с т а р и к а / а это с вещью третьего...

и беседа о «Новой газете» в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (2003):

- (25) [Участник, журналист:] И мне один коллега сказал / старик / ты что-то стал мельчить.

Остальные 152 — расшифровки художественных фильмов. Из них одно вхождение в речи сказочного героя (попугай Кеша, м/ф «Возвращение блудного попугая», 1984–1987–1988), остальные 151 (98%) — в речи современных русскоязычных героев (соответственно времени съемки фильма — начиная с 1934 по 2008 г.).

Эти данные говорят

— во-первых, о явном предпочтении кинематографистами обращения *старина* при отражении речи «чужих», «далеких» в том или ином смысле героев (20 против 1, *старина* здесь в 20 раз более востребовано, чем *старик*);

— во-вторых, о гораздо большей востребованности кинематографистами обращения *старик* при отражении речи современных (на момент создания фильма) русскоязычных героев (151 против 17, *старик* здесь почти в 10 раз более востребовано, чем *старина*).

При этом часть вхождений лексемы *старина* в речи персонажей-иностранцев относится к расшифровкам российских постановок произведений иностранных авторов («Трое в лодке, не считая собаки», 1979; «Театр», 1978 и пр., всего 6 вхождений). Здесь слово *старина* можно считать переводом конкретных приятельских обращений в оригинальных текстах, т. е. за ними стоят конкретные элементы речевой и языковой реальности других языков. Остальные 11 поставлены по российским сценариям: «Семнадцать мгновений весны» (1973), «Мертвый сезон» (1968), «Праздник святого Йоргена» (1930) и пр. Это вновь «копии несуществующего оригинала».

Этот анализ подтвердил наличие специализированной ниши, особой литературной и кинематографической роли условного разговорного неформального обращения в коммуникации персонажей, принадлежащих в том или ином смысле к другому миру, от «заграницы» (с которой читатель и зритель совет-

ской эпохи был знаком исключительно опосредованно) до иных планет, иной эпохи, альтернативных фантастических миров. Русская речь в коммуникации таких персонажей является «квазипереводом», она не связана ни с каким оригиналом по причине его отсутствия. Обращение *старина*, являясь специализированным элементом таких контекстов, в свою очередь является квазипереводом несуществующих приятельских обращений, копией оригиналов, существование которых и не подразумевалось.

От калькирования к коннотации «заграничности» и роли инокультурного маркера

Фактов, связанных с переводами (*старина* в переводе стихов Беранже, в постановках произведений иностранных авторов), достаточно, чтобы заподозрить именно переводческую традицию в качестве фактора превращения обращения *старина* в средство создания иллюзии неформальной, раскованной, свойской и при этом в каком-то смысле чужой для читателя/зрителя (часто — «западной») коммуникации.

Обратившись вновь к НКРЯ, но уже к параллельным корпусам (английскому, немецкому и французскому), можно выяснить, что, действительно, одним и тем же словом *старина* переводятся разнообразные английские, а также французские и немецкие приятельские обращения. При этом единицы, буквально означающие ‘старый, старик’, в оригиналах обращений могут как присутствовать, так и отсутствовать.

Первый случай (в оригиналах обращений есть единицы, буквально значащие ‘старый, старик’):

- (26) Why, hello, Matt, old man [Jack London. A Daughter of the Snows (1902)] | — Алло, Мэт, старина [Джек Лондон. Дочь снегов (Н. Давыдова, Н. Рачинская, 1927)].
- (27) The other's boyish voice replied "Missed it, old bean; he's pulling your leg" [John Galsworthy. To Let (1921)] | Мальчишеский голос другого возразил: — Брось, старина! Это же издевательство над зрителями [Джон Голсуорси. Сдается внаем (Н. Д. Вольпин, 1946)].
- (28) ...and old Jolyon answered: "Come on, old chap!" [John Galsworthy. Indian Summer of a Forsyte (1918)] | ...и старый Джолион ответил: — Пойдём, старина [Джон Голсуорси. Последнее лето Форсайта (М. Лорие, 1946)].
- (29) Tu boudes donc, mon vieux? [Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862)] | Ты что от меня воротить нос, старина? [Виктор Гюго. Отверженные. Ч. 1: Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950–1960)].
- (30) »Ja, Alter«, setzte er... [Heinrich von Kleist. Michael Kohlhaas (1808)] | — Да, старина, — добавил он... [Генрих фон Клейст. Михаэль Кольхаас (Н. Ман, 1969)].

- (31) Nun mal los, alter Junge! [Hans Fallada. Jeder stirbt für sich allein (1947)] | Давай, давай, с т а р и н а! [Ганс Фаллада. Каждый умирает в одиночку (Н. Касаткина, В. Станевич, И. Татарина, 1971)].

Во втором случае — случае отсутствия в оригиналах обращений единиц, буквально значащих ‘старый, старик’, — оригиналами служат, например, немецкие *Mensch, Mann*, английские *man, boy, laddy* (мальчишка, паренек); выше приводился такой же перевод С. Я. Маршаком обращения *my dear* в балладе Бёрнса.

- (32) Come and help, m a n! [Joseph Conrad. Lord Jim (1900)] | Помогите же, с т а р и н а! [Джозеф Конрад. Лорд Джим (А. В. Кривцова, 1926)].
- (33) M e n s c h, hatte der nicht irgendwas am Hals [Günter Grass. Katz und Maus (1961)] | Погоди, с т а р и н а, что-то у него такое было на шее [Гюнтер Грасс. Кошки-мышки (Наталия Ман, 1985)].
- (34) M a n n, seien Sie froh, daß Sie noch auf der Straße stehen [E.M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge (1961)] | И с т а р и н а, радуйтесь, что вы ещё живы и стоите тут на дороге [Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаимы, или Небесам не ведомы любимцы (Д. Н. Шаповаленко, 2017)].

Таким образом, *старина* действительно стало не только калькой, или, точнее, полукалькой обращений типа *old man* (благодаря корню *стар-*), но почти стандартным переводом разных дружеских обращений, в том числе не содержащих в оригинале корня со значением ‘старый’ (десемантизированного).

Более того, в переводах появляются «лишние» обращения *старина*. В оригинале сказки Льюиса Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес» (Alice's Adventures in Wonderland, 1865) в отрывке с падением ящерицы Билля из окна только одно обращение (*old fellow*), а в переводе Нины Демуровой 1967 г. — три:

- (35) ...then another confusion of voices — “Hold up his head — Brandy now — Don't choke him — How was it, o l d f e l l o w? What happened to You? Tell us all about it!” [Lewis Carroll. Alice's Adventures in Wonderland (1865)] | ...и снова взволнованные голоса: — Голову, голову держите! — Дайте ему бренди! — Не в то горло... — Ну как, с т а р и н а? — Что это было, с т а р и н а? — Расскажи, что случилось, с т а р и н а? [Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес (Н. Демурова, 1967)].

Описываемое обращение может добавляться переводчиком даже в случае отсутствия того или иного приятельского обращения в оригинале:

- (36) Aber Clerfayt! [E.M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge (1961)] | Клерфэ, с т а р и н а! [Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет (М. Л. Рудницкий, 2018)].

Надо отметить, что в переводах «лишние» *старина* появляются не только в роли обращения:

- (37) Es ist doch noch Giuseppe, was? [E. M. Remarque. Der Himmel kennt keine Günstlinge (1961)] | Ведь это все еще наш с т а р и н а «Джузеппе», верно? [Там же].

Таким образом, даже в переводах обсуждаемая единица может служить не переводом конкретного слова оригинала, а изобразительным приемом, художественным средством придания речи персонажей заграничного колорита. По всей видимости, действительно, в переводах обращение и обрело «коннотации заграничности», позволяющие в определенных контекстах маркировать «чужой мир вообще», т. е. служить инокультурным маркером.

Выводы

Русское литературное приятельское обращение *старина* по данным НКРЯ используется в гораздо большей степени в разговорах художественных персонажей, чем непосредственно в разговорной речи, причем значительная доля этих персонажей хотя и действует в произведениях русских авторов, говорит заведомо не по-русски — на условном европейском языке или вообще языке полностью неопределенном, абстрактном. В этих случаях обращение *старина* играет роль копии несуществующего оригинала, т. е. превратилось в симулякр по Бодрийяру. Функционально здесь оно является художественным приемом для придания речи персонажей одновременно разговорности и определенной «чуждости».

В переводах на русский язык *старина* соответствует самым разнообразным приятельским обращениям оригиналов; кроме того, добавляется переводчиками и при отсутствии специализированных приятельских обращений в оригинале, т. е. в переводах не только выполняет прямую функцию, но и играет роль инокультурного маркера.

Вероятно, формирование этой роли связано с возникшей еще в XIX в. переводческой традицией калькировать этим обращением приятельские обращения типа *mon vieux*. Первоначальным источником литературного обращения было народное обращение *старина* к пожилому человеку простого звания, регулярно использовавшееся образованными носителями языка для придания коммуникации характера игры, стилизации, интимизации, грубой фамильярности, снисходительности и пр. Калькирование обращением выражений типа *mon vieux*, по-видимому, не только окончательно освободило его от сниженных социальных и стилистических коннотаций, семантики возраста, превратив в литературное приятельское обращение, но и способствовало уходу из речевого поведения настоящих живых людей в речь персонажей, созданных воображением автора, причем часто в условную речь, за которой отсутствует конкретная языковая реальность.

Словари

Ожегов, Шведова 2003 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. Выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е. изд., доп. М.: ЛД ИНВЕСТ: Азбуковник, 2003.

Литература

Бодрийяр 2015 — Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015.

Левонтина 2021 — Левонтина И. Честное слово. М.: АСТ; CORPUS, 2021.

Фуфаева 2020 — Фуфаева И. В. История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 11. № 4. 2020. С. 108–117.

Baudrillard 1981 — Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981.

References

Baudrillard, J. (1981). *Simulacres et simulation*. Galilée. (In French).

Levontina, I. (2021). *Chestnoe slovo* [Honestly]. AST; CORPUS. (In Russian).

Fufaeva, I. V. (2020). Istoriia poiyavleniia v russkom iazyke družeskih obrashchenii *starina* i *starik* [The history of the words *starina* and *starik* as friendly forms of address in Russian]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, 11(4), 108–117. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Ирина Владимировна Фуфаева

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Учебно-
научная лаборатория социолингвистики,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-61-18
✉ iriel@inbox.ru

Information about the author

Irina V. Fufaeva

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher; Educational and
Scientific Laboratory of Sociolinguistics,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (499) 973-43-54
✉ iriel@inbox.ru

З. И. Минеева

ORCID: 0000-0003-4678-3461

✉ zmineeva@rambler.ru

*Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)*

ФЕМИНИТИВЫ-2020

Аннотация. Рассматриваются существительные ж. р., обозначающие лиц женского пола (феминитивы), которые появились в русском языке в течение последних двух лет. В период пандемии COVID-19 наблюдается бурный рост деривационной активности, появляются новые обозначения человека, при этом дериваты ж. р. изучаются фрагментарно. Используются словари неологизмов 2021 г., интернет-ресурсы и медиатеки. Цель работы — определить способы и модели словообразования, мотивирующие слова, выявить значения новых феминитивов; используются семантический, словообразовательный и структурно-семантический методы. В результате установлены 15 моделей деривации неофеминитивов от агентивов м. р. и ж. р., конкретных, абстрактных существительных. Делается вывод о высокой активности и продуктивности аффиксации и сложения. Определяется семантика новых феминитивов, которые, как и агентивы м. р., обозначают человека по профессиональной и непрофессиональной деятельности, по отношению к различным сторонам жизни в период пандемии. Корпус новых номинаций человека состоит из ассиметричных частей, количественная асимметрия проявляется в том, что в указанном словаре номинации ж. р. составляют 11% от всех агентивов; семантическая асимметрия проявляется в том, что феминитивы преимущественно обозначают женщин, в то время как агентивы м. р., как правило, называют человека безотносительно к полу, по принадлежности к группе людей, что выражается присутствием в узусе форм мн. ч.

Ключевые слова: феминитив, семантика, способ словообразования, продуктивный суффикс, сложение, блендинг

Для цитирования: Минеева З. И. Феминитивы-2020 // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 321–339. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-321-339>.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2022 г.

Принято к печати 11 апреля 2022 г.

Z. I. Mineeva

ORCID: 0000-0003-4678-3461

✉ zmineeva@rambler.ru

*Petrozavodsk State University
(Russia, Petrozavodsk)*

FEMINITIVES 2020

Abstract. The paper deals with feminitives that have appeared in Russian over the past two years. During the COVID-19 pandemic there is a rapid growth of derivational activity, new person nouns appear, and feminitives are studied on a piecemeal basis. In our work we use dictionaries of neologisms from 2021, media and Internet resources. The purpose is to determine the way of word-formation, the derivational models and the meaning of the new feminitives; semantic, word-formation and structural-semantic methods are used. As a result, we identified 15 models, according to which neofeminitives were formed on the basis of personal masculine and feminine nouns, as well as on the base of concrete, abstract and other nouns. We conclude that affixation and addition are the most active and productive in derivation of Russian feminitives. The study made it possible to determine the semantic features of the new feminitives, which, like masculine agentives, designate a person on the basis of professional and non-professional activities, in relation to various aspects of life during a pandemic. The corpus of new nominations for a person consists of asymmetric parts. Quantitative asymmetry is manifested in the fact that in the “Russian Dictionary of the Coronavirus Epoch” (2021) nominations of the feminine gender (feminitives) make up 11% of all nominations of a person. Semantic asymmetry is manifested in the fact that feminitives predominantly denote women, while masculine agentives, as a rule, name a person regardless of gender, according to belonging to a group of people, which is manifested in the use of plural forms.

Keywords: feminitive, semantics, way of word formation, productive suffix, addition, blending

To cite this article: Mineeva, Z. I. (2022). Feminitives 2020. *Shagi / Steps*, 8(3), 321–339. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-321-339>.

Received February 2, 2022

Accepted April 11, 2022

Введение

В русском языке заметно появление большого количества новых слов в результате словообразовательных процессов и заимствования из других языков. Энергия лингвокреативности дала толчок к конструированию новых единиц для номинации новых явлений, реалий, действий, качеств, для выражения личностной оценки происходящего, экспрессии, для игры со словом, которая в продолжающееся по сей день трудное время, получившее название «коронавирусной эпохи», помогает человеку сохранить позитивный настрой, черпать силы, чтобы справиться с тяжелыми испытаниями. Особые условия жизни человека в период пандемии актуализировали языковую деятельность, в отсутствие реальных (офлайновых) контактов необыкновенно возрастает роль вербального общения. Всплеск языковой активности — это «закономерная реакция носителей языка на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19, на вернувшееся коллективное осознание близости смерти, (...) на условия строгого карантина и изоляции» [Приемышева 2021: 16].

Ученые и обычные носители языка отмечают словообразовательный бум, в результате которого существенно изменился и продолжает изменяться словарь русского языка. Лингвокреативность стала одним из способов выживания человека в ситуации пандемии и сохранения самоидентичности. Объектом внимания лингвистов все чаще выступает лексика, отразившая особенности коронавирусной эпохи, или «ковид»-лексика; словарь пандемии — само разнообразие обозначений неологизмов 2020 г. — показывает значимость и репрезентативность материала, привлекающего внимание исследователей. Новые единицы, пополнившие словарь русского языка, представляют интерес для исследователей: «...есть основания считать эту новую лексику своеобразной микросистемой, поскольку она обнаруживает все основные внутрисистемные связи, присущие более-менее автономной лексической группе» [Маринова 2021: 322].

Антропоцентрический характер языковой картины мира обуславливает то, что значительная часть неолексем относится к агентивам, номинациям человека м. р. и ж. р. Каждая из групп пополняется новыми единицами, интерес представляет комплексный анализ неологизмов каждой из них.

Инновационным процессам в группе обозначений человека посвящен ряд работ последних лет; ученые считают, что данная лексика является неогенной и находится в центре языковых изменений и инноваций [Григоренко 2010; Земская 2009]. Исследователи отводят наименования лиц главную, ведущую роль в инновационных процессах деривации и отмечают, что «в сфере наименования лиц сейчас происходят наиболее интересные языковые процессы» [Буцева, Зеленин 2021: 163].

Е. В. Маринова, исследуя семантику «ковид»-лексики, выделяет пять тематических групп, в каждую из которых входят наименования лиц: в 1-ю группу («Вирус. Заболевание») — номинации больных, зараженных (*ковид-больной, ковидные, ковиды, короники* — 1,7%); во 2-ю группу («Медицинские меры по борьбе с болезнью и заражением») — номинации лиц по их участию/участию в борьбе с болезнью и заражением (*ковид-медик, (анти)масочники* — 2,1%); в 3-ю группу («Пандемия») — номинации лиц с точки

зрения распространения инфекции (*ковид-контактный, контактные застряницы, пандемийщик* — 0,6%); в 4-ю группу («Режим ограничений») — номинации лиц по их отношению к режиму (*ковид-отрицатель, коронафоб, коронафил* — 7,4%); в последнюю, 5-ю группу («Образ жизни в коронавирусный период») — номинации лиц по их образу жизни, поведению в коронавирусный период (*удалённый, зум-работник, карантино-зожник* — 2%) [Маринова 2021: 336–337]. Обращает на себя внимание близость семантики единиц 1-й и 3-й групп: *пандемийщик* и *короники*, представляющие собой две номинации больных, мотивированные разными словами. Кроме того, приведенные автором примеры включают только единицы м. р.

Повышенный интерес носителей языка и лингвистов к обозначениям женщин в связи с обсуждением проблем гендера [Trudgill 2000; Фуфаева 2020; Ефремов 2010] делает актуальными специальные исследования феминитивов.

В исследованиях последних лет анализируются суффиксальные феминитивы с отдельными формантами: *-к(а)* [Минеева 2021b], *-есс(а)* [Фуфаева 2021], *-чиц(а)/-щиц(а)* [Минеева 2020b], *-к(а)* и *-ш(а)* [Жданова 2021: 224–225], образованные от отдельных англицизмов [Ильясова, Пугачева 2021], образованные по разным моделям сложения [Минеева 2020a], от композитов с суффиксоидом *-лог* [Пугачева 2020] и другие, продолжающие традицию изучения интралингвистических (деривационных) процессов в связи с экстралингвистической динамикой [Comrie, Stone 1978; Протченко 1984].

Исследование феминитивов коронавирусной эпохи на материале неологического словаря [Приемышева 2021с] включает анализ коррелятов к агентам м. р. [Буцева, Зеленин 2021: 194], единичные композиты [Минеева 2021a: 393]. Ограничение лексического материала коррелятами не может дать полного объективного представления о корпусе феминитивов коронавирусной эпохи, исчерпывающего представления об объеме, семантике и особенностях их образования, поскольку полной симметрии между номинациями м. р. и ж. р. не наблюдается [Кронгауз 2001: 285–288]. Сложение является высокопродуктивным способом образования новых единиц и включает разные модели деривации, продуцирующие палитру композитов-феминитивов с разной словообразовательной структурой.

Исследование производных феминитивов, появившихся на исходе второго десятилетия XXI в., представляется актуальным как для анализа деривационных трендов настоящего времени в целом, так и для определения того, какие важные реалии, не ограничивающиеся пандемией, отразились на формировании сегмента современного словаря, который включает номинации человека.

Цель исследования

Цель исследования — представить по возможности полный корпус феминитивов, пополнивших словарь русского языка в период коронавирусной эпохи, исследовать их семантику и особенности реализации потенций словообразовательной системы русского языка в ситуации пандемии. Исследование призвано определить, какие способы словообразования и используемые форманты наиболее активны в настоящее время при образовании существительных ж. р. со значением лица, какова специфика семантики неодериватов.

Важно определить мотивационные отношения, возникающие при деривации новых феминитивов, и тренды словообразовательных процессов, благодаря которым происходит пополнение группы феминитивов. В статье также ставилась задача определить круг потенциальных феминитивов, в том числе коррелятов к зафиксированным в словаре неоагентам м. р.

Материал и методы исследования

Материалом выступают данные основного текста и приложения последних неографических изданий 2021 г., подготовленных сотрудниками Института лингвистических исследований РАН [Приемышева 2021b; 2021c], в каждом из которых зафиксировано более трех тысяч неологизмов. Также привлекаются обнаруженные факты использования феминитивов в интернет-коммуникации и массмедиа. Интернет-ресурсы оцениваются современными учеными как актуальный ресурс, позволяющий извлечь новые единицы: «Языковой материал, полученный в результате интернет-поиска, позволяет также анализировать соотношение потенциальных моделей деривации и реальных лексем, образованных по этим моделям [Петрухина, Дедова 2019: 141].

При проведении исследования использовались семантический, структурно-семантический и словообразовательный методы анализа новых феминитивов.

Результаты

При сплошной выборке из словарей выявлен ограниченный материал, всего 24 неодеривата ж. р., что составляет 11% от всего корпуса номинаций человека. Количество существительных м. р. со значением лица намного превышает число выявленных феминитивов; значительная часть существительных м. р. употребляется преимущественно или только в форме мн. ч. и обозначает человека безотносительно к полу.

Привлечение интернет-ресурсов для поиска потенциальных коррелятов к единицам м. р. позволило обнаружить еще 40 неологизмов ж. р.

Выявлено, что при образовании исследуемых неологизмов используются аффиксация (суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы словообразования) и сложение. По семантике феминитивы разнообразны и отражают различные состояния референта, способы участия в профессиональной и не-профессиональной деятельности, оценку происходящих в социуме явлений.

Обсуждение

Деривация феминитивов, зафиксированных в словаре новых слов

1. Суффиксация. Выявлено, что суффиксальная деривация осуществляется по четырем моделям. Мотивирующими часто становятся ключевые лексемы, отражающие наиболее важные и социально значимые явления, ситуации в стране и мире.

Модель 1. $N + -к(a)$: *ковид-диссидент* + $-к(a)$ → *ковид-диссидентка*, ср. *ковид-пациентка*, *ковидоноска*, *ковидиотка*. Суффикс $-к(a)$ наиболее продуктивный из формантов феминитивов [Минеева 2021b]. Присоединяется непосредственно к основе мотивирующего составного агента м. р. (*ковид-диссидент*, *ковид-пациент*), композита с суффиксоидом (*ковидонос*), заимствованного бленда (*ковидиот*). Морфонологические особенности отсутствуют. Мотивирующие композиты включают заимствованную из английского языка аббревиатуру, которая достаточно освоена русским языком, но оформляется с помощью кириллической и латинской графических систем: *ковид* и *COVID*, отсюда и двоякое написание составного феминитива, наследуемое от составного мотивирующего агента: *ковид-диссидентка* и *COVID-диссидентка*:

Рейс из Москвы в Петербурге задержали 9 декабря на час... судно не могло взлететь из-за COVID-диссидентки, которая отказывалась надевать маску (АиФ (aif.ru), 10.12.2020 [Приемышева 2021с: 91]).

Модель 2. $N + -ниц(a)$: *ковид*, *коронавирус* + $-ниц(a)$ → *ковидница* и *коронавирусница* ‘больная ковидом, коронавирусом’:

В Челябинской области зарегистрировано 17 беременных ковидниц (Rodina.news, 3.06.2020 [Приемышева 2021с: 106]).

В Днепропетровской области стало одной «коронавирусницей» больше (События Днепропетровска (dneprr.news), 2.04.2020 [Там же: 144]).

По данной модели от синонимичных мотивирующих слов *ковид* и *коронавирус*, называющих болезнь, образованы синонимичные феминитивы, от *постковид* ‘физическое состояние людей, перенесших ковид’ (синонимичное словосочетание *постковидный синдром*) — феминитив *постковидница* ‘пациентка с симптомами постковида’, от существительного с предметным значением *маска* — *масочница* ‘женщина, которая носит маску для защиты от инфекции’:

Я «масочница», потому что не хочу заболеть, но таких, как я, в станице единицы, рассказала жительница Северского района Ирина Гриценко (АиФ — Юг (Краснодар), 29.07.2020 [Приемышева 2021с: 189]).

Морфонологические особенности: чередования твердых согласных [д], [с] с парными мягкими [д’], [с’] (*ковид* — *ковидница*, *коронавирус* — *коронавирусница*); чередования $к — ч, \emptyset — о$ (*маска* — *масочница*).

Феминитив *ковидница-1* возникает в одно время с омонимом, имеющим семантику помещения, здания — *ковидница-2* ‘больница для лечения больных ковидом, коронавирусом’:

В какой-то момент, здравница стала ковидницей (Городской портал. Екатеринбург (gorodskoyportal.ru), 30.10.2020 [Приемышева 2021с: 106]).

Модель 3. N + -и(а): *ковид-паникёр* + -и(а) → *ковид-паникёрша*.

Модель 4. N + -ицц(а): *карантин* + -ицц(а) → *карантинщица* ‘женщина, находящаяся на карантине по ковиду, коронавирусу’; *удалёнка* + —ицц(а) → *удалёнщица* ‘женщина, работающая «на удаленке», удаленно в связи с карантином по ковиду, коронавирусу’. *Карантинщица* и *удалёнщица* — единственные феминитивы данной модели, представленные в словаре. Мотивирующими словами выступают абстрактные имена существительные. Деривация сопровождается морфонологическими процессами: чередованием твердого согласного с парным мягким: *н* — *н’* (*карантин* — *карантинщица*) и усечением финали основы мотивирующего слова (*удалёнка* — *удалёнщица*). Используемый суффикс -ицц(а) отличается высокой продуктивностью в течение длительного времени [Минеева 2020b].

Иллюстративный материал словаря показывает, что в одном тексте с новым феминитивом употребляется новое мотивирующее слово *удалёнка* (1) или содержится словообразовательная цепочка: *удалённая работа* — *удалёнка* — *удалёнщица* (2). Если мотивирующее слово не относится к неологизмам, оно не предваряет употребление неодеривата (3).

(1) Конечно, удалёнка не могла не ударить по весу... Внешний вид удалёнщицы Сюзан может вызвать ночные кошмары (Newsbot.press, 8.07.2020 [Приемышева 2021с: 244]).

(2) Если правильно распределить время и силы, то удалённая работа из дома с детьми не такой уж страшный зверь... Следуйте советам успешных мам-удалёнщиц и знатоков тайм-менеджмента, и все получится. При всех плюсах офисной работы удалёнка для мам — более подходящий вариант (Комсомольская правда — Северный Кавказ (Ставрополь), 14.04.2020 [Там же]).

(3) Журнал карантинщицы или Мой 5й день не на Филиппинах [заголовок] (Bisnes-sodeistvie.ru, 6.02.2020 [Там же: 78]).

Модель 5. N + -евицц(а): *обнуление* + -евицц(а) — *обнулёвщица* ‘депутат Государственной Думы В. В. Терешкова, предложившая внести в Конституцию РФ поправку, согласно которой предыдущие сроки пребывания на посту президента не учитываются, обнуляются при новых выборах’.

Авторы словаря в комментарии к способу образования феминитива указывают в качестве мотивирующего слова существительное *обнулёвщик*, соответственно, с прибавлением суффикса -ицц(а) [Приемышева 2021b: 198]. Однако сопоставление семантики данных существительных позволяет заметить, что феминитив не выводится из слова *обнулёвщик* с переносным значением ‘тот, кто не соблюдает прежние правила и договорённости’.

II. Префиксально-суффиксальная деривация осуществляется по двум моделям с формантами *анти-...* -ицц(а) и *без-...* -ицц(а). Оба конфикса присоединяются к субстантивным основам мотивирующего слова с предметным значением (*маска*).

Модель 6. *Анти-* ‘направленный против кого-, чего-л.’ + N + -ицц(а): *анти-* + *маска* + -ицц(а) → *антимасочница*. Данная модель используется при

образовании неологизма *антимасочница* ‘выступающая против ношения защитной маски от коронавирусной инфекции период пандемии’; иллюстрация в словаре включает мотивирующее существительное:

Без «намордника»: в Кузбассе антимасочница покусала полицейского [заголовок]. Известно, что конфликт произошёл в посёлке Зеленогорском из-за нежелания пассажирки автобуса надеть медицинскую маску (Еврейский журнал (jjew.ru), 29.08.2020 [Приемышева 2021с: 24]).

В случае узуализации слова *масочница* возможна замена мотивирующего слова и способа словообразования на префиксальный.

Модель 7. Без- + N + -нищ(а): без- + маска + -нищ(а) → *безмасочница* ‘женщина, не соблюдающая правила ношения маски в период пандемии’:

В Клинцах полицейские жестко свинтили безмасочницу (Новости Брянска Телеканал Городской (gorod-tv.com), 4.06.2020 [Приемышева 2021с: 27]).

Префиксально-суффиксальная деривация сопровождается морфонологическими чередованиями в основе: \emptyset — о и к — ч (*маска* — *антимасочница*, *безмасочница*).

При аффиксальной деривации соответствующие форманты присоединяются к субстантивному основанию лексем различной семантики. Однако известна другая точка зрения, согласно которой мотивирующими для феминитивов считаются агентивы м. р.: *удаленищик* для *удаленищца*, *антимасочник* и *безмасочник* для *антимасочница* и *безмасочница*. При таком объяснении акцент делается на замене морфемы с семантикой маскулинности морфемой с семантикой фемининности.

Замена одного суффикса другим при образовании неодеривата, или трансфиксация, разрабатывается в современных исследованиях, рассматривающих проблему заменительной деривации, ее места в системе способов словообразования [Самыличева 2020]. Возведение феминитива к мотивирующей единице м. р. связано прежде всего с диахроническим подходом к деривационным процессам: как правило, существительные м. р. появляются в языке раньше феминитивов.

Представляется уместным говорить о заменительной суффиксации как разновидности суффиксального способа (подобный подход частично отражен в подборке иллюстративного материала в словаре словообразовательных аффиксов [Лопатин, Улуханов 2016: 419–420]) и использовать такое объяснение для коррелятов типа *коробейник* и *коробейница*, не имеющих в современном русском языке мотивирующего слова.

В тех случаях, когда существительные (*ковид*, *коронавирус*, *маска* и др.) осознаются носителями языка как мотивирующие слова для однокоренных существительных мужского и женского рода, целесообразно рассматривать процесс образования феминитивов от соответствующих предметных, абстрактных и иных единиц. Такой подход отражен в трудах выдающегося ученого Г. П. Павского, который считал, что корреляты м. р. и ж. р. имеют общее мотивирующее слово [Павский 1850].

III. Сложение. Композиты ж. р. образуются с помощью полиморфемного блока — *носиц(а)*, а также соединением в составное слово двух мотивирующих слов, одно из которых является феминитивом.

Модель 8. N + -*носиц(а)* → *ковид* + -*носиц(а)* → *ковидоносица*.

Модель 9. N1 + Nf → *карантин* + *мадам* → *карантин-мадам*, *ковид-беременная*, *ковид-роженица*, *ковид-медсестра*, *ковид-пациентка*, *Тикток-девчонка*:

Тикток-девчонки точно знают, что им идет, и даже дома не забывают прокачивать свои быоти-навыки (Подружка (journal.podrygka.ru), 21.04.2020 [Приемышева 2021b: 249]).

Сложные составные феминитивы, или бисубстантивы, образуются при соединении по агглютинативному типу двух компонентов без помощи интерфиксов. Неизменяемый первый компонент представляет собой иноязычное заимствование (*ковид* от англ. *COVID-19* ‘заболевание’, зум ‘платформа для аудио- и видеоконференций’, *стриминг* от англ. *Streaming* ‘поточковые мультимедиа, доступные онлайн без скачивания’, *ТикТок* от англ. *TikTok* ‘приложение для создания и просмотра коротких видео’, *карантин*). Второй компонент, главный, — феминитив, неизменяемый (*мадам*) или изменяемый (*бабушка*, *девчонка*, *беременная*, *роженица*, *медсестра*, *пациентка*, *королева*, *русалка*). Между компонентами наблюдаются подчинительные атрибутивные отношения.

Характер мотивации зависит от типа значения (прямого или переносного) исходного феминитива. Образование вышеприведенных композитов сопровождается прямой мотивацией; образование феминитивов *стриминг-королева* и *тикток-бабушка* — переносной мотивацией: исходные феминитивы переходят в композит в известном переносном значении: *королева* ‘обладательница самых высоких достоинств в чем-л.’, *бабушка* ‘немолодая женщина’.

Взлет шепчущей с т р и м и н г - к о р о л е в ы: за что мы любим Билли Айлиш (Известия, 27.01.2020 [Приемышева 2021b: 244]).

Одним из инициаторов кампании оказалась «т и к т о к - б а б у ш к а», 51-летняя жительница Айовы Мэри Джо Лопп (Meduza.io, 21.06.2020 [Там же: 248]).

При образовании *зум-русалка* ‘человек, сочетающий при работе в Zoom официальную и домашнюю одежду (пиджак и шорты и т. п.)’ задействована метафорическая ассоциативная мотивация. Неологизм используется для обозначения лица безотносительно к полу, как женщин, так и мужчин:

Спрашивают: «Ты сегодня на паре был зум-русалкой? Или по-серьезному?». Зум-русалка — это когда человек сидит в зуме, читает лекцию, например. Весь такой официальный, в пиджаке и галстукке сверху. А внизу, например, трусы. Или какие-нибудь пижамные штаны. Мне страшно нравится этот неологизм (ТВ2 (tv2.today), 12.10.2020 [Приемышева 2021c: 61]).

Исключительная продуктивность модели в производстве композитов позволяет исследователям отнести ее к «ключевым» [Рацибурская 2021: 666]; в производстве феминитивов модель высокопродуктивна.

Контаминация — окказиональный способ сложения, который за последние годы стал незаменимым при создании привлекающих внимание медиатекстов.

Модель 10. N (часть основы) + N (с общей частью) → удалёнка + Алёнушка (имя женщины, девушки); от хештега #удалёНуШка, созданного для рубрики дистанционного обучения на сайте московской частной «Новой школы» (общая часть -ален-).

В словарной статье представлен стилистически маркированный бленд, контаминант удалёнушка в значении ‘удаленная, дистанционная работа’, синоним мотивирующего универбата удалёнка ‘удаленная, дистанционная работа’:

Удалёнушка моментально сформировала отношение к карантину не как к напасти и бедствию, а как ко времени новых возможностей (Агентство социальной информации, 19.03.2020 [Приемышева 2021с: 244]).

Омонимичное существительное, обозначающее человека, представлено в неографическом источнике имплицитно — без сформулированных дефиниций, на уровне иллюстраций:

Ты моя удалёнушка — те, кто вынужден трудиться на удалёнке, особенно женщины, чувствуют себя многократно индийским богом — и домашние обязанности никто не снимал, и работать надо (Калужские губернские ведомости, 30.04.2020 [Приемышева 2021с: 244]).

В приведенном примере удалёнушка — бленд, образованный в результате совмещения, наложения универбата удалёнка, прочно вошедшего в узус в течение 2020 г., и антропонима Алёнушка, персонажа картины В. М. Васнецова с одноименным названием, послужившей основой для интернет-мема. Таким образом, словообразовательная цепочка в данном случае выглядит так: удалёнушка/удалёнушка ‘женщина, работающая на удаленке’ (удалёнка + Алёнушка) (блендинг) → удалёнушка ‘удаленка, удаленная, дистанционная работа’ (семантическая деривация).

Деривация феминитивов,
зафиксированных в медиатекстах и интернет-коммуникации

В словаре коронавирусной эпохи имеются коррелятивные пары агентивов м. р. и ж. р.: сложные агентивы м. р. и находящиеся с ними в отношениях мотивации феминитивы с суффиксом -к(а) (ковид-диссидент и ковид-диссидентка, ковид-пациент и ковид-пациентка, ковидонос и ковидоноски, ковидот и ковидиотка), корреляты с соотносительными суффиксами -щик/-щица(а) (карантинщик и карантинщица, удаленик и удаленищица), -ник/-ниц(а) (ковидник и ковидница, постковидник и постковидница, коронавирусник и

коронавирусица, масочник и масочница), с конфиксами *анти-...-ик/анти-...-ниц(а)* (антимасочник и антимасочница), *без-...-ник/без-...-ниц(а)* (безмасочник и безмасочница), а также коррелятивные композиты с соотносительными полиморфемными блоками *-носец/-носиц(а)* (ковидоносец и ковидоносица).

В ходе исследования выявлено, что семантика и структура значительного числа агентивов м. р. позволяет предположить наличие потенциальных коррелятов ж. р. С точки зрения семантики это номинации: а) тех, кто болеет или является носителем вируса: *вирусоносец, вирусоноситель*, в том числе без проявления явных симптомов, признаков болезни: *бессимптомник*; б) противников и сторонников вакцины и вакцинации, карантина, прививок, соблюдения особого режима, предусматривающего ношение масок и перчаток: *антивакцинник, антивакцинищик, вакцинищик, вакцинофил, антикарантинист, антипрививочник; антиперчаточник, бесперчаточник*; в) кто отрицает реальность ковида, коронавируса: *антиковидник, антикоронавирусики*.

Из 178 агентивов м. р. проверке на наличие коррелятов ж. р. подвергались 89 единиц.

Наша гипотеза состояла в том, что в соцсетях и на различных интернет-сайтах пользователи могут использовать потенциальные корреляты ж. р., образованные по наиболее активно функционирующим в настоящее время моделям, помимо зафиксированных в словаре феминитивов.

Действительно, большая часть неофеминитивов из интернет-источников образуется по вышеприведенным суффиксальным моделям 1, 3 и 4: с *-к(а)* — 16 (*вакцинофилка, вакцинофобка, ковидодиссидентка, ковидоидиотка* и др.), с *-ниц(а)* — семь (*вирусоносительница, дистанционница, ковидоотрицательница* и др.), с *-щиц(а)* — четыре (*вакцинищица, дистанционищица* и др.), с *-ш(а)* — *зумерша*. Важно отметить, что в суффиксальной деривации значительной доли неофеминитивов в качестве мотивирующих слов используются композиты: *ковидофил* — *ковидофилка, ковидоман* — *ковидоманка, коронафоб* — *коронафобка* и т. п.

В производстве неодериватов, помимо уже отмеченных (с конфиксами *анти-...-иц(а)* и *без-...-ниц(а)*), используются еще три префиксально-суффиксальных модели с менее продуктивными конфиксами.

Модель 11: *анти- + N + -щиц(а)*: *анти- + вакцина + -щиц(а) → антивакцинищица* (также в дефисном написании *анти-вакцинищица*).

Модель 12: *без- + N + -щиц(а)*: *бес- + симптомы + -щиц(а) → бессимптомищица*.

Модель 13: *за- + N + -ниц(а)* → *за-* ‘приставка, обозначающая одобрение, защиту того, что названо мотивирующим словом’ + *маска + -ниц(а) → замасочница*.

Новые композиты также образуются по ранее отмеченной продуктивной модели сложения с полиморфемным блоком: *N + -носиц(а) → вирус + -носиц(а) → вирусоносица* (Модель 7).

Кроме того, с помощью блендинга (контаминации), совмещением двух полных основ, их наложением образован феминитив *зумница*.

Модель 14. *N* (полная основа) + *N* (полная основа) (с общей частью) → *зум + умница* (общая часть *-ум-*).

Феминитивы с указанием формантов и источника

Feminitives with formants and sources

	Формант	Словари	Медиа, интернет-коммуникация
1	-евщиц(а)	обнулёвщица	
2	-к(а)	ковид-диссидентка, ковид-пациентка, ковидоноска, ковидиотка	вакцинофилка, вакцинофобка, зумерка, изолянтка, ковидистка, ковидодиссидентка, ковидоидиотка, ковидоотрицалка, ковидофобка, ковидофреничка, коронадиссидентка, коронапациентка, ковидофилка, ковидоманка, коронафобка, маскофилка
3	-нищ(а)	ковидница, коронавирусница, масочница, постковидница	вирусоносительница, дистанционница, ковидоотрицательница, карантинница, подбородочница
4	-ш(а)	ковид-паникёрша	зумерша
5	-щищ(а) / -чищ(а)	карантинщица, удалёнщица	вакцинищица, дистанционищица, ковидчица, коронищица
6	анти-... -нищ(а)	антимасочница	антиковидница, антикоронавирусница, антиперчаточница, антипрививочница,
7	анти-... -щищ(а)		антивакцинищица (анти-вакцинищица)
8	без-... -нищ(а)	безмасочница	бесперчаточница, бессимптомница
9	без-... -щищ(а)		бессимптомищица
10	за-... -нищ(а)		замасочница
11	-носищ(а)	ковидоносица	вирусоносица
12	соединение N + Nf	зум-русалка, карантин-мадам, ковид-беременная, ковид-медсестра, ковид-роженица, стриминг-королева, тикток-бабушка, Тикток-девчонка	
13	соединение Nf + Nf		мама-удалёнщица, соседка-бессимптомница, яжемать-антимасочница
14	совмещение N (часть) + N	удАлёнушка / удалёнушка	
15	совмещение N + N		зумница
Кол-во		24	40

Специфика структуры коррелятивных агентов состоит в том, что они включают в свой состав суффиксы *-ник*, *-ик*, *-щик* (*бессимптомник*), полиморфные блоки *-носец/-носиц(а)* (вирусоносец), аффиксоиды *-фил*, *-фоб* (*вакцинофил*, *вакцинофоб*).

Как стало известно, во МХАТе будет поставлена авангардная пьеса «Бессимптомница» (фейк о постановке новой пьесы, широко цитирующийся в интернете, с аллюзией на «Бесприданницу» А. Н. Островского).

Как показало исследование, лексикализация не всегда завершена в языке, отсутствует употребление потенциальной номинации *ковид-отрицательница*, но имеется мотивирующее его словосочетание *отрицательница COVID*. Отсутствует *коронаотрицательница*, однако используется именное словосочетание *отрицательница короны*; вместо потенциального составного композита *масочница-перчаточница* используются оба мотивирующих слова с сочинительной связью: *масочница* и *перчаточница* (www.banki.ru, 23.07.2021).

Обнаружены омонимы потенциальных неогериватов — при отсутствии коррелятов к *застрянец* и *карантинец* (*застрянка*, *карантинка*): река Застрянка, *карантинка* ‘картинка, открытка, анимированная картинка для отправки знакомым во время карантина’.

Неогериваты не создают картины симметрии. Асимметрия единиц м. р. и ж. р. исследуемого периода создается прежде всего за счет составных феминитивов (Модель 8: N1 + Nf), не допускающих наличия коррелятов м. р.: *карантин-мадам*, *ковид-беременная*, *ковид-роженница*, *ковид-медсестра* и т. п.

Особенность обнаруженных в интернет-коммуникации составных феминитивов состоит в том, что оба мотивирующих слова относятся к ж. р.

Модель 15. Nf + Nf → *мама* + *удалённая* → *мама-удалённая*, ср. *соседка-бессимптомница*, *яжесма-антимасочница*. В двух композитах свежее новообразование занимает позицию одного (второго) компонента, в последнем оба мотивирующих слова — новые феминитивы. Композиция составного феминитива *яжесма-антимасочница* осуществляется при участии голофразиса и сложения, позицию первого компонента в композите занимает слияние частей предложения, «голофрастическое сращение» [Николина 2009: 121].

Семантика неогериватов

Представляет интерес рассмотрение семантических особенностей дериватов. Е. С. Кубрякова при анализе производных слов указывает на важность изучения семантики производного слова; «...потребность в новых единицах номинации связана прежде всего с необходимостью выразить языковыми средствами новые значения или новые комплексы значений» [Кубрякова 2012: 21]. Изучаемые неогериваты обладают комплексной семантикой и ономастической спецификой [Минеева 2020а].

Семантика феминитивов позволяет выделить четыре группы.

Первая семантическая группа включает 17 (27%) номинаций больных и носителей инфекции (*бессимптомница*, *бессимптомница*, *вирусоносительница*, *вирусоносительница*, *ковид-беременная*, *ковидистка*, *ковид-пациентка*, *ковид-*

ница, ковидоносица, ковидоноско, ковид-роженница, ковидчица, коронавирусница, коронапациентка, короница, постковидница, соседка-бессимптомница).

«Бессимптомница» — пьеса Алексея Кубасова. Во МХАТе будет поставлена новая авангардная пьеса «Бессимптомница» (forumsaransk.ru, 4.07.2021).

Действие пьесы «Бессимптомница» происходит в первой половине XXI века (facebook.com/photo?fbid=1979221418920052&set=a.126672247508321)¹.

У неодериватов развиваются переносные метафорические значения: «Нравственной ковидчице (Стражник Бытия)» (Стихи.ру (stihi.ru), 19.09.2020).

Вторая семантическая группа включает 11 (17,4%) номинаций по профессиональной деятельности — в медицинской сфере (ковид-медсестра) и других сферах (дистанционница, дистанционница, зумерка, зумерша, зумница, зум-русалка, мама-удалённостица, обнулённостица, удалёнушка, удалённостица), при этом новое окказионально-игровое значение для зумерка и зумерша ‘женщина, работающая по Зуму’ накладываются на основное ‘представительница поколения Z’.

Не успела ковид-медсестра из Тулы отработать свой первый рабочий день (одетая) в прогнозе погоды, как снова радость (Yaplakal.com, 23.07.2020 [Приемышева 2021с: 302]).

Не представляете, трое детей от 7 до 10 лет и мама-дистанционница (diets.ru, 25.05.2020).

Третья семантическая группа включает 32 номинации (50,8%) референтов, 1) отрицающих опасность ковида, коронавируса; семантическая структура феминитивов осложняется коннотацией негативной оценки (ковид-диссидентка, ковидиотка, ковидоидиотка, ковидоотрицательница, антиковидница, антикоронавирусница, ковидодиссидентка, ковидоотрицалка, коронадиссидентка); 2) преувеличивающих опасность ковида, коронавируса (ковидофилка, ковидоманка, коронафобка, ковидофобка, ковидофреничка, ковид-паникерша); 3) соблюдающих режим изоляции, карантина (изолянтка, карантинница, карантинница, карантин-мадам); а также номинации 4) по позитивному (вакцинищица, вакцинофилка) и негативному (вакцинофобка, антипрививочница) отношению референта к вакцине и прививке; 5) по позитивному (замасочница, маскофилка, масочница) и негативному (антимасочница, безмасочница, бесперчаточница, подбородочница, антиперчаточница, яжемать-антимасочница) отношению референта к масочно-перчаточному режиму.

Известен случай вступления подбородочницы в драку с кондуктором троллейбуса, сделавшей ей замечания относительно неправильного ношения маски (Вера Никонина, proza.ru, 5.09.2020).

¹ Facebook — продукт компании Meta, признанной в Российской Федерации экстремистской организацией.

...сегодня подбородочница кашляла в затылок (gorod48.ru, 10.12.2020).

Лопатой своей запреты нормальным людям в профильной теме накидала!!! КовидоФИЛка, или ковидоМАНка — это уже к психиатру! (Ковидофил(ка): Форум (forumodua.com), 24.12.2020).

Я не являюсь ни «антиковидницей», ни «антипрививочницей» (chelny-biz.ru, 4.06.2021).

Анастасия, еще одна вакцинофобка (https://vk.com/wall-157936091_126239).

...она антимасочница и антиперчаточница (forum.pers.ru, 23.10.2020).

В родном селе Ася с семьей не единственная «карантинница» (<https://izhlife.ru/dacha/96411>, б. д.).

Четвертая группа объединяет три (4,8%) номинации по деятельности в Интернете (*стриминг-королева, тикток-бабушка, Тикток-девчонка*).

Таким образом, рассмотренные феминитивы с точки зрения семантики представляют собой обозначения женщин, живущих и работающих в эпоху пандемии, в том числе номинации больных ковидом, или коронавирусом, номинации по профессиональной и политической деятельности, по позитивному или негативному отношению к разного рода правилам и ограничениям, по активности в Интернете.

Заключение

Человек инициирует закрепление в лексике коронавирусной эпохи своих социального опыта, видения явлений внешней и внутренней жизни, оценочной рефлексии по поводу самого себя и окружающих в разнообразных условиях и предлагаемых ситуациях. Неологический словарь, отражающий энергию важнейших концептов ‘человек’ и ‘вирус/болезнь’, включает группу новых феминитивов.

Как показало исследование, 64 неоминитива, зафиксированные в словарях новых слов [Приемышева 2021b; 2021c], на сайтах интернета и в медиа, образованы по 15 отыменным моделям аффиксальной (суффиксальной и префиксально-суффиксальной) и безаффиксной деривации (композиции и блендинга). Мотивирующие слова включают исконные и заимствованные единицы, называющие вирус и болезнь, атрибуты режима ограничений и интернет-реалии. Проведенный анализ выявил особую роль сложения в образовании новых феминитивов, а также важную роль композитов в качестве мотивирующих слов при суффиксальной деривации новых единиц.

Новые феминитивы — это отнюдь не только корреляты к агентам м. р.; выявленные составные композиты, которые образованы сложением, не имеют соотносительных агентов м. р.

Феминитивы в словаре новых слов составляют небольшую по объему (11%) часть корпуса новых номинаций человека. Неодериваты ж. р. разнообразны по семантике и включают обозначения: а) больных, носителей коронавирусной инфекции; б) профессионалов разных сфер деятельности, в том числе медицинских работников; в) пользователей интернета; г) тех, кто отрицает или, напротив, преувеличивает опасность коронавирусной инфекции; кто соблюдает карантин; кто выражает положительное или отрицательное отношение к вакцине и вакцинации, к режиму ограничений в период пандемии.

В ходе нашего анализа выявлено, что неофеминитивы коронавирусной эпохи включают, помимо гендерно специфицированных единиц, номинацию человека безотносительно к полу референта, а омонимия не представляет собой жесткого ограничения при образовании лексем ж. р.

Наиболее перспективным представляется исследование деривации сложных, в том числе составных, неофеминитивов и взаимодействия композиции и суффиксации.

Литература

- Буцева, Зеленин 2021 — *Буцева Т. Н., Зеленин А. В.* Наименования лиц в период коронавирусной пандемии // Русский язык коронавирусной эпохи: Коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 162–213.
- Григоренко 2010 — *Григоренко О. В.* Неониминации лиц в аспекте современной лексикографии и неографии // Гуманитарный вектор. 2010. № 2(22). С. 99–107.
- Ефремов 2010 — *Ефремов В. А.* Номинации женщины в русском языке: *жена — женици — баба — дама* // Русский мир. 2010. № 1. С. 19–25.
- Жданова 2021 — *Жданова Е. А.* Словообразовательные неологизмы в интернет-словарях // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 222–229.
- Земская 2009 — *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. М.: Либроком, 2009.
- Ильцова, Пугачева 2021 — *Ильцова С. В., Пугачева Е. В.* Феминизация феминитивов // Филология и культура. 2021. № 3. С. 12–17.
- Кронгауз 2001 — *Кронгауз М. А.* Семантика: Учебник для вузов. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001.
- Кубрякова 2012 — *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Либроком, 2012.
- Лопатин, Улуханов 2016 — *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016.
- Маринова 2021 — *Маринова Е. В.* «Ковид»-лексика как микросистема и особенности ее состава (семантико-структурный аспект процесса номинации) // Русский язык коронавирусной эпохи: Коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 322–337.
- Минеева 2020a — *Минеева З. И.* Ономастологический аспект изучения новых производных феминитивов // Национальные коды в языке и литературе. Язык как культурно-историческое достояние: Сб. ст. / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. госун-та, 2020. С. 84–90.
- Минеева 2020b — *Минеева З. И.* Феминитивы с суффиксом *-щиц(а) / -щиц(а)* // Научный диалог. 2020. № 7. С. 142–157.

- Минеева 2021a — *Минеева З. И.* Неологизмы эпохи пандемии, образованные сложением // Русский язык коронавирусной эпохи: Коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 388–405.
- Минеева 2021b — *Минеева З. И.* Феминитивы с суффиксом *-к(а)* // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 446–458.
- Николина 2009 — *Николина Н. А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: Гнозис, 2009.
- Павский 1850 — *Павский Г.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2: Об именах существительных. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1850.
- Петрухина, Дедова — *Петрухина Е. В., Дедова О. В.* Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 57. 2019. С. 137–159.
- Приемышева 2021a — *Приемышева М. Н.* Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Русский язык коронавирусной эпохи: Коллективная монография / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 16–51.
- Приемышева 2021b — Новое в русской лексике. Словарные материалы — 2020 / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021.
- Приемышева 2021c — Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021.
- Протченко 1984 — *Протченко И. Ф.* Русский язык: проблемы изучения и развития. М.: Педагогика, 1984.
- Пугачева 2020 — *Пугачева Е. В.* Неофеминитивы в интернет-коммуникации: образование, функционирование // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2020. № 4. С. 82–90.
- Рацибурская 2021 — *Рацибурская Л. В.* Словообразовательные неологизмы в электронных СМИ // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 661–669.
- Самыличева 2020 — *Самыличева Н. А.* Заменительная деривация vs деривация по конкретному образцу в современном российском медийном словотворчестве // Актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. к 90-летию М. А. Михайлова / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. госун-та, 2020. С. 137–139.
- Фуфаева 2020 — *Фуфаева И. В.* Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: АСТ; CORPUS, 2020.
- Фуфаева 2021 — *Фуфаева И. В. Пилютесса, френдесса, гомесса:* Активизация суффикса женскости *-есс(а)* // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Л. В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 832–840.
- Comrie, Stone 1978 — *Comrie B., Stone G.* Sex, gender, and the status of women // Comrie B., Stone G. The Russian language since the Revolution. Oxford: Oxford Univ. Press, 1978. P. 159–171.
- Trudgill 2000 — *Trudgill P.* Language and sex // Sociolinguistics: An introduction to language and society / Ed. by D. Crystal. London: Penguin Books, 2000. P. 61–80.

References

- Butseva, T. N., & Zelenin, A. V. (2021). Naimenovaniia lits v period koronavirusnoi pandemii [Names of persons during the coronavirus pandemic]. In M. N. Priemysheva (Ed.). *Russkii iazyk koronavirusnoi epokhi: Kollektivnaia monografiia* (pp. 162–213). Institut lingvisticheskikh issledovaniï RAN. (In Russian).

- Comrie, B., & Stone, G. (1978). Sex, gender, and the status of women. In B. Comrie, & G. Stone. *The Russian language since the Revolution* (pp. 159–171). Oxford Univ. Press.
- Efremov, V. A. (2010). Nominatsii zhenshchiny v russkom iazyke: *zhena — zhenshchina — baba — dama* [Nominations for women in Russian: ‘wife’ — ‘woman’ — ‘woman’ — ‘lady’]. *Russkii mir*, 2010(1), 19–25. (In Russian).
- Fufaeva, I. V. (2020). *Kak nazyvaiutsia zhenshchiny. Feminitivy: istoriia, ustroistvo, konkurentsiia* [What are women called. Femininitives: history, structure, competition]. AST; CORPUS (In Russian).
- Fufaeva, I. V. (2021). Pilotessa, frendessa, gotessa: Aktivizatsiia suffiksa zhenskosti *-ess(a)* [Pilotessa, frendessa, gotessa: Activation of the suffix of femininity *-ess(a)*]. In L. V. Ratsiburskaia (Ed.). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke: natsional’noe i internatsional’noe: Sbornik nauchnykh statei* (pp. 832–840). Flinta. (In Russian).
- Grigorenko, O. V. (2010). Neonominatsii lits v aspekte sovremennoi leksikografii i neografii [Neonominations of persons in the aspect of modern lexicography and neography]. *Gumanitarnyi vektor*, 2010(2 (no. 22)), 99–107. (In Russian).
- Il’iasova S. V., & Pugacheva, E. V. (2021). Feminizatsiia feminitivov [Feminization of femininitives]. *Filologiya i kul’tura*, 2021(3), 12–17. (In Russian).
- Krongauz, M. A. (2001). *Semantika: Uchebnik dlia vuzov* [Semantics: A manual for universities]. Ros. gos. humanit. un-t. (In Russian).
- Kubriakova, E. S. (2012). *Tipy iazykovykh znachenii: Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic expressions: Semantics of the derived word]. Librokom. (In Russian).
- Lopatin, V. V., & Ulukhanov, I. S. (2016). *Slovar’ slovoobrazovatel’nykh affiksov sovremennogo russkogo iazyka* [Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language]. Azbukovnik.
- Marinova, E. V. (2021) “Kovid”-leksika kak mikrosistema i osobennosti ee sostava (semantiko-strukturnyi aspekt protsesssa nominatsii) [“Covid”-lexicon as a microsystem and features of its composition (semantic and structural aspect of the nomination process)]. In M. N. Priemysheva (Ed.). *Russkii iazyk koronavirusnoi epokhi: Kollektivnaia monografiia* (pp. 322–337). Institut lingvisticheskikh issledovani RAN. (In Russian).
- Mineeva, Z. I. (2020a). Onomasiologicheskii aspekt izucheniia novykh proizvodnykh feminitivov [Onomasiological aspect of the study of new derivative femininitives]. In L. V. Ratsiburskaia (Ed.). *Natsional’nye kody v iazyke i literature. Iazyk kak kul’turno-istoricheskoe dostoitie naroda: Sbornik statei* (pp. 84–90). Izdatel’stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta. (In Russian).
- Mineeva, Z. I. (2020b). Feminitivy s suffiksom *-shchits(a)/-chits(a)* [Femininitives with the suffix *-shits(a)/-chits(a)*]. *Nauchnyi dialog*, 2020(7), 142–157. (In Russian).
- Mineeva, Z. I. (2021a) Neologizmy epokhi pandemii, obrazovannye slozheniem [Neologisms of the pandemic era formed by addition]. In M. N. Priemysheva (Ed.). *Russkii iazyk koronavirusnoi epokhi: Kollektivnaia monografiia* (pp. 388–405). Institut lingvisticheskikh issledovani RAN. (In Russian).
- Mineeva, Z. I. (2021b). Feminitivy s suffiksom *-k(a)* [Femininitives with the suffix *-k(a)*]. In L. V. Ratsiburskaia (Ed.). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke: natsional’noe i internatsional’noe: Sbornik nauchnykh statei* (pp. 446–458). Flinta. (In Russian).
- Nikolina, N. A. (2009). *Aktivnye protsessy v iazyke sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury* [Active processes in the language of modern Russian fiction]. Gnozis. (In Russian).
- Pavskii, G. (1850). *Filologicheskie nabludeniia nad sostavom russkogo iazyka. Rassuzhdenie II: Ob imenakh sushchestvitel’nykh* [Philological observations on the composition of the Russian language. Disquisition 2. About nouns]. Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk (In Russian).
- Petrukhina, E. V., & Dedova, O. V. (2019). Internet kak istochnik lingvisticheskoi informatsii (dlia izucheniia dinamiki russkogo slovoobrazovaniia) [Internet as a source of linguistic information (for studying the dynamics of Russian word formation)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 57, 137–159. (In Russian).

- Priemysheva, M. N. (2021a). Kovidnyi leksikon russkogo iazyka: tendentsii dinamiki leksiko-semanticeskoi sistemy v period pandemii koronavirusnoi infektsii COVID-19 [The covid lexicon of the Russian language: trends in the dynamics of the lexical and semantic system during the COVID-19 coronavirus pandemic]. In M. N. Priemysheva (Ed.). *Russkii iazyk koronavirusnoi epokhi: Kollektivnaia monografiia* (pp. 6–51). Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. (In Russian).
- Priemysheva, M. N. (Ed.) (2021b). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnye materialy — 2020* [New developments in the Russian lexicon. Vocabulary materials 2020]. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. (In Russian)
- Priemysheva, M. N. (Ed.) (2021c). *Slovar' russkogo iazyka koronavirusnoi epokhi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. (In Russian).
- Protchenko, I. F. (1984). *Russkii iazyk: problemy izucheniia i razvitiia* [Russian language: Problems of study and development]. Pedagogika. (In Russian).
- Pugacheva, E. V. (2020). Neofeminitivy v internet-kommunikatsii: obrazovanie, funktsionirovanie [Neofeminitives in Internet communication: Formation, functioning]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. 2, Filologiya i iskusstvovedenie*, 2020(4), 82–90. (In Russian).
- Ratsiburskaia, L. V. (2021). Slovoobrazovatel'nye neologizmy v elektronnykh SMI [Derivational neologisms in electronic media]. In L.V. Ratsiburskaia (Ed.). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke: natsional'noe i internatsional'noe: Sbornik nauchnykh statei* (pp. 661–669). Flinta. (In Russian).
- Samylicheva, N. A. (2020). Zamenitel'naia derivatsiia vs derivatsiia po konkretnomu obraztsu v sovremennom rossiiskom mediinom slovotvorchestve [Substitutional derivation vs derivation according to a specific sample in modern Russian media word creation]. In L.V. Ratsiburskaia (Ed.). *Aktual'nye problemy sovremennoi lingvistiki: Sbornik statei k 90-letiiu M. A. Mikhailova* (pp. 137–139). Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta. (In Russian).
- Trudgill, P. (2000). Language and sex. In D. Crystal (Ed.). *Sociolinguistics: An introduction to language and society* (pp. 61–80). Penguin Books.
- Zemskaja, E. A. (2009). *Slovoobrazovanie kak deiatel'nost'* [Word formation as an activity]. Librokom. (In Russian).
- Zhdanova, E. A. (2021). Slovoobrazovatel'nye neologizmy v internet-slovariakh [Derivational neologisms in Internet dictionaries]. In L.V. Ratsiburskaia (Ed.). *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke: natsional'noe i internatsional'noe: Sbornik nauchnykh statei* (pp. 222–229). Flinta. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Зоя Ивановна Минеева

доктор филологических наук
доцент, профессор, кафедра русского
языка, Петрозаводский государственный
университет
Россия, 185910, Петрозаводск, пр-т
Ленина, д. 33
Тел.: +7 (8142) 71-10-73
✉ zmineeva@rambler.ru

Information about the authors

Zoya I. Mineeva

Dr. Sci. (Philology)
Associate Professor, Professor, Russian
Language Department, Petrozavodsk State
University
Russia, 185910, Petrozavodsk, Prospekt
Lenina, 33
Tel.: +7 (8142) 71-10-73
✉ zmineeva@rambler.ru

С. Г. Маслинская

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)

СМЕРТЬ И УТОПИЯ, или НЕИЗБЕЖНЫЙ ПУТЬ К РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЮ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Рецензия на: Соколова А. Новому человеку — новая смерть?
Похоронная культура раннего СССР. — М.: Нов. лит. обозре-
ние, 2022. — 436 с.: ил. — (Studia religiosa).

Для цитирования: Маслинская С. Г. Смерть и утопия, или Неизбежный путь
к расчеловечиванию «нового человека» // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 340–
345. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-340-345>.

Рецензия поступила в редакцию 20 июля 2022 г.
Принято к печати 24 июля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Book Reviews

S. G. Maslinskaya

ORCID: 0000-0001-7911-4323

✉ braunknopf@gmail.com

Institute of Russian Literature (The Pushkin House),
Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

DEATH AND UTOPIA, OR THE INEVITABLE PATH TO DEHUMANIZATION OF THE “NEW MAN”

A review of: Sokolova, A. (2022). *Novomu cheloveku — novaia smert’? Pokhoronnaia kul’tura rannego SSSR* [A new death for the new man? Funeral culture of the early USSR]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 436 p. (Ser. *Studia religiosa*). (In Russian).

To cite this review: Maslinskaya, S. G. (2022). Death and utopia, or The inevitable path to dehumanization of the “new man”. *Shagi / Steps*, 8(3), 340–345. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-340-345>. (In Russian).

Received July 20, 2022
Accepted July 24, 2022

Понятие *новый человек*, фигурирующее в названии рецензируемой книги Анны Соколовой, было в ходу в 1920-е годы. Впрочем, *новые люди* возникали в общественном дискурсе с завидной регулярностью в различных исторических обстоятельствах. Каждый раз за этим стояли попытки интеллигентов обозначить некие существующие или чаемые переломы и разрывы в социуме, указать на ожидания, что «старое» сменится «новым».

Обращение к изучению похоронной культуры — области в высшей степени консервативной и традиционной — задача, требующая довольно четкого понимания, какие факторы будут отнесены исследователем к «новым», какие к «старым», кроме того, приходится учитывать континуальность любых повседневных норм и практик. Основную цель своей монографии автор видит в исследовании «нормативных практик обращения с мертвыми телами» (с. 26) в городской среде 1920-х годов, а основной фокус — в изменении этих практик. В книге убедительно продемонстрировано, что все новое основывалось на старых погребальных нормах и практиках, которые подвергались трансфигурации и/или хотя бы символическому перекодированию (похороны — «красные похороны»). Возможно ли новое в такой сфере человеческой жизни, которая столь традиционна? В каком отношении те или иные практики все-таки могут быть атрибутированы как новые?

Чтобы ответить на эти вопросы, автор во введении дает небольшой экскурс в историю норм и практик погребальной обрядности в Российской империи до 1917 г. Организация кладбищенского пространства, государственное регулирование похоронного дела в области законотворчества, разделение сфер ответственности между церковными и гражданскими властями, между муниципальными и частными службами организации похорон, накопившиеся противоречия в ведении погребальных процедур — все эти элементы показаны как предпосылки к реформированию похоронной культуры уже после революции. Речь идет о фундаментальных, а не косметических трансформациях, а именно о секуляризации похоронного дела, о выведении похоронных процедур из-под юрисдикции Церкви. В книге приводятся убедительные факты неразрывности многих процессов социального и экономического реформирования похоронного дела. В этом случае (как и во многих других) вклад большевиков в «обновление» погребальной обрядности не стоит преувеличивать.

В то же время медленно и неуклонно разворачивающееся реформирование похоронного дела получает радикальный толчок сразу после Октябрьской революции. Впрочем, этот толчок не ускорил процесс реформ, а, напротив, остановил их, ввергнув в сумятицу разрухи и административного распада первых лет советской власти. Уже к середине 1930-х похоронное дело окончательно «выпадает из системы государственного обеспечения и регулирования» (с. 58). Неудачи нового советского государства в реформировании похоронного дела и даже утрата сложившихся накануне революции более сбалансированных форм секуляризованных похорон — одно из самых любопытных открытий автора.

Интересный сравнительный кейс составляет реформа просвещения, которая проходила в те же 1920-е годы параллельно с новациями в погребальной обрядности. Реформы просвещения также были тесно увязаны с идеями о взращивании «нового человека», как молодого, так и повзрослевшего ([Holmes 1991; Балашов 2003; Новиков 2004] и мн. др.). Трансформации общеобразовательной школы в 1920-е годы выглядели не менее впечатляюще, чем бурное развитие кремационного дела в те же годы. Школьное дело было

реформировано самым радикальным образом: отменены классно-урочная и оценочная система, стабильные учебники, субординация между учениками и учителями, домашние задания; введены бригадный подход и метод проектов и т. д. При этом в момент резкого возврата к исходной точке (см. Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 25 августа 1931 г.) советская школа на всех уровнях организации и быта стремительно вернулась в дореволюционное прошлое: буквально за один-два года была реставрирована классно-урочная система, налажено государственное регулирование школьного дела, предусмотрен муниципальный вклад в обеспечение школьного быта, разработаны и напечатаны стабильные учебники к новой предметной сетке обучения и т. д. Теория «отмирания школы» была признана антиленинской, а обновление советской школы прочно связано с возвращением к дореволюционным нормам и практикам.

Тем временем «отмирание» дореволюционной похоронной культуры состоялось. Действительно, реставрация образовательной системы имперской России была осуществлена в течение нескольких лет в начале 1930-х годов, почему тогда не было аналогичной реставрации в похоронном деле? Если воспитание нового советского ребенка оказалось возможным в старых дореволюционных формах, то почему старые похоронные процедуры оказались неприемлемы к новым советским мертвым телам?

Как полагает Анна Соколова, новые идеи о смерти и новая риторика смертности служили важным вкладом в разрушение трещавшей по швам старой экономической модели похорон: «...для нового человека в том новом мире, который строится после революции, место для смерти было вообще не предусмотрено» (с. 59). Если развить эту идею, то можно предположить, что решающее влияние на аннигиляцию старых форм погребальной обрядности оказала не разрушительная механика реформ 1920-х годов (которым посвящена основная часть монографии), а система идей о смерти, которая как раковая опухоль задушила все худо-бедно функционировавшее похоронное дело 1920-х годов. При этом автор ограничивается самой общей характеристикой этих идей, не вдаваясь в подробности. Тем самым важнейший и интереснейший тезис книги остается без достаточной аргументации.

Социально-утопические проекты 1920-х годов не возникли на пустом месте, они наследовали отечественной интеллектуальной традиции размышлений о смерти и бессмертии, об омоложении и воскрешении мертвых. Автор лишь вскользь пишет о культе здорового тела, приводя в качестве примера дискурс о физкультурниках. Но физкультурники (см. с. 60) — это проект 1930-х годов, а в 1920-е важным концептуальным контекстом было именно преодоление или отдаление смерти, продление срока жизни, которое осуществлялось в медико-физиологических экспериментах (ср. переливание крови в экспериментах А. А. Богданова). Как кажется, включение теорий физического и культурного обновления, широко циркулирующих в кругах Пролеткульта (прежде всего идей А. А. Богданова), равно как и их более отдаленных предшественников (религиозная биотехника Н. Ф. Федорова) позволило бы высветить контексты формирования в широком общественном сознании идеи поправки смерти, отказа признавать ее наличие, преодоления индивидуальной смерти в коллективной памяти. Как пишет Анна Соколова, «...советская утопия полностью исключала наделение смерти не только позитивным, но и каким-либо вообще смыслом» (с. 64). Эта десемантизация смерти и привела к тому, что в 1930-е

годы похоронная культура окончательно редуцировалась и аннигилировалась в общественном городском пространстве: практически «невидимыми» похоронные практики стали тогда, когда вывоз тел начал осуществляться по ночам, а трупы хранили не дома, а в муниципальных моргах. Однако остается неясным, какие концептуальные основания, какие теории смерти/бессмертия легли в основу этого авангардистского проекта по вытеснению смертности.

Впрочем, основным содержанием книги стала все-таки не история идей о смерти, а социальная история похоронных практик. Они детально показаны в самых разных отношениях. Гражданские похороны, сложившиеся во второй половине XIX в., после революции стали экспериментальной площадкой как для выработки ритуального оформления смерти («красные похороны» на традиционных кладбищах), так и для реструктурирования городского пространства за счет появления коллективных и индивидуальных захоронений в общественных пространствах городов (некрополи Марсова поля, Кремлевской стены и т. п.). Поиски новых похоронных форм разнообразны: от захоронения мертвых тел на городских площадях до увлечения идеями кремации. Новомодный способ утилизации трупов, с одной стороны, позволил развивать новые решения с захоронением в Кремлевской стене, а с другой — ставить вопросы о санитарно-гигиенической и экономической выгоде этого способа похорон. Анна Соколова помещает отечественные поиски новой смертной практики в широкий контекст «европейского вектора развития кремации» (с. 260), в том числе и в части создания добровольных кремационных обществ для пропаганды и легитимации этого способа обращения с мертвым телом (с. 261–262). Неуспешность «кремационного проекта» в Советской России автор связывает с отсутствием управленческих и финансовых полномочий у инициаторов и разработчиков проектов первых крематориев, строителей помещений и организаторов технологических процессов. При этом строительство крематориев в Москве и Петрограде/Ленинграде демонстрирует разницу в подходах к вписыванию новых объектов в городскую среду. Если для Москвы важнейшей предпосылкой и установкой создания крематориев была антирелигиозная направленность кремации, и поэтому под крематории приспособляли здания Донского монастыря, то в Петрограде попытки построить крематорий в Александро-Невской лавре не имели успеха, и под крематории приспособлялись малозначительные объекты городской инфраструктуры (бани), либо строительство крематория планировалось осуществить на окраине, а архитектурные проекты становились поводом для самых смелых футуристических фантазий и трансформации городской некрогеографии.

Детально выписанная в книге история архитектурных, экономических и политических решений «кремационного проекта» 1920-х годов, к сожалению, не всегда четко логически выстроена. После обширного раздела о проектах 1919 г. ленинградского Крематориума-Храма (с. 236–242) автор, в другой главе рассматривая новую попытку строительства в 1927 г. крематория в Ленинграде, пишет о том, как ленинградские активисты кремационного дела обратились к москвичам с просьбой о консультации, так как снова собрались осуществить строительство городского крематория (с. 344). Однако как связаны были инициаторы 1919 и 1927 гг., остается неясным. Были ли это разные люди? Дело обустройства городского крематория в Ленинграде не замирало, в 1920 г. был построен пробный крематорий на Камской улице, вскоре законсервированный. В целом не всегда понятно, как устроители тех или иных похоронных инициа-

тив были связаны между собой, и не только в межстоличном диалоге, но и внутри конкретного городского сообщества и властной структуры.

Так, остается неясным, как Общество распространения и развития идей кремации (ОРРИК) было связано с «первым профессиональным объединением работников похоронной сферы» (с. 288), существовала ли преемственность между этими организациями? Профсоюз работников похоронного дела возник в 1905 г., а в Петрограде был еще «союз могильщиков и кладбищенских сторожей» (с. 288), как эти профессиональные организации реагировали на нововведения в похоронном деле? Влились ли бунтовавшие против причета Ваганьковского кладбища в 1914 г. работники оного в новые структуры? Человеческий фактор в какой-то мере учтен: названы имена архитекторов крематориев, инженеров, входивших в комиссии, но нет попытки охарактеризовать связи представителей старого и нового порядка. Пожалуй, при обилии фактов участия тех или иных институций и персон в обустройстве похоронного дела в книге не хватает описания синтагматических связей прежних дореволюционных ведомственных и общественно-профессиональных групп с новыми агентами похоронной инфраструктуры, не хватает развернутых примеров, касающихся профессионалов похоронного труда (или групп профессионалов) и их преемственности или разрыва с предыдущим этапом функционирования похоронного дела. В попытке выстроить повествование вокруг проекта реорганизации собственно творцы оного заслонены в книге институциональными ширмами, а персональные данные скрыты за аббревиатурами архивных источников. Между тем крупные решения и малые затеи на «кладбищенских местах» осуществлялись конкретными людьми, обладавшими определенным социально-возрастным и идеологическим профилем и, соответственно, имевшими свои частные интересы и выгоды. Этой информации на страницах книги мало (та, что есть, распадается на микрокейсы, связать их воедино читателю непросто), а она могла бы «оживить» монументальную картину реформ похоронного дела.

Личностное измерение парадоксальным образом уже к середине 1930-х годов стало определяющим в вопросе, кто был достоин публичной процедуры прощания и поминовения и кому это было недоступно. Ту же идею уже высказывали ранее Н. Б. Лебина и В. С. Измозик, характеризуя проблему «большевики и смерть» (название раздела их монографии [Измозик, Лебина 2010: 49]), что только укрепляет уверенность в том, что тезис, заявленный и в новой монографии Анны Соколовой, надежный. Действительно, сложилась «практика двухуровневых советских похорон» (с. 371), при которой выдающиеся деятели удостоивались величественных похоронных процессий, публичных в масштабе города, и заметного в городском пространстве места упокоения — у Кремлевской стены или на престижных городских кладбищах в черте города. Напротив, похороны рядовых граждан элиминировались из городского публичного пространства, тем самым происходило «вытеснение “рядовой” смерти» (с. 390).

Книга заставляет задуматься о том, что «решение непростых вопросов, связанных с погребением близких родственников, (...) стало важнейшим опытом, сформировавшим современное российское общество не в меньшей степени, чем миллионы смертей насильственных» (с. 26). Только историческая личность имеет право на публичные похороны, массовый советский человек таких прав не имеет. Учитывая полемическую заостренность этого тезиса автора книги, приходится признать, что вытеснение частного

и индивидуального (в том числе и частных похорон) способствовало нормализации антигуманного подхода к (умершему) человеку.

Утопический проект по десемантизации смерти, по выведению частных похоронных практик из поля общественного наблюдения — это «неизбежный путь» (девиз проекта первого крематория в Александро-Невской лавре (И. А. Фомин)) к расчеловечиванию нового советского человека. Отчуждение людей от индивидуальных процедур прощания с умершими и их поминовения может интерпретироваться как часть единого механизма по отчуждению советского человека от ответственности за своих умерших близких и себя, еще живущего.

Литература

- Балашов 2003 — *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Измозик, Лебина 2010 — *Измозик В. С., Лебина Н. Б.* Петербург советский: «новый человек» в старом пространстве. 1920–1930-е годы. СПб.: Крīga, 2010.
- Новиков 2004 — *Новиков С. Т.* Воспитание российской молодежи в первой трети XX в.: концептуальные поиски в социокультурном контексте. Волгоград: Издатель, 2004.
- Holmes 1991 — *Holmes L. E.* The Kremlin and the schoolhouse: Reforming education in Soviet Russia, 1917–1931. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1991.

References

- Balashov, E. M. (2003). *Shkola v rossiiskom obshchestve 1917–1927 gg. Stanovlenie “novogo cheloveka”* [School in Russian society 1917–1927: Formation of the “new man”]. Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Holmes, L. E. (1991). *The Kremlin and the schoolhouse: Reforming education in Soviet Russia, 1917–1931*. Indiana Univ. Press.
- Izmozik, V. S., & Leбина, N. B. (2010). *Peterburg sovetskii: “novyi chelovek” v starom prostanstve. 1920–1930-e gody* [Soviet Petersburg: “The new man” in the old space]. Kriga. (In Russian).
- Novikov, S. T. (2004). *Vospitanie rossiiskoi molodezhi v pervoi treti XX v.: kontseptual’nye poiski v sotsiokul’turnom kontekste* [Education of Russian youth in the first third of the 20th century: Conceptual searches in the socio-cultural context]. Izdatel’. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Светлана Геннадьевна Маслинская
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Институт
русской литературы (Пушкинский Дом)
РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д. 4
Тел.: + 7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com

Information about the author

Svetlana G. Maslinskaya
Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Research Center
for Russian Children’s Literature, Institute
of Russian Literature (Pushkin House),
Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, St. Petersburg, Makarov
Emb., 4
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ braunknopf@gmail.com

Научный журнал
Academic journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

Т. 8. № 3. 2022

Основан в мае 2015 г.

ISSN 2412-9410

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015,
выдано Роскомнадзором

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 19.09.2022

Формат 70×100/16

Объем 24 а. л.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС